

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ

В.П. Мотрович

**ВОПРОСЫ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ УРАЛА**

Екатеринбург
Издательство УрГСХА
2008

ББК 63.3(2)7(235.55)

Мотревич В.П.

М 85 Вопросы социально-экономической истории Урала. Избранные статьи и выступления. — Екатеринбург : изд-во УрГСХА — 492 с.

ISBN 978-5-87203-195-6

В книге уральского историка, доктора исторических наук, профессора В.П. Мотревича представлена только часть его трудов — это публикации «мелких форм». Среди них — рассеянные в многочисленных, обычно издаваемых небольшими тиражами сборниках и журналах, и представляющие научную ценность статьи, интервью, а также выступления на научных конференциях. Опубликованные в России, а также на территории ряда стран СНГ, они часто мало известны и практически недоступны читателям. В их основе — крупный массив документальных материалов, выявленных автором в архивах разного уровня и впервые введенных им в научный оборот. Публикуемые работы даны в сокращении.

Книга позволит расширить и углубить существующие представления о многих сторонах социально-экономического развития региона и будет полезна всем интересующимся историей Урала и России.

Ответственный редактор —
проректор Уральской государственной сельскохозяйственной академии
доктор юридических наук, профессор Б. А. Воронин

Рекомендовано к изданию Ученым Советом
Уральской государственной сельскохозяйственной академии

ISBN 978-5-87203-195-6

© Мотревич В.П., 2008
© УрГСХА, 2008

Предисловие

В современном обществе в последние годы возрастает интерес к истории России, особенно к событиям советского периода. В предлагаемой вниманию читателей книге помещены статьи и выступления доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой истории Уральской государственной сельскохозяйственной академии В.П. Мотревича. Будучи собранными вместе, вошедшие в книгу публикации сгруппированы в ряд тематических блоков.

Наиболее крупный из них посвящен аграрной истории региона в 1940–1950-е гг. Автор впервые ввел в научный оборот массив сельскохозяйственной статистики, полученный им в результате обработки сводных годовых отчетов, колхозов, совхозов, МТС, подсобных хозяйств предприятий организаций и учреждений. Это позволило всесторонне охарактеризовать развитие сельского хозяйства на Урале в исследуемый период. Полученные автором научные результаты свидетельствуют о том, что сложившаяся в аграрном секторе народного хозяйства СССР административно-командная система использовалась в целях внеэкономического и экономического давления на крестьянство, способствовала перекачиванию материальных и людских ресурсов из деревни в город. Колхозы фактически были превращены в государственные предприятия с принудительным низкооплачиваемым трудом.

Много внимания уделено изучению происходившим в те годы на Урале социально-демографическим процессам. Среди них — сельскохозяйственное переселение на Урал, национальный, социальный и конфессиональный состав его населения, трудовые ресурсы сельскохозяйственных предприятий и др.

Часть собранных в книге работ посвящена проводившимся в СССР репрессиям, деятельности в те годы органов НКВД — МГБ, а также находившимся в Уральском регионе различным категориям спецконтингента — трудармейцам, спецпоселенцам, репатриантам. Особенностью данных публикаций является их высокое гуманистическое звучание, позволившее сохранить память жертв политических репрессий. Значительное

место среди научных интересов профессора В.П. Мотревича занимает проблема военнопленных Второй мировой войны. Особенность его публикаций по данной проблеме — их практическая направленность. Автор, в частности, показывает применяемые им методики проведения поисковых, эксгумационных и благоустроительных работ на местах захоронения военнопленных. Данные публикации характеризует солидная и принципиально новая источниковая база. Она была сформирована В.П. Мотревичем на основе многолетнего изучения материалов спецхранов многих центральных и местных архивохранилищ, а также фондов ведомственных архивов, МВД и ФСБ в первую очередь.

Немалый интерес представляют и работы, посвященные материально-бытовому положению проживающих на Урале людей — горожан, эвакуированных, спецпереселенцев, военнопленных. Использование такого богатого источника, как бюджеты колхозников, позволили многопланово рассмотреть уровень жизни сельчан в военные и послевоенные годы.

В целом, собранные в издании публикации во многом положили начало системному изучению целого ряда неисследованных проблем аграрной и демографической истории Урала, получивших дальнейшее развитие в трудах молодых исследователей, в том числе и учеников Владимира Павловича.

А.Н. Сёмин, ректор УрГСХА, член-корреспондент РАСХН

**В.П. Мотревич — исследователь
социально-экономической истории Урала XX в.**

Доктор исторических наук, профессор В.П. Мотревич — известный ученый в области истории Урала, автор и соавтор многих обобщающих трудов, многочисленных статей, посвященных демографической и аграрной истории региона.

Владимир Павлович Мотревич родился 14 октября 1952 г. в г. Полоцке Полоцкой (ныне Витебской) области Белоруссии в семье военнослужащего. В 1950—1960-е гг. его семья неоднократно меняла места жительства в военных гарнизонах и проживала в Белоруссии и ГДР; затем на Украине — в г. Одессе, Нежине, Кременчуге, Днепропетровске, а в 1965—1970 гг. — снова в ГДР. Всего за годы обучения ему пришлось сменить семь средних школ.

В 1970 г. В.П. Мотревич приехал в г. Свердловск и поступил на исторический факультет Уральского госуниверситета. Много занимался общественной работой. Был членом студкомов в студенческих общежитиях, членом студенческого профкома исторического факультета. Ежегодно в составе студенческих отрядов выезжал на уборку урожая в подшефный совхоз в Красноуфимском районе.

Все годы обучения в университете он специализировался по кафедре истории Древнего мира и Средних веков, которой в то время руководил профессор М.Я. Сюзюмов. Во время летних каникул работал в Крымской археологической экспедиции под руководством доцента (ныне профессора) А.И. Романчук. Музейную и преддипломную практики проходил в музеях и библиотеках г. Ленинграда. На основе собранных данных и сделанных переводов античных авторов им был выполнен и успешно защищен дипломный проект на тему «Социальные движения в Западных провинциях Поздней Римской империи» (научный руководитель — доцент Н.Н. Белова, рецензент — профессор Н.А. Бортник).

После окончания Уральского госуниверситета В.П. Мотревич по распределению был направлен работать в среднюю школу № 145 Кировского района г. Свердловска. Работая в школе, преподавал в 4—10-х классах историю, вел обществоведение и основы советского права. Для учащихся старших классов про-

водил факультатив по истории войн и военного искусства. В 1976 г. сделал свой первый выпуск десятых классов, среди них был и 10«А», в котором В.П. Мотревич был классным руководителем. В последующие годы им были сделаны еще три выпуска десятых классов. Все годы работы в средней школе являлся секретарем комсомольской организации учителей и пропагандистом школы, за умелую постановку учебно-воспитательного процесса неоднократно награждался почетными грамотами.

В 1977 г. Владимир Павлович стал соискателем в Уральском государственном университете, сдал кандидатские экзамены, и в 1979 г. поступил в аспирантуру на кафедру истории советского общества УрГУ (заведующий кафедрой — доцент В.А. Саматов) по специальности 07.00.02. — «История СССР». Его научным руководителем стал профессор, заслуженный деятель науки РСФСР И.Ф. Плотников. В 1983 г. В.П. Мотревич успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук в Пермском госуниверситете. В диссертационной работе Владимир Павлович исследовал производственную деятельность уральского крестьянства, его материально-бытовое положение в условиях Великой Отечественной войны. В целом на материалах Урала ему удалось показать цену, которую заплатили крестьяне за Победу в Великой Отечественной войне.

После двух лет обучения в очной аспирантуре, В.П. Мотревич был приглашен на работу в отдел истории Института экономики УНЦ АН СССР, в сектор истории народного хозяйства на должность младшего научного сотрудника. Отделом истории с момента создания и до образования на его основе Института истории и археологии УрО РАН руководил профессор, заслуженный деятель науки РСФСР А.В. Бакунин. Работал в секторе истории народного хозяйства, а затем в секторе истории крестьянства и сельского хозяйства (зав. сектором — профессор Р.П. Толмачева), младшим, а с 1986 г. — старшим научным сотрудником. Участвовал в написании и редактировании тематических сборников научных трудов, препринтов и коллективных монографий, подготовке и проведении ряда научных конференций. В качестве ученого секретаря оргкомитета принимал участие в подготовке научной конференции «Урал и проблемы региональной историографии, Сверд-

ловск, 1986» и XXIII сессии Всесоюзного аграрного симпозиума (Свердловск, 1991). В 1990—1991 гг. являлся заведующим сектором аграрной истории ИИиА УрО РАН.

Одновременно с работой в системе Академии Наук Владимир Павлович преподавал различные дисциплины в вузах г. Свердловска. В 1984—1987 гг. читал курс «История экономики» в Свердловском институте народного хозяйства, в 1988—1991 гг. вел спецкурсы «Исторический опыт аграрного освоения Урала» и «Материально-бытовое положение населения России» для студентов исторического факультета УрГУ, специализирующихся по кафедре истории советского общества.

В 1991 г. он поступил в докторантуру Уральского государственного университета, по кафедре методологии истории и в 1993 г. успешно защитил докторскую диссертацию, посвященную развитию сельского хозяйства на Урале в военные и первые послевоенные годы. Работая над темой диссертации, Владимир Павлович, одним из первых исследователей получил доступ к документам Всесоюзных переписей населения СССР 1937 и 1939 гг., часть из них он впервые ввел в научный оборот. Именно тогда его заинтересовали демографические процессы, что затем проявилось в появлении целого ряда серьезных научных публикаций. Именно в эти годы его привлекли вопросы, связанные с пребыванием на территории Урала военнопленных, интернированных и репатриированных граждан, их судьбы и роль в развитии экономики региона. Это нашло в дальнейшем интересное преломление не только в личной научной судьбе ученого, но и в его гражданской позиции. Многолетняя работа в «Военных мемориалах», выявление и обустройство на Урале кладбищ военнопленных времен Первой и Второй мировых войн, научная деятельность Владимира Павловича и его многочисленных аспирантов заслужили восхищение научной общественности.

После защиты докторской диссертации В.П. Мотревич начал работать на образованной в том же году кафедре этнологии и специальных исторических дисциплин УрГУ и углубленно занялся исторической демографией. В последующие годы он разработал учебный курс «Историческая демография», выпустил соответствующее учебное пособие. Таким образом, Уральский госуниверситет стал одним из первых вузов РФ, в которых преподается данный курс. Для студентов историчес-

кого факультета он разработал курс «История экономики», а также различные спецкурсы («Уровень жизни населения», «Политические репрессии в СССР», «Историческая география» и др.). Во время летних отпусков на протяжении 10 полевых сезонов работал в составе Крымской археологической экспедиции в г. Севастополе (Херсонесский заповедник).

Помимо преподавательской работы в Уральском государственном университете, в 1991—2005 гг. В.П. Мотревич преподавал курс «История экономики» на коммерческом факультете Гуманитарного университета. В 2003 г. перешел на работу в Уральскую государственную юридическую академию, где ведет курс истории отечественного государства и права, а в начале 2007 г. был избран заведующим кафедрой истории Уральской государственной сельскохозяйственной академии. Одновременно в качестве профессора-совместителя по-прежнему читает курс исторической демографии в Уральском государственном университете.

Владимир Павлович Мотревич — автор более 250 научных и научно-методических работ, посвященных различным аспектам аграрной и демографической истории Урала. Среди них три авторские монографии, а также учебные пособия по исторической демографии и экономической истории России. Он соавтор пяти научных монографий, а также шести учебников и учебных пособий по истории России и истории Урала для высшей и средней школы. Его работы опубликованы в ряде зарубежных стран, в Австрии, Израиле, Украине, Эстонии.

Владимир Павлович участвовал в работе многих десятков научных конференций, в том числе международных и зарубежных. Член редколлегии ряда научных изданий, в том числе областной Книги Памяти. Является членом Свердловской областной комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий и членом рабочей группы правительства Свердловской области по выявлению мест захоронений репрессированных советских граждан и военнопленных Второй мировой войны. В.П. Мотревич участвовал в подготовке ряда нормативных документов по данной проблеме как в Свердловской области, так и в других субъектах Российской Федерации.

В 1991—1994 гг. профессор В.П. Мотревич осуществлял реализацию «Соглашения о культурном сотрудничестве между

Эстонской Республикой и Свердловской областью». Итог его работы — выявление архивных материалов, касающихся высших государственных деятелей Эстонии и составление списков погибших на Среднем Урале репрессированных граждан этой страны.

В эти же годы он много занимался проблемой иностранных воинских захоронений времен Первой мировой войны. В результате произведенного им обследования территории Уральского региона были обнаружены сохранившиеся захоронения военнопленных Первой мировой войны в г. Нижняя Салда, Серов, Слободской, Топк др. В настоящее время на одном из них (г. Екатеринбург, Сибирский тракт) Австрийской Республикой установлен памятный знак.

С начала 1990-х гг. Владимир Павлович занимался выполнением международных соглашений Российской Федерации с рядом иностранных государств (Венгрия, Германия, Италия, Финляндия, Япония) в части выявления, благоустройства, и обеспечения ухода за иностранными воинскими захоронениями на территории Уральского региона. Одновременно с работой в Уральском государственном университете в 1993—1999 гг. он являлся представителем ассоциации «Военные мемориалы» Министерства обороны РФ в Уральском регионе. На основании выявленных им архивных материалов обнаружил на территории Уральского и Западносибирского регионов (Кировская, Курганская, Новосибирская, Оренбургская, Пермская, Свердловская, Тюменская, Челябинская области и Удмуртия) свыше 200 неизвестных иностранных воинских кладбищ периода Второй мировой войны.

Им были предприняты меры по обеспечению сохранности иностранных воинских кладбищ, а также проводились необходимые согласования с заинтересованными организациями, осуществлялось руководство и контроль за благоустроительными работами на 57 из них. В 1995 г. профессор В.П. Мотревич производил эксгумацию останков военнослужащих японской армии в г. Нижнем Тагиле Свердловской области. В 1997 гг. руководил эксгумационными работами по перезахоронению останков военнослужащих японской армии в г. Медногорске Оренбургской области, а в 1998—1999 гг. осуществлял перезахоронение останков военнослужащих венгерской армии в Новолялинском районе Свердловской области.

В настоящее время В.П. Мотревич является региональным представителем уполномоченной правительством ФРГ организации — Народного Союза Германии по уходу за воинскими захоронениями, занимаясь проведением всего комплекса работ в этом направлении (выявление, благоустройство, обеспечение сохранности и уход, проведение эксгумации, консультативная помощь родственникам погибших на Урале иностранных граждан и др.).

Неоднократно приглашался за рубеж (Эстония — 1991 г.; Украина — 1991, 2005–2007 гг.; Германия — 1992–1994, 2002 гг.; Австрия — 2002 г.) для участия в мероприятиях, посвященных окончанию Второй мировой войны, и выступления с докладами о состоянии иностранных воинских захоронений и захоронений репрессированных граждан в РФ. В 1996 г. получил грант Института «Открытое общество» для чтения курса лекций по исторической демографии на Украине, в 1997 г. его исследовательский проект «Миграция еврейского населения на Урал в период тоталитаризма» стал победителем Всероссийского конкурса грантов по фундаментальным исследованиям в области гуманитарных наук.

В 1986 г. В.П. Мотревич проходил полугодовую стажировку в Институте истории СССР АН СССР в г. Москве, в 1998 г. находился на стажировке в университете г. Аугсбурга (Германия), в 2006 г., повышал квалификацию в Московской государственной юридической академии. В 1998 г. был избран действительным членом Международной академии наук о природе и обществе, в 1999 г. — академиком Военно-исторической академии.

За большую общественную работу Владимир Павлович неоднократно награждался международными и российскими наградами. Так, в 1999 г. министерством культуры Финляндской Республики В.П. Мотревичу вручена медаль Топелиуса Цакариаса, в 2002 г. австрийская организация «Черный крест» наградила его орденом «Большой почетный знак». Он также был награжден почетными грамотами правительства Свердловской области, губернатора Свердловской области и департамента по делам молодежи Свердловской области, Почетным знаком РАЕН «За заслуги в развитии науки и экономики». В 2003 г. решением РАЕН был удостоен негосударственного ордена «За пользу Отечеству» им. В.Н. Татищева. В 2006 г. награжден юбилейной медалью 25-летия Союза ветеранов-фронтовиков Финляндской Республики.

Профессор В.П. Мотревич поддерживает регулярные научные связи с Институтом Отечественной истории РАН (г. Москва), ИИиА УрО РАН (г. Екатеринбург), Институтом им. Людвиг-Больцмана по изучению последствий войн (г. Вена), Челябинским агроинженерным университетом, а также занимающимися воинскими захоронениями в РФ государственными структурами и общественными организациями за рубежом: министерством здравоохранения Японии, австрийской организацией «Черный крест», обществом по сохранению памяти жертв войны в Финляндии, рабочей группой правительства Республики Эстония по выявлению мест захоронения репрессированных граждан и увековечению их памяти, службой поиска военнослужащих германской армии и др.

С 1995 г. он является членом специализированного совета по защите докторских диссертаций в УрГУ, регулярно оппонирует диссертации по историческим и юридическим специальностям. Значителен его вклад в подготовку научных кадров высшей квалификации. В Уральском госуниверситете он ведет аспирантуру. Под его руководством подготовлено девять кандидатов наук. Член редколлегии ряда научных изданий, в том числе многотомной Свердловской областной книги памяти и Российского юридического журнала.

Профессор В.П. Мотревич — прекрасный педагог. Многие тысячи студентов, получили фундаментальное образование на его лекциях и семинарах. Он заслуженно пользуется большим уважением как студентов, так и коллег по работе. Это высоко эрудированный и мобильный ученый, уже внесший существенный вклад в развитие исторической науки на Урале и широко известный за рубежом. Сейчас он находится на пике научной формы, и мы вправе ждать от него новых свершений.

Декан факультета
Гуманитарного образования
УГТУ–УПИ, доктор исторических наук,
профессор В.В. Запартый

Заведующий кафедрой истории
государства и права УрГЮА,
доктор юридических наук,
профессор А.С. Смыкалин

І. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Общественно-политическая жизнь уральской советской деревни в современной исторической литературе

Строительство коммунизма в СССР выдвигает задачу формирования «всесторонне развитых и всесторонне подготовленных людей» [1]. Это особенно важно при выполнении грандиозных задач, поставленных XXVI съездом партии, пленумами ЦК КПСС перед всем советским народом, в том числе перед тружениками сельского хозяйства. В современных условиях проявляется объективная потребность в увеличении на селе числа грамотных, знающих свое дело работников, способных научно, исходя из требований партии и правительства, руководить социально-экономическими и социально-политическими процессами в деревне. Поэтому необходимы активизация общественно-политической жизни современной деревни, возрастание социальной активности ее тружеников в условиях создания и успешного функционирования агропромышленных комплексов и выполнения Продовольственной программы СССР.

Уралу уделяется большое внимание в решениях партии и правительства по сельскому хозяйству, в том числе и в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» (20 марта 1974 г.) [2]. В регионе разработана обширная социальная программа, социальные проблемы села решаются в числе первоочередных. В связи с этим выросла руководящая роль партийных организаций, Советов, повысилась организаторская и массово-политическая работа комсомола, профсоюзов и других общественных организаций. Их деятельность направлена на идейно-политическое сплочение трудящихся, воспитание их в духе патриотизма и социалистического интернационализма. В результате общественно-политической и трудовой активности сельских тружеников успеш-

* Ранее опубликовано в кн. : *Общественно-политическая жизнь уральской советской деревни.* — Свердловск : Изд-во УНЦАН СССР, 1985. — С. 3—15 (в соавторстве с Г.Е. Корниловым и Р.П. Толмачевой).

но выполняются задания партии по подъему сельского хозяйства, росту экономического могущества социалистической Родины, укреплению ее обороноспособности.

Воплощению аграрной политики в жизнь тружениками уральского села способствует изучение исторического опыта деятельности Коммунистической партии, Советов, комсомольских, профсоюзных организаций на разных этапах истории советского общества. Анализ в ретроспективе этого опыта помогает нам разоблачать буржуазных фальсификаторов, искажающих или замалчивающих достижения советских людей на пути строительства социализма.

Из большого количества исторической литературы, отражающей различные стороны общественно-политической жизни уральской советской деревни, остановимся на исследованиях, появившихся в последние 20 лет. Краткий анализ их позволяет в определенной степени раскрыть тенденции возрастающего влияния общественных организаций в жизни общества. Повышение социальной активности тружеников деревни в 1960–1980-е годы характеризуется расширением исследований этой проблемы применительно к различным этапам социалистического строительства в стране. В эти годы на Урале продолжалась работа по сбору и публикации документов и материалов местных архивов, были опубликованы очерки истории областных партийных организаций, областей и республик Урала, в которых введен в оборот значительный фактический материал по теме [3].

Историки, изучающие проблему, анализируют деятельность Коммунистической партии, Советов, комсомола, профсоюзов и других массовых организаций, трудовых коллективов, участие в них работников сельского хозяйства, всесторонне исследуют развитие и проявление социалистической демократии, рост социалистической сознательности и политической активности колхозников и сельскохозяйственных рабочих [4]. Аналогичный подход содержится в работах социологов. Исследование общественно-политической активности трудящихся методологически неправомерно вне изучения организаций, в рамках и под воздействием которых она проявляется и развивается, без учета их количественного и качественного состава, особенностей стоящих перед ними целей и задач, опыта их деятельности, традиций и норм внутриорганизационной жизни [5].

Возрастание руководящей роли КПСС является важнейшей закономерностью развития социалистического общества. Вопросы деятельности сельских партийных организаций Урала давно привлекают внимание исследователей. Историки показывают глубокие изменения в организационном построении, формах и методах работы сельских парторганizations. В монографиях З.А. Аминева, И.С. Капцуговича, Н.К. Лисовского, статьях Л.Ф. Малафеева, В.Н. Никитина рассматриваются вопросы создания и функционирования сельских парторганizations Урала в период упрочения советской власти, расширения их влияния на крестьянство. В.П. Половинко определил численность первых большевистских ячеек на селе в 1917–1918 гг. [6].

Интенсивно изучалась деятельность парторганizations села в восстановительный период. В.П. Анистратенко, В.П. Гуров, В.М. Куликов, Л.П. Сашенкова ввели в научный оборот значительный фактический материал, проанализировали количественный рост и качественный состав сельских коммунистов, исследовали новые формы и методы деятельности сельских парторганizations в условиях нэпа, показали широкое привлечение трудящихся масс деревни к работе большевистских организаций [7].

Создание и укрепление Советов крестьянских депутатов, работа большевиков по руководству советским строительством в уральской деревне в первые годы Советской власти отражены в работах Л.И. Голобородкиной, Л.В. Катаева, Г.В. Пожидаевой [8]. А.А. Петерюхин показывает работу Советов в уральской деревне в восстановительный период, исследует изменение партийной политики, совершенствование политической и организационной работы на селе [9]. В последнее время вышло свыше десяти статей И.Е. Плотникова, в которых отражена деятельность местных Советов Урала во второй половине 1920-х гг., их роль в подготовке коллективизации сельского хозяйства, проанализирована работа партийных организаций по укреплению сельских Советов [10].

Работа земельных комитетов и крестьянских комитетов бедноты первых лет советской власти нашла отражение в публикациях Л.А. Евдокимова, В.Н. Никитина, Т.С. Томшич, Д.М. Шнейдера [11].

Ряд авторов исследуют деятельность в 1920-е гг. такой массовой общественной организации крестьянства, как крестьянские комитеты общественной взаимопомощи [12]. Работа

ККРВ способствовала углублению и расширению помощи бедноте, мобилизации трудящегося крестьянства на переход к социалистическим формам хозяйствования.

Значительную работу по вовлечению тружеников в общественно-политическую жизнь, социалистическому переустройству деревни проводил Всероссийский профсоюз работников земли и леса (Всеработземлес). Важным направлением в деятельности профсоюза была защита интересов батраков. Работа этой организации на уральском материале исследовалась В.Б. Цыгановым [13].

Одним из проявлений общественно-политической активности крестьянства было его участие в сельскохозяйственной кооперации. В работах Р.В. Кондратьевой, Г.В. Мордвинцева, Р.П. Толмачевой показана роль кооперативных организаций в переводе сельского хозяйства края на коллективные формы хозяйствования, в формировании коллективистской психологии крестьянства [14].

Таким образом, анализ работ историков свидетельствует, что некоторые проблемы общественно-политической жизни уральской доколхозной деревни нашли отражение в литературе: это деятельность и роль партийных, советских и массовых организаций, вовлечение в них трудящегося крестьянства, участие тружеников деревни в классовой борьбе и их политическое воспитание. В меньшей степени в исследованиях уральских историков отражены вопросы общественно-политической активности крестьянства: вовлечение крестьян в партию, в комсомол, в работу комиссий местных Советов, т. е. степень участия крестьянства в работе общественных организаций села.

Значительный интерес у исследователей истории Урала вызвал период социалистического переустройства деревни. Коллективизация сельского хозяйства означала коренной перелом в жизни крестьянства. С победой колхозного строя общественно-политическая активность крестьянства поднялась на качественно новую ступень. Сельские труженики активно участвовали в социалистическом строительстве. В работах Н.В. Ефременкова нашли отражение различные аспекты жизни уральского села, в том числе деятельность партийных и комсомольских организаций, Советов, их место и роль в социалистическом переустройстве деревни [15].

Вопросы укрепления сельских партийных организаций, вовлечения крестьянства в партию, совершенствования структуры деревенских партячеек, улучшения их социального состава, освещения источников пополнения в период массовой коллективизации нашли отражение в публикациях В.В. Кузнецовой, В.М. Куликова, В.А. Швечиковой, В.И. Эндебера [16] и др. Процесс преобразования сельских территориальных партийных организаций в производственные партячейки колхозов, МТС и совхозов показан в работе Р.Н. Пономаревой [17].

Деятельность сельских Советов в период коллективизации, вовлечение тружеников деревни в их работу исследована в статьях М.А. Ивановой, И.Е. Плотникова [18]. После принятия Вторым Всесоюзным съездом колхозников-ударников в 1935 г. нового Устава сельскохозяйственной артели растет роль крестьянства в управлении делами колхозов. М.А. Иванова отразила в исследованиях эту новую черту проявления общественно-политической активности крестьянства [19]. О роли комсомола в активизации работы деревенской молодежи пишет В.В. Кузнецова [20].

Таким образом, положительным моментом исследования периода коллективизации сельского хозяйства Урала, как показывает обзор литературы, является раскрытие целого комплекса проблем, освещение основных тенденций общественно-политической жизни (деятельность и роль партийных, комсомольских и советских организаций). В то же время анализ показывает, что основная часть публикаций написана в историко-партийном плане. В результате состояние и работа партийных организаций деревни изучена глубже, чем сельских Советов и комсомольских организаций.

С полной победой социализма с конца 1930-х гг. общественно-политическая жизнь деревни развивается на основе сложившихся социалистических производственных отношений. Исследований проблемы в период третьей пятилетки в уральской исторической литературе нет.

Среди исследований деятельности общественных организаций, Советов в уральской деревне периода Великой Отечественной войны следует выделить работы Г.Е. Корнилова, В.П. Мозолина, Н.А. Мошкина, А.Г. Наумовой. В них главное внимание уделено изучению руководящей роли партии в развитии сельского хозяйства, анализу хозяйственно-орга-

низаторской работы парторганизаций [21]. В ряде статей показано участие сельских тружеников во всенародном движении в помощь фронту и освобожденным районам [22].

В конце 1970-х гг. появляются первые монографические исследования Р.П. Толмачевой по истории колхозов в послевоенные годы [23]. Отдельные разделы в книгах посвящены общественно-политической активности колхозников, показаны изменения в численности и составе колхозных партийных организаций, работа сельских Советов, комсомольских организаций уральской деревни. Р.П. Толмачева впервые дает комплексную картину развития общественно-политической жизни уральской колхозной деревни. По данному периоду имеются исследования, посвященные работе сельских комсомольских организаций [24].

Особый интерес представляет монография Н.П. Павлова, которая посвящена развитию колхозного крестьянства Удмуртии в 1946—1970 гг. Автор исследует три вида социальной активности: трудовую, общественно-политическую и культурно-познавательную. Привлечен широкий круг источников, раскрыта работа партийных, комсомольских, профсоюзных и других организаций по активизации общественно-политической деятельности крестьянства, развитию колхозной демократии. На основе анализа протоколов общих собраний автор показал широкое участие колхозников в управлении делами сельхозартелей. Результаты социологического обследования позволили выявить возрастающую степень участия колхозников в работе общественных организаций. В частности, Н.П. Павлов отмечает, что развитие сети общественных организаций в колхозной деревне и активное участие колхозников в их работе является одним из показателей зрелости крестьянства как класса и в его лице растущей мощи общественно-политических сил развитого социалистического общества [25].

Литература, освещающая общественно-политическую жизнь уральской деревни периода развитого социализма, представлена публикациями партийных, комсомольских и советских работников Урала, исследованиями о деятельности партийных организаций по активизации общественно-политической жизни села, участием и роли тружеников деревни в Советах и массовых общественных организациях. Работы, написанные партийными, комсомольскими и советскими работ-

никами — участниками событий [26], представляют собой личные впечатления, записки из дневников, воспоминания, содержат богатейший фактический материал. Они являются ценными источниками исторических исследований общественно-политической жизни уральской деревни в условиях развитого социализма.

Проблема подъема сельского хозяйства на этапе развитого социализма исследуется в ряде диссертационных работ. В них деятельность сельских партийных организаций рассматривается в основном в плане руководства сельскохозяйственным производством [27]. Рассматривая общественно-политическую жизнь деревни, авторы останавливаются на вопросах роста и укрепления боеспособности партийных организаций колхозов и совхозов Свердловской области в годы семилетки, раскрывают деятельность партийных комитетов по повышению идейно-политического уровня тружеников села, анализируют формы и методы пропаганды и агитации. В ряде трудов раскрывается роль рабочего класса в политическом воспитании тружеников деревни [28], участие сельской интеллигенции в агитационной работе [29].

Одной из форм проявления общественно-политической активности сельских тружеников является их участие в выборах, работе Советов. Деятельность местных Советов, их постоянных комиссий, депутатских групп и постов нашла отражение в исследованиях [30]. На наш взгляд, авторы подходят к освещению проблемы односторонне. Как правило, показывается увеличение числа колхозников среди депутатов местных Советов. Их инициатива в выдвижении важных вопросов, реализации наказов избирателей освещена недостаточно полно. В условиях общенародного государства осуществляется широкое развитие общественных начал в деятельности Советов, в связи с этим следует шире показывать рост сознательности активистов, их участие в работе постоянных комиссий, депутатских групп.

В современных условиях актуальное значение приобретает изучение и обобщение опыта деятельности сельских профсоюзов, которые являются наиболее массовой организацией работников сельского хозяйства. Впервые на уральском материале исследовала руководство партийных организаций процессом становления и укрепления сельских профорганизаций,

отразила их роль в общественно-политической жизни уральской деревни Т.В. Шпак [31].

Краткий обзор литературы показывает, что в 1960--1980-е гг. достигнуты определенные результаты в изучении общественно-политической жизни уральской советской деревни. В научный оборот введены новые архивные документы. Необходимо отметить, что часть работ историков носит описательный характер. Исследования ограничиваются материалами отдельных областей или республик, обобщенные работы в рамках региона отсутствуют.

Ряд проблем общественно-политической жизни уральской деревни в условиях развитого социализма не нашел отражения в литературе. Это — вопросы развития колхозной демократии, деятельности сельских комсомольских организаций, роль трудовых коллективов в развитии общественно-политической активности колхозников, работников совхозов и агропромышленных комплексов. Нуждается в изучении работа потребительской кооперации, ДОСААФ, спортивных обществ. Назрела необходимость в освещении деятельности добровольных народных дружин, бюро экономического анализа, советов специалистов, механизаторов, ветеранов труда, общественных советов по коммунистическому воспитанию, появившихся на селе в 1960-е гг.

Дальнейшее изучение проблемы необходимо осуществлять на основе расширения источниковой базы. Общественно-политическая жизнь уральской деревни — проблема многоплановая, для ее освещения требуются комплексные исследования историков, философов, социологов и других представителей общественных наук.

Примечания

1. Ленин В.И. ПСС. Т. 41. — С. 33.
2. Решения партии и правительства по хозяйств. вопросам (1973--1975 гг.). — М., 1976. — Т. 10. — С. 120--135.
3. См. : Очерки истории Оренбургской областной орг. КПСС. — Челябинск, 1973; Очерки истории Пермской областной парт. орг. — Пермь, 1971; Очерки истории коммунист. орг. Урала. 1921--1973 гг. Т. 2. — Свердловск, 1974; Очерки истории Курганской областной орг. КПСС. — Челябинск, 1973; Очерки истории Челябинской области. — Челябинск, 1965;

Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 2. — Уфа, 1966; Пермская областная орг. КПСС: 1883—1980 годы: Хроника. — Пермь, 1981; Свердловская область за 50 лет (цифры и факты). — Свердловск, 1984.

4. См.: Зеленин И. Е. Общественно-полит. жизнь советской деревни. 1946—1958 гг. — М., 1978; Он же. Общественно-полит. жизнь советской деревни в период социализма (Некоторые итоги разработки и задачи исследования темы) // История СССР. — 1982. — № 4. — С. 20—34; Панченко П. П. Научные основы развития общественно-полит. жизни села. 1959—1978 (на материалах Украинской ССР). — Киев, 1979; и др.

5. Общественно-полит. активность трудящихся (проблемы методологии, методики и техники социолог. исследования). — Свердловск, 1970. — С. 44.

6. См.: Аминев З. А. Октябрьская социалист. революция и гражданская война в Башкирии (1917—1919 гг.). — Уфа, 1966; Кашпатович И. С. История полит. гибели эсеров на Урале. — Пермь, 1975; Лисовский Н. К. 1917 год на Урале. — Челябинск, 1967; Малафеев Л. Ф. К вопросу о численности парт. орг. Урала в период с октября 1917 до июня 1918 года // В кн.: Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалист. строительства за 50 лет Советской власти. — Свердловск, 1968. — С. 58—63; Никитин В. Н. Укрепление сельских парт. орг. Урала летом и осенью 1918 г. // В кн.: Парт. орг. Урала во главе хозяйств. и культурного строительства — Свердловск, 1974. — С. 3—10; Половинко В. П. Борьба уральских большевиков за осуществление ленинской аграрной программы в первый год пролетарской диктатуры. — Челябинск, 1981; и др.

7. См.: Анистратенко В. П. Укрепление сельских парт. орг. Урала в годы восстановит. периода (1921—1925 гг.) // В кн.: Совершенствование форм и методов парт. руководства пром-стью и сельским хоз-вом (на материалах парт. орг. Урала). — Свердловск, 1974. — С. 3—32; Гуров В. П. Перестройка деятельности сельских парт. орг. Урала применительно к условиям нэпа и повышение их руководящей роли в деревне // В кн.: Из истории парт. орг. Урала периода строительства социализма. — Свердловск, 1972. — С. 24—36; Куликов В. М., Гуров В. П. Рост и качественный состав сельских парт. орг. на Урале в восстановительный период (1921—1925 гг.) // В кн.: Из истории парт. орг. и социалист. строительства на Урале. — Свердловск, 1969. — С. 73—83; Сашенкова Л. П. Идеино-организационное укрепление деревенских парт. орг. Урала (1924—1925 гг.) // Тр. Челяб. ин-та механизации и электрификации сельского хоз-ва. — Челябинск, 1972. — Т. 4. Вып. 70. — С. 41—61; и др.

8. См.: Голобородкина Л. И. Руководство большевиков Урала деятельностью Советов крестьянских депутатов в первый год диктатуры пролетариата. — Челябинск, 1982; Катаев Л. В. Из истории строительства волостных и сельских Советов на Урале (ноябрь 1917 — июль 1918 гг.) // Ученые зап. Уральского гос. ун-та. — Свердловск, 1970. — Вып. 18. — С. 20—37; Пожидаева Г. В. Организация Советской власти весной 1918 г. в Оренбургском казачьем войске // Ученые зап. Уральского гос. ун-та. — Свердловск, 1971. — Вып. 23. — С. 44—51; и др.

9. См.: Петерюхин А. А. Деятельность Уральской областной парт. орг. по оживлению работы Советов в деревне в конце восстановит. периода (1924—1925 гг.). — Свердловск, 1971.

10. См. : Плотников И.Е. К вопросу об укреплении сельских Советов Урала в 1924—1927 годах // В кн. : Вопр. аграрной истории Урала и Западной Сибири. — Курган, 1971. — С. 150—159; Он же. Советы Урала и колхозное строительство (осень 1927 — осень 1928 гг.) // В кн. : Из истории Южного Урала и Зауралья. — Челябинск, 1971. — Вып. 6. — С. 51—66; Он же. Роль Советов в подготовке коллективизации сельского хоз-ва (На материалах Урала). — Челябинск, 1980; и др.

11. См. : Евдокимов Л.А. Деятельность земельных комитетов по проведению первых аграрных преобразований на Урале в ноябре 1917 — марте 1918 года // В кн. : Из истории парт. орг. Урала. — Свердловск, 1973. — Сб. 2. — С. 19—27; Никитин В.Н. Борьба уральских коммунистов за организацию комитетов деревенской бедноты летом и осенью 1918 года // В кн. : Из истории уральских и сибирских парт. орг. — Свердловск, 1973. — Вып. 7. — С. 122—134; Томшич Т.С.

О некоторых особенностях деятельности комбедов на территории Удмуртии // В кн. : Вопр. истории и экономики — Ижевск, 1971. — С. 24—31; Шнейдер Д.М. Из истории крестьянских организаций Башкирии в начальный период аграрной революции (октябрь 1917—1918 гг.) // В кн. : Из истории социалист. строительства в автономных республиках РСФСР. — Уфа, 1975. — С. 5—36; и др.

12. См. : Гуров В.П. Деятельность парторг. Урала по усилению роли ККОВ в повышении обществ. активности крестьянства (1921—1925 гг.) // В кн. : Вопр. эконом. истории и истории эконом. учений. — Свердловск, 1972. — С. 42—49; Сашенкова Л.П. Работа парт. орг. Урала по укреплению и развитию крестьянских обществ взаимопомощи в 1924—1925 годах // В кн. : Из истории Октябрьской социалист. революции и социалист. строительства на Урале. — Свердловск, 1960. — С. 66—68.

13. См. : Цыганов В.Б. Деятельность профсоюза сельских и лесных рабочих СССР среди уральского батрачества (1925—1926 гг.) // В кн. : Из истории социалист. строительства на Урале. — Свердловск, 1975. — С. 3—10; Он же. История уральского батрачества (1921—1929 гг.). — Свердловск, 1973.

14. См. : Кондратьева Р.В. Мероприятия партийных и советских органов Урала по вовлечению крестьянства в с.-х. кооперативы в 1921—1923 годах // В кн. : Из истории парт. орг. Урала. Сб. 2. — С. 36—44; Мордвинцев Г.В. Партийное руководство кооперативным движением в Башкирии (1921—1925 гг.) // В кн. : Аграрная политика Коммунистической партии и Советского правительства в период восстановления нар. хоз-ва (1921—1925 гг.). — Ярославль, 1979. — С. 122—138; Толмачева Р.П. К истории с.-х. кооперации на Урале // В кн. : В помощь краеведу. — Свердловск, 1966. — С. 111—118; и др.

15. См. : Ефременков Н.В. Колхозное строительство на Урале в 1917—1930 гг. // В кн. : Из истории коллективизации сельского хоз-ва Урала. — Свердловск, 1966. — Сб. 1. — С. 3—131; Он же. Колхозное строительство на Урале в 1931—1932 гг. // В кн. : Из истории коллективизации сельского хоз-ва Урала. — Свердловск, 1968. — Сб. 2. — С. 3—87; и др.

16. См. : Куликов В.М., Швечикова В.А. Рост и улучшение качественного состава рядов Уральской областной парт. орг. в 1926—1932 гг. // В кн. : Из истории парт. орг. Урала. — Свердловск, 1973. — Сб. 1. — С. 76—91; Кузнецова В.В. Проверка, чистка и укрепление деревенских парт. орг.

как один из факторов повышения их роли в колхозном строительстве на Урале в 1929–1930 году // В кн. : Совершенствование форм и методов парт. руководства пром-стью и сельским хоз-вом (на материалах парт. орг. Урала). — Свердловск, 1973. — С. 122–131; Эндеберя В.И. Рост и укрепление качественного состава деревенских парт. орг. Урала (1927/28–1929/30 гг.) // Сб. ученых тр. Свердл. юридич. ин-та. — Свердловск, 1973. — Вып. 32. — С. 174–183; и др.

17. См. : Пономарева Р. Н. Некоторые вопросы перестройки работы парт. орг. в зауральской деревне в 1931–1932 гг. // В кн. : Из истории коллективизации сельского хоз-ва Урала. — Свердловск, 1968. — Сб. 2. — С. 130–138.

18. См. : Иванова М.А. Об особенностях завершающей фазы классовой борьбы в уральской деревне (1932–1934 гг.) // В кн. : Из истории крестьянства Европейского Севера, Верхнего Поволжья и Урала в период Великой Октябрьской социалист. революции и победы социализма в СССР (1917–1937 гг.). — Киров, 1970. — С. 155–159; Плотников И.Е. Роль местных Советов Урала в обеспечении нового подъема колхозного движения (осень 1930 — весна 1931 гг.) // В кн. : Вопр. истории Урала. — Свердловск, 1965. — Вып. 6. — С. 144–158; Плотников И.Е., Пономарева Р.Н. Сельские Советы Урала в конце первой пятилетки // В кн. : Проведение аграрной политики Советской власти в Зауралье. — Челябинск, 1976. — С. 19–33; и др.

19. См. : Иванова М.А. Парт. орг. Урала в борьбе за укрепление колхозов (1935–1937 гг.) // В кн. : Из истории парт. орг. Урала. — Пермь, 1967. — С. 139–152; Она же. Завершение коллективизации крестьянских хоз-в на Урале (1932–1937 гг.) // Ученые зап. Перм. ун-та. — Пермь, 1970. — Вып. 1. — С. 229–312; и др.

20. См. : Кузнецова В.В. Роль комсомола Урала в колхозном строительстве (1929–1932 гг.) // В кн. : Борьба партийных организаций Урала за закрепление завоеваний Октябрьской революции и построение социализма. — Свердловск, 1976. — С. 134–142; Она же. Перестройка деревенских комсомольских организаций Урала в период проведения коллективизации сельского хоз-ва (1929–1932 гг.) // Тр. Тюмен. ун-та. — Тюмень, 1975. — Т. 17. — С. 24–31.

21. См. : Корнилов Г.Е. Коммунисты во главе трудового подвига колхозного крестьянства Урала в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). — Челябинск, 1981; Мозолин В.П. Коммунисты — организаторы трудового подвига трудящихся Урала в годы Великой Отечественной войны // В кн. : Социально-полит. и эконом. развитие советской деревни. — Ярославль, 1979. — Вып. 3. — С. 63–70; Мошкин Н.А. — Во имя победы : Коммунисты Удмуртии — организаторы трудового подъема в годы Великой Отечественной войны. — Ижевск, 1968; Наумова А.Г. Пермская парт. орг. в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). — Пермь, 1960; Она же. Парт. руководство сельским хоз-вом Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Ученые зап. Перм. пед. ин-та. — Пермь, 1968. — Т. 51. — С. 65–100; и др.

22. Коммунисты Урала во главе шефства над Краснодарским краем, Ростовской и Курской областями (1943—1945 гг.) // Ученые зап. Перм. ун-та. — Пермь, 1965. — Т. 133. — С. 188—203; Наумова А.Г. Колхозное крестьянство Урала — армии и тылу // Советский тыл в Великой Отечественной войне. Книга вторая. — М., 1974. — С. 287—292; Она же. Участие колхозного крестьянства Урала во всенародном движении помощи фронту // В кн. : Коммунистическая партия — организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне. — Петрозаводск, 1981. — С. 128—134; и др.
23. Толмачева Р.П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946—1950 гг.). — Томск, 1979; Она же. Колхозы Урала в 50-е гг. — Томск, 1981.
24. См. : Подливалов В.В. Ленинский комсомол — помощник партии в коммунистич. воспитании сельской молодежи в 1953—1958 гг. — Пермь, 1973; Он же. Деятельность комсомольских орг. по повышению культурно-технич. уровня сельской молодежи в 1953—1958 годы // В кн. : Вопр. истории КПСС. — Челябинск, 1972. — Вып. 6. — С. 119—141; и др.
25. Павлов Н.П. Крестьянство Удмуртии, 1946—1970. Историко-социол. очерки. — Ижевск, 1975. — С. 190.
26. Аминев А.Г. Земля и люди. — Уфа, 1971; Дудкин Н.М. Рубежи уральского села. — Свердловск, 1976; Князев Ф.К. Правофланговые десятой пятилетки. — Челябинск, 1978; Коваленко А.В. Хлеб Оренбуржья. — М., 1977; Он же. Гвардии земледельцы : Зап. секретаря обкома партии. — М., 1980; Коношлев Б.В. Прикамье — земля советская. — Пермь, 1971; Соколов Л.А. Советы в Удмуртии. — Ижевск, 1971; Тухватулина Г.К. Молодежь Башкирии на переднем крае. — Уфа, 1963; и др.
27. Ветлугин И.М. Деятельность парт. орг. Свердловской области по развитию сельского хоз-ва в годы семилетки (1959—1965 гг.). — Свердловск, 1965; Подкин В.П. Деятельность парт. орг. Свердловской области по созданию материальных предпосылок для сближения культурно-бытовых условий города и деревни (1959—1965). — Свердловск, 1965; Зверев Е.П. КПСС — организатор шефства города над селом в годы семилетки (на материалах Свердловской области). — Свердловск, 1971; и др.
28. См. : Форстман Г.В. Дело всей партии, всего народа : Из опыта шефства города над селом. — Челябинск, 1963.
29. Прокопьева Э.Т. Сельская интеллигенция — верный помощник партии в агитационной работе (1961—1965 гг.) // В кн. : Деятельность парт. орг. Урала по развитию социалист. культуры. — Свердловск, 1972. — С. 93—104.
30. Абдрахманов Б.А., Сафаров Т.А. Активные отряды местных Советов : Из опыта работы постоянных комиссий местных Советов депутатов трудящихся Башкирской АССР. — Уфа, 1972; Копысов Ю.И. Роль Советов в развитии общественно-полит. активности сельских тружеников // В кн. : Главное направление : Из опыта идеол. работы парт. орг. Удмуртии. — Ижевск, 1976. — С. 174—191; и др.
31. См. : Шпак Т.В. Парт. руководство деятельностью сельских профсоюзных орг. Урала в годы восьмой пятилетки (1966—1970). — Пермь, 1981; Она же. Деятельность профсоюзных орг. Урала по развитию трудовой активности тружеников села в период между XXIII и XXIV съездами партии // Сб. науч. тр. Ташкент. ун-та. — Ташкент, 1981. — С. 195—198; и др.

Новая советская литература о совхозах Урала в условиях социализма *

Социалистическая система сельского хозяйства, утвердившаяся в нашей стране, развивается в двух основных формах — государственных предприятий (совхозов) и кооперативных объединений крестьян (колхозов). При этом совхозы занимают особое место в сельском хозяйстве как социалистические сельскохозяйственные предприятия, основанные на общенародной форме собственности. Поэтому проблема развития советских хозяйств относится к числу наиболее важных в историографии советской деревни. Она связана с раскрытием закономерностей роста той формы организации сельского хозяйства СССР, которая играет все возрастающую роль в экономической и социально-политической жизни села. «Совхозы, — говорится в Программе КПСС, — призваны служить для колхозов образцом передовых, научно обоснованных, экономически выгодных методов ведения общественного производства, высокой культуры и производительности труда» [1].

В ходе социалистического и коммунистического строительства роль совхозов неуклонно повышалась. Число совхозов в СССР возросло с 4,2 тыс. в 1940 г. до 21,1 тыс. в 1980 г., а их удельный вес (в валовом сельскохозяйственном производстве) с 12,0 до 47,0 % [2]. Повышение роли совхозов усилило внимание исследователей к их истории. Активно работают над этой проблемой московские историки М.Л. Богденко и И.Е. Зеленин. Ими созданы крупные труды по истории совхозов СССР [3]. Большой интерес вызывает вышедшая в 1976 г. коллективная работа М.Л. Богденко и И.Е. Зеленина [4], где впервые в отечественной историографии освещена история совхозов за все годы Советской власти, дан анализ узловых вопросов совхозного строительства.

Достаточно активно изучение совхозной проблематики ведется и в различных регионах страны [5]. Итоги проделанной работы рассмотрены в специальных историографических трудах [6]. Особое место занимают работы, характеризующие сельскохозяйственный отряд рабочего класса страны. Обобщающие данные о сельскохозяйственных рабочих отражены в

* Ранее опубликовано в кн. : *Совхозы Урала в период социализма.* — Свердловск: Изд-во УНЦ АН СССР, 1986. — С. 3–13 (в соавторстве с Р.П. Толмачевой).

монографиях, посвященных истории рабочего класса СССР [7] и анализу социальной структуры населения страны [8]. Но в этих трудах рабочие совхозов не выделены самостоятельно. В 1970-е гг. вышли первые книги по истории аграрных рабочих, написанные на материалах Казахстана и Западной Сибири [9].

Изучение в целом проблемы в региональном аспекте позволяет выявить закономерности, присущие всей стране. Однако в названных работах отсутствует анализ литературы, вышедшей на Урале. В данной статье предпринята попытка частично восполнить наметившийся пробел, сделав краткий обзор новейшей литературы по проблеме.

Характеризуя научную литературу, вышедшую во второй половине 1960-х и в 70-е гг., необходимо указать на некоторые положительные сдвиги, которые произошли в исследовании истории советских хозяйств. Прежде всего, расширилась источниковая база работ, о чем свидетельствуют как справочный аппарат исследований, так и публикация самих источников. Одновременно появляются труды источниковедческого характера [10]. Значительную часть публикаций составляют работы, авторы которых — руководители и специалисты совхозов [11]. В них анализируется опыт передовых хозяйств, характеризуется деятельность партийных организаций совхозов, даются советы труженикам села. Выходят и очерки истории областей, республик и областных партийных организаций, в которых приводятся некоторые сведения по истории совхозов [12].

Однако в целом литература по совхозной проблематике распределена весьма неравномерно. Отсутствуют работы, посвященные истории уральских совхозов в предвоенные и военные годы. Единственным источником в этом плане служат монографии И.Е. Зеленина, в которых содержатся некоторые сведения по совхозам Уральского экономического района [13]. Почти неизученным остается и период завершения построения социализма в СССР, составляющий важный этап в истории государственного сектора сельского хозяйства. Основным направлением совхозного строительства в эти годы было преобразование колхозов в совхозы. За 1954–1964 гг. в СССР на базе 19 819 экономически слабых и многоземельных колхозов был организован 3 641 новый совхоз и укрупнено большинство старых [14]. Значительный размах совхозное строительство

получило и на Урале — в Курганской, Свердловской и особенно в Оренбургской и Челябинской областях. Некоторые сведения об этом содержатся в монографиях Р.П. Толмачевой, посвященных истории уральских колхозов в послевоенные годы [15].

Важной проблемой, получившей достаточно широкое освещение в научной литературе, является состояние совхозного производства в период развитого социализма. Эта тема глубоко раскрывается в ряде работ экономистов. Большое внимание они уделяют характеристике эффективности совхозного производства и определению мер по ее повышению [16]. Исследуется влияние уровня фондооснащенности на производственные показатели совхозов [17]. В связи с этим значительный интерес представляет совместная работа ряда свердловских авторов, характеризующая эффективность использования основных производственных фондов в совхозах УЭР [18]. При этом изучены показатели использования основных производственных фондов в совхозах, расположенных в разных природно-хозяйственных зонах. Важен вывод авторов о необходимости выравнивания фондообеспеченности совхозов, находящихся в неодинаковых природных условиях.

Л.П. Долгополовой проведено исследование вопроса об использовании в совхозах оборотных фондов [19]. Характеризуя проблему, основываясь на материалах одного из районов Пермской области, автор показывает, что отрицательную роль в использовании фонда обращения в совхозах играет просроченная дебиторская задолженность, которая в годы восьмой пятилетки стала сокращаться.

В 1970-е гг. вышел ряд работ, в которых даны результаты разработок перспективных планов развития отдельных совхозов. Их авторы планируют меры по повышению эффективности сельскохозяйственного производства путем как улучшения их организационно-хозяйственного устройства, так и дальнейшего социального развития [20]. Новые возможности для эффективной организации внутрихозяйственного расчета открывает перевод совхозов на полный хозрасчет. Выходят публикации, освещающие опыт работы совхозов, переведенных на хозрасчет [21].

Внимание экономистов привлекает состояние материально-технической базы совхозов региона. В их работах показано

влияние технической вооруженности труда и совершенствования организации использования техники на повышение производительности машинно-тракторного парка совхозов [22]. Данная проблема исследуется и в работах историков. Однако они содержат лишь отрывочные сведения о состоянии материально-технической базы советских хозяйств, в том числе об уровне механизации сельскохозяйственного производства и укреплении ремонтной базы на селе [23]. Историки характеризуют деятельность сельских парторганизаций по усилению концентрации и углублению специализации сельского хозяйства в регионе на этапе развитого социализма, усилению интенсификации колхозно-совхозного производства [24].

Важной проблемой, стоящей перед исследователями, является организация управления в совхозах. Обобщению опыта управления сельскохозяйственным предприятием, раскрытию роли руководителей и специалистов совхозов и колхозов в управлении производством посвящен ряд работ экономистов [25]. В некоторых из них анализируется структура управления в отдельных совхозах Урала [26]. Исследуются новые формы организации и оплаты труда в совхозах и колхозах [27].

За последние 20 лет наблюдается быстрое возрастание численности работников совхозов. Глубокие изменения происходят в их составе, повышается роль в общественно-политической жизни страны. Происходит это на фоне возрастания удельного веса производимой в государственном секторе сельскохозяйственной продукции. Поэтому вырос интерес к проблеме совхозных кадров. Наибольшее внимание исследователей привлекают вопросы подготовки кадров, обеспеченности ими сельскохозяйственного производства. В некоторых статьях содержатся сведения о деятельности партийных организаций по обучению сельскохозяйственных кадров. Но в них идет речь в целом о сельском хозяйстве, данные о работниках совхозов приводятся лишь эпизодически [28]. Изучением вопроса о кадрах занимаются не только историки, но и экономисты, социологи. Если философы при этом определяют место сельскохозяйственных рабочих в социально-классовой структуре населения, выявляют их квалификационный состав, устанавливают некоторые источники формирования этой категории тружеников села, в том числе в национальных районах края [29], то экономистов интересуют динамика роста адми-

нистративно-управленческого аппарата совхозов, характеристика его качественного состава, анализ воспроизводства и рационального использования кадров сельского хозяйства [30].

В 1970-е гг. усилился интерес исследователей к результатам социологических обследований рабочих совхозов. Вышел целый ряд работ, посвященных различным профессиональным группам работников совхозов: животноводам, механизаторам, главным специалистам [31]. Так, на основе социологических обследований, проведенных в совхозах Южного Зауралья, показано, что в 1960-е гг. произошли серьезные изменения в характере и содержании труда совхозных рабочих, их профессиональной подготовке [32]. При этом наблюдался дальнейший рост духовной культуры рабочих совхозов, их общественно-политической активности. Хотя все эти работы выполнены на локальных материалах, они характеризуют работников совхозов на современном этапе, позволяют выявить тенденции и закономерности роста их профессиональной подготовленности, социальной активности, особенности этих процессов в Уральском регионе.

Большой интерес представляет сопоставление экономических показателей условий жизни и быта тружеников совхозов и колхозов, что также является важной социальной проблемой. Анализ данных о заработной плате рабочих совхозов и колхозников уральских областей позволяет выявить, что существует объективная тенденция сближения межобластных уровней оплаты труда внутри совхозного сектора, при этом сближение оплаты происходит также между колхозным и совхозным секторами производства [33].

Наметилась тенденция изучения трудовой активности рабочих совхозов региона, их творческого отношения к труду, активного участия в социалистическом соревновании [34]. В ряде статей, рассказывающих об идеологической и партийно-организаторской работе на селе, приводятся данные о сети партийных организаций в совхозах, численности коммунистов в них. Речь идет и о деятельности коммунистов в новых совхозах, созданных на базе колхозов [35].

Обзор новейшей литературы о советских хозяйствах показывает, что за последние два десятилетия заметно возрос интерес к совхозной проблематике. В настоящее время имеется значительное количество публикаций, в которых в той или

иной степени изучаются различные проблемы совхозов. Однако среди них преобладают работы экономистов, раскрывающие основные итоги и направления развития совхозной экономики в 60—70-е гг. Эти авторы интересуются, прежде всего, состоянием сельскохозяйственного производства. Большинство же работ историков написано в историко-партийном плане, при этом исследователи характеризуют деятельность совхозных партийных организаций лишь эпизодически: значительная часть публикаций посвящена различным категориям работников совхозов, в частности их руководящим кадрам.

Таким образом, история совхозов Урала в условиях социализма разработана недостаточно глубоко. Отсутствуют работы, освещающие историю уральских совхозов в 1938—1945 гг. и в период завершения строительства социализма. До сих пор не определена динамика сельскохозяйственного производства в совхозах, нет сведений о размерах их товарной продукции. Несмотря на отдельные успехи, изучение истории совхозных рабочих требует дальнейшей разработки. Слабо исследованы трудовая активность работников совхозов, формирование их производственных коллективов, численность и состав, культурно-технический уровень, условия труда и быта. Сделаны лишь первые шаги в изучении отдельных социальных групп работников совхозов. Не определена пока динамика сети парторганизаций советских хозяйств, количественного и качественного состава коммунистов в них за весь рассматриваемый период. Нет исследований о деятельности комсомольских и профсоюзных организаций совхозов, представительстве их работников в центральных и местных органах власти. Ждет своих исследователей проблема роста общественно-политической активности рабочих и служащих совхозов.

Указанные здесь публикации содержат многие ценные материалы о совхозах Урала, однако не создают целостной картины их развития в период социализма. Краткий обзор научной литературы дает основание для вывода о том, что изучение истории совхозов Урала находится в начальной стадии. Об этом свидетельствуют как анализ публикаций, так и результаты подготовки диссертационных работ. С середины 1960-х гг. по истории уральских совхозов была защищена лишь одна диссертация [36], в то время как по их экономике — свыше двадцати. Для повышения роста совхозного производства и рацио-

нального использования рабочей силы необходимо учитывать положительный опыт прошлых лет. При этом историю совхозов надо изучать в сравнении с историей колхозов, что позволит проанализировать пути развития двух форм собственности и определить перспективы развития агропромышленного комплекса. Поэтому дальнейшая разработка совхозной проблематики — важная задача исторической науки на Урале.

Примечания

1. Программа Коммунистической партии Советского Союза. — М. : Политиздат, 1973. — С. 77.

2. См. : Народное хоз-во СССР в 1980 г. — М. : Финансы и статистика, 1981. — С. 201, 208.

3. См. : Богденко М.Л. Совхозы СССР: 1951–1958. — М. : Наука, 1972. — 366 с.; Зеленин И.Е. Совхозы в первое десятилетие Советской власти: 1917–1927. — М. : Наука, 1972. — 392 с.

4. См. : Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Совхозы СССР : Кр. историч. очерк (1917–1975). — М. : Политиздат, 1976. — 277 с.

5. См. : Боровко Л.В. Укрепление и развитие совхозов: из опыта Компартии Белоруссии по руководству совхозным строительством. — Минск : Беларусь, 1981. — 176 с.; Буга И.И. Руководство Компартии Молдавии совхозным строительством в условиях развитого социализма. — Кишинев : Штиинца, 1978. — 247 с.; Михайлов Ф.К. Совхозное строительство в Казахстане (1946–1970 гг.). — Алма-Ата: Наука, 1973. — 299 с.; Сорокин А.Н. Совхозы Белорусской ССР (1917–1941 гг.). — Минск : Наука и техника, 1979. — 248 с.; и др.

6. См. : Богденко М.Л. Проблемы развития совхозов в новейшей литературе // В кн. : Сельское хозяйство и крестьянство СССР в совр. советской историографии. — Кишинев, 1977. — С. 106–117; Зеленин И.Е.

О некоторых проблемах изучения истории совхозного строительства в СССР. // В кн. : Вопр. аграрной истории Урала и Западной Сибири. — Курган, 1971. — С. 63–76; и др.

7. См. : Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. — М. : Наука, 1971. — 575 с.; Рабочий класс СССР: 1966–1970 / Под ред. А.В. Митрофановой. — М. : Наука, 1979. — 432 с.; Сенявский С.Л., Тельпуховский В.Б. Рабочий класс СССР (1938–1965 гг.). — М. : Мысль, 1971. — 534 с.; и др.

8. См. : Монич З.И., Изох В.Г., Прудник И.В. Рабочий класс в структуре сельского населения. — Минск : Наука и техника, 1975. — 200 с.; Сенявский С.Л. Социальная структура советского общества в условиях развитого социализма (1961–1980 гг.). — М. : Мысль, 1982. — 351 с.; и др.

9. См. : Зорин В.И. Сельскохозяйственный рабочий класс Казахстана: формирование, развитие, социальные изменения. — Алма-Ата : Казах-

стан, 1972. — 168 с.; Тонаевская Н.С. Рабочие совхозов Западной Сибири: 1959–1965 гг. — Новосибирск : Наука, 1978. — 191 с.

10. См. : Гафуров Р. Годовые отчеты совхоза как историч. источник (на примере Мрясимовского совхоза БАССР) // В кн. : Историография и источниковедение. — Свердловск, 1976. — С. 58–61; Ордена Трудового... : Сб. док. и материалов. — Курган : Курган. обл. орг. о-ва «Знание», 1968. — 88 с.; Основные эконом. показатели работы совхозов Коми-Пермяцкого округа за 1971–1974 гг. — Кудымкар: Кудымкарская тип. 1975. — 112 с.; и др.

11. См. : Дейнеко Г.Ф., Кульдяев О.В. Искусство управлять совхозом. — Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1973. — 114 с.; Зуев П.Г. Две пятилетки Бородулинского совхоза. — Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1975. — 64 с.; Серов П.С., Фатеев В.Ф. Коммунисты совхоза (из опыта работы парт. орг. совхоза). Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1967. — 89 с.; Шелепов И.И. На подъеме. — Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1970. — 69 с.; и др.

12. См. : Очерки истории Башкирской орг. КПСС. — Уфа : Башк. кн. изд-во, 1973. — 541 с.; Очерки истории Курганской области. — Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1968. — 479 с.; Очерки истории Челябинской обл. парт. орг. : 1917–1967. — Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1967. — 503 с.; и др.

13. См. : Зеленин И.Е. Совхозы СССР (1941–1950 гг.). — М. : Наука, 1969. — 344 с.; Он же. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток: 1928–1941. — М. : Наука, 1982. — 239 с.

14. ЦГАНХ СССР. Ф. 7486, оп. 21, д. 427, л. 2.

15. См. : Толмачева Р.П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы. — Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 1979. — С. 150; Она же. Колхозы Урала в 50-е годы. — Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 1981. — С. 88, 90, 91, 104.

16. См. : Демидов Г.М. Эконом. законы и эффективность совхозного производства (на примере совхозов Урала). — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1970. — 232 с.; Он же. Закономерности и факторы роста эффективности совхозного производства // Тр. Свердл. с.-х. ин-та. — Свердловск, 1973. — Т. 28. — С. 3–20; Нифонтова Г.В. Некоторые данные эффективности производства яиц в совхозах Пермской области // Тр. Перм. с.-х. ин-та. — Пермь, 1970. — Т. 52. — С. 41–50; Фазлыев Х.Ф. Об экономич. эффективности производства в совхозах степного Предуралья // Тр. Башк. НИИ с. х. — Уфа, 1973. — Вып. 4. — С. 44–52; и др.

17. См. : Булатов А.Е. Основные фонды совхозов и эффективность их использования. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1971. — 123 с.; Голдин В.Н. Использование основных фондов совхозами лесостепной зоны (Зауралья) в восьмой пятилетке // Тр. Урал. политехн. ин-та. — Свердловск, 1974. — Сб. 232. — С. 190–194; Смолина Р.Т. Эффективность использования основных производств. фондов в совхозах Челябинской области // Тр. Челябин. ин-та механизации и электрификации сельского хоз-ва. — Челябинск, 1976. — Вып. 120. — С. 27–29; и др.

18. См. : Нагаев Ю.А., Тур В.П., Голдин В.Н., Журавлев А.С. Экономическая эффективность основных производственных фондов в совхозах Урала // В кн. : Региональные особенности развития общественного производства. — Свердловск, 1978. — С. 63–68.

19. См. : Долгополова Л.П. Оборотные фонды совхозов Пермского района и эффективность их использования // Тр. Перм. с.-х. ин-та. — Пермь, 1972. — Т. 96. — С. 49—53.

20. См. : Дейнеко Г., Эппштейн Л., Степунов А. План социального развития совхоза «Уйский» // Урал. нивы. — 1971. — № 1. — С. 9—11; Максютлов Ф.С. Перспективы специализации степных и лесостепных совхозов Зауралья // Тр. Башк. НИИ сельского хоз-ва. — Уфа, 1973. — Вып. 4. — С. 53—59; Половников М.П., Хомяков А.И. К вопросу о мерах повышения эффективности с.-х. производства (на примере совхоза «Прикамский») // Тр. Перм. с.-х. ин-та. — Пермь, 1972. — Т. 96. — С. 40—43; и др.

21. См. : Демидов Г.М., Вялухина З.П. Перевод совхозов на полный хозрасчет — эконом. метод обеспечения роста эффективности производства // Тр. Свердл. с.-х. ин-та. — Свердловск, 1976. — Т. 41. — С. 143—172; Суворов И.Д., Илюшин В.П. Совхоз на полном хозрасчете. — М. : Россельхозиздат, 1976. — 113 с.; и др.

22. См. : Королев Н.А., Батакова Н.А., Нагаев Ю.А. и др. Пути повышения производительности машинно-тракторного парка в совхозе «Косулинский» // В кн. : Совершенствование организации производства и труда в с.-х. предприятиях. — Свердловск, 1970. — С. 17—28; Фомичев Ю.П., Покиннен А.А. Экономическая эффективность использования техники в совхозах Челябинской области // Тр. Перм. с.-х. ин-та. — Пермь, 1978. — Т. 137. — С. 3—9; и др.

23. См. : Ветлугин И.М. О некоторых вопросах укрепления материально-техн. базы совхозов и колхозов Среднего Урала в годы восьмой пятилетки // В кн. : Из истории сельского хоз-ва Урала. — Свердловск, 1973. — С. 94—100; Вшивков Л.В. Рост материально-техн. базы колхозов и совхозов — главное условие интенсификации сельского хоз-ва // В кн. : Торжество ленинского учения о многонациональном социалист. государстве. — Пермь, 1972. — С. 111—117; Давлетшин Р.А. Материально-техн. база сельского хоз-ва Башкирии на этапе зрелого социализма // В кн. : Социально-эконом. и культурные преобразования в Башкирской АССР (к 60-летию БАССР). — Уфа, 1979. — С. 3—17.

24. См. : Ветлугин И.М. Партийные орг. Среднего Урала в борьбе за концентрацию и специализацию с.-х. производства в период развитого социализма // В кн. : Из истории социалист. строительства на Урале. — Свердловск, 1976. — Вып. 2. — С. 176—183; Шереметьев В.С. Интенсификация сельского хоз-ва и изменение характера труда сельских тружеников (на материалах областей Южного Урала) // В кн. : Вопр. аграрной истории Урала и Западной Сибири. — Курган, 1971. — С. 298—305.

25. См. : Башмачников В., Вдовин А., Соловьев В. Пути совершенствования структуры управления в совхозе. — Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1977. — 134 с.; Югов Ю.Г. Специалисты и управление. — Пермь : Перм. кн. изд-во, 1983. — 95 с.; и др.

26. См. : Дьякова З.Г. К вопросу о совершенствовании структуры управления в совхозе // Тр. Перм. с.-х. ин-та. — Пермь, 1972. — Т. 96. — С. 91—97; Дьякова З.Г., Бунаков Ю.П. Отраслевая структура управления в совхозе // Тр. Перм. с.-х. ин-та. — Пермь, 1973. — Т. 99. — С. 34—40; и др.

27. См. : Давлетшин Р.А. Организационно-хозяйств. укрепление колхозов и совхозов БАССР в годы восьмой пятилетки // В кн. : Из истории сельского хоз-ва Башкирии. — Уфа, 1976; Лупарева Т.Ф., Черногова М.Ф., Фоминых А.С. Совершенствование организации труда в тепличном комбинате совхоза «Орджоникидзевский» // В кн. : Совершенствование организации производства и труда в с.-х. предприятиях. — Свердловск, 1970. — С. 39—50; Расторгуев П.А. К вопросу о совершенствовании организации и режима труда работников управления колхозов и совхозов // Тр. Перм. с.-х. ин-та. — Пермь, 1978. — Т. 137. — С. 16—22; и др.

28. См. : Зверев Е.П. Деятельность парт. орг. Свердловской области по подготовке с.-х. кадров в 1959—1965 гг. // В кн. : Из истории парт. орг. Урала. — Свердловск, 1973. — С. 157—169; Потапов Н.Г. Улучшение качественного состава руководящих кадров колхозов и совхозов Южного Урала и Зауралья (1959—1966 гг.) // В кн. : Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалист. строительства за 50 лет Советской власти. — Свердловск, 1968; Он же. Парт. орг. Урала во главе борьбы сельской производственной интеллигенции за повышение уровня профессиональных знаний колхозников и рабочих совхозов в 1959—1970 гг. // В кн. : Роль парт. орг. Урала и Западной Сибири в развитии народного образования и культуры. — Свердловск, 1981. — С. 75—85; Шабанов Г.Ф. Деятельность парт. орг. Южного Урала по подготовке механизаторских кадров для сельского хоз-ва // Ученые зап. Оренб. пед. ин-та. — Орскбург, 1968. — Вып. 26. — С. 129—136; и др.

29. См. : Разин А.А. Сдвиги в социально-классовой структуре сельского населения Удмуртской АССР на этапе развитого социализма // В кн. : Научное управление развитием социальной структуры социалист. о-ва. — Саранск, 1975. — Вып. 2. — С. 296—297; Стукалов В.А. Изменение социальных групп и состава промышленно-производств. и с.-х. рабочих Урала : 1965—1969 гг. // Тр. Челяб. ин-та механизации и электрификации сельского хоз-ва. — Челябинск, 1973. Вып. 80. — С. 222—228; и др.

30. См. : Филиппов Н.Н., Кулешов Н.Ф. Роль специалистов в сельском хоз-ве и вопросы их рационального использования // В кн. : Труд и кадры в нар. хоз-ве. — Свердловск, 1970. — С. 109—131; Филиппов Н.Н., Кулешов Н.Ф., Плотникова В.Е. Воспроизводство кадров специалистов сельского хоз-ва. — Свердловск : Свердл. ин-т нар. хоз-ва, 1973. — 115 с.; Филиппов Н.Н. Подвижность и рациональное использование квалифич. кадров сельского хоз-ва. — Свердловск : Свердл. ин-т нар. хоз-ва, 1980. — 100 с.; и др.

31. См. : Лукерьян В.П., Черненко Б.Ф. Рабочее время главных инженеров совхозов и пути улучшения его структуры // Тр. Свердл. с.-х. ин-та. — Свердловск, 1976. — Т. 41. — С. 185—190; Лупарева Т.Ф., Черногова М.Ф., Фоминых А.С. Участие телятниц в производственной деятельности и общественной жизни совхоза «Орджоникидзевский» // В кн. : Совершенствование организации производства и труда в с.-х. предприятиях. — Свердловск, 1970. — С. 51—56; Филиппов Н.Н. Преодоление текучести и создание постоянных кадров сельских механизаторов // В кн. : Труд и кадры в нар. хоз-ве. Сер. Экономика. — Свердловск, 1970. — Вып. 20. — С. 176—182.

32. См. : Шляпников Н.С., Никулин В.В. Социальные изменения в совхозном отряде рабочего класса (1965–1975 гг.) // В кн. : Осуществление аграрной политики КПСС на Урале и в Южном Зауралье. — Челябинск, 1978. — С. 60–73.

33. См. : Трифонов Е. В. Территориальные особенности уровней заработной платы в сельском хозяйстве Урала // В кн. : Труд и кадры в нар. хозяйстве. — Свердловск, 1975. — С. 122–129.

34. См. : Шляпников Н.С. Воспитание у рабочих совхозов творческого отношения к труду // В кн. : Вопр. аграрной истории Урала и Западной Сибири. — Свердловск, 1966. — С. 470–480; Он же. Развитие трудовой активности рабочих совхозов в годы семилетки (Из опыта работы совхозных парт. орг. Курган. обл.) // В кн. : Вопр. истории КПСС (Парт. орг. Урала в период Октябрьской революции и коммунист. строительства). — Челябинск, 1967. — С. 147–163; и др.

35. См. : Ветлугин И.М. Из опыта партийно-организаторской работы на селе в годы семилетки (по материалам Свердл. обл.) // В кн. : Из истории Октябрьской социалист. революции и социалист. строительства на Урале. — Свердловск, 1966. — С. 161–163; Шляпников Н.С. Из опыта работы сельских парт. орг. совхозов, созданных на базе колхозов (1957–1969 гг.) // Там же. — С. 158–160; Пушкарев Н.Г. Рост рядов, повышение руководящей роли сельских парт. орг. Южного Урала (1961–1968 гг.) // Науч. тр. Свердл. пед. ин-та. — Свердловск, 1975. — Сб. 245. — С. 145–162.

36. См. : Шляпников Н.С. Деятельность местных парт. орг. по развитию трудовой активности и творческой инициативы рабочих совхозов (1951–1958 гг.) (По материалам Курган., Челяб. и Оренбург. обл.). — М., 1967. — 17 с.

Совхозы Урала на этапе развитого социализма *

Проблема развития совхозов относится к числу наиболее важных в историографии советской деревни. Она связана с раскрытием закономерностей развития той формы организации сельского хозяйства СССР, которая играет все возрастающую роль в экономической и социально-политической жизни села. Повышение роли совхозов усилило внимание исследователей к их истории. Активно работают над проблемой московские историки М.Л. Богденко и И.Е. Зеленин. Достаточно глубоко и всесторонне ведется изучение совхозной проблематики в различных регионах страны. Особое место среди литературы занимают работы, характеризующие аграрный отряд рабочего класса страны. Обобщающие данные о сельско-

* Ранее опубликовано в кн. : *Урал и проблемы региональной историографии.* — Свердловск : Изд-во УНЦ АН СССР, 1986. — С. 153–156.

хозяйственных рабочих мы находим в монографиях, посвященных истории рабочего класса СССР, анализу социальной структуры населения страны. Но в этих трудах рабочие совхозов не выделены в самостоятельную категорию. В 1970-е вышли первые книги по истории совхозных рабочих, написанные на материалах Казахстана и Западной Сибири. Изучение проблематики в региональном аспекте позволяет выявить закономерности, присущие социалистическому государству.

Значительное количество публикаций посвящено и уральским совхозам. Важной проблемой, получившей достаточно широкое освещение в научной литературе, является развитие совхозного производства. Эта тема раскрывается в работах экономистов А. Булатова, Г. Демидова и др. Большое внимание они уделяют характеристике эффективности совхозного производства, определению мер по ее повышению. Авторы исследуют влияние уровня фондооснащенности на производственные показатели совхозов, показывают результаты и перспективы превода советских хозяйств на хозрасчет, характеризуют состояние их материально-технической базы, дают результаты разработок перспективных планов развития отдельных совхозов. Важной проблемой, стоящей перед исследователями, является вопрос об организации управления в совхозах. Часть работ (В. Башмачникова, А. Вдовина, П. Расторгуева и др.) посвящена обобщению опыта управления сельскохозяйственными предприятиями, раскрытию роли руководителей и специалистов в управлении производством. В них показана и структура управления в отдельных совхозах, характеризуются новые формы организации и оплаты труда.

Внимание исследователей привлекают вопросы формирования квалифицированных кадров, обеспечения ими сельскохозяйственного производства. В работах Е.П. Зверева, Г.Ф. Иванова содержатся сведения о деятельности партийных организаций по руководству процессом подготовки кадров сельского хозяйства. Однако данные о работниках совхозов приводятся в них только эпизодически.

Изучением проблемы сельских кадров занимаются не только историки, но и философы, экономисты. Если философы при этом определяют место сельскохозяйственных рабочих в социально-классовой структуре населения, выявляют их квалификационный состав, устанавливают источники формиро-

вания, то экономистов (В.А. Стукалова, Н.Н. Филиппова и др.) интересуется динамика роста административно-управленческого аппарата совхозов, характеристика их качественного состава, анализ воспроизводства и рационального использования сельских кадров.

В 1970-е гг. усилился интерес историков к результатам социологических обследований работников совхозов. Вышел целый ряд работ, посвященных различным профессиональным группам работников совхозов: животноводам, механизаторам, главным специалистам. В ряде статей Н.С. Шляпникова характеризуется идеологическая и партийно-организаторская работа на селе, приводятся данные о роли партийных организаций в совхозах, численности коммунистов в них. Намечалась тенденция изучения трудовой активности рабочих уральских совхозов, их творческого отношения к труду, участия в социалистическом соревновании.

Обзор литературы о совхозах периода развитого социализма показывает заметный интерес к данной проблематике. В настоящее время имеется значительное количество публикаций, в которых в той или иной степени изучаются различные аспекты проблемы совершенствования структуры совхозов. Однако среди них преобладают работы экономистов, раскрывающие основные направления развития совхозной экономики в 1960—1970-е гг. Все они интересуются, прежде всего, результатами роста производства и производительных сил. Большинство же статей историков написано в историко-партийном плане, при этом работа совхозных партийных организаций характеризуется лишь эпизодически.

В целом история совхозов Урала в период развитого социализма разработана явно недостаточно. До сих пор не определена динамика сельскохозяйственного производства в совхозах, нет сведений и о размерах их товарной продукции. Несмотря на отдельные успехи только начато изучение истории совхозных рабочих. Перед исследователями стоит задача показать трудовую активность работников советских хозяйств, проследить формирование их производственных коллективов, изучить численность и состав совхозных кадров, их культурно-технический уровень, условия труда и быта. Не определена пока динамика численности совхозных партийных организаций, количественного и качественного состава коммуни-

стов в них. Нет исследований о деятельности профсоюзных и комсомольских организаций совхозов, представительстве их работников в центральных и местных органах власти. Дальнейшая разработка совхозной проблематики является важной задачей исторической науки на Урале.

Совхозное строительство на Урале в переходный период (историография проблемы) *

Изучение истории совхозного строительства имеет огромное научное и практическое значение. Оно позволяет лучше понять закономерности возникновения и развития социалистической системы сельского хозяйства СССР, яснее оценить перспективы ее роста. Анализ литературы показывает, что в ней отсутствуют монографические труды по проблеме. Некоторые данные о совхозном строительстве на Урале содержатся лишь в книгах М.Л. Богденко, В.А. Бричкиной, И.Е. Зеленина, З.Н. Лаврентьева написанных на общесоюзных материалах. Остальные работы — это статьи, опубликованные в местных научных сборниках. Большинство их посвящено истории совхозов Урала в первые годы Советской власти, В.И. Иванова, М.Е. Чапин, Р.М. Рабинович, Р.П. Толмачева, Н.С. Шляпников вводят в научный оборот интересный фактический материал, делают ряд выводов и обобщений. Авторы характеризуют особенности частного землевладения на Урале, выявляют, на чьих землях создавались первые совхозы. Однако до сих пор не установлено, сколько же земли и других средств производства имели первые советские хозяйства на Урале. Не решен вопрос об исходных рубежах совхозного строительства. Так, если В.М. Егоров считает, что первые совхозы возникли в Башкирии в декабре 1917 г., то Г.Г. Скачкова относит их появление к осени 1918 г. В целом все эти работы не велики по объему и не содержат обобщающих данных о динамике совхозного строительства на Урале в эти годы.

Явно слабо разработана история уральских совхозов в период восстановления народного хозяйства СССР. Единственный

* Ранее опубликовано в кн. : *Великий Октябрь и социалистическое строительство на Урале и в Сибири в переходный период.* — Тюмень : ТГУ, 1987. — С. 128–131.

автор, исследующий деятельность партийных организаций в Башкирии по руководству совхозами в 1917–1927 гг. — В.М. Егоров. Недостаточно изучены годы реконструктивного периода. Почти все вышедшие публикации хронологически охватывают годы первой пятилетки. Так, А.Г. Харитонова освещает партийное руководство совхозным строительством в Оренбурге, В.В. Подливалов — в Зауралье, Г.С. Калугина — в Уральской области. Появляются работы, посвященные истории создания отдельных хозяйств. В.М. Куликов описывает организацию переноса уральских зерносовхозов — совхоза Макушинский.

Одной из важных задач дальнейшей разработки совхозной проблематики является раскрытие роли совхозов в коллективизации сельского хозяйства, организационно-хозяйственном укреплении колхозов. В советской историографии эта проблема одна из наиболее изученных. На материалах Уральской области ее разрабатывала Г.С. Калугина. Важные сведения содержатся и в трудах Н.В. Ефременкова, посвященных истории колхозного строительства на Урале.

После победы Октябрьской революции в деревне появилась новая категория наемных рабочих — рабочие совхозов и других сельскохозяйственных предприятий. В довоенной уральской деревне численность сельскохозяйственных рабочих была невелика. Тем не менее, они оказывали заметное влияние на развитие деревни, содействуя ее социальной перестройке. Данные о рабочих совхозов содержатся в статьях Г.Т. Скачковой, характеризующих деятельность партийных организаций Башкирии по созданию совхозных кадров и усилению их производственной активности. Автор показывает источники формирования кадров, формы их подготовки, выявляет удельный вес женщин среди них. Вопрос об истории рабочих совхозов других областей Урала в научном плане пока даже не ставился.

Историографический анализ показывает, что совхозная проблематика переходного периода разрабатывается историками Урала. Однако общее число работ невелико, и они, как правило, содержат незначительный материал по проблеме. Из всего комплекса вопросов, связанных с историей советских хозяйств на Урале, получили некоторое освещение лишь два — совхозное строительство в первые годы Советской власти и деятельность партийных организаций по руководству совхо-

зами в годы первой пятилетки. Что касается остальных проблем, то изучение большинства из них еще не начиналось.

Крайне неравномерно изучается совхозная проблематика и в различных районах края. Основную работу проделали башкирские историки, нет ни одной работы по истории совхозов Удмуртии. В целом исследование совхозов сильно отстает от изучения других проблем истории уральской деревни. Это особенно заметно на фоне огромного количества литературы, посвященной уральскому крестьянству тех лет. Поэтому научная разработка истории советских хозяйств на Урале является важной задачей исторической науки.

Проблемы материального благосостояния сельских тружеников Урала в новейшей литературе *

Важнейший показатель успешного развития социалистического сельского хозяйства — постоянное улучшение материального положения его тружеников. Поэтому исследователи аграрной истории уделяют большое внимание вопросу о том, как в различные периоды преобразования и развития советской деревни решалась задача повышения благосостояния сельских жителей. Эта проблема актуальна и для тех, кто изучает историю уральской деревни. Материальное положение крестьянства Урала в годы переходного периода специально историками пока не рассматривалось. Однако многие исследователи, решая проблемы истории уральской деревни того времени, показывают изменения, происходившие в ее социально-экономическом развитии, характеризуют изменения в имущественном положении различных слоев крестьянства.

Значительные перемены в материальном положении крестьян в первые годы Советской власти связаны, прежде всего, с осуществлением Декрета о земле. Авторы многочисленных исследований по этой проблеме, анализируя начало аграрных преобразований, показали на многих конкретных примерах, как менялось положение крестьянства в результате перераспределения земли, скота, инвентаря [1].

* Ранее опубликовано в кн.: *Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни.* — Свердловск: Изд-во УНЦ АН СССР. 1988. — С. 4—13.

Роль партийных организаций в оказании хозяйственной помощи уральскому крестьянству, дальнейшем осуществлении аграрных преобразований, восстановлении сельского хозяйства Урала после освобождения края от колчаковцев раскрывается в исследованиях В.И. Ивановой и А.Т. Тертышного [2].

Историками были предприняты попытки охарактеризовать итоги земельного передела. Так, В.Р. Герасимюк и Н.В. Ефременков привели данные об изменении величины земельного надела на едока по уральским губерниям [3]. Аналогичные сведения содержатся и в других работах, написанных на материалах отдельных районов Урала. Но следует отметить, что пока не все вопросы истории осуществления Декрета о земле решены в полной мере. В частности, до сих пор нет единого мнения о количестве земли, переданной уральским крестьянам.

Изменения, произошедшие в материальном положении уральского крестьянства в 1917–1920 гг., наиболее полно охарактеризованы в работах, посвященных анализу политических и социально-экономических процессов, происходивших в уральской деревне накануне перехода к новой экономической политике [4]. В них приводятся общие сведения о состоянии сельского хозяйства края и данные об изменении в обеспечении различных групп крестьянства посевами, скотом, сельскохозяйственным инвентарем. На основе анализа этих показателей авторы делают вывод о численном сокращении беднейшей части крестьянства и верхушечных его слоев, а также о резком увеличении числа земледельцев среднего достатка. Заметные успехи были достигнуты в изучении уральской деревни 1920-х гг. За последнее десятилетие появился целый ряд работ, в которых анализируются итоги бюджетных обследований, проводившихся в то время, определяется методика их обработки [5].

Активно велась работа по изучению истории деревни восстановительного периода, ее социально-экономического развития [6]. Был охарактеризован процесс общего подъема сельского хозяйства Урала, обстоятельно проанализированы изменения в социальной структуре крестьянства, выявлены новые тенденции в его дифференциации. На значительном цифровом материале рассмотрены проблемы распределения орудий и средств производства, развития отношений, сдачи-найма рабочего скота, инвентаря, земли, рабочей силы в крестьян-

янских хозяйствах. Все эти данные рисуют общую картину изменений уровня жизни доколхозного крестьянства, создают основу для более глубокого исследования его материального положения. Были сделаны и отдельные попытки охарактеризовать доходы крестьянских хозяйств. Так, Р.П. Толмачевой приведены показатели увеличения доходов по некоторым посевным группам в конце восстановительного периода [7]. Подобные примеры содержатся и в других публикациях, но эти разрозненные цифры не могут создать целостного представления о положении крестьянских хозяйств.

Значительное влияние на повышение благосостояния бедняцких и середняцких хозяйств оказывали экономические меры Советского государства, осуществляемые по линии цен, кредита, машиноснабжения. Говоря об этих мероприятиях, историки Статья М.А. Ивановой, посвященная деятельности партийных организаций Свердловской и Челябинской областей по укреплению колхозов, включает сведения о размерах приусадебных участков колхозников в различных земледельческих районах. М.А. Иванова попыталась также рассмотреть состояние единоличного крестьянского хозяйства в последние годы его существования, проанализировала размеры и источники его доходов [10].

В целом материальное положение крестьян Урала в 1917–1937 гг. изучено пока явно недостаточно. Сделаны первые шаги, заложены основы разработки проблемы. Выявлены и охарактеризованы социально-экономические перемены в крестьянстве на различных этапах его истории, накоплены отдельные показатели, отражающие изменения жизненного уровня. Необходимо углубленное исследование проблемы по всем аспектам, характеризующим материальное положение доколхозного и колхозного крестьянства региона. Нужно шире использовать архивные и опубликованные материалы, прежде всего данные бюджетных обследований крестьянских хозяйств.

Большое значение в освещении истории уральского крестьянства имеет изучение его материального благосостояния в условиях социализма. В историографии неоднократно отмечалось, что в конкретно-историческом плане до сих пор остаются неизученными изменения материального положения в послевоенные годы, роль личного подсобного хозяйства в до-

ходах колхозной семьи [11]. Материальное благосостояние сельских тружеников Урала оставалось к середине 1970-х гг. почти не исследованным [12].

В последнее десятилетие вышло значительное количество работ по данной проблеме, написанных историками, экономистами, философами. Следует отметить сборник «Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937—1975 гг.)», в котором ряд статей посвящен периоду Великой Отечественной войны [13]. Знакомство с этими трудами позволяет не только определить материальное положение крестьянской семьи на Среднем Урале в эти годы, но и по ряду показателей сравнить с уровнем благосостояния рабочих. Материальное благосостояние крестьянства других областей края в 1941—1945 гг. пока не исследовано.

Недостаточно изучено материальное благосостояние уральского крестьянства и в первые послевоенные годы. Единственной работой по этому периоду является монография Р.П. Толмачевой, посвященная уральским колхозам в 1946—1950 гг. Характеризуя материальное положение крестьянства, автор привлекает бюджеты колхозников промышленной области Урала — Свердловской и сельскохозяйственной — Оренбургской, что позволяет выявить общее и особенное в уровне и структуре потребления [14].

Как известно, в послевоенные, в частности, в 1950-е гг. рост материального благосостояния колхозного крестьянства тормозился ошибками в руководстве сельским хозяйством. Но в немногочисленных работах по аграрной истории тех лет мы встречаем лишь отдельные данные по этой проблеме [15]. Единственным исключением является монография Н.П. Павлова, в которой дается развернутая картина материально-бытового положения крестьянства Удмуртии в 1950—1960-е гг. [16].

Важные сдвиги в материальном благосостоянии уральского крестьянства произошли в 1960—70-е гг. В это время значительно возросли доходы сельского населения, улучшилось его социальное обеспечение, жилищные условия, коммунальное и бытовое обслуживание, резко возрос объем и расширился ассортимент сельской торговли. Много изменилось в сельском здравоохранении и общественном питании, возрос уровень спортивно-массовой работы. Исследованию этого периода и посвящена основная часть работ, вышедших в после-

дние годы. Среди них отметим изданный Институтом экономики УНЦ АН СССР сборник «Уровень жизни населения и трудовые ресурсы крупного экономического района» [17], а также выпущенные Свердловским институтом народного хозяйства в 1970, 1975 и 1976 гг. сборники «Труд и кадры в народном хозяйстве».

Многие публикации посвящены оплате труда в сельском хозяйстве. Их авторы показывают сближение уровня оплаты труда в колхозах и совхозах, выявляют зависимость трудовой активности работников сельского хозяйства, повышение их квалификации от уровня заработной платы, рассматривают взаимосвязь между текучестью сельских кадров и степенью их удовлетворенности материально-бытовыми условиями [18]. Делается вывод о необходимости проведения в уральском селе широких социально-экономических мероприятий, обусловленной тем, что быстрое повышение жизненного уровня колхозников вступает в противоречие с экономическими возможностями колхозов [19]. Вышли работы, посвященные состоянию общественных фондов (ОПФ) потребления на селе [20]. Е. В. Трифонов и Н. Н. Филиппов показывают динамику роста ОПФ в колхозах и структуру общественных фондов в областном разрезе. Для характеристики материального благосостояния крестьянства некоторые авторы стали использовать и данные социологических обследований [21].

Большое значение имеют исследования личного подсобного хозяйства колхозников, которое не только является источником производства сельскохозяйственной продукции, но и в значительной степени определяет уровень благосостояния жителей села. Состояние личных подсобных хозяйств рассматривали только экономисты [22]. В их работах были выявлены тенденции развития личных подсобных хозяйств, определена их роль в доходах крестьянской семьи. Авторы делают вывод о важности личного подсобного хозяйства в повышении жизненного уровня колхозной семьи в 1970-е гг., выявляют специфику развития подсобных хозяйств в областях края [23]. В ряде публикаций рассматривается деятельность партийных организаций Урала по повышению материального благосостояния сельских тружеников, показано участие в этом рабочего класса [24].

В социальной политике партии значительную роль играет улучшение бытовых условий на селе. В последние годы вышли

работы, характеризующие уровень бытового обслуживания населения Урала, в том числе сельского, состояние сельской торговли [25]. Появились монографические исследования, характеризующие социальную инфраструктуру народнохозяйственного комплекса и состояние его отдельных отраслей в уральской деревне [26]. Исследуется и влияние сферы услуг на проблему трудовых ресурсов. Сопоставляя данные Всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг., Ю.М. Новиков и М.В. Опарин показали, что больше всего сельских жителей мигрирует из тех районов, где менее развито культурно-бытовое обслуживание [27].

Важная социально-экономическая проблема, решаемая в СССР, — постепенное преодоление существующих различий в уровне жизни городского и сельского населения. Ей посвящен целый ряд работ, в которых характеризуется состояние жилищно-коммунального хозяйства, торговли, бытового обслуживания, средств связи, транспорта, других отраслей социальной инфраструктуры на селе и приводится сравнение с состоянием этих отраслей в городе [28].

Обзор новейшей литературы по проблеме показывает, что до сих пор материальное благосостояние сельского населения Урала изучено крайне неравномерно и в целом недостаточно. Далеко не полно исследован период 1940-х гг., почти выпали из поля зрения ученых 1950-е гг. Среди публикаций, посвященных 1960-м гг., преобладают работы экономистов. При этом целый ряд таких серьезных проблем, как состояние жилищно-коммунального хозяйства и удовлетворение потребности в жилье, социальное обеспечение, общественное питание, здравоохранение, физкультура и спорт, на материалах всего Урала совсем не рассматривался исследователями. Изучение структуры доходов и расходов сельских жителей, состояние их личного подсобного хозяйства, сельской торговли, бытового обслуживания пока лишь наметилось. Следует обратить особое внимание на проблемы питания сельского населения, условий труда в колхозах и совхозах, соблюдения техники безопасности, борьбы за снижение травматизма и заболеваемости. Необходимо ввести в научный оборот сведения о сети сельских больниц, магазинов, столовых, бань, прачечных, ателье, спортивных сооружений и т. д. Практически ничего не написано об уровне материального благосостояния других групп

населения села — рабочих совхозов, МТС, работников заготовительных органов, сельской интеллигенции. Нет публикаций и о материальном положении сельских жителей разных национальностей, населяющих многонациональный Урал.

Характеризуя материальное благосостояние сельского населения края, исследователи, на наш взгляд, должны, во-первых, проследить изменение показателей благосостояния в динамике на протяжении всего исследуемого периода, во-вторых, сравнить достигнутый объем потребления с научно обоснованными нормами и, в-третьих, выявить общее и особенное в уровне благосостояния различных групп сельских жителей Урала, сопоставить эти показатели с общесоюзными данными и показателями других категорий населения.

Решить названные проблемы можно с помощью не только традиционных, но и таких малоиспользуемых исследователями источников, как годовые отчеты колхозов, совхозов, МТС, бюджеты колхозников и совхозных рабочих. Необходимо изучить и данные статуправлений о развитии социальной инфраструктуры села. Все это позволит создать цельную картину материального благосостояния сельских тружеников Урала за все годы Советской власти.

Примечания

1. Ниренбург Я.Л. К вопросу об осуществлении на Урале ленинского Декрета о земле // В кн. : Победа Октябрьской революции на Урале и успехи социалист. строительства за 50 лет Советской власти. — Свердловск, 1968. — С. 51–57; Евдокимов Л.А. Деятельность земельных комитетов по проведению первых аграрных преобразований на Урале в ноябре 1917 — марте 1918 г. // В кн. : Из истории парт. орг. Урала. — Свердловск, 1974. — Вып. 2. — С. 19–27; Машин М.Д., Половинко В.П. Осуществление первых социалистич. преобразований в уральской деревне в период установления и упрочения Советской власти (октябрь 1917 — июнь 1918 гг.) // В кн. : Проведение аграрной политики Советской власти в Зауралье. — Челябинск, 1976. — С. 72–85; и др.

2. Иванова В.И. Деятельность парт. орг. Южного Урала по оказанию помощи крестьянству после освобождения от колчаковцев (1919–1920 гг.) //

В кн. : Вопр. аграрной истории Урала и Западной Сибири. — Свердловск, 1966. — С. 348–353; Тергышный А.Т. Деятельность коммунистов Урала по укреплению деревенских Советов и оказанию хозяйств. помощи крестьянству (1919–1920 гг.) // В кн. : Из истории парт. орг. Урала. — Свердловск, 1971. — С. 52–64; Он же. Хозяйств. политика партии и Советского правительства в деревне в 1919–1920 гг. (по материалам Урала) // В кн. : Парт. руководство

революционной борьбой и хозяйств. деятельностью трудящихся Урала. 1918–1920. — Свердловск, 1982. — С. 136–154.

3. Герасимюк В.Р. Уравнилельное распределение земель в европсийской части Российской Федерации и 1918 г. // История СССР, 1965, № 1. — С. 94–103; Ефременков Н.В. Колхозное строительство на Урале 1917–1930 гг. // В кн. : Из истории коллективизации сельского хоз-ва. — Свердловск, 1966. — Вып. 1. — С. 3–131.

4. Анистратенко В.П. Некоторые вопросы хозяйств. и полит. состояния зауральской деревни накануне перехода к нэпу. // Ученые зап. Урал. ун-та. — Свердловск, 1970. — № 103. — Вып. 18. — С. 77–96; Муравьев В.Е., Гуров В.П. Характер и основные направления социальнo-эконом. процессов в уральской деревне накануне введения нэпа // В кн. : Из истории социалист. строительства на Урале. — Свердловск, 1976. — С. 13–21; Гуров В.П. Эконом. и полит. положение уральской деревни накануне перехода к новой эконом. политике // В кн. : Наш край. — Свердловск, 1971. — С. 115–123; и др.

5. Обожди В.П. Выборочное обследование крестьянских хоз-в на Урале в 20-е гг. и публикация их материалов // В кн. : Проблемы истории СССР. — М., 1974. — С. 288–304; Бокарев Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хоз-в 20-х годов как истор. источник. — М., 1981; и др.

6. Толмачева Р.П. Социальная дифференциация крестьянства в восстановит. период (1921–1925 гг.) // В кн. : Вопр. истории Урала. — Свердловск, 1965. — Вып. 6. — С. 136–143; Гуров В.П. Структура и динамика крестьянских хоз-в на Урале в годы восстановит. периода (1921–1925 гг.) // В кн. : Научные тр. кафедр истории КПСС, философии и научного коммунизма. — Свердловск : СИНХ, 1969. — Вып. 2. — С. 114–124; Анистратенко В.П., Куликов В.М. Социально-эконом. развитие уральской деревни в конце восстановит. периода // В кн. : Из истории парт. орг. Урала. — Свердловск, 1971. — С. 78–95; Муравьев В.Е. Социальный состав уральской доколхозной деревни середины 20-х годов // В кн. : Из истории коллективизации сельского хоз-ва Урала. — Свердловск, 1972 — Вып. 3. — С. 3–13.

7. Толмачева Р.П. Социальная дифференциация крестьянства в восстановит. период (1921–1925 гг.). — С. 143–146.

8. Гришанов В.П. Парт. руководство деятельностью сельских Советов по созданию социально-эконом. предпосылок коллективизации сельского хоз-ва Урала в 1926–1929 гг. // В кн. : Деятельность парт. орг. Урала по созданию материально-технич. базы социализма. — Челябинск, 1982. — С. 46–63; Ефременков Н.В. Социально-эконом. отношения в уральской деревне накануне коллективизации // В кн. : Вопр. истории Урала. — Свердловск, 1963. — Вып. 4. — С. 123–158; Муравьев В.Е. Земельная аренда в уральской доколхозной деревне // В кн. : Вопр. истории Урала. — Свердловск, 1969. — Вып. 8. — С. 249–263; Он же. К истории создания предпосылок массовой коллективизации на Урале // В кн. : Из истории социалист. стр-ва на Урале. — Свердловск, 1976. — С. 51–66; Киреев Р.П. Некоторые вопросы социально-эконом. отношений в уральской деревне накануне перехода к коллективизации // Ученые зап. Урал. ун-та. — Свердловск, 1980. — Вып. 103. — С. 143–150; Плотников И.Е. Роль Советов Урала в регулировании социально-эконом. отношений в деревне накануне коллективизации // В кн. : Из истории Южного Урала и Зауралья. — Челябинск, 1975. — Вып. 9. — С. 91–109.

9. Пономарева Р.Н. Деятельность парт. орг. по улучшению учета и оплаты труда в колхозах Зауралья в 1931—1932 гг. // В кн. : Из истории коллективизации сельского хоз-ва Урала. — Свердловск, 1968. — Вып. 2. — С. 139—152.
10. Иванова М.А. Парт. орг. Урала в борьбе за укрепление колхозов (1935—1937 гг.) // В кн. : Из истории парт. орг. Урала. — Пермь, 1967. — С. 139—152; Она же. Некоторые материалы о состоянии единоличного крестьянского хоз-ва на Урале накануне завершения коллективизации // В кн. : Уральский археографич. ежегодник за 1972 г. — Пермь, 1974. — С. 74—108.
11. Александров В.А., Волков И.М., Тюкавкин В.Г. Проблемы изучения аграрной истории СССР в свете решений XXVI съезда КПСС // В кн. : XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-полит. развитие деревни). — Уфа, 1984. — С. 21.
12. Ветлугин И.М., Потапов Н.Г., Толмачева Р.П. Историография истории послевоенной уральской деревни // В кн. : Сельское хоз-во и крестьянство СССР в совр. советской историографии. — Кишинев, 1977. — С. 157.
13. Антуфьев А.А. Материальное благосостояние рабочего класса Урала в годы Великой Отеч. войны // В кн. : Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937—1975). — Свердловск, 1981. — С. 82—101; Мотревич В.П. Материальное положение колхозников Среднего Урала в период Великой Отеч. войны (1941—1945) // Там же. — С. 45—66.
14. Толмачева Р.П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946—1950 гг.). — Томск, 1979. — С. 172—183.
15. Ефремов С.Л. Экономика сельского хоз-ва Удмуртии. — Ижевск, 1971; Илишев Г.Ф. Деятельность Башкирской парт. орг. по развитию сельского хоз-ва (1946—1970 гг.). — Саратов, 1982. — С. 116—118; Толмачева Р.П. Колхозы Урала в 50-е гг. — Томск, 1981; и др.
16. Павлов Н.П. Крестьянство Удмуртии 1946—1970. Историко-социол. очерки. — Ижевск, 1975. — С. 138—164.
17. Уровень жизни населения и трудовые ресурсы крупного эконом. района. — Свердловск, 1976.
18. Плотников В.Е., Севрюкова М.П. Материальное стимулирование — важный фактор использования трудовых ресурсов сельского хоз-ва // В кн. : Уровень жизни населения и трудовые ресурсы крупного эконом. района. — Свердловск, 1976. — С. 137—142; Трифонов Е.В. Территориальные особенности уровней заработной платы в сельском хоз-ве Урала // В кн. : Труд и кадры в нар. хоз-ве. — Свердловск, 1975. — С. 122—129; Филиппов Н.Н. Преодоление текучести и создание постоянных кадров сельских механизаторов // В кн. : Труд и кадры в нар. хоз-ве. — Свердловск, 1970. — С. 176—182; Шульц В.Д. Оплата по труду в условиях индустриализации с.-х. производства под влиянием научно-технич. революции. — Свердловск, 1977. — С. 80—86.
19. Филиппов Н.Н., Трифонов Е.В. Повышение материального уровня жизни колхозников Урала // В кн. : Труд и кадры в нар. хоз-ве. — Свердловск, 1976. — С. 119—128.
20. Берсенев В.Л. Общественные фонды потребления Свердловской области (1965—1970) // В кн. : Материально-бытовое положение трудя-

щихся Урала в условиях социализма (1937–1975). — С. 127–147; Филиппов Н.Н., Трифонов Е.В. Общественные фонды потребления колхозов // В кн. : Уровень жизни населения и трудовые ресурсы крупного эконом. района. — Свердловск, 1976. — С. 132–136.

21. Мишахин В.И. Победа колхозного строя и рост материального благосостояния крестьянства // В кн. : Прошлое и настоящее сел Удмуртии. — Ижевск, 1973. — С. 5–22.

22. Бугаев С.А. Личное подсобное хозяйство. Его место и роль в социалист. экономике (на примере Урал. эконом. района). — Пермь, 1968; Мильников А. Тенденции развития личного подсобного хозяйства сельских тружеников // В кн. : Отраслевая экономика подсобного хозяйства Удмуртской АССР. — Ижевск, 1974. — С. 104–115; Плотнокова В.Е., Лушина В.Е., Деменева Л.А. Роль натуральных выплат и личного подсобного хозяйства в доходах и потреблении населения // В кн. : Уровень жизни населения и трудовые ресурсы крупного эконом. района. — Свердловск, 1976. — С. 127–131; Тюрев К.И. Воспроизводство в колхозах, совхозах и личном подсобном хозяйстве. — Ижевск, 1981; и др.

23. Филиппов Н.Н., Трифонов Е.В. Повышение материального уровня жизни колхозников Урала. — С. 126.

24. Вилесов Ф.М. Деятельность парт. орг. Урала по повышению материального благосостояния и улучшению бытовых условий сельского населения (1956–1970 гг.) // В кн. : Социально-полит. и эконом. развитие советской деревни. — Ярославль, 1981. — С. 111–119; Зверев Е.П. Участие рабочего класса в улучшении материально-бытовых условий тружеников уральской деревни (1966–1975) // В кн. : Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937–1975). — С. 148–163; Кузеев Р.Г. Ямалов М.Б. Рабочий класс — колхозному крестьянству (из опыта шефства рабочего класса над колхозным крестьянством). — Уфа, 1974. — С. 82–85; и др.

25. Бухтияров П. Развитие кооперативной торговли на Урале. — Челябинск, 1971; Серебренникова Р.А. Роль бытовых услуг в повышении уровня жизни населения // В кн. : Уровень жизни населения и трудовые ресурсы крупного эконом. района. — С. 94–97; и др.

26. Важенин С.Г. Социальная инфраструктура народнохозяйств. комплекса. — М., 1984.

27. Новиков Ю.М., Опарин М.В. Роль непроизводств. сферы в эффективном использовании трудовых ресурсов // В кн. : Уровень жизни населения и трудовые ресурсы крупного эконом. района. — С. 27–33.

28. Важенин Г.Ф., Важенин С.Г., Неустроев Б.Ф. Город и деревня : Новый этап сближения. — Свердловск, 1976; Ветлутин И.М. О преодолении культурно-бытовых различий между городом и деревней (на материалах Среднего Урала) // В кн. : Проблемы истории совр. советской деревни : 1946–1973 гг. — М., 1975. — С. 445–452; Давлетшин Р.А. Сближение материальных и культурно-бытовых условий жизни города и деревни на совр. этапе // В кн. : Социально-эконом. и культурные преобразования в Башкирской АССР (к 60-летию БАССР). — Уфа, 1979. — С. 18–33; Першина И.И. К вопросу о сближении жизненного уровня городского и сельского населения // В кн. : Уровень

жизни населения и трудовые ресурсы крупного эконом. района. — С. 66—69; Синюшин А. Роль потребительской кооперации в решении проблемы сближения уровня жизни городского и сельского населения // В кн. : Отраслевая экономика нар. хоз-ва Удмурт. АССР. — С. 86—103; и др.

Неопубликованные материалы Госкомстата СССР как источник по истории совхозов в 1940—1950-е гг. *

При изучении истории сельхозпредприятий особую ценность для исследователей представляет фонд 1562 ЦГАНХ СССР, содержащий огромный массив статистики. Первостепенный интерес вызывают таблицы по валовой продукции сельского хозяйства. Они содержат данные о производстве во всех категориях хозяйств, как в натуральном, так и в денежном выражении. Однако вплоть до 1953 г. продукция растениеводства исчислялась по видовой урожайности, а ее стоимость за исследуемый период приводилась в ценах разных лет. Это серьезно затрудняет работу исследователей с данными материалами.

Важным источником при характеристике совхозов являются материалы годовых отчетов. Они дают разнообразную информацию обо всех сторонах деятельности советских хозяйств в областном и республиканском разрезе. Большую ценность представляют ежегодные аналитические записки статуправлений об итогах хозяйственной деятельности сельхозпредприятий, бюджетные обследования, где содержатся сведения о составе семьи, состоянии личного подсобного хозяйства, денежных и натуральных доходах, уровне потребления и др.

При характеристике сельского населения Советского Союза накануне Великой Отечественной войны ценным источником являются материалы Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г. Они содержат подробные сведения о численности и составе населения, его профессиональной и половозрастной структуре, уровне образования и др.

Таким образом, неопубликованные материалы Госкомстата СССР являются необходимым источником при характеристике сельскохозяйственных предприятий 1940—50-х гг., они обеспечивают комплексное изучение проблемы в динамике.

* Ранее опубликовано в кн. : Тезисы докладов и сообщений. IV Республиканской научной конф. по истор. краеведению. — Киев : Изд-во КГУ, 1989. — С. 103—104.

Новые материалы по истории сельского хозяйства и советского крестьянства *

Перестройка в исторической науке предполагает не только отказ от многих догматических положений, обновление всей концепции истории советского общества, но и введение в научный оборот крупного массива новых источников. Это позволит создать надежный фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было бы опереться. Ценными в этом отношении являются материалы центральных архивов, в частности, ЦХАНХа СССР и ЦГА РСФСР, большинство из которых были до недавнего времени закрыты для исследователей.

При характеристике сельского населения СССР накануне и в период Великой Отечественной войны важными являются данные Всесоюзной переписи населения 1939 г. (ЦГАНХ СССР. Ф. 1562; ЦГА РСФСР. Ф. 334). Они содержат подробнейшие сведения о численности и составе населения, профессиональной и половозрастной структуре, уровне образования. Перепись позволяет характеризовать национальный состав населения, выявить его связь с уровнем образования и профессиональным составом сельчан. Открыты для изучения и дела демографической описи фонда Госкомстата СССР (ЦГАНХ СССР. Ф. 1562. Оп. 20), дающие подробные сведения о численности городского и сельского населения в разрезе республик и областей, а также данные о рождаемости, смертности, миграции населения и т.д.

Первостепенный интерес вызывают динамические таблицы валовой продукции сельского хозяйства. Они содержат сведения о размерах сельскохозяйственного производства по всем категориям хозяйств в натуральном и стоимостном выражении. Важны ежегодные аналитические записки республиканских и областных органов статистики об итогах хозяйственной деятельности сельхозпредприятий. Ценным источником являются годовые отчеты колхозов, совхозов и МТС, дающие разнообразную информацию о них в масштабах страны, республики, области и даже района. В фондах Госкомстата обла-

* Ранее опубликовано в кн. : *Социально-экономические и политические проблемы истории крестьянства Северо-Запада РСФСР.* — Новгород : НГПИ, 1991. — С. 121–123.00

стных государственных архивов сохранились и годовые отчеты отдельных сельхозпредприятий, что позволяет получить развернутую картину их деятельности на всех уровнях.

Непосредственно примыкают к данным статистических органов материалы Наркомата заготовок СССР (ЦГАНХ СССР. Ф. 8040) и его областных управлений. В них содержатся обобщающие сведения о ходе и размерах заготовок всех видов сельскохозяйственной продукции. Однако заготовительные органы в первую очередь учитывали зачетное количество сданной продукции (а не фактическое), что затрудняет работу исследователей.

Важными являются данные центральных планирующих и финансовых органов (ЦГАНХ СССР. Ф. 4372, 7733; ЦГА РСФСР. Ф. 262, 411). Это разного рода докладные и аналитические записки, сводки, справки, отчеты и т. д., дающие подробную характеристику состояния сельскохозяйственного производства. Особо отметим материалы Совета Министров РСФСР (ЦГА РСФСР. Ф. 259), представляющие собой переписку и распоряжения Совмина, а также проекты постановлений и подготовительные материалы к ним. По своей научной информативности они заметно превосходят традиционный круг источников по аграрной истории советского периода.

Несмотря на расширение круга доступных материалов, многие из них по-прежнему находятся на ограниченном доступе и выдаются с разрешения фондообразователя. К ним относятся многие постановления центральных органов по вопросам сельского хозяйства, сведения о размещении в восточных районах СССР эвакуированного и депортированного населения и многие другие. Все они еще ждут своих исследователей.

Новые материалы по истории военнопленных Второй мировой войны *

В современных условиях перед историками встают принципиально новые задачи. Отказ от догматизма, усиление контактов с зарубежными учеными, смягчение цензурных ограниче-

** Ранее опубликовано в кн. : Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства // Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 10–14 июня. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1992. — С. 85–86.*

ний позволяют развернуть изучение многих проблем отечественной истории, неисследованных ранее. Одна из них — военнопленные в СССР. После окончания Второй мировой войны на территории нашей страны в плену находилось 4,1 млн человек, в том числе свыше 200 тыс. — на Урале. Количественный и национальный состав пленных, дислокация лагерей, условия жизни в них, трудоустройство этих людей — эти и другие проблемы весьма перспективны для исследования.

По данной проблеме в фондах бывшего НКВД сохранился крупный массив архивных материалов. Среди них — формуляры лагерей для военнопленных, отчеты лагерной администрации, целые фонды отдела трудового использования, издательского отдела, отделов по антифашистской борьбе и антифашистских школ. Много данных о зверствах оккупационных войск, а также благодарственных писем от военнопленных в адрес И. В. Сталина и зарубежных организаций. В архивах хранятся литературные произведения военнопленных, фотоальбомы, описания их жизни и многочисленные воспоминания. Отдельно идут материалы по национальным группам пленных: немцам, отдельно по австрийцам, венграм, румынам, французам и голландцам, японцам.

В результате войны тысячи военнопленных навсегда остались в нашей земле. Только на Урале на 216 кладбищах захоронено 30 тыс. пленных и интернированных лиц. Численность кладбищ, их местонахождение, степень сохранности возможности идентификации могил и эксгумации умерших вызывают в настоящее время не только научный, но и практический интерес. В первые послевоенные годы большинство воинских кладбищ находилось в хорошем состоянии. Впоследствии некоторые из них оказались в зонах промышленного и жилищного строительства и были ликвидированы, другие остались без ухода и пребывают в запустении. Тем не менее, в отличие от густонаселенных европейских районов страны, на Урале сохранились десятки кладбищ и тысячи захоронений военнопленных.

В архивах хранится полмиллиона личных дел умерших, содержащих сведения об их национальности, дате и месте рождения, подданстве, партийности, вероисповедании, образовании, профессии, месте и времени призыва в армию, месте службы, пленения, воинском звании и дате смерти. Имеются и вы-

писки из истории болезни, содержащие подробные сведения о больных. Сохранились планы и внутренние схемы кладбищ, что позволяет при необходимости идентифицировать могилы при условии, что на данной территории не велись строительство, лесоустроительные и сельскохозяйственные работы.

Состояние источниковой базы позволяет вести исследовательские работы в указанном направлении. Их результаты будут иметь серьезное научное и гуманистическое значение. Публикация списков умерших военнопленных, выявление их судеб и мест захоронения будет способствовать улучшению взаимопонимания между народами, примирению между русскими и немцами, поможет подвести черту под итогами прошедшей войны.

Репрессии против поляков и польских граждан на Среднем Урале в 1930–1940-е гг. (состояние источниковой базы)*

Польская проблема занимает особое место в истории Советского Союза 1930–1940-х гг. Поляки — граждане нашей страны — составили одну из наиболее многочисленных этнических групп, ставших жертвой политических репрессий в СССР. Что же касается граждан Польши, то ни одна европейская нация не понесла таких страшных потерь, как польская, оказавшаяся в те годы между двумя тоталитарными режимами. Значительное число поляков и польских граждан были направлены в те годы в ссылку на Урал, многие из них были здесь репрессированы повторно.

Наиболее интересные документы по данной проблеме оказались в фондах Государственного архива РФ. В первую очередь они посвящены добровольной и принудительной миграции поляков на Урал в 1920–1940-е гг. Так, в фондах Наркомата труда сохранились докладные записки об использовании иностранных рабочих при строительстве и вводе в эксплуатацию многих промышленных предприятий. Фонды 4-го спецотдела и секретариата МВД — НКВД содержат богатейшие материалы о численности и размещении польских осадников и беженцев. Здесь же есть документы и о репатриации бывших польских граждан на Родину в первые послевоенные годы.

** Ранее опубликовано в : Каторга и ссылка на Севере России. Т. 1. Польская ссылка. — Архангельск : ПГУ, 2004. — С. 283–285.*

Более детально этот аспект миграции бывших польских граждан отражен в фондах Главного переселенческого управления при Совете Министров СССР — в справках и докладных записках о численности бывших польских граждан, выехавших в Польшу.

В местных архивах наибольший интерес представляют личные и уголовно-следственные дела на поляков, осужденных на территории Среднего Урала в годы тоталитаризма. Дела реабилитированных в настоящее время граждан польской национальности хранятся в Государственном архиве административных органов Свердловской области и содержат бесценные материалы о судьбах тысяч людей. Среди хранящихся в этих делах документов — постановления и ордера на аресты, протоколы обыска, анкеты арестованных и их фотографии, протоколы допросов арестованных и проходящих по их делам свидетелей, обвинительные заключения, медицинские справки, донесения агентуры, вещественные доказательства, фотографии, документы и письма обвиняемых и т. д.

Непосредственно примыкают к данному виду источников и издаваемые в областях и республиках РФ Книги памяти жертв политических репрессий. Они создаются на основе архивно-следственных дел на лиц, подвергшихся политическим репрессиям и осужденных по политическим статьям. Книга памяти составляется в алфавитном порядке, в нее вносятся следующие сведения о каждом репрессированном: фамилия, имя и отчество, год рождения, место рождения, национальность, место жительства на момент ареста, место работы, должность, дата ареста, дата осуждения, мера наказания (при высшей мере наказания указывается дата расстрела). В настоящее время в Свердловской области издано три Книги памяти, содержащие информацию о жертвах репрессий с 1926-го по начало 1950-х гг.; еще шесть книг подготовлены к печати.

Ценным источником по исследуемой проблематике является и документация загсов, книги записи актов о смерти в первую очередь. Данный источник позволяет определить основные районы концентрации польского населения, составить списки умерших и определить места их захоронений. В равной степени это относится и к выявлению судеб тех поляков, кто в годы Второй мировой войны проходил службу в германской армии или как участник польского Сопротивления был ин-

тернирован в СССР в первые послевоенные годы. Хранящиеся в РГВА фонды бывшего «Особого архива» содержат кладбищенские книги на военнопленных и интернированных иностранных граждан, позволяющие не только установить причину их смерти, но и с высокой степенью достоверности определить место захоронения. Часть этой документации отложилась и на местах в архивах информационных центров областных управлений внутренних дел.

Немалый интерес для исследователей представляют и рассекреченные в последние годы материалы территориальных органов НКВД, хранящиеся в архиве УФСБ РФ по Свердловской области. Среди них справки о находившихся на территории Среднего Урала польских осадниках, спецдонесения о деятельности католической церкви, материалы по сфабрикованному в 1937–1938 гг. органами государственной безопасности делу «польской военной организации», данные о ликвидированной в Таборинском районе антисоветски настроенной группе поляков (агентурное дело «Пилсудчики»), сведения о разоблаченных в годы Великой Отечественной войны агентах польской разведки и т. д. Все они обладают высокой степенью информативности и до настоящего времени не вводились в научный оборот.

При изучении польского населения СССР необходимо широко использовать и статистические источники. Важнейшими из них являются Всесоюзные переписи населения СССР 1926 и 1959 гг., а также не опубликованные до настоящего времени в областном разрезе результаты Всесоюзной переписи 1939 г., хранящиеся в ГАРФ и РГАЭ. Они содержат сведения о численности, размещении и половом составе польского населения в отдельных областях и республиках СССР. Помимо опубликованных, немалый интерес представляют и неопубликованные источники по статистике польского населения в СССР. Среди них отметим результаты Всесоюзной переписи населения 1937 г., содержащие данные о численности, размещении и половозрастном составе иностранных граждан на территории Советского Союза, в том числе и поляков. Они свидетельствуют о том, что в январе 1937 г. только на территории Свердловской области был учтен 401 гражданин Польши. При этом только 82 из них по национальности являлись поляками, остальные же были представителями других народов, в т. ч.

евреями — 145 человек, белорусами — 111, украинцами — 44 человека.

В местных архивах отложились и другие разнообразные материалы о нахождении поляков на Урале. Среди них списки польских военнопленных, поступивших в концентрационный лагерь № 1 в Екатеринбурге в 1921 г., служебная переписка об условиях их содержания, данные о персональном составе умерших в плену и др. Все это позволяет разобраться в судьбах репрессированных поляков, составить списки находившихся в лагерях, тюрьмах и на спецпоселении людей, отыскать и благоустроить заброшенные кладбища. В целом можно констатировать, что делопроизводственная документация является важнейшим источником по данной тематике; информационный потенциал ее весьма высок и позволяет вести многостороннее изучение большинства аспектов истории польского населения на Среднем Урале.

Архивные материалы о захоронениях иностранных военнопленных Второй мировой войны на Урале *

В ходе Второй мировой войны и после ее окончания на территории Урала находилось свыше 200 тыс. военнопленных из состава венгерской, германской, итальянской, румынской, финской и японской армий, а также немцы, интернированные из стран Восточной Европы. Приблизительно 30 тыс. человек из числа военнопленных и интернированных иностранных граждан умерли. Они захоронены на 190 специальных воинских кладбищах, расположенных во всех областях и автономных республиках региона.

Больше всего иностранных граждан было размещено на территории Свердловской области. Она имела самый мощный на Урале промышленный потенциал и остро нуждалась в дополнительной рабочей силе. В первой половине 1950-х гг. здесь располагался и самый крупный в СССР лагерь для осужденных военнопленных и интернированных лиц. В результате количество умерших на Среднем Урале иностранных граждан

** Доклад на Всероссийской научной конференции по исторической демографии «Этнодемографические процессы в странах и регионах Евразии: истор. опыт, современное состояние, перспективы развития». Сыктывкар, 28-30 августа 2007 г.*

составило 14 тысяч человек, захоронены они были на 94 специальных кладбищах.

Кроме того, в ходе предпринятых поисковых работ удалось обнаружить три иностранные воинские кладбища в Курганской области, 19 — в Оренбургской, столько же в Пермской и 30 — в Челябинской области. Имеются они и в уральских автономиях — 11 в Башкирии, 14 — в Удмуртии. Иностранные воинские захоронения находятся и в других регионах России. Их количество постепенно сокращается по направлению с Запада на Восток. В Кировской области, например, нами было обнаружено 24 иностранных кладбища, а вот в Тюменской — лишь два. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке картина меняется, что связано с преимущественным расположением там лагерей для военнопленных из состава японской армии.

В 1990-е гг. Советский Союз, а впоследствии Российская Федерация, подписали европейскими странами и Японией соглашения о статусе советских воинских кладбищ на территории этих государств и захоронениях иностранных военнослужащих и интернированных гражданских лиц на территории нашей страны. В соответствии с данными соглашениями российская сторона обязывалась предоставить зарубежным партнерам информацию о нахождении и состоянии захоронений военнослужащих их армий, а также оказывать необходимое содействие в проведении благоустроительных работ. Весьма настойчиво требуют информацию о состоянии мест захоронений и десятки тысяч граждан государств, чьи родственники погибли в России. Таким образом, данная проблема получила не только научное, но политическое и гуманистическое звучание, что весьма значимо в условиях возврата нашей страны к восприятию многих общечеловеческих ценностей.

По проблеме нахождения в СССР военнопленных Второй мировой войны главным хранителем информации является Центр хранения историко-документальных коллекций (бывший «Особый архив», а ныне РГВА). По данной проблеме в фондах архива сохранился крупный массив документальных материалов, среди которых: формуляры лагерей для военнопленных, отчеты лагерной администрации, справки отдела трудового использования, документы отделов по антифашистской борьбе и антифашистских школ. Имеется много свидетельств о зверствах немецко-фашистских войск на временно

оккупированной территории Советского Союза, а также множество благодарственных писем от военнопленных в адрес И. В. Сталина.

В архивах хранятся и литературные произведения военнопленных, а также фотоальбомы об их жизни в плену, многочисленные воспоминания о пребывании в нашей стране и т. д. Материалы подобраны отдельно по немцам, отдельно по австрийцам, голландцам, французам, японцам и т. д. В архиве хранятся также личные дела и учетные карточки военнопленных. Учетные карточки сосредоточены в специальном алфавитном каталоге. Среди них особо выделим картотеку на оказавшихся в советском плену генералов иностранных армий.

Весьма ценные и подробные материалы сохранились и по захоронениям военнопленных иностранных армий, а также интернированным в Советский Союз гражданским лицам. Следует отметить, что в начальный период Великой Отечественной войны учет плененных Красной Армией и впоследствии умерших иностранных военнослужащих органами НКВД был мало документирован. Правда, и пленных было совсем немного, первые крупные контингенты их оказались в советском плену только после Сталинградской битвы. Поэтому летом 1943 г. органы ГУПВИ НКВД СССР приняли меры по упорядочению оформления документов персонального учета на умерших в плену, а с осени 1944 г. началась плановая организация мест захоронений военнопленных и оформление соответствующей документации.

Учет умерших военнопленных осуществлялся путем записи в специальной кладбищенской книге. Она содержала следующие сведения о каждом из захороненных: фамилия, имя и отчество, год рождения, национальность, воинское звание, дата смерти и дата захоронения, номер могилы и номер квадрата. Кроме того, во многих книгах имелись отдельные приложения, в которых на основании учетных карточек составлялись краткие справки об умерших. Они включали сведения о месте рождения и месте жительства до призыва в армию, гражданстве, образовании, гражданской профессии, времени призыва в армию, месте службы и должности, времени и месте пленения.

Кроме списков умерших по каждому кладбищу составлялась и кладбищенская схема. В соответствии с существовавшим порядком территория каждого кладбища военнопленных раз-

бывалась на квадраты по 25 могил в каждом. Каждый квадрат имел свой номер, начиная с первого. Захоронения производились в порядке нумерации могил слева направо в соответствии с хронологией смерти. Нумерация могил осуществлялась отдельно для каждого квадрата. На каждой могиле устанавливался опознавательный знак — деревянный кол с прибитой на нем дощечкой. В ряде случаев на могиле устанавливали металлический стержень с приваренной к нему металлической табличкой (кладбища лагеря № 314 в г. Каменске-Уральском, лагеря № 102 в г. Челябинске, спецгоспиталя № 2929 в г. Нижнем Тагиле и др.). На табличке в числителе указывали номер могилы, а в знаменателе — номер квадрата. Писать фамилию и имя умерших запрещалось, однако в ряде случаев этот порядок не соблюдался. Так, в частности, проведенная в 1946 г. проверка состояния кладбища военнопленных в г. Новая Ляля Свердловской области показала, что на дощечках вместо номеров указаны имена и фамилии пленных. Кладбищенская схема представляла собой, как правило, сделанный на листе бумаги чертеж в виде прямоугольника. На нем изображались пронумерованные квадраты, в каждом из которых находилось двадцать пять также пронумерованных могил.

Кладбище организовывали либо на территории самого лагеря, либо в непосредственной близости от него. При этом оно ограждалось колючей проволокой или деревянным забором. Разрешение на занятие данного участка получали у местных органов власти, но это требование соблюдали далеко не всегда. По каждому кладбищу составлялась так называемая «легенда». Она представляла собой схему его расположения на местности с необходимыми привязками, ориентированную по частям света.

После ликвидации лагеря, спецгоспиталя или отдельного рабочего батальона его администрация передавала кладбище под надзор местным органам власти, о чем составлялся соответствующий акт. Кладбищенские схемы и планы, а также списки умерших, передавали в территориальные отделы МВД, учетные дела умерших вместе учетными карточками отправляли в Москву в ГУПВИ МВД СССР. Впоследствии они и были сосредоточены в «Особом архиве».

На протяжении послевоенных лет, а во многих местах и в 1960—1970-е гг., иностранные воинские кладбища находились

под надзором органов МВД. Сохранились многочисленные справки и акты их осмотров с описанием состояния захоронений на дату проверки. Имеются и материалы хозяйственных служб, которые отвечали за содержание захоронений. Среди них отчеты о состоянии иностранных кладбищ и затратах на их содержание.

Как уже указывалось, первоначально часть документов об иностранных военнопленных была направлена в Москву, другие хранились на местах. Здесь они оказались распыленными по различным архивохранилищам. Небольшая часть лагерной документации попала в фонды государственных архивов (в Серовский филиал ГАСО, например). Другие документы — справки о нахождении военнопленных на территории областей, фотоальбомы оказались в архивах областных управлений ФСБ. Материалы на необоснованно репрессированных из числа иностранных граждан после их реабилитации в настоящее время переходят в ведение архивов административных органов. Наиболее же информативные материалы по исследуемой проблеме — копии кладбищенских книг, а также акты и справки о результатах контроля за состоянием кладбищ хранились в территориальных органах МВД. В начале 1960-х гг. в соответствии с указанием МВД СССР они были изъяты с мест и сосредоточены в Москве. Правда, не все. Так, в частности, на хранении в архиве ИЦ УВД Пермской области остались материалы по размещавшемуся в первые послевоенные годы в г. Краснокамске лагерю № 207. Не были переданы в «Особый архив» и материалы на осужденных военнопленных. Так, документы по лагерю № 476 МВД СССР для военных преступников, отделения которого располагались в г. Асбесте, Дегтярске, Первоуральске, Ревде и Свердловске, и поныне хранятся в архиве ИЦ УВД Свердловской области. Здесь же имеются и копии переданных в центр кладбищенских книг, но их немного. Такие же разрозненные материалы по отдельным лагерям и кладбищам военнопленных находятся и в архиве ИЦ УВД Оренбургской области.

В 1990-е гг. по данной проблеме стал формироваться новый источник. Сотрудники созданной в Москве ассоциации «Военные мемориалы» начали обследовать расположенные на территории РФ иностранные воинские кладбища. Финансирование этой программы осуществляют заинтересованные

страны — Венгрия, Италия и Германия в первую очередь. После обнаружения и осмотра иностранного воинского кладбища составляется протокол обследования. Прежде всего, в протокол вносятся подробные сведения о месте захоронения. Указываются область и город, а также район, сельсовет и деревня, если кладбище располагается в сельской местности; размеры захоронения, количество могил и численность захороненных, а также то, к какой армии они принадлежали. Протокол содержит и много других полезных сведений: сохранились ли на месте кладбища памятные знаки и могильные холмики, имеется ли угроза разрушения данного захоронения и находится ли оно под охраной, адреса и фамилии очевидцев. В протоколе также фиксируется схема расположения кладбища с указанием ближайших ориентиров, расстояний и частей света; в случае сохранения могильных холмиков делается и план захоронения. Обязательно указывается дата осмотра иностранного воинского кладбища, фамилия, имя и отчество проводившего осмотр и его адрес. Данный источник отличается высокой степенью информативности и позволяет в дальнейшем уже не потерять часто с огромным трудом обнаруженные иностранные воинские кладбища в РФ.

Обзор сохранившихся материалов по исследуемой проблеме показывает, что, несмотря на их распыленность по различным архивохранилищам страны, они дают возможность исследовать целый круг проблем, связанных с пребыванием на территории отдельных регионов России военнопленных Второй мировой войны и интернированных иностранных граждан. Речь идет о создании базы данных по проблеме «иностранцы граждане на территории Уральского региона».

Комплекс сохранившихся источников позволяет и спустя пятьдесят лет после закрытия иностранных воинских захоронений проводить поисковые работы по выявлению их на местности. Состояние источниковой базы дает возможность в случае необходимости найти заброшенное кладбище, определить нужную могилу и провести эксгумацию и идентификацию останков. Осуществленные нами в 1990-е гг. эксгумации японских захоронений на кладбищах спецгоспиталей в пос. Ракитянка г. Медногорска Оренбургской области и пос. Рудник им. Третьего Интернационала г. Нижнего Тагила Свердловской области, перенос трех кладбищ венгерских военнопленных лагеря № 318

в Новолялинском районе, эксгумации на воинских кладбищах лагеря № 476 в г. Асбест и Первоуральск Свердловской области подтверждают это вывод. Правда, в большей степени он относится к захоронениям послевоенных лет. В годы войны пленных чаще хоронили в братских могилах, документация на эти кладбища велась далеко не всегда и сохранилась значительно хуже.

II. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО УРАЛА

Машинно-тракторные станции Свердловской области в годы Великой Отечественной войны*

В 1940 г. на Среднем Урале функционировало 70 МТС, они обслуживали 90 % колхозов области. Машинно-тракторные станции Свердловской области в целом справлялись со своими задачами, план 1940 г. был выполнен на 100,7 %. Великая Отечественная война коренным образом изменила условия деятельности МТС. Прекратилось поступление техники, часть тракторов, в основном гусеничных, а также грузовые автомашины были переданы в РККА. С началом войны резко ухудшилось снабжение горючим и запасными частями. В 1941 г. поставки керосина уменьшились, по сравнению с 1940 г., на 30,4 %, бензина — на 23 %. Одновременно стало поступать меньше запасных частей, хотя потребность в них значительно увеличилась в результате изношенности тракторного парка.

В этих условиях большую помощь МТС оказали промышленные предприятия области. Благодаря этому многие машинно-тракторные станции своевременно выполнили планы ремонтных работ. Высокий промышленный потенциал Среднего Урала позволил более полно, чем это было в целом по стране, использовать тракторный парк. В 1945 г. в СССР не работало 10,4 % имеющихся тракторов и 26,6 % комбайнов, а в Свердловской области соответственно — 4,1 и 15,8 %.

В первые месяцы войны очень остро встал кадровый вопрос, так как значительная часть механизаторов была призвана в армию. На Среднем Урале началась массовая подготовка их смены, которая проходила в сложной обстановке. Сроки обучения были сокращены, не хватало учебников, учащиеся школ механизации находились в тяжелых материально-бытовых условиях. Уровень квалификации механизаторов понизился; если в 1940 г. трактористы первой категории составляли 14,9 %, то в 1942 г. — 6,2 %.

* Ранее опубликовано в кн. : Развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма. — Свердловск : Изд-во УНЦ АН СССР, 1982. — С. 68–71.

За 1941—1945 гг. было подготовлено 26,3 тыс. человек, однако трактористов, комбайнеров, механиков все равно не хватало. Обеспеченность ими МТС значительно ухудшилась. К уборочным работам 1942 г. не доставало 308 трактористов гусеничных тракторов, 152 комбайнера, 176 бригадиров тракторных бригад и т. д. Для обеспечения МТС кадрами было решено всех трактористов и комбайнеров с предприятий временно направить для работы по специальности. В 1943—1944 гг. обеспеченность трактористами значительно улучшилась, а в 1946 г. почти достигла довоенного уровня.

Преодолевая трудности, тракторные бригады и МТС выполняли и перевыполняли планы работ. Но героический труд не мог компенсировать изношенность техники, нехватку горючего, запасных частей, слабую квалификацию. Выработка на один трактор и комбайн резко снизилась. В результате уменьшения производительности машинно-тракторного парка и сокращения его численности объем тракторных работ в колхозах, выполняемых МТС, резко упал. Общий объем тракторных работ составил в 1940 г. 2 294 тыс. га условной пахоты, а в 1943 г. — 1 021 тыс. га, т.е. уменьшился на 55,5 %.

Сокращение деятельности МТС крайне неблагоприятно отразилось на сельскохозяйственном производстве в колхозах, для которых был характерен высокий процент посевных площадей. Уменьшение числа трудоспособных и недостаток тяги привели к тому, что сроки полевых работ начали затягиваться. Весенний сев зернобобовых был проведен, по состоянию на 25 мая, в 1940 г. на 93,8 %, в 1942 г. — на 90,1; в 1943 г. — на 56; в 1944 г. — на 62,3; а в 1945 г. — на 48,2 %. При этом сельскохозяйственные работы велись с нарушением агротехники. В 1942 г. подъем паров был проведен с опозданием, план взмета зяби выполнен на 21,4 %, лущения стерни — на 2 %. В колхозах ухудшился уход за посевами, правильные севообороты почти не применялись. Началось засорение полей сорняками, особенно овсюгом, урожайность зерновых уменьшилась с 11,5 ц с га в 1940 г. до 5,7 ц в 1943 г. Стали затягиваться и сроки уборки, что приводило к большим потерям урожая. В 1942 г. остались необработанными 13,6 га зернобобовых.

Учитывая сложившееся положение, ГКО в постановлении «О мероприятиях по усилению продовольственной базы про-

мышленных центров Свердловской области» предложил Наркомзему СССР и Свердловскому обкому ВКП (б) укрепить необходимыми кадрами и инвентарем МТС пригородной зоны. Были увеличены нормы расхода горючего на гектар пахоты и решено электрифицировать в 1944—1945 гг. 40 МТС. Постановление ГКО запрещало в 1944 г. мобилизовывать рабочую силу из колхозов, что уменьшило текучесть механизаторов. Благодаря принятым мерам, а также улучшению материально-технического снабжения в 1944—1945 гг. на заключительном этапе войны машинно-тракторные станции значительно улучшили свою работу. Увеличилась среднегодовая выработка на трактор, план тракторных работ МТС выполнили в 1944 г. на 83,3, а в 1945 г. — на 100,1 %. В 1945 г. выполнили и перевыполнили план 45 машинно-тракторных станций, объем тракторных работ, по сравнению с 1943 г., увеличился на 41 %.

Великая Отечественная война сильно усложнила работу машинно-тракторных станций, в результате деятельность их значительно сократилась. Тем не менее, тракторный парк использовался в МТС Среднего Урала лучше, чем в целом по стране. Представляется, что это было связано с большим промышленным потенциалом Свердловской области, что позволяло предприятиям оказывать помощь МТС в подготовке и проведении полевых работ. Уменьшение объема тракторных работ крайне тяжело отразилось на состоянии колхозного производства в области, так как колхозы не могли компенсировать снижение механизации сельскохозяйственных работ за счет рабочего скота. К тому же на Среднем Урале доминировали посевы зерновых, а они от снижения механизации пострадали больше всего. Несмотря на это, в исследуемый период МТС оставались главной материально-технической базой колхозов. Благодаря их деятельности сельскохозяйственные артели сыграли основную роль в обеспечении населения Свердловской области продовольствием.

Трудовая активность колхозного крестьянства Урала в период Великой Отечественной войны* [1]

В современных условиях наиболее актуальным является исследование вклада труженников тыла в обеспечение победы над фашизмом. Значительную часть их составляло крестьянство, которое в тяжелейших условиях военного времени смогло дать стране необходимый минимум продовольствия. Отмечая роль советского крестьянства, ЦК КПСС в приветствии 3-му Всесоюзному съезду колхозников подчеркивал: «В памяти народной никогда не померкнет бессмертный подвиг миллионов колхозников и колхозниц на ратном и трудовом фронте в суровые годы Великой Отечественной войны» [2].

Трудовая деятельность уральских колхозников в годы войны нашла свое отражение в работах П.С. Кухаренка, В.П. Мозолина, А.Г. Наумовой, М.С. Нестеренко, В.М. Половникова [3]. В них содержится значительный фактический материал, характеризующий трудовые подвиги колхозников, показаны основные формы социалистического соревнования в колхозах. Однако, приводя сумму фактов, доказывающих усиление производственной активности крестьянства, авторы почти не исследуют причины этого; мало используется и такой надежный показатель роста трудовой активности, как среднегодовая выработка трудодней. Совершенно неисследованным остается и вопрос о том, в какой же степени вовлечение в производство всего сельского населения, рост среднегодовой выработки трудодней позволили компенсировать убыль из колхозов трудоспособных колхозников. В данной статье сделана попытка частично восполнить этот пробел и кратко осветить рост трудовой активности колхозников на материалах годовых отчетов колхозов.

В 1940 г. на Урале было 10 452 колхоза, в которых насчитывалось 3019,2 тыс. человек, что составляло треть населения региона. Колхозы давали значительную часть сельскохозяйственной продукции. В 1940 г. на их долю приходилось 86,6 % заготовленного на Урале зерна, 55 % молока, 48,8 % мяса и т.

* Ранее опубликовано в кн. : *Трудовая и общественно-политическая активность рабочего класса Урала в условиях социализма, 1937–1975.* — Свердловск : изд-во УрГУ, 1982. — С. 40–49.

д. [4]. Начавшаяся в июне 1941 г. война с Германией коренным образом изменила условия деятельности колхозов. Уже в первые месяцы на фронт ушли десятки тысяч колхозников. К концу 1941 г. число трудоспособных мужчин в колхозах Пермской области уменьшилось на 42,1 %, Свердловской — на 37,5 % [5]. Колхозники уходили не только в армию, но и в промышленность, строительство, на транспорт. В результате на Урале, районе с развитой промышленностью, убыль трудоспособного сельского населения оказалась особенно значительной. Если в целом по тыловым районам страны число трудоспособных колхозников уменьшилось на 37,2 %, то на Урале — на 42,2 % [6]. Одновременно ослабла и материально-техническая база колхозов. Прекратилось поступление техники, часть тракторов, а также грузовые автомашины были переданы в РККА. С началом войны значительно ухудшилось снабжение МТС горючим и запасными частями, снизилась и квалификация механизаторов. В результате уменьшилась производительность машинно-тракторного парка МТС. Объем тракторных работ в колхозах Урала составил в 1942 г. 53,3 %, а в 1943 г. — 43,9 % от уровня 1940 г. [7].

Ослабление материально-технической базы при одновременном сокращении трудовых ресурсов колхозов крайне тяжело отразилось на сельском хозяйстве Урала, где и до войны наблюдалась более высокая, чем в целом по стране, нагрузка посевных площадей. Если в 1940 г. в СССР на 1 трудоспособного приходилось 3,4 га посевов, а на 1 л. с. живой и механической тяги — 6,2 га, то на Урале соответственно 5,8 и 8,1 га [8]. До войны с такой нагрузкой уральские колхозы справлялись за счет механизации сельскохозяйственных работ. Сокращение же объема тракторных работ МТС существенно снизило уровень механизации. Так, в колхозах Пермской области в 1940 г. было механизировано 53 % полевых работ, а в 1943 г. — лишь 22,1 % [9]. Компенсировать снижение механизации можно было только за счет ручного труда, мобилизовав все людские ресурсы колхозов. Как учил В.И. Ленин в годы Гражданской войны, «на трудовой фронт должны быть брошены все трудоспособные силы страны, и мужчины, и женщины, даже подростки» [10].

После получения известия о начале войны в селах и деревнях Урала состоялись митинги. Собрались на митинг и жите-

ли с. Рябково Курганского района Челябинской области. Выступая на нем, колхозница Н.С. Назарова говорила: «Я хотя и старушка, но не пожалею сил, чтобы помочь нашей Красной Армии. Буду, не покладая рук работать в колхозе, чтобы получить хороший урожай». В первые дни войны на работу в колхозы вышли десятки тысяч престарелых. Только в Пермско-Ильинском районе Пермской области вышли в поле более 2 тысяч престарелых колхозников, ранее не принимавших участия в работах [11]. Вместе с взрослыми вышли работать и подростки. В колхозе «Большевик» Мехонского района Челябинской области пионеры К. Ершов, М. Ершов, В. Мурзин заложили 50 т силоса. В колхозе им. Ленина Буткинского района Свердловской области все школьники обязались помогать колхозу, ежедневно на работу выходило 25 человек [12]. В 1943 г. в сельскохозяйственных работах принимало участие 96,3 % подростков, проживающих в колхозах [13].

Вовлечение в производство всех слоев сельского населения значительно облегчило, но не решило проблему рабочей силы в колхозах. Если в 1941—1942 гг. убыль рабочей силы из колхозов была частично компенсирована за счет не работавших ранее женщин, престарелых и подростков, то в 1943—1944 гг. она уже не возмещалась. Даже в 1945 г., когда начали возвращаться демобилизованные из армии, убыль рабочей силы превышала ее прирост. Пополнение колхозов рабочей силой не восстанавливало убыль трудоспособных не только в количественном, но и в качественном отношении. За годы войны изменился качественный состав трудоспособных колхозников: доля мужчин уменьшилась с 44,5 % в 1940 г. до 18,6 % в 1944 г. [14].

Одновременно изменилось соотношение между трудоспособными колхозниками, с одной стороны, и престарелыми и подростками, с другой. Удельный вес последних в составе колхозных кадров увеличился с 30,5 % в 1940 г. до 38,1 % в 1944 г. Однако среднегодовая выработка трудней у мужчин была значительно выше, чем у пришедших им на замену женщин, престарелых и подростков. В 1940 г. среднегодовая выработка женщины составляла 59,6 % выработки мужчины, престарелого — 41,8, подростка — 23,1 % [15].

Усилению производственной активности колхозников способствовали материальные и правовые факторы. Однако, учи-

тывая материальную заинтересованность крестьян в результатах своего труда, необходимо отметить, что оплата по трудодням значительно сократилась. Например, зерновых на трудодень колхозники Оренбургской области в 1943 г. получили в 10 раз меньше, чем в 1940 г. [16]. В военные годы СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли ряд постановлений по развитию и совершенствованию дополнительной оплаты труда, однако и она применялась недостаточно [17], так же как и начисление и вычет трудодней в зависимости от качества работы — трудодней больше вычитали, чем начисляли [18]. В колхозах значительно уменьшились фонды распределения; в результате хозяйства часто даже оставались должны колхозникам по трудодням. Слабую материальную заинтересованность колхозников подтверждают и данные их бюджетов. Обследование бюджетов колхозников Свердловской области показало, что основную часть сельскохозяйственной продукции люди получали не от общественного, а от личного подсобного хозяйства. От своего хозяйства на протяжении всей войны члены сельскохозяйственных артелей получили свыше 90 % прихода картофеля, мяса, молока, яиц, 85–90 % прихода овощей. Только зерновыми общественное хозяйство обеспечивало колхозников более чем наполовину [19].

Особенностью рассматриваемого периода было и широкое применение правовых стимулов. Постановлением СНК и ЦК ВКП (б) от 13 апреля 1942 г. обязательный минимум трудодней, который колхозники обязаны были выработать в течение года, был увеличен в среднем в 1,5 раза. Для Пермской и Свердловской областей он составил 100 трудодней, для Оренбургской и Челябинской областей — 120 трудодней [20]. Обязательный минимум был направлен против той незначительной части малосознательных, которые недостаточно участвовали в общественном производстве. В целом же основная масса уральских колхозников вырабатывала обязательный минимум; в 1940 г. его выработало 94,4 % трудоспособных, в 1942 г. — 94,6, в 1943 г. — 94,5, в 1944 г. — 96,1, в 1945 г. — 94,6 %. В колхозах работало практически все трудоспособное население, в 1942–1944 гг. лишь 0,2 % трудоспособных не выработало ни одного трудодня [21]. Часто колхозники сами увеличивали обязательный минимум трудодней. Общее собрание сельскохозяйственной артели «Вос-

ход социализма» Верхне-Муллинского района Пермской области постановило увеличить обязательный минимум трудовых на 20 % [22].

Одновременно с повышением обязательного минимума стали шире использовать и меры административного воздействия. Колхозники, не выработавшие установленной нормы трудовых, исключались из колхоза и предавались суду. В 1940 г. из колхозов Пермской области были исключены 22,6 % колхозников, не выработавших обязательного минимума трудовых, а в 1944 г. — 50 %; из колхозов Свердловской области соответственно 19,5 и 29 % [23].

Таким образом, очевидно, что хотя материальные и правовые факторы оказывали определенное влияние на степень участия колхозников в общественном производстве, но не они являлись главными. С первых дней войны на первый план выступил фактор моральный. Крестьянство понимало, что над страной нависла смертельная опасность, что, хорошо работая, они тем самым защищают Родину. Конкретным содержанием массового патриотизма уральского крестьянства явилось развернувшееся с первых дней войны социалистическое соревнование, которое способствовало повышению трудовой активности колхозников.

Уже 1 июля 1941 г. колхозники Багарякского района Челябинской области выступили с призывом организовать соревнование за образцовое проведение сельскохозяйственных работ. В августе с аналогичным призывом обратились члены сельхозартели «Вперед» Красноуфимского района Свердловской области [24]. Включаясь в социалистическое соревнование, люди работали от «зари до зари», заменяя ушедших на фронт, выполняли по 2—3 нормы. Бригадир животноводческой бригады колхоза им. 1 Мая Курганского района Челябинской области Г.А. Кошкин утром и вечером работал на ферме, а днем косил в звене своего брата, ушедшего на фронт. В сельхозартели «Красное поле» Красноуфимского района Свердловской области колхозницы П. Пулышева и Ф. Свяжина заключили между собой договор не уходить с поля, не выполнив 2 нормы [25].

Подъему трудовой активности способствовали и проводимые по инициативе колхозников субботники, воскресники, фронтовые недели, декадни, месячники. Осенью 1941 г. на

Урале развернулось соревнование тружеников тыла с фронтовиками. Пермские колхозники соревновались с Северо-Западным фронтом, свердловские трудились в честь подвигов 3-й Гвардейской стрелковой дивизии, сформированной на Среднем Урале [26]. Подхватив почин бригады М. Попова с Уралмашзавода, многие колхозные бригады объявили себя фронтовыми. В 1942 г. в Свердловской области насчитывалось 47 фронтовых бригад и 170 комсомольско-молодежных фронтовых звеньев [27].

Развернувшееся в годы войны социалистическое соревнование отличалось большим разнообразием. Соревновались как отдельные колхозники, так и звенья, бригады, колхозы, сельсоветы, районы и даже области, а также районы разных республик. Так, Пермская область соревновалась со Свердловской, Челябинская с Курганской, Оренбургская с Куйбышевской [28]. Соревновались. Соревновались в честь праздников 1 мая, Великого Октября, Дня Красной Армии, а также за образцовое проведение сельскохозяйственных работ — сева, уборки, вывозки удобрений и т. д. Широко распространилось соревнование по профессиям — бороновальщиков, возчиков, косцов, лобогрейщиков, пахарей, сноповязальщиц [29]. Участники соревнования часто добивались высоких результатов. Пахари Е. Калужный и Ф. Овсянников из колхоза им. Чапаева Шарлыкского района Оренбургской области, применяя метод В. Нагорного, вспахивали, как и он, по 4 га в день. В Челябинской области в колхозе им. Шеховцева был установлен всесоюзный рекорд выработки на лобогрейке [30]. Социалистическое соревнование на Урале приобрело массовый характер. В 1943 г. в Свердловской области соревновались 8,3 тыс. пахарей и 13 тыс. бороновальщиков [31]. В 1944 г. в области насчитывалось 1 015 звеньев высоких урожаев, а в 1945 г. — 1 530, в их состав входило 11,3 тыс. человек [32].

В условиях массового трудового подъема изменился и распорядок рабочего дня в колхозах. Работали не только целый день, но часто и ночь. В колхозе «Гигант» Варгашинского района Челябинской области скирдование хлеба и его обмолот вели круглосуточно. Экономя каждую рабочую минуту, колхозники часто не только обедали в поле, но там и ночевали. Пахарь А. Зайков из колхоза «Трудовик» Пермской области работу начинал в 5 часов утра, лошадь кормил в борозде, а ночевать оставался в поле [33].

Подъем трудовой активности колхозников наиболее полно отражают показатель роста среднегодовой выработки трудодней на одного колхозника. Данные годовых отчетов показывают, что в целом в исследуемый период трудовая активность крестьянства заметно выросла. Колхозники, работая в общественном хозяйстве, вырабатывали значительно больше трудодней, чем до войны. Среднегодовая выработка мужчин увеличилась в 1944 г., по сравнению с 1940 г., на 10,6 %, женщин — на 28,1, престарелых — на 17,2, подростков — на 46,0 %. Выработка трудодней на Урале была выше, чем в целом по тыловым областям СССР. В 1944 г. она превышала общесоюзный показатель у мужчин на 20,9 %, женщин на 13,9, престарелых на 38,4, подростков на 23,3 % [34]. Значительную часть трудодней вырабатывали женщины, роль которых в колхозном производстве заметно возросла.

В 1940 г. женщины-колхозницы выработали 36,3 % общего количества трудодней, в 1942 г. — 47, в 1943 г. — 49,4, в 1944 г. — 51, в 1945 г. — 52,4 % [35]. Именно женщины в военные годы стали основной рабочей силой в колхозах. В связи с нехваткой в колхозах людей, из городов на сельскохозяйственные работы привлекались рабочие, служащие, учащиеся. Ежегодно сотни тысяч горожан трудились в колхозах, но все же решающую роль в обеспечении сельского хозяйства рабочей силой сыграли сами колхозники. Удельный вес трудодней, выработанных мобилизованными, в общем балансе был невелик. В 1943 г. горожане выработали 21,3 млн трудодней, что составило 5,5 % общего числа начисленных трудодней.

А.Л. Теряева произвела подсчет соотношения различных источников возмещения трудовых ресурсов. По ее данным, в 1943 г. в Свердловской области возмещение труда колхозников, выбывших в РККА и на работы вне колхоза, на 36,3 % произошло за счет увеличения числа работающих, а на 63,7 % — за счет увеличения выработки трудодней (в том числе женщинами — 43,4 %, мужчинами — 5,7, подростками — 13,0, престарелыми — 1,6 %). Тем не менее, несмотря на вовлечение в производство всего сельского и части городского населения и значительное увеличение среднегодовой выработки, общее количество выработанных трудодней из года в год уменьшалось. В 1943 г. они составили 83,9 %, в 1944г. — 83,5, а в 1945г. — 81,9 % от уровня 1940 г. [36].

Однако героический труд колхозников смог только частично компенсировать сокращение трудовых ресурсов и ослабление материально-технической базы колхозов, реальные показатели их труда в рассматриваемый период были ниже, чем до войны.

Примечания

1. Статья основывается на материалах Оренбургской, Курганской, Пермской, Свердловской, Челябинской областей. Все данные приводятся в границах 1944 г.

2. Правда. — 1969. — 26 нояб.

3. Кухаренок П. С. О трудовой доблести сельской молодежи в Великой Отеч. войне Советского Союза // Тр. Свердл. мед. ин-та. — 1957. — № 22. — С. 9—12; Мозолин В. П. Коммунисты — организаторы трудового подвига колхозников Урала в годы Великой Отеч. войны // В сб.: Социально-полит. и эконом. развитие советской деревни. — Ярославль, 1979. — Вып. 3. — С. 63—70; Наумова А. Г. Партийное руководство сельским хозяйством Урала в годы Великой Отеч. войны (1941—1945) // Ученые зап. Перм. пед. ин-та. — 1968. — Т. 51. — С. 65—100; Нестеренко М. С. Трудные подвиги уральцев в годы Великой Отеч. войны // В сб.: Социалист. стр-во на Урале. — Свердловск, 1957. — С. 211—243; Половников В. М. Колхозная деревня Западного Урала в первый период Великой Отеч. войны (1941—1942) // Ученые зап. Перм. ун-та. — 1966. — № 151. — С. 165—191.

4. Подсчитано по: Население СССР. (Численность, состав и движение населения. 1973) : Стат. сб. — М., 1975. — С. 16; Толмачева Р. П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946—1950). — Томск, 1979. — С. 21, 141, 142.

5. Подсчитано по: Текущий архив Перм. областного стат. упр. Годовые отчеты колхозов за 1940—1945 гг. — Л. 149—155; ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 874, л. 15; Д. 886, л. 45.

6. Подсчитано по: Текущий архив Курган. областного стат. упр. Годовые отчеты колхозов за 1940—1945 гг. — Л. 39; 122; ГАОО. Ф. 1003, оп. 3, д. 1018, л. 18; Оп. 16, д. 1, л. 45; Текущий архив Перм. стат. упр. Годовые отчеты колхозов за 1940—1945 гг. — Л. 149, 155; ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 874, л. 15; Д. 893, л. 1; Текущий архив Челяб. стат. упр. Годовые отчеты колхозов за 1940—1945 гг. — Л. 1, 18.

7. Подсчитано по: ГАКО. Ф. 1607, оп. 1, д. 73, л. 34; ГАОО. Ф. 1081, оп. 2, д. 258, л. 58; Оп. 3, д. 279, л. 3; Д. 281, л. 5; ГАПО. Ф. 493, оп. 3, д. 148, л. 100, 401; ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 905, л. 52; Д. 889, л. 33; ГАЧО. Ф. 1379, оп. 4, д. 259, л. 32; Д. 265, л. 21; Д. 211, л. 56.

8. Подсчитано по: ЦГАНХ. Ф. 1562, оп. 324, л. 678, л. 24, 34; Нар. хоз-во Курган. обл. : Стат. сб. — Челябинск, 1963. — С. 51; Выпхан М. А. Восстановление и развитие материально-техн. базы колхозного строя (1945—1958). — М., 1976. — С. 19.

9. ГАПО. Ф. 1133, оп. 1, д. 1030, л. 26.

10. Ленин В. И. ПСС. — Т. 40. — С. 321.

11. Красный Курган. — 1941. — 24 июня; ГАПО. Ф. 564, оп. 2, д. 100, л. 4.
12. Сталинская смена (орган Челяб. обкома ВЛКСМ). — 1941. — 18 июля; Колхозная правда (орган Буткинского райкома ВКП (б) и райсовета депутатов трудящихся). — 1941. — 9 июля.
13. Подсчитано по данным годовых отчетов колхозов Урала.
14. ГАОО. Ф. 1003, оп. 3, д. 991, л. 26; Оп. 16. д. 1, л. 52.
15. Важнейшие решения по сельскому хоз-ву за 1938—1946 гг. — М., 1948. — С. 221—225.
16. ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 898, л. 7, 15.
17. Подсчитано по: ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 513, л. 60, 61, 65, 82, 85, 86; Д. 514, л. 68, 69, 73, 86—88; Д. 515, л. 73, 77, 78, 87—89; Д. 516, л. 77, 81, 82, 84, 94, 96, 97; Д. 517, л. 83, 85, 90, 94, 95.
18. Важнейшие решения по сельскому хоз-ву. — С. 310.
19. Подсчитано по данным годовых отчетов колхозов Урала.
20. Звезда. — 1942. — 24 апр.
21. ЦГАНХ. Ф. 7486, оп. 7, д. 212, л. 46.
22. Партийная организация Челябин. обл. в Великой Отеч. войне : 1941—1945. Сб. док. и материалов. — Челябинск, 1967. — С. 76—78; ПАСО. Ф. 4, оп. 36, д. 79, л. 10.
23. Челяб. рабочий. — 1941. — 1 авг.; На смену. — 1941. — 23 авг.; Звезда. — 1942. — 7, 8 февр.; Сталинский путь (Орган Ачитского райкома ВКП (б) и райсовета депутатов трудящихся). — 1941. — 10 дек.
24. ПАСО. Ф. 61, оп. 2, д. 1675, л. 107.
25. ПАЧО. Ф. 475, оп. 1. д. 1029, л. 6; ГАСО. Ф. 88, оп. 1, д. 5106, л. 308—309; Чкаловская коммуна. — 1942. — 4 марта; Звезда. — 1942. — 3 июля.
26. Колхоз «Новая жизнь» Камышловского района Свердл. обл. соревновался с колхозом им. Орджоникидзе Махарадзевского района Грузинской ССР. — ПАСО. Ф. 4, оп. 38, д. 29, л. 24; Известия. — 1943. — 17 апр.
27. Чкаловская коммуна. — 1942. — 8 сент.; Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отеч. войны. — М., 1970. — С. 131.
28. Кухаренок П.С. О трудовой доблести сельской молодежи... — С. 11.
29. ПАСО. Ф. 61. оп. 5, д. 780, л. 23.
30. Челяб. рабочий. — 1942. — 10 окт.; ПАПО. Ф. 154, оп. 1, д. 549, л. 32—33.
31. Годовые отчеты колхозов Урала.
32. Подсчитано по данным годовых отчетов колхозов Урала.
33. Годовые отчеты колхозов Урала.
34. Подсчитано по: ЦГАНХ. Ф. 7486, оп. 7, д. 164, л. 103; Годовые отчеты колхозов Урала.
35. Теряева А.Л. Труд в колхозах во время Великой Отеч. войны. — М., 1947. — С. 21.
36. Подсчитано по данным годовых отчетов колхозов Урала.

Совхозы Урала в период Великой Отечественной войны *

В 1940 г. на Урале насчитывалось 330 совхозов (8,0 % их числа в СССР), среди которых основную часть составляли животноводческие, зерновые и овоще-картофельные хозяйства. По ведомственной принадлежности большая часть их (67,0 %) относилась к системе Наркомата совхозов СССР, Удельный вес совхозов в сельском хозяйстве Урала был невелик, в 1940 г. он составлял по посевной площади 10,9 %, по численности крупного рогатого скота — 7,4, овец и коз — 5,6 %. Совхозы являлись важными поставщиками сельскохозяйственной продукции. Накануне войны их удельный вес по сдаче продукции государству составлял: зерна — 11,5 %, мяса — 19,4, молока — 16,3, шерсти — 14,1 %.

С начала войны совхозы существовали в трудных условиях. В сельском хозяйстве не хватало рабочих рук. За военные годы численность работников совхозов Урала, занятых в основном производстве, сократилась в расчете на одно хозяйство на 4,6 %. Одновременно ослабла и материально-техническая база советских хозяйств. Часть тракторов и грузовых машин была передана в РККА, поставки сельскохозяйственных орудий были прекращены.

За 1941—1945 гг. обеспеченность совхозов техникой в расчете на одно хозяйство уменьшилась: по тракторам на 45,8 %, по грузовым автомашинам на 50,0 %. Одновременно сократилось поступление горючего и запасных частей, что привело к снижению производительности машинно-тракторного парка. Выработка на 15-сильный трактор уменьшилась с 321 га в 1940 г. до 229 га в 1943 г.

В результате объем тракторных работ, выполняемых в совхозах, в расчете на одно хозяйство, сократился за эти годы на 54,5 %.

С первых дней войны партия и правительство приняли ряд мер по перестройке работы совхозов СССР применительно к условиям военного времени. Они предусматривали расширение посевных площадей на Востоке страны, широкое привлечение на работу в совхозы женщин и эвакуированных, мобилизацию на сельскохозяйственные работы городского населения. Эта система мер была реализована в течение первого пе-

* Ранее опубликовано в кн. : Урал в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) : Информационные материалы. — Свердловск, 1986. — С. 107—111.

риода войны. Ушедших на фронт мужчин заменяли женщины и подростки. На конец 1944 г. удельный вес женщин в составе работников совхозов и подсобных сельскохозяйственных предприятий составлял на Урале 61,5 %. В 1942 г. в сельском хозяйстве Урала трудились 363,1 тыс. временно мобилизованных горожан и 158,3 тыс. эвакуированных граждан. Война внесла коррективы в организационные формы совхозного производства. Часть совхозов на Урале была передана промышленным предприятиям в качестве подсобных хозяйств, в результате их число сократилось с 330 в 1940 г. до 218 в 1942 г. (на 33,9 %). Для обеспечения лучших производственных результатов в совхозах стали шире применять материальное стимулирование. Хотя в связи со снижением фактической выработки в хозяйствах региона наблюдалось снижение среднегодовой зарплаты в расчете на одного работника с 2 761 руб. в 1940 г. до 2 476 руб. в 1942 г., широкое распространение получили натуральные формы поощрения.

С целью увеличения производства зерновых в совхозах стали расширять посевы озимых культур. В расчете на одно хозяйство посевные площади увеличились с 4,8 тыс. га в 1940 г. до 6,7 тыс. в 1942 г., или на 39,6 %. Однако снижение механизации основных полевых работ удлиняло сроки их проведения. В сложившихся условиях совхозы вынуждены были не производить ряд агротехнических мероприятий по обработке почвы. В 1942 г. в расчете на одно хозяйство зяби было поднято на 53,6 %, а паров — на 93,2 % меньше, чем в 1940 г. Ухудшение агротехники отрицательно сказалось на урожайности зерновых, которая в 1941–1943 гг. была в совхозах края ниже, чем в целом по стране. Снижение механизации особенно заметно было в зерновых совхозах региона, которые не всегда успевали завершить уборку. В 1941–1942 гг. разница между посевными и уборочными площадями стала увеличиваться. Если в 1940 г. под снег ушло 1,4 % посевов зерновых, то в 1941 г. — 18,6 %, а в 1942 г. — 9,1 %. Все это вело к снижению валового сбора зерновых. В 1943 г. он уменьшился в совхозах региона, по сравнению с 1940 г. на 79,4 %, в том числе в расчете на одно хозяйство — на 72,8 %.

Серьезно в годы войны пострадало и совхозное животноводство. Ослабление кормовой базы, ухудшение условий содержания скота и зооветобслуживания привело к сокращению приплода молодняка и увеличению падежа скота. В результа-

те в 1943 г., по сравнению с 1940 г., численность крупного рогатого скота в расчете на одно хозяйство уменьшилась в 1,5 раза, свиней — в 3 раза, овец и коз — в 1,6 раза. Во всех областях края снизились сдаточный вес скота и продуктивность молочного стада. Уменьшение численности совхозного стада, снижение его продуктивности вело к сокращению валового производства животноводческой продукции. В 1943 г., по сравнению с 1940 г., производство мяса в среднем на одно хозяйство уменьшилось на 53,7 %, молока — на 41,9 %, шерсти — на 35,1 %.

Начиная с 1944 г. в сельском хозяйстве региона наметился некоторый подъем. Стала укрепляться материально-техническая база совхозов, улучшилось обеспечение их кадрами. Одновременно принимались меры по подъему культуры земледелия, улучшению содержания скота, укреплению его кормовой базы. На заключительном этапе войны выросла производительность машинно-тракторного парка, увеличился объем тракторных работ в совхозах. В результате повысилась урожайность зерновых, в 1944 г. она составила в совхозах Урала 5,7 ц с га, а в 1945 г. — 7,6 ц, превысив аналогичный показатель в колхозах региона (4,6 и 5,6 ц с га). В совхозах увеличился сбор зерновых культур — с 1 648,9 тыс. ц в 1943 г. до 3 215,6 тыс. ц в 1945 г., (на 95 %), в расчете на одно хозяйство прирост составил 92,4 %.

Одновременно укреплялось и совхозное животноводство. В совхозах увеличилось поголовье скота, повысилась его продуктивность. Показателем улучшения положения в растениеводстве и животноводстве является и снижение себестоимости совхозной продукции. Себестоимость одного ц зерна снижается со 108 руб. в 1943 г. до 48 руб. в 1945 г., молока — с 91 до 85 руб., свинины — с 1 235 до 1 222 руб. и т. д.

В целом по ряду важнейших показателей совхозы уже в 1944 г. превзошли уровень 1943 г. Однако не следует переоценивать происшедшие улучшения. В 1945 г. объем производства в совхозах в расчете на одно хозяйство заметно уступал довоенному уровню. К примеру, производство зерновых сократилось на 47,7 %, картофеля — на 44,3, овощей — на 64,7, молока — на 41,1, шерсти — на 79,3 %. Валовая продукция сельского хозяйства в совхозах и других государственных сельскохозяйственных предприятиях уменьшилась на Урале за 1942—1945 гг. на 20,5 %, а по всем категориям хозяйств — на 34,3 %. В результате, несмотря на снижение

абсолютных показателей, удельный вес совхозов в сельском хозяйстве края увеличился с 11,1 % в 1941 г. до 13,4 % в 1945 г.

Наибольшее количество продукции давали советские хозяйства Челябинской области. В 1945 г. их удельный вес в производстве совхозного сектора Урала составлял 22,7 %. Совхозы Оренбургской области произвели 21,5 % сельскохозяйственной продукции, Свердловской — 17,9 %, Башкирии — 14,3 %, Курганской области — 10,15 %, Пермской — 9,8 %, Удмуртии — 3,7 %. При этом, если для совхозов Башкирии, Курганской, Оренбургской и Челябинской областей в рассматриваемый период характерно сокращение производства, то для Удмуртии, Пермской и Свердловской областей — рост. За 1942—1945 гг. валовое производство в южноуральских областях уменьшилось на 65,0 %, а в нечерноземных увеличилось на 35,7 %. Это объясняется различной специализацией уральских совхозов. На Южном Урале находилась основная часть зерновых (57 из 60) и свиноводческих (31 из 44) совхозов. Зерновое же хозяйство края в годы войны из-за снижения механизации пострадало в наибольшей степени, равно как и свиноводство из-за недостатка концентратов.

Таким образом, в годы войны труженики уральских совхозов делали все возможное, чтобы дать стране максимум продовольствия и сырья. В результате выросла товарность хозяйств. Если в 1940 г. она составляла в совхозах по зерну — 62,1 %, по молоку — 67,3 %, то в 1944 г. — соответственно 65,9 и 76,3 %. За 1941—1944 гг. совхозы Урала дали стране 8 747,5 тыс. ц зерновых, 2 754,4 тыс. ц молока, 523,5 тыс. ц мяса, 23,5 тыс. ц шерсти и много другой сельскохозяйственной продукции. Таков вклад тружеников совхозов Урала в Победу.

Заготовки сельскохозяйственной продукции в колхозах Урала в годы Великой Отечественной войны *

В годы Великой Отечественной войны сельскохозяйственная продукция изымалась государством из сельхозартелей как по линии обязательных поставок, так и через плату за работу МТС, сдачу в фонд РККА, возврат колхозами семенных и фу-

** Ранее опубликовано в кн. : Актуальные вопросы совершенствования экономических отношений на Урале. — Свердловск : Изд-во УНЦ АН СССР, 1987. — С. 3—13.*

ражных ссуд. Большая часть заготовленного поступала государству в форме обязательных поставок. Накануне и в первые годы войны ассортимент сдаваемых по ним сельскохозяйственных продуктов и сырья значительно расширился. К сдаваемым ранее зерну, мясу, молоку, шерсти, картофелю добавились еще яйцо, брынза, козевенное сырье, сено, махорка, семена масличных культур, а также овощные культуры — капуста, лук, морковь, свекла, помидоры, огурцы. В 1941 г. в Пермской области для колхозов ввели обязательные поставки льноволокна, в 1942 г. — махорки, в Свердловской области ввели поставки махорки и льна-долгунца [1].

Накануне войны был изменен и порядок начисления обязательных поставок. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 7 апреля 1940 г. «Изменение в порядке заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов» колхозы стали привлекаться к поставкам продукции растениеводства не с плана их посева, как раньше, а с каждого гектара закрепленной за ними пашни [2]. В размер пашни включалась не только освоенная, но и подлежащая освоению земля. Изменился и порядок заготовки продукции животноводства. Ее поставки стали начислять не с количества колхозного скота, а с каждого гектара земельной площади. Изменив порядок начисления поставок, государство тем самым стремилось обеспечить заранее определенный объем заготовок. Новый принцип должен был заинтересовать колхозы в максимальном расширении посевных площадей и увеличении общественного стада.

Списки привлекаемых к поставкам колхозов составлялись по каждому виду продукции районным уполномоченным Наркомата заготовок СССР на основе данных о закреплении за хозяйствами земельных площадей. Они утверждались уполномоченными НКЗ СССР по области, краю, республике (не имеющей областного деления). После этого райуполнаркомзаг выписывал обязательства по поставкам и вручал их под расписку председателю колхоза или заменяющему его лицу.

Колхоз был обязан сдать государству продукцию установленного качества в размерах и в сроки, указанные в обязательствах. Прием продукции в счет обязательных поставок и расчет с колхозами по установленным ценам возлагались на специальные заготовительные организации, которые имели на

местах сеть контор, баз и приемных пунктов. Так, зерно колхозы сдавали на приемные пункты и склады «Заготзерно», сено — на пункты «Заготсено», скот — на базы «Заготскот», молоко и масло — предприятиям «Главмолоко» и «Главмаслопром» и т. д. Колхозы должны были на своем транспорте, в своей таре и за свой счет подвозить зерно и другие подлежащие сдаче государству продукты на указанные в обязательствах заготовительные пункты. Приемка от колхозов сельхозпродуктов оформлялась выдачей сдатчикам приемных квитанций. Заготовители оплачивали полученные ими продукты по установленным ценам путем перечисления денег на счет колхоза в местном отделении Госбанка [3]. Сдаваемое зерно оплачивалось колхозам по государственным заготовительным ценам с применением скидок (рефракций) за пониженное качество. Если зерно было засорено посторонними примесями или повышенной влажности, то заготовительные пункты принимали его со скидкой с веса и цены, а при влажности выше допустимой — вовсе не принимали.

Обязательные поставки формально не являлись налогом — колхозы сдавали продукцию не бесплатно, а за определенное вознаграждение (продажа производилась по твердым государственным ценам). Но так как сдача колхозами государству определенной части продукции была обязательна и производилась не по договору, а на основании закона, то фактически эти поставки имели силу и характер налога и являлись натуральным налогом с коллективных хозяйств. Таким образом, введенные в январе 1933 г. обязательные поставки в сочетании с натуральной оплатой за работу МТС означали резкую натурализацию экономических отношений между колхозами и государством.

Нормы поставок утверждались правительством СССР. Они были неодинаковыми для различных зон. В Свердловской области среднеобластные нормы обложения с гектара пашни закрепленных земель составляли в 1941 г.: по зерну — 133,5 кг (99,9 кг — обязательные поставки и 33,6 кг — натуроплата за работы МТС), по картофелю — 63, овощам — 25,9 кг. Поставки животноводческой продукции с каждого гектара земельной площади составляли в год: молока — 16 л, мяса — 3 кг, яиц — 7 шт. Внутри областей нормы варьировались в зависимости от состояния сельскохозяйственного производства и специализации отдельных районов и

колхозов. В 1943 г. в Челябинской области колхозы, должны были сдать по 10 л молока с гектара закрепленной земельной площади, в том числе колхозы Катав-Ивановского района — по 20 л, а Брединского — лишь по 3,5 л [4].

По сравнению с довоенным периодом, размеры обложения повысились. Уже в 1941 г. на 35 % были увеличены нормы поставок сена для колхозов Пермской области. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 15 февраля 1942 г. «О некотором повышении норм обязательных поставок мяса государству» были увеличены нормы для колхозов и колхозных дворов. Для колхозов они устанавливались в размере 3,5—5 кг с гектара земельной площади. В феврале — апреле 1942 г. возросли нормы поставок картофеля, овощей и других продуктов сельского хозяйства [5]. Повышение налогообложения диктовалось возросшей потребностью страны в продовольствии и сельскохозяйственном сырье.

Значительное количество зерновых, а также картофель поступали государству и в счет натуральной оплаты производимых МТС работ. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О порядке начисления натуроплаты за работы МТС по зерновым культурам» ее размер определялся количеством гектаров «мягкой пахоты» в зависимости от урожайности. Не обслуживаемые МТС колхозы сдавали государству зерновых на 15 % выше нормы [6]. Для начисления натуроплаты колхозы одного района стали относить к одной из групп урожайности. В случае большой пестроты урожая в районе допускалось отнесение отдельных колхозов к разным группам. Оплата колхозами работ МТС устанавливалась по ставкам за отдельные виды работ.

При начислении натуроплаты урожайность бралась не фактическая, а биологическая, не учитывавшая потери на уборке. Предложение о внедрении биологического учета урожая Наркомзем СССР внес в марте 1939 г. при выработке третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. И в целях «правильного» начисления урожайности зерновых и технических культур перед войной перешли к ее определению перед уборкой «по корню». Биологический учет урожая существовал вплоть до сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. Оценка урожайности производилась грубо, с помощью метровки. В результате видовая (биологическая) урожайность в

1,5–2 раза превышала урожайность фактическую. В годы войны этот разрыв в ряде хозяйств был еще больше. О соотношении фактической и биологической урожайности в колхозах Урала говорят следующие данные (в числителе — фактическая, в знаменателе — биологическая урожайность) [7]: 1940 г. — 7,6/10,5; 1942 г. — 3,5/7,5; 1943 г. — 3,1/6,6; 1944 г. — 4,8/6,5.

Председатели колхозов и работники районных земельных отделов, которые пытались снизить видовую оценку урожая до размеров фактической урожайности, строго наказывались. Так, в Свердловской области за это был снят с работы и отдан под суд заведующий Камышловским райзо Феоктистов. В декабре 1942 г. областным земельным отделам было вообще запрещено пользоваться данными о фактическом намолоте, как занижающими фактический урожай и ведущими к уккрытию хлеба [8], т. е. при оценке урожая разрешалось использовать только данные видовой оценки. Нарушителей этой установки привлекали к строгой ответственности. Завышение группы урожайности, а в связи с этим и завышение натуроплаты были повсеместно распространенным извращением налоговой политики.

Детально был регламентирован и строго контролировался и порядок сдачи государству растениеводческой продукции. Из первых партий зерна, масличных культур и картофеля погашались полученные колхозами от государства ссуды, а также задолженность колхозов за прошлые годы по обязательным поставкам и натуроплате. В дальнейшем из каждой сдаваемой колхозами партии зерна половина шла в счет обязательных поставок, а другая половина — в счет натуроплаты за работы МТС. Сдача зерновых и других культур должна была производиться в точном соответствии с врученными обязательствами и счетами за работы МТС [9].

Сдавалась сельскохозяйственная продукция и в фонд РККА. Поставки хлеба в него имели силу налога. Принятое в июле 1942 г. постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О создании из урожая 1942 г. хлебного фонда Красной Армии» предусматривало в случае невыполнения плана сдачи зерновых санкции, аналогичные тем, которые применялись при невыполнении плана обязательных поставок [10]. В соответствии с установленным порядком хлебосдача за каждый год производилась до июля будущего года. В результате, хотя постановление СНК

СССР и ЦК ВКП (б) о создании хлебного фонда РККА было принято в 1942 г., часть колхозов сдали зерно в этот фонд в счет 1941 г. Отчисления зерна в этот фонд частично компенсировали сокращение поступлений зерновых по обязательным поставкам. Зерно шло государству по линии возврата колхозами семенных и фуражных ссуд, а также хлебосдачи совхозами и гарнцевого сбора [11].

В структуре заготовок зерна на первом месте по размерам поступлений находились обязательные поставки. За 1941—1944 гг. на их долю пришлось 41,5 % всех заготовок. За ними следуют натуроплата за работы МТС — 36,7 % и далее, с большим интервалом, хлебосдача совхозами — 12,1, возврат ссуд колхозами — 4,9 и совхозами — 0,2, сдача зерна в хлебный фонд РККА — 4,1 и гарнцевый сбор — 0,5 % [12]. При анализе результатов хлебозаготовок в отдельных областях следует указать на крупные размеры возвращенных семенных ссуд в южноуральских областях и значительную сдачу зерна в хлебный фонд РККА в нечерноземных районах. Это свидетельствует о том, что хлебозаготовки в Пермской и Свердловской областях проходили легче, чем на Южном Урале.

Осенью 1941 г. благодаря мобилизации всех ресурсов, заготовки сельскохозяйственной продукции на Урале прошли успешно. Колхозы дали стране картофеля, овощей, мяса, яиц больше, чем в довоенном 1940 г. В 1942 г. положение в сельском хозяйстве СССР ухудшилось. На Урале валовой сбор зерновых в колхозах уменьшился, по сравнению с 1940 г., на 51,6 %. Сократилось поголовье скота, снизилась его продуктивность. В этой обстановке, чтобы ускорить выполнение хлебозаготовок, в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об уборке урожая и заготовке сельскохозяйственных продуктов в 1942 г.» была запрещена засыпка семенных фондов с обих посевов вплоть до выполнения планов заготовок [13].

Ограничивалась и свободная продажа хлеба. В сентябре 1943 г. СНК СССР принял специальное постановление «О запрещении торговли хлебом до выполнения плана хлебозаготовок» [14]. В целях пресечения разбазаривания хлеба колхозам, колхозникам и единоличным крестьянским хозяйствам запрещалось продавать и обменивать зерно и муку до выполнения плана сдачи хлеба государству. За нарушение этого постановления председателей колхозов и других должностных лиц привлекали к судебной от-

ветственности. Задержанные при продаже хлеба колхозники и единоличники в первый раз подвергались штрафу в размере до 300 руб., а при повторном нарушении им грозила судебная ответственность. При этом продукты отбирались и передавались органам Наркомзага [15].

Нередко в хлебопоставки изымали и семенное зерно. Так, под нажимом заготовительных органов его сдали колхозы Гаринского, Исовского, Сысертского, Таборинского и других районов Свердловской области. Это влекло за собой разбазаривание сил и средств артелей, непроизводительное использование транспорта, так как на следующий год сдавшие семенное зерно колхозы брали у государства семенную ссуду, осенью семена сдавали на базы «Заготзерно», а весной их везли обратно в колхозы, часто за десятки километров. В Челябинской области, которая отставала по хлебозаготовкам, пошли даже на прием на заготовительные пункты некондиционного зерна. Повсеместным явлением стала приемка на мясopоставки скота, вес которого был ниже сдаточного. Часто практиковалась замена недостающих продуктов другими по установленному эквиваленту. Колхозы Свердловской области, например, сдали взамен картофеля сельскохозяйственную продукцию 19 наименований [16].

Война внесла коррективы и в организацию вывозки сельхозпродукции. Зерно старались быстрее отправить на хлебоприемные пункты, чтобы им не воспользовались колхозники, однако сделать это было чрезвычайно трудно. Многие колхозы располагались за десятки километров от заготовительных пунктов, транспортных средств не хватало, дороги были плохими. Выходили из этого положения разными путями. Недостающих возчиков заменяли прибывшими на помощь горожанами. Если не хватало лошадей, колхозники запрягали коров. Зерновые возили не только на телегах, но и на лодках, зимой — на санях. Принимаемые меры, в том числе и чрезвычайные, привели к определенным результатам. В 1942 г. колхозы Урала дали стране 11 млн ц зерна, что было намного меньше, чем в предшествующие годы. Однако при оценке этих данных надо иметь в виду, что если в 1940 г. на артельные нужды было оставлено 27,1 млн ц зерна, то в 1942 г. — в 2 раза меньше — 14,5 млн.

Государству удалось максимально ограничить потребности артелей, заготовив при этом не только все товарное, но и часть

необходимого для воспроизводства зерна. Однако этот успех был достигнут дорогой ценой. Семенные фонды колхозы засыпали не полностью; в результате весной 1943 г. пришлось сократить посевы зерновых и уменьшить норму высева. Это вело к дальнейшему падению валовых сборов. Сдача в мясопоставки скота с весом ниже сдаточного веса вела к сокращению общественного стада. Большинство колхозов установленные планы обязательных поставок не выполняли, да и не могли выполнить. Недоимки прошлых лет включались в план будущего года, что еще больше увеличивало его напряженность.

При высоких нормах поставок и низких заготовительных ценах заготовки сельхозпродукции проходили очень тяжело. Трудности еще больше возрастали в связи с господством административно-командных методов руководства сельским хозяйством. Нередко сверх установленных планов передовые районы и колхозы получали дополнительные задания, чтобы, сдав продукцию за отстающие хозяйства, «вытянуть» район или область к запланированному объему заготовок. Часто такие задания были совершенно нереальны и просто разрушали экономику артелей. Так, в мае 1942 г., когда общественный скот доедал последние запасы кормов, Челябинский облисполком принял решение сдать в фонд обороны за счет излишка кормов в отдельных колхозах и за счет колхозных страховых фондов 30 тыс. ц сена [17].

В этой ситуации руководители некоторых хозяйств стремились оставить в артели хотя бы часть продукции, чтобы было чем сеять, кормить скот, оплачивать трудодни. В колхозе «Ирек» (Бардымский район Пермской области) с этой целью были созданы «фонд тракториста» и «свободный фонд», которые районными организациями были признаны незаконными. Случалось, и сами колхозники выступали против тех, кто пытался под каким-либо предлогом оставить часть продукции в артели. Так поступила, в частности, секретарь комсомольской организации колхоза «Путь Ленина» (Кировский район Курганской области) Варлакова, «разоблачившая» председателя колхоза, не сдавшего в хлебопоставки 15 ц зерна [18]. В тех условиях не учитывался факт, что кормить армию и страну надо не только сейчас, сегодня, но и завтра.

В годы войны при проведении заготовок широкое распространение получило применение мер административного

воздействия. Отставание по заготовкам, особенно хлебо-заготовкам, рассматривалось как преступление. В принятом в сентябре 1943 г. постановлении Курганского обкома ВКП (б) прямо указывалось, что «виновные в срыве установленных графиков хлебозаготовок, допущении потерь и хищений будут сниматься с постов, исключаться из партии и предаваться суду». За отставание по хлебозаготовкам отвечали, в первую очередь, председатели колхозов. В Пермской области по этой причине на разные сроки были осуждены председатель колхоза «Смычка», счетовод и председатель ревизионной комиссии этого хозяйства. В Курганской области за перерасход зерна на внутриколхозные нужды на 10 лет был осужден Г.Ф. Ошурков — председатель колхоза им. Свердлова Далматовского района, на 5 лет — А.Б. Забродин, председатель колхоза «Красный боевик» Шумихинского района. За неправильное расходование зерна был осужден военным трибуналом и расстрелян председатель колхоза им. Ленина Чашинского района Перебатов [19].

Строго наказывали и руководителей областного масштаба. В 1941 г. за серьезные упущения в сельском хозяйстве решением ЦК ВКП (б) было смещено руководство обкома партии и облисполкома в Оренбурге. Аналогичная ситуация сложилась в Челябинской области. Состоявшийся в январе 1942 г. пленум Челябинского обкома партии освободил от работы как не справившегося первого секретаря обкома и утвердил на этот пост Н.С. Патоличева. Однако низкими административными мерами, никакой «перетряской» кадров изменить влияние неблагоприятных погодных условий и компенсировать ослабление материально-технической базы аграрного сектора народного хозяйства было нельзя. Это доказывают результаты развития сельского хозяйства на Южном Урале в 1942 г. Если в 1941 г. колхозы Оренбургской области выполнили план хлебозаготовок на 77,5 %, то в 1942 г. — на 15,4 %. В Челябинской области после смены руководства обкома партии колхозы в 1942 г. выполнили план заготовок хлеба лишь на 17,1 % [20].

Источники неоспоримо свидетельствуют о том, что в тяжелых условиях военного времени колхозники работали с колоссальным напряжением. Государству сдавалась не только почти вся товарная продукция колхозов, но и часть продукции, необходимой для простого воспроизводства. Однако с

выполнением заготовок дела в колхозах обстояли по-разному. По данным Наркомата заготовок СССР, в 1940 г. колхозы пяти областей Урала выполнили план хлебозаготовок в среднем на 86,7 %; в 1941 г. — на 81,0; в 1942 г. — на 37,8; в 1943 г. — на 47,8; в 1944 г. — на 65,6 % [21].

Рассмотрим, как выполнялись обязательные поставки (а они были основным видом хлебозаготовок) на примере колхозов Пермской области. Здесь производство зерновых по сравнению с другими областями Урала сохранилось на более высоком уровне. На Западном Урале сотни хозяйств в годы войны, в частности, в Верхне-Муллинском, Верхне-Городковском, Гайнском, Косинском районах досрочно рассчитались с государством. Вместе с тем тысячи колхозов планы поставок не выполняли. В 1940 г. не справились с планом хлебозаготовок 27 % хозяйств, в 1941 г. — 33, в 1942 г. — 49, в 1943 г. — 50, в 1944 г. — 51, 1945 — 38 %. Не выполняли планы и целые районы, такие как Бардымский, Больше-Сосновский, Уинский, Усинский и др. [22].

Эти районы отставали по хлебозаготовкам на протяжении всей войны. Но люди там трудились самоотверженно, стремясь заменить ушедших в армию односельчан. В Уинском районе десятки колхозников ежедневно выполняли по 2—3 нормы. В колхозе «Память Ильича» Больше-Сосновского района уборочные работы осенью 1942 г. велись круглосуточно; для ускорения вывозки хлеба колхозники использовали все наличное тягло, в том числе и коров [23]. Ударно трудились сельские труженики Усинского и соревнующегося с ним Бардымского районов. Повсеместно в артелях создавались фронтовые бригады по сдаче хлеба государству. 4 сентября 1942 г. в колхозе «Красный Восток» Бардымского района был сформирован «Красный обоз» из 37 подвод. В тот день на заготовительный пункт было сдано 130 ц чистосортного зерна. Хорошо трудились возчики зерна в артели «Красный Урал». Вместо установленных правлением колхоза 40 часов возчики М. Мансуров и Г. Шандуров совершили поездки на заготовительный пункт и обратно за сутки. В колхозе «Ирек» этого же района для ускорения хлебозаготовок была организована круглосуточная молотьба [24].

В Пермской области самоотверженно трудились десятки тысяч колхозников, однако результаты их производственной деятельности существенно различались. Попытаемся выяснить

причины этого на примере 4 районов области, среди которых были как отстающие, так и передовые. Для анализа взяты итоги хлебозаготовок в 1942 г. Данные сводных годовых отчетов показывают, что если в 1942 г., в Гайнском и Косинском районах колхозы выполнили план хлебозаготовок на 100 %, то в Больше-Сосновском — на 66,6, а в Уинском — на 49,5 %.

Причины столь заметных различий в результатах производственной деятельности заключались, прежде всего, в условиях, в которых находились эти районы. Колхозы Больше-Сосновского и Уинского районов были многоземельными. Нагрузки посевных площадей в них были выше, чем в Гайнском и Косинском районах. В Больше-Сосновском районе нагрузка посева на трудоспособного колхозника и живое тягло была примерно в 3 раза выше нагрузки в Гайнском. Колхозники Больше-Сосновского района работали с колоссальным напряжением, среднегодовая их выработка составляла в 1942 г. 385 трудодней на одного трудоспособного. Это было выше не только среднеобластной выработки (334 трудодня), но и в 2,4 раза превосходило выработку в передовом Гайнском районе.

Приведенный пример не является единичным. Среднегодовая выработка на трудоспособного колхозника составила в Уинском районе 345 трудодней, а в Косинском — 236. При этом Уинский район был отстающим, а Косинский — передовым. Более того, отстающие по хлебозаготовкам районы сдали больше зерна в расчете на 1 трудоспособного, чем передовые. Так, передовой Косинский район сдал и продал государству в расчете на 1 трудоспособного 5,9 ц зерновых, а отстающий Уинский район — в 2,3 раза больше: 13,4 ц. Такое соотношение наблюдалось и в колхозах других районов.

В условиях резкого снижения уровня механизации в сельском хозяйстве высокая интенсивность труда колхозников не гарантировала успешного проведения полевых работ. Нехватка рабочих рук и тягла отрицательно сказывалась на их качестве. В артелях упала урожайность, уменьшились валовые сборы. В наибольшей степени они снизились в многоземельных колхозах, которые из-за высокой нагрузки посева хуже обрабатывали землю и не успевали полностью убирать урожай. Этого не учитывала существующая система хлебозаготовок.

В результате колхозы Больше-Сосновского и Уинского районов должны были сдать по обязательным поставкам 48,4 %

валового сбора, в то время как колхозы Гайнского и Коссинского районов — всего 18,8 %. Мобилизовав все резервы, многоземельные колхозы сдали по обязательным поставкам 26,2 % валового сбора зерновых и выполнили при этом план всего на 54,2 %. Малоземельные колхозы сдали всего 18,8 % валового сбора зерновых и выполнили план по заготовкам на 100 %. Приведенные данные убедительно показывают, что усилий колхозники многоземельных колхозов прилагали больше, а результаты получались хуже, чем у хозяйств с меньшей нагрузкой посевных площадей. На Урале преобладали многоземельные колхозы.

Характерен пример колхоза им. Ильича Очерского района Пермской области. В 1940 г. колхоз имел 530 га пашни, из них обрабатывал 387 га. В хозяйстве насчитывалось 70 трудоспособных колхозников и 17 рабочих лошадей. В военные годы колхозники сельхозартели им. «Ильича» трудились самоотверженно, стараясь дать больше сельхозпродукции для фронта. В 1943 г. пахарь Е. Кайгородов, бороновальщица Д. Артемова выполняли норму на 130 %. Колхоз поставил на откорм скот для освобожденных районов. На посев не хватило семян, и колхозники досеивали поля своими семенами. Однако рабочих рук и тягла не доставало, колхоз отставал с уборкой урожая. Из-за отставания по хлебозаготовкам председатель артели был снят с работы и отдан под суд. В колхоз был направлен новый председатель. Но положение артели не улучшилось, да и не могло улучшиться. В 1945 г. в хозяйстве из 70 трудоспособных колхозников осталось 29, а из 17 рабочих лошадей — 11. Несмотря на то, что выработка на трудоспособного колхозника увеличилась в среднем с 315 трудодней в 1940 г. до 412 в 1945 г., хозяйство было отсталым. При нагрузке посева на трудоспособного колхозника в 13 га, а на рабочую лошадь — в 35 га, обработка почвы проводилась упрощенно и с большим опозданием. В результате урожайность зерновых снизилась с 7,7 ц с га в 1940 г. до 2,8 га в 1945 г., а валовой сбор уменьшился на 72 %. Артель сдавала государству основную часть своей продукции и при этом была в числе отстающих.

В 1945 г. колхоз им. Ильича сдал государству 34,1 % сбора зерновых, 85,7 картофеля, 66,6 молока, 74,1 яиц, 100 % шерсти и т. д. и при этом был в числе отстающих. Трудовой подвиг колхозников сельхозартели им. Ильича станет нам более по-

нятен, если учесть, что они не только в 4 раза перевыполнили обязательный минимум трудодней, но и работали практически бесплатно. В 1945 г. на трудодень в этом колхозе было выдано всего по 120 г зерна и 3 коп. деньгами [25].

Тяжелым был и 1943 год. Несмотря на то, что в этом году значительно увеличился сбор картофеля и подсолнечника, в целом по стране валовая продукция сельского хозяйства оставалась почти на уровне 1942 г. Заготовка зерна составляла лишь 30 % к уровню 1940 г., а скота и птицы — 60 %. Такое положение объяснялось не только трудностями военного времени, но и крайне сложными погодными условиями — засухой в Поволжье, ранними заморозками в Сибири, длительными дождями в центральных районах РСФСР. В 1943 г. потребность в продовольствии, по сравнению с 1942 г., увеличилась. Красная Армия освободила 2/3 оккупированной территории, на которой проживали десятки миллионов советских людей. Однако положение в сельском хозяйстве продолжало ухудшаться. Освобожденные районы были разорены и нуждались в помощи. В ноябре 1943 г. ЦК ВКП (б) и СНК СССР разработали систему мер по увеличению хлебозаготовок. Для оказания помощи местным партийным и советским организациям в выполнении плана хлебозаготовок на места были направлены А.А. Андреев, И.А. Вознесенский, А.Н. Косыгин, А.И. Микоян, Н.М. Шверник и другие члены ЦК ВКП (б) [26].

Крестьяне, несмотря на тяжелую обстановку, продолжали, производить для страны продовольствие и сельскохозяйственное сырье. Многие коллективные хозяйства продавали государству сельскохозяйственную продукцию дополнительно к плановой. Однако далеко не все хозяйства так успешно справлялись с хлебозаготовками. В большинстве из них планы выполнялись с напряжением. Многие колхозники сдавали за колхозы свои продукты, помогая рассчитаться с государством. В декабре 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление «О разрешении приема хлеба в фонд Красной Армии из личных запасов хлеба колхозников» [27]. Внесенное из личных запасов зерно засчитывалось в общий план выполнения хлебосдачи колхозами.

Данные показывают, что на протяжении первых двух с половиной лет войны в колхозах успешно шла заготовка овощей. Неплохо обстояло дело и с заготовкой картофеля, что свидетельствует о развитии в ряде хозяйств овоще-картофельного

направления. Поступление же животноводческой продукции уменьшилось, что было связано с сокращением численности колхозного стада и снижением его продуктивности. Заготовки животноводческой продукции проходили на Урале тяжело. Это объяснялось, прежде всего, порядком начисления обязательных поставок, несоответствием между размерами облагаемых земельных угодий и фактическим поголовьем скота в колхозах. В 1943 г. в Брединском районе Челябинской области для выполнения плана кожпоставок надо было бы сдать по 1,3 кожи с каждой головы крупного рогатого скота и по 8,4 кожи с каждой наличной свиньи. В Варненском районе колхозам требовалось сдать в молокопоставки по 5 570 л молока с каждой коровы. В Оренбургской области колхоз «Красный пахарь» Теплового района в 1944 г., чтобы рассчитаться по мясопоставкам, должен был бы продать государству весь скот, и при этом остался бы еще должен 252 ц мяса [28].

Проведенные накануне войны изменения в политике заготовок подходили для тех районов, где были необходимые условия для расширения сельскохозяйственного производства. На Урале колхозы не имели возможности осваивать новые земли и увеличивать плотность стада. Введенный в 1940 г. новый принцип начисления обязательных поставок приводил к передаче из уральских колхозов основной части произведенной продукции. Это влекло за собой сокращение колхозного стада, уменьшение семенных, фуражных, продовольственных и прочих фондов и отрицательно сказывалось на состоянии производства. Завышенные нормы поставок означали и уменьшение выдачи по трудодням, что способствовало оттоку трудоспособного населения из деревни. Новый порядок обязательных поставок продолжал действовать и в военное время, хотя в тех условиях расширять, и эффективно использовать всю пашню было практически невозможно. В результате уральские области всю войну планы поставок по всем видам заготовок, как правило, не выполняли.

Особенно тяжело шло выполнение поставок в многоземельных колхозах Южного Урала. Хозяйства в Курганской, Оренбургской, Челябинской областях имели недоимки по видам сельскохозяйственной продукции. В годы войны на Урале сложилось совершенно нетерпимое положение, когда большая часть колхозов оказалась недоимщиками по многим ви-

дам продукции и не имели перспектив по ним рассчитаться. Применение самых жестких административных рычагов не давало в этой обстановке ощутимых результатов. Поэтому в стране были приняты меры по совершенствованию налогообложения, приведению его в соответствие с экономическим потенциалом хозяйств. Решениями правительства из обложения исключалась часть закрепленных за колхозами земель, непригодных для использования под сенокосы и пастбища.

В Пермской области из обложения исключили 30 тыс., а в Челябинской — 230 тыс. га таких земель [29].

На заключительном этапе войны произвели массовое списание с колхозов недоимок по обязательным поставкам. Одновременно в ряде случаев были изменены нормы обязательных поставок. В 1945 г. для колхозов Свердловской и Челябинской областей снизились нормы поставок зерна, а для последних — еще по мясу и селу. Кроме того, в целях стимулирования производства картофеля, овощей и корнеплодов СНК СССР разрешил Наркомзагу и Пермскому облисполкому уменьшить на 10 %, начиная с 1945 г., нормы обязательных поставок зерна колхозам пригородной зоны [30].

Предпринимаемые меры были весьма своевременны. Система заготовок настолько противоречила реальному положению дел в сельском хозяйстве, что это грозило окончательно подорвать экономику колхозов. В условиях передачи государству даже той части прибавочного продукта, которая шла на возобновление простого воспроизводства, функционирование части колхозов было под вопросом. Исключение из обложения части земель, списание недоимок, снижение норм сдачи сельскохозяйственных продуктов облегчили положение колхозов. Благоприятно сказалось и общее улучшение положения в сельском хозяйстве, наступившее на заключительном этапе войны. Это сразу же облегчило проведение заготовок в крае. В 1944 г. зерна и картофеля уральские колхозы дали стране больше, чем в предшествующем году.

Хуже обстояло дело с продукцией животноводства. Уменьшение численности стада, снижение его продуктивности вело к сокращению валовой продукции. В то же время колхозы сдали и продали государству больше скота. Однако рост заготовок скота отражал не улучшение, а наоборот, ухудшение положения в животноводстве. Зачастую скот сдавали из-за нехватки

кормов, чтобы, не допустить падежа. Количество сдаваемого скота увеличилось и потому, что большая его часть имела упитанность ниже установленной нормы. Численность его постоянно росла. Если в Пермской области до войны удельный вес сдаваемого в мясопоставки скота ниже средней упитанности составлял 52 %, то в 1941 г. — 61, в 1942 г. — 77, в 1943 г. — 84 %. Каждый килограмм живого веса такого скота засчитывался только за 750 г мясопоставок [31]. Со стороны заготовительных организаций («Заготскот») допускались нарушения правил приемки скота при определении его упитанности. Недостаточно была развернута сеть заготовительных баз, вследствие чего колхозы несли большие потери в весе скота из-за перегона его на дальние расстояния.

Колхозники Урала, а также Сибири, находились в сложных условиях. Убыль трудоспособных колхозников на Урале была наибольшей, нагрузка посева превосходила общесоюзную. Именно здесь сельское хозяйство особенно сильно пострадало от снижения уровня механизации. Это не учитывалось в существовавшей системе налогообложения. В результате на Урале как целые области, так и отдельные районы, колхозы и совхозы крайне редко становились победителями социалистического соревнования, поскольку не могли выполнить завышенных планов заготовок. Колхозы края сдавали и продавали государству большую, чем до войны, часть своей продукции. Рост отчислений сельскохозяйственной продукции шел за счет сокращения ее использования на производственные нужды колхозов и продажи на колхозном рынке, а также за счет уменьшения фондов потребления в колхозах.

Сдаваемая государству продукция оплачивалась по низким заготовительным ценам, которые не менялись с начала 1930-х гг. В 1931 г. заготовительная цена картофеля в Уральской области составляла 4, а ржи — 5,2 руб. за центнер. В 1943 г. в Свердловской области заготовительная цена картофеля оставалась неизменной, а ржи составляла 4,6—4,65 руб. за центнер в зависимости от района [32]. Такая цена была во много раз ниже себестоимости сельхозпродуктов и возмещала лишь небольшую часть затрат на их производство.

Данные о себестоимости колхозной продукции за 1940-е гг. отсутствуют. Для сравнения можно использовать сведения о себестоимости продукции совхозов. В 1943 г. себестоимость зерновых в совхозах Урала составляла 109, а картофеля — 34

руб. за центнер [33]. Заготовительные цены возмещали незначительную часть затрат на производство растениеводческой продукции. В результате поступления колхозов от сдачи зерновых — основы сельского хозяйства на Урале — составляли небольшую часть их доходов. Несколько выше были закупочные цены. Так, в Свердловской области закупочная цена картофеля составляла 12 руб. за центнер, молока — 48—65 коп. за литр [34]. Однако и закупочные цены были намного ниже себестоимости продукции, и в сотни раз уступали ценам колхозного рынка. В 1943 г., по сравнению с 1940 г., индекс цен на колхозных рынках увеличился на продукты растениеводства в 12,6 раз, а на продукты животноводства — в 13,2. Максимальный рост цен наблюдался в промышленных областях Урала. В 1943 г. на рынке Нижнего Тагила килограмм ржаной муки стоил 160 руб., картофеля — 37, литр молока — 120 руб. [35].

Разница в ценах была огромной, однако колхозы основную часть своей продукции передавали государству. Известно, что за 1941—1945 гг. Урал произвел 40 % военной продукции СССР. Однако уральцы давали стране не только танки, орудия, боеприпасы, но и продовольствие. Колхозники региона, небольшая часть крестьянства Советского Союза, произвели многие миллионы центнеров разнообразной сельхозпродукции. На долю колхозов Урала приходилось 7,0 % заготовленного в стране хлеба, 5,7 овощей, 5,6 молока, 4,2 % картофеля [36]. Именно колхозы были основным поставщиком сельскохозяйственной продукции. На их долю пришлось более половины заготовленного мяса, молока, шерсти. Колхозы были и главным производителем зерна.

Зерновые, картофель, мясо, молоко, яйцо, шерсть, кожсырьё и некоторые другие виды сельхозпродукции страна получала также из личных подсобных хозяйств колхозников. К сдаче зерна привлекались хозяйства, имевшие посевы зерновых; молока — имевшие коров; шерсти — овец и коз. Заготовки мяса, яиц, кожсырья производились независимо от наличия скота и птицы по установленным для области нормам. Семьям военнослужащих, а также нетрудоспособных колхозников предоставлялись льготы. В 1944 г. в Челябинской области норма сдачи мяса с колхозного двора составляла 40 кг в год (для хозяйства единоличника — 80 кг), молока — 220 л, шерсти — 900 г с овцы и 200 г с козы, яиц — 100 шт. и т. д. Каждое хозяй-

ство должно было сдать по 0,5 шкуры свиньи и овцы. Шкуры крупного рогатого скота в обязательном порядке должны были продаваться заготовительным организациям [37].

Взимание обязательных поставок с большинства крестьянских семей вследствие их тяжелого материального положения происходило с трудом. За невыполнение обязательных поставок законодательством предусматривались разнообразные меры наказания. В соответствии с постановлением СНК СССР от 24 ноября 1942 г. «Об ответственности за невыполнение обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству колхозными дворами и единоличными хозяйствами» предусматривалось наложение штрафа на недоимщиков и привлечение злостных нарушителей к уголовной ответственности. В случае невыполнения в срок установленных поставок народный суд по заключению районного уполномоченного Наркомата заготовок СССР налагал на недоимщиков штраф в размере двукратной стоимости не сданных в срок продуктов, исчисленной по рыночной цене.

Виновные в неоднократном невыполнении обязательных поставок, помимо штрафа, привлекались к уголовной ответственности. В связи с этим СНК СССР утвердил инструкцию о порядке применения постановления правительства от 24 ноября 1942 г. В ней указывалось, что в случае невыполнения колхозными дворами обязательных поставок, райуполнаркомзаг, или, по его поручению, агент по государственным поставкам, вручает недоимщику письменное предупреждение. В этом предупреждении говорилось, что в случае невыполнения обязательств в десятидневный срок, дело о взыскании недоимок будет передано в суд. При этом для обеспечения взыскания недоимок производилась опись имущества недоимщика. После решения суда о взыскании недоимок, народный судья выдавал райуполнаркомзагу исполнительный лист для принудительного исполнения судебного решения [38].

Однако на практике судебные санкции применялись не ко всем недоимщикам, в противном случае пришлось бы осудить всю деревню. В 1945 г. в Свердловской области установленные планы заготовок продукции животноводства не выполнили 83,2 тыс. колхозных дворов (61,6 %). В судебном порядке недоимки были взысканы лишь с 1,9 тыс. хозяйств, при этом 3,1 тыс. колхозников были осуждены. Однако в жизни случалось

всякое. Так, в Аргаяшском районе Челябинской области опись имущества и его принудительную продажу производили даже у семей красноармейцев, которые по закону имели льготы при обложении [39].

Сельскохозяйственная продукция от колхозников поступала и через госзакуп. Однако закупочные цены намного уступали рыночным. Поэтому Центросоюз, чтобы заинтересовать крестьян в продаже сельхозпродукции, организовал встречную продажу необходимых крестьянам товаров. В Свердловской области в 1944 г. сдатчики сельскохозяйственной продукции за каждые проданные кооперации 30 шт. яиц, имели право купить 1 л вино-водочных изделий [40].

Все военные годы колхозы, в том числе и уральские, были основными производителями сельскохозяйственной продукции. При этом они передавали государству большую часть ее практически бесплатно. Однако несоблюдение принципа эквивалентности в товарном обращении между колхозами и государством лишало сельских тружеников материальной заинтересованности в результатах своего труда, разрушающе влияло на состояние колхозного производства. В этом заключался главный недостаток налоговой политики тех лет. Она не соответствовала нормальным экономическим отношениям и могла существовать непродолжительное время только за счет внеэкономического принуждения.

Война создала огромные трудности для сельского хозяйства страны. Прекратилось снабжение его техникой, миллионы колхозников были мобилизованы в армию и промышленность. Главной задачей стала мобилизация внутренних ресурсов колхозов, перестройка их работы на военный лад. Однако в отличие от промышленности, сельскому хозяйству не надо было переходить на выпуск другой продукции. Смысл перестройки заключался в максимальном выпуске прежней продукции в новых условиях.

В начальный период войны в практику была внедрена система мер, предусматривавшая вовлечение в общественное производство всего трудоспособного и большей части нетрудоспособного населения, использование на сельхозработах горожан и эвакуированных, подготовку механизаторов (в основном из женщин и подростков), массовое привлечение женщин на руководящую работу, широкое распространение руч-

ного труда. Серьезные изменения происходили в организации труда: разукрупнялись полеводческие и укреплялись тракторные бригады, вводились круглосуточные работы, сокращался управленческий аппарат.

В деревне предпринимались энергичные меры по мобилизации всех материальных ресурсов. Колхозники и работники МТС собирали и реставрировали запасные части для ремонта техники, улучшали условия хранения горючего и машин, переводили тракторный парк на новые виды топлива. Большую помощь селу, особенно в индустриальных областях, оказали промышленные предприятия, посылающие в подшефные МТС и колхозы запасные части, оборудование, а также квалифицированных рабочих для ремонта техники и сельскохозяйственного инвентаря.

В течение 1941–1942 гг. перестройка работы колхозов применительно к новым условиям была, в основном, завершена, однако это вовсе не означало немедленного улучшения. Анализ экономики сельского хозяйства показывает, что не только 1942 г., как это было в других отраслях, но и 1943 г. не стали для него переломными. Аграрный сектор занимал подчиненное положение в экономике страны, поэтому общее улучшение в работе тыла затронуло его в последнюю очередь. В целом по стране, а на Урале в особенности, возникла большая диспропорция в развитии промышленности и сельского хозяйства. В то время как выпуск промышленной продукции вырос более чем в 3 раза, объем сельскохозяйственной заметно уменьшился. Перестройка работы колхозов, героический труд крестьянства не остановили, а лишь замедлили темпы сокращения производства. Только на заключительном этапе войны оно стало постепенно восстанавливаться. Это было как результатом приспособления артелей к новым условиям, так и следствием улучшения материально-технического снабжения, прекращения мобилизации рабочей силы из деревни, некоторого ослабления налогового «пресса» и т. д.

Тяжелое положение в сельском хозяйстве было обусловлено и наличием не решенных перед войной вопросов в колхозном строительстве. Политический строй и хозяйственный механизм, созданные в 1930-е гг., были приспособлены к выполнению задач своего времени — времени форсированной индустриализации и подготовки к войне. И. В. Сталин рассматривал колхозы как источник получения максимального количества дешевого хлеба и

пополнения промышленности рабочей силой. Сложившаяся в ходе реконструкции народного хозяйства административная система управления колхозами фактически отрицала их кооперативную природу. Они были превращены в государственные предприятия с принудительным трудом. В результате сельский трудящийся был лишен инициативы и самостоятельности; произошло отчуждение работника от средств производства, трудящегося — от управления колхозными делами.

В годы войны административные методы управления колхозами еще более усилились, достигнув своего предела. Кооперативные объединения крестьян были лишены остатков самостоятельности и поставлены в полную зависимость от районного руководства. Административно-командная система охватывала все стороны деятельности колхозов, жестко регламентировала даже внутренний распорядок труда и отдыха в них. Наибольший вред установившийся стиль руководства приносил при планировании сельскохозяйственного производства. Планы устанавливались «сверху» в виде продрозверстки, исходя из потребностей в сельскохозяйственной продукции. При этом реальные возможности хозяйств во внимание не принимались. Планирование в артелях осуществлялось на тех же принципах, что и на государственных предприятиях, только без бюджетного финансирования и материально-технического снабжения. В то же время вся полнота материальной и, главное, юридической ответственности за результаты хозяйственной деятельности возлагалась на каждый отдельный колхоз, коллектив его членов и председателя. Война усилила возникшее в ходе коллективизации противоречие: хозяйничали в колхозах партийные и советские органы, а ответственность за результаты их работы всецело возлагалась на колхозников.

Еще хуже обстояло дело с оплатой труда. В большинстве хозяйств материальные стимулы были незначительными, в некоторых — отсутствовали полностью. Обесцениванию трудодня способствовали как существовавший в те годы «остаточный» принцип распределения доходов колхоза среди его членов, так и сохранение устаревших норм выработки, плохо налаженный учет трудодней, их разбазаривание и т. д. Практически для своего потребления члены колхоза получали не долю в коллективно произведенном продукте, а плату за труд, причем очень низкую. По-существу, крестьяне были от-

чуждены не только от средств производства, но и от распределения созданного продукта. Последнее послужило экономической основой для его изъятия из колхозов. Одновременно усилилось внеэкономическое принуждение к труду. За невыполнение обязательного минимума трудодней тысячи колхозников исключались из артелей и предавались суду.

Достигшая в войну своего пика командная система управления сельским хозяйством оказывала противоречивое и далеко не однозначное воздействие на положение в колхозах. С одной стороны, высокая централизация управления помогла коллективным хозяйствам легче адаптироваться к экстремальным условиям военного времени, быстрее и полнее мобилизовать материальные и трудовые ресурсы села. Представляется бесспорным, что во время Гражданской и Великой Отечественной войн «сверхцентрализм» и государственное принуждение сыграли положительную роль в мобилизации ресурсов и концентрации усилий. Но очевидно и другое. Практически полное отсутствие у колхозников хозяйственной самостоятельности, слабая материальная заинтересованность крестьян, многочисленные факты грубого нарушения устава колхозов крайне негативно отражались на экономике артелей. Лишь путем применения чрезвычайных мер организационного и правового характера удалось снабдить страну необходимым минимумом продовольствия. Именно колхозы спасли страну от всеобщего голода, однако достигнуто это было за счет колоссальных усилий и огромных жертв.

Примечания

1. Правда. — 1940. — 31 янв., 12, 17, 21 апр., 10, 18, 28 мая; 1941. — 26 марта; 24 мая; Социалист. земледелие. 1942. 7 апр.; Сб. постановлений ЦК ВКП (б) и СНК Союза ССР по вопросам заготовок и закупок с.-х. продуктов. — М., 1941. — С. 8–12, 15, 19–27, 61–97; ГАПО. Ф. 1133, оп. 1, д. 303, л. 38; ГАСО. Ф. 88, оп. 1, д. 5102, л. 113; Д. 5181, л. 127.

2. Правда. — 1940. — 7 апр.

3. См.: Пятницкий П.П. Обязательные поставки колхозами с.-х. продукции государству. — М., 1951. — С. 18.

4. ГАЧО. Ф. 274, оп. 1, д. 1603, л. 60.

5. См.: Сб. указов, постановлений и распоряжений: 1941–1945. — Челябинск, 1945. — С. 118; Эконом. жизнь СССР. Кн. 1. — С. 344; ГАСО. Ф. 88, оп. 1, д. 595, л. 474.

6. См.: Эконом. жизнь СССР. Кн. 1. — С. 310.

7. ГАКО. Ф. 1607, оп. 1, д. 73, л. 37; ГАОО. Ф. 846, оп. 2, д. 178, л. 19; ГАПО. Ф. 1133, оп. 1, д. 3874, л. 36; ГАСО. Ф. 241, оп. 2, д. 235, л. 26.
8. ГАСО. Ф. 1824, оп. 1, д. 842, л. 52, 53; Ф. 1813, оп. 1, д. 887, л. 146.
9. См.: Сб. указов, постановлений и распоряжений. — С. 114—115. ГАСО. Ф. 88, оп. 1, д. 5115, л. 17.
10. Правда. — 1942. — 11 июля.
11. РГАЭ. Ф. 8040, оп. 8, д. 381, л. 45, 49, 63, 77, 79.
12. Социалист. земледелие. — 1941. — 19 сент.; В помощь агитатору. 1942.
- № 13. С. 15—16; ГАСО. Ф. 1824, оп. 1, д. 839, л. 10.
13. Правда. — 1942. — 12 июля.
14. См.: Сб. указов, постановлений и распоряжений. — С. 214.
15. См.: Там же.
16. ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 218, л. 51; ГАЧО. Ф. 274, оп. 3, д. 1421, л. 3; Д. 1539, л. 46; Ф. 804, оп. 3, д. 6, л. 104—107.
17. ГАЧО. Ф. 274, оп. 20, д. 2, л. 168.
18. Красный Курган. — 1943. — 19 сент.; Ударник (орган Бардымского райкома ВКП (б) и районного Совета депутатов трудящихся Перм. обл.). — 1943. — 5 дек.; ПАЧО. Ф. 485, оп. 1, д. 884, л. 142.
19. Челябин. рабочий. — 1942. — 14 ноября, 17 дек.; Сталинский путь (орган Усинского райкома ВКП (б) и районного Совета депутатов трудящихся Перм. обл.). — 1943. — 29 окт.
20. РГАЭ. Ф. 8040, оп. 8, д. 381, л. 45, 49, 63, 77, 79.
21. Там же.
22. Голос ударника (орган Уинского райкома ВКП (б) и районного Совета депутатов трудящихся Перм. обл.). — 1942. — 8 сент.; Коммуна (орган Большесосновского райкома ВКП (б) и районного Совета депутатов трудящихся Перм. обл.). — 1942. — 4 нояб.; ГАПО. Ф. 1133, оп. 1, д. 1030, л. 19.
23. Ударник. — 1942. 31 июля, 4 сент., 7 окт., 20 нояб.
24. ГАПО. Ф. 1090, оп. 2, д. 61, л. 37—41, 106—112, 242, 243, 252—256, 288—298.
25. ГАПО. Ф. 1090, оп. 1, д. 586, л. 585—587; Ф. 11, 33, оп. 1, д. 1030, л. 21; Сталинский ударник (орган Очерского райкома ВКП (б) и районного Совета депутатов трудящихся Перм. области). — 1943. — 23 мая, 26 авг.
26. См.: История Великой Отеч. войны Советского Союза, 1941—1945. Т. 3. — М., 1961. — С. 190.
27. Эконом. жизнь СССР. Кн. 1. — С. 354.
28. Челябин. рабочий. — 1942. — 10 дек.; ГАОО. Ф. 846, оп. 3, д. 4, л. 27; ПАПО. Ф. 14587, оп. 1, д. 448, л. 26, 27.
29. ГАПО. Ф. 1133, оп. 1, д. 303, л. 41; ГАЧО. Ф. 274, оп. 3, д. 1616, л. 139.
30. ГАСО. Ф. 88, оп. 1, д. 5375, л. 86; ГАЧО. Ф. 274. Оп. 3, д. 1512, л. 201; Д. 1616, л. 135; Д. 1695, л. 189; Ф. 1358, оп. 2, д. 17, л. 8.
31. ГАПО. Ф. 564, оп. 2, д. 234, л. 380, 381.
32. См.: Народное хоз-во СССР: Стат. справ. — М.; Л., 1932. — С. 352, 357.
33. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 545, л. 71, 72, 77, 78.
34. ГАСО. Ф. 1817, оп. 1, д. 1528, л. 99, 102.
35. См.: Малафеев А. Н. История ценообразования в СССР (1917—1963 гг.). — М., 1964. — С. 229; ГАСО. Ф. 241, оп. 5, д. 30, л. 159.

36. РГАЭ. Ф. 8040, оп. 8, д. 381, л. 45, 49, 63, 77, 79.

37. См. : Сб. постановлений ЦК ВКП (б) и СНК Союза ССР по вопросам заготовок и закупок с.-х. продуктов. — С. 23, 24, 57, 65, 72–75, 82, 85; ГАЧО. Ф. 1358, оп. 2, д. 17, л. 30

38. См. : Сб. указов, постановлений и распоряжений. — С. 122–125; ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 395, л. 49.

39. ГАЧО. Ф. 1358, оп. 1, д. 15, л. 62.

40. ГАСО. Ф. 88, оп. 1, д. 5276, л. 5.

Источники пополнения совхозных кадров на Среднем Урале на современном этапе*

1950–1970-е гг. были периодом быстрого развития государственного сектора сельскохозяйственного производства. В соответствии с решениями XIX и XX съездов и постановлениями сентябрьского (1953 г.), февральско-мартовского (1954 г.) и январского (1955 г.) пленумов ЦК КПСС в стране был осуществлен ряд мер, направленных на коренное улучшение деятельности совхозов, увеличение роли государственного сектора в сельском хозяйстве. С осени 1954 г. началось строительство совхозов на базе многоземельных и экономически слабых колхозов. Одновременно шло укрупнение части старых совхозов за счет объединения двух или более хозяйств в одно, передачи им подсобных хозяйств предприятий, прирезки целинных и залежных земель, а также земельных излишков сельскохозяйственных артелей. В результате за 1954–1957 гг. в СССР на базе 6 519 колхозов было организовано 969 совхозов, а 1 291 совхоз укрупнен. Процесс создания государственных хозяйств интенсивно шел и на Урале. Только в 1957 г. здесь было образовано 58 совхозов, в том числе в Башкирии — 14, в Оренбургской области — 13, Курганской — восемь, Челябинской — 19, Свердловской — четыре [1].

В 60–70-е г. количество совхозов в стране продолжало увеличиваться. Их число возросло с 6,5 тыс. в 1959 г. до 21,1 тыс. в 1980 г. [2]. Одновременно шел рост численности и работников совхозов. К 1967 г. по темпам роста среднегодовой численности рабочих и служащих совхозы и подсобные сельскохозяйственные предприятия вышли на первое место в народном хозяйстве СССР [3].

* Ранее опубликовано в кн. : *Население и трудовые ресурсы уральской советской деревни*. — Свердловск : Изд-во УНЦ АН СССР, 1987. — С. 121–127.

Возрастание роли советских хозяйств привлекло внимание исследователей к их истории, в том числе и к вопросу формирования и пополнения совхозных кадров. Интересные материалы по проблеме содержатся в монографиях М.Л. Богденко, И.Е. Зеленина, Ф.К. Михайлова [4]. Однако авторы оперируют данными лишь официальной статистики, что не позволяет им выявить удельный вес основных источников пополнения работников совхозов. Данной проблеме посвящены также специальные исследования И.Ф. Вилкова, Л.П. Кучкиной, Н.С. Тонаевской и В.Б. Федорова, выполненные на материалах Пензенской, Горьковской, Новосибирской и Ленинградской областей [5]. Поскольку данные статистики дают лишь ограниченные возможности для анализа источников пополнения совхозных кадров, вышеуказанные авторы использовали материалы конкретных обследований личных учетных карточек работников совхозов.

Ряд публикаций посвящен и работникам уральских совхозов. В них характеризуется процесс воспроизводства сельских кадров, анализируется их профессионально-квалификационная структура, показаны социальные изменения в совхозном отряде рабочего класса [6]. Источники пополнения совхозных кадров в них не освещаются. В данной работе на основе материалов социологических обследований в совхозах Свердловской области в 1984—1985 гг. сделана попытка частично восполнить этот пробел и выявить основные источники пополнения совхозных кадров на Среднем Урале.

Устойчивый рост числа совхозов и численности их работников в 1950—1970-е гг. происходил и на Среднем Урале. В 50-е гг. основным источником формирования совхозных кадров стало колхозное крестьянство. За 1957—1958 гг. в обследуемые совхозы на работу поступило 5,6 тыс. чел. Из них 86,6 % составляли бывшие колхозники (совхозы были созданы на базе колхозов). Этот источник носил временный характер и в последующие годы постоянно уменьшался. В 1959—1965 гг. на его долю приходилось уже 10,3 % пополнения, а в 1976—1980 гг. — лишь 1,6 %.

С начала 1960-х гг. источники пополнения работников совхозов значительно расширились. В годы семилетки возрастает приток в совхозы работников из промышленности, сферы обслуживания, учебных заведений и особенно — из других сельскохозяйственных предприятий. Если в 1957—1958 гг. удель-

ный вес последних как источника пополнения совхозных кадров составлял лишь 2,1 %, то в 1959—1965 гг. — 22,4, а в 1966—1970 гг. 24,7 %. Заметно возросла роль демобилизованных из Советской Армии и особенно выпускников общеобразовательных школ и профтехучилищ. В 1957—1958 гг. на долю демобилизованных приходилось 1,5 % пополнения, в 1959—1965 гг. — 5,9, в 1966—1970 гг. — 7 %; удельный вес выпускников школ и профтехучилищ составлял соответственно 1,7, 15,2 и 18,1 % [7].

В 1960-е гг. значительно увеличилось пополнение из несельскохозяйственных отраслей народного хозяйства. Рабочие и служащие, прибывшие на работу в совхозы из промышленности, со строительства, из транспорта, связи и из сферы обслуживания, составляли в 1957—1958 гг. 7,6 %, в 1959—1965 гг. — 39,9, а в 1966—1970 гг. — 42,1 %. При этом доля горожан в этих группах заметно возросла: она составила в указанные годы соответственно 3,0, 18,0 и 21,9 %. Внутри несельскохозяйственных отраслей прибывшие в 60-е гг. из промышленности дали самый высокий процент — 19,7 % в 1959—1965 гг. и 20,2 % в 1966—1970 гг.; из сферы обслуживания — соответственно 11,6 и 11,5 %, из строительства — 5,4 и 7,1 % из транспорта и связи — 3,2 и 3,3 %.

По приводимым данным можно судить и о возрастании роли женщин в общественно полезном труде в совхозах. Примечательно, что это произошло вскоре после образования совхозов. Если в 1957—1958 гг. домохозяйки составляли лишь 0,5 % пополнения, то в 1959—1965 гг. — 6,3 %, в последующие же годы начался спад. Таким образом, в 60-е гг. уменьшилось только два источника пополнения совхозных кадров — колхозное крестьянство и домохозяйки.

Для 1970-х г. характерно некоторое сокращение текучести совхозных кадров. Так, в совхозе «Ачитский» в 1966—1970 гг. в среднем за год увольнялось 30,6 % работников, а в 1971—1975 гг. — 28,2 %. Аналогичная тенденция наблюдалась и в других хозяйствах. В совхозе «Красноуфимский» в 1975 г. уволилось 23,9 % работников, а в 1980 г. — 21,3 %, в совхозе «Крыловский» — 20,4 и 18,6 %. Это отразилось на составе пополнения совхозов — уменьшилась роль работников промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Одновременно возросла роль внутренних источников пополнения совхозов: демобилизованные из Советской Армии составили в 1971—1975 гг. 8,3 % пополнения, а в 1976—1980 гг. — 9,1 %, выпускники общеобразова-

вательных школ и профтехучилищ — соответственно 20,9 и 24,0 %.

Характерная черта 1970-х гг. — дальнейшее сокращение удельного веса несельскохозяйственных отраслей народного хозяйства в формировании совхозных кадров. Если в 60-е гг. на их долю приходилось 30,6 % пополнения совхозов, то в 70-е гг. — 25,6 %. Одновременно возросла и роль горожан: в 1959—1970 гг. их удельный вес был равен 19,4 %, а в 1971—1980 гг. — 20,5 %.

Аналогичные тенденции в изменении роли источников пополнения совхозов происходили в 1960-е гг. и в соседних с Уралом регионах — Верхне-Волжском (Горьковская обл.) и Западно-Сибирском (Новосибирская обл.). Данные показывают, что и в этих областях происходило дальнейшее возрастание роли рабочих и служащих промышленности, транспорта и связи, строительства, сферы обслуживания, а также демобилизованных из Советской Армии и выпускников общеобразовательных школ и профтехучилищ при одновременном сокращении удельного веса колхозного крестьянства и незанятого населения. Повсеместно возросла и роль совхозов, при этом их удельный вес был примерно одинаков (25—28 %). Вместе с тем, в источниках пополнения работников совхозов отчетливо проявился индустриальный характер Свердловской области. Если в Горьковской области из промышленности перешли в совхозы 8,5 % их пополнения, а в Новосибирской (в 1969 г.) 10,3 %, то в Свердловской области в 1966—1970 гг. — 20,2 %.

Приводимые данные показывают, что в 1960—1970-е гг. на Среднем Урале происходили интенсивные обменные процессы между представителями различных отраслей народного хозяйства и совхозами, а также между городом и селом. В 1971—1975 гг. доля населения, пришедшего из других совхозов, составляла 25,1 %. Это также говорит о возрастании миграционной подвижности сельского населения. В 60—70-е гг. шло неуклонное сокращение основного для 50-х гг. источника пополнения совхозов — колхозного крестьянства. Это связано со значительным сокращением удельного веса колхозов в сельскохозяйственном производстве на Среднем Урале, а также организационно-хозяйственным укреплением коллективных хозяйств, улучшением материального благосостояния колхозников. Таким образом, в настоящее время колхозное крестьянство уже не является основным источником попол-

нения рабочей силы для обследованной группы совхозов. В 1976—1980 гг. на первом месте среди источников пополнения работников совхозов были выпускники общеобразовательных школ и профтехучилищ (24,0 %), на втором — работники сельхозпредприятий (21,6 %), на третьем — промышленных предприятий (17,5 %); работники сферы обслуживания составляли 13,2 %, демобилизованные из Советской Армии — 9,1, работники строительства — 5,2 % и др.

Перемещение работников разных отраслей имело и широкий территориальный диапазон. Материалы обследования показали, что в совхозах Среднего Урала работали выходцы из городов и сел европейской части СССР, Сибири и Дальнего Востока, Средней Азии и Казахстана, а также других областей Урала. Однако значение этого источника было весьма невелико, он составлял в 1960—1970-е гг. лишь 2—3 % пополнения.

Характерная черта Свердловской области — очень высокая доля внутриобластного обмена. На протяжении всего исследуемого периода, на долю выходцев из Свердловской области приходилось 94—95 % пополнения. Удельный вес других уральских областей составлял 1—2 %. Этим источники пополнения работников совхозов Свердловской области существенно отличаются от Горьковской и Новосибирской областей, где межобластной обмен был более значителен. Так, в Горьковской области, по данным на 1962 г., удельный вес выходцев из нее в пополнении совхозных кадров составлял 95,8 %, а в 1971 г. — 81,2 %, в Новосибирской области в 1966 и 1969 гг. — соответственно 83,6 и 34,2 % [8].

Следовательно, в отличие от других районов страны территориальные источники пополнения совхозов на Среднем Урале оставались в 60—70-е гг. без изменений, прирост сельского населения за счет выходцев из других областей здесь был весьма незначительным.

Примечания

1. ЦГАНХ СССР. Ф. 7486, оп. 21, д. 3, л. 8; Д. 30, л. 1; Д. 35, л. 1; Д. 39, л. 1; Д. 43, л. 1; Д. 44, л. 1.

2. См.: Народное хоз-во СССР в 1959 году. — М., 1960. — С. 307; Народное хоз-во СССР в 1980 г. — М., 1981. С. 201.

3. См.: Труд в СССР. — М., 1968. С. 35.

4. См.: Богденко М.Л. Совхозы СССР, 1951—1958. — М., 1972. С. 208—234; Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Совхозы СССР. Кр. истор. очерк (1917—

1975). — М., 1976. — С. 200–202; Михайлов Ф.К. Совхозное стр-во в Казахстане (1946–1970 гг.). — Алма-Ата, 1973. — С. 142–184.

5. См.: Вилков И.Ф. Колхозное крестьянство РСФСР как источник пополнения совхозных кадров в 50–60-е годы // В кн.: Проблемы истории советского крестьянства. — М., 1981. — С. 218–221; Кучкина Л.П. Сельскохозяйственные рабочие в условиях развитого социализма // Вопр. истории. — 1974. — № 3. — С. 27–40; Тонаевская Н.С. Изменения в источниках пополнения рабочих совхозов (опыт социологич. исследования) // В кн.: Проблемы истории советского о-ва Сибири. — Новосибирск, 1970. — С. 116–122; Она же. К вопросу о составе и источниках пополнения отряда рабочих совхозов в 1959–1965 гг. // В кн.: Социальная структура населения Сибири. — Новосибирск, 1970. — С. 165–171; Федоров В.Б. Рабочие совхозов Ленинградской области в 1959–1965 гг. — Л., 1977. — 20 с.

6. См.: Плотнокова В.Е., Рачев А.Е. Изменение профессионально-квалификационной структуры рабочих кадров сельского хоз-ва в условиях научно-техн. прогресса // В кн.: Идеино-теорет. проблемы научно-техн. прогресса. — Свердловск, 1978. — С. 72–76; Филиппов Н.Н., Кулешов Н.Ф., Плотнокова В.Е. Воспроизводство кадров специалистов сельского хоз-ва. — Свердловск, 1973. — 116 с.; Шляпников Н.С., Никулин Н.Н. Социальные изменения в совхозном отряде рабочего класса (1965–1975 гг.) // В кн.: Осуществление аграрной политики КПСС на Урале и в Южном Зауралье. — Челябинск, 1978. — С. 60–73.

7. Рассчитано по материалам отделов кадров совхозов «Ачитский», «Красноуфимский» и «Крыловский» Свердловской области.

8. См.: Кучкина Л.П. Указ. соч. — С. 34; Тонаевская Н.С. Указ. соч. — С. 121.

Хлебозаготовки на Урале в годы Великой Отечественной войны

В период Великой Отечественной войны одной из главных задач советского тыла было снабжение страны хлебом. Важной зерновой базой СССР в эти годы стал Урал. Его труженики не только произвели 40,0 % важнейшей военной продукции, но и дали стране миллионы тонн зерна. Однако в литературе до сих пор нет обобщающих данных о вкладе сельского хозяйства края в хлебный фонд СССР. Авторы приводят многочисленные сведения о заготовках зерна по отдельным категориям хозяйств (Г.Е. Корнилов, В.П. Мотревич), сдаче их в той или иной области (А.Г. Наумова, В.М. Половников, К.И. Шибанов). Необходимо на основе хранящихся в центральных архивах данных ЦСУ СССР и ЦСУ РСФСР, матери-

* Ранее опубликовано в кн.: Октябрь на Урале: история и современность // Региональная науч. конф. — Свердловск: Изд-во УНЦ АН СССР, 1988. С. 70–74.

алов Министерства заготовок СССР и сведений местных архивов определить динамику и размеры хлебозаготовок на Урале, показать трудности при их осуществлении.

На Урале зерновые являются основной культурой. В 1940 г. ими было занято 12 212,5 тыс. га, что составили 84,1 % всех посевов. Среди зерновых преобладала яровая пшеница, озимая рожь и овес. Основная часть зерновых (74,0 %) находилась на Южном Урале в Оренбургской и Челябинской областях, Башкирской АССР. В целом на долю региона приходилась примерно десятая часть (в 1940 г. — 9,6 %) общесоюзного сбора зерна [1].

Война нанесла серьезный ущерб сельскому хозяйству страны, в том числе и на Урале. При этом убыль трудоспособных из уральской деревни, особенно в его индустриальных областях, была ощутимее, чем в целом по стране, а нагрузка посевных площадей была наивысшей. Из-за снижения уровня механизации в наибольшей степени пострадало высокомеханизированное хозяйство южноуральских областей. Острее сказывались на Урале и неблагоприятные климатические условия. Обычно поздняя весна и ранняя зима заставляли тружеников села укладываться в жесткие агротехнические сроки. В условиях войны это стало невозможно. Отсюда смещение сроков всех сельскохозяйственных работ, ухудшение агротехники, большой разрыв между посевными и уборочными площадями, снижение урожайности зерновых культур. Объем сельскохозяйственного производства стал заметно снижаться; так, в 1945 г. валовой сбор зерновых был равен 4 770,1 тыс. т — 52,0 % от уровня 1940 г. [2].

В эти годы зерно поступало государству по различным каналам — в счет натуральной платы колхозов за работы МТС, в виде обязательных поставок, а также при возврате колхозами и совхозами семенных ссуд. Сдавали зерновые и совхозы, а также хозяйства сельчан, имевшие их посевы. Итоги 1940 г. показывают, что до войны основная часть заготавливаемой продукции приходилась на натуроплату (43,1 %) и обязательные поставки колхозов (37,6 %). Совхозы сдали 11,1 % поступивших зерновых, а остальное зерно приходилось на долю личных подсобных хозяйств (1,1 %) и возврат сельхозпредприятиями семенных ссуд (7,1 %) [3].

Сокращение производства серьезно осложнило проведение хлебозаготовок. В результате, если в 1940 г. на Урале было заго-

товлено 4 317 тыс. т зерна, то в 1941 г. — 3 739,3, а в 1942 г. — 2 218,8 тыс. т [4]. Для увеличения хлебосдачи предпринимались чрезвычайные меры. В частности, в Челябинской области в ноябре 1941 г. на заготовительные пункты «Заготзерно» стали принимать зерно с отклонениями от кондиций [5]. Колхозам, которые не могли выполнить свои обязательства по зерну, разрешалось заменять его мясом. В сентябре 1943 г. решением правительства колхозам, колхозникам и единоличникам было запрещено продавать и обменивать зерно, муку и печеный хлеб до выполнения ими плана сдачи хлеба государству [6]. Во многих районах колхозники добровольно сдавали хлеб из личных хозяйств в счет обязательных поставок колхозов, проявляя тем самым высокую сознательность [7]. Во время проведения хлебозаготовок широко применялись меры административно-правового воздействия.

В результате удалось максимально ограничить потребности сельхозпредприятий, заготовив при этом и часть необходимого для воспроизводства зерна. Однако этот успех был достигнут дорогой ценой. Семенные фонды засыпать полностью не удалось и весной 1943 г. пришлось сократить посевы зерновых, снизив норму высева. Это привело к дальнейшему падению производства зерна и росту задолженности по хлебопоставкам. Если в 1940 г. Пермской области не справились с хлебопоставками 27,0 % колхозов, то в 1941 г. — 33, в 1942 г. — 49, в 1943 г. — 50 % [8]. Не выполнялись они и в других областях, в результате чего недоимки по зерну исчислялись сотнями тысяч тонн.

В этой ситуации нужны были срочные меры по облегчению налогообложения, приведению его в соответствие с экономическим потенциалом хозяйств. Ряд мероприятий в этом направлении был осуществлен на заключительном этапе войны. В частности, необрабатываемые земли колхозов передавались подсобным хозяйствам, а непригодные для использования исключались из обложения. В 1944 г. с колхозов списали большую часть недоимок, а в промышленных областях Урала были снижены нормы поставок зерна [9].

Благотворно сказалось на выполнении хлебопоставок и общее улучшение в сельском хозяйстве, наступившее в 1944—1945 гг. В результате, если в 1943 г. на Урале было заготовлено 1 516,6 тыс. т зерновых, то в 1944 г. — 1 899,1, а в 1945 г. — 2 250,6 тыс. т [10].

Однако многие колхозы планы сдачи зерна, по-прежнему не выполняли. Это вызывалось не только падением производства, но и существующим порядком налогообложения, превышающим экономические возможности хозяйств. Так, ставки натуроплаты исчисляли не с фактической, а с биологической, видовой урожайности. При этом не учитывались потери на уборке, часто достигавшие половины урожая. В 1943 г. видовая урожайность зерновых в колхозах Курганской области составляла 5 ц с га, в Пермской — 9,1, в Свердловской — 5,7 и в Оренбургской — 3,4 ц с га, а фактическая урожайность — 2,4; 5,2; 5,7; 1,9 ц с га [11].

Не подходил для уральских колхозов и существующий с 1940 г. порядок начисления обязательных поставок со всей закрепленной за ними пашни. Многоземельные уральские колхозы всю эту землю обрабатывать не могли, однако налог с нее платили. Поэтому на Урале как целые области, так и отдельные районы, хозяйства редко становились победителями Всесоюзного соревнования, так как не могли выполнять завышенные планы заготовок зерна и другой сельскохозяйственной продукции.

Более объективно о результатах хлебозаготовок на Урале позволяет судить не выполнение планов заготовок и успехи в соревновании, а такой объективный показатель, как товарность. Расчеты показывают, что товарность колхозов — основного производителя зерна неуклонно повышалась. Если в 1941 г. колхозы региона сдали государству 45,3 % валового сбора зерна, то в 1942 г. — 48,6 %, а 1943 г. — 49,9, а в 1944 г. — 51,3 %. При этом товарность уральских колхозов была выше, чем в среднем по СССР.

Повышение товарности обуславливалось как сокращением расходов зерна на производственные нужды, так и уменьшением фондов потребления. Выдача зерна в 1942–1943 гг. составляла в колхозах на Урале 300–400 г в среднем на трудодень. Колхозники, производя основную часть зерновых, сами остро нуждались в хлебе. Данные бюджетных обследований их семей показывают, что в эти годы колхозники интенсивно обменивали у горожан продукты своего личного подсобного хозяйства — картофель, мясо, молоко на хлеб.

Сдаваемые колхозами зерновые оплачивались по заготовительным ценам, которые не окупали затрат на их производ-

ство. Тем не менее, основная часть товарной продукции передавалась государству. Всего за годы войны труженики сельского хозяйства Урала сдали государству 11 626,4 тыс. т зерновых, что составило 12,8 % их заготовок в СССР. Основная роль в зернопоставках принадлежала колхозам, на долю которых пришлось 90 % их заготовок. 8,9 % сдали совхозы и 1,1 % личные подсобные хозяйства. В областном разрезе больше всех зерна дали стране Башкирия и Оренбуржье — соответственно 2 707,8 и 2 699,4 тыс. т, что составило около половины (46,5 %) заготовленного на Урале хлеба. Челябинская область сдала 1 754,4 тыс. т (15,1 %), Пермская — 1 597,2 (13,7), Свердловская — 1 210,3 (10,4 %), Удмуртская АССР — 961,6 (8,3 %) и Курганская область за 1943–1945 гг. — 695,7 тыс. т (6,0 %) [12].

Приводимые данные убедительно говорят о трудовом подвиге многонационального уральского крестьянства, давшего стране 11,6 млн т зерна. Столь же очевидным является несоответствие между принципами осуществления налоговой политики и реальным состоянием сельского хозяйства Урала. Существующая система налогообложения могла действовать лишь в условиях милитаризации труда и высокого трудового и патриотического подъема среди населения. Однако в условиях военного времени нарушение экономических рычагов хозяйствования вело к сокращению производства и заготовок. Поэтому важнейшими задачами восстановления и дальнейшего развития сельского хозяйства в послевоенные годы являлось не только укрепление его материально-технической базы, но и упорядочение налогообложения, значительное повышение заготовительных цен для приведения их в соответствие с затратами труда, увеличение материальной заинтересованности сельских тружеников. Опыт проведения хлебозаготовок в годы Великой Отечественной войны показал, что игнорирование этих требований ведет к негативным последствиям в развитии сельского хозяйства.

Примечания

1. Подсчитано по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 324, д. 678, л. 34; Д. 5295, л. 69–75.

2. Подсчитано по: ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 324, д. 5295, л. 57, 69 — 75; Д. 5296, л. 59–66.

3. Подсчитано по : ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 8040, оп. 3, д. 2505, л. 21, 45, 63, 74, 77, 79.
4. Подсчитано по : ЦГА РСФСР. Ф. 374, оп. 30, д. 11733, л. 16, 24, 27, 66, 97.
5. См. : ГАЧО. Ф. 804, оп. 3, д. 6, л. 104—107.
6. См. : Сб. указов, постановлений и распоряжений : 1941—1945. — Челябинск, 1945; ГАСО. Ф. 88, оп. 1, д. 5171, л. 57.
7. См. : ПАКО. Ф. 1200, оп. 1, д. 175, л. 16—20; ПАПО. Ф. 458, оп. 1, д. 448, л. 26.
8. См. : ГАПО. Ф. 1133, оп. 1, д. 1030, л. 19.
9. См. : ГАПО. Ф. 1133, оп. 1, д. 303, л. 11; ГАСО. Ф. 88, оп. 1, д. 5375, л. 86; ГАЧО. Ф. 274, оп. 3, д. 1512, л. 201; Ф. 1358, оп. 2, л. 17, л. 5.
10. Подсчитано по : ЦГА РСФСР. Ф. 374, оп. 30, д. 11733, л. 4, 6, 66, 97.
11. Подсчитано по : ГАКО. Ф. 1607, оп. 1, д. 73, л. 37; ГАОО. Ф. 846, оп. 2, д. 176, л. 19; ГАПО. Ф. 1133, оп. 1, д. 3874, л. 36; ГАСО. Ф. 241, оп. 3, д. 233, л. 26.
12. Подсчитано по : ЦХАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 324, д. 59, л. 298; Д. 545, л. 86, 88; Д. 791, д. 29—31; Д. 1257, л. 38, 39; ЦГА РСФСР. Ф. 374, оп. 30, д. 11733, л. 4, 6, 26, 27, 66, 97.

Динамика и структура неделимых фондов колхозов в период Великой Отечественной войны

В годы войны экономическое положение уральских колхозов заметно ухудшилось, хотя они и находились в глубоком тылу. Правда, денежные доходы их возросли, в основном из-за реализации части продукции на колхозных рынках. За счет получаемых денежных средств происходило пополнение неделимых фондов колхозов. Примерный устав сельскохозяйственной артели рекомендовал хозяйствам отчислять в них от 10,0, но не более 20,0 % денежных средств. В дальнейшем отчисления были дифференцированы в зависимости от производственного направления хозяйств.

В связи с ростом доходов в 1941—1945 гг. на пополнение неделимых фондов колхозы стали отчислять больше средств, чем до войны. Рост неделимых фондов и их главной части — основных производственных фондов (ОПФ) ведет, особенно в условиях сокращения среднегодовой численности работников, к росту фондовооруженности труда. Это обеспечивает увеличение производительности труда, повышение рентабельности производства и снижение себестоимости продукции при по-

** Ранее опубликовано в кн. : Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства за годы Советской власти. — Свердловск : Изд-во УИЦ АН СССР, 1989. — С. 46—48.*

вышении ее качества. Однако данные годовых отчетов колхозов неоспоримо доказывают обратное. В годы войны в артелях уменьшается количество и снижается качество производимой продукции, снижается производительность труда и т. д.

Главной причиной ухудшения использования ОПФ, увеличения разрыва между их размерами и объемом производимой продукции, был рост амортизации. В процессе воспроизводства часть средств производства претерпевает стоимостный износ и становится непригодной для работы. В условиях военного времени из-за отсутствия строительных материалов, нехватки запасных частей, ухудшения качества горючего, снижения квалификации кадров произошло ускорение износа основных средств. Этому способствовало усиление эксплуатации сельскохозяйственных орудий и оставшейся техники. В результате увеличился разрыв между нормативными амортизационными сроками службы ОПФ и средним фактическим сроком их службы.

Очевидно, что содержащиеся в годовых отчетах данные о размерах неделимых фондов в стоимостном выражении имели существенный недостаток. В те годы балансовая стоимость основных средств производства в колхозах не уменьшалась до полного их износа. В результате часть изношенных средств труда по-прежнему оставалась на балансе хозяйств, хотя эффективно использовать их было уже нельзя. Поэтому балансовая стоимость основных средств не отражала состояния их материально-вещественных элементов, т. е. не соответствовала их фактической стоимости.

Ослабление экономики хозяйств в условиях роста стоимости их неделимых фондов во многом происходило из-за многочисленных нарушений Устава сельскохозяйственной артели. Расхищалось не только колхозное имущество, но и денежные средства. Отрицательно сказывалась на финансовом положении артелей и деятельность сельскохозяйственного банка. Многие его отделения необоснованно отказывали колхозам в выдаче средств со счетов неделимых фондов. Тем самым нарушалось право хозяйств временно заимствовать средства неделимых фондов на хозяйственные нужды, не связанные с капиталовложениями (покупка семян, фуража и т. д.). В отделениях сельхозбанка практиковалось списание средств со счетов неделимых фондов в уплату взносов по личной подписке колхоз-

ников на государственные займы, а в отдельных случаях и для погашения средствами одних колхозов задолженности других по ссудам. Артели, сталкиваясь с невозможностью своевременного получить свои деньги со счетов неделимых фондов, уклонялись от сдачи свободных средств на хранение в сельхозбанк.

Воспроизводство выбывших ОПФ происходило за счет капитальных вложений колхозов путем строительства, приобретения новых орудий труда, капитального ремонта и т. д. Размеры выделяемых средств зависели от денежных доходов хозяйств. В годы войны в связи с ростом доходов размеры капиталовложений заметно возросли. Однако, несмотря на это, в колхозах произошло замедление обновления ОПФ. В условиях жесткого фондового распределения артели не могли приобрести нужные предметы хозяйственного назначения и освоить выделенные средства. В результате использование хозяйствами своих капитальных вложений сократилось.

Состояние материально-технической базы колхозов характеризует не только размеры, но и структуру ОПФ. Она отражает тот факт, что артели обслуживались МТС, которые владели всей основной техникой. Поэтому удельный вес тракторов, сельскохозяйственных машин и орудий в структуре ОПФ был невелик. В годы войны он еще более снизился, поскольку обеспеченность колхозов конно-ручными орудиями труда ухудшилась. Уменьшение активной части ОПФ вело к снижению производительности труда.

Во всяком производственном процессе, кроме орудий труда, необходимы и средства труда. К ним относятся производственные здания и сооружения, мосты, дороги и т. д. В процессе производства они функционируют длительное время. В военные годы средства труда быстрее приходили в ветхость, но продолжали числиться на балансе хозяйств. С учетом нового строительства удельный вес зданий и сооружений в структуре основных фондов неуклонно возрастал.

Сравнительно низким в структуре основных фондов колхозов был удельный вес продуктивного скота, который оценивался по низким заготовительным ценам. Они не принимали в расчет все общественно необходимые затраты труда, вкладываемые в его выращивание. Поэтому общая стоимость неделимых фондов и удельный вес продуктивного и рабочего скота в них были занижены. Это не позволяет с необходимой

точностью характеризовать неделимые фонды колхозов, однако основные тенденции их развития очевидны.

Роль правовых стимулов в сельском хозяйстве в условиях Великой Отечественной войны *

В результате сталинской деформации социализма в СССР сложилась административно-командная система, получившая в аграрном секторе наибольшее распространение. Она использовалась как для экономического (лишение колхозов главных средств производства, отчуждение крестьян от земли и производимой ими продукции, ограничение личного подсобного хозяйства), так и внеэкономического (установление обязательного минимума трудодней, прикрепление к месту жительства путем запрещения выдавать паспорта) принуждения. Однако и в этих условиях трудовая дисциплина оставалась «больным» вопросом колхозной жизни. Мизерная оплата труда и фактическое закрепощение отнюдь не способствовали ее укреплению.

В условиях войны, когда экономические стимулы в сфере производства еще более ослабли, административный нажим, наоборот, усилился. Зимой 1942 г. был повышен обязательный минимум трудодней. Впервые он вводился для подростков, которым выдавались трудовые книжки. Колхозники, не выработавшие обязательный минимум, считались выбывшими из артели и лишались приусадебного участка. Их могли предать суду и наказать исправительно-трудовыми работами на срок до 6 месяцев. Председатель колхоза или бригадир, укрывавшие нарушителей трудовой дисциплины, также привлекались к судебной ответственности.

На Урале среди не выработавших обязательный минимум трудодней колхозников был очень высок удельный вес осужденных, и этот показатель намного превышал общесоюзный уровень. Если учесть, что среднегодовая выработка трудодней в регионе была значительно выше, чем в среднем по СССР, а доля колхозников, не выработавших обязательный минимум ниже, то существовавшее положение можно объяснить особо жестким административным нажимом на уральскую деревню. Применялись меры по укреплению трудовой дисциплины и

** Ранее опубликовано в кн. : Творчество и право // Тез. науч. конф. — Тюмень : ТГУ, 1990. — С. 188–189.*

среди работников МТС. На это, в частности, был направлен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. Его действие распространялось не только на штатных работников МТС, но и на трактористов — членов колхоза.

Особенностью военного времени было широкое привлечение на сельскохозяйственные работы горожан. В 1942 г. совнаркомом союзных и автономных республик, краевым и областным исполкомам было разрешено в наиболее напряженные периоды полевых работ использовать незанятое городское население и часть служащих государственных организаций, школьников и студентов. Тех, кто уклонялся от мобилизации на сельхозработы или самовольно уходил с них, привлекали к уголовной ответственности и по приговору суда подвергали принудительным работам по месту жительства на срок до 6 месяцев с удержанием из зарплаты до 25 %.

Широко использовались административно-правовые методы и при проведении заготовок сельскохозяйственной продукции. Отставание по заготовкам, особенно хлебозаготовкам, рассматривалось как преступление. Виновные в отставании по ним снимались с постов, исключались из партии и предавались суду. В наиболее тяжелые периоды войны, например, летом 1941 г., на селе действовали военные трибуналы. Наибольшему избиению при этом подвергались кадры председателей колхозов.

Тяжело проходило взимание натуральных налогов с крестьянских дворов. Законодательство предусматривало за невыполнение обязательных поставок разнообразные меры наказания. В случае несоблюдения сроков по заключению районного уполномоченного Наркомата заготовок народный суд налагал на недоимщиков штраф в размере двукратной стоимости несданной в срок сельскохозяйственной продукции по рыночной цене. Независимо от этого по решению суда надлежало не выполненную в срок часть обязательств взыскивать натурой или деньгами по рыночным ценам. Виновные в неоднократном невыполнении обязательных поставок помимо штрафа привлекались к уголовной ответственности.

Факты свидетельствуют о том, что административный нажим в определенной степени стимулировал рост трудовой активности крестьянства, однако достигалось это за счет колоссальных жертв. При этом военное законодательство на селе применя-

лось не в полной мере, иначе пришлось бы осудить всю деревню. Представляется, что предпринятая в 1930–1940-е гг. попытка регламентировать всю жизнь колхозников вызвала их пассивное сопротивление. Именно в те годы формируется равнодушное отношение к земле, орудиям труда, скоту, крестьянскому труду в целом. Крестьяне бежали из деревни. Другое дело, что характер происходившей войны, высокий патриотизм народа заглушали существовавшее недовольство.

Динамика численности аграрных рабочих на Урале в 1940–1950-е гг.

Изучение проблемы аграрных рабочих связано с исследованием сельского хозяйства и социальной структуры села. Аграрные рабочие — это люди, преимущественно занятые физическим трудом в государственных предприятиях и непосредственно производящие сельскохозяйственную продукцию. В их состав входят работники МТС, совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий, а также лица, занятые обслуживанием сельского хозяйства и ветеринарии. Особый интерес в их истории представляют 1940–1950-е гг., когда численность рабочих и служащих в аграрном секторе быстро росла, а структура постоянно менялась.

Данная тема привлекает внимание исследователей, опубликован ряд работ, специально посвященных сельскохозяйственным рабочим СССР. Однако на Урале историки-аграрники рабочими почти не занимаются, поскольку проблемы села многие сводят к изучению крестьянства. В результате в научной литературе содержатся лишь отрывочные сведения об аграрных рабочих Урала, численность их специально не исследовалась, хотя давно уже наша деревня не «чисто крестьянская». Собственно колхозное крестьянство — это лишь часть сельского населения, другую его часть составляют работники государственных предприятий, в том числе и сельскохозяйственных.

В предлагаемой работе на основе архивных материалов Госкомстата СССР делается попытка проанализировать количественные характеристики структурных отрядов аграрных рабочих, увязать их с происходящими в 1940–1950-е гг. соци-

** Ранее опубликовано в кн. : Труд и кадры в народном хозяйстве. — Свердловск : СИНХ, 1990. — С. 78–85.*

ально-экономическими изменениями на селе, выявить специфику этого процесса на Урале.

До Великой Отечественной войны большая часть населения края (в 1939 г. — 64,7 %) проживала в сельской местности [1]. Большинство сельчан были колхозниками. Расчеты показывают, что в 1940 г. на Урале насчитывалось 2 431,1 тыс. трудоспособных колхозников и 245,2 тыс. занятых в сельском хозяйстве рабочих и служащих [2]. Таким образом, накануне Великой Отечественной войны большинство занятых в аграрном секторе были колхозниками, и лишь незначительная часть трудилась на государственных сельскохозяйственных предприятиях. Остальные, не занятые в сельском хозяйстве сельчане, работали на промышленных предприятиях, транспорте, в строительстве, на лесозаготовках и т. д.

В 1940 г. рабочие и служащие сельского хозяйства составляли на Урале 9,7 % от всех занятых в народном хозяйстве. По этому показателю аграрный сектор занимал второе место после промышленности, опережая все остальные отрасли народного хозяйства. Из их числа 67,4 % работало в совхозах и подсобных сельских хозяйствах, 27,9 % — на МТС, 4,7 % — в обслуживании сельского хозяйства и ветеринарии. Больше всего аграрных рабочих было на Южном Урале, где размещалось свыше половины совхозов края; в Удмуртии же число рабочих и служащих в сельском хозяйстве было наименьшим.

В годы Великой Отечественной войны в СССР, когда произошла эвакуация населения на Восток, свыше двух миллионов человек были размещены на Урале, многие из них стали работать в различных отраслях народного хозяйства. В конце 1942 г. в Свердловской области в промышленности трудилось 98,6 тыс. эвакуированных, в организациях и учреждениях — 27,5 тыс., на железнодорожном транспорте — 0,5 тыс. [3]. В результате количество рабочих и служащих в народном хозяйстве Урала возросло с 2,5 млн человек в 1940 г. до 3,4 млн в 1945 г., а их доля в составе сельчан с 7,4 до 11,9 % [4].

Часть эвакуированных граждан, среди которых преобладали женщины, престарелые и дети, размещались в сельской местности. Многие не имели теплой одежды и навыков работы в сельском хозяйстве, что ограничивало их участие в производстве. Тем не менее, в 1942 г. на Урале в сельском хозяйстве было занято 158,3 тыс. эвакуированных граждан, в том числе в Башкирии 44,9 тыс., в Оренбургской области — 48,7

тыс., в Челябинской — 23,6 тыс., в Свердловской — 15 тыс. чел. [5].

Массовый приток эвакуированных частично компенсировал убыль сельского населения, однако его численность заметно сократилась: в Свердловской области уменьшилась с 1 059,3 тыс. чел. в 1941 г. до 866,4 тыс. в 1944 г., в Пермской — с 1 266,9 до 1 050,8 тыс. [6]. Несмотря на это, количество аграрных рабочих заметно возросло (до 10,0 % в 1945 г.), увеличилась их доля в составе рабочих и служащих народного хозяйства Урала.

В сентябре 1946 г. Совмин СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» [10]. В соответствии с ним предприятия и учреждения должны были вернуть неиспользуемые колхозные земли. К концу года только в Свердловской области колхозам было возвращено 30 тыс. га земли [11].

Полной ликвидации некоторых подсобных сельских хозяйств и передаче части из них в совхозную систему способствовало и то, что почти все они имели низкие производственные показатели, несли большие убытки. В результате число только крупных хозяйств с площадью посева свыше 50 га уменьшилось на Урале с 2 690 в 1945 г. до 553 в 1949 г., а количество их работников сократилось в 2,4 раза [12]. Параллельно шло восстановление совхозного сектора. За годы четвертой пятилетки число совхозов на Урале возросло с 253 в 1945 г. до 296 в 1950 г., а среднегодовое количество их работников с 83,2 до 117,2 тыс. человек [13]. Это компенсировало сокращение подсобных сельских хозяйств.

В начале 1950-х гг. впервые за много лет на Урале стабилизировалась численность сельского населения. Важную роль в этом сыграло плановое сельскохозяйственное переселение, прекратившееся в 1941 г. с началом Великой Отечественной войны и возобновившееся лишь в 1950 г. За 1949—1953 гг. в районы массового переселения (Курганская, Пермская, Свердловская, Челябинская области) переехало 18,8 тыс. крестьянских семей, насчитывающих 83,4 тыс. чел. [14]. Часть переселенцев направляли в леспромпхозы, других — в совхозы и колхозы.

В середине 1950-х гг. темпы роста численности сельскохозяйственных рабочих в стране заметно возросли. Во многом это объясняется началом массового освоения целинных и залежных земель на Южном Урале. Уже в 1954 г. создаются целинные зерносовхозы — по два в Башкирии и Челябинской области, восемь —

в Оренбуржье. На следующий год два новых совхоза были организованы в Башкирии, три — в Оренбургской и семь в Челябинской области [15]. Для работы в них со всех концов страны ехали добровольцы. В 1954 г. по комсомольским путевкам в Оренбургскую область прибыло 11,5 тыс., а в Курганскую — 3,1 тыс. чел. [16]. Освоение новых земель привело к быстрому росту совхозных кадров на Южном Урале. Высокие темпы роста численности работников государственных сельскохозяйственных предприятий характерны и для второй половины 1950-х гг., когда в стране проводили массовый перевод колхозов в совхозы. Преобразование артелей в СССР началось в 1954 г., а на Урале несколько позже — в 1957 г. В этот год на их базе было организовано 58, в 1958 г. — 9, в 1959 г. — 6, а в 1960 г. — 67 совхозов. Всего за эти годы в регионе на базе 1 207 колхозов было создано 140 совхозов. В них трудилось примерно 150 тыс. человек, в основном бывших колхозников [17].

В ходе строительства целинных совхозов и массового преобразования колхозов количество работников советских хозяйств на Урале увеличилось со 134,1 тыс. чел. в 1953 г. до 407,5 тыс. в 1960 г., т.е. в три раза, вдвое вырос их удельный вес в составе аграрных рабочих, составив 3/4 [18]. В годы Великой Отечественной войны количество рабочих и служащих в сельском хозяйстве Урала росло быстрее, чем в других районах страны, а после войны — медленнее. В результате, если в 1940 г. доля аграрных рабочих Урала в составе рабочих и служащих сельского хозяйства СССР составляла 9,1 %, в 1950 г. — 10,1 %, то в 1960 г. лишь 8,0 % [19].

Данные Всесоюзных переписей населения СССР 1939 и 1959 гг. показывают, что для всего исследуемого периода характерен абсолютный и относительный рост рабочих и служащих в составе сельского населения при одновременном сокращении доли колхозников. Удельный вес последних сократился на Урале в межпереписной период с 62,1 % до 50,9 %. Больше всего рабочих среди жителей села было в Свердловской и Челябинской областях. Это объясняется, во-первых, наличием там множества мелких заводов и леспромхозов, расположенных в сельской местности и, во-вторых, интенсивным развитием подсобных хозяйств в годы войны и массовым совхозным строительством во второй половине 1950-х гг.

Таким образом, на протяжении 1940—1950-х гг. численность рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве Урала, постоянно увеличивалась. Наиболее интенсивно росли кадры

промышленности — ведущей отрасли региона, а также совхозного производства. Темпы роста сельскохозяйственных рабочих на Урале были достаточно высокими, однако этот процесс шел неравномерно, скачками. Наиболее высокие темпы роста характерны для 1941—1945 гг. и 1954—1957 гг., что связано с принимаемыми государством чрезвычайными мерами по укреплению сельского хозяйства.

Следует отметить, что высокие темпы роста рабочих и служащих сельского хозяйства при одновременном сокращении численности уральских колхозников означали дальнейшее снижение социально-экономической роли крестьянства. Административное по преимуществу превращение колхозника в рабочего явилось продолжением «раскрестьянивания» сельских тружеников, начатого в годы коллективизации. Крестьяне еще больше отрывались от земли. Социально-экономические последствия приведенной динамики еще предстоит исследовать.

Примечания

1. Население СССР (Численность, состав и движение населения, 1973): Стат. сб. — М.: Статистика, 1975. — С. 14—15.
2. Корнилов Г.Е., Мотревич В.П. Колхозное производство на Урале в период Великой отечественной войны (1941—1945 гг.). — Свердловск: Изд-во УНЦ АН СССР, 1985. — С. 6; ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 15, д. 3733, л. 63—71.
3. ЦГА РСФСР. Ф. 327, оп. 2, д. 375, л. 28—35, 125; Д. 376, л. 4, 5, 20, 25; Д. 379, л. 4; Д. 390, л. 47.
4. Народное хозяйство СССР: 1922—1972 гг.: Юб. стат. сб. — М.: Статистика, 1972. — С. 346; ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 1, д. 3733, л. 63—71.
5. Корнилов Г.Е., Мотревич В.П. Указ. соч. С. 17.
6. ГАПО. Ф. 1133, оп. 1, д. 3874, л. 1; ГАСО. Ф. 241, оп. 3, д. 233, л. 2.
7. ГАСО. Ф. 241, оп. 4, д. 644, л. 3.
8. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 324, д. 191, л. 14; Д. 1257, л. 23, 25.
9. Народное хозяйство СССР: 1922—1972 гг. — С. 345; ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 15, д. 3733, л. 63—71.
10. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. — М.: Госполитиздат, 1958. — С. 91—97.
11. ПАСО. Ф. 4, оп. 44, л. 159, л. 98.
12. ЦГА РСФСР. Ф. 374, оп. 7, л. 1596, л. 2; Д. 3651, л. 13; Д. 3652, л. 37, 38; Д. 3653, л. 4, 52; Д. 3654, л. 19.
13. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 324, д. 1257, л. 23, 25; Д. 3473, л. 30.
14. ЦГАНХ СССР. Ф. 5675, оп. 1, л. 678; Л. 38, 42, 45, 47, 50, 52.
15. Там же. — Ф. 7803, оп. 6, д. 1125, л. 86; ЦА ВЛКСМ. Ф. 1, оп. 9, л. 298, л. 171; ЦГА РСФСР. Ф. 374, оп. 30, л. 4582, л. 160.
16. ЦА ВЛКСМ. Ф., оп. 9. Д. 298, л. 179, 182, 188; Д. 316, л. 158; Д. 328, л. 165, 174; ГАОО. Ф. 2567, оп. 1, д. 244, л. 25.

17. ЦГА РСФСР. Ф. 262, оп. 8, д. 1026, л. 24.
18. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 324, д. 4972, л. 47, 48; Д. 7168, л. 68.
19. Народное хоз-во СССР: 1922—1972 гг. С. 346; ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 15, д. 3733, л. 63—71.

Сельскохозяйственное освоение Урала: основные направления исторического исследования *

Объектом региональных исторических исследований являются события и процессы, происходящие на региональном уровне в различные эпохи. Однако их цель не ограничивается анализом территориальных процессов как таковых. Региональные исследования должны дать ответ, как общие исторические закономерности проявляются на локальном уровне, каким образом национально-исторические процессы определяли основные тенденции регионального развития, как местные события влияли на развитие всемирной истории.

Что касается исторического опыта, то это активное воздействие людей на окружающую их среду и на общественные отношения. Отсюда вытекает и задача историков-аграрников: исследование путей, форм и методов сельскохозяйственного освоения территории. Успешное выполнение этих задач требует, прежде всего, углубления методологических подходов к их постановке и решению, выработки адекватных этим задачам способов исследования исторической реальности. При этом следует подчеркнуть, что ни постановка самых актуальных проблем, ни расширение доступа историков к новым материалам без повышения теоретико-методологического уровня исследований не приведут к существенным сдвигам в развитии исторической науки.

Основным объектом исследования при изучении сельскохозяйственного освоения является аграрный потенциал в его развитии. Для построения его модели следует вычленить основные сферы аграрного потенциала. Среди них — процесс сельскохозяйственного производства, состояние производственной инфраструктуры отраслей, обслуживавших сельское хозяйство, уровень социального развития села. Следует определить условия и характер их взаимодействия, изучить структуру и механизм функционирования, разделить данные сфе-

** Ранее опубликовано в кн. : Методология, историография и источники историч. опыта регионального развития // Всесоюзная науч. конф. Вып. 1. — Свердловск : ИИ и А УрО АН СССР, 1990. — С. 41—43.*

ры на блоки, выявить связь между ними. Это предполагает решение следующих научных задач:

1. Исследование объективных потребностей развития сельскохозяйственного производства на различных исторических этапах. Решение этой проблемы предусматривает анализ тенденций, механизма разработки и реализации аграрной политики. Следует показать формирование системы руководства аграрным сектором народного хозяйства. При этом нужно учитывать, что полезными для современности чаще оказываются принципы и методы, используемые в прошлом при решении тех или иных задач, а не достигнутые при этом результаты как таковые. Важным для изучения исторического опыта является выявление альтернативных вариантов исторического развития. Это позволит лучше изучить то, что произошло.

2. Важной задачей является выявление итогов и результатов развития аграрного потенциала. Следует показать их соответствие целям и потребностям общества, выявить усилия, затраченные при решении определенных задач, соотнести их с теми результатами, которые были достигнуты, т. е. получить оценку результатов исторической деятельности с позиций приложенных усилий. Сопоставление итогов следует непосредственно связать с оценкой сложившегося механизма реализации целей в сфере аграрного производства.

3. Потенциал аграрной сферы охватывает не только сельское хозяйство, но и промышленность, строительство, транспорт. Представляется необходимым исследовать условия, структуру, этапы, тенденции развития звеньев производственной инфраструктуры сельского хозяйства и агропромышленной интеграции (сельскохозяйственное машиностроение, МТС, «Сельхозтехника», предприятия по заготовке и переработке сельхозпродукции, производству минеральных удобрений, мелиорации и т.д.), без чего не может осуществляться процесс сельскохозяйственного производства.

4. Следует определить факторы, тенденции и этапы развития социальной инфраструктуры села, выявить динамику совокупных материальных услуг и благ, получаемых сельским населением, обеспеченность жильем; описать и проанализировать процесс материального потребления сельчан, в сравнении с нормативными и достигнутыми в городской местности, выявить влияние социальной сферы на уровень сельскохо-

зяйственного производства. Последнее требует установить связь между качеством труда работников сельского хозяйства, экономической эффективностью производства и состоянием социальной инфраструктуры.

5. Особое внимание должно быть уделено анализу общественного сознания крестьянских масс в его идеологических и социально-психологических формах, поскольку именно здесь находятся многие долговременные факторы исторического развития.

Освоение Урала — длительный период и необходимо учитывать специфику разных народов и целых эпох. Сохраняется представление, что практическое значение имеет лишь тот опыт, который можно почерпнуть из недалекого прошлого. Отсюда концентрация усилий на изучении советского общества и, прежде всего, его последних десятилетий. Однако много полезного можно почерпнуть и из истории досоветского периода. При этом основные усилия следует направить на исследование механизма реализации целей экономического развития, соотношение их с итогами этого развития, извлечение позитивного и негативного опыта, выработку на его основе рекомендаций для современной социальной практики.

Динамика и структура валовой продукции сельского хозяйства Урала в 1941—1945 гг. *

Валовая продукция сельского хозяйства определяется в натуральных показателях и стоимостной форме. Основным методом учета является натуральное измерение в физических единицах. Однако только этим ограничиваться нельзя. Во-первых, разнообразие продуктов не позволяет суммировать результаты производства без приведения их к единому измерению; во-вторых, наряду с готовой продукцией следует учитывать и незавершенное производство. Поэтому в статистике сельского хозяйства важная роль отводится и стоимостным показателям. Недостатки их общеизвестны. Тем не менее, эти показатели позволяют определить выполнение планов производства продукции сельского хозяйства, определить динамику ее в сопоставимых ценах,

* Ранее опубликовано в кн.: Тез. докл. XXIII Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. — М.: Изд-во Ии АН СССР, 1991. — С. 46—48.

характеризовать средние размеры производства по сельскому хозяйству и отдельным его отраслям.

Великая Отечественная война нанесла огромный ущерб сельскому хозяйству страны. В районах Урала, хотя они и находились в глубоком тылу, размеры производства также оказались гораздо ниже довоенных. В целом за 1941–1945 гг. среднегодовое производство в Уральском регионе сократилось, по сравнению с 1940 г., на 21,2 % (в СССР на 39,7 %).

Война изменила соотношение между различными категориями хозяйств, производящими сельскохозяйственную продукцию. Начиная с 1942 г. в стране отчетливо наметилась тенденция сокращения абсолютных размеров и удельного веса колхозного производства. Если в 1941 г. на его долю в СССР приходилось 68,3 % валовой продукции сельского хозяйства, то в 1942 г. — 66,6 %, а в 1945 г. — лишь 53,1 %. Несколько выше доля коллективных хозяйств была на Урале, но и здесь она заметно уменьшилась. Особенно заметен этот процесс был в промышленно развитых областях края. В государственном секторе, несмотря на резкое сокращение числа советских хозяйств, размеры производства оставались примерно на одном уровне. Ликвидация части совхозов компенсировалась интенсивным созданием подсобных хозяйств промышленных предприятий, организаций и учреждений.

Противоречиво развивался индивидуальный сектор. Тяжелое положение с продовольствием вызвало быстрый рост числа огородников. Доля продукции хозяйств рабочих и служащих на Урале возросла с 5,1 % в 1941 г. до 10,9 % в 1945 г. и была значительно выше, чем в среднем по стране. Несколько сократилось в рамках УЭР производство колхозного двора. Однако эта тенденция была характерна не для всех районов Урала и проявлялась весьма неравномерно. Уменьшилась и продукция хозяйств единоличников, однако их роль в сельскохозяйственном производстве не изменилась.

Расчеты показывают, что, несмотря на сокращение производства, колхозы по-прежнему оставались главными производителями сельскохозяйственной продукции. За ними в порядке убывания следовали хозяйства колхозников, государственный сектор, хозяйства рабочих и служащих. Соотношение между ними оставалось тем же, что и до войны, однако разрыв в масштабах производства заметно уменьшился. Более того, в

некоторых районах Урала это соотношение выглядело иначе. Так, в Свердловской области по объему производства на второе место вышли хозяйства рабочих и служащих, в Челябинской — государственный сектор.

В условиях военного времени в связи с оккупацией части территории СССР и эвакуацией миллионов людей в тыловые районы, значение сельского хозяйства Урала возросло. Если в 1940 г. на его долю приходилось 7,3 % валовой продукции сельского хозяйства страны (в ценах 1926/27 гг.), то в 1941 г. — 10,2 %, 1942 г. — 12,8 %, 1943 г. — 9,2 %, 1944 г. — 7,4 %, в 1945 г. — 8,1 %. Всего за годы Великой Отечественной войны сельское хозяйство на Урале произвело сельскохозяйственную продукцию стоимостью 6,3 млрд руб. (в ценах тех лет), что составило (9,4 %) союзного производства. В докладе исследуется вклад отдельных областей и республик Урала в продовольственный баланс страны, определяется их доля в союзном сельскохозяйственном производстве, приводятся данные о продукции сельского хозяйства в расчете на душу населения, уровне производственного использования земли, показаны изменения в отраслях сельского хозяйства.

Динамика зернового производства на Урале в послевоенные годы (1946—1965 гг.)*

Зерновое производство имеет особое значение для сельского хозяйства страны. От уровня его развития зависит обеспечение населения страны хлебом и хлебопродуктами, а промышленности сырьем. Зерно — это основной продукт питания, а производство продуктов питания является самым первым условием жизни непосредственных производителей и всякого производства вообще.

Состояние зернового хозяйства СССР привлекает внимание исследователей, ему посвящен ряд специальных работ [1].

В литературе имеются сведения и о развитии зернового производства на Урале [2], однако они не позволяют характеризовать развитие отрасли в послевоенные годы. Данная проблема весьма актуальна, поскольку именно валовой сбор венчает труд хлебороба.

** Ранее опубликовано в кн. : Количественные методы в исследованиях по истории рабочего класса и крестьянства. — Свердловск : ИИиА УрО СССР, 1991. — С. 71–81.*

Уралу принадлежит важная роль в зерновом хозяйстве страны. В начале 1960-х гг. доля зерна в структуре валовой продукции сельского хозяйства региона в стоимостном выражении составляла примерно треть [3]. Особенно ярко зерновое направление сельского хозяйства края имело в первые десятилетия XX в. В последующие годы в связи с ростом городского населения и развитием пригородного хозяйства удельный вес посевов зерновых сократился. Если в 1913 г. зерновые на Урале составляли 95,4 % всех посевов, то в 1928 г. — 92,5 %, в 1940 г. — 84,1. В последнем предвоенном году посевы зерновых на Урале занимали 12,2 млн га, на долю региона приходилось 9,6 % общесоюзного производства зерна [4].

Война нанесла огромный ущерб сельскому хозяйству. Значительной была убыль трудоспособных крестьян, в результате нагрузка посева в расчете на одного трудоспособного была на Урале выше общесоюзной. Крайне отрицательно на состоянии земледелия сказалось и сокращение деятельности МТС. Высокомеханизированное зерновое хозяйство края пострадало из-за этого в наибольшей степени. К негативным для отрасли последствиям привело и расширение посевов в начальный период войны. На Урале не было для этого необходимых условий. В результате тысячи гектаров остались необработанными и ушли под снег, потери значительно превышали прирост.

В годы войны из-за увеличения городского населения и острой нехватки продовольствия в промышленных областях ускорили изменение специализации сельского хозяйства. Были приняты меры по увеличению производства картофеля, овощей, мясомолочной продукции. Развитие пригородного хозяйства, происходило одновременно с сокращением колхозного сектора — основного производителя зерна, что привело к уменьшению посевов зерновых. В 1945 г., по отношению к 1940 г., посевы зерновых на Урале сократились на треть, валовой сбор зерна — наполовину [5]. Уровень 1945 г. стал той исходной базой, с которой началось восстановление сельского хозяйства после войны.

В первые послевоенные годы тяжелое положение с продовольствием требовало принятия срочных мер по увеличению производства зерна. В декабре 1946 г. Совет Министров СССР принял постановление «О расширении посевных площадей и повышении урожайности зерновых культур, особенно яровой пшеницы, в восточных районах СССР» [6]. В нем предусмат-

ривалось расширение посевов в колхозах и зерновых совхозах в Казахстане, Сибири, на Урале на 8 млн га, в том числе зерновых на 6,5 млн га. Большое внимание восстановлению зернового производства уделялось на февральском (1947 г.) Пленуме ЦК ВКП (б). Ставилась задача за счет повышения урожайности и расширения посевов в течение 1947—1949 гг. восстановить довоенный уровень производства зерна и значительно превзойти его к концу пятилетки [7].

В первые послевоенные годы рост производства в земледелии достигался главным образом экстенсивными методами, за счет восстановления и расширения посевов. Большие земельные массивы и отсутствие развитой сельскохозяйственной индустрии выдвигали этот путь развития сельского хозяйства в качестве основного. За четвертую пятилетку посевы на Урале достигли 13,9 млн га, составив 139,0 % к уровню 1940 г. Быстро восстанавливались и посевы зерновых. Об этом свидетельствует их динамика на Урале [8]. Изменилась структура посевов зерновых: вдвое возросла доля пшеницы (с 2,5 млн га в 1946 г. до 4,7 млн га в 1950 г.), площади под гречихой, ячменем и бобовыми остались на прежнем уровне, а ржи сократились.

Острой проблемой для сельского хозяйства было повышение урожайности зерновых. Ее решали, усовершенствуя культуру земледелия. Особое внимание уделялось восстановлению севооборотов, расширению посевов многолетних трав, введению паров, внесению удобрений и др. Однако повышение урожайности шло медленно. Большой ущерб сельскому хозяйству нанесла засуха, которая весной и летом 1946 г. захватила значительную часть страны, в том числе и Урал. Огромные площади зерновых погибли. Во всех областях края, за исключением Пермской области, урожай был ниже уровня 1945 г. Однако в других зерновых районах страны потери были еще значительнее, в результате доля уральского хлеба в продовольственном балансе СССР возросла.

Малоурожайными на Урале были и последующие три года. Сборы зерна заметно колебались. Удачным для зернового хозяйства оказался 1950 г., что позволило добиться резкого увеличения валового сбора хлеба. По сравнению с 1945 г., он увеличился в крае вдвое. Это было выше, чем в целом по СССР и РСФСР (соответственно 1,7 и 1,8 раза) [9]. Решающую роль в производстве зерна сыграли колхозы, доля остальных категорий хозяйств составляла в среднем за пятилетку 13,6 %.

После урожайного 1950 г. рост сельскохозяйственного производства в стране прекратился, а на Урале оно стало даже сокращаться. Заметно уменьшились и сборы зерна. В 1951 г., по сравнению с 1950 г., сбор зерна на Урале сократился на 20,4 %, в 1952 г. — на 25,3, заготовки соответственно — на 1,0 и на 24,1 % [10]. Причины были не только в погодных условиях, но и в тех проблемах, которые накопились в сельском хозяйстве. В начале 1950-х гг. были исчерпаны и преимущества роста сельского хозяйства, связанные с его восстановлением.

Начиная с 1953 г. в стране предпринимались энергичные меры по подъему аграрного сектора экономики. Были увеличены капитальные вложения, введены новые закупочные цены на многие виды продукции, упорядочена система налогообложения, усилены материальные стимулы к труду, совершенствовалась планирование и т. д. Одной из срочных мер по преодолению отставания отрасли стало освоение целинных и залежных земель, начавшееся по решению февральско-мартовского (1954 г.) Пленума ЦК КПСС [11].

В начале 1950-х гг. в СССР, в том числе и на Урале, имелись крупные земельные массивы, пригодные для использования в сельском хозяйстве. Благодаря их распашке в 50-е гг. размеры посевов на Урале возросли в 1,4 раза. Прирост произошел за счет зерновых и особенно кормовых культур. Целинные земли находились преимущественно в засушливой зоне и требовали новой системы земледелия. Однако в агротехнике были допущены серьезные ошибки. В целинных районах вводилась монокультура пшеницы, запахивались многолетние травы, сокращались чистые пары, мало применялись удобрения и т. д. Поля стали засоряться, усилилась подверженность почв ветровой и водной эрозии. Урожайность зерновых в целинных районах была невысокой.

Изменилась структура посевов. Быстро рос удельный вес яровой пшеницы, в основном за счет целинных районов Южного Урала. В 1960 г. на ее долю приходилось свыше половины (с 1930 г. 56,9 %) всех посевов зерновых на Урале [12]. Росли посевы твердой и сильной пшеницы, отличавшейся высокими достоинствами, главное из которых — повышенное содержание в зерне белка. В Свердловской области расширились посевные площади под зернофуражными культурами — ячменем, овсом, викой на зерно, что должно было обеспечить потребности животноводства в высококалорийных кормах.

Освоение новых земель сыграло решающую роль в увеличении производства зерна. Для изучения закономерностей валовых сборов пользуются различными приемами обработки рядов динамики. При этом широкое применение находит метод средних величин. Данные о валовых сборах показывают, что если в годы пятой пятилетки среднегодовой сбор зерна составлял 8,5 млн т, то в шестой — 12,2 млн т. Прирост зернового производства в целом по стране был несколько ниже (43,5 % на Урале, 37,3 % в СССР). Это позволило увеличить среднегодовые заготовки уральского хлеба с 3,5 до 4,9 млн т [13]. Весь прирост произошел за счет южноуральских районов, особенно Оренбургской области. В нечерноземных районах масштабы зернового производства изменились незначительно, а в Пермской области даже сократились, что было вызвано развитием пригородного хозяйства.

На рубеже 1950–1960-х гг. сельское хозяйство Урала столкнулось с серьезными трудностями. Они были вызваны сокращением капитальных вложений в отрасль, реорганизацией МТС (из-за чего во многих колхозах снизился достигнутый ранее уровень эксплуатации и ремонта техники), повсеместным внедрением пропашной системы, что привело к распахиванию лугов и пастбищ и ликвидации паров. В результате резкого сокращения площади чистых паров посевы зерновых на Урале достигли в 1963 г. своего максимума [14]. Ликвидация паров в районах недостаточного увлажнения нанесла значительный ущерб производству зерна. Февральский (1964 г.) Пленум ЦК КПСС отметил, что увеличение производства зерна происходило в основном за счет расширения посевов, и поставил задачу всемерной интенсификации сельскохозяйственного производства, в том числе и зернового [15].

Негативным изменениям подверглась структура посевов, без учета региональных особенностей повсеместно насаждалась кукуруза. Ее стали выращивать даже в тех районах, где она давала низкие урожаи зеленой массы. Урожайность зерновых снизилась. Если в годы четвертой пятилетки она составляла на Урале в среднем 6,2 ц/га (в СССР — 6,7), в пятой — 6,7 (в СССР — 8), в шестой — 9 (в СССР — 10,1), то в седьмой — 8,9 (в СССР — 10,2) [16].

Из-за снижения урожайности в первой половине 60-х гг. на Урале произошло замедление темпов роста зернового производства, несмотря на существенное увеличение посевов.

При этом как урожайность, так и валовые сборы подвергались сильным колебаниям по отдельным годам, находясь в постоянной зависимости от погодных условий. Например, в 1965 г. валовой сбор зерна на Урале был на 4 млн т (27,9 %) ниже уровня предыдущего года.

Одним из методов анализа динамики зернового производства является выявление среднегодовых размеров прироста и среднегодовых темпов роста за различные периоды. Среднегодовой прирост исчисляется как частное от деления разности между размерами валового сбора за последний год периода и за год, предшествующий этому периоду, на число лет периода. Следовательно, абсолютный среднегодовой прирост зерна за 1946—1965 гг. будет равен 280,1 тыс. т.

Среднегодовой темп роста исчисляется как среднее геометрическое. Следовательно, среднегодовой темп роста будет равен для четвертой пятилетки 1,23; пятой — 0,99; шестой — 1,02; седьмой — 0,95. Расчеты показывают, что в четвертую и шестую пятилетки количество вала зерна ежегодно, в среднем, возрастало, а в пятую и седьмую — сокращалось. Для четвертой пятилетки среднегодовой темп роста составил 23,0 %, шестой — 2,0, пятой — 1,0, седьмой — 5,0 % [17].

Важно проследить не только изменение общего валового сбора зерна, но и влияние на него различных факторов. Индекс валового сбора может быть разложен на индекс размера посевной площади и индекс средней урожайности. Индекс показывает, что общее увеличение производства зерна на Урале за 1946—1965 гг. в 2,5 раза, или на 146,0 %, достигнуто при увеличении посевных площадей на 77,0 % и росте средней урожайности на 39,0 %.

Влияние этих факторов (посевных площадей и урожайности) на изменение валовых сборов может быть определено путем разложения абсолютного прироста по факторам. Такое разложение производится методом прямого подсчета. Если учесть, что в 1946 г. на Урале с 8 151 тыс. га собрали 4 196,6 тыс. т зерна при средней урожайности 5,15 ц/га, то в 1965 г. эти показатели составляли соответственно 14 448,1 тыс. га, 10 372,1 тыс. т и 7,18 ц/га, таким образом, прирост за счет изменения размеров посевов составил 32 430,1 тыс. ц или 3 243 тыс. т, а за счет роста урожайности — 29 329 тыс. ц или 2 933 тыс. т.

Влияние этих факторов можно выразить в относительных показателях. В общем приросте валового сбора в 6 176 тыс. т уве-

личение за счет роста посевных площадей составило 52,5 %, а за счет повышения урожайности — 47,5 %. Расчеты показывают, что роль интенсивных и экстенсивных факторов в росте зернового производства на Урале была примерно одинаковой при незначительном преобладании последних.

Важным является вопрос о социальной структуре зернового производства. В первое послевоенное десятилетие основным производителем зерна на Урале, как и в стране в целом, были колхозы. Доля остальных категорий хозяйств (подсобные хозяйства промышленных предприятий, совхозы, хозяйства населения) составляла менее 15 %. Во второй половине 1950-х гг. роль колхозов уменьшилась, что было связано с ускорением развития совхозного сектора. Освоение целины и массовое преобразование колхозов в совхозы привели к более, чем десятикратному росту зернового производства на полях советских хозяйств. Разрыв в масштабах производства между колхозным и государственным секторами заметно уменьшился. В 1964 г. колхозы Уральского экономического района произвели 7,4 млн т зерна, а совхозы — 7 млн т; в 1965 г. — 6 и 4,3 млн тонн [18].

Удельный вес подсобных хозяйств промышленных предприятий и личных подсобных хозяйств колхозников в послевоенные годы последовательно сокращался. Что же касается посевов зерновых культур в единоличных крестьянских хозяйствах и на огородах рабочих и служащих, то они в конце 50-х гг. практически исчезли. Проводимая в 1950—1960-е гг. реорганизация форм сельскохозяйственного производства, а также значительные колебания урожаев затрудняют выявление основных закономерностей их сборов. Поэтому более достоверный результат достигается применением метода скользящей средней.

Применяя этот метод, мы исключаем наиболее резкие колебания, обусловленные погодными условиями каждого года. В этом случае фактические данные каждого года заменяются средними, исчисляемыми из нескольких фактических соседних уровней с отнесением расчетного уровня к середине периода. Периоды для всего динамического ряда должны быть одинаковыми, постепенно сдвигающимися на один период вниз от начального ряда. При использовании метода скользящей средней фактические данные несколько нивелируются от влияния особенностей каждого года, проявляется общая тенденция. Точность таких средних величин зависит от длины пери-

ода скольжения и колеблемости изучаемого признака, то есть длины периода колебания.

Средняя скользящая по пятилеткам вначале отчетливо проявляет тенденцию повышения валовых сборов зерна на Урале в первые послевоенные годы. Затем следуют периоды (1951—1955, 1957—1961, 1960—1964, 1961—1965 гг.), дающие основание полагать, что тенденция нарушилась. Однако по средней скользящей десятилетий можно убедиться, что тенденция повышения валового сбора зерна, хотя и с разной степенью интенсивности, неуклонно проявляет себя в течение всего исследуемого периода.

Анализ динамики показывает, что основная часть зерна — свыше 3/4 производилась на Южном Урале. За 1946—1965 гг. больше всего зерна вырастили в Оренбуржье — 48,7 млн т, что составило 24,6 % его сбора на Урале. Далее следуют Башкирия (44,7 млн т — 22,5 %), Курганская (30,8 млн т — 15,5 %), Челябинская (27,5 млн т — 13,9 %), Пермская (17,7 млн т — 8,9 %), Свердловская (17,2 млн т — 8,7 %) области и Удмуртия (11,6 млн. т — 5,9 %). В эти годы на Урале вырастили 198,2 млн т зерна, что составило 9,8 % его общесоюзного производства. Примерно такой же была доля региона и в заготовках. За 1951—1965 гг. Урал дал стране 69,7 млн т зерна, что составило 10,4 % его заготовок и закупок в СССР [19]. Это достаточно много, если учесть, что в уральской деревне в 1959 г. проживало лишь 6,8 % сельского населения страны. В расчете на душу сельского населения зерна на Урале произвели в 1,3 раза больше, чем в РСФСР, и в 1,6 раза больше, чем в СССР. Регион не только обеспечивал свои потребности, но и давал часть продукции в общесоюзный фонд [20].

Таким образом, за два послевоенных десятилетия индекс валового сбора зерна составил на Урале 146,0 %. Прирост произошел в основном за счет Оренбуржья и Башкирии — главных житниц региона. В нечерноземных районах масштабы зернового производства возросли незначительно. Анализ показывает, что тенденция повышения сборов характерна для всего региона. Среднегодовой прирост производства зерна за 20 лет составил на Урале 280,1 тыс. т. Однако среднегодовые темпы роста были неодинаковы. В годы четвертой и шестой пятилеток они возрасли, пятой и седьмой — снижались. Разложение абсолютного прироста по факторам показало, что роль ин-

тенсивных и экстенсивных факторов была примерно одинакова при незначительном преобладании последних.

Для развития сельского хозяйства Уральского экономического района в 1946—1965 гг. характерно замедленное развитие в первые восемь лет, быстрый подъем во второй половине 50-х гг. и депрессия в начале 1960-х гг. Несмотря на рост сельскохозяйственного производства, роль Урала в формировании продовольственного фонда страны снизилась. Исключение составляли зерновые. В годы четвертой пятилетки на долю сельского хозяйства Урала приходилось 9,1 % общесоюзного производства зерна, в пятой — 9,6 %, шестой — 10, седьмой — 10,1 %. В расчете на душу сельского населения регион производил и поставлял стране значительно больше зерна, чем в среднем по РСФСР и СССР. Это способствовало увеличению хлебного фонда страны, однако отрицательно сказывалось на решении главной задачи сельского хозяйства края — обеспечении собственного населения основными продуктами питания.

Примечания

1. Коваль Т.А. Зерновое хоз-во СССР (Эконом. очерки). — М., 1965; Бурлаков Ю.М. Зерновое хоз-во Казахстана. — Алма-Ата, 1972; Бараш С.И. Эконом. анализ динамики посевных площадей пшеницы в СССР с использованием методов математич. статистики (1920—1971 гг.) // Зап. Ленингр. с.-х. ин-та. Т. 235. — Л., 1973; и др.
2. Нагаев Ю.А. О рентабельности производства зерновых культур на Урале // Вестник с.-х. науки. М., 1965. № 4; История нар. хоз-ва Урала (1946—1985). Ч. 2. — Свердловск, 1990.
3. ЦГА РСФСР. Ф. 262, оп. 5, д. 3032, л. 183, 197, 211, 226, 239, 253.
4. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 324, д. 5295, л. 1, 57, 69—74.
5. Там же. — Д. 5296, л. 59—66.
6. Решения партии и правительства по хозяйств. вопросам. Т. 3. — М., 1968. — С. 368.
7. КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. — М., 1985. — С. 103.
8. Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. : Стат. сб. — М., 1966. — С. 200—204.; ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 324, д. 1869, л. 48—56; Д. 2269, л. 79—86; Д. 3751, л. 65—72.
9. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 324, д. 5295, л. 1, 2, 57, 69—75; Д. 5296, л. 1, 2, 59—66.
10. Там же. — Д. 5301, л. 1, 2, 59, 71—77; Д. 5302, л. 1, 2, 58, 70—76; Д. 5303, л. 1, 2, 59, 71—77.
11. КПСС в резолюциях... Т. 8. — С. 359—391.
12. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562 Оп. 324, д. 6996, л. 63, 78—83.

13. Там же. — Д. 5302, л. 58, 70–76; Д. 59, 70–77; Д. 5304, л. 58, 70–76; Д. 5520, л. 59, 71–77; Д. 5916, л. 59, 73–79; Д. 6176. Л 22 58–63; Д. 6437, л. 58–64; Д. 6440, л. 58, 72–77.
14. Там же. — Ф. 1562, оп. 337, д. 7789 Л. 66, 78–84.
15. КПСС в резолюциях... Т. 10. — М., 1986. — С. 398–414.
16. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 37, д. 1364, л. 1, 63, 75–81.
17. Там же.
18. Там же. — Л. 63, 75–81; Оп. 44, д. 1497, л. 70, 83–89.
19. Там же.
20. Население СССР (Численность, состав и движение населения 1973 г.). — М., 1974. — С. 16–17; ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 324, д. 6437, л. 1, 2, 58–64.

Освоение уральской целины *

Великая Отечественная война нанесла тяжелый удар зерновому хозяйству СССР. Поэтому в первые послевоенные годы большое внимание было уделено восстановлению посевов зерновых культур. Однако к началу 1950-х гг. все отчетливее стало выявляться несоответствие между существующим уровнем развития зернового хозяйства и возрастающими потребностями страны в хлебе. В 1953 г. в СССР было заготовлено 31,3 млн т зерна, а расходы на производственное снабжение населения и другие нужды составили свыше 32 млн т. Пришлось частично использовать государственные резервы [1]. Стране нужен был хлеб. В этих условиях требовались кардинальные, решительные и срочные меры. В условиях нехватки продовольствия особую актуальность приобрел вопрос об освоении новых земель для быстрого увеличения производства зерна.

Земля играет важную роль в процессе производства. «Земля, — писал В.И. Ленин, — есть, несомненно, главное средство производства в сельском хозяйстве» [2]. В начале XX в. структура земельного фонда в России имела свои особенности. В отличие от других стран, здесь наблюдался высокий удельный вес неиспользуемых угодий. В.И. Ленин отмечал, что этот земельный фонд мог бы при определенных условиях обеспечить «экономическую основу для громадного расширения земледелия и повышения производства не только вглубь, но и вширь» [3].

* Ранее опубликовано в кн. : *Проблемы регионального развития : население, экономика, культура Урала и сопредельных территорий в советский период.* — Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 1992. — С. 50–57.

В начале 1950-х гг. в СССР по-прежнему имелись крупные земельные массивы, пригодные под распашку и посев сельскохозяйственных культур. В 1953 г. только в 14 областях РСФСР и в 8 областях Казахской ССР насчитывалось до 40 млн га перелогов, залежных и целинных земель, суходольных сенокосов пастбищ [4]. Их освоение могло стать важным фактором увеличения производства сельскохозяйственной продукции.

Подготовка к освоению новых земель началась осенью 1953 г. В конце 1953-го — начале 1954 г. Центральный Комитет партии провел совещание в краях и областях РСФСР и Казахстана. На них обсуждалась предстоящая работа, разъяснялась необходимость и важность этого мероприятия. С января 1954 г. проблему массового освоения целинных земель стала освещать центральная печать, а в феврале она обсуждалась на совещании работников МТС, совхозов и передовиков сельского хозяйства РСФСР.

После этого вопрос «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» был рассмотрен на февральско-мартовском (1954 г.) Пленуме ЦК КПСС. Подчеркнув, что зерновое хозяйство является основой всего сельского хозяйства, Пленум принял решение о необходимости увеличения производства зерна, как путем повышения урожайности зерновых культур, так и за счет расширения посевов под зерновыми культурами в результате освоения целинных и залежных земель в восточных и юго-восточных районах страны. Было решено поднять в 1954—1955 гг. не менее 13 млн га новых земель. С них планировалось получить 1,1 — 1,2 млрд пудов зерна, в том числе товарного — 800—900 млрд пудов [5].

В целинные степи двинулись отряды землеустроителей, почвоведов, гидрологов. Они вместе с директорами и агрономами совхозов и МТС изучали и нарезали массивы земель, искали водоемы. Только в Оренбуржье было учтено 2 млн га пригодной для земледелия целины. Основной массив этих земель находился в восточных и южных районах — Адамовском, Ак-Булакском, Домбаровском, Кваркенском, Ново-Орском, Тепловском. Область имела самые большие в РСФСР площади целинных и залежных земель [6].

На основе собранных данных планировались размеры освоения новых земель. Однако на местах эти планы часто произ-

вольно увеличивали. Так, на состоявшейся в Оренбурге областной партийной конференции (февраль 1954 г.) перед работниками сельского хозяйства была поставлена задача распахать за 2 года не 700 тыс. га, как это планировалось для области, а не менее миллиона гектаров целинных и залежных земель [7].

Большую часть новых земель предполагалось освоить с помощью колхозов. Однако наиболее отдаленные участки целины должны были распахать совхозы, особенно новые. Их стали организовывать с весны 1954 г. на основе решений февральско-мартовского и июньского (1954 г.) Пленумов ЦК КПСС. Уже в марте в Челябинской области на неиспользуемых землях Чесменского овощесовхоза был создан зерносовхоз им. Горького, а за счет земель соседних колхозов и разукрупнения овцеводческого совхоза «Путь Октября» — совхоз «Победа». Два зерносовхоза было образовано в Башкирии — «Урал» и «Хайбуллинский», восемь — в Оренбургской области: Адамовский, Восточный, Ириклинский, Кульминский, Озерный, Полевой, Таналыкский и Тобольский [8].

Массовый подъем целины начался весной 1954 г. Колхозы и совхозы значительно перевыполнили плановые задания по посеву на новых землях зерновых культур. При плане 2,3 млн га в стране посеяли 3,6 млн га. Успешное освоение целины происходило на Урале, где было распаханно 1 827 тыс. га новых земель [9]. В Башкирии подъем целины производили во всех районах, за исключением двух. В 1954 г. там распахали 380,3 тыс. га целины и залежей, вместо 160 тыс. га по плану. Свыше миллиона гектаров подняли в Оренбуржье, что не только превышало плановые задания, но и взятые областью повышенные обязательства [10].

В этой обстановке 13 августа 1954 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О дальнейшем освоении целинных и залежных земель для увеличения производства зерна» [11]. В нем намечалось уже в 1956 г. довести посевы сельскохозяйственных культур на вновь осваиваемых землях до 28—30 млн га. В соответствии с принятым решением планы подъема новых земель были увеличены. С этой целью в целинных районах продолжилось строительство новых совхозов. Два новых зерносовхоза были созданы в Башкирии и три — в Оренбургской, семь — в Челябинской областях [12].

Освоение целинных земель было связано с преодолением огромных трудностей. Они объяснялись нехваткой материаль-

ных и денежных ресурсов, отсутствием дорог, плохой обеспеченностью рабочей силой. Поэтому для оказания помощи целинным районам ЦК КПСС в апреле 1954 г. командировал туда своих уполномоченных. Одновременно укреплялись сельские райкомы партии и райисполкомы. Только в Оренбургской области в 1953—1958 гг. в них направили 420 работников, еще 415 человек послали на хозяйственную работу [13].

Колхозы, МТС и совхозы целинных районов укрепляли кадрами специалистов, а также техникой. Для этого пришлось сократить ее поставки в другие районы страны. На целину завозили машины новейших конструкций. Однако долгое время не учитывалось то обстоятельство, что большая часть новых земель находилась в засушливых районах. При распашке целины поступившая техника быстро изнашивалась и выходила из строя. Особенно остро в те годы стоял вопрос о массовых кадрах. Решить его обычным путем — за счет постепенного сельскохозяйственного переселения было нельзя: дело затянулось бы на долгие годы. Поэтому с февраля 1954 г. ЦК ВЛКСМ совместно с Министерством совхозов и сельского хозяйства СССР стали проводить отбор добровольцев из числа городской и сельской молодежи для освоения целины. С призывом к молодежи выезжать на новые земли обратился и Центральный Комитет КПСС. На призыв Коммунистической партии и комсомола откликнулись сотни тысяч советских людей. На целинные земли выехало 350 тыс. человек только молодежи. Активное участие в этом общенародном деле приняли уралыцы. В первый год массового освоения новых земель в Оренбуржье на целине работали 11,5 тыс. комсомольцев, в том числе 4,5 тыс. из городов области (так, 800 человек направили из Орска, 500 — из Бузулука, столько же из Медногорска, тысячу из Оренбурга). Остальные прибыли из Астраханской, Белгородской, Липецкой, Рязанской областей и Удмуртии. В совхоз им. Кирова приехало около двухсот добровольцев из Воронежской, Ленинградской и Московской областей, в совхозы Каинды-Кумакский и Шильдинский — свыше сотни москвичей [14].

Тысячи людей со всех концов Советского Союза направлялись и в другие целинные районы Урала. Так, в 1954 г. по комсомольским путевкам в Курганскую область прибыло 1,1 тыс. человек из Горьковской, Куйбышевской, Московской,

Свердловской, Ярославской областей. На следующий год в область приехали 1,2 тыс. целинников, в том числе 365 человек из Костромы, 265 — из Брянска, 110 — из Свердловской области, 100 — из Удмуртии [15].

Большинство людей ехали на целину с большим желанием работать, однако поспешность, с которой готовилось ее освоение, ведомственная неразбериха и отсутствие необходимых средств приводили к возникновению многих серьезных проблем, прежде всего, материально-бытового характера. Новоселы сталкивались с трудностями сразу после прибытия в новые районы. Часто их негде было разместить. Недостаток строителей и необеспеченность стройматериалами, нехватка транспорта и другие причины привели к тому, что жилья в целинных районах было мало и строили его медленно. Приехавших было сложно распределить и среди местных жителей, так как те сами остро нуждались в жилье. В начале 1950-х гг. многие семьи сельчан на Южном Урале сами проживали в землянках. Поэтому целинников размещали в зданиях школ, различных районных организаций, в хозяйственных постройках и других местах. Так, прибывших в Варненский район в феврале 1955 г. 320 человек из Челябинска в 20-градусный мороз разместили в вагончиках. Горожан, приехавших в Ак-Булакский район Оренбургской области, поселили в шалашах [18].

Очень тяжело обстояло дело с питанием. Купить в магазинах потребкооперации продовольственные товары, за исключением водки, можно было не всегда. В продаже часто не было овощей, сахара, масла, мяса, круп, случалось, не хватало и хлеба. Фрукты, печенье, колбасы в продажу практически не поступали. Некоторые совхозы были плохо обеспечены и водой. Не компенсировало нехватку продовольственных товаров в торговой сети и общественное питание, которое в большинстве хозяйств было организовано плохо. К тому же из-за высоких цен в совхозных столовых и низкой заработной платы не все работники могли в них питаться [18].

Не обеспечивались новоселы и промышленными товарами. В Ново-Орском районе Оренбургской области дефицитными были такие товары первой необходимости, как мыло, спички, керосин, папиросы. В магазинах не было одежды, белья, обуви, товаров зимнего ассортимента. В целинных совхозах отсутствовали парикмахерские, бани, прачечные, мастерские по

ремонту обуви и одежды. Из-за нехватки врачей плохо была налажена медицинская помощь [19].

В результате многие целинники не выдерживали этих трудностей и уезжали, что приводило к высокой текучести кадров. Например, в 1954 г. в совхозы Оренбургской области прибыло 5,2 тыс. человек, а выбыло 3,0 тыс. (57 %), в 1955 г. — 4,1 и 2,4 тыс. соответственно, т. е. 58 %, в 1956 г. — 4,4 и 2,9 тыс. (66 %) [20].

Трудностей на целине было предостаточно, однако многочисленные факты убедительно говорят о самоотверженном труде многих новоселов, их стремление дать стране больше хлеба. Особую активность проявила молодежь. Во всех новых совхозах создавались комсомольско-молодежные бригады.

В 1954 г. только в Оренбургской области было организовано 473 молодежные тракторно-полеводческие бригады. Весной среди них широко развернулось соревнование. По итогам года второе место во Всесоюзном социалистическом соревновании заняла бригада В. Ф. Алешкина из совхоза им. Сталина Илекского района Оренбургской области [21]. Всесоюзное соревнование молодежных бригад продолжалось и в последующие годы.

Осенью 1955 г. страна ожидала первых результатов от освоения новых земель, однако они оказались весьма скромными. Главная причина заключалась в том, что целинные районы часто имели крайне сложные условия для производства зерна. Здесь требовалось с особой тщательностью проводить все агротехнические мероприятия, что делалось далеко не всегда. К тому же летом на целине сложились крайне неблагоприятные погодные условия. Длительное время стояла сухая и жаркая погода, в июне — июле температура воздуха ежедневно доходила до 28–30 градусов жары. Осадков выпало менее половины обычной нормы, а в Адамовском районе дождей не было все лето.

Большие потери были допущены и на уборке. Они происходили из-за отсутствия зернохранилищ и зерносушилок, асфальтированных токов, недостатка транспорта. К тому же новые совхозы с опозданием получили комбайны, что затянуло хлебоуборку. В результате в 1955 г. валовой сбор зерновых на Южном Урале (Курганская, Оренбургская, Челябинская области и Башкирия) составил лишь 4,8 млн т против 7,3 млн в 1954 г. и 8,1 млн т в 1953 г. [22].

Несмотря на первые неудачи, массовое освоение целины продолжалось и в 1956 г. В отличие от предыдущих лет он

оказался урожайным. Сельские труженики Урала собрали 14 млн т зерна (11,2 % от общесоюзного производства), в том числе в Оренбургской области 4,4 млн т, в Башкирии — 3,0, в Челябинской области — 2,6, в Курганской — 2,0, в Свердловской — 1,0, в Пермской — 0,6 и в Удмуртии — 0,4 млн т. Это в два раза превышало среднегодовой сбор зерна на Урале за предыдущие 10 лет [23].

Наибольших успехов добились труженики Оренбуржья. План хлебозаготовок область выполнила к 20 сентября. Всего государству было сдано 2,4 млн т хлеба, что в 2,3 раза превышало уровень 1953 г. — одного из наиболее урожайных. Большой трудовой победы добились труженики Адамовского района, сдавшего государству 448 тыс. т зерна — в 16 раз больше, чем в 1953 г. Во второй половине июля Оренбуржье посетил первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев. Он ездил в целинные районы, встречался с работниками совхозов «Буруктальский», «Озерный», им. XIX партсъезда и др.

Всего за три года в СССР в районах массового освоения целинных и залежных земель удалось распахать 35,9 млн га, в том числе на Урале — 2,6 млн га. Освоение целины продолжалось и в последующие годы. Однако поскольку наиболее плодородные массивы были уже распаханы, то стали осваивать земли более низкого качества. Темпы работ заметно снизились. Если за 1954—1956 гг. на Урале было освоено 2 555,0 тыс. га целины и залежей (т. е. 85,2 тыс. га в среднем в год), то в 1957 г. — 231,0, в 1958 г. — 77,0 в 1959 г. — 33,0, в 1960 г. — 29 тыс. га. Всего за 1954—1960 гг. в стране было поднято 41,8 млн га целины и залежей, в том числе 25,5 в Казахстане и 16,3 млн га в РСФСР (в районах Сибири и Дальнего Востока — 11,1, на Урале — 2,9, в Поволжье — 2,3 млн га) [24].

Освоение целины позволило значительно увеличить производство зерна в стране. Если в 1949—1953 гг. в среднем в год валовой сбор зерна в СССР составлял 81,0 млн т, то в 1956—1960 гг. — 121,5 млн т — наполовину больше. На Урале среднегодовое производство зерна за эти годы возросло с 8,1 до 12,0 млн т (на 48,2 %) [25]. На Востоке страны была создана новая мощная хлебная житница.

Однако целинные земли в значительной мере находились в засушливой зоне и требовали новой системы земледелия, которая была выработана не сразу. Серьезные ошибки были допу-

щены при применении агротехники. В целинных районах вводилась монокультура пшеницы, запахивались многолетние травы, до минимума сокращались чистые пары, мало применялись удобрения, были и другие ошибки. В результате на целине истощались миллионы гектаров ранее плодородной земли, поля стали засоряться, усилилась подверженность почв ветровой и водной эрозии. Трудности усугублялись и сильными засухами в 1955 и 1957 гг. Поэтому средняя урожайность зерновых в целинных районах в 1954—1960 гг. была невысокой.

Таким образом, предпринятые в середине 1950-х гг. чрезвычайные меры по подъему сельского хозяйства позволили в короткий срок увеличить общий объем производимой сельскохозяйственной продукции. Однако массовое освоение целины не смогло обеспечить постоянный и устойчивый подъем сельскохозяйственного производства.

Вместе с тем представляется, что к массовому освоению целинных земель в СССР приступили преждевременно. К середине 50-х гг. страна еще не имела достаточно средств для столь грандиозного и дорогостоящего проекта, что сказалось на темпах и результатах его осуществления. Направление огромных материальных и трудовых ресурсов в новые районы, во-первых, предопределило преимущественно экстенсивный путь развития сельского хозяйства страны в последующие годы, во-вторых, ослабило внимание к нему в других районах страны, особенно в российском Нечерноземье, которое нуждалось в неотложной помощи.

Однако это не может принизить подвиг сотен тысяч целинников, которые, находясь в тяжелейших условиях, своим самоотверженным трудом смогли распахать огромные массивы новых земель. Поэтому 1950-е годы вошли в историю страны как героическая эпопея освоения целины.

Примечания

1. История социалист. экономики СССР. Т. 6. — М., 1980. С. 379.
2. Ленин В.И. ПСС. Т. 19. С. 327.
3. Там же. — Т. 16. — С. 405.
4. Вопр. истории КПСС. — М., 1964. — № 3. — С. 16.
5. Эконом. жизнь СССР. Книга вторая. — М., 1967. — С. 471; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конф. и пленумов ЦК. — М., 1985. — Т. 8. — С. 359—391.

6. ЦГАНХ СССР. Ф. 7803, оп. 6, д. 1125, л. 86.
7. Подвиг на целине. — Оренбург, 1961. — С. 16—17.
8. ЦГАНХ СССР. Ф. 7803, оп. 6, д. 1125, л. 86; ЦА ВЛКСМ. Ф. 1, оп. 9, д. 298, л. 171; ЦГА РСФСР. Ф. 374, оп. 30, д. 4582, л. 160.
9. Вестник статистики. — 1974. — № 3. — С. 94; Вопр. истории. — М., 1979. № 3. С. 8.
10. ГАОО. Ф. 846, оп. 3, д. 1576, л. 10.
11. Эконом. жизнь СССР. — С. 476.
12. ЦГАНХ СССР. Ф. 7803, оп. 6, д. 1153, л. 194.
13. Учен. зап. Орского педин-та. Вып. 4. — Орск, 1962. — С. 124.
14. ЦА ВЛКСМ. Ф. 1, оп. 9, д. 298, л. 179, 182, 188; Д. 328, л. 174; ГАОО. Ф. 2567, оп. 1, д. 244, л. 25.
15. ЦА ВЛКСМ. Ф. 1, оп. 9, д. 326, л. 158; Д. 328, л. 165.
16. ЦГАОР СССР. Ф. 7689, оп. 20, д. 1555, л. 10—14; ЦА ВЛКСМ. Ф. 1, оп. 9, д. 328, л. 46; ЦГА РСФСР. Ф. 317, оп. 1, д. 1398, л. 157.
17. ЦГАОР СССР. Ф. 7689, оп. 20, д. 1555, л. 11; ЦГАНХ СССР. Ф. 7803, оп. 6, д. 1153, л. 217; ЦА ВЛКСМ. Ф. 1, оп. 9, д. 298, л. 187.
18. ЦА ВЛКСМ. Ф. 1, оп. 9, д. 326, л. 163, 165.
19. ЦГАОР СССР. Ф. 7689, оп. 10, д. 1555, л. 9—26; ЦГАНХ СССР. Ф. 7803, оп. 6, д. 1153, л. 217; ЦА ВЛКСМ. Ф. 1, оп. 9, д. 298, л. 163, 165.
20. ГАОО. Ф. 2567, оп. 1, д. 244, л. 12.
21. ЦА ВЛКСМ. Ф. 1, оп. 9, д. 278, л. 145; Д. 344, л. 6.
22. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 324, д. 5304, 5305, 5320, л. 59—72; Ф. 7803, оп. 6, д. 1153, л. 154—202.
23. Сельское хоз-во СССР: Ст. сб. — М., 1988. С. 11; ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 324, д. 5297—5305, л. 59—76.
24. Вестник статистики. — М., 1974. № 3. — С. 94.
25. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 324, д. 5916, 6176, 6437, 6440, 6996, л. 59—79.

Аграрная политика сталинского режима в 1940-е гг. *

Установление в СССР на рубеже 1920—1930-х гг. авторитарно-деспотического режима привело к складыванию особого типа раннесоциалистической экономики, которая жестко подчинялась централизованному планированию, связанному с резким ограничением сферы действия товарно-денежных отношений, почти полной ликвидацией самостоятельности предприятий и абсолютным господством внеэкономических методов управления народным хозяйством. В наибольшей степени эта модель административного социализма проявилась в сельском хозяйстве, за счет которого и производилась значительная часть накоплений.

* Ранее опубликовано в кн.: *Демократия и тоталитаризм: Европейский опыт XX века // Научный семинар*. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. — С. 97—99.

Политический строй и хозяйственный механизм, созданные в 1930-е гг. были приспособлены к выполнению задач своего времени — времени форсированной индустриализации и подготовки к войне. И.В. Сталин рассматривал деревню как источник получения максимального количества дешевого хлеба и пополнения промышленности рабочей силой. Сложившаяся в ходе реконструкции народного хозяйства система управления с самого начала стала попираť кооперативные принципы в деятельности колхозов. Последние фактически были превращены в государственные предприятия с принудительным трудом. В результате сельский труженик был лишен инициативы и самостоятельности, произошло отчуждение работника от средств производства, труженика — от управления колхозными делами. Для своего потребления члены артели практически стали получать не долю в коллективно произведенном продукте, а плату за труд, причем очень низкую. По существу, крестьяне были отчуждены не только от средств производства, но и от распределения созданного продукта. Это последнее послужило экономической основой для его изъятия из колхозов.

В годы войны административные методы руководства сельхозпредприятиями еще более усилились, достигнув своего предела. Кооперативные объединения крестьян были лишены остатков самостоятельности и поставлены в полную зависимость от районного руководства. Административная система охватывала все стороны деятельности колхозов, жестко регламентировала даже внутренний распорядок труда и отдыха в них. Наибольший вред установившийся стиль руководства приносил при планировании сельскохозяйственного производства. Планы устанавливались «сверху» в виде продрозверстки, исходя из потребностей в сельскохозяйственной продукции. При этом реальные возможности хозяйств во внимание не принимались. Планирование в артелях осуществлялось на тех же принципах, что и в государственных предприятиях, только без бюджетного финансирования и материально-технического снабжения. В то же время вся полнота материальной и, главное, юридической ответственности за результаты хозяйственной деятельности возлагалась на каждый отдельный колхоз, на его членов и председателя. Война усилила возникшее в ходе коллективизации противоречие: хозяйничали в

колхозах партийные и советские органы, а ответственность за результаты их работы всецело возлагалась на крестьян.

Еще хуже обстояло с оплатой труда. В большинстве хозяйств материальные стимулы к труду были незначительными, у некоторых — отсутствовали полностью. Обесцениванию трудодня способствовали как существовавший в те годы «остаточный» принцип распределения натуральных доходов колхоза среди его членов, так и сохранение устаревших норм выработки, плохо налаженный учет трудодней, их разбазаривание и т. д. Одновременно усилилось внеэкономическое принуждение к труду. Для колхозников был повышен обязательный минимум трудодней. За его невыполнение крестьяне исключались из артелей и предавались суду.

Достигшая в 1942–1943 гг. своего пика командная система управления сельским хозяйством оказывала противоречивое и далеко не однозначное воздействие на положение в сельхозпредприятиях. С одной стороны, высокая централизация управления помогла коллективным хозяйствам легче адаптироваться к экстремальным условиям военного времени, быстрее и полнее мобилизовать материальные и трудовые ресурсы села. Представляется бесспорным, что во время Гражданской и Великой Отечественной войн сверхцентрализм и государственное принуждение сыграли положительную роль в мобилизации ресурсов и концентрации усилий. Но очевидно и другое. Практически полное отсутствие хозяйственной самостоятельности, слабая материальная заинтересованность, грубые нарушения устава колхозов негативно сказывались на экономике артелей.

В первые послевоенные годы в СССР происходит укрепление материально-технической базы отрасли, улучшается положение с кадрами, больше внимания уделяется агротехнике, организации оплаты труда. Однако в стране не были решены коренные вопросы колхозно-совхозного строительства и в первую очередь налогообложения и оплаты труда. Негативную роль сыграла и натурализация в 1930-е гг. экономических отношений между колхозами и государством. После войны стратегическая линия на отказ от товарных форм в пользу натурального обмена осталась неизменной. Поэтому принимаемые меры по укреплению колхозного строя означали, с одной стороны, подъем хозяйства артелей, а с другой — дальнейшее раз-

витие командно-административной системы управления ими, консервацию экономики «казарменного социализма».

Развитие сельского хозяйства на Урале в 1940-е гг. *

Объектом региональных аграрных исторических исследований являются события и процессы, происходящие на региональном уровне в различные периоды истории. Однако их цель не ограничивается анализом территориальных процессов как таковых. Исследователи региональных процессов должны дать ответ на вопрос, как общие исторические закономерности проявляются на локальном уровне, каким образом национально-исторические процессы определяли основные тенденции регионального развития и, наконец, как местные события влияли на ход всемирной истории. Исторический опыт регионального развития позволяет проследить результаты активного воздействия людей на окружающую их среду и на общественные отношения. Отсюда вытекает и задача историков-аграрников: исследование путей, форм и методов сельскохозяйственного освоения территории. В свою очередь, формы и методы освоения территории напрямую связаны с особенностями социальной организации, уровнем развития производительных сил, продуктивностью труда и характеристиками ментальности производителей.

Сложившаяся в ходе реконструкции народного хозяйства СССР административно-командная система получила в аграрном секторе наибольшее распространение. В связи с этим представляет интерес системное изучение опыта развития сельского хозяйства крупного экономического региона в один из наиболее тяжелых периодов его истории. Исследование позволит характеризовать механизм реализации целей экономического развития в условиях тоталитарного режима, соотнести их с итогами этого развития, извлечь позитивный и негативный опыт, позволяющий выработать на его основе рекомендации для современной социальной практики, т.е. использовать обобщенный опыт исторического развития аграрного потенциала и его важнейшей сферы — сельского хозяйства. Сформулированные и обобщенные выводы окажут определенную помощь в дальнейшем изучении аграрной истории

** Мотревич В.П. Развитие сельского хозяйства на Урале в 1940-е гг. : Дис. ... д-ра истор. наук в форме научного доклада. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1993. — 42 л.*

России, полученные результаты могут быть использованы при написании как обобщающих научных трудов, так и работ по истории отдельных деревень и сельхозпредприятий Урала.

История крестьянства и сельского хозяйства в 1940-е гг. постоянно привлекает исследователей. Литература по данной проблеме стала складываться сразу же, по «горячим следам» событий. В основном это были небольшие статьи и брошюры, авторами которых являлись специалисты и руководители сельского хозяйства, колхозники, партийные и советские работники, публицисты и писатели. Среди уральских авторов — В. Андрианов, И. Артемов, В. Белослудцев, Г. Валеов, И. Варакин, Г. Забелина, А. Козлов, И. Кутявин, М. Рабинович, Б. Рябинин, Т. Соколов, А. Харламов, А. Чуева, И. Шелест и др. Содержание их работ носило патриотический характер, в них рассказывалось о трудовых делах сельчан, пропагандировался опыт передовых колхозов, новые формы оплаты труда и т.д. Для публикаций тех лет были характерны такие недостатки, как узость исторической базы, отсутствие обобщающих данных и справочного аппарата, что было обусловлено обстановкой того времени. Однако они содержали интересный фактический материал и помогли исследованию проблемы в последующие годы.

Крупные работы историков появились на рубеже 1940—1950-х гг. (Н.И. Анисимов, И.И. Минц, С.С. Сергеев, Е.И. Солдатенко и др.). По сравнению с предыдущим периодом вырос их научно-теоретический уровень, расширился круг поднимаемых вопросов. Однако в литературе отчетливо прослеживалась тенденция приукрасить действительное положение дел в сельском хозяйстве. Авторы акцентировали внимание на достигнутых успехах, замалчивая трудности, переживаемые селом в те годы. Не только в отдельных исследованиях, но и в энциклопедических изданиях отмечалось, что «колхозы преодолели все трудности, а сельское хозяйство успешно развивалось».

В первые послевоенные годы выходят в свет и серьезные исследования экономистов — В.Г. Венжера, Н.А. Вознесенского, И.Е. Кантышева, Е.С. Карнауговой, А.П. Теряевой, содержащие материалы и по Уралу. В них изучается материально-техническая база сельского хозяйства, состояние сельскохозяйственного производства, трудовые резервы деревни. Данные работы не потеряли своего значения до настоящего времени, хотя в них содержатся и некоторые ошибочные положения.

С конца 50-х — начала 60-х гг. в разработке аграрной истории советского периода наметился очевидный прогресс. Это было связано с произошедшими после XX съезда КПСС сдвигами в общественно-политической жизни страны. В 1963 г. вышла книга Ю.В. Арутюняна «Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны». В научный оборот был введен такой ценный источник, как годовые отчеты колхозов, содержащие громадный фактический материал. Автор дал объективную картину колхозной действительности, правдиво показал огромные трудности в сельском хозяйстве, порожденные войной. Это позволило преодолеть имевшуюся в литературе тех лет ошибочную концепцию об успешном развитии сельского хозяйства СССР в военное время.

В последующие годы в стране выходит ряд крупных трудов (работы И.М. Волкова, М.А. Выщана, И.Е. Зеленина, В.Б. Островского), в которых дается развернутая картина состояния сельского хозяйства и положения крестьянства. Появляются и монографические исследования, посвященные аграрной истории отдельных областей, краев и республик СССР в военные и послевоенные годы. Выпущенные во второй половине 1980-х гг. 3-й и 4-й тома «Истории советского крестьянства» обобщили полученные советской историографией результаты.

Особенностью развития аграрной проблематики последних лет является повышенный интерес к демографическим процессам на селе, что в немалой степени обусловлено открытием для исследователей недоступных ранее материалов РГАЭ и ГАРФ. Национальный и половозрастной состав сельчан, миграционное и естественное движение населения стали объектом внимания на прошедших в 1989—1992 гг. научных конференциях. Об этом свидетельствует и выход монографий, в которых характеризуются социально-демографические процессы в стране.

На рубеже 1980—1990-х гг. наметился принципиально новый подход к оценке ключевых проблем аграрной истории советского периода. Среди исследователей — не только историки, но и социологи, философы, экономисты. Так, А.Е. Бовин считает, что коллективизация превратилась в метод принудительного перекачивания ресурсов из деревни в город, Т.Л. Заславская указывает на постоянное изгнание из колхозного сектора всех признаков кооперативных отношений, А.П. Бутенко де-

лает вывод о том, что сталинская аграрная политика глубоко чужда марксизму-ленинизму и представляет собой его левацкую оппортунистическую ревизию. Не со всеми выводами этих и некоторых других авторов можно согласиться, однако наличие альтернативных взглядов позволяет активизировать исследовательскую работу, быстрее скорректировать ее направления и результаты. Это тем более необходимо, что вся концепция аграрной истории 1930—1940-х гг. нуждается, на наш взгляд, в коронном пересмотре.

Важную роль в переосмыслении многих сюжетов отечественной истории играют ставшие доступными в последние годы труды зарубежных ученых. Среди них особо отметим изданную под редакцией профессора Манчестерского университета Теодора Шанина хрестоматию, где собраны материалы по крестьяноведению из работ видных экономистов, социологов, политологов и культурологов разных стран Запада и Востока. Появляются и работы отечественных историков по аграрной политике зарубежных государств в годы Второй мировой войны, в частности Германии. Сравнительный анализ сельского хозяйства двух тоталитарных режимов — ближайшая задача исследователей.

В 1960—1970-е гг. существенный количественный рост характерен для работ уральских историков. Это — А.З. Безверхний, М.Г. Белоногов, Р.А. Давлетшин, В.П. Емельянов, З.М. Краюшкина, П.С. Кухаренок, Н.А. Мошкин, А.Г. Наумова, Е. Е. Паруба, З.Ф. Ризева, А.Б. Сендерова, В.М. Половников, В.И. Швыдченко и др. Основная часть их трудов выполнена в историко-партийном плане. В них характеризуется деятельность местных партийных организаций по руководству сельским хозяйством, показано участие колхозников в социалистическом соревновании и всенародной помощи фронту. Это привело к достаточно полному изучению данной проблематики на материалах Урала.

В конце 70-х — начале 80-х гг. интерес к аграрной проблематике возрастает. По различным аспектам истории уральской деревни военных лет защищают кандидатские диссертации Т.А. Иванова, Г.Е. Корнилов, В.П. Мозолин, В.П. Мотревич, Н.П. Палецких, А.Н. Трифонов. Одновременно выходит и ряд монографических изданий, посвященных аграрной истории Урала послевоенных лет. Характерная черта этих работ — обновление тематики, расширение территориальных рамок и

источниковой базы исследования. Однако авторам не удалось показать реальную картину положения в уральской деревне и дать объективную оценку происходящих процессов.

Во второй половине 1980-х гг. история сельского хозяйства и крестьянства наиболее интенсивно разрабатывалась в Екатеринбурге в секторе аграрной истории Института истории и археологии УрО РАН. Опираясь на широкий круг источников и в первую очередь годовые отчеты, бюджеты, переписи населения, исследователи изучали материально-бытовое положение населения, его социальную активность, культурное развитие деревни, состояние производства, исторический опыт сельскохозяйственного освоения Урала и т. д. Результатом работы стал выход многих десятков научных трудов, проведение специальных аграрных совещаний, научных конференций, в том числе 23-й сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории (сентябрь 1991 г.).

Полученные уральскими исследователями результаты позволили выпустить в последние годы серию крупных работ по аграрной истории края в годы тоталитаризма. Среди них труды А.А. Базарова, В.М. Куликова, В.Б. Цыганова, посвященные коллективизации на Урале и ее последствиям, формированию системы управления сельским хозяйством в 1930-е гг., книга Г.Е. Корнилова об уральской деревне в годы Великой Отечественной войны, монография М.Н. Денисовича, характеризующая индивидуальные хозяйства населения в 1930—1980-е гг.

Обзор региональной историографии свидетельствует о том, что история сельского хозяйства и крестьянства военных и первых послевоенных лет разрабатывается на Урале достаточно интенсивно. Характерная черта вышедших работ — поэтапное повышение их качества. Однако анализ выявил, что исследуются только отдельные категории хозяйств (колхозы, совхозы, индивидуальные хозяйства населения). Это не дает представления о состоянии сельского хозяйства как отрасли народного хозяйства. Во-вторых, авторы изучают либо период Великой Отечественной войны, либо послевоенные годы. Тем самым искусственно разрывается начавшееся с 1944 г. восстановление отрасли в целом. В-третьих, нуждаются в критическом переосмыслении и многие теоретические постулаты отечественной историографии.

Объектом исследования в данной работе является сельское хозяйство (материально-техническая база, трудовые ресурсы,

организация и оплата труда, отраслевая структура, производство, заготовки) — крупная отрасль народного хозяйства, производящая продукты земледелия и животноводства, используемые для питания населения и промышленной переработки.

Цель исследования состоит в том, чтобы обобщить опыт развития сельского хозяйства в условиях тоталитаризма на примере крупного экономического района. Исходя из этой цели, определены главные задачи исследования:

- изучить объективные потребности развития сельскохозяйственного производства, раскрыть механизм и тенденции реализации аграрной политики, показать формирование системы руководства аграрным сектором на Урале, выявить его специфику, вызванную особенностями развития и местонахождения края;

- проанализировать состояние землепользования и землеустройства, определить их особенности в различных природно-климатических зонах, обобщить опыт формирования отраслевой структуры сельского хозяйства и его размещения;

- исследовать состояние материально-технической базы сельского хозяйства, выявить ее особенности, связанные со специализацией аграрного сектора и уровнем индустриального развития края, определить влияние этих факторов на развитие отрасли;

- изучить основные закономерности и тенденции формирования сельского населения региона, его численности, половозрастной структуры, национального состава, размещения; проанализировать систему мер по решению проблемы массовых (плановое сельскохозяйственное переселение, привлечение на сельхозработы подростков, престарелых и мобилизованных горожан, использование труда эвакуированных, депортированных и репатриированных граждан, заключенных и военнопленных) и квалифицированных сельских кадров;

- выяснить роль различных категорий хозяйств в производстве растениеводческой и животноводческой продукции; определить итоги и результаты развития сельскохозяйственного производства, показать соответствие их целям и потребностям общества, выявить затраченные при решении конкретных задач производства усилия, соотнести их с теми результатами, которые были достигнуты, т.е. получить оценку результатов хозяйственной деятельности с позиции приложенных усилий;

произвести сопоставление итогов; связать с оценкой сложившегося механизма реализации целей в сфере аграрного производства.

В соответствии с поставленной целью и задачами предметом исследования является деятельность общества по развитию и использованию сферы аграрного производства в регионе, управление им, выявление основных этапов, направлений и результатов его развития.

Хронологические рамки исследования охватывают 1940-е гг., когда сложившаяся в рамках административно-хозяйственного механизма модель развития сельского хозяйства в экстремальных условиях военных и первых послевоенных лет смогла обеспечить страну необходимым минимумом продовольствия. За исходный берется последний предвоенный год, характеризующий уровень развития отрасли к началу Великой Отечественной войны. Конечный хронологический рубеж — 1950 г., достаточно устоявшаяся в историографии грань, связанная с завершением в основном восстановления народного хозяйства страны.

Территориально исследование проведено в рамках Уральского экономического района (УЭР), куда в рассматриваемый период входили Оренбургская (бывшая Чкаловская), Пермская (бывшая Молотовская), Свердловская и Челябинская области, Башкирия и Удмуртия. В феврале 1943 г. была образована Курганская область, в состав которой вошли 32 района Челябинской и 4 района Томской области. Новые границы областей делают невозможным сопоставление статистических материалов в динамике, поэтому анализ сделан и по Курганской области, отнесенной в те годы к Западной Сибири. Таким образом, в методологическом плане диссертация охватывает территорию Урала в современных границах как исторически и экономически связанного региона. Большая часть его представляет собой крупные индустриальные районы, ставшие в годы Великой Отечественной войны «опорным краем»; сельское хозяйство здесь было подчинено задаче обеспечения населения основными продуктами питания. Наиболее общим, характерным для этой территории признаком является ее максимальная экономическая эксплуатация.

Важнейшим принципом, которым руководствовался автор, был подход к сельскому хозяйству как отрасли народного хо-

зяйства, системе, состоящей из различных подсистем. Основная характеристика этой системы связана с понятием аграрный потенциал, включающим также анализ состояния производственной инфраструктуры отраслей, обслуживающих сельское хозяйство, и уровень социального развития села. Развитие сельского хозяйства рассматривается не изолированно, а в связи с другими сферами аграрного потенциала.

Наряду с системным подходом, все исследуемые процессы рассматриваются в развитии на протяжении 1940-х гг. на основе введения в научный оборот крупного массива неопубликованной статистики и построения динамических рядов. Тенденции развития сельского хозяйства УЭР рассматриваются в сопоставлении с другими административно-территориальными единицами как на микроуровне (области и регионы в составе РСФСР), так и на макроуровне (РСФСР и СССР).

Объект и основные задачи исследования, его основные методологические принципы определили и особенности источниковой базы диссертационной работы. Основу ее составил крупный массив сельскохозяйственной статистики, в котором важнейшими являются сводные годовые отчеты совхозов, колхозов, подсобных хозяйств предприятий и МТС за 1940-е гг., дающие разнообразную и разностороннюю информацию. Годовые отчеты сельхозпредприятий сохранились не только в масштабе страны или области, но и района. В архивах имеются и годовые отчеты отдельных хозяйств, что позволяет получить развернутую картину их деятельности на всех уровнях.

При характеристике развития сельскохозяйственного производства, важное значение имеют такие источники, как переписи скота, посевных площадей, плодово-ягодных насаждений, а также земельные балансы, представляющие собой отчеты о распределении земель по землепользователям и угодьям. Сложность учета скота состояла в том, что значительная часть его находилась в индивидуальном пользовании и не охватывалась периодической и годовой отчетностью. При переписи индивидуального скота единицей учета являлось не животное, а хозяйство, что отвечало интересам налогового ведомства. Скот регистрировался не по месту своего нахождения, а по месту жительства его владельца. Чтобы обеспечить точный пересчет этого скота в натуре, счетчики, кроме опроса, прово-

дили тщательную проверку с участием представителей сельсовета или колхоза. Поэтому ежегодно проводимые переписи скота служат единственно полными источниками при характеристике его численности.

В изучении сельского хозяйства важную роль играют и другие виды статистического учета. Среди них «паспорта» областей и динамические таблицы Госкомстата СССР о производстве отдельных видов сельскохозяйственной продукции по областям и республикам Урала. Однако нельзя ограничиваться учетом продукции только в натуральном выражении. Во-первых, разнообразие продуктов не позволяет суммировать результаты производства без приведения их к единому знаменателю. Во-вторых, наряду с готовой продукцией следует учитывать и незавершенное производство. Поэтому при характеристике продукции сельского хозяйства важная роль отводится содержащимся в динамических таблицах Госкомстата СССР стоимостным показателям о валовой продукции в денежном выражении (РГАЭ. Ф. 1562, оп. 323, 324). Они необходимы для определения общего объема продукции отдельных сельскохозяйственных предприятий и отрасли в целом, изучения структуры производства и ее изменения в динамике, выявления доли сельского хозяйства в общем объеме совокупного общественного продукта и национального дохода, увязки различных показателей работы предприятий и т. д.

При разработке данных материалов следует учитывать, что показатели тех лет имеют серьезные недостатки. В частности, колхозная продукция реализовывалась по разным ценам — заготовительным, контрактационным, рыночным и др. Многообразие цен, по которым отчуждалась колхозная продукция, влекло за собой существенное отклонение от общесоюзных средних цен. Поэтому денежная оценка производимой в колхозах сельскохозяйственной продукции весьма условна. Кроме того, с 1935-го по 1953 г. статистика урожаев заменялась определением валового сбора, т. е. всей выращенной продукции на момент полного созревания посевов. Валовой урожай рассчитывался не по фактическому сбору, а по видовой оценке на корню. Определение так называемого «биологического урожая» завышало реальный объем продукции растениеводства.

Таким образом, материалы Госкомстата о валовой продукции в стоимостном выражении — важный источник по аграр-

ной истории. Их абсолютные показатели неточны, но материалы позволяют определить основные тенденции развития производства, выявить роль отдельных категорий хозяйств и целых регионов в продовольственном балансе СССР.

Особое место среди статистических источников занимают хранящиеся в центральных и местных архивах материалы бюджетных обследований семей колхозников. Они содержат сведения о составе крестьянской семьи, размерах и структуре рабочего времени, натуральных и денежных доходах и уровне потребления. Исключительный интерес представляют содержащиеся в бюджетах данные о состоянии индивидуального крестьянского хозяйства, в том числе размерах и структуре посевных площадей на приусадебных участках, урожайности, численности стада, его продуктивности, объеме сельскохозяйственного производства. Имеются аналитические записки о результатах разработок бюджетов, в том числе и контрольные тетради статистов. Сохранились и материалы бюджетных обследований (годовые, полугодовые, помесечные) семей рабочих различных отраслей уральской промышленности и совхозов, а также бюджеты сельских врачей и учителей. Это позволяет проводить сравнительный анализ различных групп сельского и городского населения.

К данному виду статистических источников непосредственно примыкают и материалы Наркомата заготовок СССР (РГАЭ. Ф. 8040, оп. 2, 3, 8). Они содержат обобщающие сведения о ходе и размерах заготовок всех видов; продукции сельского хозяйства по всем категориям хозяйств. Однако заготовительные органы учитывали в первую очередь зачетное количество сданной продукции (а не фактическое), что затрудняет исследовательскую работу.

Обработка указанных материалов позволила ввести в научный оборот крупный массив неопубликованной статистики (свыше 25 тыс. показателей), без подробного и всестороннего анализа которой невозможны серьезные исследования в области аграрной истории. В первую очередь это относится к 1940-м гг., так как в опубликованных статистических сборниках сведения приводятся, в лучшем случае, за начальный и конечный годы исследуемого периода. В работе использовались результаты одномерных и многомерных, единовременных и текущих, сплошных и частных наблюдений, сопоставлялись факториальные и результативные признаки, полученные в процессе

обработки источников статистические данные сгруппированы, обобщены и оформлены в виде таблиц. Число только опубликованных автором динамических таблиц по теме исследования превысило 250. Все они простые, имеют, как правило, комбинацию пространственных и хронологических признаков, что дало возможность применять такие методы исследования, как индексный, метод прямого подсчета, использовать общезкономические коэффициенты перерасчета скота, машинно-тракторного парка, вести статистическую обработку рядов динамики, определять среднегодовые объемы производства, рассчитывать размеры абсолютного прироста, среднегодовые темпы роста и среднегодовые темпы прироста. Это позволило целостно подойти к исследуемым явлениям, рассматривать каждый факт во взаимосвязи с другими фактами и явлениями, раскрыть их взаимозависимость и взаимодействие, чтобы получить достоверное представление о состоянии отрасли в те годы.

При характеристике сельского хозяйства важное значение имеют докладные записки, справки, аналитические материалы бывших союзных министерств, хранящиеся в РГАЭ. Особый интерес представляют фонды министерства финансов (Ф. 7733), сельского хозяйства (Ф. 7486), совхозов (Ф. 7803), Госплана (Ф. 4372), сельхозбанка (Ф. 8480), управления по электрификации сельского хозяйства (Ф. 8375) и др. Ценные сведения отложились и в ГАРФ в фондах аналогичных российских структур (Ф. 262, 310, 317, 411). К этой группе источников следует отнести и оперативно-информационные материалы, сосредоточенные в фондах облисполкомов, облпланов, облсельхозуправлений местных государственных архивов. Однако по своей информативности они заметно уступают данным центральных ведомств. Поэтому пользоваться ими следует осторожно, перепроверяя по возможности сведениями из других источников.

Демографические процессы на селе, его трудовые ресурсы нашли отражение в нескольких видах документов. Важнейшим из них является Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г., материалы которой хранятся в фонде Госкомстата СССР в РГАЭ (Ф. 1562, оп. 336) и в фонде Госкомстата РСФСР в ГАРФ (Ф. 374, оп. 34). Они содержат подробные сведения о численности и составе населения, его профессиональной и половозрастной структуре, уровне образования и т. д. Перепись позво-

ляет выявить различия в национальном составе городского и сельского населения на Урале, сопоставить данные о численности населения с данными о родном языке, определить национальные особенности половозрастной структуры сельчан и профессиональной подготовки работников отрасли, показать участие женщин разных национальностей в производстве и дифференциацию полового состава руководителей среднего звена в зависимости от национальности. Перепись дает также возможность определить место работы сельского населения в колхозах, МТС, совхозах, на предприятиях и в учреждениях по обслуживанию отрасли, в единоличных хозяйствах, а также занятость в промышленности, строительстве и т.д.

При изучении демографической ситуации на селе немалый интерес представляют книги загсов, позволяющие характеризовать основные тенденции воспроизводства населения, а также данные похозяйственного учета, содержащие сведения о численности, половозрастном и социальном составе сельчан. Существенное влияние на демографическую ситуацию в деревне оказывала в те годы эвакуация, а также сельскохозяйственное переселение. Более подробные материалы о приеме, размещении, трудоустройстве и материально-бытовом положении беженцев находятся в фонде Главного переселенческого управления при СМ РСФСР (ГАРФ. Ф. 327, оп. 2); сведения о плановом сельскохозяйственном переселении на Урал в 1920—1950-е гг. хранятся среди документов Главного переселенческого управления Министерства сельского хозяйства СССР (РГАЭ. Ф. 5675, оп. 1). Уникальная информация об использовании в сельском хозяйстве труда спецпоселенцев отложилась в бывшем ЦГАОРе в (ГАРФ. Ф. 9479, оп. 1; Ф. 7689, оп. 12, 13); данные о подсобных хозяйствах в лагерях и тюрьмах и использовании в них труда заключенных имеются в текущих архивах областных УВД, сведения о работе в сельском хозяйстве военнопленных — в «Особом архиве».

Основные источники статистических сведений по труду в сельском хозяйстве — материалы первичного учета, годовые отчеты сельскохозяйственных предприятий, а также данные бюджетных обследований семей колхозников. Первоисточником сведений по труду в государственных сельскохозяйственных предприятиях служит первичный учет численности, состава и движения рабочей силы, осуществленный

с помощью личных карточек. Последние содержат социально-демографические сведения о каждом работнике совхоза, МТС и подсобного хозяйства; имя, отчество и фамилию, профессию, категорию (рабочий, ИТР, служащий) и др. Помимо личных учетных карточек работников, важные сведения по статистике труда содержатся в существующей отчетности по труду и годовых отчетах. Они включают сведения о численности работников на конец отчетного периода и на конец года. Предприятия учитывали списочный персонал, куда включали всех постоянных, сезонных и временных работников.

Иначе был построен учет труда в колхозах. В систему первичного учета трудовых ресурсов и объема выполненных колхозниками работ входят следующие формы: книга учета членов колхоза и их семей, на основании которой можно получить сведения о трудовых резервах всего хозяйства и каждой бригады: ведомости по учету трудодней в бригадах и на фермах; книги учета трудодней колхозников, входящих в правление; книги учета выполненных работ и затрат трудодней и трудовые книжки колхозников.

Подробную характеристику использования рабочей силы и состояния трудовой дисциплины в колхозах дают годовые отчеты. В них содержатся сведения об участии членов колхозов и их семей в общественном хозяйстве, общей численности работоспособных колхозников, о количестве взрослых и подростков, выработавших менее минимума трудодней или не выработавших ни одного трудодня. В годовых отчетах за 40-е гг. взрослые трудоспособные колхозники группировались по количеству выработанных трудодней: выделялись выработавшие до 100 трудодней, от 101 до 200, от 201 до 300, от 301 до 400 и свыше 400. Указывалось также среднее число трудодней, выработанных за год одним колхозником. На основании данных годовых отчетов можно вычислить процент трудоспособных, не работавших в течение отчетного года в колхозах, а также тех, кто не выработал минимум трудодней. Отчеты содержат также сведения о численности административного аппарата, о количестве работающих специалистов, бригадиров, заведующих фермами, стаже их работы, а также данные о численности колхозников, выполнявших постоянные работы в животноводстве.

Важное место среди источников занимают материалы директивного характера по вопросам развития сельского хозяй-

ства. Среди них — постановления СМ РСФСР (ГАРФ. Ф. 259) и протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП (б). Особо отметим обнаруженный нами сборник указов и постановлений военного времени, предназначенный для служебного пользования. В нем содержится ряд неопубликованных постановлений СНК СССР и ЦК ВКП (б). Взятые в комплексе материалы позволяют проследить основные этапы государственной политики по отношению к аграрному сектору и ее реализацию на Урале.

Определенный интерес представляют материалы центральной и местной печати, воспоминания участников событий тех лет. Использование их позволило обогатить фактическую базу исследований. Всего, кроме опубликованных источников и литературы, изучено свыше 15 тыс. архивных дел из 28 центральных, областных, районных и ведомственных архивов. Взятые в совокупности все группы материалов составили источниковую базу для решения поставленных исследовательских задач.

Научная новизна работы заключается в постановке цели, задач и определении предмета исследования. Впервые в отечественной историографии предпринята попытка комплексного рассмотрения истории сельского хозяйства крупного экономического района в годы, когда тоталитарный режим оказался в экстремальных условиях войны и послевоенного восстановления. Сельское хозяйство характеризуется не только как система, состоящая из нескольких подсистем, но и в динамике изменений количественных и качественных признаков, в географическом разрезе, в зависимости от степени урбанизации и исторически сложившейся специализации отрасли. Выявлены региональные особенности развития сельского хозяйства, определен его вклад в продовольственный баланс страны, степень обеспечения собственного населения основными продуктами питания.

Освещение функционирования отрасли ведется на протяжении 1940-х гг., составляющих с точки зрения ее развития единое целое. При этом использован широкий круг источников, впервые введенных в научный оборот. В ряде случаев предложены новые подходы к их характеристике, методы изучения и использования.

Результаты исследований докладывались на XXIII сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной ис-

тории (Екатеринбург, 1991), на международных (Берлин, 1992; Екатеринбург, 1992; Москва, 1990), всесоюзных (Донецк, 1990; Екатеринбург, 1983, 1990; Новосибирск, 1985, 1986, 1989); республиканских (Екатеринбург, 1987, 1989, 1990, 1992; Каменец-Подольский, 1991; Николаев, 1989; Тюмень, 1991; Целиноград, 1991; Челябинск, 1991; Черновцы, 1989); и региональных (Екатеринбург, 1981, 1985–1993; Новгород, 1991; Тюмень, 1987, 1990; Уфа, 1989, 1990; Челябинск, 1990) научных конференциях. Они также обсуждались на заседаниях сектора аграрной истории ИИиА УрО РАН и кафедры методологии истории Уральского государственного университета.

О результатах научных исследований автор докладывал на заседании межправительственной комиссий в Таллине (1991), они освещались в зарубежной (Австрийская Республика, Федеративная Республика Германия, Украина, Эстонская Республика), центральной и местной печати, по центральному и местному радио, в программе ГТЛ-плюс немецкого телевидения и т. д. На историческом факультете УрГУ автор на основе своей концепции читает спецкурсы «Исторический опыт аграрного освоения Урала» и «Материально-бытовое положение населения Урала».

Производительные силы сельского хозяйства. Основное средство производства в сельском хозяйстве — земля. На начало 1945 г. земельный фонд на Урале равнялся 83 млн га, что составляло 4,9 % территории России. Около половины земель на Урале неудобны или непригодны для возделывания сельскохозяйственных культур. Особенно много таких земель в Нечерноземье, южноуральские районы были освоены гораздо лучше.

Распределение земельного фонда по категориям хозяйств свидетельствует о том, что в 1940-е гг. он представлял собой в основном земли госземфонда и лесных организаций. Крупными землепользователями на Урале являлись колхозы. В середине 1940-х гг. их земельный фонд составлял 36,9 млн га, на долю совхозов приходилось 5,6 млн га. Особенно велика была доля колхозно-совхозного сектора в пахотных землях. Данные земельных балансов свидетельствуют, что с началом Великой Отечественной войны размеры земельного фонда колхозов и совхозов заметно сократились вследствие их частичной ликвидации и передачи земель создаваемым подсобным хозяйствам предприятий и под огороды рабочим и служащим. В пер-

вые послевоенные годы в результате мер по ликвидации нарушений Устава артели и восстановлению совхозного сектора начинается обратный процесс.

Анализ показывает, что на распределение земель среди пользователей заметное влияние оказывали природно-климатические условия края. В нечерноземных районах с небольшими пахотными участками и низкой плотностью сельского населения преобладали колхозы, зато на Южном Урале с большими массивами пашни и высокомеханизированным зерновым хозяйством — совхозы. В промышленно развитых областях крупные участки земли находились в пользовании подсобных хозяйств предприятий, в пригородных районах значительной была доля огородников.

В предвоенные годы большое внимание уделялось укреплению материально-технической базы сельского хозяйства. Во второй половине 1930-х гг. машинно-тракторный парк сельского хозяйства вырос качественно, заметно изменилась и его структура. С началом войны производство тракторов, сельскохозяйственных машин, запасных частей к ним было свернуто. Изношенность техники при увеличении сроков ее эксплуатации в суровых климатических условиях края приводила к частым поломкам машин. Это обусловило повышенную потребность в запасных частях, поступление которых уменьшилось. Частые простои техники были связаны и с нехваткой горюче-смазочных материалов. Их дефицит в сочетании с изношенностью техники и снижением квалификации механизаторов приводил к ухудшению использования машин. Производительность тракторного парка на Урале, как и по стране в целом, заметно снизилась, что вело к уменьшению объема работ МТС на колхозных полях. Он сократился на Урале с 21,5 млн га в 1940 г. до 8,9 млн га в 1943 г. Снижение уровня механизации в регионе компенсировать было нечем, так как в энергоресурсах сельского хозяйства края преобладали трактора, комбайны и грузовые автомашины, что поставило колхозы и совхозы в особо тяжелое положение.

Коренной перелом в ходе войны создал предпосылки для укрепления экономики СССР. На заключительном этапе войны возобновились поставки сельхозтехники, улучшилось снабжение горючим. Укреплению материально-технической базы сельского хозяйства способствовало расширение сети МТС. В

зону их действия включалось большинство артелей, особенно в Оренбургской и Пермской областях. Доля обслуживаемых МТС колхозов постоянно росла. Если в 1946 г. они обрабатывали земли 85 % уральских колхозов, то в 1947 г. — 87, в 1948 г. — 88, в 1949 г. — 91, в 1950 г. — 96 %.

Снабжение сельского хозяйства новыми машинами, и горюче-смазочными материалами в достаточном количестве, укрепление ремонтной базы, расширение сети МТС, повышение квалификации механизаторов способствовали более интенсивной эксплуатации машинно-тракторного парка, росту выполняемых операций в колхозах. В 1950 г. объем тракторных работ в артелях на 43 % превысил уровень 1940 г. и в 3,4 раза — 1943 г. Доля механизации основных полевых работ заметно повысилась.

Важный элемент материально-технической базы сельского хозяйства — электрификация. К началу войны на Урале были электрифицированы 28 % МТС и совхозов и 1,2 % колхозов. Основная часть электроэнергии шла на освещение, в производстве ее использовали редко. Война задержала развитие электрификации, однако, в тыловых районах она продолжалась. В 1944—1945 гг. ведущим районом сельской электрификации стала Свердловская область, где в ряде мест она приняла характер массовых народныхстроек. К концу четвертой пятилетки в области электроэнергию получали 87 % колхозов, 90 % МТС и 97 % совхозов. Быстро развивалась сельская электрификация и в Удмуртии, Пермской и Челябинской областях, имевших мощный промышленный потенциал. При развитии электроэнергетики промышленно развитые области имели преимущество, по сравнению с аграрными районами.

Помимо земли — главного средства производства в сельском хозяйстве, основу материально-технической базы здесь составляют производственные фонды. В 1941—1945 гг. на их пополнение государство стало отчислять гораздо больше средств, чем до войны, в результате их объем заметно вырос. Рост неделимых фондов объективно ведет к росту фондовооруженности труда, что обеспечивает повышение его производительности и рентабельности производства, снижение себестоимости продукции и повышение ее качества. Однако многочисленные и достоверные источники неоспоримо доказывают, что на практике наблюдалось обратное. С началом вой-

ны в совхозах снизилась производительность труда, уменьшилось количество и ухудшилось качество производимой продукции. Главная причина возникшего несоответствия между размерами ОПФ в сельхозпредприятиях и объемом получаемой продукции — рост уровня амортизации. Системный анализ показывает, что в условиях войны произошло резкое ускорение темпов износа основных средств. В результате увеличился разрыв между нормативными амортизационными и средними фактическими сроками службы ОПФ. Представляется, что данные годовых отчетов колхозов, совхозов и МТС тех лет о размерах их основных фондов имели существенные неточности. Поскольку балансовая стоимость основных средств не менялась до полного их износа, часть изношенных средств по-прежнему оставалась на счету хозяйств, хотя эффективно их использовать было уже нельзя. Таким образом, фактическое состояние материально-вещественных элементов в хозяйствах не соответствовало их учетной стоимости,

Ослабление экономики хозяйств в условиях роста стоимости их основных производственных фондов во многом объяснялось и нарушениями Устава артели. В колхозах страны, в том числе и на Урале, наблюдалось расхищение общественных земель колхозов, растаскивание инвентаря, скота, имущества. Однако разбазаренное колхозное добро по-прежнему оставалось на балансе хозяйств. Расхищалось не только имущество, но и денежные средства. Отрицательно сказывалась на финансовом положении колхозов деятельность сельскохозяйственного банка, многие отделения которого необоснованно отказывали артелям в выдаче средств со счетов неделимых фондов. В учреждениях сельхозбанка имела место практика списания средств со счетов неделимых фондов колхозов для уплаты взносов по личной подписке колхозников на государственные займы, а в отдельных случаях и погашения за счет средств одних артелей задолженности других по ссудам сельхозбанка. Таким, образом, рост основных фондов в 1940-е гг. не отражал действительного положения в сельском хозяйстве. Подавляющее большинство сельхозпредприятий находилось в упадке, в 1943 г. отрасль оказалась на грани краха. Для его предотвращения предпринимались энергичные меры, однако лишь в конце войны положение удалось несколько стабилизировать. В первые послевоенные годы при решении задач

восстановления сельского хозяйства главное внимание уделялось укреплению материально-технической базы путем увеличения капитальных вложений в отрасль. Это позволило поднять уровень механизации полевых работ, уменьшить физическое напряжение тружеников отрасли. Увеличение капитальных вложений вело к росту основных фондов сельского хозяйства. Однако в решении проблемы технической оснащенности отрасли оставалось еще много «узких» мест: чрезмерная нагрузка на технику, недостаток прицепных орудий, слабое развитие ремонтной базы, недостаточность сельской электрификации, отсутствие механизации в животноводстве.

За годы реконструкции народного хозяйства численность населения возросла и составила на начало 1939 г. 13,4 млн чел. Прирост населения в основном происходил за счет увеличения числа горожан. Удельный вес сельского населения снизился на Урале с 83,1 % в 1926 г. до 64,7 % в 1939 г.

Характерной особенностью России является многонациональная структура населения, в том числе и крестьянства. Анализ показывает многонациональный состав сельского населения и на Урале. Наиболее многочисленная его группа — русское крестьянство, численность которого превысила 5,5 млн человек (2/3 сельского населения края). Материалы свидетельствуют, что на Урале сельское население имело более сложную структуру, чем городское. Разнообразие национального состава уральской деревни объясняется тем, что коренные жители края — башкиры, коми-пермяки, удмурты, а также проживавшие на Урале казахи, марийцы, мордва, татары, чуваша были заняты почти исключительно сельским хозяйством. Сдерживал переезд в город и религиозный фактор, поскольку у исповедующих мусульманство народов (башкир, татар) процесс урбанизации шел медленнее, чем у христиан.

В годы войны серьезные изменения произошли в составе трудовых ресурсов села. Мобилизация сельчан в армию и на работу в промышленность усилила существовавшую до войны неравномерность распределения трудовых ресурсов. В первую очередь это относится к Уралу, где убыль трудоспособных колхозников была ощутимее, чем в других регионах страны. Сокращение населения вело к дальнейшему росту нагрузки на трудоспособных сельчан. В наиболее тяжелом положении оказались южноуральские области. Значительно выше была на

Урале и нагрузка на животноводов. Это сужало возможности компенсировать ослабление производительных сил деревни за счет внутренних ресурсов.

В 1940-е гг. данные учета населения показывают резкое ухудшение демографической ситуации в деревне. Массовая демобилизация армии несколько затормозила этот процесс. Структура трудовых ресурсов села улучшилась. Изменению демографической ситуации способствовало восстановление нормального хода воспроизводства сельского населения. В 1950 г. возобновилось и прерванное войной плановое сельскохозяйственное переселение на Урал. Однако это не остановило сокращение численности сельского населения, снизились лишь его темпы. Убыль сельчан объясняется не только последствиями войны, но и дальнейшим перераспределением трудовых ресурсов между отраслями народного хозяйства, продолжающимся преобразованием сельских населенных пунктов в городские, а также усилившейся миграцией в города. В 1940-е гг. колхозники не имели паспортов, что лишало их возможности свободно перемещаться, «привязывало» к артели и придавало сельскохозяйственному труду принудительный характер. Однако запрещение крестьянам покидать места проживания не смогло помешать переселению их в города.

В динамике населения в эти годы обнаружилась и другая тенденция — рост количества сельскохозяйственных рабочих. Об этом свидетельствуют данные о занятых в сельском хозяйстве Урала рабочих и служащих. За десятилетие их число увеличилось в 1,4 раза. Наиболее высокие темпы роста наблюдались в годы войны, что было вызвано широким распространением подсобных хозяйств предприятий. После войны в связи с ликвидацией части подсобных хозяйств число их работников стало сокращаться. Одновременно происходил рост персонала МТС. В результате число занятых в отрасли рабочих и служащих продолжало расти.

Сокращение сельского населения выдвигало в качестве первоочередной проблему кадров. Кроме трудоспособных, на сельскохозяйственные работы широко привлекались престарелые и нетрудоспособные граждане, подростки, использовалась также шефская помощь горожан. Большое внимание уделялось обеспечению села специалистами. Для этого предпринимались различные меры, в том числе и чрезвычайные. Однако административ-

ные меры помогали слабо. Непосредственно примыкает к данной проблеме вопрос об использовании в сельском хозяйстве принудительного труда «спецконтингента», получившего на Урале широкое распространение. Обнаруженные материалы показывают, что только в Свердловской области в 1947 г. подсобные хозяйства имелись в 14 лагерях для заключенных, 12 лагерях для военнопленных и пересыльной тюрьме. Здесь же находилась и Камышловская сельскохозяйственная колония, совхозы МВД «Аксариха» и «Тамакул», а также спецпереселенческие колхозы.

С началом Великой Отечественной войны ужесточились сформировавшиеся в 1930-е гг. административные методы, управления сельским хозяйством. Коллективные хозяйства были лишены остатков самостоятельности и поставлены в полную зависимость от районного руководства. Административная система охватывала все стороны деятельности колхозов, детально регламентировала даже внутренний распорядок труда и отдыха в них. Наибольший вред установившегося стиля руководства проявлялся при планировании сельскохозяйственного производства. Планы устанавливались «сверху» в виде продразверстки, исходя из потребностей в сельскохозяйственной продукции. При этом реальные возможности хозяйств во внимание не принимались. Планирование в артелях осуществлялось на тех же принципах, что и на государственных предприятиях, только без бюджетного финансирования и материально-технического снабжения. В то же время вся полнота материальной и, главное, юридической ответственности за результаты хозяйственной деятельности возлагалась на каждый отдельный колхоз, его членов и председателя. Война усилила возникшее в ходе коллективизации противоречие: хозяйничали в артелях партийные и советские органы, а ответственность за результаты их работы всецело возлагалась на крестьян.

Тяжесть положения в сельском хозяйстве усугубили нерешенные до войны проблемы колхозного строительства. Административная система с самого начала стала попираť кооперативные принципы деятельности колхозов. Последние фактически превратились в государственные предприятия с принудительным трудом. Члены колхоза стали получать не долю в коллективно произведенном продукте, а плату за труд, при-

чем очень низкую. В большинстве хозяйств материальные стимулы к труду были незначительны, в некоторых отсутствовали полностью. Обесцениванию трудодня способствовал как остаточный принцип распределения натуральных доходов среди его членов, так и сохранение устаревших норм выработки, плохо налаженный учет трудодней и т. д. По существу, крестьяне были отчуждены не только от средств производства, но и от распределения созданного продукта, что послужило экономической основой для его изъятия из колхозов.

С началом войны усилилось внеэкономическое принуждение к труду. Для колхозников был повышен обязательней минимум трудодней. За его невыполнение крестьяне исключались из артелей и предавались суду, причем на Урале доля таких сельчан была высокой и значительно превосходила средний по стране уровень. Если учесть, что выработка трудодней колхозниками региона также была ниже общесоюзной, то существовавшее положение можно объяснить особо жестким административным давлением на уральскую деревню,

После завершения Великой Отечественной войны в артелях производилось упорядочение оплаты труда, внедрялись примерные нормы выработки и единые расценки в трудоднях. Однако оплата трудодня фактически не увеличилась и по-прежнему оставалась крайне низкой. В Свердловской области доход от колхозов и МТС составлял у крестьян в среднем 9,0 % их денежных поступлений, что было даже меньше, чем в годы Великой Отечественной войны. Индивидуальное хозяйство давало крестьянской семье основную часть натуральной продукции, за исключением зерна. Колхозники были обязаны трудиться лишь за право пользоваться приусадебным участком, продуктов с которого едва хватало, чтобы не умереть с голоду. Денежные доходы работников совхозов несколько возросли, но были значительно ниже, чем в промышленности.

Основной культурой на Урале были зерновые. Данные о размерах и структуре посевных площадей показывают, что их удельный вес был особенно велик в начале XX в. В 1920—1930-е гг. доля зерновых несколько снизилась. Одновременно шло расширение посевов кормовых и особенно овощных культур, Однако и перед войной полеводство на Урале носило ярко выраженный зерновой характер. Зерновые были распространены практически повсеместно. Однако в зависимости от природ-

ных условий их удельный вес в структуре посевов колебался. Наиболее ярко зерновая специализация сельского хозяйства была выражена в Башкирии, Оренбургской, Челябинской и особенно Курганской областях, слабо — в нечерноземных районах Урала.

В начальный период войны немецко-фашистские войска оккупировали важнейшие сельскохозяйственные районы страны. В этих условиях многократно возросла роль восточных областей СССР. В августе 1941 г. было принято решение, предусматривавшее уже в этом году расширение посевов озимых зерновых, что должно было компенсировать потерю важных аграрных районов, а также ослабить напряженность весеннего сева.

Вовлечение в сельскохозяйственный оборот новых земель представляло огромную трудность. Если в центральных районах страны для этого использовали недавно запущенную пашню, то на Урале пришлось поднимать целинные и залежные земли, а кое-где и вырубать лес. Однако тяжелая уборочная 1941 г. не позволила колхозам выделить для ведения озимого сева достаточное количество людей и техники. Поэтому в ряде мест сев провели некачественно, что отрицательно сказалось на сохранении посевов.

В начальный период войны в результате огромных усилий размеры посевов на Урале выросли. В 1943 г., по сравнению с последним довоенным годом, они увеличились на 607,7 тыс. га (4,2 %). Как известно, увеличение размеров производства возможно за счет его интенсификации на уже имеющихся площадях (интенсивный путь) и за счет расширения посевов (экстенсивный путь). «Военно-хозяйственный план» предусматривал значительное расширение посевов и тем самым узаконивал второй путь.

Несомненно, тяжелейшие условия тех лет требовали принятия всех возможных мер по созданию запасов продовольствия. Поэтому увеличение площадей под картофель и овощи в индустриальных областях Урала вполне правомерно. Иное дело — зерновые культуры. На Южном Урале не было условий для расширения их посевов. При нехватке рабочей силы и сокращении механизации полевых работ расширение посевов зерновых в колхозах Урала привело к отрицательным последствиям. В меньшей степени это затронуло сельское хозяйство Западного и Среднего Урала, в большей — Южного Урала. Очевидно, что в условиях региона надо было не расширять

посевную площадь, а попытаться сохранять имеющуюся. Что же касается овощей и картофеля, то увеличивать их посевы следовало не за счет освоения новых земель, а путем изменения существующей структуры посевных площадей.

Изменилась и структура посевов зерновых. Перед войной на Урале 39,2 % посевов зерновых приходилось на долю яровой пшеницы. В начальный период войны увеличились посевы озимой ржи, что, по существу, явилось формой мобилизации дополнительных продовольственных ресурсов. Сроки сева озимых не совпадали со сроками уборки и обработки яровых, что и позволило расширять площади озимых культур. Это снижало напряженность в период весеннего сева. Более ценную яровую пшеницу заменяли озимой рожью еще и потому, что она легче переносит ухудшение агротехники. Таким образом, в годы войны посевы яровых зерновых на Урале сократились, однако они по-прежнему играли решающую роль в земледелии.

Серьезные изменения произошли на Урале и в размещении посевов. Заметно возросла роль северных районов. Развернувшееся там строительство базы для алюминиевой промышленности, освоение месторождений марганца и огнеупорных материалов, рост угледобычи, расширение торфо- и лесоразработок потребовали значительных трудовых ресурсов. Рост численности населения остро поставил проблему обеспечения его продуктами питания. В сложившейся обстановке местные партийные и советские органы, руководители предприятий и строки видели единственный выход в создании собственной продовольственной базы.

Изменения произошли в землепользовании колхозного двора. В связи с уменьшением фактической оплаты трудодня заинтересованность колхозников в приусадебных участках возросла. В Свердловской области на 70 % уменьшилось число хозяйств, не имеющих посевов. Однако их размеры на приусадебных участках колхозников увеличились на Среднем Урале незначительно и были меньше, чем в среднем по стране. Изменилась и структура посевов: выросла доля картофеля и зерновых, а технических культур сократилась. На Среднем Урале структура посевов в индивидуальных хозяйствах имела свои особенности. Главная из них — большой удельный вес картофеля и овощей (96—98 %). В других районах страны он был намного ниже. Весьма незначительной в области оставалась доля технических культур. Промежуточное положение занимали

посевы колхозников в Оренбуржье. На своих участках они выращивали зерновых и технических культур больше, чем в других районах Урала. Это было вызвано разными природно-климатическими условиями, а также особенностями специализации сельского хозяйства и оплаты труда в нем.

После войны большое значение придавалось восстановлению посевных площадей. В государственном секторе за годы четвертой пятилетки они возросли на 43 %, в колхозах — на 39 %. В 1940-е гг. иным стало соотношение между абсолютными размерами посевов у колхозников, рабочих и служащих. В Свердловской области посевная площадь у первых практически не изменялась. В то же время в связи с массовым развитием огородничества посевы в хозяйствах рабочих и служащих на Среднем Урале выросли за годы войны в 2,8 раза. Особенностью промышленно развитых областей Урала — Свердловской и Челябинской — стало 2–3-кратное превышение размеров посевов у рабочих и служащих над участками колхозников. Именно они, а не колхозники, были третьими землепользователями после колхозов и совхозов. В конце десятилетия посевы у рабочих и служащих начали сокращаться. У колхозников они также уменьшались, хотя гораздо медленнее.

В первые послевоенные годы рост производства в земледелии достигался главным образом экстенсивными методами за счет восстановления и расширения посевов. Анализ изменения размеров посевов на Урале показывает их абсолютный рост по сравнению с 1945 г., и относительный — на душу населения. Посевная площадь на душу населения в 1950 г. возросла на 36 %, по сравнению с 1945 г., и на 27 %, по сравнению с последним довоенным годом. Этот индекс будет выше, если исключить из числа сельчан тех, кто проживал в сельской местности, но не имел связи с сельским хозяйством.

Результаты исследования показывают, что в годы войны недостаток материальных и людских ресурсов привел к большим потерям. В 1942 г. на Урале был собран небывало низкий урожай зерновых, в 1943 г. он еще больше снизился. На заключительном этапе войны в стране повсеместно развернулась борьба с упрощенной агротехникой, повышались требования к работе МТС, больше внимания стали уделять семеноводству и т. д. В результате в 1950 г. урожайность зерновых составила на Урале 8,9 ц/га против 5,7 в 1945 г. и 7,5 в 1940 г. По СССР и РСФСР довоенный уровень урожайности к тому времени достигнут не был.

Зерновое производство особо значимо для сельского хозяйства страны. От уровня его развития зависит обеспечение населения хлебом и хлебопродуктами, а промышленности — сырьем. Анализ динамики показывает, что основную часть зерна производили на Южном Урале. За 1946—1950 гг. больше всего хлеба вырастили в Башкирии — 5,9 млн т (20,0 % сбора в регионе). Далее следуют Оренбургская (17,7 %), Пермская (16,2 %), Курганская (13,7 %), Свердловская (11,6 %), Челябинская (11,3 %) области и Удмуртия (9,5 %). Решающую роль в производстве уральского хлеба сыграли колхозы, на их долю приходилось в среднем 86,4 % валового сбора. Совхозы и другие госхозы вырастили 13,0 %, индивидуальные хозяйства населения 0,6 %.

Всего за первые послевоенные годы на Урале собрали 29,3 млн т зерна, что составляло 9,0 % общесоюзного производства. Это достаточно много, если учесть, что в уральской деревне на начало 1951 г. проживало 6,1 % сельского населения страны. В расчете на душу сельского населения зерна на Урале произвели больше, чем в РСФСР и СССР. Регион не только обеспечивал свои потребности в хлебе, но и давал часть продукции в общесоюзный фонд.

Большую часть картофеля, напротив, производили индивидуальные хозяйства. По данным за 1948 г., доля колхозников в производстве картофеля составила на Урале 36,6 %, рабочих и служащих — 27,4, колхозов — 25,8, госхозов — 10,0, единоличников — 0,2 %. В промышленно развитых районах удельный вес хозяйств населения еще выше.

При характеристике продукции сельского хозяйства важное значение имеет измерение показателей ее динамики. Расчеты валового сбора зерновых показывают, что за 1941—1950 гг. их абсолютный среднегодовой прирост составлял на Урале 50 тыс. т. Поскольку для данного десятилетия характерны не только рост производства, но и его снижение в годы войны, необходимы расчеты и отдельно за первые послевоенные годы. Они показывают, что за 1946—1950 гг. абсолютный среднегодовой прирост составил в регионе 982 тыс. т, т. е. почти в 20 раз больше, чем в среднем за десятилетие. Что касается среднегодового темпа роста производства зерновых, то для четвертой пятилетки он был равен 1,23 (23,0 %). Это означает, что количество вала зерна в регионе возрастало ежегодно примерно на четверть.

Анализ статистики позволяет проследить не только изменение общего валового сбора продукции растениеводства, но и влияние на него различных факторов. Использование индексного метода показывает, что общее увеличение производства зерна на Урале за 1946—1950 гг. в 2,3 раза (или на 130,0 %) достигнуто при увеличении посевных площадей на 34,0 % и роста средней урожайности на 72,0 %. Влияние названных факторов на изменение валовых сборов может быть определено путем разложения абсолютного прироста по факторам методом прямого подсчета. Расчеты показывают, что в общем приросте валового сбора в 5 483,1 тыс. т увеличение за счет роста посевных площадей составляет 25,9 %, а за счет повышения урожайности — 74,1 %. Таким образом, соотношение интенсивных и экстенсивных факторов в восстановлении зернового производства на Урале в первые послевоенные годы складывается в пользу первых, дающих три четверти прироста производства. Исследование отраслевой структуры валовой продукции сельского хозяйства на Урале показывает, что за годы войны продукция земледелия уменьшилась на Урале примерно на треть. Особенно пострадало высокомеханизированное зерновое хозяйство Южного Урала. В Башкирии в 1945 г. объем валовой продукции земледелия уменьшился, по сравнению с 1940 г., на 36,7 %, в Оренбуржье — на 43,7, в Курганской и Челябинской областях — на 37,4 %. Это было выше среднего по Уралу уровня и почти соответствовало спаду по стране в целом.

Изменилось и соотношение между различными категориями хозяйств, производящими растениеводческую продукцию. До войны свыше 4/5 всей продукции земледелия выращивали на Урале колхозы. В ходе войны их удельный вес снизился с 83,3 % в 1940 г. до 72,2 % в 1945 г., что было следствием как сокращения абсолютных размеров производства, так и развития других категорий хозяйств. Тем не менее, колхозы оставались ведущими хозяйствами в земледелии. Для первых послевоенных лет для растениеводства характерна тенденция к росту. Исключение составил 1946 г., когда была сильная засуха.

Животноводство — вторая отрасль сельского хозяйства, дающая наиболее ценные, высококалорийные продукты питания. Накануне войны на Урале оно было более развито, чем во многих других районах страны. В 1940 г. удельный вес отрасли в валовой продукции сельского хозяйства составлял в целом по СССР 25,4 %, а на Урале — 28,4 %. Однако достигнуть уров-

ня не только 1928 г., но и 1916 г. по крупному рогатому скоту и свинопоголовью к началу 1940-х гг. не удалось.

Война нанесла тяжелый ущерб животноводству, особенно в западных районах страны. К январю 1943 г. поголовье крупного рогатого скота в СССР сократилось с 54,5 млн голов (на 1 января 1941 г.) до 31,4 млн, численность свиней уменьшилась более чем втрое, овец и коз — почти на четверть. Характерным явлением стал падеж молодняка и сокращение приплода, особенно жеребят и поросят. В начальный период войны в колхозах и совхозах он быстро уменьшался. На Урале это проявилось значительно сильнее, чем в других районах страны. Ухудшение питания при нехватке животноводческих помещений в условиях суровой уральской зимы сказывалось наиболее сильно. Молодняк крупного рогатого скота был выносливее, но и его приплод уменьшился из-за отсутствия на фермах необходимого маточного поголовья.

Сильнейшее влияние оказала война на состояние индивидуального хозяйства крестьян. До войны они имели скота намного меньше, чем колхозы. С ее началом колхозники стали испытывать большие затруднения с кормами. Колхозы не могли выполнять Устав артели и выдавать корм для скота в счет трудодней — его не хватало и для общественного стада. Своих же посевов кормовых колхозники имели очень немного. Их скот оставался фактически без кормов, и многим пришлось забивать молодняк на мясо. Из отдельных видов скота наибольшему сокращению подверглось стадо свиней, для которых требовались дефицитные в условиях войны картофель и концентраты.

Что касается хозяйств рабочих и служащих, то численность скота в них в 1945 г. достигла довоенного уровня. Исключение составили рабочие и служащие, проживающие в сельской местности. В конце войны число коров в их хозяйствах составило в СССР 3,7 млн голов против 3,2 млн в 1940 г. Иное положение сложилось на Урале, где индивидуальные хозяйства рабочих семей получили наибольшее распространение. В Удмуртии численность всех видов скота во владении рабочих и служащих превысила довоенный уровень, в том числе по телятам в 2 раза.

Четвертым пятилетним планом предусматривался значительный рост поголовья скота, для этого принимались меры по укреплению кормовой базы отрасли, усилению племенной

работы, расширению масштабов капитального строительства. Уже в 1947 г. поголовье крупного рогатого скота на Урале превысило довоенный уровень. Численность лошадей возросла незначительно, а овец даже сократилась. В этой ситуации для улучшения положения в отрасли в апреле 1949 г. был принят трехлетний план развития колхозного и совхозного животноводства, что способствовало быстрому росту стада. Только за 1949 г. численность крупного рогатого скота в колхозах региона увеличилась на 15,2 %, в 1950 г. — еще на 7,5 %. Возросло поголовье и других видов скота. Однако в значительной степени рост стада происходил не за счет воспроизводства, а путем принудительного приобретения молодняка, прежде всего телят, у колхозников. В результате, несмотря на высокие темпы роста колхозного стада, общая численность крупного рогатого скота по всем категориям хозяйств сокращалась.

Проведенное исследование свидетельствует о серьезных изменениях в динамике поголовья всех видов скота на протяжении исследуемого периода. Однако более наглядное представление о ней дают показатели ежегодных изменений численности отдельных видов скота по всем категориям хозяйств. Расчеты показывают резкое сокращение численности крупного рогатого скота в первый год войны, когда нехватка кормов и продовольственные трудности заставляли крестьян резать скот. Затем некоторый прирост в 1942 г., вызванный запрещением забивать скот без разрешения районных властей, провал 1943 г. и медленный подъем в 1944—1949 гг. При этом послевоенный период характеризуется депрессией 1946 г., обусловленной неурожаем и острой нехваткой кормов, а также спадом в конце пятилетки вследствие ограничения развития индивидуальных хозяйств. Поскольку сокращение поголовья крупного рогатого скота в годы войны было незначительным, то даже невысокие среднегодовые темпы его роста позволили уже в 1947 г. превысить довоенный уровень.

Если имеются данные за каждый год исследуемого периода, то можно рассчитать среднегодовой темп изменений. Для периода 1944—1949 гг. среднегодовой темп прироста поголовья крупного рогатого скота составлял на Урале 4,0 %. Восстановление свино- и конепоголовья началось на год позднее, а овец — только в 1948 г. Темпы прироста разных видов скота весьма неодинаковы и составили за 1945—1950 гг. по конепоголовью 4,8 %, по сви-

но поголовью — 18,4 %. Различия объясняются особенно значительным (в 2,6 раза) сокращением в годы войны числа свиней.

Важное значение при анализе развития отрасли имеют данные о производстве отдельных видов продукции животноводства. В 1940 г. удельный вес колхозов по численности крупного рогатого скота, овец и коз составлял 39,0 %, свиней — 60,0 %. Однако, имея такое количество скота, артели производили лишь треть (в 1940 г. — 32,3 %) животноводческой продукции. Две пятых продукции (41,4 %) приходилось на долю крестьянских хозяйств, 17,8 % давали хозяйства рабочих и служащих, 7,9 % — государственный сектор и 0,7 % — единоличники.

В первый год войны животноводство на Урале удалось сохранить практически на довоенном уровне. Производство уменьшилось лишь на 3,5 %, а по некоторым видам продукции даже возросло. Достаточно стабильное положение в отрасли объясняется тем, что война меньше затронула кадры животноводов. Как и в довоенные годы, здесь преобладал женский труд. Не произошло существенных изменений и в уровне механизации, и в условиях содержания скота.

Влияние войны на положение в отрасли усиливалось по мере ухудшения дел в земледелии и сокращения кормовой базы. В 1943 г. кормовой баланс большинства хозяйств был крайне напряжен, что сказалось на продуктивности животных. В 1944 г. в стране были предприняты меры по укреплению сельского хозяйства в целом и животноводства в частности. Это позволило уже на следующий год добиться в ряде областей и районов края неплохих результатов и достигнуть довоенного уровня. В животноводстве состояние отрасли определяется воздействием трех факторов: кормовой базы, концентрации скота и плотности стада. Анализ показывает, что наиболее удачно они сочетались в Пермской и Свердловской областях. Здесь на сравнительно высоком уровне сохранилось производство зерновых культур, а картофеля и овощей даже возросло.

Неодинаковые итоги развития отрасли в разных районах Урала подтверждает и динамика ее продукции. Она показывает, что если в Башкирии, Курганской и Челябинской областях валовая продукция животноводства за 1941—1945 гг. сократилась на 24,0 %, а в Удмуртии даже на 39,4 %, то в Пермской и Свердловской областях она возросла. В целом животноводство вышло из войны в гораздо лучшем состоянии, чем земледелие. Об этом свидетельствуют как качественные, так и количествен-

ные показатели развития этих отраслей. Так, если в земледелии размеры производства сократились на треть, то в животноводстве лишь на 17,0 %.

Произошедшие в сельском хозяйстве изменения отразились на структуре валовой продукции, которая обычно достаточно стабильна. Если в 1940 г. соотношение земледелия и животноводства на Урале составляло 72 : 28, то в 1945 г. — 67 : 33. Повышение удельного веса продукции животноводства признается прогрессивной тенденцией, так как растет доля этих продуктов в рационе питания населения. Однако в условиях войны эта тенденция едва ли могла проявиться, поскольку советский народ вел полуголодное существование. Новое соотношение между отраслями объясняется, на наш взгляд, неодинаковыми темпами сокращения производства.

Изменилось и соотношение между отдельными категориями производителей. Укрепление индивидуальных хозяйств колхозников привело к тому, что не только в автономных республиках, но и в Курганской, Пермской областях к концу войны они вышли на первое место по объему животноводческого производства. Колхозы остались на втором месте, а на третьем, потеснив госсектор, оказались хозяйства рабочих и служащих.

В годы четвертой пятилетки объем продукции животноводства увеличился примерно на четверть. Однако темпы прироста были невелики и не охватывали всех областей и видов скота. Быстрее этот процесс шел на Южном Урале медленнее — в нечерноземных районах. Однако в целом в регионе животноводство было развито лучше, чем в среднем по стране.

Война нанесла огромный ущерб сельскому хозяйству страны не только в западных, но и в восточных районах. Количественные и качественные характеристики его заметно ухудшились. За 1941—1945 гг. среднегодовое сельскохозяйственное производство на Урале сократилось на 21,2 % (в СССР на 39,7 %), в том числе в Курганской и Челябинской областях на 26,1 %, в Удмуртии — на 24,4, в Башкирии — на 23,1, в Оренбуржье — на 19,7, в Пермской и Свердловской областях — соответственно на 15,8 и 13,9 %.

Изменилось в годы войны соотношение между различными категориями хозяйств, производящими сельскохозяйственную продукцию. С начала 1930-х гг. самым крупным ее производителем были колхозы. Однако, начиная с 1942 г., отчетливо на-

метилась тенденция сокращения абсолютных размеров животноводческого производства. Стал сокращаться и их удельный вес среди прочих категорий хозяйств. Если в 1941 г. в СССР на долю колхозов приходилось 68,3 % валовой продукции, то в 1942 г. — 66,6, а в 1945 г. — 53,1 %. Несколько выше доля колхозов была на Урале, но и здесь она уменьшилась с 70,6 до 57,5 %. В отдельных районах края удельный вес артелей был неодинаков. Наиболее заметная роль колхозов отмечалась в автономных республиках, Курганской, Оренбургской и Пермской областях. В промышленно развитых областях региона с преобладанием городского населения удельный вес артелей был ниже. Это стало результатом специализации отрасли в рамках формирующейся пригородной зоны, а также роста числа подсобных хозяйств предприятий, многие из которых размещались на колхозных полях.

В государственном секторе, несмотря на сокращение на Урале числа совхозов на треть, размеры производства всю войну оставались примерно одинаковыми. Сокращение масштабов совхозного производства компенсировалось интенсивным созданием подсобных хозяйств промышленных предприятий, организаций и учреждений, число которых многократно возросло. Особенно значительной роль государственного сектора в сельском хозяйстве была в Челябинской области, где на его долю приходилась четверть всей продукции.

Противоречиво развивались индивидуальные хозяйства населения. Тяжелейшее положение с продовольствием в индустриальных центрах Урала дало толчок интенсивному развитию огородничества. Доля хозяйств рабочих и служащих заметно возросла (с 5,1 % в 1941 г. до 10,9 % в 1945 г.) и была значительно выше, чем в среднем по стране. Особенно велика роль хозяйств рабочих и служащих была в Свердловской области, где по объему производства они вышли на второе место после колхозов.

Несмотря на относительный рост, на Урале сократились абсолютные размеры производства колхозного двора. Однако эта тенденция была характерна не для всех районов края и проявлялась неравномерно. Так, если в Башкирии объем производимой колхозниками в своем хозяйстве продукции уменьшился за 1941—1945 гг. на 11,5 %, в Свердловской области — на 18,6, то в Удмуртии почти наполовину — 44,8 %. В Оренбургской и Пермской областях колхозники стали производить продукции боль-

ше, чем до войны, что объясняется стабильностью численности сельского населения. Размеры производства в хозяйствах единоличников уменьшились незначительно (на 8,3 %), что было ниже суммарного сокращения аграрного производства в регионе. Анализ показывает, что индивидуальные хозяйства оказались весьма устойчивыми к разрушающему влиянию войны. В отличие от колхозов и госхозов, производство в них сократилось незначительно. Располагая 3,0–4,0 % посевов, индивидуальные хозяйства населения производили в регионе около трети продукции сельского хозяйства.

Первые послевоенные годы, кроме 1946 г., отмечены ускоренным ростом производства. Темпы восстановления аграрного сектора во всех областях и республиках края были примерно одинаковыми. Наиболее быстро производство восстанавливалось в колхозах, за пятилетку объем его вырос вдвое, а удельный вес с 55,8 % в 1946 г. до 65,6 % в 1950 г. Расширение совхозной системы привело к увеличению доли государственного сектора. Однако, из-за ограничения индивидуальных хозяйств их восстановление шло медленно. Анализ динамики развития сельского хозяйства на Урале в 1940-е гг. показывает, что если объем сельскохозяйственной продукции 1940 г. взять за 100,0 %, то в 1941 г. он составлял 110,0, в 1942 г. — 89,0, в 1943 г. — 610, в 1944 г. — 62,0, в 1945 г. — 72,0, в 1946 г. — 72,0, в 1947 г. — 82,0, в 1948 г. — 90,0, в 1949 г. — 95,0 и в 1950 г. достиг 119,0 %. Из-за особенностей стоимостных показателей тех лет их нельзя признать абсолютно точными, однако они позволяют характеризовать тенденции развития отрасли в целом.

Опираясь на сводные статистические показатели, автор делает вывод о том, что в 1940-е гг. Урал был не только промышленным, но важным аграрным районом страны. Главным производителем сельскохозяйственной продукции была Башкирия. В исследуемый период на ее долю пришлось 22,6 % регионального сельскохозяйственного производства. За ней следовали Оренбуржье (16,5 %), Пермская (14,8 %), Свердловская (13,6 %), Челябинская (12,8 %), Курганская (10,6 %) области и Удмуртия (9,1 %). Всего за исследуемый период аграрный сектор на Урале произвел 8,1 % валовой сельскохозяйственной продукции СССР. Это достаточно много, если учесть, что в регионе проживало примерно 7,5 % населения страны, а удельный вес горожан превышал средние показатели по СССР. Расчеты показывают,

что сельское хозяйство на Урале носило более интенсивный характер, чем в большинстве регионов страны. В 1950 г. на душу сельского населения края аграрный сектор производил продукции, в среднем, на 287 руб. против 237 руб. по России и 224 руб. по СССР. Наиболее интенсивно сельское хозяйство развивалось на Южном Урале. Так, в Челябинской области в расчете на сельского жителя, стоимость произведенной продукции составляла 440 руб., в Курганской 437, в Оренбургской — 359 руб. В нечерноземных районах этот показатель был намного ниже, но также превышал средний по стране уровень.

По характеру хозяйственного использования валовая продукция сельского хозяйства подразделялась на потребляемую сельхозпредприятиями для собственных нужд и реализуемую (товарную) продукцию. Важнейшей составляющей при формировании товарной продукции были заготовки сельскохозяйственных продуктов, т.е. получение их государством непосредственно у производителей. Взимание поставок, особенно обязательных, проходило с трудом. Это объяснялось установленным накануне войны порядком начисления объемов, а также несоответствием между размерами облагаемых земельных угодий и экономическим потенциалом хозяйств. Изменения в политике заготовок, введенные накануне войны, подходили для тех районов, где были необходимые условия для расширения базы производства. На Урале колхозы не имели возможности осваивать новые земли и увеличивать плотность стада. Новый принцип начисления обязательных поставок приводил к выкачиванию из уральских колхозов основной части произведенной продукции. Это влекло за собой сокращение стада, уменьшение семенных, фуражных, продовольственных и прочих фондов и отрицательно сказывалось на состоянии производства.

Завышенные нормы поставок означали уменьшение оплаты по трудодням, что вызывало отток трудоспособного населения из деревни. Новый порядок начисления поставок продолжал действовать и в военное время, хотя в тех условиях расширять и эффективно попользовать всю пашню было практически невозможно. В результате уральские области планы поставок по всем видам заготовок, как правило, не выполняли. Сложилось нетерпимое положение, когда большинство колхозов оказались недоимщиками по многим видам продукции

и не имели перспектив по ним рассчитаться. Применение самых жестких административно-правовых рычагов не давало в этой обстановке ощутимых результатов.

Система заготовок настолько противоречила реальному положению дел в сельском хозяйстве, что это грозило окончательно подорвать экономику. Поэтому в 1944–1945 гг. в стране были приняты меры по совершенствованию налогообложения, приведению его в соответствие с экономическим потенциалом хозяйств. Исключение из обложения части земель, списание недоимок, снижение норм сдачи сельскохозяйственной продукции облегчили положение. Благоприятно сказалось и общее улучшение, наступившее на заключительном этапе войны.

В послевоенные годы восстановление отрасли позволило существенно увеличить заготовки и закупки продукции: был превышен довоенный уровень по сахарной свекле, мясу и молоку. Дальнейшее расширение и укрепление продовольственной базы вокруг промышленных центров Урала привело к росту заготовок картофеля и полному обеспечению потребностей в нем городского населения. Значительно выросли заготовки зерна, однако уровня 1940 г. достигнуть не удалось.

После окончания войны большое внимание уделялось организационно-хозяйственному укреплению артелей. Принимаемые меры носили противоречивый характер. С одной стороны, возвращение расхищенного колхозного имущества, погашение дебиторской задолженности способствовало укреплению экономики хозяйств. С другой, передача колхозам земель, превращенных в годы войны в подсобные хозяйства предприятий и огороды рабочих и служащих, серьезно подрывали экономику артелей. Колхозы на Урале не могли освоить всю закрепленную за ними землю, однако налоги с нее вынуждены были платить. В результате резко увеличились недоимки по обязательным поставкам. В первые послевоенные годы они возросли даже по сравнению с периодом войны. На протяжении второй половины 1940-х гг. задолженность по поставкам последовательно возрастала, превысив к концу десятилетия годовые планы заготовок и закупок зерна по всем вместе взятым категориям хозяйств. Трудно шло взимание поставок с крестьянских хозяйств вследствие небольших масштабов производства в них и тяжелого материального положения сельчан. Основная часть крестьян на Урале являлись недоимщи-

ками. Тем не менее, используя внеэкономические стимулы, государство получало из села сельскохозяйственную продукцию. За 1940-е гг. на Урале было заготовлено и закуплено 23 038,9 тыс. т зерна, что составило 10,0 % его заготовок в СССР, 3 617,8 картофеля (6,8 %), 966,6 овощей (5,5 %), 116,4 сахарной свеклы (0,2 %), 28,7 льноволокна (2,5 %), 66,4 семян подсолнечника (1,1 %), 4,4 махорки (0,9 %), 1 678 сена (8,3 %), 1 239,9 скота и птицы в живом весе (8,5 %), 5 112,6 молока и молочных продуктов в пересчете на молоко (10,4 %), 43,2 тыс. т шерсти (4,8 %), 791,6 млн штук яиц (9,0 %).

Подводя итоги исследования, автор приходит к выводу о том, что в 1940-е гг. для народного хозяйства СССР было характерно господство внеэкономических методов управления, резкое ограничение товарно-денежных отношений, полная ликвидация самостоятельности производителей. В наибольшей степени это проявилось в сельском хозяйстве, за счет которого и производилась значительная часть накоплений.

Результаты развития сельского хозяйства на Урале свидетельствуют о том, что Великая Отечественная война создала для него огромные трудности. Обстановка в отрасли здесь была более тяжелой, чем во многих тыловых районах. Отток рабочей силы и квалифицированных кадров, ослабление материально-технической базы — эти трудности были характерны для всей страны. Однако на Урале они проявились наиболее сильно. Анализ показывает, что не только 1942 г., как это было в других отраслях экономики, но и 1943 г. не стали для сельского хозяйства переломными. Сильнее всего сельскохозяйственное производство сократилось на Южном Урале. В нечерноземных районах, где нагрузка на крестьян была ниже, а специализация хозяйств шире, оно уменьшилось не столь значительно. С 1944 г. начинается восстановление сельского хозяйства, позволившее всем областям и республикам Урала превзойти в 1950 г. довоенный уровень производства отрасли.

Изучение исторического опыта сельскохозяйственного освоения края показывает, что Урал являлся не только индустриальным, но и важным аграрным районом страны. В 1940-е гг. сельское хозяйство Урала обеспечивало собственное население основными продуктами питания и давало часть продукции в общесоюзный фонд. Роль колхозов в эти годы уменьшилась, однако они по-прежнему оставались главными произво-

дителями сельскохозяйственной продукции. Именно колхозы спасли наш народ от всеобщего голода, однако достигнуто это было за счет колоссальных усилий и огромных жертв. Напротив, индивидуальные хозяйства оказались более устойчивыми в экстремальных условиях военных и первых послевоенных лет. Представляется, что более эффективная политика кооперирования могла бы даже в годы тяжелой войны обеспечить больший объем сельскохозяйственного производства.

Анализ социально-экономического развития уральской деревни и 1940-е гг. показывает, что выработка трудодней колхозниками края значительно превышала общесоюзный уровень, удельный вес привлеченных за невыполнение обязательного минимума трудодней крестьян был выше, натуральная оплата за работу в общественном хозяйстве ниже, а размеры индивидуального хозяйства меньше, чем во многих районах страны. При этом, в расчете на деревенского жителя, сельское хозяйство края производило продукции значительно больше, чем в среднем по РСФСР и СССР. Выше была на Урале и доля товарной продукции. Из деревни часто выкачивали даже ту часть прибавочного продукта, которая шла на возобновление простого воспроизводства. При этом на Урале как крестьянские дворы, так и сельхозпредприятия являлись хроническими недоимщиками по многим видам сельскохозяйственной продукции одновременно, не имели перспектив по ним рассчитаться и испытывали на себе всю мощь административно-правовых рычагов тоталитарного режима. Все это неоспоримо, свидетельствует о максимальной экономической эксплуатации уральской деревни в те годы.

В 1944—1950 гг. происходит укрепление материально-технической базы отрасли, улучшается положение с кадрами, больше внимания уделяется агротехнике. Однако в стране не были решены коренные вопросы колхозно-совхозного строительства, и в первую очередь налогообложения и оплаты труда. Практически не развивалась социальная инфраструктура на селе. Негативную роль сыграла и натурализация в 1930-е гг. экономических отношений между селом и государством. После войны стратегическая линия на отказ от товарных форм и переход к натуральному обмену осталась неизменной. Поэтому предпринимаемые усилия по укреплению колхозного строя означали, с одной стороны, подъем хозяйства артелей, а с другой — дальнейшее развитие командно-

административной системы управления ими, консервацию экономики «казарменного социализма».

В 1940-е гг. сложившаяся система управления сельским хозяйством оказывала противоречивое воздействие на положение в отрасли. С одной стороны, высокая централизация управления помогала сельхозпредприятиям легче адаптироваться к экстремальным условиям военного времени — в годы Великой Отечественной войны сверхцентрализм и государственное принуждение сыграли положительную роль в мобилизации всех ресурсов на развитие отрасли. Однако очевидно и другое. Полное отсутствие хозяйственной самостоятельности и материальной заинтересованности, некомпетентное руководство и нарушение законности тормозили ее дальнейшее развитие. Имелись и объективные причины отставания, связанные с нехваткой средств у государства. В результате в начале 1950-х гг. в сельском хозяйстве Урала отчетливо проявилась тенденция к спаду.

Валовая продукция сельского хозяйства СССР в годы Великой Отечественной войны (региональный аспект)*

Валовая продукция сельского хозяйства определяется в натуральных показателях и в стоимостной форме. Основным методом учета продукции является ее натуральное измерение в физических единицах. Однако нельзя ограничиваться только этим. Во-первых, разнообразие продуктов не позволяет без приведения их к единому измерению суммировать результаты производства в отдельных хозяйствах, районах, областях. Во-вторых, наряду с готовой продукцией следует учитывать и незавершенное производство. Поэтому в статистике сельского хозяйства важная роль отведена стоимостным показателям, хотя они, особенно за 1930—1940-х гг., имеют недостатки. Не будучи точными по своим абсолютным показателям, данные о валовой продукции в стоимостном выражении позволяют определить основные тенденции развития сельскохозяйственного производства, выявить роль отдельных категорий хозяйств и целых регионов в продовольственном балансе страны.

* Ранее опубликовано в кн. : 50 лет Победы в Великой Отечественной войне // Материалы науч. конф. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1995. — С. 52—53.

В 1940 г. стоимость валовой продукции сельского хозяйства СССР определялась в 22,0 млрд руб. (цены 1926/27 г.). Самым крупным ее производителем являлась Россия (56,1 %), далее следовали Украина (22,1 %), Казахстан и республики Средней Азии (10,4 %), Закавказье (3,3 %), Белоруссия (3,6 %) и т.д. Великая Отечественная война нанесла огромный ущерб огромному аграрному сектору народного хозяйства страны. В 1941 г. стоимость валовой продукции сельского хозяйства СССР составила 17,2 млрд руб., в 1942-м — 11,1 млрд руб. Анализ развития сельского хозяйства страны показывает, что не только 1942 г., как это было в других отраслях военной экономики, но и 1943 г. не стали для него переломными. Некоторый подъем наступил лишь на заключительном этапе войны. В 1944 г. стоимость валовой продукции сельского хозяйства СССР составила 13,4, а в 1945 г. — 14,2 млрд руб. (64,5 % от довоенного уровня).

Сельскохозяйственное производство сократилось во всех регионах СССР, однако в наибольшей степени — на временно оккупированных территориях: в 1944 г. его объем на Украине составил 52,0 % от довоенного уровня, в Белоруссии — 53,0, в Молдавии — 60,0, в республиках Прибалтики — 75,0 %. Значительно меньше продукции сельское хозяйство стало давать и в тыловых районах страны. В Казахстане и республиках Средней Азии в 1944 г. его объем составил 70,0 % довоенного уровня, в Закавказье — 82,0 %. На 1/3 сократилось производство в России. Особенно пострадали районы Севера, Северо-Запада, Северного Кавказа, Поволжья и ЦЧР, т.е. территории, частично пострадавшие в ходе войны. Объем производства в них сократился в среднем на 1/2. Среди тыловых районов сильнее всего — на 1/3 — уменьшилось производство на Урале и в Сибири. Их высокомеханизированное зерновое хозяйство пострадало в наибольшей степени. Более устойчивым оказался аграрный сектор на Дальнем Востоке (78,0 % от довоенного уровня), а также в центрально-нечерноземной зоне (82,0 %), хотя она частично оказалась в зоне военных действий.

Изучение вклада отдельных территорий в продовольственный баланс СССР показывает, что, как и до войны, большую часть сельскохозяйственной продукции в 1941–1945 гг. производила РСФСР. В 1942 г. ее доля в аграрном производстве достигла своего максимума — 82,7 %, а затем, по мере освобождения, в первую очередь Украины, стала снижаться, составив в

1943 г. — 69,5 %, в 1944 — 58,1, а в 1945 г. — 55,9 %, сравнявшись с довоенным уровнем. В целом за годы Великой Отечественной войны Россия произвела 2/3 сельскохозяйственной продукции СССР. По имеющимся данным, за 1942—1945 гг. на долю Украины пришлось 15,9 % общесоюзного производства, Казахстана и республик Средней Азии — 15,0 %, Закавказья — 4,9 %, республик Прибалтики — 2,7 %, Белоруссии — 2,6 % и т.д.

В России крупными производителями продукции сельского хозяйства остались районы центрально-черноземной зоны. На их долю пришлось 17,5 % союзного производства. На втором месте среди регионов России по размерам производства находился Урал (9,2 %), далее следовала Западная Сибирь (7,9 %), Поволжье (7,3 %), Северный Кавказ (6,5 %), Центрально-Черноземный район (6,4 %), Восточная Сибирь (3,5 %), Север (1,9 %), Дальний Восток (1,3 %) и Северо-Запад (0,9 %).

Электрификация сельского хозяйства Урала в 1940—1950-е гг. *

В годы довоенных пятилеток в СССР наряду с развитием механизации велись работы по сельской электрификации. В результате в 1940 г. электроэнергией в стране пользовались 4,0 % колхозов, 35,0 % МТС и 20,0 % совхозов (на Урале соответственно 2,6; 24,0 и 31,0 %). В период Великой Отечественной войны, несмотря на тяжелейшие условия, в тыловых районах страны продолжалась электрификация деревни. За 1941—1945 гг. на Урале электроэнергию получили 334 колхоза, 115 МТС и 37 совхозов. В результате доля электрифицированных сельскохозяйственных предприятий возросла и составила среди колхозов 6,7 %, МТС — 30, совхозов — 44 % [1]. Однако по-прежнему основная часть электроэнергии в них шла на освещение.

В первые послевоенные годы в стране широко развернулось строительство сельских электростанций. Наибольшее развитие получило сооружение на малых реках гидроэлектростанций небольшой мощности. Строились и тепловые станции, а также трансформаторные подстанции подключения для сельских потребителей к государственным энергосистемам. В ходе электрификации большую помощь селу оказывали промыш-

* Ранее опубликовано в кн. : *Летопись уральских деревень*. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1995. — С. 68–69.

ленные предприятия. Они помогали колхозам и совхозам в проектировании и строительстве электростанций, выделяли необходимое оборудование. В результате мощность сельских электростанций возросла, а число сельских потребителей заметно увеличилось. В 1950 г. в СССР электроэнергию получали уже 15 % колхозов, 80 % МТС и 76 % совхозов.

Высокими темпами электрификация села в эти годы шла и на Урале. К концу четвертой пятилетки в Свердловской области электроэнергию получали 87,0 % колхозов и 98,0 % МТС. Пользовались ею и 28 совхозов области из 29. Быстро развивалась сельская электрификация в Пермской и Челябинской областях и Удмуртии, имеющих мощный промышленный потенциал. Курганская и Оренбургская области и особенно Башкирия по масштабам сельской электрификации заметно отставали, что объясняется ограниченностью фондового снабжения материалами и оборудованием. Всего в 1950 г. электроэнергию на Урале получали 28,0 % колхозов, 64,0 % МТС и 86,0 % совхозов, что превышало средний по стране уровень сельской электрификации [2].

Проводимая в 1940-е гг. электрификация требовала от сельхозпредприятий крупных затрат, однако многие электростанции строились по недоброкачественным проектам и сдавались в эксплуатацию с крупными недоделками при низком качестве работ. По этой причине, а также из-за необеспеченности запасными частями и при нехватке квалифицированного эксплуатационного персонала, большая часть электростанций, особенно в колхозах, работала ненадежно и с большими перебоями.

В середине 1950-х гг. в стране наметился поворот в сторону улучшения качества сельской электрификации, возрастанию ее масштабов. Были отменены ограничения в использовании для сельского хозяйства государственных централизованных энергоисточников и на строительство в колхозах электростанций, работающих на жидком топливе. Улучшилось и материально-техническое снабжение сельских электростанций. Это позволило многим сельхозпредприятиям активизировать работу по использованию электроэнергии для механизации трудоемких процессов сельскохозяйственного производства. По данным на конец 1955 г., на Урале 83,0 % совхозов применяли электроэнергию в земледелии и 79,0 % в животноводстве (в том числе 56,0 % хозяйств использовали ее при заготовке кормов, 62,0 % для водоснабжения животноводческих ферм, 29,0 % имели доильные машины и т.д.) [3].

В целом, за 1954—1958 гг. потребление электроэнергии в колхозах Урала возросло приблизительно в 2,4 раза, в совхозах — в 3 раза. К концу 1950-х гг. электрификация совхозов была в основном завершена.

В 1960 г. лишь 6,3 % их оставались не электрифицированными. Доля неэлектрифицированных колхозов на Урале была гораздо выше — 22,0 %, половина из них находилась в Башкирии. Однако, несмотря на высокий удельный вес электрифицированных хозяйств, большая часть их (61,0 % колхозов и 54,0 % совхозов) получали электроэнергию от своих малоэкономичных и часто работающих с перебоями электростанций малой мощности, что ограничивало ее применение в производстве [4].

Таким образом, если до Великой Отечественной войны электроэнергию на селе использовали почти исключительно для освещения, то в 1940-е и особенно в 1950-е гг. ее стали применять и для нужд сельского хозяйства. Но это было только начало, поскольку колхозы в большинстве своем не располагали средствами для строительства электростанций. Там же, где электростанции удавалось построить, их малая мощность и ненадежность не позволяли широко использовать электроэнергию в производстве. В середине 50-х гг. темпы электрификации деревни заметно ускорились. Все эти годы уровень энергообеспеченности сельских потребителей неуклонно повышался, однако при этом он оставался неодинаковым для разных категорий хозяйств. В совхозах он был выше, чем в колхозах, в некоторых областях обгонял средний по стране уровень, в других отставал от него. Наивысший уровень сельской электрификации был в областях, обладающих мощным промышленным потенциалом. Однако и там он еще далеко не удовлетворял потребности села.

Примечания

1. ГАРФ. Ф. 374, оп. 14, д. 4401, л. 8, 47, 56; Д. 4402, л. 7, 33, 53, 64.
2. РГАЭ. Ф. 8375, оп. 1, д. 579, л. 10; ГАРФ. Ф. 374, оп. 14, д. 4401, л. 8, 47, 56; Д. 4402, л. 7, 33, 53, 64.
3. ГАРФ. Ф. 374, оп. 30, д. 6211, л. 49—56.
4. ГАРФ. Ф. 374, оп. 31, д. 6746, л. 103; ЦГИА РБ. Ф. 472, оп. 9, д. 2357, л. 64, 65.

Хлебный фонд РККА *

Хлебный фонд РККА — одна из форм заготовок сельскохозяйственной продукции в годы Великой Отечественной войны, создан на основе постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 10 июля 1942 «О создании из урожая 1942 года хлебного фонда Красной Армии» в размере 145 млн пудов для удовлетворения потребностей Красной Армии в хлебе. Поставки хлеба имели силу налога. В случае невыполнения плана сдачи сельскохозяйственной продукции в Хлебный фонд предусматривались такие же санкции, как и при невыполнении обязательных поставок. В декабре 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление «О разрешении приема хлеба в фонд Красной Армии из личных запасов хлеба колхозников». Внесенное из личных запасов зерно засчитывалось в общий план выполнения хлебосдачи колхозами. Колхозники сдавали свои продукты, помогая артелям рассчитываться с государством. В колхозе «Политотделец» колхозники И.М. Кротков, А.А. Прокопьев, И.А. Прокопьев, М.А. Прокопьев, С.Г. Швырков внесли из личных запасов более 2 пудов хлеба каждый. В 1943 г. колхозники Верхне-Муллинского района Пермской области сдали в Хлебный фонд 0,3 тыс. т зерна, Верхне-Городковского района — 0,1 тыс. т. Всего колхозы СССР сдали в Хлебный фонд в 1942 г. 2 млн т зерна, в 1943 — 1 443,2, в 1944 — 1 742,5 тыс. т, колхозы Курганской области за 1942–1944 гг. — 23,8 тыс. т, Оренбургской — 39,7, Пермской — 104,3, Свердловской — 46,6 тыс. т. Сдача зерна в Хлебный фонд РККА составляла 4,0–5,0 % всех поставок зерна государству и сыграла свою роль в обеспечении страны хлебом.

Совхозы*

Совхозы — государственные сельскохозяйственные предприятия. Впервые созданы в 1917 г. на базе конфискованных помещичьих имений. Были призваны демонстрировать крестьянам преимущества крупного сельскохозяйственного производ-

* Ранее опубликовано в кн. : *Уральская историческая энциклопедия*. — Екатеринбург : ИИ и А УрО РАН, 1998. — С. 568.

* Ранее опубликовано в кн. : *Уральская историческая энциклопедия*. Екатеринбург : ИИ и А УрО РАН, 1998. — С. 486 (в соавторстве с М.Н. Денисевичем).

ства, основанного на общественной собственности, активно содействовать переустройству села. Имущество совхозов являлось государственной собственностью и закреплялось за ними на условиях полного хозяйственного ведения. В ноябре — декабре 1917 г. на базе национализированных имений на Урале организовано 8 совхозов. Процесс их создания интенсивно проходил в 1918 г. К концу 1918 г. на Урале насчитывалось около 100 совхозов. Они располагали значительной по тем временам материально-технической базой. Совхоз, организованный в бывшем имении Покровских Челябинского уезда Оренбургской губернии, имел 1,6 тыс. десятин земли, 312 сельскохозяйственных машин, паровую мельницу, винокуренный завод и др. В годы колчаковского правления совхозы прекратили свою деятельность, однако после ликвидации колчаковщины быстро восстановились. В годы коллективизации совхозы, особенно крупные, стали опорными пунктами колхозного движения. За годы первой пятилетки число совхозов в Уральской области возросло с 52 до 277. В 1940 г. на Урале насчитывалось 330 совхозов, которые относились к наркомату совхозов, наркомату пищевой промышленности и тресту пригородных хозяйств. Их земельный фонд составлял 6,6 млн га, среднегодовое число рабочих — 96 тыс. человек. В годы Великой Отечественной войны большинство совхозов было реорганизовано в подсобные хозяйства промышленных предприятий. После войны начался обратный процесс восстановления совхозов. В 1950 г. из 296 уральских совхозов 92 находились в Оренбургской области, 53 — в Челябинской, 51 — в Курганской, 50 — в Башкирии. Преодоление затяжного аграрного кризиса в послевоенный период советское государство связывало с форсированным развитием совхозного производства, ликвидацией индивидуальных (приусадебных) хозяйств. Постепенное огосударствление всех форм сельскохозяйственного производства рассматривалось как магистральное направление сельского хозяйства. С середины 1950-х гг. численность совхозов быстро возрастала, что было связано с освоением целинных и залежных земель, массовым преобразованием колхозов в совхозы.

На Урале перевод колхозов в совхозы начался в 1957 г. Число совхозов составило в 1960 г. — 450, в 1970 г. — 915, в 1985 г. — 1285. Удельный вес государственного сектора в валовой продукции сельского хозяйства Урала вырос с 13,0 % в 1951 г. до 26,0 % в 1960 г. и 58,0 % в 1985 г. Совхозы развивались как многоотраслевые

хозяйства. Они выращивали крупный рогатый скот, свиней, овец, коз, производили все виды зернобобовых и отдельные виды технических культур. С середины 1960-х гг. в связи с возросшим спросом на сельскохозяйственную продукцию начался переход от универсальности к одно- и двухотраслевой специализации, постепенный перевод совхозного производства на индустриальную основу. Был взят курс на создание вокруг промышленных центров Урала пригородных совхозов, главная задача которых состояла в круглогодичном обеспечении городского населения картофелем, капустой, зеленым луком, огурцами. В 1970—1980-е гг. развернулось массовое строительство тепличных комплексов. Пригородные совхозы, созданные на основе агропромышленной интеграции города и села стали наиболее эффективным сектором сельского хозяйства. Среди них — опытно-показательное хозяйство «Исток» в Свердловской области, Верхне-Муллинский, Савинский, Мотовилихинский совхозы Пермской области. Совхозы, как форма организации труда, оправдали себя в зерновых районах Южного Урала, где требовалась высокая степень промышленной технологии. На долю Южного Урала в 1980-е — первой половине 1990-х гг. приходилось более 80,0 % общего производства зерна на Урале. Совхозы северных районов Урала изначально создавались как планово-убыточные. Размеры убытков и число убыточных совхозов были выше, чем в колхозном секторе. В 1970 г. на Урале насчитывалось 32,0 % убыточных совхозов, в 1980-х гг. — 61,0 %, в начале 1990-х гг. — абсолютное большинство. В своей основе совхозная форма организации сельскохозяйственного производства оказалась неэффективной, так как работники совхозов, отчужденные от собственности и управления, выполняли функции наемных работников. С 1990-х гг. началась реорганизация совхозов в акционерные общества, товарищества, ассоциации.

Землевладение и землепользование *

Землевладение и землепользование — порядок, условия и формы владения и пользования землей, установленные обычаем или законом. Стихийная крестьянская колонизация, оп-

* Ранее опубликовано в кн.: *Уральская историческая энциклопедия*. — Екатеринбург : ИИ и А УрО РАН, 1998. — С. 209—219 (в соавторстве с В.Л. Берсеньевым, М.Н. Денисевичем, И.В. Побережниковым).

ределявшая процесс заселения и хозяйственного освоения Урала в XVI–XVII вв., обусловила преобладание в регионе землевладения крестьян, а также служилых людей. При этом государство выступало в роли верховного собственника земельного фонда, а крестьяне — в роли его пользователей. Черносозные крестьяне Поморья, составлявшие подавляющую массу переселенцев на Урал, сохранили общинные формы землевладения и землепользования с долевым подразделением и широкой свободой отчуждения земель. Доля монастырско-церковного и дворцового землевладения в XVII в. на Урале была невелика. Слабое развитие получило помещичье землевладение (исключение составляют крупные вотчины «именитых людей» Строгановых).

В XVIII в. ведущую роль в землевладении и землепользовании сохраняли государственные крестьяне. Существенно выросли крупные частные владения — латифундии Строгановых, Лазаревых, Голицыных, Демидовых, Яковлевых, Всеволожских и других, представлявшие собой обширные горнозаводские дачи. С середины XVIII в. (в частности, после указа 11 февраля 1736 г., разрешившего свободную покупку башкирских земель) растет мелкое помещичье землевладение на Южном Урале. Наблюдается рост монастырского землевладения, подорванного секуляризацией 1764 г. В первой половине XIX в. крестьяне продолжали сохранять ведущие позиции в землевладении и землепользовании. Им принадлежало 37,8 млн десятин (58,0 %), в т.ч. 6,4 млн пашни (84,0 % всех пахотных угодий Урала). На долю помещиков и заводчиков — латифундистов приходилось 9,3 млн десятин (14,0 % территории Урала), в т.ч. 669 тыс. пашни (9,0 % всей пашни). Больше всего помещичьих земель было в Пермской (5,2 млн) и в Оренбургской губерниях (4 млн). Во владении удельного ведомства находилось 789 тыс. десятин (1,0 %), во владении казны — 17,4 млн десятин (27,0 %).

В пореформенный период наблюдается процесс сокращения дворянского землевладения. Активизируется мобилизация земли и формирование внесословного земельного рынка. Среди скупщиков и арендаторов преобладали купцы и крестьяне.

Изменения в землевладении и землепользовании в начале XX в. были связаны со Столыпинской аграрной реформой. После Октябрьской революции путем конфискации и национализации была ликвидирована частная, наделная и иные формы собствен-

ности на землю. Земля переходила в исключительную собственность советского государства. Сельским товаропроизводителям вне зависимости от формы организации производства земельные участки предоставлялись на праве пользования.

В Уральской области в 1924/25 г. удельный вес социалистического сектора в посевных площадях составил 0,77 %, частного — 99,23 %.

В период коллективизации произошли изменения в землепользовании. В бесплатное и бессрочное («вечное») пользование земля была передана колхозам, совхозам и другим государственным и кооперативным аграрным предприятиям и организациям бесплатно, и во временное пользование — гражданам. Согласно Уставам сельскохозяйственной артели 1930 и 1935 гг. участок земли выделялся каждому колхозному двору в размере 0,15–0,5 га в зависимости от района. Рабочие, служащие, не являвшиеся членами колхоза, а также учителя и медработники, получали в пользование земельные участки до 0,15 га. Площадь полевого надела единоличников ограничивалась 1 га: приусадебный участок — 0,2 га (индивидуальные приусадебные хозяйства).

Земельная площадь распределялись на: 1) земли сельскохозяйственного назначения (земли колхозов, совхозов, подсобных хозяйств, предприятий, учреждений и организаций), госземфонда, гослесфонда; 2) земли не сельскохозяйственного назначения (земли промышленности, транспорта и пр.); 3) земли колхозников, рабочих, служащих. Основными землепользователями земельного фонда были колхозы и совхозы. На их долю приходилось более 50,0 % всего земельного фонда. Посевные площади выросли в период с 1940-го по 1960 г. в 1,5 раза. С 1970 г. наблюдается тенденция их сокращения. Среди пользователей посевными площадями ведущее место занимали колхозы, совхозы и другие государственные хозяйства (88,0 % в 1985 г.). На долю индивидуального сектора приходилось 1,6 %. С начала 1990-х гг. в связи с реформированием аграрных отношений появились новые категории землевладельцев и землепользователей: крестьянские хозяйства, акционерные общества, товарищества, ассоциации и т.д.

Зерновое хозяйство *

Зерновое хозяйство — отрасль растениеводства, специализирующееся по возделыванию зерновых и зернобобовых культур. Южный Урал в VI—III тыс. до н.э., вероятно, входил во вторичный очаг (восточно-европейской степи) установления производящего хозяйства с элементами земледелия, во II тыс. до н. э. оно распространилось до южных районов лесостепей зоны Приуралья и Зауралья, превратившись в самостоятельную отрасль экономики (предположительно, возделывали пшеницу, ячмень, просо). В середине I тыс. до н.э. земледелие проникло в южные районы лесного Приуралья. С XIV—XV вв. южные манси занимались пойменным земледелием (ячмень, рожь), перенивая его у сибирских татар.

После русской колонизации здесь выращивали озимую и яровую рожь (ядрицу), овес, ячмень, пшеницу, гречиху, просо, горох, полбу, чечевицу. Удельный вес зерновых культур в структуре сельскохозяйственного производства менялся в зависимости от природно-климатических условий, опыта народной агрономии, развивавшихся товарно-денежных отношений. В первой половине XVIII в. основными культурами, возделываемыми во всех районах Урала, были озимая рожь, яровые овес, ячмень. Во второй половине XVIII в. наметилась специализация — в восточных и южных районах озимые постепенно вытеснялись яровыми, в т. ч. такими высокотоварными культурами, как пшеница и полба. Наибольшее количество посевных площадей было занято пшеницей в Шадринском, Камышловском, Екатеринбургском уездах, полбой — в Шадринском и Оханском уездах, просом — в Шадринском уезде, гречихой — в Пермском, Оханском, Шадринском, Красноуфимском уездах. Урожайность озимой ржи на Южном Урале доходила до сам-8, на Севере составляла сам-4, ячменя и овса — сам-4.

В первой половине XIX в. удельный вес яровых хлебов продолжал возрастать. В Пермской губернии (1843—1860 гг.) яровой клин был больше озимого в три раза. Предуральские уезды Пермской губернии специализировались преимущественно на про-

* Ранее опубликовано в кн.: *Уральская историческая энциклопедия*. — Екатеринбург: ИИ и А УрО РАН, 1998. — С. 211—212 (в соавторстве с С.В. Голиковой и М.Н. Денисовичем).

изводстве озимых, зауральские — яровых. В производстве яровых культур в зависимости от природно-климатических зон Урала также прослеживались определенные различия. На юге Пермской, Вятской и Оренбургской губерний более значительными были посевы пшеницы. В нечерноземной полосе преобладали посевы ржи, овса, в черноземной — пшеницы, овса, ячменя, проса, гречихи, полбы. Средняя урожайность озимой ржи на Южном Урале была выше сам-4, яровых выше сам-3. Во второй половине XIX — начале XX в. главные хлеба — рожь, пшеница, овес, ячмень занимали 96,0–99,0 % площади посевов и давали 94,0–99,0 % сбора урожая при средней урожайности в крестьянских хозяйствах ржи 36–47, овса 39–51, пшеницы 34–50, ячменя 38–51 пуд. с десятины.

Социально-экономические последствия Октябрьской революции и гражданской войны тяжелейшим образом отразились на сельском хозяйстве Урала. Посевные площади за 1916–1922 гг. сократились на 66,0 %, производство зерновых — на 63,0 %. Заготовка хлеба проводилась продотрядами на основе продразверстки. Сельскохозяйственный кризис на Урале продолжался до 1923 г. и сопровождался массовым голодом. Восстановление производства зерновых было осуществлено на базе нэпа мелкими крестьянскими хозяйствами. Валовая продукция зерновых в Уральской области выросла с 41,5 млн пудов в 1921 г. до 242,7 млн пудов в 1925 г., т.е. более чем в 5 раз. В 1925 г. посевные площади Уральской области составили 90,0 % и валовой сбор зерновых — 94,0 % к довоенному уровню. Единоличным сектором произвел 99,4 %, социалистический — 0,6 % от всего объема зерновых.

Коллективизация ускоренными темпами ликвидировала индивидуальные крестьянские хозяйства, которые были основным производителем зерна. Колхозам и совхозам отводилась главная роль в его производстве. Тем самым государство, введя монополию на производство, изъятие и распределение зерновых, получило неограниченную возможность влияния на общество и управления гражданами. Форсированное создание колхозов и совхозов не ликвидировало кризис хлебозаготовок 1928 г. Принудительное изъятие не только товарного, но и необходимого для воспроизводства зерна у колхозов, совхозов, коммунаров, единоличников вызвало голод. Произошло резкое падение урожайности и валового сбора зерновых. Если в 1928 г. индивидуальными крестьянскими хозяйствами Урала

было собрано 8 493 тыс. т при урожайности 9,1 ц с га, то в 1932 г. все категории хозяйств произвели 6 262 тыс. т при средней урожайности 5,5 ц с га.

В ходе коллективизации произошло сокращение доли зерновых в структуре посевных площадей. В 1913 г. удельный вес зерновых составлял 95 %, в 1928 г. — 93, в 1940 г. — 84,0 %. В последнем предвоенном году посевы зерновых занимали 12,2 млн га. На долю региона приходилось 9,6 % общесоюзного производства зерна. В годы Великой Отечественной войны зерновое хозяйство Урала, особенно его южных районов, пострадало в наибольшей степени. Изменилась и структура посевов зерновых. Сократились посевы яровой пшеницы, возросли — озимой ржи, которая лучше переносит ухудшение агротехники. В результате в 1945 г., по отношению к 1939 г., посевы зерновых на Урале сократились на треть, валовой сбор зерна — наполовину.

В первые послевоенные годы восстановлению производства зерновых уделялось большое внимание, однако повышение урожайности шло медленно, валовые сборы заметно колебались. С 1953 г. на Урале предпринимались энергичные меры по подъему сельского хозяйства. Одной из них стало освоение целины. Благодаря ее распашке в 1950-е гг. посевы на Урале возросли в 1,4 раза, прирост произошел за счет зерновых и кормовых культур. Изменилась структура посевов зерновых. Быстро рос удельный вес яровой пшеницы, в основном за счет южных районов Урала. В 1960 г. на ее долю приходилось 57,0 % всех посевов зерновых в регионе. Росли посевы твердой и сильной пшеницы, в нечерноземных областях расширились посевы зернофуражных культур. Освоение целинных земель сыграло решающую роль в увеличении производства зерна. Если в годы четвертой пятилетки среднегодовой сбор зерна на Урале составлял 5,9 млн т, то в годы пятой — 12,2 млн т. Весь прирост произошел за счет южноуральских областей, особенно Оренбуржья.

На рубеже 1950—1960-х гг. сельское хозяйство Урала столкнулось с трудностями, вызванными повсеместным внедрением пропашной системы, насаждениями кукурузы. Если в годы четвертой пятилетки урожайность зерновых составляла на Урале в среднем 6,2 ц с га (в СССР — 6,7 ц с га), в пятой — 6,7 (в СССР — 8,4), в шестой — 9 (в СССР — 10,1), то в седьмой — 8,9 (в СССР — 10,2) ц с га. Несмотря на существенное увеличение посевов, в первой половине 1960-х гг. произошло замедление темпов роста зернового производства. В конце 1930-х гг. на долю

социалистического сектора приходилось 99,0 % производства зерновых, в т. ч. на колхозы 89,0 %, на совхозы — 8,7 %, подсобные хозяйства промышленных предприятий — 1,3 %. Со второй половины 1950-х гг. в результате освоения уральской целины и массового преобразования колхозов в совхозы основная часть производства зерновых приходилась на совхозы. Удельный вес подсобных хозяйств промышленных предприятий постепенно сокращался. Посевы зерновых в единоличных крестьянских хозяйствах, на индивидуальных приусадебных участках и огородах служащих практически исчезли.

Для 1960—1980-х гг. характерен переход на интенсивные технологии и индустриальные методы, что обеспечило двукратное увеличение производства зерновых. В общесоюзном разделении сельскохозяйственного труда Южный Урал специализировался на производстве товарного хлеба твердых сортов. Производство зерновых развивалось скачкообразно. Наиболее высокая урожайность была достигнута в Свердловской области, в среднем за 1965—1985 гг. она составляла 16,1 ц с га в год. Наименьшая урожайность отмечена в Пермской — 10,8 ц с га. Основными поставщиками зерна на Урале были Оренбургская область, Башкирия и Курганская область. С 1965-го по 1985 г. Оренбургская область произвела 23,8 млн т зерна, БАССР — 21,5, Курганская область — 13,4 млн т. В среднем на долю Урала приходилось 9,0—10,0 % общесоюзного производства зерновых. В расчете на душу населения за 1956—1960-е гг. было произведено 714 кг зерна, в 1981—1985 гг. — 981 кг. Регион не только обеспечивал собственные потребности в зерновых, но и сдавал часть продукции в общесоюзный фонд.

Машинно-тракторные станции (МТС)*

Машинно-тракторные станции (МТС) — государственные сельскохозяйственные предприятия, созданные для технической и организационной помощи колхозам. Недостаток сельскохозяйственной техники обусловил необходимость ее централизованного распределения и использования. Первая МТС была создана в 1928 г. в Одесской области. На Урале предшественниками МТС были прокатные и зерноочистительные

* Ранее опубликовано в кн. : *Уральская историческая энциклопедия*. — Екатеринбург : ИИ и А УрО РАН, 1998. — С. 327.

пункты, а также организованные весной 1929 г. в зерновых районах Курганского, Троицкого и Тюменского округов тракторные колонны. На их базе в апреле 1930 г. на Урале завершилось создание четырех МТС — Лебяжьевской, Петуховской, Шумихинской и Щучанской. Основной производственной единицей МТС была тракторная бригада. МТС обслуживали колхозы на основе типового договора, утвержденного СНК СССР в 1939 г. МТС брали на себя обязательства по производственно-техническому обслуживанию колхозов и оказанию помощи в их организационно-хозяйственном укреплении. Колхозы должны были выполнять все предусмотренные договором агротехнические мероприятия и своевременно рассчитываться с МТС. Правление артелей выделяло колхозников для обслуживания тракторных бригад, организовывало своевременное снабжение водой и горючим, оборудовало полевые станы, обеспечивало охрану имущества, подготавливало участки для работы и т.д.

В годы Великой Отечественной войны хороших производственных показателей на Урале добивались Большевицкая, Борисовская, Есаульская, Марайская, Карабакская, Колчадановская, Кунаширская, Туринская МТС. Верхотурская (директор Дуванов), Пермская (директор Бурилов) и Чусовская (директор Миронов) МТС были победителями Всесоюзного социалистического соревнования машинно-тракторных станций, Арамилская МТС награждена переходящим Красным Знаменем 3-й Гвардейской стрелковой дивизии.

В послевоенные годы укрепились материально-техническая база МТС, расширилась их сеть. Количество МТС на Урале возросло с 633 в 1940 г. до 683 в 1946 г. и 748 в 1950 г. В 1946 г. МТС обрабатывали земли 85,0 % уральских колхозов, в 1950 г. — 96,0 %, что значительно повысило механизацию основных посевных и уборочных работ. После февральского (1958 г.) пленума ЦК КПСС техника МТС была продана колхозам, а сами они реорганизованы в ремонтно-технические станции (РТС).

Трудодень *

Трудодень — форма контроля и учета затрат труда и распределения доходов среди колхозников, применяемая в колхозах в 1930—

* Ранее опубликовано в кн. : Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург : ИИ и А УрО РАН, 1998. — С. 519 (в соавторстве с М.Н. Денисовичем).

1966 гг. Все основные виды работ в колхозах были разбиты на разряды — от 0,5 до 2 трудодней. Основные полевые работы оценивались по более высоким разрядам, подсобные — по более низким. На практике наблюдалась тенденция уравнительной оплаты. Оплата труда в колхозах, согласно Примерному Уставу с/х артели 1935 г., велась вплоть до середины 1950-х гг. по остаточному принципу. Из урожая и продукции животноводства колхоз в первую очередь сдавал государству сельскохозяйственную продукцию по обязательным поставкам, возвращал семенные ссуды, расплачивался за выполнение работ с МТС, засыпал зерно для посева, на фураж, выделял часть продукции для продажи кооперации, на рынок, а оставшуюся часть распределял по трудодням. По остаточному принципу распределялись как натуральные, так и денежные фонды колхозов. В Уральской области в 1932 г. на трудодень было выделено 30 % валового дохода колхозов, в Башкирии — 26 %, в 1937 г. по Уралу — 33 %.

Труд колхозников оплачивался, главным образом, зерном, которое семьи колхозников использовали для выпечки домашнего хлеба и в качестве фуража. В среднем на один трудодень колхозникам Урала выдавалось зерна в 1937 г. — 6,7 кг, в 1940 г. — 1,6, в 1945 г. — 0,82, в 1953 г. — 2,6 кг. В течение 1930–1950-х гг. за счет натуральных поступлений из колхоза на трудодень колхозники удовлетворяли свои потребности по зерну на 40,0–60,0 %, картофелю, овощам, бахчевым, мясу, молоку — на 1,0–2,0 %. Выплаты на трудодень не обеспечивали простого воспроизводства сельской семьи, поэтому основную часть сельскохозяйственных продуктов жители села получали от индивидуальных приусадебных хозяйств.

Денежные поступления из колхозов на трудодень были незначительны. В среднем на один трудодень колхозы Урала выдавали колхозникам в 1938 г. по 59 коп., в 1940 г. — 46, 1945 г. — 55, в 1950 г. — 30, в 1953 г. — 57 коп. По данным бюджетных обследований, доходы по трудодень в формировании совокупного денежного дохода на одну семью колхозников Урала составляли в 1935 г. — 4,0 %, в 1939 г. — 8,7, в 1945 г. — 2,4, в 1950 г. — 8,2, в 1958 г. — 25,0 %. В 1958 г. колхозники Урала получали на трудодень в три раза меньше, чем работники совхозов. Наиболее низкие выплаты по трудодням на протяжении всего периода существования колхозного строя были в колхозах Башкирии.

Стимулом трудовой деятельности выступал не трудодень, а система административно-принудительных мер (увеличение

обязательного минимума трудодней с дифференциацией по областям и районам; периодические кампании по сокращению посевов и поголовья скота в индивидуальных приусадебных хозяйствах; постоянное увеличение количества и объемов натуральных и денежных налогов). Выработка на одного трудоспособного колхозника Свердловской области составила в 1937 г. 207 трудодней, в 1940 г. — 298, в 1945 г. — 359. С конца 1950-х гг. вместо трудодней начинает вводиться человеко-день с денежной оплатой труда. В 1966 г. трудодень был официально отменен. Оплата труда колхозников проводилась по денежным тарифам и стала авансированной и гарантированной.

Развитие сельского хозяйства на Урале в послевоенные годы *

После окончания Великой Отечественной войны перед советским народом встала задача достичь такого уровня развития сельского хозяйства, который позволил бы обеспечить население продовольствием, а промышленность — сырьем. В марте 1946 г. Верховный Совет СССР принял пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства страны. В нем предусматривалось не только восстановить довоенный уровень развития промышленности и сельского хозяйства, но и превзойти его. Конкретные пути подъема сельского хозяйства были намечены февральским (1947 г.) Пленумом ЦК ВКП (б). Пленум провел анализ состояния сельского хозяйства, вскрыл серьезные недостатки в руководстве этой отраслью народного хозяйства [1].

В первые послевоенные годы наибольшее внимание следовало уделять укреплению материально-технической базы отрасли путем увеличения капитальных вложений. Однако, сосредоточив основные усилия на восстановлении промышленности и транспорта, государство не располагало достаточными средствами для финансирования сельского хозяйства страны. Тем не менее, за годы четвертой пятилетки вложения государства в сельское хозяйство СССР составили 25,1 млрд руб., колхозов — 31,2 млрд [2]. На Урале стоимость основных

** Ранее опубликовано в кн. : Проблемы экономической истории Урала : Профессорский сб. : К 60-летию рождения Б.В. Личмана. — Екатеринбург : Изд-во УГТУ-УПИ, 2006. — С. 212--239.*

средств производства в колхозах увеличилась за годы четвертой пятилетки в 1,6 раза, в совхозах и МТС — в 2,5 раза [3].

Значительная часть средств направлялась на пополнение машинно-тракторного парка. В связи с конверсией промышленности росли и поставки техники селу. За 1942–1945 гг. сельское хозяйство СССР получило 9,9 тыс. тракторов и 10,7 тыс. грузовых автомобилей, в годы четвертой пятилетки — соответственно 247,8 и 281,1 тыс. [4].

Увеличились поставки техники и в сельское хозяйство Урала. В результате число комбайнов на селе возросло с 19,5 тыс. в 1946 г. до 22,4 тыс. в 1950 г., грузовых автомобилей — с 8,2 до 15,2 тыс., тракторов — с 35,0 до 45,5 тыс., а их мощность — с 82,2 до 135,2 тыс. л. с. [5]. К концу 1940-х гг. численность и мощность машинно-тракторного парка Урала в аграрном секторе превзошли довоенный уровень. После окончания войны он пополнился тракторами ДТ-54 и С-80, самоходными комбайнами. Новые машины были не только более экономичны, но и лучше приспособлены для работы в различных природно-климатических условиях.

В послевоенные годы, как и до войны, основная часть техники была сосредоточена в МТС. В 1950 г. в регионе на их долю приходилось 80 % тракторов и комбайнов, занятых в сельском хозяйстве [6]. Остальными владели совхозы, подсобные сельские хозяйства предприятий, организаций и учреждений, а также колхозы, которые не обслуживались МТС. Важное значение для повышения качества тракторных работ имел принятый в 1948 г. новый типовый договор МТС с колхозами. Он содержал обоюдные обязательства по получению запланированной урожайности основных культур. Тем самым повышалась материальная заинтересованность коллективов МТС в проведении в полном объеме и в установленные сроки основных полевых работ в колхозах.

Снабжение МТС новыми машинами, совершенствование их отношений с колхозами, обеспечение горюче-смазочными материалами и укрепление ремонтной базы способствовали более интенсивной эксплуатации тракторного парка. Если в 1946 г. на Урале объем тракторных работ МТС составлял 10,8 млн га «мягкой пахоты», то в 1947 г. — 14 млн га, в 1948 г. — 17,4, в 1949 г. — 21,1, а в 1950 г. — 23,9 млн га [7]. В последнем году пятилетки объем работ МТС в колхозах превысил уровень не

только 1945 г., но и 1940 г. [8]. В результате повысилась механизация основных полевых работ. Например, в 1950 г. в Свердловской области посев озимых был механизирован на 83 % вместо 77 % в 1940 г.; сев яровых — соответственно на 84 против 59 %; вспашка паров — на 98 против 95 % [9].

Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства осуществлялось и за счет применения электроэнергии. После войны высокими темпами сельская электрификация велась в Удмуртии, а также Пермской, Свердловской и Челябинской областях, имеющих мощный промышленный потенциал. Курганская и Оренбургская области в этом заметно отставали, что объясняется ограниченностью фондового снабжения материалами и оборудованием [10]. И 1950 г. электроэнергию на Урале получали 31 % колхозов, 87 % совхозов и МТС, что превышало средний по стране уровень сельской электрификации [11].

В 1950-е гг. проведение электрификации сельского хозяйства сталкивалось со многими трудностями, имело существенные недостатки, поэтому некоторые его успехи выглядели чисто внешними. Так, электроэнергию селу давали в основном малые станции, мощности которых хватало только на освещение, в производстве же ее применяли редко. Оборудование было изношенным, обслуживающий персонал — недостаточно квалифицированным. Многие станции строились по недоброкачественным проектам и сдавались в эксплуатацию с крупными недоделками. По этим причинам большинство электростанций, особенно в колхозах, работало ненадежно и постоянно выходило из строя. Кроме того, при развитии электроэнергетики промышленно развитые области имели преимущество перед аграрными районами.

Темпы восстановления сельского хозяйства во многом зависели от состояния трудовых ресурсов села. Для 1940-х гг. было характерно резкое ухудшение демографической ситуации на селе. Массовая демобилизация воинов из Красной Армии несколько затормозила этот процесс. Численность проживающих в уральской деревне мужчин в возрасте от 16 до 59 лет за 1947–1950 гг. увеличилась с 889 до 905 тыс. [12]. Улучшилась и структура трудовых ресурсов села: доля мужчин увеличилась, а женщин — сократилась. В 1945 г. женщины на Урале составляли 56 % работников совхозов, а в 1951 г. — 42 % [13].

Решению проблемы кадров способствовало и возобновившееся в 1950 г. плановое сельскохозяйственное переселение на Урал. В том году в Пермской области было размещено 1 742 семьи, в Свердловской — 220 [14]. Это способствовало стабилизации численности сельского населения. В 1939—1946 гг. она сократилась с 6 085 до 4 660 тыс., в течение 1947—1950 гг. не менялась и составила на начало 1951 г. 4 662 тыс. человек [15]. При этом естественного прироста сельского населения не было, что объясняется не только последствиями Великой Отечественной войны, но и дальнейшим перераспределением трудовых ресурсов между важнейшими отраслями народного хозяйства, продолжающимся преобразованием сельских населенных пунктов в города, а также возросшей миграцией сельского населения в города. При этом переселению крестьян не могло помешать даже запрещение покидать место проживания (как известно, колхозники не имели паспортов, что лишало их возможности свободно перемещаться, «привязывало» к артели и придавало сельскохозяйственному труду принудительный характер). Особенно значительной убыль сельского населения была на Южном Урале — в Курганской и Оренбургской областях. На Западном Урале — в Пермской области и Удмуртии — численность сельчан продолжала расти за счет планового переселения. В условиях расширения сельскохозяйственного производства деревня испытывала дефицит кадров: на сельскохозяйственные работы привлекали нетрудоспособных и престарелых сельчан, подростков, широко использовали и горожан.

Большое внимание в первые послевоенные годы уделялось организационно-хозяйственному укреплению сельскохозяйственных артелей. К осени 1947 г. в колхозах сократили административно-управленческий аппарат, артелям стали возвращать их расхищенное имущество, земли, отведенные в годы войны местными органами власти промышленным предприятиям, организациям и учреждениям, а также прирезанные сельчанами к приусадебным участкам. Одной из важнейших задач было обеспечение сельского хозяйства квалифицированными работниками, в частности механизаторами. Их готовили на курсах при МТС и в школах механизации. К концу восстановительного периода тракторный парк был обеспечен трактористами. Однако, несмотря на принимаемые меры, обеспеченность сельского хозяйства страны специалистами

оставалась низкой. Так, в 1950 г. в Свердловской области в сельском хозяйстве не хватало 514 специалистов, в том числе 190 зоотехников, 171 агронома, 80 механиков, 45 ветработников, 28 землеустроителей [16].

Предпринимаемые меры носили противоречивый характер. С одной стороны, возвращение расхищенного колхозного имущества, скота, погашение дебиторской задолженности способствовали укреплению экономики коллективных хозяйств. С другой стороны, возвращение колхозам земель, превращенных в годы войны в подсобные сельские хозяйства предприятий и огороды рабочих и служащих, серьезно подрывало экономику артелей. Колхозы на Урале не могли освоить всю закрепленную за ними землю, однако налоги с нее вынуждены были платить. Это являлось одной из причин резкого увеличения недоимок по обязательным поставкам сельскохозяйственной продукции государству. В первые послевоенные годы они заметно возросли даже по сравнению с периодом Великой Отечественной войны. Если по итогам 1942 г. недоимки по обязательным поставкам зерна составляли на Урале 0,3 млн т, в 1943 г. — 1,4, в 1944 г. — 0,8 млн т, то недоимки 1946 г. равнялись 1,9, 1947 г. — 2,6, 1948 г. — 3, 1949 г. — 2,9 млн т [17]. Таким образом, на протяжении 1940-х гг. задолженность по обязательным поставкам последовательно возрастала, в 1947—1948 гг. она превысила годовой план сдачи зерна. Одновременно росли недоимки по натуроплате МТС. Восстановление колхозного землепользования сужало и возможности децентрализованного производства для обеспечения продовольствием населения региона.

Неотложного решения требовал вопрос о совершенствовании организации и оплаты труда в колхозах. Совет Министров СССР постановлением от 19 апреля 1948 г. «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах» признал необходимость всемерного укрепления производственных бригад как основной формы организации артельного труда [18]. Колхозы приступили к упорядочению оплаты труда, внедрению примерных норм выработки и единых расценок в трудоднях. Однако оплата трудодня практически не увеличилась и по-прежнему оставалась крайне низкой. Например, данные бюджетов о структуре среднегодового денежного дохода семей колхозников Свердловской области показывают, что в годы четвертой

пятилетки доход от колхозов и МТС составлял у них в среднем 9 % всех денежных поступлений, что было даже меньше, чем в период Великой Отечественной войны. Личное подсобное хозяйство давало крестьянской семье основную часть натуральной продукции, за исключением зерна, в том числе 94 % картофеля, 74 овощей, 92 мяса и сала, 80 шерсти, 95 яиц, 78 % молока и молочных продуктов и т. д. [19]. Колхозники были обязаны трудиться лишь за право пользоваться приусадебным участком, продуктов с которого едва хватало, чтобы не умереть с голоду.

В послевоенные годы в стране продолжалась работа по реорганизации структуры сельскохозяйственных предприятий. В наибольшей степени она коснулась государственных хозяйств. Так, еще в начале войны в Свердловской области были расформированы все три треста совхозов, и большинство советских хозяйств передали промышленным предприятиям, организациям и учреждениям для создания на их базе подсобных сельских хозяйств. Последние организовывали на землях госфонда, а также на неиспользуемых землях колхозов. Однако директора предприятий не спешили вкладывать в подсобные хозяйства средства, считая их временной продовольственной базой. В результате за годы пребывания в качестве подсобных хозяйств в совхозах ухудшилась агротехника, нарушились севообороты, в незначительных масштабах велось строительство.

Тем не менее, подсобные сельские хозяйства играли важную роль в промышленных областях Урала. Ярко выраженный индустриальный характер развития, низкий удельный вес сельского населения и высокая концентрация городского, ограниченность сельскохозяйственных угодий и другие причины не позволяли в этих областях обеспечить потребности горожан в продуктах питания только за счет колхозов и совхозов. С окончанием войны начинается обратный процесс. В ходе возвращения колхозам их земель одни подсобные хозяйства ликвидируются, другие снова преобразуются в совхозы. Число подсобных сельских хозяйств постепенно сокращается. Одновременно растет число советских хозяйств, большая часть которых находилась на Южном Урале. В основном это были зерновые и молочные хозяйства. Остальные размещались в нечерноземных областях и почти все имели мясомолочное направление.

Одним из путей совершенствования форм организации сельскохозяйственного производства стало укрупнение колхозов. В мае 1950 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» [20]. В Свердловской области уже летом 1950 г. организовали 525 укрупненных колхозов, из них 177 было создано на базе двух хозяйств, 163 — на базе трех, 119 колхозов объединили четыре хозяйства и 66 колхозов — пять и более хозяйств; 432 артели не укрупнялись. К осени 1950 г. в области осталось 957 колхозов вместо 2 124 на начало года [21]. В результате укрупнения число колхозов на Урале сократилось с 13 429 в 1946 г. до 6 937 в 1950 г. (на конец года). Однако во многих случаях укрупнение, проведенное без учета экономического положения хозяйств, их специализации и оптимального для каждого района и отрасли уровня концентрации производства, не привело к улучшению использования техники и трудовых ресурсов, росту и укреплению сельского хозяйства.

Развитие сельского хозяйства во многом зависело от состояния земледелия. После войны большое внимание уделялось восстановлению посевных площадей. За пятилетку они выросли на 2 943,2 тыс. га, составив в 1950 г. 96,6 % к уровню 1940 г. Данные о посевных площадях на Урале с распределением по категориям хозяйств показывают, что в первые послевоенные годы посевы в госхозах выросли на 44 %, в колхозах — на 39 %. Размеры посевов в хозяйствах колхозников, рабочих и служащих почти не изменились, а у единоличников сократились в 4 раза [22]. Особенностью промышленно развитых областей края — Свердловской и Челябинской — являлось двух-, трехкратное превышение размеров посевов рабочих и служащих над посевами колхозников. Именно рабочие, а не колхозники были здесь третьими, после колхозов и госхозов, землепользователями. Заметно изменилась структура посевов. Несмотря на расширение площадей зерновых, их доля несколько сократилась. Изменилась и структура зерновых. В два раза выросли посевы пшеницы, составив в 1950 г. около половины зерновых. Посевы гречихи, бобовых, ячменя остались без изменений, а ржи — сократились [23].

Рост сельскохозяйственного производства в значительной мере сдерживался низкой культурой земледелия. На Урале для ее повышения параллельно с расширением посевов стали боль-

ше внимания уделять агротехнике, шире применять лущение стерни, черные пары, травопольные севообороты. Важная роль в этом деле принадлежит защитным лесонасаждениям. Они предохраняют посевы от черных бурь, улучшают водный режим грунта и восприимчивость культур к удобрениям. На Урале лесопосадки особенно широко производились в засушливой Оренбургской области. Больше внимания стали уделять и орошению. Принимаемые меры способствовали росту урожайности. В 1950 г. урожайность зерновых в крае составила 9,1 ц с 1 га против 5,4 ц в 1946 г. и 7,5 ц в 1940 г. [24]. Тем не менее, среднегодовое производство зерновых в годы четвертой пятилетки не достигло довоенного уровня, поскольку их посевные площади восстановлены не были.

В годы Великой Отечественной войны количество производимой на Урале сельхозпродукции заметно отставало от роста городского населения. Это потребовало изменения специализации сельского хозяйства края, ликвидации одностороннего зернового направления и резкого увеличения производства овощей, картофеля и мясомолочной продукции. Индустриальные центры стали интенсивно создавать собственную продовольственную базу. Входящие в пригородную зону колхозы расширяли посевы картофеля и овощей, увеличивали площади под кормовыми культурами. Заметную роль в производстве овощекартофельной продукции играли личные подсобные хозяйства населения.

По данным за 1948 г. доля рабочих и служащих в производстве картофеля составляла на Урале 31,3 %, колхозников — 28,4, колхозов — 28,3, госхозов — 11,8, единоличников — 0,2 %. В промышленно развитых районах удельный вес населения в производстве картофеля был еще выше за счет огородников. Так, в 1948 г. в Челябинской области рабочие и служащие произвели 56,3 % всего картофеля, а колхозы совместно с госхозами — лишь 28,4 %, в 1949 г. — соответственно 48,2 и 35,9 %, в 1950 г. — 53,5 и 30,4 % [25]. В целом, для первых послевоенных лет для растениеводства на Урале характерна тенденция к росту. Исключение составлял 1946 г., когда была сильная засуха. Данные о размерах растениеводческой продукции в стоимостном выражении показывают, что если объем продукции 1945 г. взять за 100 %, то в 1946 г. он составлял 98,4 %, в 1947 г. — 119,2, 1948 г. — 128,1, 1949 г. — 136,4, в 1950 г. — 183,3 % [26].

Медленно в первые послевоенные годы развивалось в стране животноводство. Пятилетним планом развития народного хозяйства предусматривался значительный рост поголовья скота. Для этого принимались меры по усилению племенной работы, укрепляли кормовую базу, увеличивали масштабы капитального строительства. Это позволило добиться определенных результатов, однако темпы роста поголовья в СССР оказались ниже запланированных. Для улучшения положения в отрасли в апреле 1949 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП (б) приняли трехлетний план развития колхозного и совхозного животноводства на 1949–1951 гг. [27]. По мере его выполнения общественное поголовье стало увеличиваться, но в значительной степени рост достигался не за счет воспроизводства собственного стада, а путем приобретения артелями молодняка у колхозников. Медленно росли в отрасли и качественные показатели. Поэтому прирост производства животноводческой продукции был достигнут главным образом за счет роста поголовья.

К концу 1940-х гг. положение в животноводстве оставалось весьма напряженным. Отсутствовала механизация, низкими были заготовительные цены на сдаваемую государству продукцию, завышенные нормы обязательных поставок приводили к большому расходу скота. Трудности усугублялись нехваткой помещений, кормов и квалифицированных кадров. Поэтому основную часть животноводческой продукции производили не колхозы и совхозы, а личные подсобные хозяйства населения. Расчеты показывают, что за годы четвертой пятилетки на Урале хозяйства населения произвели 4/5 всей молочной продукции, из них: рабочие и служащие 38,1 %, колхозники — 37,6 %, единоличники — 0,4 %. Колхозы и совхозы дали соответственно 16,7 и 7,2 % производства молока [28].

В целом первые послевоенные годы, кроме засушливого 1946 г., были отмечены быстрым ростом сельскохозяйственного производства. Если в 1946 г. объем валовой продукции сельского хозяйства Урала (в денежном выражении) составлял 99 % к уровню 1915 г., то в 1947 г. — 125, 1948 г. — 126, 1949 г. — 134, а в 1950 г. — 165 % [29]. Данные ЦСУ СССР свидетельствуют, что темпы восстановления аграрного сектора во всех областях Урала были примерно одинаковыми. Наиболее быстро восстанавливались колхозы, объем производства в них за годы пятилетки вырос вдвое, а удельный вес в валовой продукции сельского хозяйства увеличился с 55,7 % в 1946 г. до 65,6 % в 1950 г.

[30]. Восстановление совхозной системы привело к возрастанию доли госсектора в сельском хозяйстве. Одновременно, в связи с принятием мер по ограничению личного подсобного хозяйства, прирост производства и отрасли прекратился. За годы четвертой пятилетки в сельском хозяйстве Урала было произведено 23 млн т зерна, 0,8 млн т мяса (в убойном весе), 10,7 млн т молока, 31,5 тыс. т шерсти, 2 млрд шт. яиц и много другой сельскохозяйственной продукции [31].

Восстановление отрасли позволило существенно увеличить заготовки и закупки сельскохозяйственной продукции. Был превышен довоенный уровень заготовок сахарной свеклы, мяса и молока. Дальнейшее расширение и укрепление продовольственной базы вокруг промышленных центров Урала привело к росту заготовок картофеля, полному обеспечению потребностей в нем городского населения. В 1949 г. заготовки картофеля несколько сократились. Это произошло из-за больших потерь на уборке урожая и крупных недостатков в работе заготовительных организаций. Однако и полученной продукции хватало. Завоз картофеля в Пермскую, Свердловскую и Челябинскую области из других районов страны был прекращен.

В ряде областей страны — Кемеровской, Куйбышевской, Ленинградской, Московской, а также Пермской и Свердловской — заметно возросли заготовки овощей. При этом изменился ассортимент продукции, поступающей государству из колхозов. Сократилась доля моркови, лука, огурцов, что объяснялось трудоемкостью ухода за ними и низкими заготовительными ценами. По сравнению с довоенным периодом, резко уменьшилась сдача льноволокна из-за больших потерь на уборке. Ежегодно в колхозах свыше половины урожая убирали и обрабатывали с опозданием, часть льна оставляли на зиму необработанным, он портился и погибал. Тяжело проходили, особенно на Южном Урале, заготовки сена, что было связано с нехваткой в колхозах кормов для общественного поголовья.

Значительно выросли заготовки хлеба. В 1950 г. они составили 3 млн т (9,3 % его заготовок в СССР) против 1,1 млн в 1940 г., однако уровень 1940 г. — 3,2 млн достигнуть не удалось. Всего за годы четвертой пятилетки на Урале было заготовлено и закуплено 9 905,4 тыс. т зерна, что составило 7,1 % его заготовок в СССР, 1 279,2 тыс. т картофеля (4,1 %), 362,1 тыс. т овощей (3,8 %), 23,7 тыс. т семян подсолнечника (0,6 %), 14 тыс. т льноволокна (2,0 %), 441,2 тыс. т скота и птицы в живом весе (4,7 %), 2 406 тыс.

т молока и молочных продуктов в пересчете на молоко (7,3 %), 380,5 млн шт. яиц (6 %) и др. [32].

В первые послевоенные годы в СССР сохранялся налоговый характер поставок сельскохозяйственной продукции. Заготовительные цены на нее были низкими и не покрывали затраты хозяйств. Поэтому производимая в артелях продукция являлась результатом неоплаченного труда колхозников. В тяжелом положении находились и совхозы. После войны резко возросла себестоимость их продукции, что было связано с повышением цен на корма, семена, минеральные удобрения, технику и т. д. В результате, если в 1945 г. себестоимость производства центнера зерна в совхозах Урала в среднем составляла 46 руб., то в 1948 г. — 80, молока — соответственно 84 и 112, шерсти — 2 161 и 3 190, говядины — 480 и 560 руб. и т. д. [33]. Государственные закупочные цены на совхозную продукцию увеличились незначительно и были ниже ее себестоимости. В 1948 г. закупочная цена центнера зерна составляла 12,09 руб., молока — 47,27, шерсти — 1 902,16, говядины — 173,7, свинины — 279,3 руб. [34]. Совхозы несли крупные убытки. Например, в 1949 г. в Удмуртии лишь 3 хозяйства из 11 закончили год с прибылью, в Свердловской области — 4 из 21. В 1950 г. чистый убыток совхозов региона составил 26,8 млн руб. [35].

Великая Отечественная война нанесла серьезный ущерб сельскому хозяйству края. Снизилась количественные и качественные показатели, сократился объем производства. В первые послевоенные годы происходит укрепление материально-технической базы отрасли, улучшается положение с кадрами, больше внимания начинают уделять агротехнике, организации и оплате труда. Все это привело к тому, что первое послевоенное пятилетие ознаменовалось немалыми положительными результатами в развитии сельского хозяйства. К 1950 г. оно было в основном восстановлено. Однако в стране не решались коренные вопросы колхозно-совхозного строительства и, в первую очередь, налогообложения и оплаты труда. Практически не развивалась социальная инфраструктура на селе, нарушались основы советской демократии. Негативную роль сыграла и натурализации в 1930-е гг. экономических отношений между колхозами и государством. После войны стратегическая линия на полный отказ от товарных форм и переход к натуральному обмену осталась неизменной. Поэтому

предпринимаемые усилия по укреплению колхозного строя означали, с одной стороны, подъем хозяйства артелей, а с другой — дальнейшее развитие командно-административной системы управления ими, консервацию экономики «казарменного социализма». Все это снижало темпы подъема сельского хозяйства, тормозило его дальнейшее развитие. Имелись и объективные причины отставания отрасли, связанные с нехваткой средств у государства. В результате по основным показателям уральские области, как и сельское хозяйство страны в целом, план четвертой пятилетки не выполнили. Превзойти довоенный уровень сельскохозяйственного производства в значительных размерах не удалось.

XIX съезд КПСС в директивах по новому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1951—1955 гг. наметил меры по дальнейшему укреплению аграрного сектора. Перед тружениками села была поставлена задача увеличить производство зерна на 40—50 %, картофеля — на 40—45, мяса и сала — на 80—90, молока — на 40—50 % и т. д. [36]. Однако за первые годы пятой пятилетки ощутимых сдвигов в сельском хозяйстве не произошло. Общий объем сельскохозяйственного производства в СССР увеличился в 1952 г. лишь на 4 %. Трудная ситуация сложилась на Урале, где сельскохозяйственное производство стало сокращаться. В 1951 г. его объем составил 85,6 %, а в 1952 г. — 77,7 % от уровня 1950 г. [37].

Низкие темпы развития сельского хозяйства страны в начале 1950-х гг. объяснялись дефицитом материальных и финансовых ресурсов, а также застарелыми формами и методами руководства сельским хозяйством. Все сильнее сказывалось негативное воздействие командно-административной системы. Медленное развитие аграрного сектора приводило к возникновению отраслевых диспропорций и несбалансированности, отрицательно влияло на темпы экономического развития страны, уровень благосостояния народа.

Сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК КПСС наметил конкретные пути развития сельского хозяйства. Начиная с 1953 г. в стране предпринимались энергичные меры по подъему сельского хозяйства. Были увеличены капитальные вложения, введены новые заготовительные и закупочные цены на многие виды сельскохозяйственной продукции, уменьшены налоги с колхозников и упорядочена вся система налогообложения, совершен-

ствовало планирование. С целью активизации подъема сельского хозяйства была произведена реорганизация его местных органов путем сокращения штатов. Это позволило перераспределить кадры, послав часть из них на работу в колхозы и МТС.

Быстрое развитие советской экономики во второй половине 1950-х гг. позволило из года в год наращивать размеры государственных капитальных вложений в аграрный сектор, более полно реализовывать возросшие возможности хозяйств. Если за годы пятой пятилетки государственные капитальные вложения и сельское хозяйство РСФСР в 2,2 раза превысили их размеры в четвертой пятилетке, то в 1956–1960 гг. они в 1,8 раза были выше уровня 1951–1955 гг. Это вело к увеличению неделимых фондов колхозов и основных фондов совхозов. Стоимость основных средств совхозов в расчете на одно хозяйство возросла на Урале с 5 млн. в 1950 г. до 37 млн. в 1960 г. [38].

Рост капиталовложений позволил заметно укрепить материально-техническую базу сельского хозяйства путем роста его технической оснащенности. Постоянно возрастали поставки техники селу. Если в годы четвертой пятилетки сельское хозяйство СССР получило 247,8 тыс. тракторов и 281,1 тыс. грузовых автомобилей, то в годы пятой пятилетки — соответственно 427,2 и 410,4 тыс., в шестой — 747,5 и 484 тыс. В результате парк тракторов в сельском хозяйстве страны увеличился за 1950-е гг. в 1,9 раза [39]. Существенно обновилась структура тракторного парка за счет тракторов марок ДТ-54, КД-35, КДП-35, «Беларусь» и др., которые соответствовали в те годы уровню мировых стандартов. Одновременно на селе возросло число картофелеуборочных и силосоуборочных комбайнов, льномолотилок и льнотеребилок, навесных машин и орудий и др. Однако уральские области получали недостаточно специализированных машин и орудий, в хозяйствах имелось много устаревшей техники. Так, в 1955 г. в составе машинно-тракторного парка совхозов региона 5 % составляли устаревшие тракторы типа «Универсал», 24 % — СХТЗ [40].

Большое значение для укрепления материально-технической базы колхозов имело изменение системы их технического обслуживания. К концу 1950-х гг. экономическое и организационное укрепление артелей потребовало совершенствования их взаимоотношений с МТС. Поскольку колхозы стремились

сосредоточить у себя сложную технику и получить большую самостоятельность при ведении хозяйства, то в 1958 г. МТС были реорганизованы в ремонтно-технические станции, а их техника продана колхозам. Для облегчения покупки техники с колхозов списывали задолженность прошлых лет по обязательным поставкам, контрактации и натуральной оплате МТС. Машины продавались в рассрочку с правом погашения платежа в течение нескольких лет. С реорганизацией МТС начался качественно новый этап в развитии материально-технической базы сельского хозяйства.

Важный фактор укрепления сельского хозяйства — электрификация. В течение 1950-х гг. в стране происходило улучшение качества сельской электрификации, росли ее масштабы. В 1953 г. для колхозов были отменены ограничения в использовании государственных централизованных энергоисточников. Улучшилось и материально-техническое снабжение сельских электростанций. К 1960 г. электрификация совхозов на Урале была практически завершена. Доля не электрифицированных колхозов была гораздо больше. Массовая электрификация деревни привела к росту потребления электроэнергии сельскохозяйственными предприятиями. За 1953—1958 гг. она увеличилась в колхозах региона в 2,4, а в совхозах — в 3 раза [41]. Энерговооруженность сельскохозяйственного труда значительно возросла, особенно в совхозах промышленных областей.

Электрификация деревни позволила приступить к механизации трудоемких процессов. В 1955 г. 86 % совхозов региона применяли электроэнергию в земледелии, в том числе 56 % хозяйств использовали ее для приготовления кормов, 62 % для водоснабжения животноводческих ферм, 29 % хозяйств имели доильные аппараты [42]. Однако, несмотря на высокий процент электрифицированных хозяйств, применение электроэнергии в производстве огранивалось тем обстоятельством, что большинство электростанций в хозяйствах были малой мощности.

В начале 1950-х гг. на Урале остро стоял вопрос об обеспеченности сельского хозяйства кадрами. Пополнить трудовые ресурсы уральской деревни планировалось по-прежнему — путем сельскохозяйственного переселения. За 1950—1953 гг. на Урал прибыло 18,8 тыс. крестьянских семей, в которых насчитывалось 83,4 тыс. человек [43]. Переселение способствовало стабилизации численности сельского населения в регио-

не, Кроме того, в 1950-е гг. количество сельчан в СССР продолжало сокращаться, а на Урале оно возросло более чем на полмиллиона человек (с 4 670 тыс. в 1950 г. до 5 321 тыс. в 1959 г.) [44].

Много внимания уделялось проблеме квалифицированных кадров. С целью повышения общеобразовательного и профессионального уровня председателей колхозов двухгодичные школы по подготовке руководящих кадров колхозов были реорганизованы в средние сельскохозяйственные школы с трехлетним сроком обучения. На улучшение качественного состава председателей было нацелено и решение о направлении в колхозы тридцатипяти тысячников. При этом следует отметить, что широкое привлечение к руководству сельским хозяйством неспециалистов оправдывалось далеко не всегда.

В 1950-е гг. улучшилась обеспеченность специалистами. Так, на Урале, по данным на конец 1960 г., в аграрном секторе работало 17,6 тыс. специалистов с высшим и средним специальным образованием [45]. Хуже обстояли дела с механизаторскими кадрами, особенно в Оренбуржье. В 1954—1960 гг. из-за тяжелых бытовых условий состав механизаторов ежегодно менялся там наполовину [46].

Большое внимание в эти годы, как и в предшествующий период, уделялось концентрации сельскохозяйственного производства путем укрупнения колхозов, а кроме этого с 1954 г. началось массовое преобразование колхозов в совхозы. На Урале перевод колхозов в совхозы начался с 1957 г., за 4 года на базе 967 колхозов было организовано 120 совхозов [47]. Это позволило не только оказать помощь отстающим хозяйствам, но и улучшить материальное положение их работников. Однако преобразование многих экономически сильных артелей не дало желаемого результата. Более того, большинство новых хозяйств стали приносить убытки.

Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства, стабилизация численности сельского населения, повышение материальных стимулов к труду, совершенствование экономических взаимоотношений государства и колхозов — все это способствовало позитивным сдвигам в развитии производства. Важнейшей задачей сельского хозяйства Урала являлось обеспечение городского населения продуктами животноводства, картофелем и овощами. Южные районы имели благоприятные условия для производства дешевого товарного зерна.

В рассматриваемые годы территория Урала делилась на ряд сельскохозяйственных зон, отличающихся друг от друга по уровню экономического развития, и природно-климатическими условиями. Это зоны мясного животноводства с пушным звероводством, мясомолочная, зерново-животноводческая и другие с ярко выраженной специализацией сельского хозяйства. Последняя осуществлялась путем создания специализированных хозяйств с концентрацией в них производства определенных продуктов. Так, в пригородных зонах производились обычно цельное молоко, овощи, продовольственный картофель, яйца.

Важнейшей отраслью сельского хозяйства Урала в 1950-е гг. оставалось земледелие. За это время размеры землепользования и структура посевных площадей претерпели существенные изменения, что во многом было связано с освоением новых земель, пригодных для использования в сельском хозяйстве. Началось оно по решению февральско-мартовского (1954) Пленума ЦК КПСС [48]. За 1954—1960 гг. на Урале было распахано 2 925 тыс. га целинных и залежных земель, из них 1 398 тыс. в Оренбургской, 888 тыс. — в Челябинской, 536 тыс. — в Курганской и 105 тыс. — в Свердловской областях [49]. В результате, если в 1953 г. обрабатываемая пашня на Урале составляла 14,9 млн га, то в 1959 г. она равнялась 17,6 млн га, т. е. была на 18,1 % больше. За этот же период размеры сельхозугодий увеличились всего на 1,5 %, что было следствием их сокращения в уральском Нечерноземье. Процент пахотных земель в составе сельхозугодий поднялся на Урале с 55 до 64 [50]. Это означало, что колхозы и совхозы стали лучше использовать свои земли. Изменилось соотношение и между основными землепользователями: в связи с освоением целины и массовым преобразованием колхозов в совхозы доля последних быстро росла.

Параллельно с увеличением пахотных земель на Урале росли и посевы сельскохозяйственных культур. Большая часть прироста посевов в регионе приходилась на середину 1950-х гг. — период наиболее активного освоения целины. Целинные и залежные земли дали заметное увеличение посевов зерновых и кормовых культур, однако они находились в засушливой зоне и требовали новой системы земледелия, которая отсутствовала. В результате были допущены серьезные ошибки при приме-

нии агротехники, неправильно вводилась монокультура пшеницы, запахивались многолетние травы, сокращались чистые пары, мало применялись удобрения и т. д. В итоге поля стали засоряться, увеличилась подверженность почв ветровой и водной эрозии. Ошибки освоения усугублялись и сильными засухами 1955 и 1957 гг. Поэтому урожайность зерновых на Урале росла медленно. Если в годы четвертой пятилетки она составляла 7,3 ц с 1 га (в среднем за год), то в пятой — 7,7 ц, в шестой — 9,4 ц [51].

Проводимое без должной научной проработки освоение новых земель отвлекало ресурсы от укрепления сельского хозяйства, направляло развитие зернового хозяйства по экстенсивному пути. Тем не менее, освоение новых земель позволило увеличить производство зерна. Если в четвертой пятилетке валовой сбор зерна в СССР составлял в среднем в год 64,8 млн т, то в пятой — 88,5, в шестой — 121,5 млн т. На Востоке страны была создана новая хлебная житница. Темпы роста среднегодового производства зерна в годы пятой пятилетки, по отношению к четвертой, составляли 136,6 %, в годы шестой, по отношению к пятой, — 137,3 %. Еще более высокими темпами среднегодовое производство зерна росло на Урале. В результате доля региона в зерновом хозяйстве страны постоянно увеличивалась — с 7,1 % в 1946—1950 гг. до 7,2 % в 1951—1955 гг. и 8 % в 1956—1960 гг. [52].

В 1950-е гг. меняется структура посевов зерновых. Быстро растет удельный вес яровой пшеницы, в основном за счет целинных районов Южного Урала. В Пермской области, наоборот, увеличились посевы озимой ржи, хорошо переносящей продолжительную уральскую зиму и неустойчивую весну. В Свердловской области расширились посевы зернофуражных культур — ячменя, овса, вики на зерно, что должно было улучшить обеспечение животноводства высококалорийными белковыми кормами.

Данные о структуре посевных площадей показывают, что сельское хозяйство края носило ярко выраженное зерновое направление. Между тем бурный рост промышленности и городского населения требовал резкого увеличения производства животноводческой продукции. Это привело к расширению посевов кормовых, которые в 1950-е гг. занимали свыше четверти всех посевов. Однако растущему поголовью скота остро недоставало кормов, поэтому в регионе уделялось серьез-

ное внимание улучшению имеющихся и созданию новых лугов и пастбищ, освоению солонцовых пастбищ, принимались меры для повышения урожайности клевера, тимopheевки, люцерны. Во второй половине десятилетия в стране, отказываясь от травопольной системы, принялись повсеместно насаждать кукурузу. Она должна была стать основой подъема животноводства. Только в Оренбургском области посевы кукурузы возросли с 9,3 тыс. га в 1950 г. до 244,8 тыс. га в 1960 г., т. е. в 26 раз [53]. Кукурузу пытались выращивать даже в тех районах, например Верхотурском Свердловской области, где она давала низкие урожаи зеленой массы. В результате оптимальное сочетание структуры посевов стало разрушаться.

Площади, занятые овощебахчевыми и техническими культурами, остались без изменения, однако удельный вес их в посевах снизился. Посевы картофеля были увеличены незначительно, но больше внимания уделялось выращиванию продовольственных сортов (их возделывали главным образом хозяйства пригородной зоны). В результате производство картофеля обеспечивало потребности местного населения, а нужды в продукции животноводства удовлетворялись при этом только на 20–25,0 % [54]. Хуже обстояло дело с овощеводством, которое не обеспечивало население овощами. Большая часть производимой продукции приходилась на долю капусты, тогда как огурцов, помидоров, лука, редиса выращивали мало. Исключение составляла Свердловская область, где широкое распространение получило овощеводство закрытого грунта.

Низкая урожайность овощей, их малый ассортимент, плохая организация хранения приводили к сезонному потреблению. Высока была и себестоимость продукции, обусловленная низкой урожайностью и слабой механизацией работ. В результате часть продукции на Урал поставлялась из других регионов. В 1957 г. только в Свердловскую область было завезено 23 тыс., а в 1958 г. — 78 тыс. т овощей [55]. Данные о производстве растениеводческой продукции на Урале всеми категориями хозяйств констатируют, что прирост овощекартофельной продукции в 1950-е гг. был весьма незначительным.

Новой отраслью сельского хозяйства на Урале стало садоводство. Закладывались колхозные, коллективные и приусадебные сады, росли валовые сборы плодов и ягод. Для населения Урала, потреблявшего фруктов значительно мень-

ше физиологической нормы, это было особенно важно (в 1956 г. потребление фруктов в Свердловской области было ниже нормы в 140 раз) [56].

В зависимости от состояния земледелия находилось животноводство. Рост производства фуражных культур укрепил его кормовую базу. Подъему животноводства способствовало и повышение государственных заготовительных цен, усиление материального стимулирования работников отрасли, снижение норм поставок продуктов с личного подсобного хозяйства. Предпринимались меры по улучшению содержания скота, механизации животноводства, укреплению его кадрами. В результате поголовье всех видов скота на Урале в годы шестой пятилетки значительно выросло. Однако довоенный уровень был существенно превышен только по свиноводству, что же касается овец и коз, то восстановить их поголовье не удалось.

Ведущей отраслью животноводства в регионе было молочное скотоводство. В послевоенные годы заметно повысилась продуктивность коров, что привело к росту производства молока. Однако в расчете на 100 га сельхозугодий оно было невысоким вследствие малой плотности поголовья скота. Производство молока, мяса, яиц было развито в регионе неравномерно: в нечерноземных районах Урала его уровень был гораздо выше, чем на Южном Урале. Так, если в 1959 г. в Свердловской области в расчете на 100 га было произведено 34 ц мяса и сала (в убойном весе), 293 л молока, 35 тыс. шт. яиц, то в Оренбургской области — соответственно только 11 и 74 ц, 6 тыс. шт. [57].

Гораздо слабее на Урале было развито птицеводство. Исключением являлась Курганская область, где производство мяса птицы и яиц в расчете на душу населения вдвое превышало средний по региону уровень. Во многих уральских областях разводили кроликов. Наиболее благоприятные условия для кролиководства были в нечерноземных районах, располагавших большими лесными массивами и хорошей кормовой базой. Медленно развивалось овцеводство, особенно в Нечерноземье. Из-за большого количества мелких ферм в колхозах возрастали затраты на производство шерсти и мяса, затруднено было ведение племенной работы.

Для сельского хозяйства 1950-х гг. были характерны высокие темпы прироста животноводческого производства. Одна-

ко в 1958—1960 гг. на положении в отрасли крайне негативно отразилась волонтаристская попытка догнать и перегнать США по производству основных продуктов животноводства в расчете на душу населения. Ситуацию усложнили и предпринятые в те годы меры по ограничению личного подсобного хозяйства населения. Насаждение в стране, в том числе и на Урале, «опыта» колхоза села Калиновка Курской области по обобществлению скота колхозников заметно уменьшило размеры сельскохозяйственного производства в индивидуальном секторе. Допускавшиеся серьезные ошибки в области аграрной политики снижали динамику развития отрасли. Темпы развития ее на Урале были ниже общесоюзных, в результате доля региона в производстве животноводческой продукции постоянно снижалась.

В послевоенные годы сельское хозяйство на Урале наиболее интенсивно развивалось в шестой пятилетке, и более медленно — в пятой. Данные о продукции сельского хозяйства Урала в сопоставимых ценах 1958 г. показывают, что среднегодовые темпы роста в годы четвертой пятилетки составляли, по отношению к 1945 г., 5,5 %; в годы пятой пятилетки, по отношению к четвертой, — 1,5 %, в годы шестой, по отношению к пятой, — 7,3 %. Неблагоприятные погодные условия в начале 1950-х гг. в сочетании с отсутствием материальной заинтересованности крестьянства в развитии производства, сохранение командно-административных методов управления сельским хозяйством привели к тому, что и Оренбургской, Пермской областях и Удмуртии среднегодовое производство в пятой пятилетке было ниже, чем в четвертой [58]. Вторая половина 1950-х гг. на Урале характеризуется высокими темпами роста сельскохозяйственного производства, особенно 1956 и 1959 гг. Максимальный прирост был отмечен в Челябинской и, особенно, в Оренбургской области, чему в немалой степени способствовало освоение целинных земель.

В 1950-е гг. главным производителем сельскохозяйственной продукции по-прежнему оставались колхозы, однако во второй половине десятилетия значительно возрастает роль совхозного производства. В результате строительства новых совхозов в целинных районах и их организации на базе колхозов и МТС удельный вес госсектора в валовом сельскохозяйственном производстве повышается с 14,2 % в 1951 г. до 29,1 % в 1960 г., а для

колхозов сокращается с 64,7 до 38,0 % [59]. Наибольший удельный вес совхозов и других госхозов отмечен в сельском хозяйстве Челябинской области, самый низкий — в Пермской области и Удмуртии, где основными производителями сельскохозяйственной продукции оставались колхозы.

Весомым был вклад в сельскохозяйственное производство личных подсобных хозяйств населения, производивших в первой половине 1950-х гг. около трети, а во второй — свыше трети всей продукции сельского хозяйства региона. Наиболее широко индивидуальный сектор был представлен в нечерноземных областях Урала. В Пермской области, например, в отдельные годы население в личных подсобных хозяйствах производило больше продукции, чем колхозы, а также совхозы и прочие госхозы, вместе взятые. На Южном Урале доля личных подсобных хозяйств была значительно меньше.

Расчеты показывают, что за 1946—1960 гг. больше всех сельскохозяйственной продукции произвела Оренбургская область. За ней по объемам производства следовали Свердловская, Пермская, Челябинская, Курганская области и Удмуртская АССР. Аграрный сектор на Урале в послевоенные годы в среднем производил 5—5,5 % валовой продукции сельского хозяйства СССР. Эти достаточно много, поскольку две трети населения региона — горожане. В 1959 г. труженики уральской деревни составляли 4,9 % сельского населения страны, а произвели они 9,8 % общесоюзного сбора зерновых, 7,5 картофеля, 6,3 овощей, 5,2 мяса, 6,1 молока, 4,8 % яиц. Если учесть, что на Урале проживало 6,8 % населения СССР, то очевидно, что сельское хозяйство края могло обеспечивать полностью своих жителей только хлебопродуктами и картофелем, а продукцией животноводства — лишь на 85—90 % [60].

В послевоенные годы рост сельскохозяйственного производства позволил значительно улучшить обеспечение населения края продовольствием. Уровень потребления основных продуктов питания ощутимо вырос и намного превзошел довоенный. По данным обследования бюджетов рабочих в их семьях заметно возросло потребление калорийных продуктов — мяса, молока, рыбы, а также фруктов и овощей. В 1958 г. потребление мяса и мясопродуктов в семьях рабочих Свердловской области превосходило довоенный уровень в 3 раза, молока и рыбы — в 1,6, яиц — в 1,8, овощей и бахчевых — в 2,2 фруктов и свежих ягод —

в 2,7 раза [61]. Выросло потребление животноводческой продукции и на селе, но в гораздо меньших размерах. Одновременно сократилось потребление сельчанами менее калорийных продуктов.

Таким образом, для сельского хозяйства Урала в 1946—1960 гг. было характерно быстрое восстановление в первые послевоенные годы, спад в 1951—1952 гг. и затем быстрый подъем. В других регионах аграрный сектор развивался более равномерно. Несмотря на рост в целом сельскохозяйственного производства Урала, вклад его в создание продовольственного фонда страны снизился. Это произошло в связи с восстановлением экономики в западных районах СССР. Исключение составляли зерновые. За 1946—1960 гг. на Урале было заготовлено 42,5 млн т зерна (7,7 % от заготовки в СССР). Фактически это означало, что освоение уральской целины привело к еще большему перекосу в сторону зернового хозяйства. Это во многом отрицательно сказалось на решении главной задачи сельского хозяйства региона — обеспечении своего населения основными продуктами питания. В конце 1950-х гг. сельское хозяйство Урала, как и страны в целом, столкнулось с серьезными трудностями. Они были вызваны серьезными ошибками в области аграрной политики, попыткой добиться ускоренного развития сельского хозяйства за счет волевых решений. Программа тех лет по животноводству, необдуманное повсеместное выращивание кукурузы, ограничение личных подсобных хозяйств населения, необоснованное преобразование многих колхозов в совхозы, реорганизация структуры управления сельскохозяйственных органов означали отказ от курса сентябрьского (1953 г.) Пленума, серьезно отразились на темпах развития аграрного сектора. В результате в первой половине 1960-х гг., по сравнению с 1959 г., на Урале не было прироста сельскохозяйственного производства.

Примечания

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 8. — М., 1985. — С. 98—145; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. — М., 1968. — С. 250, 273.

2. История социалист. экономики СССР. Т. 6. — М., 1980. — С. 18.

3. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 1869, л. 49—56; Д. 3751, л. 66—72.

4. Материально-технич. обеспечение нар. хоз-ва СССР. Ст. сб. — М., 1988. — С. 35.

5. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 1869, л. 49—56; Д. 3751, л. 66—72.

6. Там же.
7. Там же. — Д. 1869, л. 48—56; Д. 2268, л. 79—86; Д. 2691, л. 65—72; Д. 3235, л. 65—72; Д. 3751, л. 65—72.
8. Там же.
9. Народное хоз-во Свердловской области и города Свердловска : Ст. сб. — Свердловск, 1956. — С. 93.
10. ЦГА РФ. Ф. 374, оп. 14, д. 4401, л. 8, 47, 56; Д. 4402, л. 33, 53, 64.
11. Там же.
12. Там же. — Оп. 34, д. 1556, л. 58—63.
13. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 1451, л. 2; ЦГА РФ. Ф. 374, оп. 14, д. 96, л. 13; Д. 120, л. 12; Д. 125, л. 13; Д. 144, л. 13; Д. 156, л. 12; Д. 162, л. 14.
14. Там же. — Ф. 5675, оп. 1, д. 678, л. 38, 42, 45, 47.
15. Подсчитано по : Население СССР: (Численность, состав и движение населения, 1973) : Ст. сб. — М., 1975. — С. 16; ЦГА РФ. Ф. 374, оп. 34, д. 1556, л. 58—64.
16. ЦДООСО. Ф. 4, оп. 49, д. 246, л. 1.
17. РГАЭ. Ф. 8040, оп. 8, д. 381, л. 21, 45, 49, 63, 74, 77, 79.
18. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. — С. 469—488.
19. ГАСО. Ф. 1813, оп. 17, д. 518, л. 6, 7; Оп. 14, д. 290, л. 30, 50; Д. 501, л. 6, 8; Д. 697, л. 6, 19; Оп. 15, д. 47, л. 6, 7.
20. КПСС в резолюциях... Т. 8. — С. 214—217.
21. ЦДООСО. Ф. 4, оп. 47, д. 131, л. 5.
22. Подсчитано по : Народное хоз-во РСФСР в 1958 году : Ст. ежегодник. — М., 1959. — С. 291; Народное хоз-во РСФСР в 1960 году : Ст. ежегодник. — М., 1960. — С. 382; РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 1869, л. 48—56; Д. 3751, л. 65—72.
23. Подсчитано по : РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 1869, л. 48—56; д. 3751, л. 66—72; ЦГА РФ. Ф. 374, оп. 7, д. 2140, л. 2; Д. 3651, л. 15, 37; Д. 3653, л. 4, 52; Д. 3654, л. 19, 28, 34.
24. Подсчитано по : РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 5295, л. 69—75; Д. 5396, л. 59—66; Д. 5301, л. 71—77.
25. Там же. — Д. 2692, л. 101; Д. 3237, л. 108; Д. 3752, л. 87.
26. Там же. — Д. 1492, л. 27; Д. 1870, л. 37; Д. 2270, л. 23; Д. 2692, л. 24; Д. 3236, л. 28; Д. 3752, л. 25.
27. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. — М., 1958. — С. 341—368.
28. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 1872, л. 3; Д. 2272, л. 22; Д. 2684, л. 21, 22; Д. 3237, л. 2; Д. 3754, л. 2.
29. Подсчитано по : РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 1492, л. 26; Д. 1870, л. 36; Д. 1872, л. 3, 6, 19, 24; Д. 2270, л. 23; Д. 2272, л. 22, 25, 39, 44; Д. 2692, л. 23; Д. 3237, л. 1; Д. 3752, л. 24.
30. Там же. — Д. 1870, л. 36; Д. 3752, л. 24.
31. Подсчитано по : РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 1872, л. 3, 6, 19, 24; Д. 2272, л. 22, 25, 39, 44; Д. 2694, л. 21, 24, 43, 44; Д. 3237, л. 7, 9, 15; Д. 3754, л. 2, 6, 24, 33; Д. 5297, л. 93—103; Д. 5298, л. 98—104; Д. 5299, л. 65—70; Д. 5300, л. 72—77; Д. 5301, л. 71—76.

32. Подсчитано по: Сельское хоз-во СССР: Ст. сб. — М., 1988. — С. 15; РГАЭ. Ф. 8040, оп. 2, д. 227, л. 48—135; Д. 2505, л. 21—78; ЦГА РФ. Ф. 374, оп. 30, д. 11733, л. 97.
33. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 1870, л. 36; Д. 1257, л. 26, 39; Д. 2468, л. 36, 51; Д. 3752, л. 24.
34. Зеленин И.Е. Совхозы СССР (1941—1950). — М., 1969. — С. 299.
35. Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 3473, л. 57; ЦГА РФ. Ф. 374, оп. 7, д. 3840, л. 8, 99; ЦДООСО. Ф. 4, оп. 47, д. 131, л. 87.
36. КПСС в резолюциях... Т. 8. — С. 271, 273.
37. Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 3477, л. 30; Д. 7168, л. 15.
38. Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 3752, л. 24; Д. 3774, л. 13; Д. 4174, л. 18.
39. Материально-технич. обеспечение нар. хоз-ва СССР. — С. 35; Народное хоз-во РСФСР в 1960 году. — С. 336—339; РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 3751, л. 68—72.
40. Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 5759, л. 57.
41. Там же.
42. Подсчитано по: ЦГА РФ. Ф. 374, оп. 30, д. 6211, л. 49—56.
43. Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 5675, оп. 1, д. 678, л. 3—23.
44. Подсчитано по: Население СССР... — С. 16, 17; ЦГА РФ. Ф. 374, оп. 34, д. 6853, л. 17, 87, 122, 134, 140; Д. 6854, л. 87, 90, 172.
45. Народное хоз-во РСФСР в 1960 году. — С. 344.
46. ГАОО. Ф. 2567, оп. 1, д. 244, л. 12.
47. ЦГА РФ. Ф. 262, оп. 8, д. 1026, л. 24.
48. КПСС в резолюциях... Т. 8. — С. 359—391.
49. Вестник статистики. — М. — 1974. — № 3. — С. 94.
50. Народное хоз-во РСФСР в 1960 году. — С. 194, 195.
51. Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 5296—5305, 5520, 5916, 6176, 6437, 6440, 6996, л. 70—77.
52. Подсчитано по: Сельское хоз-во СССР. — С. 10, 11; РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 5296—5305, 5520, 5916, 6176, 6437, 6440, 6996, л. 70—77.
53. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 5296, л. 70—74; Д. 6996, л. 70—74.
54. Система ведения сельского хоз-ва Урала. — Свердловск, 1960. — С. 391.
55. Там же.
56. Там же. — С. 471.
57. Там же. — С. 509.
58. Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 1870, л. 36; Д. 2270, л. 23; Д. 2692, л. 23; Д. 3236, л. 27; Д. 3752, л. 24; Д. 3774, л. 13; Д. 4177, л. 18; Д. 4745, л. 1; Д. 5188, л. 14; Д. 5540, л. 17; Д. 5841, л. 1, 3; Д. 6134, л. 47—50; Д. 6396, л. 1; Д. 6670, л. 1; Д. 6940, л. 1.
59. Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 3752, л. 24; Д. 6940, л. 1.
60. Подсчитано по: Народное хоз-во РСФСР в 1960 году. — С. 191; Население СССР... — С. 15; Сельское хоз-во СССР. — С. 10, 11.
61. ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 2866, л. 4, 5.

Состояние животноводства на Урале в 1940-е гг. (методы анализа и результаты развития)*

Животноводство — отрасль сельского хозяйства, дающая наиболее ценные, высококалорийные продукты питания. Уровень развития животноводства — важный показатель состояния сельского хозяйства и всей экономики страны. Анализ численности и состава стада, во-первых, является необходимым источником для характеристики процесса его воспроизводства (сохранности и развития, а также тех структурных изменений, которые в нем происходили); во-вторых, дает представление о распределении скота по категориям хозяйств, административным и экономическим районам России. Данные о численности скота необходимы для расчетов сырьевых и продовольственных ресурсов, а также исчисления таких показателей, как потребность в кормах, животноводческих помещениях, ветеринарном обслуживании и т. д. [1].

Основным источником сведений о численности и составе стада служит периодическая и годовая отчетность сельскохозяйственных предприятий и переписи скота. Годовые отчеты содержат данные численности поголовья скота и птицы на конец отчетного периода по видам с выделением маточного поголовья. В отдельных разделах приведены сведения о наличии поголовья на начало года, поступлении, выбытии и численности скота на конец года. Движение скота описано по его видам с показателями воспроизводства животных.

Особенность учета скота состоит в том, что значительная часть его находится в индивидуальном пользовании и не охватывается периодической и годовой отчетностью. Поэтому ежегодно проводимые переписи скота служат единственно полными источниками при характеристике его численности.

При переписи индивидуального скота единицей учета являлось не животное, а хозяйство. Это позволяло получить важные сведения путем группировки хозяйств и отвечало интересам налогового ведомства. Скот при переписи регистрировался не по месту своего нахождения, а по месту жительства его

* Ранее опубликовано в кн. : *Проблемы экономической истории России : Профессорский сб. науч. статей / К 55-летию со дня рождения проф. В.В. Запария.* — Екатеринбург : Изд-во УМЦ–УПИ, 2007. — С. 149–167.

владельца. Чтобы обеспечить точный пересчет этого скота к натуре, счетчики кроме опроса проводили тщательную проверку с участием представителей сельсовета или колхоза,

Основными показателями численности и состава животных являются данные об их наличии, распределении по видам, возрастным и половым группам и породном составе стада. Учет скота велся по следующим видам — крупный рогатый скот, свиньи, овцы и козы, лошади, верблюды, ослы и другие животные. Особо выделяли мелкое животноводство (кролиководство), птицеводство, пчеловодство, пушное звероводство, собаководство, рыбоводство и шелководство [2].

Постоянные изменения в численности и составе стада вызваны получением приплода, приобретением скота со стороны, а также сдачей его государству, продажей, забоем, падежом и т. д. Некоторые изменения численности животных, например коров, носят сезонный характер. Поэтому невозможно сопоставить поголовье скота на разные даты в течение года. В 1934—1953 гг. переписи скота по всем категориям хозяйств производили по состоянию на 1 января (начиная с 1954 г. учет скота стали производить по состоянию на 1 октября). Это было вызвано тем обстоятельством, что при существовавшем порядке сельскохозяйственные предприятия, стремясь выполнить установленные планы численности поголовья, сохраняли большое количество выбракованного скота, что вело к перерасходу кормов.

Приводимые в работе данные о численности скота за 1941—1950 гг. позволяют выявить изменения этого показателя, т. е. динамику. Это наиболее распространенный и наиболее эффективный прием для получения общей характеристики состояния животноводства наряду с такими показателями, как уровень, абсолютный прирост, темпы роста и прироста. Статистическая обработка динамических рядов численности скота производится путем вычисления как показателя динамики (процента изменения численности скота в 1950 г. по отношению к 1940 г.), так и показателя ежегодных и средних темпов изменений. Показатель динамики определяется отношением поголовья на конец изучаемого периода к поголовью на начало этого периода, принятого за единицу. Показатели ежегодных темпов исчисляются как отношение поголовья скота на конец каждого года к поголовью на начало этого года. Если

имеются данные за каждый год изучаемого периода, то можно исчислить среднегодовой темп изменений как среднюю арифметическую из ежегодных темпов прироста поголовья. В противном случае правильный показатель среднегодовых темпов можно установить лишь как среднюю геометрическую.

Однако использование данных о поголовье скота для оценки состояния животноводства в ряде случаев невозможно. Простое суммирование всех видов скота может привести к ошибочным выводам при резком изменении их численности. Кроме того, в практической работе существует необходимость производить перерасчеты скота в условные головы при установлении потребностей животных в кормах, помещениях, обслуживающем персонале и т. д. Для получения сводных показателей, характеризующих общее движение поголовья, используются общеэкономические коэффициенты пересчета скота в крупный, основанные на соотношении стоимости скота разных видов. В 1940-е гг. применялись следующие коэффициенты по видам скота: крупный рогатый скот и лошади — 0,8; свиньи — 0,18, овцы и козы — 0,09 [3]. Однако общеэкономические коэффициенты не могут обеспечить достаточно точного представления о поголовье скота при всех такого рода расчетах. Поэтому существуют различные системы коэффициентов. Например, для перерасчета скота в рабочий коэффициент устанавливаются исходя из сравнительной мощности тягловой силы животных того или иного вида. Если принять рабочую лошадь за единицу рабочего скота, то рабочий вол приравнивается к 0,75 лошади, верблюд — 1,0. Для перерасчета рабочего скота в механическую лошадиную силу принимают такие коэффициенты: рабочая лошадь — 0,75, рабочий вол — 0,5, рабочий верблюд — 0,75 [4].

При характеристике численности скота важно изучение воспроизводства и оборота стада с помощью системы показателей. Во-первых, это сохранность молодняка. Строится этот показатель на соотношении сохранившегося на конец года приплода данного года к общей численности родившегося в хозяйстве и поступившего со стороны молодняка данного года рождения. Во-вторых, обеспеченность стада производителями: отношение общей численности маточного поголовья к числу производителей. Полученные показатели обеспеченности производителями сравнивают с нормами. В-третьих, процент падежа и гибели

животных. Для этого в числителе берется количество павших и погибших животных данной группы скота, а в знаменателе — его среднегодовая численность. В число павших включаются также вынужденно прирезанные животные, если полученное от забоя мясо не использовалось в пищу. Этот показатель характеризует общую величину потерь скота и работу сельскохозяйственных предприятий по сохранению стада.

Анализ данных по численности животных проводится также по отдельным категориям хозяйств. Для этого определяют относительное значение каждой категории хозяйств по отдельным видам скота. Большое значение имеет анализ изменений в динамике поголовья скота по отдельным категориям хозяйств, в частности соотношение численности общественно-го скота колхозов и личного скота колхозников [5].

При разработке материалов переписи скота для характеристики состояния колхозного и совхозного животноводства применяется метод группировок, важнейшая из них — по плотности скота. Расчет ведется по крупному и мелкому скоту на 100 га земли сельскохозяйственного пользования, по свиньям — на 100 га пашни, по птице — на 100 га посевов зерновых культур [6]. Эта группировка служит для анализа обеспеченности колхозов и совхозов основными видами продуктивного скота и степени использования земли для развития животноводства.

При анализе обеспеченности скотом семей колхозников рассчитывают среднее поголовье на одно или на 100 хозяйств. При вычислении этих показателей суммируется как общественное поголовье колхозов, так и индивидуальный скот. Кроме того, отдельно вычисляются показатели обеспеченности колхозников скотом разных видов, находящимся в их личной собственности. При разработке материалов переписей производится также группировка скота по отдельным видам хозяйств. При этом подсчитывается число хозяйств колхозников, не имеющих скота, число хозяйств с коровой, принадлежащей нескольким владельцам, а также хозяйств с одной, двумя и более коровами.

Изучение численности поголовья животных не ограничивается вычислением и анализом коэффициентов динамики поголовья отдельных видов скота или темпов его роста. Большую роль играют также показатели состава стада. Его структура определяется специализацией хозяйства, природно-климатическими условиями и типом воспроизводства стада. Изуче-

ние изменений в соотношении видов скота за длительные периоды выявляет изменения в общем направлении животноводства. Обычными для его оценки показателями служат отношения количества свиней и числа овец и коз к количеству крупного рогатого скота или коров. Так, высший показатель числа свиней на 100 коров указывает, как правило, на интенсивное развитие животноводства, а высокий удельный вес числа овец на 100 коров, наоборот, на экстенсивное.

Наибольшее значение показатели состава стада и направления животноводства имеют для крупного рогатого скота. Молочное направление в крупном рогатом скотоводстве характеризуется высоким процентом коров в стаде и низкими показателями числа телят и молодняка на 100 коров. При обратном соотношении направление характеризуется как мясное. В свиноводстве низкий процент маток в стаде характеризует интенсивное скороспелое направление, в овцеводстве низкий процент ягнят свидетельствует о молочно-смушковой специализации и т. д. Сложившееся в экономическом районе направление животноводства обычно меняется довольно медленно.

Для характеристики производственного направления все поголовье обычно подразделяется на рабочий и продуктивный скот. К рабочему скоту относятся животные, используемые в качестве тягловой силы на сельскохозяйственных работах, лесозаготовках, стройках и т. д., — лошади, рабочие волы, верблюды, буйволы, ослы, мулы, упряжные олени. К продуктивному скоту относятся животные, от которых получают продукцию — крупный рогатый скот, овцы и козы, свиньи.

В ходе поволившейся в СССР коллективизации численность скота на Урале заметно сократилось. Поэтому планом третьей пятилетки предусматривался значительный рост поголовья всех видов скота в колхозах и совхозах. Благодаря принимаемым мерам и общему улучшению в экономике страны накануне войны окрепла кормовая база животноводства, улучшилась породность скота. Эта тенденция была характерна и для Урала, роль которого в животноводстве была достаточно высокой. В 1940 г. поголовье крупного рогатого скота составляло 7,5 %, овец и коз — 8,3 % от общего количества этих видов скота в СССР. Анализ численности и состава скота показывает, что животноводство на Урале было более развито, чем во многих других районах страны. В 1940 г. удельный вес отрасли в валовом

вой продукции сельского хозяйства (в стоимостном выражении) составил в СССР 25,4 %, а на Урале — 28,4 % [7]. Однако в регионе, как и в целом по стране, достигнуть уровня не только 1928 г., но и 1916 г. по крупному рогатому скоту и свинопоголовью к началу Великой Отечественной войны не удалось.

Начавшаяся война нанесла тяжелый ущерб животноводству, особенно в западных районах страны. К январю 1942 г. поголовье крупного рогатого скота в СССР уменьшилось с 54,5 млн голов (на 1 января 1941 г.) до 31,4 млн, численность свиней — более чем втрое, овец и коз — почти на четверть [8]. Количество скота в стране стало меньше как за счет оккупированных и прифронтовых областей, так и в результате сокращения поголовья в глубоком тылу. Уже первой военной зимой остро недоставало кормов. Это было вызвано ухудшением дел в растениеводстве, что неизбежно влекло за собой сокращение кормовой базы.

На заключительном этапе войны наряду с восстановлением земледелия, в стране предпринимались меры и по ускорению развития животноводства. Целый комплекс мероприятий был осуществлен в 1944—1945 гг. в Челябинской области. Среди них — увеличение фондов фуража и соли, образование коневодческих ферм, снижение норм поставок кожсырья, списание задолженности по обязательным поставкам и сдаче в фонд Красной Армии животноводческой продукции, изъятие из обложения по поставкам части залежных земель, непригодных для использования под сенокосы и пастбища, меры по развитию пчеловодства, рыбоводства и т. д. Это сразу же принесло результаты. По росту поголовья Челябинская область заняла одно из первых мест в стране.

Война оказала сильнейшее влияние на состояние индивидуальных хозяйств крестьян. До войны они имели скота намного больше, чем колхозы. С началом войны колхозники стали испытывать большие затруднения с кормами. Колхозы не могли выполнять Устав сельскохозяйственной артели и выдавать по возможности корм для скота в счет трудодней — его не хватало и для общественного стада. Своих же посевов кормовых культур колхозники имели очень немного. Их скот, по существу, оказался без кормов, и многим пришлось забивать молодняк на мясо.

В связи с наметившейся тенденцией к росту забоя скота в марте 1942 г. постановлением правительства СССР на период

войны колхозникам были запрещены забой и продажа крупного рогатого скота без разрешения районных земельных органов. Однако кормов не было и никакие запреты помочь не могли. Крестьяне резали скот. Из отдельных его видов наибольшему сокращению подверглось стадо свиней, для которых требовались дефицитные в условиях войны картофель и концентраты. В Удмуртии, например, поголовье свиней в крестьянских усадьбах сократилось в 8 раз [9].

По данным на начало 1945 г., поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах колхозников СССР составило 85,6 % от довоенного уровня, овец и коз 59,9, свиней — 31,5, на Урале — 89,6, 57,5, 20,8 % соответственно. Тенденция развития индивидуального животноводства в регионе были различны. Если поголовье свиней, овец и коз сократилось практически повсеместно, то численность крупного рогатого скота в ряде районов возросла. Последнее относится к Башкирии, Удмуртии и Оренбуржью [10]. В Свердловской области поголовье крупного рогатого скота в индивидуальном хозяйстве сократилось, но обеспеченность им крестьянских хозяйств улучшилась, что было связано с сокращением на Среднем Урале числа дворов. Значительно меньше, чем по стране, было в Свердловской области и бескоровных колхозников (в 1945 г. — 24 % против 40 % в среднем по СССР). В 1945 г. одну корову имели 98,1 % семей, две — 1,8, % три — 0,01 %; 0,09 % семей владели одной коровой совместно. В Удмуртии не имели коров лишь четвертая часть крестьянских хозяйств [11].

Что касается хозяйств рабочих и служащих, то численность скота в них в 1945 г. достигла довоенного уровня. Исключение составили рабочие и служащие, проживающие в сельской местности. В конце войны число коров в их хозяйствах составило в СССР 3,7 млн голов против 3,2 млн в 1940 г. Иное положение сложилось на Урале, где индивидуальное хозяйство рабочих семей получило наибольшее распространение. В Удмуртии, например, численность всех видов скота во владении рабочих и служащих превысила довоенный уровень, в том числе по телятам в 2 раза [12].

На заключительном этапе войны в стране предпринимались энергичные меры по восстановлению отрасли. В результате на Урале целые области (Пермская, Свердловская, Челябинская) добились неплохих результатов. Они оказались в числе облас-

в 1946 г. вновь уменьшилось на 0,2 %, а в 1947–1949 гг. возросло соответственно на 5,0; 6,2; 0,9 %. В 1950 г. произошло сокращение численности поголовья на 4,2 % [15]. Динамический ряд показывает резкое сокращение численности крупного рогатого скота в первый год войны, когда нехватка кормов и продовольственные трудности заставляли крестьян резать скот, который прирост в 1942 г., вызванный запрещением забивать скот без разрешения районных властей, провал 1943 г. и медленный подъем в 1944–1949 гг. При этом послевоенный период характеризуется депрессией 1948 г., вызванной неурожаем и острой нехваткой кормов, а также спадом в конце пятилетки вследствие ограничения индивидуального хозяйства. Следует отметить, что поскольку сокращение поголовья скота в годы войны было незначительным, то даже невысокие среднегодовые темпы его роста позволили уже в 1947 г. превысить довоенный уровень.

Если имеются данные за каждый год исследуемого периода, то среднегодовой темп изменения можно исчислить как среднее арифметическое из ежегодных темпов прироста поголовья. Для периода 1944–1949 гг. среднегодовой темп прироста поголовья крупного рогатого скота составлял на Урале 4,0 %. Восстановление свино- и конепоголовья началось на год позднее, а овец — только в 1948 г. Среднегодовые темпы прироста скота на Урале были весьма неодинаковы и составили за 1945–1950 гг. по конепоголовью 4,8 %, а по свиноголовью — 18,4 %. Различия объясняются значительным (в 2,6 раза) сокращением свиноголовья в годы Великой Отечественной войны.

Важным показателем работы сельхозпредприятий является производство животноводческой продукции. Наиболее обобщенным показателем развития отрасли является выход продукции в расчете на 100 га земли. Мясо и молоко, поголовье крупного рогатого скота, овец и коз — рассчитывается на 100 га площади сельскохозяйственных угодий, произведенная свинина и поголовье свиней — на 100 га пашни, количество яиц и поголовье птицы — на 100 га посева зерновых культур. Кроме того, исчислены средние показатели производства продуктов животноводства в расчете на душу населения.

Общий объем продукции животноводства зависит не только численности, но и от продуктивности животных. Различа-

ют продукцию индивидуальную и среднюю. Под первой понимают производительную способность отдельных животных дать в единицу времени определенное количество продуктов, а под второй — производительную способность совокупности животных давать определенное количество продуктов в единицу времени в среднем на одну голову. Показатели продуктивности исчисляют по отдельным видам продукции и за определенные периоды в зависимости от характера продукции и периодичности ее получения. Они могут рассчитываться по отношению к животным, фактически производящим продукцию, либо по отношению ко всем животным, содержащимся для производства этой продукции.

Показатели продуктивности животных имеют большое экономическое значение, так как они характеризуют качественный уровень развития животноводства. Продуктивность зависит от породного и возрастного состава поголовья, от кормления, ухода, условий содержания, уровня механизации трудоемких процессов и т. д. Показатели продуктивности определяются по основным видам продуктов животноводства (молоку, шерсти, яйцу, мясу и др.). Они позволяют охарактеризовать не только достигнутый уровень продуктивности отдельных видов и групп животных, но и изменение во времени (показатели динамики продуктивности) и пространстве (по хозяйствам, их категориям, по административному делению страны и т. д.) [16].

Основные показатели продуктивности сельскохозяйственных животных, птиц и пчел — средний удой молока на одну корову, средний настриг шерсти на одну овцу, средняя яйценоскость одной курицы-несушки, средний выход меда на одну пчелосемью. Важны показатели производства мяса в виде среднесуточного привеса животных на откорме или в нагуле, среднего годового выхода продукции выращенного скота на одну матку в живом весе, среднего выхода мяса на 100 га земельных угодий, среднего веса сдаваемого государству скота и т. д. Размер суточного удоя отдельных коров зависит от породы, питания, ухода, физического состояния животных, а также лактационного периода. Продуктивность коров измеряется средним надоем молока на одну фуражную и на одну дойную корову. Средний удой на одну дойную корову характеризует средний уровень молочной продуктивности коров, а на одну

фуражную — ту же продуктивность, но с учетом использования коров для производства молока, т. е. отражает производственную деятельность хозяйств. Средняя удойность коров на сельскохозяйственных предприятиях измеряется делением общего количества надоенного молока на среднее поголовье фуражных или дойных коров. Фактическая продуктивность коров по хозяйствам колхозников области или республики, где ведутся бюджетные обследования, определяется по результатам последних. Продуктивность индивидуального скота тех административных районов, где бюджетные записи не ведутся, определяется по материалам бюджетов колхозников экономически однородных районов.

Показатели продуктивности животных определяют также в приплоде, выраженном числом голов, а также упитанностью скота, выбракованного для забоя [17]. Наиболее простым показателем «мясной» продуктивности животных является средний вес одной головы скота. Он отражает результаты выращивания молодняка, привес и достигнутую упитанность скота, определенную процентом содержащегося в живом весе жира. Показатель среднего веса исчисляется как частное от деления суммы весов взвешенных животных на число этих животных. Различают живой вес (вес скота в живом виде) и убойный (вес туши убитого животного).

При установлении веса скота существуют определенные правила. Например, взвешивание производится через определенное время после кормления и поения животных, а в убойный включается вес туши без головы, ног, кожи, вымени и внутренних органов. Убойный вес зависит от вида животного, породы и степени упитанности. Например, убойный вес крупного рогатого скота жирной упитанности равен 47—49 % к живому весу, полукормленного — 42—46 %, тощего 39—41 %; убойный вес свиней колеблется от 70 до 85 %, овец — от 45 до 60 %. Отношение убойного веса к живому показывает долю мяса (с костями) и сала в живом весе и называется обычно выходом мяса.

Продуктивность овцеводства характеризует показатели настрига шерсти. Овец всех пород обязательно стригут весной, а грубошерстных и полугрубошерстных также и осенью. Средний настриг шерсти определяется делением валовой продукции шерсти на соответствующее поголовье овец.

Продуктивность птицеводства определяется показателями среднего веса одной забитой птицы, средней яйценоскости,

средним выходом пера и пуха на одну забитую голову. Средняя яйценоскость определяется делением числа снесенных за год яиц на число несушек или взрослых маток или на все поголовье на начало года. Продуктивность пчеловодства измеряется выходом меда и воска в среднем на одну пчелосемью, а также количеством полученных роев. При определении продуктивности пчел из общего выхода меда необходимо исключить мед, оставленный в ульях на зиму. Число пчелосемей берется либо на период медоноса, либо на момент весенней выставки ульев на пасеку.

Следует отметить, что показатели продуктивности животных всегда условны. Различное производственное направление, придаваемое группам хозяйств и районов на разных стадиях развития, усиливает использование какой-либо одной стороны продуктивных качеств животных и одновременно ослабляет другие стороны. Например, исчисление среднего удоя, сделанное отдельно для всех коров, включая и не предназначенных для молочного производства, формально правильно, но результат такого исчисления будет иметь значение лишь при определении валового надоя. Однако смысл и значение этого показателя состоит в характеристике молочной продуктивности коров, содержащихся только для производства молока, а не всех коров. Поэтому в рассматриваемые годы для правильного определения среднегодового надоя молока по совхозам Наркомата совхозов из расчета показателя удойности коров исключались мясные совхозы, в которых коров, как правило, не доили [18].

При анализе изменения уровня продуктивности животных широко применяются индексы. Они рассчитываются для отдельных видов скота по основным продуктам животноводства. Различают индексы удоев молока на одну корову, настрига шерсти на одну овцу, выхода меда на одну пчелосемью, яйценоскость кур и т. д.

В годы коллективизации животноводству на Урале был нанесен громадный ущерб. За третью пятилетку оно заметно окрепло, однако по-прежнему оставалось отстающей отраслью сельского хозяйства. Продуктивность скота была низкой, особенно в колхозах. В 1940 г. удельный вес последних по численности крупного рогатого скота, овец и коз составлял 30,0 %, свиней — 60,0 %. Однако, имея такое количество скота, колхозы произ-

водили лишь треть (в 1040 г. — 32,3 %) животноводческой продукции. Две пятых продукции (41,4 %) приходилось на долю крестьянских хозяйств, 17,8 % давали хозяйства рабочих и служащих, 7,9 — государственный сектор (совхозы и подсобные сельские хозяйства промышленных предприятий) и 0,7 % — единоличники [19].

В первый год войны животноводство на Урале удалось сохранить практически на довоенном уровне. Производство уменьшилось лишь на 3,5 %, а по некоторым видам продукции даже возросло (сократилось производство яиц и мяса кроликов, количество получаемого мяса основных видов осталось на довоенном уровне, а молока и меда возросло). Достаточно стабильное положение в отрасли в 1941 г. объясняется тем, что по сравнению с другими отраслями народного хозяйства война меньше затронула кадры животноводства. Как и в довоенные годы, здесь преобладал женский труд. Не произошло существенных изменений ни в уровне механизации животноводства, ни в условиях содержания скота.

Влияние войны на положение в отрасли усиливалось по мере ухудшения дел в земледелии и сокращении кормовой базы. В 1943 г. кормовой баланс большинства хозяйств был крайне напряжен. Для увеличения запаса кормов многие артели производили заготовку торфа, мха, опила и других подстилочных материалов, чтобы заменить ими солому. В качестве корма стали широко использовать сапрпель, что сказалось на продуктивности животных.

Ведущей отраслью скотоводства было на Урале молочное животноводство. В 1942—1943 гг. продуктивность коров заметно снизилась, а с 1944 г. наметился прирост, позволивший через три года достигнуть довоенного уровня. Тем не менее, надой молока в совхозах региона были ниже, чем в среднем по России на 10—20 %. Еще ниже была на Урале продуктивность коров в колхозах, зато в личных подсобных хозяйствах крестьян — выше. Это объясняется рядом преимуществ индивидуального животноводства. В условиях слабой механизации колхозного и совхозного производства животные в крестьянском хозяйстве находились вблизи кормовой базы, к уходу за скотом часто привлекались подростки и престарелые, при кормлении животных широко использовались кормовые отбросы и т. д.

Сокращение стада, снижение его продуктивности вело к сокращению продукции животноводства. Пик кризиса при-

шелся на 1943—1944 гг. В 1944 г. производство шерсти по сравнению с 1940 г. сократилось на 44 %, мяса основных видов (говядины, баранины, свинины) — на 41 %, мяса птицы — в 2,1 раза, мяса кроликов — в 4,4, яиц — в 2,7 раза и т. д. [20]. Довоенный уровень производства сохранился лишь по молоку (за счет индивидуального сектора) и меду (благодаря благоприятным для медосбора погодным условиям).

В 1944 г. в стране были предприняты меры по укреплению сельского хозяйства в целом и животноводства в частности. Это позволило уже на следующий год добиться в ряде областей и районов края неплохих результатов. В целом животноводство вышло из войны в гораздо лучшем состоянии, чем земледелие. Об этом свидетельствуют как качественные, так и количественные показатели развития этих отраслей. Так, если в земледелии размеры производства сократились на треть, то в животноводстве лишь на 17,0 %.

Важный показатель продуктивности животноводства — приплод скота, а также упитанность выбракованных животных. Данные свидетельствуют о росте приплода молодняка в совхозах. В конце 1940-х гг. в большинстве областей и республик края он превысил довоенный уровень. В 1944—1950 гг. упитанность скота постоянно возрастала. Исключение составил 1947 г., когда после неурожайного года вес сдаваемого в мясопоставки свиноголовья оказался даже ниже, чем в 1943 г. Выше среднего был сдаточный вес у скота из индивидуальных хозяйств, ниже — у колхозного.

Оценивая итоги развития сельскохозяйственного производства в годы Великой Отечественной войны, следует отметить, что, как в земледелии, так и в животноводстве, преобладала тенденция к сокращению. Попытки получить больше продукции за счет расширения посевных площадей и увеличения общественного поголовья в колхозах не дали результатов. Административные методы руководства без учета реального состояния сельского хозяйства лишь усиливали его кризисное состояние.

Пятилетним планом развития народного хозяйства СССР предусматривались меры по укреплению животноводства. Особое внимание уделялось восстановлению поголовья скота. Для этого улучшалась племенная работа, укреплялась кормовая база, увеличивались масштабы капитального строитель-

ства. В апреле 1949 г. был принят трехлетний план развития колхозного и совхозного животноводства. В результате объем продукции отрасли за годы четвертой пятилетки увеличился на Урале примерно на четверть.

Анализ положения в животноводстве показывает, что на Урале оно вышло из войны в гораздо лучшем состоянии, чем растениеводство. Об этом свидетельствуют как количественные, так и качественные показатели развития этих отраслей. Наибольший спад приходился на 1942–1943 гг., затем начался медленный подъем, приостановленный лишь неурожаем первого послевоенного года. Однако темпы прироста были невелики, и в результате восстановление довоенного уровня продуктивности к 1950 г. не охватывало всех областей и видов скота. Быстрее этот процесс шел на Южном Урале, медленнее — и нечерноземных районах. Медленный рост качественных показателей был обусловлен как тяжелой ситуацией в народном хозяйстве страны, так и существованием административно-командной системы, действующей на аграрный сектор экономики наиболее сильно.

Примечания

1. Гозулов А.И. Статистика сельского хоз-ва. — М., 1959. — С. 273.
2. Там же. — С. 180.
3. Брянский А.М. Статистика животноводства. — М., 1956. — С. 29.
4. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 260, л. 9, 16, 18; Д. 679, л. 1.
5. Шольп С.В. Статистика сельского хоз-ва. — М., 1956. — С. 212.
6. Дмитриев А.И. Статистика продукции сельского хоз-ва. Л., 1962. — С. 42, 43.
7. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 323, д. 48, л. 1, 2; Д. 57, л. 1, 2.
8. История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 2. — М., 1961. — С. 166.
9. ЦГАУР. Ф. 567, оп. 5, д. 1072, л. 89.
10. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 329, д. 1490, л. 143–147; ЦГИА РБ. Ф. 1083, оп. 1, д. 4, л. 94; ЦГАУР. Ф. 567, оп. 6, д. 1072, л. 89.
11. Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-эконом. результаты. — Саратов, 1967. — С. 77; ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 905, л. 10; Д. 909, л. 13, 26.
12. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 329, д. 1490, л. 144–147.
13. ГАРФ. Ф. 259, оп. 6, л. 3125, л. 181, 184; Ф. 262, оп. 5, д. 388, л. 124, 136.
14. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 2291, л. 5, 65–72; Д. 3235, л. 5, 65–72; Д. 3751, л. 3, 5, 65–72. -
15. Там же. — Оп. 324, д. 1869, л. 48–56; Д. 2269, л. 19, 79–86; Д. 2691, л. 5, 65–72; Д. 3235, л. 5, 65–72; Д. 3751, л. 3, 5, 79–86; Оп. 329, д. 1490, л. 148, 149, 417.

16. Гозулов А.И. Указ. соч. — С. 197, 198.
17. Там же. — С. 210—212.
18. Брянский А.М. Указ. соч. — С. 120.
19. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 323, д. 57, л. 1, 2.
20. Там же. — Д. 57, л. 5, 6; Д. 971, л. 4—8; 18, 19.

III. НАСЕЛЕНИЕ УРАЛА

Национальный состав сельского населения Урала накануне Великой Отечественной войны*

Победа Октябрьской социалистической революции привела к коренным социально-экономическим преобразованиям в нашей стране. В ходе социалистического строительства для национального развития СССР были характерны две тенденции: расцвет социалистических наций и их сближение. Однако национальные факторы продолжают играть важную роль в жизни советского народа. Не вызывает сомнения, что национальные особенности людей, их языковые, культурные и прочие различия будут существовать еще длительное время. Отсюда возникает потребность самого тщательного изучения национальной структуры населения. Это и определило проблематику исследования, тем более, что данные о национальном составе населения Урала в конце 1930-х гг. еще не вводились в научный оборот.

Период социалистической реконструкции народного хозяйства СССР сопровождался коренными изменениями во всех областях жизни общества. Индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства повлекли значительное перераспределение людских ресурсов между отраслями народного хозяйства, изменение численности, состава и размещения населения, его профессиональной структуры, повышение культурного уровня и т. д. Все это требовало организации переписи населения. Она должна была определить происшедшие в стране изменения и дать сведения для планирования дальнейшего развития народного хозяйства СССР. Всесоюзная перепись была проведена в стране по состоянию на 6 января 1937 г., т.е. через 10 лет после Всесоюзной переписи населения 1926 г. Однако Совнарком СССР в постановлении от 25 сентября 1937 г. признал ее организацию неудовлетворительной а итоги дефектными и обязал ЦУНХУ провести новую Всесоюзную перепись населения в январе 1939 г. [1]. Новая пе-

* Ранее опубликовано в кн. : Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период: история и историография. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1990. — С. 106–117.

репись была проведена по состоянию на 17 января 1939 г. Ее материалы были обработаны и в самом общем виде опубликованы в 1939—1940 гг. [2]. Подробные итоги переписи были подготовлены к публикации, но их обнародованию помешала Великая Отечественная война. Некоторые материалы были опубликованы позднее, однако в областном масштабе они охватывали лишь численность населения [3]. Неопубликованные материалы переписи населения России хранятся в фонде Госкомстата РСФСР в Центральном государственном архиве РСФСР.

В.И. Ленин придавал переписям населения исключительно большое значение. Он рассматривал их как дело чрезвычайной государственной важности [4]. Переписи содержат подробные сведения о численности и составе населения, его профессиональной и половозрастной структуре, уровне образования и т. д. Это важнейший источник для характеристики населения СССР. Однако материалы Всесоюзной переписи населения 1939 г. исследователи только начинают вводить в научный оборот [5].

За годы реконструкции народного хозяйства численность населения на Урале возросла и составила на начало 1939 г. 13,4 млн человек. Прирост населения в основном происходил за счет увеличения числа горожан. Численность сельских жителей существенно выросла в Башкирии. В Оренбуржье и Удмуртии сельское население увеличилось незначительно, а в остальных областях Урала сократилось. В целом в межпереписной период при росте населения края на 24,4 % численность горожан увеличилась в 2,6 раза, а сельчан уменьшилась на 3,2 %. В результате удельный вес сельского населения снизился на Урале с 83,1 % в 1926 г. до 64,7 % в 1939 г. [6].

Характерной особенностью России является многонациональная структура населения, в том числе и крестьянства. Анализ материалов переписи показывает многонациональный состав сельского населения и на Урале. Наиболее многочисленной его группой было русское крестьянство, численность которого превысила 5,5 млн человек. Это составило 2/3 (63,6 %) всего сельского населения края. В уральской деревне, наряду с русскими, проживало также 953,6 тыс. татар, 745,7 тыс. башкир, 478,6 тыс. удмуртов, 269,7 тыс. украинцев, 164,3 тыс. мордовцев, 130,6 тыс. чувашей, 112,9 тыс. коми-пермяков, 110,4 тыс. марийцев, 97,2 тыс. каза-

хов, 43,1 тыс. белорусов, 22,7 тыс. немцев и 39,4 тыс. представителей других национальностей.

Данные переписи показывают, что на Урале сельское население имело более сложную структуру, чем городское. Разнообразие национального состава уральской деревни объясняется тем, что коренные жители края — башкиры, коми-пермяки, удмурты, а также проживавшие на Урале казахи, марийцы, мордва, татары, чуваша были заняты почти исключительно сельским хозяйством. Отчасти сдерживал миграцию в город и религиозный фактор. У исповедующих мусульманство народов (башкиры, татары) процесс урбанизации шел медленнее, чем у христиан.

Национальный состав городского и сельского населения на Урале имел существенные различия. Удельный вес русских в городах был намного выше их доли во всем населении края. И наоборот, мордва, татары и особенно башкиры, казахи, коми-пермяки, марийцы, удмурты проживали преимущественно в сельской местности. Особенно резко национальный состав города и деревни различался в автономных республиках Урала. Горожане в них по преимуществу были русскими, а коренное население проживало в сельской местности. Так, в Башкирии удельный вес русского населения среди горожан составлял 72,2 %, в Удмуртии — 81,3 %, коренного соответственно 7,3 и 11,2 %. В сельской местности удельный вес русского населения был гораздо ниже: в Башкирии — 34,4 %, в Удмуртии — 46,5 %.

Существовавшие различия объясняются тем, что в Приуралье города исторически сформировались как опорные пункты постепенно расширявшегося Русского государства. Они были административно-территориальными центрами. Военные и административные, а также торговые и ремесленные функции в них выполнялись русскими. Данные показывают, что в Башкирии русские составляли относительное, а в остальных областях абсолютное большинство населения. При этом, если в Свердловской области национальный состав села был достаточно однороден и на долю русских приходилось 92,2 % населения, то в Оренбургской области заметную часть сельчан составляли мордва, казахи и украинцы, в Пермской области — коми-пермяки, в Челябинской области — башкиры и татары.

После русских, украинцев и белорусов второй по численности группой населения Урала являлись народы тюркской язы-

ковой семьи — башкиры, казахи, татары, чуваша. В конце 1930-х гг. крупные группы татар проживали во всех областях региона, а в Башкирии, Свердловской и Челябинской областях они по численности занимали второе место после русских. Основная масса башкир проживала на территории БАССР, составляя 21,4 % ее населения.

На Урале проживали и народы финно-угорской языковой семьи. Это — коми-пермяки, сосредоточенные в основном на территории национального округа, удмурты в УАССР, а также марийцы и мордва. В расселении представителей разных народов на Урале прослеживалась определенная закономерность. В Пермской, Свердловской и Челябинской областях размещалось в основном русское население. Башкирия и Оренбуржье — это районы значительного смешения населения. В УАССР проживали русские и представители коренной национальности — удмурты, а также небольшое количество татар.

В определенном порядке сельское население размещалось внутри областей. В Пермской области, например, башкиры и татары были сосредоточены в сельской местности в южных районах, удмурты — на западе, белорусы — в северных лесных районах, коми-пермяки — на территории Коми-Пермяцкого национального округа. Представители одного народа, как правило, проживали компактно. В башкирских, татарских и других деревнях наблюдался высокий процент жителей данной национальности. В Щучье-Озерском районе Пермской области в созданных на базе одной деревни колхозах проживали в основном представители одной национальности. Из 117 колхозов в районе русских было 81, татарских — 23, марийских — 3, чувашских — 2, белорусских и эстонских — по одному, смешанных — 6 [7]. Для Урала была характерна и высокая компактность расселения коренного населения. В 1939 г. на территории края проживало 95,1 % всех башкир и 86,3 % всех удмуртов [8].

Небезынтересно сопоставить данные о численности населения с данными о родном языке. Наибольшее расхождение этих показателей наблюдалось у населения, проживающего за пределами своих республик. Выходцы из других регионов быстро осваивали культуру того народа, среди которого проживали, в данном случае, русского. В процессе взаимного сближения народов СССР важную роль играл русский язык, который для многих представителей других национальностей стал родным.

Особенно быстро подвергалось ассимиляции белорусское и украинское население, что было вызвано близостью их культуры с русской. В ходе переписи городского населения лишь 33,0 % белорусов и 56,0 % украинцев назвали белорусский и украинский языки родными. В сельской местности этот процесс шел гораздо медленнее. Значительно слабее ассимиляция затронула коренных жителей Урала, в частности удмуртов. Из числа проживающих на селе удмуртов 99,1 % назвали удмуртский язык родным.

Особое положение с языком наблюдалось у башкир. Из 745,7 тыс. проживающих в сельской местности башкир лишь 279,1 тыс. (37,4 %) назвали башкирский язык родным. Башкиры, находясь в близком соседстве с татарами, испытывали сильное влияние их культуры. В результате в 1939 г. 1 273 тыс. сельских жителей назвали родным татарский язык, хотя татар проживало в сельской местности лишь 953,6 тыс. [9].

Материалы Всесоюзной переписи позволяют выявить национальные особенности половозрастной структуры населения. Для Урала была характерна диспропорция в соотношении полов, превышающая средний по РСФСР уровень. Особенно заметной была на селе диспропорция среди русского населения. В 1939 г. женщин среди них было на 429 тыс. (16,9 %) больше, чем мужчин [10]. Эта тенденция была характерна и для других проживающих на Урале народов, однако у них она была выражена слабее. Высокая диспропорция полов у русских в немалой степени обуславливалась уходом трудоспособных мужчин на работу в города. Кстати сказать более однородный национальный состав населения уральских городов позволил выходцам из русской деревни легче в них адаптироваться.

Важное условие построения социализма — повышение уровня образования трудящихся масс, освоение культурных ценностей прошлого, общий подъем социалистической национальной и интернациональной культуры. Однако решение этих задач сильно затруднялось унаследованной от дореволюционного прошлого неграмотностью большинства населения. За короткий исторический срок в СССР были достигнуты крупные успехи в области народного образования. К концу 1930-х гг. неграмотность в стране заметно снизилась. В начале 1939 г. лишь 13,7 % сельского населения СССР в возрасте 9–49 лет оставалось неграмотным [11].

В 1920—1930-е гг. в стране увеличилось число лиц, имевших среднее образование, однако заметный разрыв в уровне образования между русским населением и другими народами сохранялся. В начале 1939 г. у русских в расчете на 10 тыс. человек среднее образование имели 339, у татар — 243, удмуртов — 235, башкир — 227, коми-пермяков — 159, казахов — 74 человека [12].

Данные переписи позволяют выявить национальные особенности профессиональной подготовки работников сельского хозяйства. Так, в БАССР в расчете на 1 000 человек каждой национальности русских среди механизаторов было 26, башкир — 17, татар — 12, в Свердловской области русских среди механизаторов было 40, марийцев — 23, татар — 16; в УАССР русских — 27, удмуртов — 20, татар — 16 человек. Среди русского населения выше была и доля руководителей среднего звена — бригадиров и заведующих фермами. В БАССР в расчете на 1000 человек каждой национальности заведующими фермами работали 8 русских, 7 башкир, 6 татар; в УАССР — 9 русских и 7 удмуртов. Среди русского населения был ниже удельный вес лиц, не имеющих определенной сельскохозяйственной профессии. В Свердловской области среди занятых сельским хозяйством русских они составляли 68,0 %, марийцев — 77,0, татар — 80,0 %. В Челябинской области этот показатель у русского населения был равен 63,0 %, татарского — 71,0, башкирского — 76,0 %.

Немалый интерес представляют данные об участии женщин разных национальностей в сельскохозяйственном производстве. У всех проживающих на Урале народов, за исключением казахов, они были больше, чем мужчины, заняты в сельском хозяйстве. Перепись отметила и значительную дифференциацию полового состава руководителей среднего звена в зависимости от национальности. Если среди башкир, мордвы, татар женщины — заведующие фермами составляли всего от 1,0 до 7,0 %, то у русских — 24,0, украинцев — 26,0, а удмуртов — даже 37,0 % [14]. Аналогичная картина наблюдалась и среди бригадиров полеводческих бригад.

Приводимые данные характеризуют многонациональный состав населения Урала в конце 1930-х гг. Особенности исторического развития края привели к тому, что в сельской местности удельный вес русского населения был ниже, а национальный состав сложнее. В наибольшей степени национальная структура города и деревни отличалась в автономных

республиках. Но при этом во всех областях Урала абсолютное большинство населения, а в Башкирии — относительное большинство — составляли русские. Подобная картина наблюдалась и в сельской местности, за исключением Удмуртии, где численность коренного населения была несколько выше.

Как и для других районов России, для Урала была характерна ассимиляция представителей разных народов среди преобладающего русского населения. Проходил этот процесс неодинаково, быстрее ассимиляция шла в городе, медленнее в сельской местности.

Сравнительный анализ грамотности и профессионального уровня показывает, что более высокая грамотность русского населения определяла его лучшую квалификацию. Неодинаковым уровнем образования частично объясняется и тот факт, что женщин среди руководителей сельскохозяйственного производства было намного меньше, чем мужчин. К этому надо добавить и особенности семейных отношений, исторически сложившиеся у разных народов

Примечания

1. См. : Пустоход И.Д. Организация и проведение Всесоюзной переписи населения в 1939 г. — М., 1940. — С. 129.
2. См. : Правда. — 1939. — 2 июня; 1940. — 29 апр.
3. См. : Население СССР : (Численность, состав и движение населения. 1973) : Стат. сб. — М., 1975. — С. 14—15.
4. См. : Ленин В.И. ПСС. Т. 51. — С. 339, 345, 352.
5. См. : Айрапетов В.Г. Численность населения, рабочих и служащих Урала по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г. // Развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1938—1958). — Свердловск, 1982. — С. 27—29; Акутинова С.Д. Всесоюзная перепись населения 1939 года как источник по истории Калмыцкой АССР // Ученые зап. Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории. — Элиста, 1975. — № 12. — С. 145—153.
6. См. : Население СССР : (Численность, состав и движение населения. 1973). — С. 16.
7. ГАПО. Ф. 1090, оп. 2, д. 65, л. 244.
8. См. : Правда. — 1940. — 29 апр.; ЦГА РФ. Ф. 374, оп. 34, д. 1705, л. 147; Д. 1717, л. 157.
9. ЦГА РФ. Ф. 374, оп. 34, д. 1705, л. 147, 241; Д. 1717, л. 22, 57; Д. 1736, л. 119, 266; Д. 1746, л. 111, 226; Д. 1751, л. 165, 215; Д. 1752, л. 127, 238.
10. Там же.
11. См. : Правда. — 1940. — 29 апр.

12. ЦГА РФ. Ф. 374, оп. 31, д. 1705, л. 229–246; Д. 1717, л. 14–21; Д. 1736, л. 268–279; Д. 1746, л. 227–236; Д. 1751, л. 211–222; Д. 1752, л. 244–253.

13. ЦГА РФ. Ф. 374, оп. 34, л. 1705, л. 231; Д. 1717, л. 143; Д. 1736, л. 300; Д. 1746, л. 204; Д. 1751, л. 201; Д. 1752, л. 165, 177, 201.

14. См. : Там же.

Иностранные граждане еврейской национальности в СССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1937 г.) *

Вторая Всесоюзная перепись населения в СССР была проведена в январе 1937 г. Однако уже в сентябре того же года в специальном постановлении СНК СССР признал организацию переписи неудовлетворительной, а ее результаты — дефектными. Причины такой оценки результатов переписи заключались в том, что данные о численности населения СССР оказались значительно ниже ожидаемых. В результате организаторы проведения переписи были репрессированы, а ее материалы на десятилетия упрятаны в спецхраны центральных архивов. В настоящее время исследователи сходятся во мнении, что недоучет населения в переписи 1937 г. не превышает допустимые нормы и не превосходит аналогичные показатели в других советских переписях. В последние годы удалось обнаружить и опубликовать целый комплекс материалов переписи. Среди них подготовительные материалы по ее проведению, переписка вокруг ее итогов, данные по численности населения, национальному составу, уровню образования и грамотности и т. д. Все эти материалы в основном содержат сведения в целом, объем региональных данных весьма незначителен.

Помимо учета населения СССР, Всесоюзная перепись 1937 г. учитывала и иностранных граждан, находящихся в момент ее проведения на территории Советского Союза. При проведении переписи отдельно учитывалась каждая еврейская этнолингвистическая группа. Публикуемые материалы относятся только к Акшеназской группе, так как ее представители составляли большинство среди иностранных граждан еврейской национальности. Анализ материалов переписи показывает, что на момент ее проведения на территории СССР находилось 2 358 евреев-ашкеназов — граждан других государств. В общей численности иностранных граждан на территории Советского

* Ранее опубликовано в кн. : *Урал индустриальный // Региональная науч. конф. — Екатеринбург : Изд-во УГТУ, 1998. — С. 39–41.*

Союза их доля составляла 1,2 %. Чаще всего евреи имели иранское подданство. Из общего числа иностранных граждан удельный вес евреев из Ирана равнялся 30,0 %, т.е. составлял около трети. Больше всего их проживало в Азербайджане (8,7 % численности евреев — иранских подданных), в Грузии (76,7 %) и в Узбекистане (5,4 %). Значительная часть евреев-иноподданных в СССР — 29,9 % — являлась гражданами Польши. Больше всего их проживало на территории России — 76,1 %, Остальные находились в Украине — 8,2 %, Белоруссии — 4,5 % и Казахстане — 8,5 %. Евреи — румынские подданные составляли 8,2 % общего числа иноподданных евреев в СССР, евреи — граждане Латвии и Литвы — по 4,1 %, Австрии — 1,8 %. 494 человека (20,9 %) были гражданами других государств, в том числе Афганистана — 164 человека, Германии — 63, Турции — 42 человека. Что касается численности иностранных граждан еврейской национальности в отдельных республиках, краях и областях страны, то она была, как правило, невелика. Исключение составляли города Москва (316 человек) и Ленинград (74 человека), а также Свердловская и Челябинская области (соответственно 195 и 179 человек). При этом в уральских областях отмечалась и самая высокая доля еврейского населения среди прочих иностранных граждан. Кроме евреев — ашкеназов на территории СССР во время проведения переписи находились также 13 персидских евреев — иностранных граждан (в Азербайджане), 8 горских евреев (Азербайджан, Грузия), 8 грузинских евреев (Грузия), а также три среднеазиатских еврея (Узбекистан).

Что касается половозрастной структуры евреев-иноподданных, то преобладание мужского населения было незначительным. Часть еврейского населения составляли дети и подростки. Перепись учитывала лиц в возрасте до 18 лет. Расчеты показывают, что среди иноподданных их было немного. Так, в Свердловской области из 1 223 иностранных граждан лиц до 18 лет насчитывалось 117 (евреев соответственно 195 и 26), в Челябинской области из 1 500 иностранцев лиц до 18 лет было 279 (евреев соответственно 179 и 27).

Таким образом, обнаруженные в спецхране Российского государственного архива экономики материалы Всесоюзной переписи населения 1937 г. позволяют, во-первых, с высокой степенью точности определить численность, состав и размещение иностранных граждан на территории СССР, а, во-вторых, облегчает выяснение судеб тех из них, кто оказался жертвами тоталитарного режима в годы массовых репрессий.

Эвакуация в 1941–1942 гг. *

Эвакуация — это перебазирование основных производительных сил из прифронтовой и находящихся под угрозой оккупации районов. Эвакуация в СССР началась с первых дней Великой Отечественной войны. Осуществлялась она под руководством Совета по эвакуации (председатель — Н.М. Шверник, заместитель — А.Н. Косыгин). Во второй половине 1941 г. на Урал было перебазировано 667 предприятий. Среди них — московские завод «Калибр» и автомобильный, киевские заводы «Большевик» и «Укркабель», завод «Электросталь», Ижорский завод, Харьковский тракторный. Часть эвакуированных предприятий была размещена на базе родственных, усилив их производственный потенциал: Магнитогорский металлургический завод принял оборудование 34 предприятий, Нижне-Тагильский, Орский, Челябинский — по 13. На площадях Челябинского тракторного завода разместили оборудование ленинградского Кировского завода, Харьковского дизельного и других предприятий, на базе которых был создан крупнейший в стране танкостроительный завод («Танкоград»).

Одновременно проводилась огромная работа по эвакуации из фронтовой и прифронтовой полосы населения. Для его приема и размещения при облизполкомах были созданы управления уполномоченных по эвакуации, во все районы направлены специальные инспекторы, на узловых железнодорожных станциях созданы эвакуопункты. На начало 1943 г. на Урале насчитывалось 1 474,0 тыс. (9,6 % населения края) эвакуированных, в т. ч.: в Курганской области — 110,2 тыс., Оренбургской — 195,0 тыс., Пермской — 133,3 тыс., Свердловской — 190,0 тыс., Челябинской — 128,0 тыс., Башкирии — 247,3 тыс., Удмуртии — 56,0 тыс. человек. Большую часть эвакуированных составляли рабочие оборонных заводов и члены их семей, много было семей комсостава РККА и НКВД, деятелей науки и культуры. Так, в Свердловске в эвакуации находились писатели М. Шагинян, А. Караваев, Ф. Гладков, А. Барто, О. Форш, Л. Кассиль, Я. Коц и др.

Составной частью эвакуации был вывод в глубокий тыл научных, учебных, культурных учреждений и материальных цен-

* Ранее опубликовано в кн.: *Уральская историческая энциклопедия*. — Екатеринбург : ИИА УрО РАН, 1998. — С. 603.

ностей. В Уфу была переведена АН УССР, в Свердловск — Президиум АН СССР. На Урале были размещены театры Москвы — Малый театр (Челябинск), сатиры (Магнитогорск); Ленинграда — оперы и балета им. С.М. Кирова (Пермь), Малый оперный (Оренбург), ТюЗ (Березники), им. Ленинского комсомола (Серов), а также фонды Эрмитажа и Херсонесского музея, множество гражданских и военные учебные заведения.

Успешное перебазирование и быстрое восстановление производства на новых местах дало значительный военно-экономический эффект. Валовая продукция промышленности восточных районов СССР в 1942 г. увеличилась, по сравнению с 1940 г., в 2,4 раза. Особенно возросла роль Урала: его промышленность произвела до 40,0 % всей военной продукции СССР.

Матросов Александр Матвеевич *

Матросов Александр Матвеевич (05.02.1924, Екатеринослав — 23.02.1943, р-н дер. Чернушки Локнянского района Псковской области), герой Великой Отечественной войны. Воспитывался в Ульяновском детдоме, затем был помощником воспитателя в Уфимской трудовой колонии. С октября 1942 г. курсант Краснохолмовского пехотного училища (Оренбургская область). С ноября 1942 г. в действующей армии. Автоматчик 91-й СД (22-я армия, Калининский фронт). 23.02.1943 в бою в районе деревни Чернушки своим телом закрыл амбразуру вражеского дзота, погиб, выполняя боевую задачу подразделения. Посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Похоронен в г. Великие Луки. Имя Матросова присвоено 254-му Гвардейскому стрелковому полку и занесено в списки 1-й роты. В г. Уфе, Великих Луках, Ульяновске ему установлены памятники.

По своей и царской воле. Еврейская община на Урале *

В силу многообразия этнического состава населения России национальный вопрос традиционно имеет большую важ-

* Ранее опубликовано в кн.: *Уральская историческая энциклопедия*. — Екатеринбург : ИИ и А УрО РАН, 1998. — С. 327.

* Ранее опубликовано в : *Родина*. — 2002. — № 4–5. — С. 122–123 (в соавторстве с Т.В. Прощенок).

ность, как в политическом, так и в социокультурном плане. Одним из наиболее многочисленных народов, населявших нашу страну в XIX—XX вв., были евреи. Появление еврейского населения на Урале относится к первой четверти XIX в. Единственным фактором формирования еврейской диаспоры региона служила в то время миграция еврейского населения. Как известно, до конца XVIII в. евреи на территории Российской империи почти не проживали и появлялись в ее границах лишь эпизодически. Ситуация коренным образом изменилась после разделов Речи Посполитой, а также включения в состав Российской империи Бессарабии и Царства Польского. По данным пятой ревизии (1795 г.), численность евреев составляла 1,4 % населения страны, а по итогам VII ревизии (1815 г.) их было уже 2,4 %. В силу укоренившихся религиозных предрасудков при определении правового статуса евреев эти новые российские подданные иудейского вероисповедания были причислены к «иностранцам» и подчинены действию особых законоположений. Указом императрицы Екатерины II от 23 декабря 1791 г. для еврейского населения Российской империи была введена так называемая «черта оседлости», ограничивающая район проживания евреев территориями западных губерний страны.

Таким образом, до середины XIX в. евреям было практически запрещено проживать вне «черты оседлости». Исключение составляли лишь еврей-выкrestы. Поскольку российское законодательство в определении прав еврейского населения основывалось, прежде всего, на мотивах религиозного характера, с переходом евреев в христианство они освобождались от всех лежащих на них правовых ограничений.

Существование жесткой системы запретительных мер в отношении права проживания евреев за пределами «черты оседлости» не исключало возможности их миграции вглубь страны. Уже в первой четверти XIX в. начинается процесс формирования еврейских общин во внутренних регионах России и, в частности, в Пермской губернии. Начало формированию еврейской диаспоры на Урале положили ссыльные евреи. В то время крайним западным пунктом, где ссыльным разрешалось размещаться на поселение, была Пермь. В начале XIX в. здесь находились евреи, высланные из западных губерний страны за контрабанду, подделку денежных знаков и другие преступ-

ления. Так, по данным протоколов Пермского магистрата, в 1823 г. в податное сословие были приняты Лейбы Гершович из местечка Ясиновка и Ицак Мошкович из города Суховжинска, сосланные в Пермь и отбывавшие ссылку за ложный донос.

В числе сосланных в Пермскую губернию был и участник декабристского движения, член Союза Благоденствия Григорий (Гирш) Перетц. Благодаря его инициативе в проекты государственного устройства России Н. Муравьева и П. Пестеля были включены разделы, относящиеся к решению еврейского вопроса в России. Потомки Григория Перетца осели на Урале и получили широкую известность как крупные промышленники.

Проживание и деятельность евреев на Урале были строго регламентированы. Основой этой регламентации служил особый статус горнозаводского Урала — одного из главных центров металлургической и военной промышленности страны. В числе первых законодательных положений, относящихся к пребыванию евреев на территории края, был Указ императора Александра I от 19 декабря 1824 г. Поводом к его изданию послужила поездка императора по Уральскому хребту, в ходе которой им было замечено, что «евреи, вопреки... государственных указаний, стекаются на горные заводы и, занимаясь тайной закупкою драгоценных металлов, развращают тамошних жителей к вреду казны и частных заводчиков». Указ предписывал горному начальству следить, «...чтобы евреи отнюдь не были терпимы как на казенных и на частных заводах, в горном ведомстве состоящих. Ровно и в Екатеринбурге, ни проездом, ни жительством». Указ 1824 г. носил конфиденциальный характер и не был включен в свод законов Российской империи. Долгое время он служил основанием для распоряжений, ограничивающих проживание и службу евреев в Екатеринбурге и на уральских горных заводах. Неукоснительное исполнение указа производилось вплоть до ликвидации горнозаводской полиции в начале 1860-х гг. [1].

Новый этап еврейской миграции на Урал начался после введения для евреев натуральной рекрутской повинности. (Указ императора Николая I от 26 августа 1827 г.). На Урал начинают прибывать еврейские рекруты, а также значительные партии евреев-кантонистов. В соответствии с указом допускался прием рекрутов от евреев в возрасте от 12 лет. Такие малолетние рекруты поступали в специальные учебные заведения — бата-

льоны военных кантонистов. История института военных кантонистов и его роль в национальной политике государства заслуживают отдельного исследования. Он имел специфическую, присущую только России окраску: ни в одной другой стране мира не было института малолетних военнослужащих. В этом привлечении малолетних детей к воинской службе император Николай I видел эффективное средство крещения и ассимиляции еврейского населения. Евреи подвергались усиленной рекрутской повинности. Ежегодно с них брали по 10 человек с тысячи душ, в то время как с нееврейского населения рекрутов брали через год и по 7 человек с каждой тысячи.

Малолетние еврейские рекруты поступали в распоряжение воинского начальства и этапным порядком препровождались к месту назначения, главным образом, в уральские и сибирские губернии. Точные сведения о численности евреев-кантонистов в Оренбургском батальоне, Троицком и Верхнеуральском полубатальонах отсутствуют, так как источники представляют в основном информацию о масштабах крещения малолетних иудеев. Они свидетельствуют, что за четыре года — с 1840-го по 1843 г. — только в Пермских батальонах было обращено в православие 613 евреев.

Источники дают неоднозначную информацию о численности еврейского населения Пермской губернии в середине XIX в., что вызвано различными критериями его учета. В целом численность евреев колебалась от 200 до 500 человек, что составляло 0,01 % населения региона. При этом все еврейское население проживало в городах, что было обусловлено действием указа 1824 г., а также их традиционным тяготением к крупным торгово-промышленным центрам.

Таким образом, ядро еврейской диаспоры на Урале в первой половине XIX в. составляли ссыльные и военнослужащие. Последние, будучи на службе, имели право приобретать дома и жениться. Однако до конца 1860-х гг. нижние чины из евреев не имели права повсеместного проживания вне черты оседлости и по истечении срока службы были обязаны вернуться в «черту оседлости» [2].

Общая либерализация правительственного курса в правление императора Александра II привела к некоторым изменениям государственной политики в еврейском вопросе. Издаются целый ряд законов, допускающих поселение евреев вне

«черты оседлости». Право на это получили купцы первой гильдии, лица с высшим образованием, лица, занимающиеся цеховыми и не цеховыми ремеслами, а также демобилизованные нижние чины из евреев. С этого времени начинается качественно новая волна миграций еврейского населения на территорию Пермской губернии и стремительный рост их численности на Урале. В 1883 г. газета «Екатеринбургская неделя» сообщала: «В последнее время Екатеринбург стал пунктом, куда идет переселение евреев. Что ни день, то видишь все новые и новые лица» [3]. По данным Всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г., иудейское население Пермской губернии составляло 2 075 человек, это 0,07 % населения края. Центром размещения евреев на Урале оставалась Пермь, здесь проживало свыше половины еврейского населения губернии. Вторым по численности жителей — евреев среди городов губернии был Екатеринбург, третьим — г. Ирбит.

Рост численности еврейского населения губернии происходил на фоне увеличения общей численности еврейского населения Российской Империи. На протяжении XIX в. его численность в стране выросла в 9 раз и составила в 1897 г. 5, 2 млн человек иудейского вероисповедания или 3,95 % подданных страны (5-е место среди народов России). Из этого количества только 4,1 % проживали вне черты оседлости, из них около процента — на территории Пермской губернии.

В целом до начала Первой мировой войны миграция еврейского населения за пределы «черты оседлости» была подчинена строгому контролю со стороны государства и ограничивалась законодательными положениями, разрешавшими проживание во внутренних губерниях страны только определенным социальным группам евреев. Начало же Первой мировой войны и военные действия на территориях с высокой долей еврейского населения послужили мощным толчком его интенсивной миграции вглубь страны.

Один из потоков еврейских мигрантов был связан с очередным всплеском антиеврейских гонений. По инициативе военных властей около 500 тыс. евреев — жителей прифронтовых губерний — были изгнаны с мест проживания, поскольку рассматривались как политически неблагонадежные [4]. Часть из них была направлена на поселение во внутренние губернии страны, в том числе и на Урал. В основном эта категория миг-

рантов была представлена австро-венгерскими подданными, высланными из районов русской армии на Галицийском театре военных действий. Первые партии евреев из Галиции стали поступать в Пермскую губернию в мае 1915 г., к концу года только в Перми насчитывалось 320 галицийских евреев, в Чердыни — 186 человек. Часть из них была заключена в Пермскую губернскую тюрьму, остальные содержались под стражей в специально нанятых помещениях. Однако вскоре евреев — иноподданных освободили из-под стражи и перевели под надзор полиции [5]. Помимо депортированных из прифронтовой полосы, на Урал прибывали и небольшие группы пленных евреев — военнослужащих австро- венгерской армии, а также беженцы, которые появились на Урале уже в сентябре 1914 г. К началу 1916 г. только в г. Екатеринбурге на попечении местного отдела по устройству беженцев находилось 2,9 тыс. человек, треть из них составляли евреи.

Вызванные войной чрезвычайные обстоятельства стали причиной пересмотра правительством правового положения евреев в сфере свободы перемещения и выбора места жительства. В августе 1915 г. распоряжением министра внутренних дел евреям было разрешено жительство в городских поселениях вне «черты оседлости», за исключением столиц и местностей, находящихся в ведении министра императорского двора и военного министра. По сути, действием данного распоряжения была отменена существовавшая до этого «черта оседлости». Однако право свободного проживания евреев во внутренних губерниях страны было ограничено территорией городов.

В целом формирование еврейского населения на Урале в XIX — начале XX в. практически целиком зависело от тех или иных тенденций государственной политики Российской Империи. Следствием этого стало достаточно позднее возникновение еврейского населения в горнозаводских поселках и столице горного края — Екатеринбурге. Однако, несмотря на наличие огромного количества дискриминационных правовых норм, миграция на территорию Урала в XIX — начале XX в. привела к формированию здесь к началу советского периода стабильной и достаточно многочисленной еврейской диаспоры.

После двух революций 1917 г. в России сложились новые политические и социально-экономические условия, ставшие причиной интенсивных миграций населения как внутри стра-

ны, так и за ее пределы. В сравнительно короткий интервал времени в миграционный поток оказалась втянута значительная часть населения бывшей Российской Империи, что привело к серьезным изменениям в численности народов и характере их размещения на территории страны. Евреи, как диаспорально расселенный этнос, были наиболее подвержены миграционным факторам и отличались большей мобильностью по сравнению с народами России, проживавшими в границах своих этнических территорий.

Особое влияние на миграционные процессы оказала Гражданская война. Кровавые еврейские погромы стали обычным явлением в западных регионах бывшей империи, и, спасаясь от погромной волны, еврейское население интенсивно перемещалось вглубь страны — там антисемитизм имел меньшее распространение. Источники отмечают прибытие на Урал значительного количества евреев — жертв погромов. По данным Уральского областного отдела народного образования, только в екатеринбургской губернии в 1919—1920 гг. насчитывалось около 10 тыс. евреев — беженцев. Активная миграция еврейского населения на Урал продолжалась и после окончания войны. Вызванная семилетней войной разруха подорвала социально-экономическую основу существования местечкового еврейства, занятого до революции преимущественно в сфере ремесла и торговли. Настоящим бичом для еврейского населения западных и южных губерний СССР стала повальная безработица и отсутствие средств к существованию. В то время во внутренних районах страны, особенно в крупных городах, имелись большие возможности для частной хозяйственной инициативы и трудоустройства.

В годы Гражданской войны и в первые годы нэпа трудовая миграция евреев носила спонтанный характер. Впоследствии переброска еврейского населения вглубь страны, где стал ощущаться недостаток кадров, начинает осуществляться в плановом порядке. Этим занимались Государственный комитет по земельному устройству еврейских трудящихся (Комзет) и Общественный комитет по земельному устройству еврейских трудящихся (Озет). Осенью 1927 г. возникает Уральское областное отделение Озет, вскоре его отделения появляются в г. Ирбит, Первоуральск, Пермь, Свердловск и др. Источники свидетельствуют, что поток еврейских мигрантов на Урал был достаточно многочисленным. Только в 1932 г. по нарядам Озет на Урал прибывает около

трех тысяч человек. С началом индустриализации еврейская молодежь из Белоруссии и с Украины направляется на крупные уральские заводы, УЗТМ, например. По данным Всесоюзной переписи населения СССР 1926 г., на территории Уральской области, включающей в себя Средний и Западный Урал, насчитывалось 12,7 тыс. евреев, что составляло 0,2 % ее населения. Основным местом их проживания становится Свердловск, Пермь же постепенно теряет свою притягательность для еврейских мигрантов.

Характерно, что помимо граждан СССР, в регион прибывает и достаточно многочисленный контингент евреев — граждан других государств. Для евреев Европы трудовая миграция в СССР имела особое значение. Мировой экономический кризис самым тяжелым образом сказался на экономическом положении еврейского населения и создал благоприятную почву для распространения антисемитизма не только в Германии, но и в других странах, сохранившим демократический строй. С 1929 г. Советский Союз разворачивает специальную кампанию по привлечению квалифицированной рабочей силы из-за рубежа. По имеющимся данным, в годы второй пятилетки на Урале контингент иностранной рабочей силы насчитывал 5,6 тыс. человек, иностранные граждане еврейской национальности работали практически на всех крупных предприятиях.

Значительный контингент мигрантов составляли и перебежчики из многих европейских стран, прибывающие в СССР в поисках работы или политического убежища. Пик миграции перебежчиков пришелся на 1932—1933 гг. В Советском Союзе их размещали в специальные карантинные лагеря, прошедших проверку направляли на крупные стройки в восточные районы страны. Централизованного учета перебежчиков не велось, источники дают лишь отрывочные данные об их численности на отдельных предприятиях Урала. Так, в июне 1932 г. в г. Надеждинске их насчитывалось около 850 человек, в г. Первоуральске — 1 057. По выборочным данным в общем, количестве перебежчиков доля евреев составляла около половины — 47 %. Часть перебежчиков была представлена политэмигрантами — членами коммунистических и социал-демократических партий, среди которых было много евреев. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. эмиграция в СССР по политическим мотивам была достаточно распространенным явлением.

На Урале политэмигранты были заняты в промышленности и народном образовании, учились в вузах [6].

Важным источником по данной проблеме являются итоги Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г. Ее итоги по иноподданным свидетельствуют о том, что в начале этого года в Советском Союзе насчитывалось 2 358 евреев ашкеназской этнолингвистической группы, граждан других государств. Из них в Свердловской области переписью учтено 195 евреев-иноподданных, что составляло половину их общей численности в Уральском регионе. По численности евреев — иностранных граждан Свердловская область находилась на втором месте среди республик и областей РСФСР и уступала только Москве [7].

В целом межвоенные годы отличались повышенной миграционной активностью населения СССР и оказали огромное влияние на еврейскую диаспору Урала. Ее численность в регионе выросла вдвое. Однако наиболее массовый поток мигрантов-евреев на Урал пришелся на годы Второй мировой войны. Эта война обернулась величайшей трагедией для евреев — в результате Холокоста погибла треть еврейского населения мира. Но как невелики были потери, части населения удалось избежать гибели. В их числе — беженцы из оккупированной Германией части Польши, а также эвакуированные в начальный период Великой Отечественной войны из западных областей СССР.

После оккупации Германией западных районов Польши и включения ее восточных воеводств в состав Советского Союза, около 200 тыс. польских евреев бежали через открытую границу в советскую зону оккупации. Здесь они были поставлены перед выбором: принять советское гражданство или вернуться на прежнее место жительства. Те из беженцев, кто изъявлял желание остаться в СССР, подлежали депортации в восточные районы Советского Союза. В ходе переселения в глубинные районы страны было переселено около 80 тыс. человек, 3/4 этих переселенцев составляли евреи. Часть этого контингента разместили на Урале, — в частности, 11,0 тыс. человек в Свердловской области, 1,7 тыс. — в Молотовской. Помимо евреев — граждан Польши, на территорию Советского Союза в марте 1939 г. бежало около 5 тыс. евреев из Чехословакии, а в июне 1940 г. до 130 тыс. из Румынии [8].

Начало Великой Отечественной войны послужило толчком к самой массовой за историю Советского Союза миграционной

волне — эвакуации гражданского населения в восточные районы страны. Урал становится одним из крупнейших районов, куда направляется эвакуационный поток. Среди переселившихся в регион людей львиную долю составляли рабочие и служащие, прибывшие с эвакуированными предприятиями, организациями и учреждениями. По состоянию на начало 1943 г., только в Свердловской области находилось 328 тыс. эвакуированных, в Молотовской — 241 тыс., в Челябинской — 312 тыс., в Чкаловской — 274 тыс., — 22 % из них составляли евреи [9]. В результате, по сравнению с данными Всесоюзной переписи населения 1939 г., численность еврейского населения края за четыре года выросла в 8 раз.

Удельный вес эвакуированного еврейского населения заметно варьировался в зависимости от конкретного района или населенного пункта. Так, в Туринском районе Свердловской области доля евреев среди эвакуированных составляла, по состоянию на октябрь 1941 г., 43 %, в Каменском районе и в г. Серове — по 16 %, в г. Свердловске — 21 %. Еще в большей степени различался удельный вес евреев в зависимости от той местности, откуда предприятия были эвакуированы. Так, среди работников эвакуированного в Свердловск Кунцевского завода № 46 евреи составляли 4,4 %, а в составе работников прибывшего также в областной центр гомельского завода им. Кирова их доля составляла 80 % [10].

С лета 1943 г. массовый характер приобретает реэвакуация. В результате к концу 1945 г. значительная часть эвакуированных на Урал из центральных областей вернулась на прежнее место жительства. Что касается выходцев с территории Украины и Белоруссии, особенно евреев, то существенная часть их после войны осталась на Урале. Для еврейского населения возвращение к прежним местам проживания часто было связано с большими трудностями и не только материального, но и морального порядка. Основной и общей проблемой для всех реэвакуированных было устройство на работу и получение жилья. Помимо того, военные и первые послевоенные годы на Украине, в Белоруссии и Прибалтике были отмечены значительным всплеском антисемитизма. Но самым тяжелым ударом стал геноцид еврейского населения на временно оккупированных территориях. Большинство вернувшихся евреев возвращалось фактически на кладбище, не находя никого из оставшихся родственников в живых.

Параллельно с реэвакуацией, начиная с 1946 г., с территории Урала происходил и процесс репатриации бывших польских граждан еврейской национальности. Из Свердловской области в Польшу уезжали 5,6 тыс. человек, из Молотовской — 1,8 тыс. В целом в результате обратной миграции лишь немногие из прибывших на Урал евреев-беженцев остались здесь на постоянное место жительства.

В 1950—1980-е гг. миграция еврейского населения на Урал была в основном связана с семейными или служебными обстоятельствами. В областные центры из западных районов страны приезжает еврейская молодежь, стремящаяся получить высшее образование. Тем более, что в послевоенные годы сеть высших учебных заведений в этих городах значительно расширилась. Кроме того, на Урале, в отличие от вузов Украины, например, не было случаев дискриминации граждан еврейской национальности при поступлении в высшие учебные заведения. Пик миграции с целью получения высшего образования пришелся на 1960-е гг. Другая часть мигрантов прибывала в регион по семейным обстоятельствам, к родственникам, обосновавшимся здесь ранее.

Однако даже миграционный поток еврейского населения не смог восполнить снижение численности евреев в регионе в 1950—1980-е гг. Если в 1959 г. в Свердловской области, например, насчитывалось 26 тыс. евреев, то в 1970 г. — 21,3 тыс., в 1979 г. — 18,4 тыс., а в 1989 г. — 14,3 тыс. Проведенная в 1994 г. микроперепись населения зафиксировала проживание в Свердловской области только 9 898 лиц еврейской национальности. Соответственно снизилась и доля еврейского населения в общей численности населения Уральского региона: в 1989 г. она составила всего 0,25 %. Снижение абсолютной и относительной численности еврейского населения на Урале во второй половине XX в. являлось общей тенденцией в демографическом развитии еврейского населения СССР, а затем и РФ. Причиной падения численности еврейского населения после Второй мировой войны была неблагоприятная демографическая и этнокультурная ситуация в стране, а также массовая миграция евреев за рубеж, начавшаяся в нашей стране в конце 1960-х гг.

В целом можно говорить о волнообразном характере миграции еврейского населения на Урал в советский период. В 1918—

1939 гг. прибытие евреев в регион было обусловлено целым комплексом факторов. Среди них — общие миграционные потоки населения страны, вызванные гражданской войной, нэпом и реконструкцией народного хозяйства, а также ликвидация законодательных ограничений права свободного передвижения еврейского населения по территории страны и потеря традиционных источников доходов значительной части местечковых евреев. Основными районами выхода мигрантов служили западные районы Советского Союза (особенно Белоруссия и Украина), а также некоторые страны Восточной Европы, Польша в первую очередь. Миграция евреев на Урал в этот период отличалась высокой интенсивностью и вела к быстрому росту их численности в регионе, особенно в его индустриальных областях.

Наиболее интенсивный поток миграции евреев на Урал дает эвакуация 1941—1942 гг., для беженцев это было единственным спасением от гитлеровского геноцида. Послевоенные же миграции на Урал были обусловлены, главным образом, семейными или служебными обстоятельствами. Таким образом, среди причин миграции еврейского населения на Урал преобладали в основном социально-экономические факторы, особенно в межвоенный и послевоенный годы. В определенные периоды большое значение приобретают факторы внеэкономического характера, связанные с событиями внешней политики СССР.

Примечания

1. ГАСО. Ф. 24, оп. 32, д. 4560, л. 1—3.
2. Евреи // Энциклопедич. словарь Брокгауза — Ефрона. Т. 11. — С. 457.
3. Екатеринбургская неделя. — 1883. — 7 дек.
4. Евреи // Народы России: Энциклопедия. — М., 1994. — С. 156.
5. ГАПО. Ф. 36, оп. 11, д. 6, л. 42, 43, 76.
6. ГАРФ. Ф. 5515, оп. 23, д. 60, л. 1; ГАСО. Ф. 693-р, оп. 1, д. 1, л. 41, 60, 68, 98, 103, 104; ЦДОСО. Ф. 4, оп. 10, д. 696, л. 48.
7. РГАЭ. Ф. 1562, оп. 329, д. 148, л. 1—109; Д. 149, л. 1—136.
8. Куповецкий М.С. Людские потери еврейского населения в послевоенных границах СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Евр. ун-та в Москве. — 1995. — № 2. — С. 141.
9. ГАРФ. Ф. 327, оп. 2, д. 375, л. 28—30, 125; Д. 376, л. 4, 5, 20, 40; Д. 379, л. 4.
10. ГАСО. Ф. 540, оп. 1, д. 91, л. 23—73.

Коц (Данин) Аркадий Яковлевич *

Коц (Данин) Аркадий Яковлевич (03.10.1872. Одесса — 13.05.1943. Свердловск), поэт, переводчик на русский язык текста гимна «Интернационал». Родился в семье портового грузчика, окончил Горловское горное училище и горный институт в Париже. В 1902 г. сделал перевод на русский язык гимна «Интернационал», который впервые был опубликован в Женеве в журнале «Жизнь». Осенью 1941 г. с семьей эвакуировался из Москвы на Урал. Вначале он жил в Пермской области, а весной 1942 г. переехал в Свердловск. А.Я. Коц активно сотрудничал с заводскими газетами, в областной газете «Уральский рабочий» были опубликованы его стихотворения «Париж», «Тулунский взрыв», «Тебе, Урал!», «Уральская песня», «Песня о первой фронтовой». Похоронен на Михайловском кладбище в Екатеринбурге.

Корейские студенты в г. Свердловске. Год 1946-й *

11 октября 1946 г. на основании закрытого Постановления Совета Министров СССР для обучения в вузах Свердловска из Северной Кореи на Средний Урал прибыло 150 корейских граждан. Основная часть их являлась членами или кандидатами в члены корейской компартии, некоторые — членами демократического союза молодежи и лишь двое были беспартийными. Среди прибывших было 7 женщин. Основную часть корейцев — 110 человек направили на учебу в Уральский индустриальный институт, остальных — в Свердловский горный институт. Распределение прибывших по факультетам осуществлялось на основании пожеланий корейской стороны, в результате в индустриальном институте по 20 человек распределили на химический факультет, а также факультеты металлургии — черных и цветных металлов; 40 человек были зачислены на энергетический факультет и еще 10 — на факультет механики. В горном

* Ранее опубликовано в кн. : Екатеринбург : Энциклопедия. — Екатеринбург: ИИ и А УрО РАН, 2002. — С. 303–304.

* Ранее опубликовано в кн. : Урал индустриальный : Бакунинские чтения // Пятая региональная науч. конф. — Екатеринбург : Изд-во УГТУ, 2003. — С. 117.

институте корейских студентов направили учиться на горный и угольный факультеты.

Все прибывшие на Средний Урал студенты были размещены в 5-м студенческом корпусе. Здесь для них отвели 33 комнаты, в которых они жили по 4–6 человек. Поскольку основная часть корейцев не владела русским языком, то с первых дней их прибытия для них были организованы занятия по изучению языка. Питались они по нормам рабочей карточки в первой студенческой столовой. Суточная норма продуктов для них составляла: по мясу — 120 г, крупы — 40 г, жиров — 24 г, сахара — 12 г и хлеба — 0,5 кг. Кормили корейцев отдельно и в то время, когда в столовой отсутствовали советские студенты. Так как прибывшие иностранные граждане не имели теплой одежды, дирекция индустриального института каждому из них выдала по телогрейке, шерстяному свитеру, шарфу, паре перчаток, теплых носков и галош. Студентам также выплачивали стипендию в размере 500 рублей в месяц.

Судя по оперативным данным областного управления МГБ, большая часть корейцев была недовольна организацией учебного процесса. Вызывали нарекания и жилищно-бытовые условия, особенно чрезмерная скученность, а также качество и объем питания. Жить приезжим приходилось впроголодь, впрочем, как и всему советскому народу в то время, поэтому среди корейских студентов органами госбезопасности неоднократно были зафиксированы разговоры о том, что «...есть, начинает хотеться через час после завтрака или обеда». Интересны и первые впечатления иностранцев об уровне жизни в СССР. У себя на Родине все они были твердо убеждены в том, что в Советском Союзе «...жизнь очень хорошая и там нет бедных». Первое же знакомство с нашей страной убедило корейцев в обратном.

Проявления антисемитизма в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны *

Годы Великой Отечественной войны были временем крайнего напряжения всех ресурсов страны. Это верно не только в

** Ранее опубликовано в кн.: Урал индустриальный : Бакунинские чтения // Пятая региональная науч. конф. — Екатеринбург : Изд-во УГТУ, 2003. — С. 117–119 (в соавторстве с Т.В. Проценко).*

отношении материальной сферы (военной, оборонной, промышленной и т. п.). Тяжесть военных лишений легла грузом и на общественно-политическую сферу. Обострение социальных проблем влекло за собой и обострение проблем межнациональных, тем более, что предпосылки к межнациональной розни назрели еще задолго до начала войны. Одним из таких проявлений межнациональной розни был антисемитизм. Многие источники свидетельствуют о настоящем всплеске антисемитизма в СССР в период Великой Отечественной войны.

Негативное отношение к евреям развивалось по нарастающей с первых лет советской власти. Традиционное стремление к получению образования, высокая социальная мобильность, интеллектуальный потенциал российского еврейства способствовали тому, что в первые годы советской власти многие государственные, партийные, общественные посты оказались заняты евреями. Этот фактор и обусловил «расцвет» антиеврейских настроений, ставших неотъемлемым компонентом общественного сознания тех лет. Характерно, что в довоенные десятилетия антисемитскими настроениями были пронизаны практически все слои общества.

Свое развитие эти настроения получили в период Великой Отечественной войны. Гитлеровский геноцид, как это ни печально, получил в сердцах некоторой части жителей оккупированных территорий живой отклик. Известны многочисленные факты сотрудничества местного населения на Украине, в Белоруссии и Прибалтике с нацистами в проведении акций уничтожения евреев. В тылу бытовой антисемитизм стал неотъемлемой частью взаимоотношений местного населения тыла с эвакуированными (и не только эвакуированными) евреями.

По материалам Урала (отчеты о проверке жилищно-бытовых условий эвакуированных) видно, что антисемитизм в отношении эвакуированных евреев часто проявлялся на фоне неприязни местного населения к эвакуированным в целом. Особенно заметной эта неприязнь была в сельской местности. Помимо чисто бытовой неприязни к евреям, в антисемитских высказываниях местного населения присутствовал и политический мотив: «Вся власть жидовская, это из-за вашей власти война», «если с победой Гитлера будет переворот, я первая буду резать евреев». Проблемой антисемитизма серьезно занимались партийные органы, которыми данное явление рассмат-

ривалось как «фашистская провокация». Партийные меры для нейтрализации антиеврейских настроений включали в себя, как правило, проведение разъяснительной работы среди населения, а также административные меры в отношении распространителей этих настроений [2].

Однако решение проблемы антисемитизма возлагалось не только на партийные организации. Это входило и в компетенцию территориальных органов государственной безопасности (местные управления НКВД). В связи с этим большой интерес представляет спецзаписка «Об антисемитской активности враждебных элементов и росте антисемитских настроений в области» от 13 октября 1942 г., представленная начальником УНКВД по Свердловской области заместителю наркома внутренних дел СССР [3]. Как видно из документа, антисемитские настроения среди населения Свердловской области действительно имели широкое распространение. Показателен тот факт, что ими оказались охвачены практически все слои общества. Авторами высказываний были рабочие, колхозники, представители интеллигенции и монашества, красноармейцы, студенты. В спецзаписке приводятся многочисленные прецеденты антисемитской агитации. Основной акцент антисемитских высказываний делался на тезисе о «еврейском засилье» в аппарате государственной власти и других органах: «начиная от правительства, вся власть сейчас в России принадлежит евреям», «советской властью управляют не рабочие, и не колхозники, а евреи», «все крупные должности захвачены евреями» и т.п. Другой предмет недовольства населения — массовая эвакуация евреев в тыл («все евреи в тылу, а русские проливают кровь»).

Иногда антисемитская агитация имела откровенно погромную окраску («евреев надо душить», «мало их немцы перестреляли», «в тылу назревает погром»). При этом дело не ограничивалось лишь высказываниями. В течение первых девяти месяцев 1942 г. по области было зафиксировано 41 случай распространения анонимных листовок с лозунгами типа: «Бейте евреев!», «Долой евреев!». Имели место открытые угрозы и выпады в отношении лиц еврейской национальности. Так, один из местных жителей Талицкого района требовал выселить размещенную в его квартире еврейскую семью, а в ответ на отказ заявил: «если вы их от меня не уберете, я их перебью». В запис-

ке приводятся и примеры попыток избиения евреев. Отмечается, что такие агрессивные настроения присущи не только взрослым, но весьма распространены и в школьной среде.

Антисемитская агитация приравнивалась органами внутренних дел к антисоветской деятельности. Действительно, тезис о том, что правительственные посты оказались захвачены евреями, мог иметь своим следствием и недоверие правительству. Особое внимание НКВД привлекал пораженческий мотив антисемитских высказываний: «хорошо, что Гитлер продвигается» (т. к. он истребит всех евреев), «придет Гитлер, мы должны ему помочь уничтожить евреев». Поэтому меры по пресечению антисемитизма были репрессивными. Так, в течение первого полугодия 1942 г. УНКВД по Свердловской области было арестовано за антисемитскую деятельность и использование антисемитизма в контрреволюционной пропаганде 78 человек, а в течение следующих трех месяцев еще 192 человека.

Однако репрессивная политика НКВД вряд ли могла полностью подавить антисемитские настроения. Она скорее загоняла проблему внутрь, чем решала ее, тем более что существовали и многочисленные поводы для развития антисемитских настроений. В этой связи интересен инцидент, произошедший в г. Свердловске в апреле 1943 г., накануне еврейской Пасхи. Возмущение населения было вызвано тем, что в магазине горпищеторга № 45 производился отпуск пшеничной муки по хлебным карточкам только лицам еврейской национальности. Как выяснилось в ходе проверки, зав. магазином имела специальное распоряжение городского торгового отдела о продаже евреям пшеничной муки для выпечки мацы. Накануне ходатайство об этом было подано в Горсовет раввином Свердловской иудейской общины Верблевским. Ходатайство было удовлетворено (несмотря на острый дефицит продовольствия, массовый голод и вследствие этого высокую смертность местного населения) и общине причиталось получить 3–4 тонны (!) муки. Уже само по себе это решение являлось «политически неправильным» (как формулируется в докладной записке начальника управления НКВД по Свердловской области). Ситуация была усугублена еще и тем, что зав. магазином № 45 допустила вместо оптовой розничную продажу муки, что не могло не вызвать недовольства населения [4].

Антисемитизм в период Великой Отечественной войны, несомненно, не был лейтмотивом общественных настроений.

Но его распространение указывало на наличие неразрешенных противоречий в сфере межнациональных отношений. Эти противоречия получили свое развитие и в дальнейшем. Проблема общественного антисемитизма, кроме того, обусловила и успех государственных антисемитских акций послевоенных лет (борьба с космополитизмом и «дело врачей»).

Примечания

1. ЦДООСО. Ф. 4. оп. 36, д. 277. л. 105–107; Оп. 37, д. 158, л. 1–3.
2. ГАСО. Ф. 2508, оп. 1, д. 20, л. 61; Д. 21, л. 54.
3. Архив УФСБ по Свердловской области. Ф. 1, оп. 1, д. 146, л. 218–220.
4. Там же. — Д. 163, л. 90, 91.

Христианские конфессии и секты на Среднем Урале в 1950-е гг. (по данным архива УФСБ РФ по Свердловской области) *

С сентября 1943 г. в связи с изменением политики Советского государства по отношению к церкви перед Русской Православной церковью появились определенные перспективы. Были открыты многие закрытые ранее храмы, стали учреждаться духовные учебные заведения, начал выходить «Журнал Московской патриархии» и т. д. В послевоенные годы церковь смогла еще более расширить и упрочить свои духовные, организационные и материальные позиции. В 1958 г. в СССР было около 14 тыс. приходов, 69 монастырей и две академии. Большинство из оставшихся в живых священников вернулись из лагерей, а сама церковь вновь обрела определенное положение в обществе.

На Урале самой многочисленной по числу верующих и по количеству храмов традиционно является Русская православная церковь. В середине 1950-х гг. в области легально действовали 33 православные церкви, в которых состояли на службе 70 служителей религиозного культа (из них 22 человека ранее отбывали наказание за антисоветскую деятельность).

Сохранившиеся данные о совершенных религиозных обрядах свидетельствуют о тенденции к увеличению их числа. Так, в 1953 г. в Свердловской области было совершено 15 084 креще-

* Ранее опубликовано в кн. : Урал индустриальный // Бакунинские чтения. Т. 1. — Екатеринбург : Изд-во УГТУ-УПИ, 2005. — С. 423–427.

ния, а в 1954 г. — 16 895. Особенно заметным был рост крещений в областном центре: в 1953 г. в Свердловске состоялось 3 395 крещений, а в 1954 г. — 4 113. В 1954 г. в области было проведено 875 венчаний, в том числе в Свердловске — 230. Следует отметить, что многие православные священники были настроены критически по отношению к существующему в СССР строю и находилось под контролем агентуры УКГБ СССР по Свердловской области и его наружным наблюдением.

В XVII в. раскол в Русской православной церкви привел к возникновению старообрядчества. Старообрядчество — это совокупность религиозных групп и церквей в России, не принявших церковную реформу патриарха Никона. Старообрядчество делилось на ряд течений (поповцы, беспоповцы, беглопоповцы) и имело в своем составе две церкви — Белокриницкую и Беглопоповскую. В условиях давления на староверов со стороны церкви и Российского государства, значительное число сторонников старой веры стали прибывать на территорию Урала — преимущественно с берегов Белого моря, где обосновались беспоповцы.

В 1950-е гг. на территории области существовало 12 старообрядческих групп общей численностью свыше 2 тыс. человек, преимущественно старшего возраста. Наибольшая концентрация старообрядцев в Свердловской области была в Артинском, Висимском, Красноуральском, Кушвинском Невьянском, Нижне-Тагильском, Первоуральском, Ревдинском и Шалинском районах. Крупная группа старообрядцев численностью до 600 человек проживала в Кировградском районе, около 100 человек насчитывалось в пос. Шарташ. В области действовали три беспоповские старообрядческие часовни (д. Быньги Кировградского района, с. Лая Нижнетагильского района и г. Невьянск), а также одна церковь белокриницкого направления в с. Пристань Артинского района. Легально действующая старообрядческая церковь объединяла вокруг себя до полутысячи верующих.

Кроме того, на территории области насчитывалось 9 нелегально действующих старообрядческих групп и старообрядческий монастырь в с. Межевая Утка Висимского района. В монастыре проживало около 20 престарелых мужчин и женщин, занимавшихся в летнее время заготовкой и продажей сена, а также изготовлением и продажей свечей. Проживающие в мо-

настыре люди строго соблюдали обряды, в частности, они не покупали в магазинах продукты в готовом виде, считая их произведением «антихриста», а питались только полученными от подсобного хозяйства монастыря продуктами. Старообрядцы-монахи регулярно проводили отправление религиозных обрядов, обычно в вечернее или ночное время, при этом присутствовали по 150–200 человек.

Старообрядцы из Пермской, Свердловской и Челябинской областей в июле каждого года в религиозный праздник Петров день съезжались в пос. Карпушиха Кировградского района. В 1954 г. во время праздника, на котором собралось до тысячи человек, проводились моление и крестный ход с соблюдением всех старообрядческих обрядов, а также почитание расположенных в Карпушинских горах четырех могил виднейших старообрядцев.

Во второй половине XVIII в. в результате раскола со старообрядческим беспоповским толком в России возникла секта «истинно-православных христиан странствующих». Сторонники этой секты не признавали советских законов, отказывались от работы в советских учреждениях и колхозах, не получали паспорта. По данным органов УКГБ, в г. Верхняя и Нижняя Салда существовали группы последователей этой секты. Общая численность «истинно-православных христиан» в области составляла около 40 человек. На наиболее активных участников секты «истинно-православных христиан странствующих» органами государственной безопасности было заведено агентурное дело «Странники».

В 1920-е гг. в Русской православной церкви произошел новый раскол. Попытка митрополита Сергия приспособить московский патриархат к Советскому государству привела к тому, что значительная часть оставшихся в стране епископов отвернулась от него. Вначале оппозиционные епископы вместе со своими сторонниками создавали отдельные церковные группировки. Однако вскоре они подверглись преследованиям со стороны государства и вынуждены были уйти в подполье, создав так называемую «катакомбную» или «истинно-православную церковь». Таким образом, противники митрополита Сергия стали создавать нелегальные «домашние» церкви и призывать к отречению от всего советского как безбожного. По состоянию на 1950 г., в стране насчитывалось от 100 до 120 тыс. их

сторонников. В Свердловской области по данным УКГБ было выявлено три группы членов «истинно-православной церкви» ее численностью 30 человек. Больше всего сторонников — 10 человек, проживало в Артемовском районе. Все члены этой общины были преклонного возраста и активной деятельности не проводили.

Со времен разделов Польши на территории Российской Империи появилось компактно проживающее католическое население. После Октябрьской революции Римско-католическая церковь вместе с Русской православной церковью подверглась жестоким преследованиям и практически исчезла из общественной жизни Советского Союза. В ходе Второй мировой войны СССР аннексировал многие католические территории. Их население частично было выселено в восточные районы СССР, где и возникли католические молитвенные группы. Однако, в первые послевоенные годы основная часть католиков в результате репатриации была возвращена на родину. В результате католики в Свердловской области представлены только двумя группами в г. Асбесте и Карпинске общей численностью около 20 человек. Активной деятельности в рассматриваемый период они не вели.

Во второй половине XIX в. в России распространяются христианские общины протестантского направления. Среди множества самостоятельных течений, церквей и сект по выявленным источникам в 1950-е гг. в Свердловской области прослеживаются меннониты, евангельские христиане и баптисты, пятидесятники и адвентисты. Меннониты — это последователи протестантского учения, возникшего в XVI в. в Голландии, откуда оно распространилось в другие страны. На территории России появление меннонитов связано с прибытием в XVIII в. первых колонистов из Германии. В советский период в силу некоторых догматических положений, таких, как отказ от воинской службы и участия в общественно-политической жизни, меннониты не подлежали официальной регистрации в СССР. Все их организации считались незаконными и находились под контролем органов государственной безопасности.

В период Второй мировой войны и послевоенные годы в результате депортации и трудовой мобилизации на территории Свердловской области оказалось значительное число советских немцев (45,5 тыс. на 1 января 1949 г.). Судя по документам МГБ — КГБ, до 1947 г. верующие немцы осуществляли религи-

озную деятельность в узком кругу и не доставляли особого беспокойства властям. По сведениям УМГБ СССР по Свердловской области, в меннонитские организации входило около двухсот человек в Нижнетагильском, и свыше ста человек в Краснотурьинском районах.

В конце 1940-х гг. на Среднем Урале отмечается некоторое оживление религиозной деятельности, что было связано, прежде всего, с возвращением из лагерей части проповедников. В результате к 1958 г. на территории области действовало уже свыше десятка объединений меннонитов, некоторые из них в своем составе насчитывали до двухсот человек. Активизации религиозной деятельности среди немцев способствовал также приезд в районы области проповедников из других областей страны, что стало возможным вследствие ликвидации режима спецпоселения в середине 1950-х гг.

Определенное влияние на движение оказывали в этот период зарубежные меннонитские центры, а также отдельные лица путем засылки писем и бандеролей с вложением различного рода воззваний, религиозных статей и литературы, радиовещания зарубежных радиостанций, передающих выступления проповедников. По данным органов госбезопасности, для оказания поддержки немцам-сектантам использовался официальный канал туризма — под видом туристов в страну прибывали активные деятели меннонитских иностранных центров. С установлением дипломатических отношений с ФРГ и открытием германского посольства в Москве усилилось распространение религиозно-сектантской литературы. Все это способствовало значительной активизации деятельности меннонитов, в том числе на территории Свердловской области.

Общины евангельских христиан и баптистов появились на Урале в конце XIX — начале XX в. Сразу после Октябрьской революции Советская власть, стремясь подорвать влияние бывшей государственной Русской православной церкви, оказывала поддержку неправославным конфессиям. Однако с конца 1920-х гг. в стране начались ограничения религиозных свобод, что заметно осложнило церковную жизнь. Общины ставились вне закона, запрещались все их внецерковные инициативы, молитвенные дома разрушались или использовались для других нужд, старейшие и проповедники репрессировались. В Свердловской области в начале 1930-х гг. действовало три молитвенных дома евангельских христиан и баптистов. В

1934 г. эти молитвенные дома были закрыты, а их проповедники репрессированы.

В годы Великой Отечественной войны, как уже говорилось, репрессии против Православной церкви и других религиозных объединений в СССР были ослаблены. Вновь появилась возможность отправлять богослужение, многие пресвитеры и проповедники вернулись из лагерей. В октябре 1944 г. в Москве состоялся совместный конгресс евангельских христиан и баптистов, на котором было принято решение об их объединении.

В 1950-е гг. наиболее крупные группы евангельских христиан-баптистов в Свердловской области существовали в Полевском районе (около 30 человек) и г. Свердловске (около 15 человек). Группы по 8—10 человек были в Асбестовском, Каменск-Уральском, Камышловском, Красноуральском, Нижне-Тагильском, Ново-Лялинском и Талицком районах. Все они существовали на нелегальном положении, поскольку отказывались от регистрации. Основную массу прихожан составляли женщины.

Еще одной христианской общиной являются пятидесятники. Она появилась в России в начале 1920-х гг. из США. Название связано с мифом о сошествии святого духа на апостолов в пятидесятый день после вознесения Христа. Пятидесятники не признавали официальных церковных обрядов, икон и креста. На территории области насчитывалось 10 групп пятидесятников, в которые входило свыше 400 верующих. Наибольшее число пятидесятников было в областном центре — примерно 100 человек, а также в городах Асбесте, Красноуральске, Краснотурьинске, Тавде, Туринске. Обычно они проводили свои встречи по выходным дням небольшими группами по 7—10 человек в домах верующих под видом семейных праздников. Членами этого свободного церковного объединения были в основном женщины-домохозяйки.

В конце XIX в. в России появилась община Адвентистов седьмого дня, проповедующих «скорое Второе Пришествие Христа и наступление на Земле тысячелетнего царства Божия». Последователи этой общины чтят седьмой день (субботу), как установленный Богом день памяти о сотворении мира. В СССР в послевоенные годы центрами сосредоточения адвентистских общин стали Украина и Прибалтийские республики. После окончания Второй мировой войны на Урале, в Свердловской области, су-

ществовало три группы адвентистов седьмого дня («субботников») — в г. Асбесте, Ирбите и Полевском общей численностью 20 человек. Активной деятельностью эти группы не занимались и организационной связи между собой не поддерживали.

Были в Свердловской области и иеговисты. Возникшее в конце XIX в. в США Общество свидетелей Иеговы в центре своего учения содержит представление о последнем времени мира и событиях, которые будут связаны с победой Иеговы над всеми злыми властями. На территории Среднего Урала существовала насчитывающая 25 человек группа иеговистов в пос. Баранча Кушвинского района, 12 иеговистов проживали в Волчанске и р. пос. Новая Утка Первоуральского района.

В послевоенные годы прослеживается определенная тенденция в отношении органов власти к религиозным объединениям. Незначительный контроль за ними в 1945—1947 гг. объяснялся слабым влиянием различных христианских конфессий на население. В конце 1940-х — начале 1950-х гг. в СССР ужесточились меры по пресечению их деятельности. В этот период наиболее часто использовалось привлечение к уголовной и административной ответственности лиц, входящих в религиозные организации. С середины 1950-х гг. намечилось некоторое ослабление контроля за деятельностью различных конфессий, что определялось изменением общей ситуации в стране. Были пересмотрены дела, освобождены многие привлеченные ранее к уголовной ответственности верующие. В конце 1950-х гг., в связи с антирелигиозной кампанией, возобновились преследования по религиозным причинам, но, как правило, эти меры носили профилактический характер: индивидуальная работа агитаторов с сектантами, чтение лекций на атеистические темы, привлечение сил общественности и др.

Сельскохозяйственное переселение на Урал в 1940—1950-е гг.*

В размещении населения СССР большую роль играла миграция. Миграция взаимосвязана с другими социально-эконо-

** Ранее опубликовано в кн.: Сельскохозяйственное переселение на Урал в 1940—1950-е годы // Этнодемограф. процессы на Севере Евразии : Сб. науч. тр. Вып. 2. — Сыктывкар : Изд-во УрО РАН, 2005. — С. 98—104.*

мическими процессами и влияет на интенсивность их развития. Демографы выделяют четыре вида пространственного движения населения — эпизодическую, маятниковую, сезонную и безвозвратную миграцию. Последняя из них включает территориальное перемещение городского населения, сельского населения, а также обмен жителями между городом и селом. До настоящего времени проблема пространственного перемещения сельского населения в научной литературе исследована явно недостаточно. В 1950—1960-е гг. ей были посвящены лишь отдельные работы [1]. Во второй половине 1970-х гг. и в 80-е гг. интерес историков к вопросам демографии, в частности к переселению на Урал, заметно возрос [2]. Однако данная тема специально не изучалась. В результате одни авторы утверждают, что сельскохозяйственная миграция в Уральский регион происходила в первые послевоенные годы [3], а другие, что этот источник пополнения сельского населения появился в середине 1950-х гг. [4]. Однако, на наш взгляд, факты убедительно свидетельствуют, что наиболее интенсивным миграционный поток сельчан на Урал был в 1950—1953 гг.

Крестьянская колонизация восточных районов шла издавна. Плановое сельскохозяйственное переселение в СССР началось вскоре после окончания Гражданской войны. Его целью было максимально полное использование земельного фонда и освоение многоземельных районов. В 1924—1929 гг. на Урал переехали 44,1 тыс. крестьянских семей [5]. В 1930 г. в связи с коллективизацией массовое переселение было прекращено. В конце 30-х гг. плановое перемещение крестьян в стране возобновилось. Вопрос о переселении колхозников из малоземельных районов в многоземельные рассматривался на майском (1939 г.) Пленуме ЦК ВКП (б). В постановлении ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» было признано считать необходимым переселение колхозников в многоземельные районы Поволжья, Омской и Челябинской областей, Алтайского края, Казахстана, Дальнего Востока и т. д. Для этого при правительстве СССР было создано Переселенческое управление со своими органами в союзных республиках, областях и краях. В его задачи входило: сельскохозяйственное переселение колхозников и единоличников из малоземельных районов в многоземельные; перемещение и хозяйственное устройство кочевых и по-

лукочевых племен, переходящих на оседлость; переселение с земель, отчуждаемых для строительства, а также перемещение на вновь осваиваемые орошаемые земли.

Вскоре после названного пленума возобновилось сельскохозяйственное переселение и на Урал. В 1939 г. в Челябинскую область прибыли 39 крестьянских семей. В последующие годы поток мигрантов заметно возрос. В 1940 г. в области были размещены 10 420 крестьянских семей (47,8 тыс. чел.), в 1941 г. — 1 879. В 1940 г. 697 семей переехали и в Свердловскую область [6]. Направление переселенцев на Средний и Южный Урал диктовалось острой нехваткой рабочей силы в сельском хозяйстве этих районов.

Великая Отечественная война привела к большим изменениям в размещении населения. Из фронтовой и прифронтовой полосы выехали не менее 10 млн человек, в том числе более 1,5 млн — на Урал. По национальному составу большинство эвакуированных граждан составили русские, евреи и украинцы. На начало 1943 г. в Свердловской области находились 334,4 тыс. эвакуированных, из них 55,0 % составляли русские, 22,0 — евреи, 11,0 % украинцы. 41,2 % переселенцев — это женщины, 31,5 — дети [7]. Многие из них стали работать в колхозах, совхозах и МТС. В 1942 г. в Оренбургской области в сельском хозяйстве работали 48,7 тыс., в Свердловской — 15,0 тыс., в Челябинской области — 23,6 тыс. эвакуированных граждан [8]. Однако убыль трудоспособных сельчан, особенно в промышленно развитых областях была столь значительной, что приток эвакуированных не смог компенсировать сокращение сельского населения. К тому же в ходе реэвакуации значительная часть переселенцев вернулась обратно.

Массовая мобилизация сельчан в армию и направление на работу в промышленность, снижение рождаемости и рост смертности привели в 1940-е гг. к уменьшению числа сельчан на Урале почти на четверть. Это было намного выше, чем в среднем по стране. Убыль населения еще больше осложнила положение в сельском хозяйстве, которое и до войны испытывало острую нехватку рабочей силы. Сельскохозяйственное переселение и должно было пополнить трудовые ресурсы уральской деревни.

С началом Великой Отечественной войны плановое сельскохозяйственное переселение в СССР не прекратилось, однако его размеры сократились в несколько раз. По данным пла-

ново-финансового отдела Переселенческого управления при СНК СССР, в 1940 г. в стране были переселены 124,7 тыс. семей, в 1941 — 43,2 тыс., в 1942 — 21,1 тыс., в 1943 — 12,8 тыс. [9]. В 1944 г. масштабы данного процесса резко возросли. Это было вызвано заселением территории упраздненной в августе 1941 г. автономной республики немцев Поволжья, полумиллионное население которой вывезли в восточные районы страны, а также степных районов бывшей Крымской АССР, жители которой в мае 1944 г. были депортированы в Среднюю Азию и на Урал. С 1946 г. массовое сельскохозяйственное переселение стало производиться в Калининградскую, Ленинградскую, Сахалинскую, а с 1947 г. в Грозненскую и Сталинградскую области, наиболее пострадавшие в годы войны. С Урала в эти районы не мигрировали, за исключением Удмуртии, откуда в 1944 г. в Архангельскую и Мурманскую области выехали 396 семей. Быстрое заселение указанных выше районов позволило в 1950 г. возобновить прерванное Великой Отечественной войной сельскохозяйственное переселение на Урал. Мигранты прибыли из Белоруссии, Поволжья, а также центральных областей России. За 1950—1953 гг. из Белоруссии на Урал переселилось 6,5 тыс. семей, из областей и автономных республик Волго-Вятского района — 6,1 тыс., Центрального — 3,2 тыс., Поволжского — 3,1 тыс. [10].

Вначале миграционный поток крестьян на Урал был весьма невелик. В 1950 г. в Пермскую и Свердловскую области переехали всего 9 тыс. чел. В дальнейшем число мигрантов стало возрастать. В 1951 г. в четыре области региона (Курганскую, Пермскую, Свердловскую и Челябинскую) прибыли 26,4 тыс. человек, в 1952 г. — 32,4 тыс. [11]. В Башкирию, Удмуртию и Оренбуржье, где удельный вес сельского населения был достаточно высоким, плановое сельскохозяйственное переселение в эти годы не производилось.

Происходивший на протяжении ряда лет отток сельского населения в города привел к существенному сокращению трудовых ресурсов села и уменьшению возможностей их территориального перераспределения. Тем не менее, в послевоенные годы перемещение крестьян на восток в целом достигло довоенного уровня. Если в 1939—1940 гг. ежегодно по стране в нем участвовали в среднем 60,7 тыс. крестьянских семей (в годы войны в среднем 30,1 тыс.), то в 1946—1953 гг. — 59,9 тыс. Всего

в ходе планового сельскохозяйственного переселения в восточные районы страны за восемь послевоенных лет переехали около полумиллиона сельских семей (479,3 тыс.), в которых насчитывалось более 2 млн человек. В первые послевоенные годы переселение на восток имело незначительные масштабы, что было связано с необходимостью восстановления народного хозяйства в западных районах страны. Всего за 1946—1953 гг. на Урал прибыли 18,8 тыс. крестьянских семей (83,4 тыс. чел.). Это составляло 8,8 % от числа переселенцев в РСФСР и 3,9 % — в СССР [12]. Основной контингент мигрантов в регион был размещен в Пермской области.

Правительство СССР установило для переселенцев целый ряд льгот. Государство оплачивало проезд и провоз имущества, списывало с хозяйств недоимки, предоставляло единовременное денежное пособие. Для переезжающих в Курганскую и Челябинскую области пособие составляло 600 руб. на главу семьи и 200 руб. — на каждого ее члена (в ценах тех лет), в Пермскую область соответственно 1 000 и 300 руб. По прибытии на новое место крестьянам выделяли приусадебный участок и сенокосные угодья, отводили для строительства лес и предоставляли кредит. Хозяйства переселенцев на два года освобождались от уплаты налогов [13].

В результате планового переселения в крае впервые за много лет возросла численность сельчан. В Пермской области за 1950—1953 гг. прирост сельского населения составит 7,9 %, в Свердловской — 5,3, в Челябинской области — 7,0 %. Одновременно продолжался отлив части населения из сельской местности. В некоторых районах переселенцы не компенсировали его убыль. Более того, они часто не задерживались долго на селе и снова включались в миграционный поток. В Курганской области, например, несмотря на прибытие 10,2 тыс. колхозников, численность сельчан постоянно сокращалась [14].

В 1954 г. в переселенческом движении начался новый этап, связанный с массовым освоением целинных и залежных земель. Стали заселяться малоосвоенные районы Сибири, Поволжья и Урала. Обширная часть осваиваемых земель приходилась на Курганскую, Оренбургскую, Челябинскую области и Башкирию. Весной 1954 г. на целину выехали десятки тысяч новоселов. По сравнению с предшествующими годами социальный и национальный состав переселенцев заметно рас-

ширился. Приезжали не только колхозники, но и рабочие, служащие из многих районов страны. Многие новоселы ехали с большим желанием работать, однако непродуманность кампании создала серьезные трудности с закреплением людей на новых местах. Давал о себе знать остаточный принцип в решении социальных проблем: в целинных совхозах не доставало жилья, были плохо налажены торговое обслуживание и медицинская помощь, отсутствовали элементарные бытовые удобства. Неудивительно, что в отдельные годы из целинных совхозов уезжало до половины переселенцев, а в некоторых хозяйствах — 3/4 работников. К примеру, в 1955 г. в совхозе «Буруктальский» (Оренбургская область) из 320 механизаторов осталось лишь 90 [15].

Однако, несмотря на тяжелые материальные и жилищно-бытовые условия, многие переселенцы остались жить в целинных районах. Численность сельского населения там постоянно росла. В 1954 г. в Оренбургской области она равнялась 943,7 тыс. человек, в 1955-м — 972,5 тыс., в 1956-м — 977,3 тыс., в 1958 г. — 978,7 тыс. [16]. Всего за 1950-е гг. число сельских жителей на Урале возросло на 700 тыс. человек, тогда как по стране в целом оно продолжало уменьшаться. Разница в темпах показывает, что сельское население края увеличивалось за счет притока из других регионов. Вывод подтверждается и тем, что в Пермской и Челябинской областях, куда направлялся основной поток мигрантов, прирост сельского населения превышал средний показатель по региону.

Одновременно с межреспубликанским и межобластным, на Урале шло и внутриобластное переселение. Оно было вызвано многими причинами, в частности интенсивным промышленным строительством и ухудшением экологической ситуации. К примеру, в 1957–1958 гг. из-за радиоактивного заражения части территории Челябинской области оттуда были выселены 10,2 тыс. человек. В 1950-е гг. большой размах приобрело переселение из зон затопления. Так, в Пермской области по этой причине в 1952–1953 гг. переехали 37,4 тыс. человек, в Оренбургской области в 1953 г. — 1,4 тыс. [17].

В послевоенные годы в СССР наряду с внутригосударственными перемещениями имела место и внешняя миграция. Основные ее потоки определялись не экономическими, а политическими факторами. Во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. в

связи с изменением государственных границ произошел обмен населением между Советским Союзом и Польшей. Как известно, в результате депортации в 1940–1945 гг. часть польских граждан проживала на территории СССР (в том числе и на Урале). Их вывезли на восток после «освободительного похода» Красной Армии в сентябре 1939 г. После достижения соответствующей договоренности между странами, в начале 1946 г. из г. Челябинска были отправлены первые эшелоны с поляками. Навстречу им двигался поток советских граждан, репрессированных органами НКВД. В 1947–1948 гг. в Челябинской области разместили спецпереселенцев из Западной Украины, а также группу репатриантов из Франции. Направляли на Урал и репатриантов из Китая. В 1954–1955 гг. их поселили в десяти областях России, в том числе 267 семей — в селах Челябинской области [18].

Таким образом, 1940–1950-е гг. в СССР были периодом интенсивных миграционных процессов. Примерные расчеты показывают, что за эти годы из европейской части СССР на восток, включая Урал, переместились в общей сложности 8–10 млн человек. Многие из них прибыли в ходе планового сельскохозяйственного переселения. В послевоенные годы на Урале в нем четко прослеживались два этапа. В первом (1950–1953 гг.) участвовали колхозники, направлялись они по преимуществу в нечерноземные районы. На втором этапе основная часть переселенцев ехала на целинные земли Южного Урала. Это во многом способствовало стабилизации численности сельчан на территории Уральского региона. Проводившееся в СССР плановое сельскохозяйственное переселение из малоземельных районов в многоземельные было обусловлено необходимостью развития производительных сил страны и в определенной степени способствовало более рациональному размещению трудовых ресурсов. Правда, возможности переселения были использованы далеко не полностью. Тем не менее, временно удалось приостановить процесс сокращения сельского населения на Урале и освоить миллионы гектаров новых земель.

Примечания

1. Волков А.И., Павлов И.В. Правовое регулирование с.-х. переселения в СССР. — М., 1959; Куварин И. Сельскохозяйственное переселение в СССР // Экономика сельского хозяйства — 1961. — № 8. — С. 35–40; и др.

2. Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941). — Томск, 1976; Макарова Л. В. Миграционные процессы в СССР в послевоенный период // Демографическое развитие СССР в послевоенный период. — М., 1984. — С. 109—127; Вербицкая О.М. Основные этапы и направления с.-х. переселений в 1945—1958 гг. // Проблемы истор. демографии СССР (период социализма). — Кишинев, 1985. С. 52—59; Она же. Плановое с.-х. переселение в РСФСР в 1946—1958 гг. // Вопр. истории. — 1986. — № 12. — С. 13—26.

3. Сонин М.Я. Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда. — М., 1959. — С. 256.

4. Толмачева Р.П. Колхозы Урала в 50-е гг. — Томск, 1981. — С. 171.

5. Платунов Н.И. Указ. соч. — С. 83.

6. РГАЭ. Ф. 5675, оп. 1, д. 711, л. 1—4; ГАРФ. Ф. 327, оп. 2, л. 376, л. 104.

7. ГАРФ. Ф. 327, оп. 2, л. 51, л. 142—143.

8. Там же.

9. РГАЭ. Ф. 5675, оп. 1, д. 678, л. 5—9.

10. Там же. — Л. 101—106, 120, 134, 135, 243.

11. Там же. — Л. 42, 45, 47, 50, 52.

12. Там же. — Л. 3—23.

13. Справочник ольготах по переселению. — М., 1956. — С. 6, 8, 11, 29, 52.

14. РГАЭ. Ф. 5675, оп. 1, д. 678, л. 101; ГАРФ. Ф. 374, оп. 34, д. 1556, л. 66.

15. РГАСПИ. Ф. 1, оп. 9, д. 326, л. 158; Д. 318, л. 165; Д. 392, л. 160.

16. ГАРФ. Ф. 374, оп. 34, д. 1556, л. 44.

17. РГАЭ. Ф. 5675, оп. 1, д. 678, л. 105, 135, 214.

18. ГАРФ. Ф. 317, оп. 1, л. 384, л. 2, 54.

Украинское население Урала*

В настоящее время в исторической науке происходят кардинальные изменения. Расширение источниковой базы, отказ от догматизма, ликвидация цензурных ограничений позволяют значительно обновить проблематику исследований, наполнить их подлинно научным содержанием. Одним из перспективных направлений является изучение колонизации восточных районов СССР, миграционных процессов в XVIII—XX вв. в целом. Особый интерес вызывает сталинская демографическая политика, наложившая трагический отпечаток на судьбы многих людей. Миллионы репрессированных граждан были направлены на спецпоселение, в концлагеря и тюрьмы.

В XVIII—XIX вв. активное участие в колонизации восточных районов Российской империи наряду с великороссами

* Ранее опубликовано в кн.: Украинское население Урала // Український вимір : Збірник матеріалів з України та діаспори. Вип. п'ятий. — Ніжин : Изд-во НДУ, 2006. — С. 22.

принимали и жители Малороссии, в результате чего на Урале образовались районы компактного проживания украинского населения. Еще в 1920-е гг. в некоторых районах Челябинской и особенно Оренбургской областей существовали украинские сельсоветы, функционировали школы с преподаванием на украинском языке. Заметно возросла численность украинского населения на Урале в 1930–50-е гг., когда регион был превращен в огромный концлагерь. На протяжении только 1930–1931 гг. сюда поступило 32,1 тыс., семей с Украины (примерно 150 тыс. чел.), что составило половину всех депортированных в те годы за пределы республики.

Поток украинцев на Урал возрос с началом Великой Отечественной войны. Уже к началу 1942 г. на территории только Свердловской области насчитывалось около 400 тыс. эвакуированных граждан, в т.ч. 70 тыс. из УССР. Они были преимущественно из Киевской, Харьковской, Днепропетровской, Донецкой областей. Осенью 1941 г. на Урал стали прибывать и эвакуированные с Украины заводы. Только на Синарском трубном заводе в г. Каменске-Уральском разместили Днепропетровский завод им. Ленина, Нижнеднепровский завод им. Либкнехта, Мариупольский трубопрокатный, Макеевский трубный и другие предприятия. В Свердловске в эвакуации находился Киевский ветеринарный институт, в Нижнем Тагиле — Институт электросварки. Вместе с предприятиями приезжали рабочие, инженерно-технические работники, члены их семей. Это привело к тому, что на многих важнейших предприятиях удельный вес жителей Ураины был весьма значительным. В 1942 г. доля эвакуированных с Украины среди рабочих Уралхиммаша (киевский «Большевик») составила 45,0 %, среди Уралвагонзавода — 36,0 %.

В 1944 г. на Урал и в Сибирь стали прибывать десятки тысяч людей с Западной Украины. Непосредственные участники сопротивления Советской власти заключались в тюрьмы и лагеря ГУЛАГа, члены их семей направлялись на спецпоселение. На Урале в начале 1950-х гг. насчитывалось 18,0 тыс. спецпереселенцев из Западной Украины. Они работали в леспромохозах Пермской и угольных шахтах Челябинской областей.

Таким образом, в XVIII–XX вв. Урал оказался в центре миграционных потоков, направленных в восточные районы России. В колонизации края, формировании его населения, в

создании экономического потенциала принимали участие выходцы из многих районов страны, в том числе Украины.

Важным является выяснение судеб депортированных на Урал украинцев, установление мест их захоронений. Реализацию вышеуказанных задач обеспечивает существенная источниковая база. Украинистика на Урале представлена сотнями тысяч документов, хранящихся во многих центральных, областных и районных архивах. Среди них отчеты областных управлений НКВД о размещении, трудоустройстве и материально-бытовом положении спецконтингента, их личные дела и учетные карточки. Сохранились и фонды эвакуированных на Урал предприятий, данные о вкладе республики в освоение уральской целины. Это предполагает, во-первых, разработку методологии, отработку механизма реализации программы, во-вторых, выявление и обработку документальных материалов и местных архивов, в-третьих, составление списков умерших в лагерях, тюрьмах и спецпоселках на Урале украинцев, в-четвертых, сбор устных свидетельств участников тех событий, в-пятых, проведение экспедиционных работ. Имеющиеся архивные материалы позволяют создать компьютерный банк данных на всех украинцев, погибших в период сталинизма в уральских лагерях, выявить сохранившиеся места захоронений. Это позволит сообщить родственникам о судьбах их близких, даст возможность поставить сохранившиеся места захоронений на государственный учет.

Возросший интерес к судьбам соотечественников является особенностью современного этапа развития общества. Это связано как с повышением интеллектуального потенциала населения, так и с ростом национального самосознания, образованием на территории бывшего СССР независимых государств. Выполнение данной программы позволит собрать материал об украинском населении Урала, определить его роль в освоении края, показать особенности его демографического, социального и культурного развития на протяжении длительного исторического периода. Это поможет улучшению взаимопонимания между Россией и Украиной.

IV. РЕПРЕССИИ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ НКВД—МГБ

Спецпереселенцы 40-х (хроника «Великого переселения»)*

Великая Отечественная война принесла огромные испытания населению СССР. Однако неизмеримо тяжелее пришлось тем советским людям, кто был репрессирован и находился в ГУЛАГе, на спецпоселении, в ссылке и высылке. Жертвами сталинской политики стали целые народы, лишённые всех прав и отправленные на спецпоселение в отдалённые районы страны. Источники позволяют установить хронологию произошедшей трагедии.

С началом Великой Отечественной войны первый удар карательных органов пришёлся на немецкое население страны. 28 августа 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, а 12 сентября совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) о выселении граждан немецкой национальности АССР немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей. На этом основании на спецпоселение было отправлено 447 166 человек. Однако это было лишь начало. Осенью первого года войны сотни тысяч советских немцев интенсивно вывозили из западных и южных районов СССР. 6 сентября 1941 г. ГКО принял решение об их выселении из Москвы, Московской и Ростовской областей, 21 сентября — из Краснодарского и Орджоникидзевского краёв, Тульской области, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР, 8 октября — из Воронежской области, Азербайджанской и Грузинской ССР, 22 октября — из Запорожской, Ворошиловградской и Сталинской областей, Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР.

Депортация производилась также на основании распоряжений правительства, решений советов фронтов. Так, в ноябре 1941 г. по распоряжению СНК СССР на спецпоселение направлено немецкое население из Калмыцкой АССР и Куйбышевской области. В 1941-м — первой половине 1942 гг. по решению военных советов фронтов производится выселение людей из прифронтовой зоны Харьковской, Днепропетровской, Ка-

* Ранее опубликовано в кн. : *Демографические процессы на Урале, в Сибири, Средней Азии и в Казахстане. — Целиноград : Изд-во ИИАЭ АН КазССР, 1991. — С. 182—184.*

лининской, Горьковской областей, Крымской АССР, Ленинграда и области. В мае 1942 г. по решению ГКО произведено повторное выселение немцев из Краснодарского края и Ростовской области.

Осенью 1942-го — первой половине 1943 г. крупных переселений в стране не было. Исключение составляла продолжавшаяся, хотя и в значительно меньших, по сравнению с 1941 г., масштабах, эвакуация, сохранившееся в незначительных размерах плановое сельскохозяйственное переселение, а также перемещение спецпоселенцев немецкой национальности из одних районов в другие. Осенью 1943 г. массовое выселение народов возобновилось. На этот раз оно велось из освобожденных Красной Армией районов.

В октябре 1943 г. в Среднюю Азию и Казахстан выселяются карачаевцы, в конце декабря — калмыки. В январе — марте 1944 г. — чеченцы и ингуши, в марте — апреле — балкарцы. Весной начинается выселение семей «оуновцев», продолжавшееся до начала 1950-х гг. В мае 1944 г. ГКО принимает решение о выселении из Крымской АССР в Узбекскую ССР крымских татар. Репрессиям подверглись и проживавшие на полуострове армяне, болгары, греки. В июле из Грузии вывозят турок, курдов, хамшилов. В том же году из центральных областей России в Томскую область переселяют членов религиозной секты «истинно-православные христиане», в Таджикистан и Новосибирскую область — «фольксдойче». Высылка на спецпоселение происходила и в заключительный год войны. В июне 1945 г. органы НКВД высылают из Литовской ССР большую группу семей участников «бандформирований», в августе на спецпоселение отправляются «власовцы» и лица, служившие в полиции и германской армии.

Новый пик выселения приходится на 1948—1949 гг. в связи с ускорением социалистических преобразований в западных районах, включенных в состав СССР накануне Великой Отечественной войны. В феврале 1945 г. в Сибирь повторно выселяются семьи участников бандформирований из Литвы, в октябре в Томскую область направляют кулаков из Измаильской области.

Таким образом, в ходе проводившегося в 1940-е гг. массового принудительного переселения отчетливо прослеживаются три этапа. Первый охватывает период с сентября 1941 г. по май

1942 г., когда на спецпоселение было отправлено немецкое население СССР. Второй продолжался с октября 1943 г. по июнь 1945 г. В ходе его репрессиям подверглись народы, обвиненные в сотрудничестве с оккупационными властями. Третий этап связан с форсированием социалистических преобразований в западных районах СССР.

Спецпереселенцы из Западной Украины в восточных районах СССР в первые послевоенные годы *

1940-е гг. вошли в новейшую историю как время интенсивных миграционных процессов, проводившихся в СССР в принудительном порядке. Депортации были подвергнуты целые народы. Выселение членов организации украинских националистов и их семей началось на основе директивы НКВД СССР от 31 марта 1944 г. и продолжалось до начала 1950-х гг. Оно производилось сроком на 5 лет, а впоследствии заменялось пожизненной ссылкой. Всего за 1944—1947 гг. из Западной Украины на спецпоселение было отправлено 100 310 человек.

В последующие годы депортация происходила на основе специального постановления правительства СССР «О выселении из западных областей УССР членов семей «оуновцев», принятом в сентябре 1947 г. Материалы книг учета отправленных эшелонов свидетельствуют, что в 1948 г. из западных районов республики на восток было выселено 1,2 тыс. человек, в 1949 г. — 23,2 тыс., в 1950 г. — 34,1 тыс. Данный источник позволяет определить нумерацию отправленных эшелонов, места их формирования, даты отправления и прибытия, численность и состав перевозимых контингентов, рождаемость и смертность за время в пути и т. д.

По данным НКВД, на 1 июля 1948 г. на спецпоселении находилось 36 525 семей «оуновцев», в которых насчитывалось 96 378 человек, что составляло 4,3 % всех спецпоселенцев в СССР. Они были размещены в 15 республиках и областях РСФСР и Казахстане. Больше всего спецпоселенцев из Западной Украины насчитывалось в Кемеровской области — 29,1 тыс. человек. В Омской области их было 13,6 тыс., Иркутской — 11,6, Пермс-

* Ранее опубликовано в кн. : V Всеукраїнська конференція «Розвиток історичного краєзнавства в контексті національного і культурного відродження України». — Кам'янець-Подільський, 1991. — С. 300—301.

кой — 10,3, Казахстане — 7,6, Челябинской области — 6,4, в Красноярском крае — 5,4, в Архангельской области — 4,6, Кировской — 2,1 тыс. человек и т. д.

Около половины трудоспособных спецпоселенцев направили на работу в угольную промышленность, а остальных — преимущественно в лесное хозяйство. По данным на начало 1949 г. в народном хозяйстве СССР было занято 49,4 тыс. спецпоселенцев — «оуновцев», в том числе 24,2 тыс. работали в шахтах, 8,6 тыс. — в сельском и 7,1 тыс. в лесном хозяйстве.

В докладе рассматривается организация доставки людей к местам поселения, их трудоустройство, правовое и материально-бытовое положение, особенности жизни в спецпоселках, социальный и национальный состав «оуновцев». Приводятся сведения о количестве бежавших, числе находящихся в розыске и отданных под суд. В заключении подчеркивается значимость изучения проблематики для решения задач современной национальной политики, делаются выводы о характере происходивших в регионе событий.

Немецкая трудовая армия в Пермской области *

По данным Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г. по состоянию на начало года на Западном Урале проживало 2 672 немца, что составляли 0,13 % населения области. Однако, в 1940-е гг. численность немецкого населения в области заметно возросла, что было следствием депортации немцев из западных районов страны. На начало 1948 г. только на спецпоселении здесь насчитывалось 41,7 тыс. немцев. Значительную часть немецкого поселения составляли трудармейцы. В начале войны из бывших военнослужащих, изъятых из Красной Армии по политическим мотивам, Наркоматом Обороны были сформированы строительные батальоны. В них направляли тех, кто имел родственников за границей или лично там проживавших, а также болгар, греков, чехов, поляков, немцев, финнов, румын и т. д.

Кроме бывших военнослужащих в состав трудармии включали и гражданских лиц: мужчин в возрасте от 15 до 55 и женщин с 16 до 45 лет. От мобилизации освобождались лишь беременные и

** Ранее опубликовано в кн. : Проблемы и тенденции развития Верхнекамского региона: история, культура, экономика // Материалы республиканской науч.-практ. конференции. ИПИ, Березниковский филиал, 1992. — С. 52–53.*

имеющие детей в возрасте до трех лет. Дети старше этого возраста передавались на воспитание родственникам, а при их отсутствии — колхозам или детским домам. Так, в 1942 г. для работы на предприятиях бумажной промышленности были мобилизованы 2,5 тыс. женщин немецкой национальности. Члены их семей, в основном престарелые и дети, остались в сельской местности и других регионах страны.

Вначале граждане немецкой национальности не являлись лагерным контингентом, и содержание их в зоне не допускалось. Они размещались среди местного населения в порядке уплотнения, многие имели свои дома. Положение изменилось в начале 1942 г., когда ГКО принял постановление № 123сс. В соответствии с ним советские граждане национальностей, страны которых воевали с СССР, привлекались к работе в промышленности в составе трудовых колонн. Размещать трудовые колонны стали в отдельных лагерных отделениях, обнесенных проволочными заграждениями и охраняемых. К нарушителям трудовой дисциплины и тем, кто отказывался работать, дезертировал, применялись различные личные меры наказания. ГКО поручил НКВД привлекать мобилизованных за нарушение дисциплины к ответственности с рассмотрением дел на Особом совещании и применении к злостным нарушителям высшей меры наказания.

Мобилизованные направлялись преимущественно на добычу угля и нефти, в строительство, а также на предприятия, производящие цветные и черные металлы, оружие и боеприпасы. В Пермской области немцы трудились преимущественно на предприятиях черной металлургии, в угольной, нефтяной и бумажной промышленности. Работать и жить на Урале трудармейцам приходилось в очень тяжелых условиях. Питание производилось по тем же нормам, что и заключенным, в зависимости от выполнения производственного задания.

Исправительно-трудовые учреждения*

Исправительно-трудовые учреждения — основной вид учреждений для исполнения наказания осужденных, в отноше-

** Ранее опубликовано в кн.: Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург: Изд-во ИИ и А УрО РАН, 1998. — С. 235–236 (в соавторстве с А. С. Смыкальным и А. Б. Сусловым).*

нии которых приговор вступил в законную силу. В зависимости от установленного режима и категорий осужденных различают исправительно-трудовые колонии (ИТК) общего, усиленного, строгого, особого режима, колонии-поселения. После Октябрьской революции пенитенциарная система царской России была полностью расформирована. В первые годы советской власти начало формироваться советское исправительно-трудовое право как система нормативных актов, регулирующих порядок исполнения наказаний и деятельности ИТУ и органов, исполняющих приговоры. Оно было направлено, прежде всего, против дворянства, буржуазии, купечества, офицерского корпуса, казачества, духовенства, зажиточных селян и горожан (репрессии), а также дезертиров, уклоняющихся от общественно полезного труда, мелких спекулянтов, саботажников, уголовных элементов.

Первым нормативным актом, составившим основу исправительно-трудовой политики советского государства, была «Временная инструкция о лишении свободы, как мере наказания, и о порядке отбывания такового» НКЮ РСФСР от 23 июля 1918 г. Инструкция определяла новую систему мест лишения свободы. Таковыми стали: 1) общие места лишения свободы (тюремь); 2) земельные колонии; 3) испытательные заведения для лиц, по отношению к которым имелись послабления режима для досрочного освобождения; 4) карательно-лечебные заведения для помещения арестантов с заметно выраженными психическими дефектами, дегенератов и т.п.; 5) тюремные больницы. Существовали также тюрьмы-изоляторы специального назначения и лагеря принудительных работ. В обычных лагерях принудительных работ осужденные привлекались к общественно полезному труду с соблюдением норм кодекса законов о труде. Труд оплачивался. Хорошо работающим заключенным разрешалось проживать на частных квартирах, в особых лагерях принудительных работ концентрировались особо опасные, классово чуждые пролетарскому государству элементы. Ставилась задача изоляции их от общества. Труд как средство перевоспитания стал применяться здесь с 1936 г.

В мае 1918 г. на территории РСФСР существовало 108 мест лишения свободы, в том числе Казановский отряд заключенных на коях им. Ленина и Троцкого, сельхозколония в Пермской гу-

бернии, Илецкий концентрационный лагерь (Оренбургская губерния). Первым лагерем особого назначения был организован в 1920 г. Соловецкий монастырь.

Первоначально Управление местами лишения свободы было сконцентрировано в НКЮ РСФСР. В составе НКЮ находилось тюремное управление. 24 мая 1918 г. тюремное управление было реорганизовано в карательный отдел. Постановлением НКЮ от 9 сентября 1919 г. карательный отдел был объявлен Центральным управлением мест лишения свободы и переименован в Центральный карательный отдел. В 1921 г. этот отдел был переименован в Центральный исправительный отдел. В связи с созданием лагерей принудительных работ в составе НКВД был создан Отдел принудительных работ. На местах руководство лагерями осуществлялось отделами управлений Губисполкомов (ГУБУМЗАКом — губернским управлением местами заключения). Оно было образовано постановлением НКЮ и НКВД РСФСР от 12 октября 1922 г. путем слияния исправительно-трудового подотделения губернского отделения юстиции и подотделения принудительных работ губернского отдельного управления. 15 декабря 1923 г. ГУБУМЗАК был реорганизован в Уральскую областную инспекцию мест заключения и просуществовал до 1930 г. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 октября 1934 г. все ИТУ были подчинены Главному управлению исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения (сокращенно ГУЛАГ НКВД СССР). С 1946 г. ГУЛАГ перешел в ведение МВД СССР, а в октябре 1956 г. был ликвидирован.

Апогея развития ГУЛАГ достиг в годы индустриализации и коллективизации. Его деятельность была направлена на изоляцию и ликвидацию т. наз. «классово чуждых» элементов, а также использование труда миллионов заключенных в качестве дешевой рабочей силы. В 1931 г. было создано Управление северных лагерей особого назначения (УСЛОН ГУЛАГа НКВД). Северураллаг охватывал территорию северного и восточного Урала.

Наиболее густая сеть лагерей была создана в Свердловской области и включала 14 управлений (Баженовлаг, Базстрой, Березовлаг, Бобровлаг, Богословлаг, Востураллаг, Ивдельлаг, Красногорлаг, Северураллаг, Нижнетагиллаг, Лобвинлаг, Тавдинлаг, Тагиллаг, Черноисточинсклаг) и отдельный исправи-

тельно-трудовой лагерь (Уральский ИТЛ). В Пермской области в 1930-е гг. существовали лагерные управления Вишералаг, Кизеллаг, Кусьинлаг, Соликамлаг, Ныроблаг, Усольлаг, Широклаг. В годы Великой Отечественной войны в область были переведены лагерные управления из западных областей: Енлаг и Кексгольмлаг. В Челябинской области было одно управление (Бакаллаг) и 3 отдельных ИТЛ (Кузнецкий, Сосновский и Челябинский).

В 1939 г. в системе НКВД СССР было организовано Управление по делам военнопленных и интернированных (УПВИ), позднее переименованное в Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ НКВД СССР). Первоначально в подчинении Управления находилось 8 лагерей емкостью 40 тыс. чел. В годы Великой Отечественной войны количество пленных значительно выросло. На Урал пленные стали поступать в мае 1942 г. Вначале их размещали в специально отведенных местах в зонах содержания советских заключенных. В 1943 г. в районе Асбеста был организован первый на Урале лагерь для военнопленных № 67. В 1945 г. на территории Свердловской области функционировало 14 лагерей, в которых насчитывалось 95,5 тыс. чел. Каждый лагерь включал 9 лагерных отделений, в которых содержалось от 500 до 1 500 чел. Было сформировано также 7 отдельных рабочих батальонов интернированных и два — из военнопленных. В Нижнем Тагиле и Первоуральске функционировали спецгоспитали. Лагеря концентрировались в промышленных центрах Урала, а также в районах лесозаготовок и торфоразработок. В Свердловской области наиболее крупными лагерями были Алапаевский № 200, Артемовский № 523, Асбестовский № 84, Верхнепышминский № 531, Дегтярский № 313, Нижнеисетский № 314, Новолялинский № 318, Тагильский № 153, Уральский № 245. В составе лагерей лесной промышленности НКВД СССР работало на лесоповалах Севураллага семь отдельных лагерей для военнопленных (пос. Сосьва), два — Востокураллага (Тавда) и пять — Ивдельлага (Ивдель). Много лагерей военнопленных находилось в других областях Урала. В Оренбургской области был размещен лагерь № 172 (Бузулукский район), № 235 (Ново-Троицк), № 344 (Бугуруслан), № 260 и № 369 (Оренбург), 4 отдельных рабочих батальона и 8 спецгоспиталей; в Курганской области — лагерь № 514 в Шадринске, спецгоспиталь в

Шумихе и отдельный рабочий батальон; в Башкирии — лагерь № 130 в Миньярском районе, № 313 в Уфе и отдельные лагерные отделения в Аше, Белорецке и Черниковске. Три лагеря (№ 75, 371, 510) находились в Удмуртии, 3 лагеря (№ 207, 346, 366) в Пермской области, 33 лагерных отделения УПВИ НКВД — в Челябинской области.

К концу 1940-х гг. основная часть военнопленных была отправлена на родину, лагеря ликвидированы. В СССР остались лишь те, кто отбывал срок наказания за военные преступления. Для их содержания в СССР было создано 11 особорежимных лагерей для военных преступников. Самый крупный, № 476, размещался в Свердловской области, его управление дислоцировалось в пос. Нижне-Исетск. Этот лагерь просуществовал до февраля 1956 г.

После окончания Великой Отечественной войны в ИТУ ГУЛАГа прибыли новые десятки тысяч советских военнопленных и интернированных, оказавшихся в годы войны на территории Германии. В конце 1940-х гг. для осужденных по ст. 58 были созданы специальные лагеря с особо строгим режимом, которые функционировали до начала 1960-х. (Скальлаг в Пермской области). После смерти И. В. Сталина была проведена амнистия и массовая реабилитация. Пенитенциарная система подверглась реформированию и сокращению. В 1950–1990-е гг. большинство заключенных, отбывавших наказание в ИТУ, были осуждены за преступления против государственной и личной собственности граждан, хозяйственные преступления, а также за посягательства на жизнь и здоровье граждан. Оставались и политзаключенные. Большинство политзаключенных 1960-х гг. были сконцентрированы в специальных лагерях Мордовии. В июле 1972 г. заключенные, осужденные по ст. 70 («антисоветская агитация и пропаганда»), были перемещены в новые политлагеря — «Пермь-35» и «Пермь-36». К 1976 г. к ним добавилась «Пермь-37». В 1987 г. после массовых помилований и амнистий политзаключенных лагеря «Пермь-36» и «Пермь-37» были закрыты. В 1991 г. вышли на свободу последние политзаключенные колонии «Пермь-35». 13 июля 1992 г., в двадцатую годовщину прибытия в Пермскую область первого этапа политзаключенных, Пермское отделение общества «Мемориал» установило в колонии «Пермь-35» мемориальную доску и открыло в здании лагерной больницы музейную экспозицию.

Рабочие колонны*

Рабочие колонны — трудовая армия, трудармейцы. Впервые появились в Советской России в 1920—1922 гг. (первая армия труда). В годы Великой Отечественной войны первоначально назывались строительными батальонами. Формировались органами НКВД из воинов Красной Армии, которые имели за границей родственников или сами там проживали, попавшие в окружение или плен, потерявшие воинские или партийные документы, проявлявшие антисоветские настроения, ранее судимые, имевшие связи с дезертирами. В рабочие колонны зачислялись болгары, греки, немцы, поляки, румыны, чехи, финны. В соответствии с постановлением ГКО № 1123 СС (январь 1942 г.) в рабочие колонны отправлялись советские граждане тех национальностей, которые воевали против СССР. На протяжении 1942—1944 гг. в рабочие колонны было направлено свыше 400 тыс. человек, в основном немцев. В рабочие колонны мобилизовались мужчины в возрасте от 15 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет. От мобилизации освобождались лишь беременные и имеющие детей в возрасте до трех лет. Дети старше этого возраста передавались на воспитание родственникам, а при их отсутствии — в детские дома. Размещались трудармейцы в охраняемых лагерях, к нарушителям применялись различные меры наказания, вплоть до высшей.

Трудармейцы направлялись преимущественно в угольную, нефтедобывающую и лесную промышленность, строительство, а также на предприятия черной и цветной металлургии. В Свердловской области трудармейцы работали на 32 предприятиях, в т.ч. на БАЗстрое (4,5 тыс. чел.), Тагилстрое (2,5 тыс.), в трестах «Вахрушевуголь» (1,3 тыс.) и «Волчанскуголь» (1,0 тыс.), Полуночном рудоуправлении (1,0 тыс.), на БАЗе, Уралвагонзаводе и др. Нормы питания были те же, что и для заключенных, и зависели от выполнения производственных заданий. Только в 1942—1943 гг. в Свердловской области умерли 4,0 тыс. немцев — трудармейцев, около половины из них из-за дистрофии. После окончания войны трудармейцам разрешили перевезти к себе семьи. На протяжении 1950-х гг. с них постепенно были сняты административные и правовые ограничения.

* Ранее опубликовано в кн. : *Уральская историческая энциклопедия*. — Екатеринбург : ИИ и А УрО РАН, 1998. — С. 438.

Неизвестный командующий *

Одним из героев Гражданской войны в нашей стране был Б.С. Горбачев. Борис Сергеевич Горбачев родился в 1892 г. в Белоруссии в селе Заболотье Могилевской области в крестьянской семье. Участвовал в Первой мировой войне, был старшим унтер-офицером русской армии. С мая 1918 г. — командир Особого железного кавалерийского полка, затем командир 3-й кавалерийской бригады 4-й кавалерийской дивизии. Был награжден тремя орденами Красного знамени. О дальнейшей судьбе его известно, что в 1920—1930-е гг. он находился на командных должностях в РККА, имел звание комкора, а в 1937 г. был незаконно репрессирован. На момент своего ареста Б.С. Горбачев являлся командующим Уральским военным округом. Об этом факте не упоминает даже такой серьезный источник, как «Уральская историческая энциклопедия». В специальной статье, посвященной Уральскому военному округу, приводится список командующих округом на протяжении всей его истории, и этот список содержит пробелы. Так, в частности, с мая 1935 г. по март 1937 г. округом командовал комкор И.И. Гарькавый, а с августа 1937 г. по июль 1938 г. — комкор Г.П. Софронов. Впервые вопрос о том, кто же командовал УралВО с апреля по июль 1937 г. поставил А. Якиманов в посвященной Б.С. Горбачеву статье, опубликованной в газете «Уральские военные вести».

Судя по хранящимся в прокуратуре Уральского военного округа материалам следствия, до своего назначения на пост командующего УралВО Б.С. Горбачев являлся заместителем командующего Московским военным округом. Однако вступить в новую должность и принять дела Б.С. Горбачев, по всей вероятности, не успел. Уже 3 мая он был арестован в Москве и помещен во внутреннюю тюрьму НКВД. Интересно отметить, что постановление об избрании меры пресечения имеет дату 7 мая 1937 г., т.е. оно было оформлено задним числом. Комкору инкриминировалось то, что он принимал руководящее участие в антисоветской военно-троцкистской организации, ставившей перед собой цель — свержение Советской власти вооруженным путем и применением террора в отношении руководителей партии и

* Ранее опубликовано в кн. : Урал индустриальный // Четвертая региональная науч. конф. — Екатеринбург : Изд-во УГТУ-УПИ, 2001. — С. 59–60.

правительства. Таким образом, Б.С. Горбачев обвинялся в преступлениях по ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

На протяжении мая — июня 1937 г. по его делу шло следствие, а 2 июля оно было рассмотрено на подготовительном заседании Военной Коллегии Верховного суда Союза ССР. Здесь и было решено принять данное дело к производству. На следующий день состоялся суд. Дело Б.С. Горбачева рассматривалось на судебном заседании Военной Коллегии Верховного суда СССР под председательством армвоенюриста В.В. Ульриха. Судебное заседание началось в 15.05 и продолжалось 55 минут. Оно было закрытым, без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей. В ходе заседания обвиняемый виновным себя не признал и заявил, что подписал требуемые от него следствием документы под давлением.

В приговоре Военной Коллегии Верховного суда Союза ССР от 3 июля 1937 г. отмечалось, что на предварительном следствии было установлено, что «Б.С. Горбачев является активным участником военно-фашистской террористической организации, ставившей своей целью свержение Советской власти и готовившей вооруженное выступление в Московском Кремле, и был организационно связан с врагами народа Тухачевским, Примаковым и другими организаторами военно-фашистского заговора в РККА». На этом основании Военная Коллегия приговорила Б.С. Горбачева к высшей мере уголовного наказания — расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества и лишением воинского звания «комкор». Приговор был окончательным и обжалованию не подлежал. Как следует из справки 1-го спецотдела НКВД СССР, в тот же день он был приведен в исполнение.

В феврале 1956 г. по данному делу было подготовлено новое заключение Военной Коллегии Верховного суда СССР. В нем указывалось, что произведенной ею проверкой было установлено, что осуществлявшие расследование по делу Б.С. Горбачева сотрудники НКВД за фальсификацию следственных материалов и незаконные аресты невиновных советских граждан в 1939/40 гг. были расстреляны. Изучение архивно-следственных дел также показало, что Б.С. Горбачев был осужден необоснованно, приговор в отношении его подлежит отмене, а дело прекращению. На этом основании Военная Коллегия Верховного суда СССР приговор в отношении комкора отменила и дело о нем из-за отсутствия состава преступления было прекращено.

«Контрреволюционные повстанческие формирования» на УАЗе в годы Великой Отечественной войны *

Великая Отечественная война внесла коренные изменения в работу всего народного хозяйства СССР, в том числе и советской промышленности. Большинство промышленных предприятий было переключено на производство военной продукции. Особый спрос был на алюминий, который требовался авиационной, танковой, судостроительной и другим отраслям промышленности. После потери Волховского и Днепровского заводов, Уральский алюминиевый завод в Каменске-Уральском Свердловской области остался единственным в стране производителем «крылатого» металла.

Придавая серьезное значение УАЗу как основному поставщику алюминия для нужд фронта в годы войны, органы НКВД осуществили ряд агентурно-оперативных мероприятий по усилению его безопасности. В соответствии с директивой Генерального комиссара государственной безопасности Л.П. Берии № 515 от 28 октября 1942 г. Управлением НКВД по Свердловской области была активизирована агентура, весь оперативно-чекистский аппарат был ориентирован на своевременное вскрытие и пресечение деятельности контрреволюционных формирований.

В результате усилий органов НКВД на Уральском алюминиевом заводе был выявлен и арестован ряд германских агентов, вскрыто и ликвидировано несколько диверсионных групп. Согласно докладной записке Управления НКВД по Свердловской области от 22 января 1943 г., особого внимания заслуживала «контрреволюционная повстанческо-диверсионная» организация Е. Ф. Беккера. Участниками ее являлись советские граждане немецкой национальности, бывшие военнопленные Красной Армии, часть из них в первые месяцы войны находилась на фронте. После отзыва в октябре 1941 г. из действующей армии они были направлены в Каменск-Уральский для зачисления в трудовую армию и использования на строительстве Уральского алюминиевого завода.

** Ранее опубликовано в кн. . Четвертые Татищевские чтения // Междунар. науч. конф. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002. — С. 174–177. (В соавторстве с Ю.Ю. Пажит).*

В ходе следствия было установлено, что данная «контрреволюционная повстанческая» организация ставила перед собой задачу создания мощной повстанческой организации, главным образом из лиц немецкой национальности, распространения среди своего окружения провокационных, пораженческих слухов, дискредитации советского правительства и планировала проведение подрывной деятельности на строительстве УАЗа путем саботажа, срыва выполнения производственной программы, а также сбор сведений об оборонных предприятиях и передачу их врагу. Из арестованных по данному делу 28 человек полностью признали себя виновными в предъявленном обвинении 25 человек.

В процессе ликвидации контрреволюционной группы среди трудармейцев стройбатальона № 685, возглавляемой Кеслером, следствием было установлено, что указанная организация ставила перед собой задачи проведения профашистской агитации среди населения, совершения диверсионных актов на алюминиевом заводе и Красногорской ТЭЦ с целью срыва выполнения военных заказов. В качестве примера, иллюстрировавшего подрывную деятельность этой организации, в докладной записке Управления НКВД по Свердловской области приведена неудавшаяся (вследствие ареста основных участников и организаторов группы) попытка совершения одним из участников организации диверсионного акта на заводе: якобы они планировали вызвать взрыв, бросив в ванну с расплавленным алюминием наполненной водой бутылки. Это должно было вызвать взрыв.

Не отличались разнообразием и обвинения, предъявленные бойцам стройбатальона № 671, проходившим по агентурному делу «Враги». Среди арестованных — Я.В. Винс, Г.Г. Дик, Я.Я. Петерс. В ходе следствия восемь из десяти арестованных признались в контрреволюционной деятельности, целью которой было проведение саботажа на производстве, подготовка вооруженного восстания и организованный переход на сторону германской армии.

В результате агентурно-оперативных мероприятий органами НКВД была ликвидирована и «диверсионная» группа Гофмана и Карнауха, также существовавшая среди работавших на УАЗе немцев — трудармейцев. Согласно материалам следствия и признаниям арестованных, Г.К. Гофман являлся организа-

тором диверсионно-шпионской группы в составе влсьми названных им человек и проводил работу по вовлечению в нее новых членов. Участники этой группы обвинялись в проведении «разложенческой» деятельности среди рабочих завода путем распространения профашистской агитации, подготовке диверсионных актов на предприятии, а также намерении совершить групповой побег к линии фронта с последующим переходом на сторону Германии для совместной борьбы против СССР.

Одной из наиболее крупных диверсионных групп, действовавших на территории предприятия, была ликвидированная в январе 1943 г. органами госбезопасности группа Бартули, состоявшая из трудармейцев стройбатальона № 817, немцев по национальности. В ходе следствия было установлено, что указанная организация была создана в октябре 1941 г. агентом германской разведки с целью распространения пораженческих и панических слухов, проведения подрывной деятельности на строительстве УАЗа и сбора шпионских сведений об оборонной промышленности.

В связях с германской разведкой обвинялись и участники «контрреволюционной» группы, организованной на УАЗе немцем Бархартom. Согласно полученным в ходе следствия признаниям арестованного, в 1929 г., проживая в Германии, Бархарт был завербован германской разведкой, и после соответствующей подготовки в 1930 г. под видом иностранного специалиста-архитектора прибыл в СССР для проведения разведывательной работы. Созданная им организация ставила своей основной задачей подготовку диверсионного акта на Красногорской ТЭЦ и организованный побег к линии фронта для перехода на сторону немцев. В целях привлечения в группу других лиц участники ее активно проводили контрреволюционную профашистскую агитацию среди своего окружения. Обвинения в шпионской деятельности были предъявлены и участникам «повстанческой» группы Полякова, который, по данным органов госбезопасности, в январе 1942 г. также был привлечен к работе на германскую разведку с целью проведения подрывной деятельности на заводе.

Среди арестованных германских разведчиков, по мнению органов НКВД, наибольшего внимания заслуживал А.Б. Фишман. Согласно полученным в ходе следствия показаниям, в период

германо-польской войны, находясь в немецком плену в лагере для военнопленных близ города Гогенштейна, он в сентябре 1939 г. был завербован германскими разведывательными органами и переброшен на территорию Советского Союза для проведения шпионской работы. В 1941 г. А.Б. Фишман с группой рабочих был командирован в город Каменск-Уральский, где проводил антисоветскую пропаганду, восхвалял фашистскую армию и распространял пораженческие слухи. Решением Особого Совещания при НКВД СССР он был приговорен к высшей мере наказания.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны органами государственной безопасности был раскрыт и ликвидирован целый ряд диверсионных контрреволюционных групп, ставивших своей задачей организацию диверсий на важнейшем оборонном предприятии Советского Союза и проводивших активную антисоветскую пропаганду. Однако, как следует из материалов спецдонесений Свердловского УНКВД, за годы войны ни одного диверсионного акта на заводе совершено не было, очевидно и отсутствие других результатов «контрреволюционной» деятельности. Сегодня представляется, что выполнение «планов» по поимке шпионов и диверсантов в тяжелое и напряженное время, а также понимание стратегической важности охраняемого объекта и угроза попытки вражеской разведки проникнуть в советский тыл — все это сказывалось на качестве и результатах агентурно-оперативной и следственной работы. В результате в 1990-е гг. практически все проходившие по данным делам советские граждане были реабилитированы.

Новые материалы о деятельности германской разведки на Урале в годы Великой Отечественной войны *

Происходящие в 1990-е гг. в отечественной исторической науке изменения, в том числе расширение исследовательской проблематики и укрепление источниковой базы, позволили вводить в научный оборот материалы по многим проблемам истории Второй мировой войны, в том числе и деятельности

* Ранее опубликовано в : *Урал индустриальный* // Четвертая региональная науч. конф. Екатеринбург : Изд-во УГТУ, 2001. — С. 64–66; *Родина*. — 2001. — № 11. — С. 86–87.

иностранных спецслужб на территории Советского Союза. Исследования по данной тематике традиционно публикуются в закрытых изданиях, однако первые работы в этом направлении появились и в открытой печати.

Большой интерес в этом отношении вызывает подготовка в Германии операции «Ульм», направленной против Советского Союза. В опубликованных в последнее время в России воспоминаниях оберштурмбанфюрера СС Отто Скорцени отмечалось, что техническая служба VI управления Главного управления имперской безопасности (РСХА) в 1943 г. разработала план диверсий в советском тылу. Его целью было нападение на оборонные заводы, их полное или частичное уничтожение и, тем самым, ослабление промышленного потенциала СССР.

Судя по обнаруженным архивным материалам, в годы войны немецкая разведка действительно предпринимала усилия в этом направлении. Так, в ночь с 17 на 18 февраля 1944 г. через советско-германский фронт были переброшены диверсанты в количестве 7 человек. Все члены группы были русскими по национальности, в прошлом все они, кроме одного, являлись военнослужащими Красной Армии, при разных обстоятельствах оказавшимися в германском плену. В задание группы, условное название которой было «Северная», входило совершение диверсионных актов в тылу Красной Армии. Для проведения операции группа была оснащена всем необходимым. Каждый из ее участников был обмундирован в красноармейскую форму и снабжен маскировочной одеждой немецкого образца для маскировки в летнее и зимнее время, имел при себе автомат, пистолет «вальтер» и нож. Группа была обеспечена продуктами питания на полтора месяца, спальными мешками, одеялами, валенками, охотничьими ружьями, боеприпасами, в том числе гранатами, лыжами, аптечками, фальшивыми документами, радиостанцией и взрывчаткой. Имелись также компасы, бинокли, электрические фонарики, каждый диверсант имел ранец с бельем и туалетными принадлежностями, а также 500 тысяч рублей советскими деньгами.

Шпионско-диверсионная группа вылетела с рижского аэродрома, и после дозаправки самолета в Пскове отправлена дальше на восток. По плану германской разведки районом деятельности группы должна была стать Свердловская область, однако по неизвест-

ным причинам она приземлилась в Юрлинском районе Коми-Пермяцкого округа Молотовской (ныне — Пермской) области.

С самого начала диверсанты оказались в сложном положении, поскольку долго не могли найти выброшенные вместе с ними продукты и вещи, да и сами они оказались разбросанными в лесу на расстоянии нескольких километров друг от друга. Один из парашютистов во время приземления повис на дереве, не смог освободиться и замерз. В результате сильного голода и обморожений двое диверсантов, в том числе старший группы, покончили жизнь самоубийством, застрелившись из автоматов. Еще один член группы во время приземления сильно обморозил ноги, у него началась гангрена, и спустя месяц он был застрелен. Труп погибшего на дереве парашютиста был снят и захоронен, тела остальных погибших из-за сильного голода были употреблены в пищу, их кости частично зарыты или сожжены. 5 июня 1944 г., т. е. спустя четыре месяца после приземления в советском тылу, трое оставшихся в живых парашютистов, не осуществив каких-либо террористических актов, явились с повинной в РО НКГБ Бисеровского района Кировской области и сдались. Это П.А. Андреев, Н.К. Грищенко и Н.М. Стахов.

В ходе следствия сотрудники отдела контрразведки «Смерш» УралВО установили, что Н.М. Стахов в чине подпоручика служил в Белой армии. В 1920 г. вместе с войсками генерала Врангеля он эмигрировал в Югославию, где и проживал до 1943 г. В период проживания в этой стране являлся членом Российского общевойскового союза, а с 1942 г. служил в немецкой полиции. Остальные двое были бывшими военнослужащими Красной Армии. Весной 1943 г. они попали в плен, были завербованы для работы в советском тылу и правлены в диверсионную школу, где обучались с августа по ноябрь того же года.

В целях проверки их показаний в сентябре 1944 г. на место приземления диверсантов была направлена оперативная группа, которая для указания места захоронения трупов взяла с собой арестованного П.А. Андреева. В результате двухнедельных поисков оперативники обнаружили труп одного из парашютистов, а также разрозненные останки еще троих, что в целом подтверждало показания арестованных. По результатам следствия органами «Смерш» было принято решение направить данное дело на рассмотрение Особого Совещания при НКВД

СССР с применением следующей меры наказания: П.А. Андрееву — 20 лет исправительно-трудовых лагерей, остальным — высшую меру наказания.

Рассмотрев данное дело в порядке прокурорского надзора, Военный прокурор Главной военной прокуратуры Красной Армии в постановлении от 13 июня 1945 г. указал, что материалами дела обвиняемые полностью изобличены в совершенном ими преступлении. Однако действия их квалифицированы неправильно. По его мнению, все трое обвиняемых являлись агентами немецкой разведки, а не участниками контрреволюционной организации. Поэтому обвинение по ст. 58-11 применено к ним неправильно. В силу этого данная статья подлежит исключению из обвинения. На этом основании решением Особого Сопровождающего при Народном комиссаре внутренних дел СССР от 7 июля 1945 г. указанные лица за принадлежность к немецкой разведке получили от 8 до 15 лет ИТЛ с конфискацией имущества.

В 1967 г. П.А. Андреев, проживавший в то время в Магаданской области, подал заявление с просьбой пересмотреть его дело и реабилитировать. По его мнению, он и его товарищи были осуждены незаконно, поскольку они сами явились в органы НКВД с повинной. По данному вопросу органами прокуратуры УралВО была проведена проверка, включавшая в себя не только изучение всех материалов дела, но и опрос очевидцев событий тех лет, проживающих на территории Омутнинского района Кировской области. Материалами проверок было установлено, что указанные лица в 1945 г. были осуждены правомерно, и просьба о реабилитации осталась без удовлетворения.

Таким образом, можно констатировать, что в годы войны германская разведка предпринимала меры по дезорганизации работы народного хозяйства Урала, являвшегося главным арсеналом страны. Другое дело, что трудность освоения информационного массива по данной проблеме не позволяет в настоящее время сделать вывод о том, насколько часто эти попытки предпринимались. Однако колоссальный рост военного производства в уральских областях в годы Великой Отечественной войны косвенно подтверждает вывод о том, что деятельность иностранных разведок в регионе была малоэффективной.

Исчезнувшее правительство За что расстреляли эстонских министров? *

Важной проблемой, не получившей до настоящего времени достаточного освещения, является судьба высших государственных деятелей прибалтийских республик, аннексированных СССР в начале Второй мировой войны. Многие из них были депортированы на Урал, который в 1930–1940-е гг. становится одним из центров концентрации многочисленных категорий спецконтингента. Среди них — раскулаченные крестьяне, депортированные на Урал немцы, крымские татары, жители Кавказа и Прибалтики, военнопленные Второй мировой войны, а также репатриированные и интернированные лица.

В начале 1990-х гг. в условиях восстановления на территории бывшего СССР ряда суверенных государств и роста национального самосознания большой интерес стала вызывать судьба граждан этих новых государств, ставших жертвами тоталитарного режима. И, в первую, очередь, репрессированных из числа высших государственных и крупных общественных деятелей. В июле 1991 г. на Средний Урал прибыла делегация Эстонии во главе с премьер-министром Эдгаром Сависааром, которая подписала соглашение о культурном сотрудничестве между Свердловской областью и Эстонской Республикой. Одной из задач этого соглашения стало выяснения судеб эстонских государственных деятелей, погибших на территории Урала в годы Второй мировой войны.

В соответствии с соглашением была создана рабочая группа из представителей правоохранительных органов, работников Государственной архивной службы и ученых Уральского государственного университета. В нее вошел и автор данной публикации, который и занялся выявлением архивных материалов по данной проблеме в фондах ведомственных, а также центральных и местных государственных архивов. Приоритетным направлением деятельности данной комиссии стало установление судеб высших государственных деятелей, членов правительства и государственного Совета Эстонской Республики, основная часть которых находилась в расположенном на территории Свердловской области Севераллаге с центром в пос. Сосьва.

* Ранее опубликовано в : *Утренняя газ. (Таллин).* 1993. ... 28 янв. «Родина». -- 2003. — № 9. — С. 75;

Обнаруженные в ходе работы документы НКВД свидетельствуют о том, что вскоре после включения республик Прибалтики в состав СССР началась массовая депортация их населения. Выселялись семьи государственных и политических деятелей, военнослужащих и других «социально-чуждых элементов». При посадке в эшелоны семьи, как правило, разделяли. Мужчин направляли в ИТЛ, их жен и детей — на спецпоселение. В письме дочери Микхеля Пунга на имя М. И. Калинина отмечалось, что перед посадкой в эшелон мужчин и женщин разделили, семья не успела даже поделить вещи, и все они оказались у женщин. Только осенью 1942 г. ей удалось выяснить, что отец (кстати, крупный юрист, председатель Общества эстонско-советской дружбы) находится в пос. Сосьва Серовского района Свердловской области. Однако к тому времени прошел уже год, как он умер.

Всего в 1941 г. из Эстонии на спецпоселение в Кировскую и Томскую области были направлены 3,7 тыс. человек — членов семей. Мужчин же вначале разместили в Старобельском и Юхновском лагерях, а после начала войны эвакуировали в Краслаг, Севураллаг и Усольлаг [1]. Вторая волна депортаций из Прибалтики, начавшаяся в июне 1945 г. на основе телеграфного распоряжения НКВД СССР, заметно усилилась в 1948 г. и продолжалась до начала 1950-х гг. Всего за 1940—1953 гг. из Прибалтики в восточные районы Советского Союза только на спецпоселение было направлено 203,6 тыс. человек, в том числе 32,5 тыс. из Эстонии. Об отношении к прибалтам красноречиво свидетельствует текст одного из закрытых постановлений Совета Министров СССР, принятых в феврале 1948 г. В нем речь идет о депортации «...семей участников банд-формирований из числа литовских бандитов».

Кроме спецпоселений, тысячи эстонских граждан находились в тюрьмах и лагерях ГУЛАГа. В Свердловской области помимо Севураллага это Востокураллаг и Ивдельлаг, а также Ирбитская, Камышловская и Нижнетагильская тюрьмы. Большинство осужденных проходило по 58-й статье. Так, за антисоветскую пропаганду 10 лет ИТЛ получил Оскар Соммер, уроженец Таллинна. По его мнению, жить в буржуазной Эстонии было лучше, чем в Советском Союзе, а колхозный строй не отличался от крепостного. По этой же статье были осуждены Иоанн Мазик — бывший офицер по особым поручениям при

штабе командующего эстонским флотом. Валентин Сепп, до войны владевший небольшим малярным предприятием в столице республики, и десятки других. В архивах хранятся их уголовно-следственные дела, а также «вещдоки» — документы, фотографии, письма. В делах хранятся и справки о реабилитации, в большинстве случаев не востребованные.

И сегодня, спустя 60 лет многое не ясно в судьбе депортированных в Россию высших государственных деятелей Эстонской Республики. Большая определенность в сведениях о судьбе первого президента Республики Константина Пятса и командующего республиканской армией Йоханнеса Лайдонера. Другим эстонским государственным деятелям «повезло» меньше. Одних расстреляли в Таллине в первые дни войны, другие в 1941—1942 гг. погибли в лагерях и тюрьмах Горьковской, Карагандинской, Кировской, Пермской областей, а также в Коми АССР и Красноярском крае [2]. Из всех, кого вывезли из Эстонии, обратно вернулось лишь двое. Один из них — Пауль Когерман, сидевший в Востокураллаге (центр этого учреждения находился в г. Тавде Свердловской области).

В Свердловской области государственных деятелей буржуазной Эстонии находилось больше всего. По данным эстонской стороны здесь похоронено 30 человек. Среди них — бывший премьер-министр, министры, члены Государственного Совета. Многие эстонские граждане находились на севере Свердловской области в Севураллаге, куда были эвакуированы летом 1941 г. Шесть из них (премьер-министр Адо Бирк и пять министров) также с лета 1941 г. находились в Севураллаге; в период с октября 1941 г. по февраль 1942 г. все они умерли и были похоронены на территории Туринского района вблизи деревень Санкино и Шарыгино. В настоящее время обнаружены сведения о нахождении на территории области 22 государственных деятелей Эстонии. В архиве Информационного Центра ГУВД Свердловской области обнаружены их личные дела, хранящие подробные сведения — от ордеров на арест и отпечатков пальцев до актов о смерти и захоронении.

Пережившие страшную военную зиму весной и летом 1942 г. были расстреляны. По воспоминаниям бывших узников Севураллага, расстрелы производились в лагерном отделении Ступино, однако подтверждающие этот факт документы до настоящего времени не выявлены. Зато обнаружены сведения о

том, что бывшие граждане Эстонской Республики, которые по данным эстонской стороны расстреляны в Ступино, за несколько дней до смерти были этапированы в г. Свердловск, где след их теряется.

В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что их действительно приговорили к смертной казни в пос. Сосьва, где в 1942 г. действовала постоянная сессия облсуда при Севураллаге НКВД СССР. Затем людей могли направить в пересыльную тюрьму № 1 г. Свердловск, а оттуда для исполнения приговора — во внутреннюю тюрьму УНКВД по Свердловской области. Здесь по-видимому и были расстреляны министры Эстонской Республики Хуго-Вилли Кукке, Теодор Пооль, Яан Хюнерсон, Иоханнес-Фридрих Циммерман, а также члены Государственного Совета Артур Кастерпальц, Яак Кокк и Карл Ялакас. В мае 1942 г. с диагнозом «паралич сердца» в пересыльной тюрьме г. Свердловска умер выходец из крестьянской семьи, бывший капитан пехоты русской армии и бывший министр обороны Эстонской Республики Пауль Лилль. Что касается остальных государственных деятелей Эстонии, то данных об их нахождении на территории области обнаружить не удалось.

Таким образом, в настоящее время установлена численность репрессированных граждан Эстонской Республики направленных в лагеря и тюрьмы на территории Свердловской области. Выявлена география их размещения. Составлен и передан эстонской стороне список ее граждан, погибших в лагерях и тюрьмах на территории области, в него входят свыше 800 фамилий. Выявлены также документы по некоторым государственным деятелям республики, погибшим на Урале. Все это позволит в дальнейшем разобраться в судьбах отправленных в ссылку на Урал людей, отыскать могилы погибших.

Меннониты в Свердловской области в 1940—1950-е гг. *

Тема религиозной жизни российских немцев в отечественной историографии изучена крайне неравномерно. В дорево-

* Ранее опубликовано в кн.: *Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 3. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2003. — С. 168–175 (в соавторстве с Ю. А. Радостевой).*

люционных исследованиях этой проблеме уделяли значительное внимание. В работах Т.И. Буткевича, А.А. Велицына, Д.В. Цветаева религиозная жизнь рассматривалась как неотъемлемая составляющая духовной культуры российских немцев [1]. Глубокое и многоплановое освещение получила тема вероисповеданий немецкого населения в южнорусских колониях в работах А. Клауса и Я. Штаха [2]. В советский период историческая наука не могла касаться вопросов религиозной жизни без учета господствовавшей атеистической точки зрения. В результате в работах советских историков данная проблема рассматривалась односторонне — в свете антицерковных мероприятий по отношению ко всем конфессиям. Труды советских авторов 1920—1930-х гг. носили, как правило, пропагандистский характер и имели своей целью распространение атеистических идей среди немецкого населения [3].

В 1960—1980-е гг. религиоведческая наука, в отличие от исследований 1920—1930-х гг., подходила к церковной истории более объективно. В этот период появился ряд серьезных работ, в которых рассматривались протестантские общины. Среди них монографии А.Н. Ипатова, А.И. Клибанова и В.Ф. Крестьянинова, представляющие собой обстоятельные религиоведческие исследования [4]. Все эти работы были выдержаны в духе атеистической идеологии, но в них отразились научные изыскания по вопросам истории и вероучения различных конфессий, в том числе и протестантизма.

С середины 1980-х гг. наметился явный интерес отечественных авторов к проблеме отношений государства и религиозных организаций в советское время. Эта тема стала открытой для широкого обсуждения, в печати начали появляться материалы о фактах и событиях, которые в прошлом замалчивались или фальсифицировались. История протестантизма и протестантских сект также получила определенное освещение в опубликованных в 1990-е гг. статьях и монографиях о немецком населении нашей страны [5]. Обращение к ней было обусловлено появившейся возможностью использовать закрытые ранее архивные фонды. Так, основой для данной работы стали материалы архива УФСБ по Свердловской области, анализ которых позволяет проследить ситуацию, сложившуюся вокруг верующего немецкого населения на Среднем Урале в 1940—1950-е гг.

Репрессии, проводившиеся в советский период, осуществлялись по различным признакам — классовым, религиозным, социальным, национальным. В ряде случаев эти признаки сочетались: так произошло с верующим немецким населением, которое, будучи депортированным по национальному признаку в годы Великой Отечественной войны, подверглось в дальнейшем преследованиям по религиозным мотивам. По своей религиозной принадлежности значительное число верующих российских немцев относилось к меннонитам. Меннониты — это последователи протестантской секты, возникшей в XVI в. в Голландии, и затем распространившейся в Германии, США, Канаде, Франции и других странах [6]. Наряду с лютеранами меннониты представляли собой самую радикальную ветвь Реформации. На территории России появление меннонитов было связано с прибытием первых колонистов из Германии в XVIII в. Проживая на ее территории, меннониты, вследствие непризнания ими военной службы, должны были платить особый налог. Со временем они были лишены права приобретать землю. Притеснения такого рода привели к миграции значительной части меннонитов, в том числе в Россию. Впоследствии многие из них эмигрировали из России по причине изменения политики государства в отношении немецких колонистов в 1870-е гг. [7].

Оставшиеся в СССР меннониты в начале Великой Отечественной войны вместе со всем немецким населением были депортированы из европейской части страны на Восток. В условиях существования трудовой армии сохранять принадлежность к религиозной организации было практически невозможно. Возрождение религиозной жизни в среде советских немцев началось только с переводом их на режим спецпоселения. Находясь на спецпоселении, меннониты старались восстановить религиозную деятельность и продолжали поддерживать связь с единоверцами из других регионов.

В силу некоторых догматических положений, таких, как отказ от воинской службы и участия в общественно-политической жизни, меннониты не подлежали официальной регистрации в СССР. В результате все их организации считались незаконными и находились под контролем органов государственной безопасности. В послевоенные годы в СССР среди меннонитов продолжали существовать два направления: «церков-

ные» меннониты, в среде которых большую роль играли старшие проповедники, богослужение проводилось по воскресным дням, не возбранялось курение и посещение культурных учреждений; и «братские» меннониты, догматические особенности которых аналогичны баптистским. В силу этого «братские» меннониты часто блокировались с русскими баптистами, образуя единые религиозные группы [8].

Борьба с религиозными сектами была одним из основных направлений репрессивной политики советского руководства по отношению к немецкому населению в послевоенный период. В условиях дисперсного проживания советских немцев религия оставалась одним из элементов сохранения их этнической культуры, а также той духовной опорой, которая помогла многим пережить депортацию, трудовую армию и спецпоселение. Обращение к религии являлось также и формой сопротивления существующему тоталитарному режиму. Таким образом, религиозные убеждения немцев были препятствием на пути проводимой советским руководством национальной политики, направленной на ассимиляцию национальных меньшинств, являющихся носителями собственной традиционной культуры, и поэтому считались достаточным основанием для репрессий против верующих немцев.

На территории Свердловской области в результате депортации и трудовой мобилизации оказалось значительное число советских немцев (45,5 тыс. на 1 января 1949 г.). Деятельность меннонитов среди немецкого населения на Среднем Урале прослеживается по материалам архива УФСБ РФ по Свердловской области. В спецдонесениях по данному вопросу отмечается, что на территории региона «секта меннонитов возникла в годы Отечественной войны, в связи с прибытием немцев из бывшей Республики немцев Поволжья, Закавказья и возвратившихся после окончания Великой Отечественной войны по репатриации из Германии, впоследствии определенных на спецпоселение» [9]. Распространение религиозных меннонитских идей было зафиксировано в основных местах расселения немцев-спецпоселенцев: в Асбестовском, Березовском, Ивдельском, Ирбитском, Камышловском, Карпинском, Краснотурьинском, Нижнетагильском, Полевском и Североуральском районах области.

Судя по сообщениям документов МГБ — КГБ, до 1947 г. верующие немцы осуществляли религиозную деятельность в уз-

ком кругу и не доставляли особого беспокойства властям. С 1947 г. отмечается некоторое оживление сектантской деятельности, что было связано, прежде всего, с возвращением из лагерей части проповедников. С этого времени жизнь верующих стала объектом пристального внимания МГБ и партийных органов. Так, в директиве УМГБ № 1/31 от 31.07.1952 г. «Об организации агентурно-оперативной работы среди сектантов-меннонитов» сообщается о вскрытии и ликвидации органами госбезопасности нескольких «антисоветских организаций и групп, созданных руководителями антисоветского меннонитского подполья» [10]. В период 1950–1951 гг. на территории области были «оперативно ликвидированы» три антисоветские организации сектантов-меннонитов — в Нижнетагильском, Краснотурьинском и Новолялинском районах.

В начале 1950-х гг. основным поводом для ареста руководителей меннонитских сект было обвинение в создании нелегальных антисоветских организаций сектантов с целью формирования широко разветвленного антисоветского подполья среди немцев-выселенцев, а также проведении нелегальных сектантских сборищ. В частности, в Нижнетагильском районе руководители-проповедники меннонитской организации, «используя религиозный фанатизм участников сборищ, возводили клевету на советскую действительность, дискредитировали руководителей ВКП (б) и Советского правительства, устанавливали связи с антисоветским сектантским элементом как на территории области, а также и за ее пределами, проводили вербовку в секту новых лиц» [11].

В подобных деяниях обвинялись руководители сектантских групп, которые были раскрыты и ликвидированы городскими отделами МГБ в других районах области. В 1951 г. в Краснотурьинском районе были арестованы руководители меннонитской группы И.Х. Арндт, В.Д. Берген и Фризен. В отношении их были выдвинуты обвинения следующего характера: «...являясь руководителями нелегальной антисоветской организации сектантов-меннонитов и будучи враждебно настроенными к существующему в СССР социалистическому строю... используя религиозные и национальные предрассудки, проводили антисоветскую агитацию, вербовку в секту лиц немецкой национальности и обрабатывали их в антисоветском духе» [12]. Группой был создан свой денежный фонд, из кассы которого

оказывалась помощь лицам, отбывавшим наказание за анти-советскую деятельность.

Кроме того, руководители меннонитских сект блокировались «с целью проведения враждебной деятельности, на почве общности религиозных взглядов с сектантами-евангелистами», знакомили сектантов с антисоветской литературой и «воспитывали участников групп в духе «готовности страдать за веру в борьбе с властью Антихриста» (т. е. советской властью. — *Примеч. авт.*)» [13]. Учитывая, что в соответствии с религиозными установками, меннониты не признавали любые формы государственной власти, многие их высказывания по этому поводу можно было трактовать как антисоветские.

По сведениям УМГБ по Свердловской области, в меннонитские организации входило около двухсот человек в Нижнетагильском, и свыше ста человек в Краснотурьинском районах. «В целях конспирации преступной деятельности организаций, их участники были разбиты на отдельные группы, которые возглавлялись специальными лицами из числа актива организаций» [14]. Несмотря на предпринимаемые меры по борьбе с религиозными сектами среди немецкого населения и по пресечению антисоветской деятельности среди них в начале 1950-х гг., новое оживление религиозной активности меннонитов на территории Свердловской области отмечается, с 1956 г.

К 1958 г. на территории области действовало около тринадцати групп, некоторые из них в своем составе насчитывали до двухсот человек. «Активизации их деятельности, — как сообщают документы КГБ, — в определенной мере способствовало возвращение из мест заключения реабилитированных и досрочно освобожденных меннонитских авторитетов, расценивших свое освобождение как действие советских органов, дающее им основание беспрепятственно заниматься сектантской деятельностью, выдавая себя за «пострадавших за веру», укрепляя тем самым свой авторитет среди меннонитов» [15]. Активизации религиозной деятельности среди немцев способствовал также приезд в районы области проповедников из других областей страны, что стало возможным вследствие ликвидации в середине 1950-х гг. режима спецпоселения. «Так, меннонитскую группу в г. Краснотурьинске посетил проповедник Фаст И.Г. из Казахстана, который создал церковный совет и рукоположил в проповедники одного из руководителей местной меннонитс-

кой группы — А.Г. Крана; из Пермской области в г. Карпинск приезжал проповедник Пеннер и т. д.» [16].

Определенное влияние на движение оказывали в этот период зарубежные меннонитские центры, а также отдельные лица «путем засылки писем и бандеролей с вложением различного рода воззваний, религиозных статей и литературы, радиовещания зарубежных радиостанций, передающих выступления проповедников» [17]. Письменную связь с границей поддерживали более ста меннонитов. В целях оказания поддержки немцам-сектантам, по данным органов госбезопасности, также использовался официальный канал туризма, с помощью которого в страну под видом туристов прибывали активные деятели меннонитских иностранных центров. С установлением дипломатических отношений с ФРГ и открытием германского посольства в Москве усилилось распространение религиозно-сектантской литературы. Все это способствовало значительной активизации деятельности меннонитов, в том числе на территории Свердловской области, где с конца 1956 г. они начали проводить активную работу по вовлечению в секту молодежи.

Таким образом, произошедшее с середины 1950-х гг. ослабление тоталитарного режима в стране, отразившееся в том числе и на положении советских немцев, способствовало подъему религиозной деятельности. Однако конец 1950-х гг. характеризуется очередным ужесточением политики советского руководства по отношению к верующим, что проявилось в проведении антирелигиозной кампании в СССР. Следствием этого стало то, что верующие (не только немцы, но и представители других национальностей) попадали под постоянный контроль органов госбезопасности, для которых они являлись объектом оперативных мероприятий.

Борьба с верующими немцами в этот период велась, как правило, испытанными средствами: публикация разоблачающих статей, обсуждение на партийных собраниях, вызов в органы УКГБ отдельных сектантов, в основном руководителей меннонитских организаций. В соответствии с распоряжениями УКГБ по Свердловской области было решено, «учитывая создавшуюся обстановку по линии работы с сектантами... по согласованию с соответствующими райкомами и горкомами КПСС, провести комплекс профилактических мероприятий

по снижению активности сектантских групп и отрыву рядовых участников от актива» [18]. Так, нейтрализация меннонитов в Волчанске, Карпинске, Краснотурьинске, Нижнем Тагиле проводилась и путем вызова руководителей в органы УКГБ для индивидуальных бесед. По месту работы сектантов организовывались собрания, разоблачающие их деятельность, вокруг верующих создавалась атмосфера нетерпимости.

В целях прекращения сектантской деятельности широко использовались публикации в местных районных газетах и телевизионные передачи, в которых разоблачалась деятельность руководителей сект, их проповедников, указывалось на вредное воздействие организаций меннонитов. Оперативные работники УКГБ и аппаратов уполномоченных читали населению области лекции на атеистические темы, вели индивидуальную работу с рядовыми участниками сект.

Данные мероприятия приводили к определенному снижению активности сектантских групп и их руководителей, к выходу ряда сектантов из организаций, разрыву с религией, выезду некоторых верующих немцев за пределы области, а также к распаду отдельных меннонитских групп. В результате к июлю 1960 г. на территории Свердловской области действовало лишь семь локальных меннонитских групп численностью от 15 до 50 человек [19] и несколько более мелких. Продолжавшие действовать организации, учитывая возросшую активность органов УКГБ в борьбе с ними, изменили тактику: на собраниях присутствовало по 2–3 человека, не объявляли заранее о следующем месте сбора, пытались завуалировать встречи, как сообщается в документах, «для встреч и проведения молений меннониты используют как прикрытие праздники, дни рождений, приезды родственников, свадьбы или другие предлоги, создавая тем самым у окружения впечатление, что они сектантской деятельностью не занимаются...» [20].

Продолжение сектантской религиозной деятельности в среде немецкого населения, несмотря на предпринимаемые меры, заставило органы госбезопасности и власти обратиться к исходным причинам, позволяющим активистам-меннонитам вовлекать в секту все новых верующих. Это нашло отражение в архивных материалах УКГБ. Отмечалось, что для привлечения в секту новых лиц руководители меннонитских групп проводили агитацию среди немцев, «испытывающих матери-

альные затруднения, имеющих семейные и служебные неполадки». В «Справке о деятельности сектантов—меннонитов на территории Свердловской области» от 29.07.1960 г. рассматриваются основные причины обращения к религии: «Тяготение немцев в эту секту объясняется... тем, что в местах их концентрации нет школ на родном языке, недостаточно проводится радиопередач на немецком языке. В большинстве районов не созданы самостоятельные коллективы из лиц немецкой национальности»; «...существенными недостатками в работе среди лиц немецкой национальности, в том числе и сектантов, является то, что они до сего времени слабо вовлекаются в общественную жизнь коллективов по месту работы. Не в полной мере используются возможности немцев со средним и высшим образованием» [21]. «...Отдельные руководители предприятий вместо кропотливой воспитательной работы с сектантами, стремятся избавиться от них путем необоснованного увольнения», вызывая тем самым у сектантов бурную реакцию и приводя к обратному эффекту: расширению круга связей и укреплению веры.

Таким образом, в послевоенные годы прослеживается определенная тенденция в отношении органов власти к религиозным сектам, в том числе меннонитам. Незначительный контроль за ними в 1945—1947 гг. объяснялся слабым распространением влияния сект на население. В конце 1940-х — начале 1950-х гг. ужесточились меры по пресечению деятельности сектантов, что было связано с их активизацией, в этот период наиболее часто использовалось привлечение к уголовной и административной ответственности лиц, входящих в организации меннонитов.

С середины 1950-х гг. наметилось некоторое ослабление контроля за сектами, что определялось изменением общей ситуации в стране. В этот период, в связи с пересмотром дел, были освобождены некоторые привлеченные ранее к уголовной ответственности участники сект. В конце 1950-х гг., в связи с антирелигиозной кампанией, возобновились преследования меннонитов, но, как правило, эти меры носили профилактический характер: индивидуальная работа агитаторов с сектантами, чтение лекций на атеистические темы, привлечение сил общественности к борьбе с сектантством.

Одно из направлений репрессивной политики советского режима — преследование немцев по религиозным мотивам в той

или иной форме — характеризует весь послевоенный период в истории советских немцев. Ситуация, сложившаяся вокруг религиозных сект среди немцев на территории Свердловской области, является подтверждением данной проблемы.

Примечания

1. См.: Буткевич Т.И. Протестантство в России: (Из лекций по церковному праву). — Харьков, 1913; Велицын А.А. Немцы в России: Очерки истор. развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России. — СПб., 1893.

2. См.: Клаус А. Наши колонии: Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. — СПб., 1869; Штах Я. Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов. — М., 1916.

3. См.: Брандт Л. Лютеранство и его политическая роль. — Л., 1931; Вогау В. Антирелигиозная пропаганда в немецких деревнях и Союз атеистов. — Харьков, 1927; Рейнмарус А., Фризен Г. Меннониты. — М., 1930.

4. См.: Ипатов А.Н. Меннониты: Вопр. формирования и эволюции этноконфессиональной общности. — М., 1978; Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России. — М., 1965; Кремзер Э. Последователи Менно. — Пермь, 1960; Крестьянинов В.Ф. Меннониты. — М., 1967.

5. См.: Грибанов А. Протестантизм // Наука и жизнь. — 1993. — № 8. — С. 116–123; Лютеране в Сибири: Сб. науч. ст. — Омск, 2000; Нам И.В. Сибирские немцы в условиях Первой мировой войны и революции // Немцы. Россия. Сибирь. — Омск, 1997; Соколовский С.В. Меннониты Алтая. — М., 1996.

6. См.: Советская истор. энцикл. — Т. 9. — М., 1966. — С. 353.

7. Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. — М., 2000. — С. 420, 426.

8. Архив УФСБ РФ по Свердл. обл. Ф. 1, оп. 2, д. 331, л. 135.

9. Там же. — Д. 283, л. 150.

10. Там же. — Оп. 1, д. 240, л. 80.

11. Там же. — Л. 80.

12. ГААОСО. Ф. 1, оп. 2, д. 45756. Т. 2, л. 1, Т. 3, л. 399.

13. Архив УФСБ РФ по Свердл. обл. Ф. 1, оп. 1, д. 240, л. 81–82.

14. Там же. — Л. 81.

15. Там же. — Оп. 2, д. 283, л. 150.

16. Там же. — Л. 151.

17. Там же.

18. Там же. — Л. 153.

19. Там же. — Л. 155.

20. Там же. — Л. 161.

21. Там же.

Выявление на Среднем Урале бывших полицейев и немецких пособников в первые послевоенные годы *

После окончания Великой Отечественной войны в Свердловской области оказалось значительное число людей, прибывших на Урал с временно оккупированных территорий или из-за рубежа. Среди них было много мобилизованных для работы в уральской промышленности жителей западных районов страны, а также освобожденных из плена военнослужащих Красной Армии. По состоянию на 1 декабря 1945 г. в области насчитывалось около 29 тыс. человек из числа тех, кто проживал на временно оккупированной территории. Из них 4,0 тыс. находились в плену или были в окружении. Многие из числа этих граждан сотрудничали с оккупационными властями и были виновны в гибели тысяч советских людей.

Судя по документам того времени, сохранившимся в архиве УФСБ по Свердловской области, масштабы работы по выявлению скрывающихся на Урале изменников Родины и немецких пособников были весьма значительными. Тем более что в СССР за годы войны органы госбезопасности накопили значительный опыт по выявлению предателей Родины и немецких пособников. Второе (контразведывательное) Управление НКВД СССР вело специальный учет этих лиц, после чего они активно разыскивались в советском тылу. На конец 1945 г. в активной агентурной разработке в Свердловской области находилось 1 829 человек. В результате проводимых оперативных мероприятий только за 1946 г. органами госбезопасности в области было арестовано 118 человек. Из числа арестованных разоблачено 23 изменника Родины, 43 предателя и 52 немецких пособника. Большинство из них работало на предприятиях черной и цветной металлургии, в лесной и угольной промышленности [1].

Среди выявленных предателей был Н.П. Кураков, работавший до ареста на Нижнетагильском коксохимическом комбинате. Проживая до войны в Донбассе, он уклонился от призыва в армию, остался на оккупированной территории и посту-

** Ранее опубліковано в кн. : Велика Вітчизняна війна 1941–1945 років.: сучасні проблеми історичної освіти і науки. Матеріали міжнародної науково-теоретичної конференції. — Дніпропетровськ : Пороги, 2005. — С. 267–274.*

пил на службу в полицию, где и служил до начала 1943 г. После освобождения Донбасса он был мобилизован в Красную Армию, а после демобилизации приехал работать на Урал. В Нижнем Тагиле был арестован В.А. Рыбковский, работавший забойщиком на Руднике им. Третьего Интернационала. Проживая на территории Белоруссии, он, после ее оккупации, добровольно уехал на работу в Германию. Проживая в Германии и работая в сельском хозяйстве, В.А. Рыбковский совершил побег, однако вскоре был задержан и доставлен для допросов в гестапо. Там он дал согласие на сотрудничество с германскими карательными органами, которое было оформлено соответствующей подпиской. В задачу В.А. Рыбковского входило выявление среди вывезенных на работу в Германию мобилизованных рабочих коммунистов, комсомольцев и антифашистки настроенных лиц, а также информирование спецслужб о готовящихся побегах и актах саботажа. Среди выданных им людей — распространявший антифашистские письма военнопленный поляк, а также военнопленный француз, нелегально хранивший радиоприемник. Весной 1945 г. В.А. Рыбковский перешел в американскую оккупационную зону, однако затем был репатрирован в СССР и отправлен на Урал [2].

В полиции служил и Ф.А. Селиванов, работавший до ареста лесорубом в Петропавловском леспромхозе, расположенном в Североуральском районе Свердловской области. Будучи военнослужащим Красной Армии, он, попав в окружение, вернулся домой и поступил на службу в полицию на станции Пролетарская Ростовской области. Будучи заместителем начальника районной полиции, принимал активное участие в арестах и массовых расстрелах советских граждан. По его указанию в конце 1942 г. было арестовано 100 человек из числа советско-партийного актива и подозревавшихся в связях с партизанами, многие из которых впоследствии были расстреляны. Из работавших под его руководством полицейских Ф.А. Селиванов создал оперативную конную группу, которая систематически разъезжала по району, арестовывала советских граждан и принимала участие в проводимых расстрелах. После отступления германской армии Ф.А. Селиванов стал работать на одном из заводов в Германии, а после окончания войны в порядке репатриации прибыл на Урал [3].

Забойщиком на Северном руднике в г. Североуральске работал арестованный органами госбезопасности Н.И. Воронин,

заочно приговоренный в ноябре 1941 г. Военным Трибуналом Карельского фронта к ВМН. Следствием было установлено, что, находясь на фронте Н.И. Воронин организовал группу из 10 человек, которая в ночь с 6 на 7 ноября 1941 г. в полном боевом вооружении сняла посты на передовой линии фронта и перешла на сторону финнов [4].

В результате реализации оперативных материалов органами Верхнепышминским РО МГБ был арестован и осужден Военным Трибуналом УралВо на 18 лет лишения свободы И.Г. Столбов, работавший до ареста электриком на Пышминском медьэлектродолитном заводе. В ходе следствия было установлено, что, попав в окружение в сентябре 1941 г., а затем в плен И.Г. Столбов поступил на службу в германскую армию и 4 раза проникал в советский тыл, доставляя сведения о расположении передовых воинских частей Красной Армии, и даже привел «языка». Кроме того, по заданию германского командования он проводил агитационную вербовочную работу в лагерях для советских военнопленных, призывая их вступать в германскую армию, после чего принимал от желающих заявления. Всего им было принято около 100 таких заявлений.

В Нижнем Тагиле был арестован И.М. Пономарев — начальник пожарно-сторожевой охраны универсама. В августе 1941 г. Пономарев, работавший в то время в органах НКВД надзирателем тюрьмы, подготавливался орловским управлением НКВД в составе группы из 16 человек к переброске в тыл противника для организации партизанского движения. Однако в момент переброски через линию фронта он дезертировал и остался проживать на оккупированной территории. В дальнейшем он поступил на службу в полицию и стал заместителем начальника районной полиции. За период службы в полиции Пономарев неоднократно выезжал на облавы советских партизан, производил массовые обыски, насильственно выгонял население на работы по строительству немецких оборонительных сооружений, участвовал в массовых арестах и расстрелах еврейского населения [5].

Военным Трибуналом Уральского военного округа на 18 лет каторжных работ был осужден бывший полицейский Ф.В. Лучший, работавший грузчиком на Сухоложском шашотном заводе. По 10 лет получили служившие в полиции Г.И. Никулин, работавший на Серовском металлургическом заводе, и И.С. Должен-

ков, до ареста — разнорабочий треста «Серовстальстрой». Г.И. Никулин, попав в окружение, сдался в плен и поступил на службу в полицию в Брянской области. Был командиром полицейского взвода, принимал участие в боях с партизанами. В течение нескольких месяцев работал следователем в городской управе и за заслуги награжден медалью. В мае 1947 г. органами МГБ в г. Нижнем Тагиле были арестованы И.Д. Амелин и В.Г. Петухов. Произведенным по их делам следствием установлено, что И.Д. Амелин в ноябре 1942 г., будучи рядовым 141 стрелкового полка 85 стрелковой дивизии, перешел линию фронта, добровольно сдался в плен и сообщил немцам известные ему сведения о своей воинской части. В.Г. Петухов, находясь на службе в одной из частей Красной Армии, оказался в окружении на территории Смоленской области и впоследствии поступил на службу в полицию. Во время службы в полиции принимал участие в облавах на партизан. После отступления германской армии в составе рабочего батальона он оказался в Германии, откуда в порядке репатриации прибыл в СССР [6].

В январе 1950 г. в Москву было направлено спецсообщение УМГБ по Свердловской области об аресте изменника Родины Н.В. Чугунова. Знакомство с материалами его дела показывает, что Николай Васильевич Чугунов, 1924 года рождения, уроженец деревни Фадеево Володарского района Орловской области, русский, член ВКП (б), до ареста работал в Свердловской области первым секретарем Таборинского райкома ВЛКСМ. Проведенным следствием по его делу было установлено, что во время Великой Отечественной войны Н.В. Чугунов проживал на временно оккупированной советской территории. Летом 1942 г. он поступил на службу в Килиявскую волостную полицию, где и служил полицейским. Находясь на службе в полиции, он принимал участие в обысках и арестах гражданских лиц, их мобилизации на работы, а также формировании групп граждан для отправки в Германию [7].

Летом 1943 г. после освобождения территории Орловской области Н.В. Чугунов вместе с родителями эвакуировался на территорию Украины и проживал в Винницкой области. После ее освобождения он скрыл факт своей службы в полиции и был призван Казатинским военкоматом в армию. Судя по материалам личного дела, Н.В. Чугунов воевал в составе Первого

Украинского фронта, был командиром взвода, за храбрость награжден двумя орденами и четырьмя медалями. С 1940 г. Н.В. Чугунов состоял в рядах ВЛКСМ, однако в 1941 г. уничтожил свой комсомольский билет. В 1944 г. в качестве военнослужащего он снова вступил в комсомол. В декабре 1945 г. Н.В. Чугунов демобилизовался и по вербовке прибыл в Свердловскую область, где стал работать на кирпичном заводе в Ирбитском районе. Его избрали секретарем комитета ВЛКСМ Ирбитского мотоциклетного завода, а вскоре приняли и кандидатом в члены партии. Работая на заводе, показал себя хорошим организатором, в частности, добился создания 13 молодежных бригад и комсомольских групп. В один из проводившихся Всесоюзных коммунистических воскресников эти бригады выпустили сверх плана 16 мотоциклов. После двух лет работы руководителем заводского комсомола Н.В. Чугунова направили на работу первым секретарем Таборинского райкома ВЛКСМ, где он и трудился до момента ареста. В связи с арестом 30.12.1949 г. решением Свердловского обкома ВЛКСМ он был снят с должности первого секретаря и исключен из партии [8].

В это же дни органами УМГБ по Свердловской области был разоблачен И.А. Леонов, служивший до этого в звании лейтенанта заместителем командира роты по политической части одного из полков внутренних войск МГБ СССР в г. Краснотурьинске. Следствием по его делу было установлено, что летом 1941 г. в Краснодаре И.А. Леонов был призван в Красную Армию и направлен на фронт. Однако по пути на фронт он дезертировал и вернулся домой, где и скрывался до прихода немцев. Во время оккупации он поступил на службу в полицию и принимал участие во всех карательных акциях оккупационных властей против местного населения. После освобождения города И.А. Леонов эвакуировался на запад и поступил на службу в германскую армию, а в 1944 г., оказавшись на освобожденной территории, скрыл свое прошлое и был повторно мобилизован в Красную Армию. После войны он закончил военнополитическое училище и был направлен для прохождения службы во внутренние войска [9].

На основании оперативных материалов Краснотурьинского ГО МГБ был арестован Г.М. Иванов. Следствием было установлено, что он, оставаясь проживать во временно оккупированном германской армией Днепропетровске, в конце 1941 г.

добровольно поступил на службу в немецкую железнодорожную полицию в качестве полицейского. Летом 1942 г. он был завербован представителем германских контрразведовательных органов в качестве агента-вербовщика для «насаждения агентуры по станциям Днепропетровского узла». Выполняя задания германской контрразведки Г.М. Иванов неоднократно выезжал на различные станции (Пятихатки, Нижне-Днепровск, Малое Синельниково, Большое Синельниково, Чаплино и др.), где лично проводил вербовку агентуры общей численностью около 40 человек. В 1945 г. Г.М. Иванов в порядке репатриации прибыл в Нижний Тагил Свердловской области, где активно проводил антисоветскую агитацию [10].

Анализ сохранившихся архивно-следственных материалов свидетельствует о том, что биографии разоблаченных изменников Родины, предателей и немецких пособников во многом были похожи. Чаще всего общее для них — это служба в Красной Армии, окружение или добровольная сдача в плен, концлагерь и работа в полиции. Затем повторная служба в Красной Армии или отступление вместе с германской армией, работа в Германии и репатриация в СССР, благополучное прохождение проверок в фильтрационных лагерях, переезд на Урал и последующее разоблачение. Следует отметить и тот факт, что, несмотря на широко проводимую в 1990-е гг. в РФ реабилитацию жертв политических репрессий, под которую попали даже многие осужденные военные преступники, основная масса проходившим по вышеуказанным делам лиц реабилитирована не была. Это свидетельствует о том, данная категория лиц, совершавшая изменнические действия в годы Великой Отечественной войны, справедливо понесла заслуженное наказание.

Примечания

1. Архив УФСБ РФ по Свердл. обл. Ф.1. Оп.1. Д.276, л. 6; Д. 300, л. 67.
2. Там же. — Д. 259, л. 209, 215.
3. Там же. — Л. 102—103.
4. Там же. — Д. 239, л. 255.
5. Там же. — Д. 300, л. 70 об.
6. Там же. — Д. 304—305.
7. Там же. — Д. 464, л. 4—6.
8. ЦДООСО. Ф. 61, оп. 9, д. 1896, л. 1—10; Ф. 4446, оп. 2, д. 21, л. 4.
9. Архив УФСБ РФ по Свердл. обл. Ф. 1, оп. 2, д. 164, л. 1.
10. Там же. — Оп. 1, д. 300, л. 108—109.

В Государственном архиве административных органов Свердловской области и архиве УФСБ по Свердловской области сохранились материалы о существовавшей в 1944–1945 гг. в г. Нижняя Салда Свердловской области молодежной организации. Она называлась «Союз свободных республик». В начале августа 1945 г. в этом городе органами НКГБ был задержан и допрошен А.В. Бабков — 1928 года рождения, студент первого курса Верхнесалдинского авиационно-металлургического техникума. Одновременно задержали еще несколько человек. Среди них П.Н. Андреев — токарь Нижнесалдинского металлургического завода, 1927 года рождения, З.В. Соколова — статистик этого же завода, 1928 года рождения и Ф.В. Крысина, нигде не работающая, 1926 года рождения.

Основанием для задержания послужила поступившая в Управление НКГБ по Свердловской области информация о том, что в городе Нижняя Салда существует нелегальная антисоветская молодежная организация под названием «Союз свободных республик». Данная организация якобы имеет свою программу и устав антисоветского содержания, изготавливает и распространяет антисоветские листовки и проводит вербовочную работу по вовлечению в организацию новых лиц. На основании полученной информации в Нижней Салде были проведены соответствующие агентурно-оперативные и следственные мероприятия. Они и дали основания для задержания вышеуказанных лиц [1].

На квартирах задержанных были проведены обыски, в ходе которых были обнаружены и изъяты документы, подтверждающие существование данной организации. Так, при обыске на квартире П.Н. Андреева обнаружили и изъяли программу «Союза свободных республик», «партийные билеты», чистые бланки заявлений для вновь вступающих в «Союз» членов, а также список членов этой организации. На квартире А.В. Бабкова были обнаружены другие материалы о «Союзе». Среди них — краткий устав «Союза», 7 экземпляров машинописных листовок антисоветского содержания, 4 заполненные анкеты —

* Ранее опубликовано в кн. : *Шестые Татищевские чтения : Тез. докл. и сообщ.* — Екатеринбург : Изд-во ИИ и А УрО РАН, 2006. — С. 312–315.

заявления о вступлении в «Союз», образец партийного билета, вырезанная из резины печать организации, а также штамп для отметок об уплате членских взносов и герб «Союза» [2]. Одна из обнаруженных листовок начиналась словами «Товарищи! Грозные дни для жизни России миновали...» и заканчивалась словами «Пора взяться за оружие и установить свободную демократическую республику». В уставе же было записано, что основной целью «Союза свободных республик» является борьба с существующим строем [3].

В ходе допросов арестованных установлено, что молодежная организация «Союз свободных республик» была создана в июне 1944 г. по инициативе А.В. Бабкова. В его комсомольской характеристике отмечалось, что «за время пребывания в комсомольской организации взысканий не имел, дисциплинирован, к выполнению поручений относился добросовестно, активно участвует в проведении общественных мероприятий» [4].

Первоначально в «Союз» кроме А.В. Бабкова входили учащаяся 9-го класса Нижнесалдинской средней школы В.Н. Глазунова, студенты Верхнесалдинского авиационно-металлургического техникума В.В. Голованов и Ф.В. Крысина. На своих собраниях они избрали председателем А.В. Бабкова, секретарем — Ф.В. Крысину, а себя именовали членами центрального комитета «Союза». Каждый из участников организации принес клятву, а впоследствии ими был составлен краткий устав «Союза». Лозунгом этой организации стали слова — «За лучшую жизнь». А.В. Бабков и В.В. Голованов изготовили печать «Союза» и штамп для отметок об уплате членских взносов, а Ф.В. Крысина для членов «Союза» от руки выписала партийные билеты.

Осенью 1944 г. в состав «Союза» вошли рабочий НСМЗ П.Н. Андреев, студент первого курса Верхнесалдинского авиационно-металлургического техникума Л.В. Трифонов, учащийся Нижнесалдинской средней школы № 2 А.Е. Просвиряков и машинистка заводоуправления НСМЗ З.В. Соколова. Всего в данной организации состояло 13 человек — студенты, рабочие и учащиеся средней школы. Все они, за исключением одного, были 1926—1928 гг. рождения, семь из них являлись членами ВЛКСМ. По данным следствия, в конце 1944-го — начале 1945 годов участники «Союза» неоднократно обсуждали формы и методы работы среди населения города, в том числе —

распространение листовок, приобретение огнестрельного оружия, убийство партийных работников.

В спецсообщении Управления НКГБ по Свердловской области секретарю Свердловского обкома ВКП (б) В.М. Андрианову от 18 декабря 1945 г. «О результатах следствия по делу антисоветской молодежной организации под названием «Союз свободных республик», существовавшей в г. Нижняя Салда Свердловской области», за подписью начальника Управления генерал-лейтенанта Борщева отмечалось, что «в процессе тщательного расследования не было добыто данных о том, что враждебная советской власти деятельность участников «Союза свободных республик» вдохновлялась или направлялась кем-либо из взрослых антисоветски настроенных лиц» [5]. По мнению следствия, причиной появления данной организации были материально-бытовые затруднения в семьях, а также недостаточная политико-воспитательная и культурно-воспитательная работа среди комсомольцев, отсутствие организованного досуга молодежи.

После завершения следствия дело было передано в судебные органы. Решением Особого Совещания при НКВД СССР от 26 декабря 1945 г., протокол № 49 по делу № 1043, члены «Союза» были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-10, ч. 2 и ст. 58-11 УК РСФСР и приговорены к различным срокам наказания. А.В. Бабков был приговорен к 8 годам содержания в ИТЛ, П.Н. Андреев и В.В. Голованов — к 6 годам, И.В. Рыбаков и Л.В. Трифонов — к 5 годам и т. д.

После отбытия наказания Л.В. Трифонов в 1950 г. был направлен на поселение в Красноярский край. В августе 1953 г. мать осужденного обратилась в Верховный Суд СССР с просьбой о пересмотре дела и возвращении ее сына из ссылки. Однако данное заявление было оставлено без удовлетворения. В 1957 г. дело по жалобе В. В. Голованова в порядке надзора проверялось Прокуратурой Свердловской области, однако и в этом случае постановление Особого Совещания в отношении всех осужденных было оставлено без изменения [6]. И только в конце 1980-х гг. было установлено, что постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 26 декабря 1945 г. попадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16. 01. 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению

справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 1930—40-х и начале 1950-х годов». Оно было отменено за отсутствием в действиях осужденных состава преступления.

Такова первичная информация об этой уральской молодежной организации — «Союзе свободных республик». Она не дает возможности однозначно ответить, что же это было. Однако публикуемые материалы дают основу для дальнейшего исследования данного явления.

Примечания

1. Архив УФСБ по Свердл. обл. Ф. 1, оп. 1, л. 239, л. 275.
2. ГААОСО. Ф. 1, оп. 2, л. 43860, л. 257.
3. Там же. — Л. 45, 49.
4. Там же. — Л. 162.
5. Архив УФСБ РФ по Свердл. обл. Ф. 1, оп. 1, л. 239, л. 313.
6. ГААОСО. Ф. 1, оп. 2, л. 43860, л. 47.

Антисоветские листовки в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны *

В первые месяцы Великой Отечественной войны обнаружилась несостоятельность созданной в СССР тоталитарной системы, ориентированной на ведение в будущем наступательной войны и требовавшей от советских людей максимального ограничения во всех сферах их жизни. В 1945 г. на торжественном приеме в Кремле И.В. Сталин признал, что тогда народ был вправе потребовать отставки своего правительства.

Одним из проявлений недовольства советских людей ходом военных действий и тяжелейшим материально-бытовым положением стало появление листовок и различных анонимных документов антисоветского содержания. Так, в 1941 г. антисоветское воззвание появилось в колхозе «Прогресс» Волковско-го сельсовета Камышловского района. Инициатором его составления стал учетчик МТС З.А. Борноволоков. В это же время в Сысертском районе была обнаружена группа распространителей листовок, в которую входили преподаватель русского языка Сысертской средней школы Г.А. Меньшиков, учитель-

* Ранее опубликовано в кн.: *Документ. Архив. История. Современность*. Вып. 6. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2006. — С. 414—434.

ница Лектемина и ее 16-летний брат, учащийся этой же школы. В сентябре 1941 г. Г.А. Меньшиков стал распространять написанные им листовки с призывом к свержению советского строя путем вооруженного восстания и совершения террористических актов, направленных против руководителей государства. Участники этой группы были осуждены на разные сроки, а Г.А. Меньшиков приговорен к высшей мере наказания.

В 1944 г. Управлением НКГБ по Свердловской области был арестован и осужден на 10 лет ИТЛ И.Т. Крысов, который с конца 1942 г. рассылал в партийные и советские органы, а также в редакции центральных газет анонимные письма. В том же году на территории Краснополянского района Свердловской области были обнаружены 3 анонимные листовки, написанные двумя женщинами-трактористками Ляпуновской МТС [1].

В начале 1943 г. отпечатанные на машинке листовки стали систематически появляться на территории Втузгородка г. Свердловска. В спецсообщении Управления НКГБ по Свердловской области от 9 июля 1943 г. № 10064 за подписью его начальника генерал-лейтенанта Борщева отмечалось, что они содержали клеветнические измышления в адрес одного из руководителей партии и правительства и клевету на советскую действительность, призывали людей вооружиться и громить советские учреждения [2].

В результате проведенного следствия было установлено, что данные листовки были отпечатаны на пишущей машинке, принадлежащей кафедре тактики Военно-воздушной академии им. Жуковского. В годы войны она находилась в эвакуации в г. Свердловске и располагалась на территории Втузгородка. Для печатания употреблялась бумага из тетрадей, выдаваемых преподавателям академии для личной работы. Был установлен и автор листовок. По мнению следствия, им являлся преподаватель тактики Академии ВВС полковник К.И. Хорсеев, проживавший в то время в г. Свердловске по адресу: ул. Красноармейская, д. 12, кв. 8. [3].

В начале Великой Отечественной войны полковник Хорсеев был начальником штаба авиадивизии, во время отступления под Мелитополем он утерял секретные документы, а также личный дневник, в котором имелись записи о бездарности и слабости высшего военного руководства Красной Армии. Кроме того, в разговорах с сослуживцами полковник неоднократно заявлял,

о том что «... у нас в СССР ничего нет, колхозники ходят оборванные и голодные. У нас нет никакой личной свободы. В демократических странах люди свободней: хотят — работают, хотят — не работают, человек там независим. Режимы в СССР и Германии не многим отличаются между собой». Вскоре его дневник попал в руки компетентных органов. После этого К.И. Хорсеев был отозван с фронта и направлен работать на преподавательскую работу в академию. Свои листовки автор подписывал «Свердловск — КИХ». Окончание псевдонима автора листовок, по мнению следствия, соответствовало начальным буквам имени, отчества и фамилии обвиняемого [4].

На основании всего этого Особым совещанием при Народном комиссаре внутренних дел СССР от 12 января 1944 г. полковник Хорсеев был приговорен к 10 годам ИТЛ по статье 58-10 УК РСФСР. В 1947–1948 гг., находясь в заключении и работая в системе комбината «Воркутауголь», он дважды обращался в Главную Военную прокуратуру СССР с просьбой о пересмотре своего дела, мотивируя это тем, что давал показания под давлением следователя [5]. В пересмотре дела ему было отказано, однако в 1955 г. К.И. Хорсеев снова обратился с просьбой о пересмотре дела, на этот раз к председателю Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, указывая, что даже не умеет печатать на пишущей машинке. В феврале 1956 г. в КГБ при Совете Министров СССР по данному заявлению была проведена специальная графическая экспертиза. В заключение экспертов (акт экспертизы № 166 от 01.03.1956 г.) указывалось, что они не исключают возможности того, что антисоветские листовки писал осужденный, однако сделать более определенное заключение не представляется возможным.

На этом основании Главная военная прокуратура в порядке надзора направила в Военный Трибунал Московского военного округа протест по делу К.И. Хорсеева. В протесте указывалось, что обвинения строились только на его показаниях, а также на основании того, что листовки отпечатаны на пишущей машинке, принадлежавшей кафедре тактики, где работал осужденный. Всего было обнаружено 22 листовки, на них, наряду с датой и местом изготовления, указаны инициалы «КИХ». Их совпадение с инициалами Хорсеева и послужило основанием для его ареста и последующего осуждения. К.И. Хорсеев заявил, что после ареста, будучи морально подавлен и под влиянием физического воздействия следователя, он согласился подписать лю-

бые показания. После этого ему был дан содержащий вымышленные факты протокол, который он и подписал. Данный протокол от 4 октября 1943 г. был изготовлен заранее, проверкой также установлено, что в нем изложены вымышленные факты. К тому же бывшие работники кафедры тактики показали, что пишущая машинка находилась в общей канцелярии и свободный доступ к ней имел широкий круг лиц. В феврале 1960 г. за недоказанностью обвинения дело было прекращено, и Военным Трибуналом Московского военного округа К.И. Хорсееву была вручена справка о реабилитации [6].

Уже после окончания войны осенью 1945 г. за антисоветскую деятельность был арестован начальник технического снабжения комбината № 3 в г. Асбесте. При аресте у него изъяли дневники, в которых говорилось о неизбежности гибели советской власти, а также имелось воззвание «К советскому народу». В нем содержался призыв к вооруженной борьбе за свержение советской власти. В это же время был арестован и помощник машиниста транспортного цеха завода № 183 в Нижнем Тагиле П.К. Баранов. Расследованием было установлено, что августе 1945 г. он написал и отправил в адрес директора Уральского вагоностроительного завода в Нижнем Тагиле Ю.Е. Максарева анонимное письмо. В письме говорилось о тяжелом материальном положении работников предприятия, высказывались угрозы в адрес директора и других руководящих работников завода [7]. Анонимные письма с выражением недовольства тяжелым материальным положением поступали от рабочих Старотрубного завода в Первоуральске, Тавдинского фанерного комбината и других предприятий [8]. При этом многие из них не имели антисоветской направленности, их авторы пытались таким образом воздействовать на руководителей предприятий, добиться улучшения своего материально-бытового положение.

Всего за годы Великой Отечественной войны Управлением НКГБ по Свердловской области было зарегистрировано 76 случаев распространения антисоветских листовок и выявлено 137 их авторов. Из числа выявленных авторов 83 проживало в городах области и 54 — в сельской местности. Всего в области было обнаружено 424 экземпляра листовок «террористического, клеветнического и порочающего характера» [9].

Как известно, в отечественной историография давно сформировалось и прочно утвердилось мнение о том, что в годы Великой Отечественной войны Урал являлся опорным краем держа-

вы, а его труженики, невзирая на все тяготы, «...проявляя удивительное терпение и непримотливость, выполняли свой патриотический долг» [10]. Сегодня, однако, представляется, что реальная жизнь была гораздо многообразнее утвердившихся в научной и научно-популярной литературе штампов.

Примечания

1. Архив УФСБ по Свердлов. обл. Ф. 1, оп. 1, л. 258 - 259.
2. Там же. — Д. 163, л. 177—179.
3. ЦОА ФСБ РФ, д. 20375, л. 2.
4. Там же.
5. Там же. — Л. 16, 174.
6. Там же. — Л. 208, 224, 259.
7. Архив УФСБ по Свердлов. обл. Ф. 1, оп. 1, д. 276, л. 128—129.
8. Там же. — Д. 259, л. 65—67, 92, 130.
9. Архив УФСБ РФ по Свердлов. обл. Ф. 1, оп. 1, д. 239, л. 256—257.
10. Уральская истор. энцикл. Екатеринбург : Изд-во ИИА УрО РАН. — С. 107.

У. ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ИНТЕРНИРОВАННЫЕ

О результатах эксгумации останков японских военнослужащих на кладбище военнопленных спецгоспиталя № 2929 МВД СССР в г. Нижний Тагил Свердловской области *

Одной из нерешенных со времени окончания Второй мировой войны проблем является вопрос об иностранных воинских захоронениях, десятки тысяч которых разбросаны по всей территории России. Проблема эта стала решаться только в последнее время. Так, в начале 1990-х гг. Российская Федерация подписала с Германией и Италией соглашение о статусе мест захоронений иностранных военнослужащих и приравненных к ним лиц. В соответствии с ним германская и итальянская стороны взяли на себя расходы по эксгумации захороненных на территории России останков своих военнослужащих, а также расходы по благоустройству и содержанию мест их погребения. Россия предоставляет для этой цели безвозмездно и на неограниченный срок используемые под воинские захоронения участки земли. Итальянская и германская стороны обязались за свой счет обеспечить благоустройство и уход за советскими военными могилами в своих странах. В последние годы межправительственные соглашения о воинских захоронениях были подписаны с Венгерской Республикой, Республикой Польша, Словацкой Республикой и Финляндской Республикой.

Для обеспечения практической реализации вышеуказанных соглашений в ноябре 1991 г. Министерством обороны СССР была создана специальная структура — Ассоциация международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы». Ассоциация организует поиск и учет иностранных воинских захоронений, обеспечивает подготовку информации о погребениях и персональном составе погибших, производит благоустройство мест захоронений как советских, так и иностранных военнослужащих, организует контроль за их состоянием, производит по заказу заинтересованных сторон эксгумацию останков и организует их транспортировку на родину, оказыва-

* Ранее опубликовано в кн. : *Ценности и идеология современной России : Тез. межвузовской научно-практ. конф. 6–7 июня 1996 г.* — Екатеринбург : Изд-во УГТУ, 1996. — С. 86–89.

ет помощь представителям других стран в посещении воинских захоронений. В соответствии с Постановлением правительства Российской Федерации от 13 января 1995 г. № 33 «О мерах по реализации межправительственных соглашений об обеспечении сохранности и порядка содержания российских/советских воинских захоронений за рубежом и иностранных воинских захоронений в Российской Федерации» органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации поручается определить занятые под иностранными воинскими захоронениями земельные участки, взять их на учет и обеспечить предоставление этих участков в постоянное пользование организациям, уполномоченным правительством на выполнение задач по реализации указанных соглашений с освождением в установленном порядке от платы за землю.

Постановлениями правительства № 979 от 16 декабря 1992 г. и №10126 от 23 октября 1995 г. Ассоциация международного военно-мемориального сотрудничества определена в качестве организации, уполномоченной правительством Российской Федерации на выполнение задач, вытекающих из вышеуказанных межправительственных соглашений. Для этой цели Ассоциации «Военные мемориалы» должны быть переданы в бессрочное (постоянное) пользование используемые под иностранные воинские захоронения земельные участки.

10 апреля 1991 г. было подписано также соглашение между правительством Союза ССР и правительством Японии о лицах, находившихся в лагерях для военнопленных. В соответствии с договором СССР (Россия как правопреемник) обязался передать японской стороне списки умерших военнопленных, а также материалы о местах их захоронения. Наша сторона взяла на себя обязательство содействовать передаче Японии останков умерших военнопленных во всех случаях, когда это представляется возможным. Расходы по эксгумации и передаче указанных останков брало на себя правительство Японии в соответствии с японским законодательством.

В ходе Второй мировой войны в советском плену оказалось 546,1 тысяч японцев, 46,1 тысяч из них (то есть 8,4 %) умерли и захоронены на огромной территории от Владивостока до Москвы. В 1945–1948 гг. около тысячи японцев из состава Квантунской армии находились в лагерях МВД и в отделениях рабочих батальонов НКО, размещенных на территории Сверд-

ловской области. Во время нахождения в плену многие из них умерли и похоронены на кладбищах военнопленных в г. Артемовском, г. Сухом Логу и на станции Поречье Туринского района. В 1948 г. 18 японских военнопленных умерли во время нахождения в спецгоспитале № 2929 МВД СССР и были захоронены на кладбище, расположенном в поселке Рудник имени Третьего Интернационала г. Нижнего Тагила. В начале 1995 г. японская сторона поставила вопрос о проведении Ассоциацией «Военные мемориалы» работ по эксгумации останков захороненных на этом кладбище японских военнопленных. На заброшенном госпитальном кладбище среди 1750 захороненных иностранных граждан необходимо было обнаружить и идентифицировать останки 18 японских подданных и отправить их на родину.

Весной 1995 г. начались подготовительные работы. Они включали в себя изучение материалов центральных и местных архивов, выявление документальных данных по вышеуказанным захоронениям, кладбищенских схем и списков умерших. Обнаруженные архивные материалы подкреплялись показаниями очевидцев из числа местных жителей. До начала работ были получены необходимые разрешения и сделаны нужные согласования, решены вопросы размещения участников экспедиции, обеспечения ее необходимой техникой, охраны места раскопок и т. д. Проведение работ облегчалось тем обстоятельством, что на кладбище сохранилось большинство могильных холмиков, а сами умершие в 1948 г. японцы были захоронены, как это выяснилось в ходе эксгумации, в деревянных гробах. Наличие холмиков позволило составить схему их размещения, наложить на кладбищенскую схему из архива и, сопоставив со списком захороненных, определить нужные могилы.

Работа на кладбище спецгоспиталя проводилась в последней декаде июля и продолжалась шесть дней. Из-за чрезвычайно тяжелого грунта (глина и заболоченность участка) в ходе работ пришлось применять землеройную технику. С помощью экскаватора каждую могилу вскрывали на глубину до одного метра, оставшийся грунт вынимали вручную. Следует отметить, что работа техники постоянно контролировалась с помощью специальных щупов, которыми определялась глубина залегания гробов. Они находились на уровне водоносного слоя и практически полностью сохранились. После завершения зем-

ляных работ обнаруженные гробы вскрывались, из них откачивали воду и на экспертизу поднимались сохранившиеся костные останки. Необходимо отметить, что вышеуказанные особенности почвы привели к сохранению в ряде случаев и мягких тканей. Причем в двух случаях — это редчайшее явление — не разложился и мозг. Он только ссохся, сохранив форму и структуру. По строению черепа и зубам судмедэкспертом устанавливалась расовая принадлежность, по костям скелета — возраст и рост. Полученные таким образом данные сравнивались с материалами из историй болезни захороненного и в случае их совпадения останки идентифицировались. Всего, таким образом, удалось идентифицировать 17 останков японских военнопленных. Они были кремированы и после торжественной церемонии контейнеры с прахом переданы присутствовавшей при эксгумации японской делегации, которая и доставила их в Японию.

Военнопленные немецкие генералы на Урале в конце 1940-х — начале 1950-х гг. *

В результате Второй мировой войны в советском плену оказалось 2,4 млн немецких солдат и офицеров, в том числе 376 генералов. К концу 1940-х гг. основная часть пленных была освобождена и отправлена на родину. В СССР остались лишь те, кто отбывал наказание за военные преступления. В 1948–1950 гг. смогли вернуться в Германию и некоторые немецкие генералы, остальные были осуждены и оставлены в Советском Союзе.

Для содержания осужденных военнопленных в СССР были созданы особорежимные лагеря, в том числе лагерь № 476 МВД на территории Свердловской области. Управление лагеря размещалось в пос. Нижнеисетский г. Свердловска. В областном центре находились и три отделения этого лагеря. Другие лагерные отделения располагались в Асбесте, Дегтярске, Первоуральске и Ревде.

Спецлагерь № 476 считался самым крупным среди 11 подобных лагерей, имевшихся тогда в стране. По состоянию на начало 1953 г. срок заключения в СССР отбывали 16 800 осуж-

** Ранее опубликовано в кн. : Первые уральские военно-исторические чтения. — Екатеринбург : Изд-во УГТУ, 1997. — С. 105–106.*

денных военнопленных и интернированных граждан, из них 7 170 — в Свердловской области. Здесь находились не только немцы, но и граждане Австрии, Бельгии, Венгрии, Голландии, Испании, Италии, Люксембурга, Польши, Румынии, Финляндии, Югославии, Китая, Кореи и других стран.

Примерно половина содержавшихся в спецлагере составляли офицеры, в том числе 96 генералов. Уральский лагерь стал «пристанищем» тех, кто в свое время был близок «великому фюреру» или знал его лично. Это адъютант Гитлера майор Гюнше, адъютант Кейтеля полковник Ганзен, сын промышленника Круппа Геральд фон Болен унд Гальбах, начальник отдела «Е» VI управления СД, руководитель германской разведки на Балканах и в Италии полковник Херман, начальник главного управления военной разведки ОКВ полковник Зюскинд-Швенди. Были здесь и адъютант Гесса, приемный сын рейхсфюрера СС Гимmlера, племянник фон Папена, сын казненного в Нюрнберге Зейс-Инкварта, сын премьер-министра Венгрии Каллаи.

Плененные немецкие генералы находились в лагерях в Асбесте, Дегтярске и Первоуральске и работали наряду с остальными военнопленными, в основном на строительстве. Некоторые пытались бежать, но безуспешно. За время нахождения в плену девять генералов умерли и захоронены на специальных воинских кладбищах. В 1952—1953 гг. в Асбесте умерли шесть немецких генералов. Однако, несмотря на все усилия заинтересованных организаций и местных властей, точное местонахождение этого «генеральского» кладбища установить не удалось. На нем захоронены житель г. Штеттена генерал-майор Зикст фон Армии, командир 113-й пехотной дивизии вермахта генерал-майор Миллер фон Бюлов из Восточной Пруссии, командир 246-й пехотной дивизии генерал-майор фон Штайн-Либенштайн из Мюнхена, генерал-майоры В. Гебб из Гессена и И. Рупрехт из Аугсбурга, а также генерал-лейтенант фон Штрахвитц.

В эти же годы в Первоуральском лагере умерли и захоронены на кладбище в пос. Талица командир 257-й дивизии генерал К. Закс и генералы Р. Майснер и И. Браунер — оба австрийцы по происхождению. Всего в советском плену умерло три генерала вермахта австрийского происхождения. 25 октября 1953 г. умер последний из названных генералов, а

вскоре всех оставшихся в живых перевели в ивановский лагерь № 48 МВД СССР. На этом уральский период их плена завершился.

Немецкие воинские кладбища в Екатеринбурге *

В годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы Урал стал местом размещения сотен тысяч военнопленных из числа военнослужащих германской армии и армий ее союзников, а также десятков тысяч интернированных граждан из стран Восточной Европы. С 1942 г. стал функционировать первый в регионе лагерь для военнопленных № 84 в г. Асбесте, а с лета 1945 г., когда численность пленных в Свердловской области достигла своего максимума, действовал и лагерь № 314 в областном центре. В его составе насчитывалось девять лагерных отделений, всего в них находилось до 5 тыс. человек. В 1949 г. в связи с массовой репатриацией военнопленных этот лагерь был закрыт, а на следующий год на его базе был открылся самый крупный в СССР особорежимный лагерь для военных преступников № 476 МВД СССР, просуществовавший до начала 1956 г. Управление этого спецлагеря дислоцировалось в пос. Нижне-Исетск, на южной окраине областного центра размещалось и его первое отделение. Остальные отделения лагеря находились в г. Асбест, Дегтярский, Ревда и Первоуральск. За время нахождения в г. Свердловске 414 пленных (без данных по Никольскому кладбищу) умерли и были захоронены на территории города. Основную часть их составляли немцы, но были среди них и австрийцы, венгры, голландцы, румыны, японцы, и даже жители Великого Герцогства Люксембург.

Вплоть до начала 1990-х гг. статус иностранных воинских захоронений в России был весьма неопределенным. Единственным документом являлась Женевская конвенция 1949 г., по которой подписавшие ее страны, в том числе и СССР, обязывались обеспечивать сохранность и уход за находившимися на их территории воинскими захоронениями. Однако это положение конвенции в нашей стране, как правило, не соблюдалось.

** Ранее опубликовано в кн. : Екатеринбург — вчера, сегодня, завтра // Материалы научно-практ. конф., посвященной 275-летию города, 21–22 апреля 1998 г. Ч. 1. — Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 1998. — С. 145–148.*

лось. 16 декабря 1992 г. было принято постановление правительства РФ № 979 «О подписании соглашения между правительством Российской Федерации и правительством Федеративной Республики Германии об уходе за военными могилами в Российской Федерации и в Федеративной Республике Германии». Германская сторона взяла на себя расходы по эксгумации захороненных на территории РФ останков военнослужащих, а также расходы по благоустройству и содержанию мест их погребения в нашей стране. Российская Федерация предоставляет для этой цели безвозмездно и на неограниченный срок участки земли, используемые под воинские захоронения. Германская сторона обязалась также за свой счет обеспечивать благоустройство и уход за советскими военными захоронениями, находящимися на ее территории.

В ноябре 1993 г. выявленные архивные материалы были переданы администрации г. Екатеринбурга, и на территории города развернулись поисковые работы. Их результаты показали, что, в отличие от других городов и районов области, в Екатеринбурге большинство немецких воинских кладбищ не сохранилось. Безвозвратно утеряны немецкие захоронения на Михайловском и Никольском гражданских кладбищах. В 1952 г. в соответствии с указанием УПВИ МВД СССР был ликвидирован немецкий участок на территории Широкореченского воинского кладбища, где были захоронены 52 военнопленных. По имеющимся данным, немецкий участок находился недалеко от того места, где воздвигнут мемориал советским воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Оказались ликвидированы и кладбища второго, четвертого и шестого лагерных отделений. Захоронения военнопленных второго лаготделения производились на Елизаветинском кладбище, в западной части его находился выделенный для этих целей и обнесенный колючей проволокой участок. В 1960-е гг. на этом месте были произведены повторные захоронения, и от 78 немецких могил не осталось и следа. Полностью уничтоженным оказалось и кладбище лагеря № 314 (л/о 4, 6) в пос. Уралхиммаш, где захоронены 147 человек. В настоящее время на этом месте расположено предприятие Уралниихиммаш.

Больше «повезло» кладбищам третьего лагерного отделения, расположенным на южной окраине города в пос. Шабы, Уралниисхоз и районе Мельзавода № 3. Могильные холмики и стол-

бики с табличками здесь также не сохранились, однако данные участки не вводились в хозяйственный оборот и костные останки не потревожены. В настоящее время эти земельные участки передаются в постоянное (бессрочное) пользование Ассоциации «Военные мемориалы», которая уполномочена правительством РФ на ведение благоустроительных работ на воинских захоронениях и осуществление дальнейшего ухода за ними.

Единственный сохранившийся немецкий участок располагается в центре Нижнеисетского гражданского кладбища. Это немецкое, воинское кладбище лагерей № 314 (л/о 4) и № 476 (л/о 1). В начале 1960-х гг. оно было приведено в порядок и до начала 80-х гг. уход за ним осуществлял Трест похоронного обслуживания. Это было единственное из 94 имеющихся в области иностранных воинских кладбищ периода Второй мировой войны, которое содержалось в порядке (отметим, что в относительном порядке содержалось и немецкое кладбище в г. Артемовском). Причина такого внимания властей к Нижнеисетскому кладбищу заключалась в том, что его планировалось показывать приезжающим в область иностранным делегациям. Однако во второй половине 1980-х гг. уход за ним был прекращен, в результате большинство установленных в свое время бетонных надгробий разрушились. Постановлением Главы города Екатеринбурга от 29.05.1997 г. № 402-т данный участок передан Ассоциации «Военные мемориалы» для благоустройства и последующего ухода. Немецкая сторона прислала проект благоустройства. Он включает в себя установку большого металлического креста, гранитной плиты с подписью на русском и немецком языках, сооружение металлического забора и устройство газона. И после проведения всех согласований есть уверенность, что в 1998 г. это немецкое воинское кладбище будет благоустроено.

Таким образом, на территории Екатеринбурга в настоящее время выявлено семь немецких воинских кладбищ времен Второй мировой войны. Это захоронения на Елизаветинском, Нижнеисетском и Ширококореченском гражданских кладбищах и немецкие кладбища в пос. Мельзавод № 3, УЗХМ. Уралниисхоз и Шабы. Кроме них, отдельные захоронения немецких граждан были на Михайловском и Никольском гражданских кладбищах. В настоящее время речь идет о благоустройстве

четыре кладбища (Нижнеисетское, пос. Мельзавод № 3, Уралниисхоз, Шабры). Открытым остается вопрос об установке памятных знаков на месте ликвидированных кладбищ, однако последнее слово здесь остается за немецкой стороной.

Следует заметить, что, судя по косвенным признакам, на территории города должны находиться и захоронения военнопленных периода Первой мировой войны. Согласно международным обязательствам РФ они должны быть обнаружены и сохранены до начала благоустроительных работ. Речь идет, прежде всего, о захоронениях пленных из состава австро-венгерской армии. Однако эта работа еще впереди.

Эксгумация останков японских военнопленных в Оренбургской области *

В апреле 1991 г. между СССР и Японией было подписано соглашение о лицах, находящихся в лагерях для военнопленных. В соответствии с ним Советский Союз обязался передать японской стороне списки умерших военнопленных, а также материалы о местах их захоронения. Наша сторона взяла на себя обязательство содействовать передаче Японии останков умерших в плену японцев во всех случаях, когда это представляется возможным. В соответствии с японским законодательством все расходы брало на себя правительство Японии. Оно же поручило заниматься решением данной проблемы министерству здравоохранения.

В Советском Союзе для решения вопросов, связанных с наличием иностранных воинских захоронений, Министерством обороны СССР в ноябре 1991 г. была создана специальная структура — Ассоциация международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы». Ассоциация организует поиск и учет иностранных воинских захоронений, обеспечивает сбор информации о погребениях и персональном составе захороненных, производит благоустройство мест захоронений как советских, так и иностранных военнослужащих, организует контроль за их состоянием, производит по заявкам заинтересованных сторон эксгумацию останков и организует

** Ранее опубликовано в кн. : Урал в прошлом и настоящем. Региональная науч. конф. Ч. 1. Екатеринбург : ИИ и А УрО РАН, 1998. — С. 469–471.*

транспортировку их на родину, оказывает помощь представителям других стран в посещении воинских захоронений. Постановлением правительства РФ от 16 декабря 1992 г. № 979 и от 23 октября 1995 г. № 1026 Ассоциация «Военные мемориалы» была определена в качестве организации, уполномоченной правительством России на выполнение задач, вытекающих для Российской стороны из заключенных межправительственных соглашений с Венгрией, Германией, Италией, Словакией, Польшей, Финляндией и Японией.

В результате Второй мировой войны в советском плену оказалось свыше четырех миллионов человек. Часть их, в том числе и японцев, были размещены в Оренбуржье и умерли в плену. Анализ материалов из фондов ЦХИДК и материалов Информационного центра УВД Оренбургской области показал, что 65 бывших военнослужащих японской армии и интернированных лиц захоронены на кладбище ОРБ № 359 в областном центре, 16 — на кладбище спецгоспиталя № 5888 в г. Медногорске и еще 40 — на кладбище спецгоспиталя № 5889 в пос. Ракитянка.

Осмотр мест захоронения японцев показал, что в г. Оренбурге на этом месте построен жилой микрорайон и данное иностранное воинское кладбище можно считать утраченным. Отрицательный результат принесло и обследование места захоронения военнопленных спецгоспиталя № 5888 в г. Медногорске. Архивные материалы свидетельствовали, что умерших хоронили на трех расположенных рядом участках. Два из них по составу захороненных были, по-преимуществу, немецкими и один — японским. При этом два участка из трех были хорошо различимы на местности, на отдельных могилах даже сохранились металлические таблички. Осуществленная автором данной публикации выборочная эксгумация показала, что на сохранившихся участках захоронены представители европеоидной расы.

Полученный результат потребовал организации интенсивных поисковых работ по выявлению третьего участка, где были захоронены японцы. Проводимая ручная шурфовка на перспективных, но труднодоступных для экскаватора местах и сплошное обследование прилегающей к двум сохранившимся участкам территории показало, что в 1960-е гг. на месте японского кладбища были разбиты огороды. При этом на склоне

прилегающих гор и в межгорье с помощью бульдозеров создавались пригодные для ведения сельскохозяйственных работ земельные участки в виде террас. В дальнейшем рядом протянули ветку трубопровода, что также потребовало проведения значительного объема земляных работ. Все это и привело к ликвидации небольшого японского захоронения.

Таким образом, единственным местом на территории Оренбургской области, где можно было осуществлять эксгумационные работы, оставалось кладбище спецгоспиталя № 5889 в пос. Ракитянка. Среди 398 погребенных там пленным необходимо было отыскать 40 японцев. Весной 1997 г. сотрудники Ассоциации «Военные мемориалы» приступили к проведению подготовительных работ. Они включали в себя изучение материалов центральных и местных архивов, выявление, в первую очередь, кладбищенских схем, списков умерших и их личных дел с историей болезни. До начала работ были получены необходимые разрешения и сделаны требуемые согласования, решены вопросы размещения участников экспедиции, обеспечения ее необходимой техникой и т.д. Проведение работ облегчалось тем обстоятельством, что на кладбище сохранились могильные холмики. Это позволило составить схему их размещения на местности, наложить их на кладбищенскую схему из архива и определить нужные могилы.

Работы на кладбище спецгоспиталя № 5889, в ходе которых широко использовалась землеройная техника, начались в последних числах июня. Благоприятные погодные условия и неглубокое залегание останков (они находились на глубине от 20 см до 100 см) позволили провести эксгумацию в течение четырех дней. К тому же в ходе работ выяснилось, что кладбищенская схема, в основном, соответствует фактическому расположению могил. Обнаруженные костные останки складывались в специальные пластиковые мешки, мешки маркировались и передавались судмедэксперту. Последний проводил их идентификацию, сравнивая наличные останки с данными кладбищенской схемы и историей болезни. Это позволило идентифицировать останки 35 человек. Что касается еще пятерых, то в указанных на схемах могилах чьи-либо останки обнаружены не были, хотя в этих местах имелись характерные холмики и были установлены металлические таблички. Данный факт подтверждает свидетельства местных жителей о том, что в зимнее

время умерших нередко хоронили прямо в снегу, тем более, что высота снежного покрова в районе поселка достигает 1,5–2,0 метров.

После завершения эксгумационных работ в цехе одного из заводов была проведена кремация останков, а на следующий день в здании ДК пос. Ракитянка, где раньше размещался спецгоспиталь, состоялась церемония поминаения. Помимо участников экспедиции в ней приняли участие представители администрации города и значительное число местных жителей. На следующий день кремированные останки были отправлены на родину. Таким образом, в ходе эксгумации в пос. Ракитянка г. Медногорска Оренбургской области были обнаружены и отправлены на родину останки еще 35 японских солдат. В общей сложности удалось найти и передать Японии останки приблизительно 5 тыс. человек. Это всего лишь десятая часть японских военнослужащих, не вернувшихся из советского плена.

Интернирование *

Интернирование — (от фр. *internier* — водворять на жительство). В международном праве — это принудительное задержание одним воюющим государством граждан другого воюющего государства или нейтральным государством военнослужащих воюющих стран. Режим интернирования регулируется Женевскими конвенциями 1949 г. о защите гражданского населения и об обращении с военнопленными, Гаагской конвенцией 1907 г. о правах и обязанностях нейтральных держав в случае войны. Постановлением ГКО от 16 декабря 1944 г. была предусмотрена мобилизация и интернирование с направлением на работу в СССР всех трудоспособных немцев в возрасте; мужчин с 17 до 40 лет, женщин — от 18 до 30 лет, находившихся на освобожденной Красной Армией территории Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Югославии, Пруссии и Верхней Силезии. На начало 1946 г. на территории СССР находилось 132,4 тыс. интернированных граждан немецкой национальности, в основном женщин, в т. ч. 14,6 тыс. на Урале. Интернированные были сведены в отдельные рабочие баталь-

** Ранее опубликовано в кн. : Уральская историческая энциклопедия — Екатеринбург : ИИ и А УрО РАН, 1998. — С. 229.*

оны (ОРБ) и в 1945–1949 гг. работали в народном хозяйстве. На Урале размещалось 25 ОРБ, из них в Свердловской области — 9, Челябинской — 6, Пермской — 4, Оренбургской области — 3, в Башкирии — 2, в Курганской области — 1.

В первое послевоенное десятилетие на территории СССР, в т. ч. в Свердловской области, находились также граждане восточноевропейских государств, осужденные советскими военными трибуналами и отбывавшие срок наказания вместе с военными преступниками.

Эксгумация останков венгерских военнопленных в Новолялинском районе Свердловской области*

В марте 1995 г. в Москве правительствами Российской Федерации и Венгерской Республики было подписано соглашение об увековечении памяти павших военнослужащих и гражданских жертв войны и статусе захоронений. В соответствии с ним стороны через уполномоченные ими органы обязались информировать друг друга о наличии и местонахождении российских воинских захоронений в Венгрии и венгерских захоронений в России. При этом стороны согласились также обмениваться данными о погибших в боях военнослужащих, умерших в плену, а также о лицах, насильственно вывезенных на принудительные работы, и местах их погребения на территории своих государств.

В подписанном 6 марта 1995 г. протоколе между правительствами России и Венгрии об использовании части задолженности бывшего Союза Советских Социалистических Республик Венгерской Республике для обустройства венгерских воинских захоронений на территории Российской Федерации стороны договорились, что погашение будет осуществляться в рамках предоставления некоторых видов услуг нетоварного характера, а также проведением работ по эксгумации, переносу останков и обустройству венгерских воинских захоронений на территории России.

На основании вышеуказанных документов в ноябре 1996 г. был заключен договор между Ассоциацией международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы»

** Ранее опубликовано в кн. : Урал индустриальный // Третья региональная науч. конф. — Екатеринбург : Изд-во УГТУ, 1999. — С. 65–67.*

и Бюро Армейских Традиций Военно-исторического научно-исследовательского института и музея Министерства обороны Венгерской Республики сроком на четыре года. В нем Бюро поручает, а Ассоциация обеспечивает выполнение следующих работ: поиск и учет могил, перезахоронение останков, подбор подходящих земельных участков для устройства кладбищ, их юридическое оформление, обустройство и строительство кладбищ, в том числе разработка и согласование проектно-сметной документации и получение соответствующих разрешений, уход за кладбищами.

В течение Второй мировой войны в советском плену оказалось свыше четырех миллионов человек, в том числе сотни тысяч военнослужащих венгерской армии. Часть пленных, среди них были и венгры, разместили на территории Свердловской области. Анализ сохранившихся архивных материалов показывает, что на Среднем Урале на 33 иностранных воинских кладбищах захоронены 1 680 военнослужащих венгерской армии. Многие венгерские кладбища на территории Свердловской области в настоящее время уже восстановлены. Это захоронения в г. Верхняя Тура, Красноуральск, Нижний Тагил, Ревда, ст. Сан-Дonato. На месте нахождения других восстановлены памятные знаки — г. Асбест, Карпинск, Невьянск и др. Однако на территории восточных районов России благоустроить можно далеко не все иностранные воинские захоронения. Часть из них оказалась в городской черте и в настоящее время не сохранилась, другие, наоборот, расположены в глухой тайге, в тех местах, где в 1940-е гг. велись лесозаготовки.

В годы Второй мировой войны и в первые послевоенные годы крупномасштабные лесозаготовки проводились и на территории северных и восточных районов Свердловской области. В Новолялинском районе дислоцировался «лесной» лагерь для военнопленных № 318 НКВД СССР, основную часть его контингента составляли военнопленные венгры. Первое отделение лагеря дислоцировалось в г. Новая Ляля, остальные три — в отдаленных лесных районах. Особую сложность представляли кладбища военнопленных, расположенные в 54-м и 88-м лесных кварталах Новолялинского лесничества в глухой, болотистой тайге в 20–25 км от ближайшего жилья. Труднодоступность захоронений значительно увеличивала стоимость благоустроительных работ, к тому же осуществлять регуляр-

ный уход за этими кладбищами в случае их восстановления было бы практически невозможно. В данной ситуации по предложению Ассоциации венгерская сторона приняла решение о проведении эксгумации двух этих кладбищ, где, по документам, были могилы соответственно 17 и 15 человек, и перезахоронении этих людей на благоустроенном венгерском воинском кладбище в г. Новая Ляля.

Работы по эксгумации останков венгерских военнопленных проводились Ассоциацией «Военные мемориалы» с 18 по 23 августа 1998 г. — вторая половина августа единственно возможное время для этих работ, так как до середины августа в этом районе весьма опасен энцефалитный клещ, а в сентябре начинаются дожди, переходящие в снег. Сложный характер местности обусловил невозможность использования землеройной техники, и все работы проводились вручную. Оба кладбища сильно заросли травой, кустарником и деревьями, поэтому перед началом работ была проведена расчистка территории, после чего выяснилось, что на каждом кладбище просматривается только 3—4 могилы. При поиске остальных могил применили методику, состоявшую в пробивании неглубоких траншей и определении по вертикальному срезу участков перемешанного грунта, а также выявлении следов золы — судя по датам смерти, большинство захоронений пришлось на зимний период, и при копке могил для оттаивания грунта жгли костры. Проведенная таким образом эксгумация останков венгерских военнослужащих показала, что все умершие были захоронены в гробах на глубине 1,2—1,8 метра. Грунт на кладбищах был очень тяжелым — сырая глина, часто с водой, поэтому гробы хорошо сохранились, и часть из них пришлось даже вскрывать. Не совсем верными оказались и кладбищенские схемы. Если по захоронению в 88-м лесном квартале схема расположения могил в целом соответствовала их реальному нахождению, за исключением одной, расположенной в десяти метрах в стороне, то в 54-м квартале число рядов оказалось меньше, чем это было указано на схеме, и в первом из них находились останки не пяти, как значилось на схеме, а девяти человек. Таким образом, в ходе эксгумационных работ были обнаружены останки 31 венгерского военнопленного из 32 числившихся по спискам. Все останки были помещены в специальные пластиковые мешки, маркированы и захоронены на венгерском воинском кладбище в г. Новая Ляля.

Захоронение иностранных военнопленных Второй мировой войны на территории Тюменской области *

В годы Второй мировой войны и после ее окончания до 1948 г. на территории Тюменской области функционировал лагерь для военнопленных № 93 МВД СССР в составе трех отделений. Два его отделения были размещены недалеко от областного центра в д. Парфеново, третье — в пос. Боровский Тюменского района. В них находились военнопленные из состава германской армии. Судя по сохранившимся архивным материалам РГВА, с 1945-го по 1948 г. в этом лагере умерли и были захоронены на двух специальных воинских кладбищах 154 человека.

Проведенное в 1995 г. автором данной публикации выявление архивных материалов, а также осуществление им поисковых работ на местности позволило отыскать данные захоронения. Одно из них расположено в областном центре и представляет собой специальный участок на окраине гражданского Парфеновского кладбища. На нем отчетливо просматривались полтора десятка могильных холмиков. Судя по рельефу местности, в результате строительства гаражей часть иностранного кладбища оказалась ликвидированной, однако основная его площадь осталась нетронутой. В мае 1995 г. сотрудники «Сибнефтебанка» уложили там памятную плиту с надписью «Покойтесь в мире», выбитой на русском и немецком языках.

Восстановление иностранных воинских кладбищ на территории РФ осуществляют два государства — Венгрия и Германия. Такие страны, как Италия и Финляндия, устанавливают на местах захоронения своих военнослужащих памятные знаки. Поскольку на данном кладбище из 138 захороненных 137 составляют немцы и еще один является австрийцем, то решение вопроса о восстановлении данного кладбища взяла на себя германская сторона. В соответствии с российско-германским соглашением от 16 декабря 1992 г. об уходе за военными могилами в Федеративной Республике Германии и в Российской Федерации, правительство ФРГ поручило техническое осуществление этих задач на территории России Народному Союзу Германии по уходу за военными могилами. Тем самым

* Ранее опубликовано в кн. : *Великий подвиг народа. Вторые истор. чтения.* — Екатеринбург : Изд-во Вомет, 2001. — С. 56—64.

германская сторона получила право в рамках действующего российского законодательства непосредственно проводить работы в России по благоустройству и уходу за военными захоронениями, а также осуществлять эксгумацию и перезахоронение останков.

В соответствии с вышеуказанным соглашением сотрудниками Народного Союза Германии был подготовлен эскизный проект и перечень работ по восстановлению кладбища в г. Тюмени. Он включал обнесение территории кладбища покрашенным в черной цвет решетчатым забором, установку большого креста из оцинкованного металла высотой около пяти метров и двух групп малых металлических крестов. Кроме того, предполагалось устройство вокруг каждого креста мощеной натуральным камнем площадки и установка на ней памятного камня из серого гранита со стандартной надписью на двух языках, а также посадка деревьев по внутренней стороне кладбищенской ограды.

Второе кладбище было открыто в феврале 1946 г. на территории пос. Боровской — для захоронения умерших военнопленных третьего лагерного отделения тюменского лагеря. На нем было захоронено 17 военнослужащих германской армии. Кладбище было ограждено канавой, на каждой могиле насыпан холмик и установлен памятный знак. Проведенный в апреле 1959 г. осмотр кладбища специальной комиссией показал, что на его месте была оборудована открытая площадка для складирования торфа, в последующем это место стало использоваться для стоянки торфодобывающих машин. В настоящее время это захоронение находится на территории базы Боровского ОРСа. Установить его точные границы для оформления землеотвода с целью последующего благоустройства можно только путем проведения шурфовки. Представляется, однако, что в условиях сложившейся производственной инфраструктуры проводить такого рода работы едва ли целесообразно.

Помимо этих захоронений, по данным учетных карточек и личных дел, в 1943—1945 гг., на территории Тюменской области находился также 221 военнопленный из состава итальянской армии. Из них умерли 56 человек, однако кладбищенская схема на эти захоронения отсутствует. Неизвестен даже примерный район их погребения, в фондах РГВА обнаружено лишь краткое упоминание о том, что это место находилось где-то на территории лесопитомника. Обращение к материалам архивов област-

ного управления МВД и ФСБ с целью уточнения этого факта также не принесло положительных результатов.

Кладбище военнопленных Второй мировой войны в г. Каменске-Уральском Свердловской области *

После окончания Второй мировой войны десятки тысяч военнопленных из состава германской армии были размещены на территории Свердловской области, в том числе и в г. Каменске-Уральском. Город имел мощный промышленный потенциал и остро нуждался в дополнительной рабочей силе. В результате на юго-восточной его окраине, за территорией Уральского алюминиевого завода, было размещено восьмое лагерное отделения лагеря для военнопленных № 314 ГУПВИ НКВД СССР. Лагерь существовал с лета 1945-го по апрель 1948 г. Содержащиеся в нем военнопленные работали на строительстве жилых домов в городе, а также непосредственно в цехах УАЗа. Приехавший летом 1999 г. в Каменск-Уральский на экскурсию гражданин Германии бывший военнопленный господин В. Вольфарт вспоминал, как на протяжении многих месяцев он вместе с другими пленными разгружал вагоны с углем для расположенной поблизости Красногорской ТЭЦ.

Прибывший контингент был достаточно ослаблен, условия пребывания военнопленных, особенно в первое время, были тяжелыми. В результате в 1945—1948 гг. в лагере умерло 200 человек, которые были захоронены в 45 братских могилах. Основную часть умерших — 190 человек, составляли немцы, кроме них были также австрийцы, голландцы, чехи и французы.

В годы Второй мировой войны и в первые послевоенные годы кладбища для пленных организовывались либо на территории самого лагеря, либо в непосредственной близости от него и ограждались колючей проволокой либо деревянным забором. Также обстояло дело и с организацией кладбища для военнопленных в Каменске-Уральском. Умерших пленных хоронили на специально отведенном участке, расположенном примерно в полукилометре восточнее д. Волково рядом с православным гражданским кладбищем.

* Ранее опубликовано в кн. : *Великий подвиг народа.* — Екатеринбург : Изд-во 2001. — С. 56—64.

После ликвидации лагеря для военнопленных, спецгоспиталя или отдельного рабочего батальона, его администрация передавала кладбище под надзор местных органов власти, о чем составлялся соответствующий акт. На протяжении послевоенных лет, а во многих местах и в 1960—1970-е гг., данные кладбища находились под охраной местных Советов, а также под надзором органов МВД. Судя по сохранившимся документам, это захоронение было передано под надзор председателю Волковского сельсовета Каменского района Пирогову.

Следует отметить, что на протяжении сорока лет данное захоронение находилось в относительно порядке, что, в целом, не характерно для нашей страны. Каждая могила была одернована и на ней установлен опознавательный металлический знак с номером могилы. Кроме того, вся территория кладбища была огорожена и обнесена металлической проволокой. В 1950-е гг. порядок на кладбище поддерживал комбинат коммунальных предприятий города. В результате, хотя постепенно участок захоронения военнопленных и оказался в центре гражданского кладбища, он был сохранен и дошел до наших дней практически в первоначальном состоянии.

В середине 1980-х гг. на кладбище побывала специальная комиссия, в состав которой входили представители УИТУ УВД Свердловского облисполкома и спецбюро коммунальных предприятий города. Комиссия приняла решение о том, что поскольку с 1959 г. работы по благоустройству участка захоронения военнопленных не проводилось, то его дальнейшее сохранение нецелесообразно. По мнению комиссии, данное кладбище «необходимо снять с централизованного учета, а земельный участок передать в распоряжение коммунальных предприятий». Однако сделать это было уже нельзя, отношение к местам захоронения военнослужащих иностранных армий в нашей стране стало меняться.

В 1992 г. было подписано межправительственное соглашение с Германией, а на следующий год в России началось благоустройство иностранных воинских кладбищ периода Второй мировой войны. Были восстановлены иностранные воинские кладбища в г. Красногорск и Люблино Московской области, Великие Луки Псковской области, Суздаль Владимирской области, Сестрорецк Ленинградской области, в Великом Новгороде и др. В 1995 г. началось благоустройство иностранных во-

инских захоронений на территории Урала. В этом году было благоустроено расположенное в лесу на границе Березовского района и поселка Изоплит г. Екатеринбурга кладбище интернированных в первые послевоенные годы в СССР немецких женщин.

В 1999 г. подошла очередь и кладбища в районе бывшей деревни Волково. Было оформлено свидетельство на данный земельный участок, согласован с органами архитектуры подготовленный Народным Союзом Германии по уходу за военными могилами проект благоустройства, найдена специализированная строительная фирма, которая и осуществила все благоустроительные работы. Финансирование всех поисковых и благоустроительных работ осуществляла немецкая сторона, она же осуществляет и оплату работ по уходу.

Таким образом, в настоящее время на территории Свердловской области Венгрией и Германией благоустроено 23 воинских кладбища. Кроме того, на месте захоронения иностранных военнослужащих этими государствами, а также Австрией, Италией, Финляндией и Японией установлено 25 памятных знаков.

Военные преступники в Свердловской области в 1949—1956 гг. *

В ходе Второй мировой войны на территории СССР оказалось 4,1 млн военнопленных из состава германской армии и ее союзников. В 1947—1948 гг. почти все военнопленные были освобождены и репатриированы на родину. В Советском Союзе остались лишь те из них, кто отбывал наказание за воинские преступления или был осужден за преступления, совершенные во время нахождения в плену, т. е. военные преступники. Военные преступники — это организаторы, подстрекатели, руководители, исполнители и соучастники военных преступлений, преступлений против мира и человечности. Виды и состав этих преступлений определены в уставах международных военных трибуналов. Индивидуальная уголовная ответственность военных преступников устанавливается рядом международных договоров и соглашений, а за некоторые виды

** Ранее опубликовано в кн. : Военный комментатор. — Екатеринбург : ГУ, 2001. — С. 77—95.*

военных преступлений — национальным уголовным законодательством. К военным преступникам не применяются сроки давности, им не предоставляется право убежища, и они подлежат выдаче [1].

Проблема осуждения военнопленных за воинские преступления в период Второй мировой войны стала объектом исследования отечественных историков только в начале 1990-х гг., что было вызвано как недоступностью соответствующих документов, так и спецификой самой проблематики. В публикациях В.П. Галицкого, А.Е. Епифанова, В.Б. Конасова, А.А. Крупенникова, Н.В. Петрова были рассмотрены отдельные аспекты проблемы осужденных военнопленных в СССР [2]. Одновременно проблема нахождения осужденных военнопленных и гражданских лиц на Среднем Урале стала объектом исследования и уральских ученых. В работах В.П. Мотревича, А.С. Смыкалина, Н.В. Суржиковой рассматривались вопросы численности, состава, трудоустройства, материально-бытового положения размещенных на территории Свердловской области осужденных военнопленных [3]. Весьма интересные сведения содержатся и в монографии профессора института Людвиг Бальмана по изучению войн (Австрийская Республика) С. Карнера [4]. Тем не менее, выполненные на уральском материале вышеуказанные работы незначительны по своему объему и не дают развернутую картину исследуемой проблемы, что делает необходимым ее дальнейшую разработку.

Как известно, после окончания Второй мировой войны в г. Нюрнберге состоялся судебный процесс над группой главных военных преступников. После этого привлекать к ответственности за военные преступления стали и в других странах, в том числе в Советском Союзе. В январе 1948 г. в Москве состоялось всесоюзное совещание руководящих работников министерств и управлений органов внутренних дел, а также руководства лагерей для военнопленных. Выступивший на этом совещании министр внутренних дел С.Н. Круглов в ряду важнейших задач своего ведомства поставил выявление нацистских преступников в лагерях МВД для военнопленных с тем, чтобы они не ускользнули от органов МВД во время репатриации. По мере проведения этой операции военных преступников предписы-

валось задерживать, не выпуская за пределы Советского Союза, и судить. В результате в 1948—1949 гг. во всех в лагерях страны была развернута следственная работа по выявлению лиц, совершивших преступления на территории СССР и стран Восточной Европы. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов и изменников, Родины из числа советских граждан и их пособников» их судил военный трибунал войск МВД и осуждал, как правило, на 25 лет исправительно-трудовых лагерей. В результате принятых мер по фильтрации военнопленных и их уголовному преследованию по состоянию на февраль 1950 г. в СССР было оставлено 13 515 осужденных и подследственных военнопленных [5]. В дальнейшем их количество возрастало, в основном за счет осужденных советскими военными трибуналами и интернированных в СССР из стран Восточной Европы иностранных граждан. По состоянию на 1 июля 1953 г. в СССР насчитывалось 19 118 иностранных граждан, осужденных в нашей стране за воинские преступления: 17 528 военнопленных и 1 590 интернированных [6].

Работа по выявлению среди военнопленных участников зверств и злодеяний активно проводилась и на территории Свердловской области, для чего были созданы постоянные следственные группы. В результате их работы были привлечены к уголовной ответственности и осуждены судом Военного Трибунала войск МВД УралВО 1126 человек. Кроме того, в соответствии со ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., а также ст. 17 УК РСФСР (1926 г.) в Свердловской области были привлечены к ответственности 368 военнопленных, служивших в годы войны в карательных частях германской армии, хотя их преступная деятельность полностью разоблачена не была [7].

Для содержания осужденных военнопленных в СССР в системе ГУПВИ МВД СССР было создано 11 особорежимных лагерей. Это были специальные лагеря со строгим режимом, предназначенные для содержания опасных государственных преступников, шпионов, диверсантов, террористов, участников антисоветских групп и организаций. Для осужденных к каторжным работам устанавливался десятичасовой рабочий

день, они использовались на самых тяжелых, по-преимуществу строительных работах. Для осужденных предусматривалась усиленная охрана и изоляция с размещением в запирающихся в нерабочее время жилых бараках с решетками на окнах; была введена одежда особого образца с нашитым на верхнем платье и головном уборе личным номером. В течение первого года отбывания наказания заключенные не имели права на переписку и получение вознаграждения за свой труд [8].

Лагеря были расположены на территории России и Украины, в том числе в Ворошиловградской, Ивановской, Ростовской, Сталинградской областях, а также Хабаровском крае [9]. В Свердловской области первые военнопленные появились в мае 1942 г. Для них были организованы Басьяновский, Монетно-Лосиновский и Исетско-Аятский лагеря. Всего за 1941—1942 гг. в советском плену оказалось около 20 тыс. военнослужащих вражеских армий, из них на территории Среднего Урала разместили 4 921 чел., из которых в течение 1942 г. умерло около половины — 2 217 чел. [10]. В 1945 г. численность военнопленных в области достигла своего пика — 95 тыс. чел., а затем в связи с репатриацией постепенно стала снижаться. В конце 1949 г. на базе Нижнеисетского лагеря для военнопленных № 314 был образован лагерь № 476 МВД СССР.

Спецлагерь № 476 для военных преступников стал самым крупным из подобных лагерей, находившихся тогда на территории Советского Союза. По состоянию на 1 июля 1953 г. в нем насчитывалось 7 170 осужденных иностранных граждан, в том числе 6 455 военнопленных и 715 интернированных. Среди них были не только немцы, но и граждане Австрии, Бельгии, Венгрии, Голландии, Испании, Италии, Люксембурга, Китая, Кореи, Польши, Румынии, Финляндии, Югославии и других стран [11].

Управление лагеря размещалось в пос. Нижне-Исетск г. Свердловска, в областном центре находились и три отделения этого лагеря. Первое лагерное отделение располагалось южнее завода «Уралхиммаш», второе — недалеко от завода РТИ, восьмое — в Кировском районе города, недалеко от Каменных палаток. Третье лагерное отделение находилось в пос. Талица г. Первоуральск, четвертое лагерное отделение на восточной окраине г. Ревды, пятое — в центре г. Дегтярска, шестое — на окраине г. Асбеста и седьмое — в р. пос. Ключи Сысертского района. Весной 1955 г. в первом лагерном отделении насчитывалось 640 чел.,

во втором — 939, в третьем — 1 300, в четвертом — 792, в пятом — 873, в шестом — 1 471, в седьмом — 518 и в восьмом — 388 чел. Кроме того, в размещенном в пос. Талица г. Первоуральска госпитале № 1893 МВД СССР находилось на излечении 127 чел. [12].

Контингент лагеря составляли лица, служившие в воинских частях и силовых структурах, замешанных в совершении воинских преступлений, а также те, кто совершал преступления, находясь в лагерях для военнопленных. Следует отметить, что далеко не все заключенные лагеря № 476 являлись военными преступниками. В пункте 3 приказа НКВД СССР № 00955 прямо указывалось, что освобождению не подлежат: 1) участники зверств; 2) лица, служившие в СС и СА, полевой полиции и жандармерии; 3) сотрудники гестапо, СД, включая Абвер, разведывательных и контрразведывательных органов других государств; 4) руководящие члены фашистских партий и их организаций, как-то: национал-социалистической рабочей партии Германии, «Скрещенные стрелы», «Железная гвардия» и др.; 5) все лица, подозрительные по вышеуказанным признакам, находящиеся в разработке; 6) осужденные в плену за совершенные преступления [13].

Кроме осужденных военнопленных среди узников лагеря № 476 было много гражданских лиц, арестованных советскими органами в странах Восточной Европы и вывезенных для отбывания наказания в СССР. Содержались здесь и те осужденные иностранные граждане, которых по разным причинам нельзя было выпускать из Советского Союза. Уральский лагерь стал пристанищем для многих из тех, кто был в свое время близок к А. Гитлеру или хотя бы знал его лично. Среди них были адъютант А. Гитлера майор О. Гюнше и капитан Люфтваффе, шеф — пилот его личного самолета Х. Баур, приемный сын рейхсфюрера СС Гиммлера, сыновья генерал-фельдмаршала фон Клейста и премьер-министра Венгрии Каллаи, племянник видного дипломата фон Папена, а также начальник отдела «Е» VI Управления СД, руководитель германской разведки на Балканах и в Италии полковник Херман, начальник Главного управления военной разведки Верховного командования вермахта (ОКВ) полковник Зюскинд-Швенди и др. [14]. Среди заключенных находился и сын казненного в Нюрнберге лидера австрийских нацистов, рейхскомиссара Нидерландов Зейсс-Инкварта. В

октябре 1946 г., через несколько дней после вынесения смертного приговора, А. Зейсс-Инкварту сообщили, что его пропавший в Советском Союзе сын жив [15].

Архивы содержат интересные сведения о родственнике промышленника Круппа Геральде Круппе фон Болене. Как известно, Густав Крупп фон Болен был крупнейшим германским промышленником, оказавшим значительную поддержку нацистскому движению. На предприятиях Круппа в огромных масштабах производились танки, артиллерия, другая военная техника и снаряжение, широко использовался труд военнопленных и других узников концлагерей. В 1948 г. Крупп фон Болен предстал перед американским военным трибуналом как военный преступник, однако по возрасту и состоянию здоровья был освобожден от уголовной ответственности [16].

Его племянник обер-лейтенант вермахта Геральд Крупп фон Болен во время войны находился в Румынии в составе германской военной миссии. После заключения перемирия между СССР и Румынией его отправили в лагерь для военнопленных. Судя по документам, находясь в плену, обер-лейтенант Крупп фон Болен вместе с другим сотрудником бывшей германской миссии принцем Альбертом фон Гогенцоллерном готовились совершить побег. Их планы были раскрыты, и племянник немецкого промышленника оказался в Москве в Бутырской тюрьме, где был отдан под суд военного трибунала.

На суде ему предъявили следующее обвинение: обер-лейтенант Крупп фон Болен, являясь сыном фон Круппа, неоднократно встречался и был лично знаком с Гитлером, Гессом, Гимлером и другими гитлеровскими нацистами. Принимал участие в боевых действиях против Советского Союза и в оккупации территории СССР, где захватчиками творились насилия и злодеяния. В сентябре 1941 г. по личному приказу Гитлера был отозван с фронта, в 1942 г. назначен на должность адъютанта начальника артиллерийского отдела германской военной миссии в Румынии. Являясь убежденным фашистом, принимал активное участие в организации и подготовке артиллерийских кадров из румынских солдат и генералов для борьбы против СССР, для подрыва и уничтожения нового демократического строя Румынии. Наряду с этим поддерживал связь с разведывательными органами Германии, а в 1943 г. с разведывательными целями выезжал в Одессу и другие города, после чего добытые све-

дения передавал в военную разведку. Таким образом, Крупп фон Болен, получил 25 лет ИТЛ фактически только за личное знакомство с руководителями Третьего Рейха.

После вынесения приговора он был отправлен на Урал в пятое лагерное отделение особорежимного лагеря № 476 МВД СССР, расположенное в г. Дегтярске. Вначале он трудился разнорабочим на строительстве жилых домов, а затем стал старшим прачечной зоны. В справке лагерной администрации об этом заключенном отмечалось, что Крупп фон Болен строго соблюдал установленный порядок и выполнял любую порученную работу [17].

Следует затметить, что процедура привлечения иностранных военнопленных к уголовной ответственности и порядок рассмотрения дел в суде были максимально ускорены и упрощены. Военные трибуналы выносили приговоры в течение 20–30 минут без участия обвинения, защиты и без вызова свидетелей. Нарушение процессуальных норм в дальнейшем сыграло злую шутку с правосудием: часть осужденных военнопленных в 1990-е гг. пришлось реабилитировать, поскольку следствие осуществлялось в спешке и вина подсудимых материалами уголовно-следственных дел часто не подтверждалась. В результате сотни осужденных военных преступников оказались реабилитированы Главной военной прокуратурой Генеральной прокуратуры РФ и причислены к жертвам политических репрессий.

Среди реабилитированных — Г. Бартель, Г. Бицингер, А. Бишоф, Э. Бромбах. Унтер-фельдфебель Бартель, будучи комендантом концлагеря для советских военнопленных в Берлине, создал для них невыносимые условия жизни [18]. Обер-ефрейтор Герман Бицингер, военная специальность сапер, участвовал в карательных операциях против мирного населения в Крыму. При его участии было уничтожено свыше 600 мирных граждан, скрывавшихся в каменоломнях [19].

Служили в концентрационных лагерях для советских военнопленных фельдфебель Арнольд Бишоф и унтер-офицер Эмиль Бромбах [20]. Из архивно-следственного дела последнего следует, что унтер-офицер Э. Бромбах служил в лагере № 203 для советских военнопленных и был осужден на основании ст. 17 УК РСФСР и ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О наказаниях для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и

пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников» на 25 лет ИТЛ. На основании ст. 3 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. приговор военного трибунала войск МВД от 16 декабря 1949 г. в отношении Э. Бромбаха был отменен и производство по делу прекращено за отсутствием в его действиях состава преступлений [21].

Далеко не все заключенные лагеря № 476 являлись военными преступниками. Карательная машина НКВД безжалостно работала не только в нашей стране, но и в тех странах Восточной Европы, где находились оккупационные части Советской Армии. Многие дела были просто сфабрикованы. Так, летом 1945 г. в Свердловскую область из Германии был интернирован Герман Мюллер, житель д. Кичендорф, крестьянин, никогда не служивший в армии. Военный трибунал 193-й стрелковой дивизии осудил его на 15 лет каторжных работ за то, что он использовал в своем хозяйстве вывезенных из СССР советских граждан, плохо их кормил и заставлял работать [22].

Широко использовалась и практика вынесения групповых приговоров. Так 10 января 1949 г. Военный трибунал войск МВД УралВО осудил четырех военнослужащих танковой дивизии СС «Мертвая голова» (Э. Томас, Ф. Лангкау, К. Пайк, О. Каапке) только за сам факт прохождения воинской службы в данной воинской части. Впоследствии все они были реабилитированы [23]. По агентурному делу «Майская гроза» прошли 113 человек из 87-й пехотной дивизии СС, по делу «Злодеи» — 59 человек из 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова», по делу «Завоеватели» 52 человека из 31-й пехотной дивизии СС и т. д. [24].

Вследствие недобросовестной работы некоторых следователей часть дел прекращалась вскоре после их возбуждения. Так, в октябре 1949 г. заместителем начальника лагерного отделения № 6 лагеря № 476 в г. Асбесте было заведено дело на унтер-офицера Курта Денараде и ефрейтора Вальтера Рента. Они обвинялись в том, что, будучи военнослужащими 743-го саперного батальона германской армии в июле 1944 г. взорвали мост через реку Неман в г. Каунасе. Дело против них было возбуждено 29 октября 1949 г., в тот же день эти военнослужащие германской армии были арестованы, им предъявили обвинение в преступлениях, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19.04.1943 г., и тогда же рас-

смотрение дела завершилось. Но после изучения материалов этого дела в ОПВИ МВД по Свердловской области выяснилось, что в действиях вышеуказанных лиц отсутствует состав преступления, поскольку мост был взорван в ходе боевых операций, что не попадает под статью № 1 Указа [25].

За годы нахождения на территории Свердловской области заключенные лагеря № 476 активно участвовали в восстановлении народного хозяйства и построили немало объектов. Среди них — жилые дома, дворцы культуры, стадионы, школы, магазины, детские сады, дороги и мосты. Это соцгородки в г. Асбест, Первоуральск, Ревда. Много построили они и в областном центре, только в 1955 г. в г. Свердловске осужденные иностранные граждане трудились на 27 объектах. Вместе работали и офицеры, и рядовые, и осужденные гражданские лица. Ими были построены жилые дома во Втузгородке и в районе заводов Уралхиммаш и РТИ, здание пожарно-технического училища, центральный стадион, баня по ул. Первомайской, дача облисполкома в Малом Истоке, мост по ул. Белинского и т. д. Интенсивно использовали труд осужденных военнопленных и в промышленном строительстве — на их счету бетонозавод и завод ЖБИ в г. Асбесте, фабрика № 5 треста «Союзасбест», Ключевской завод ферросплавов, Первоуральская ТЭЦ, многие цеха таких предприятий, как ПНТЗ, РТИ, УЗХМ, заводоуправление Ревдинского метизно-металлургического завода и др. [26].

Разумеется, добросовестно трудились далеко не все, некоторые отказывались работать, занимались саботажем и организовывали диверсии. Среди них — бывший командир танкового полка полковник Ганс Герцог. Он был осужден на 25 лет ИТЛ за участие в карательных операциях против советских партизан в Белоруссии. За отказ трудиться он неоднократно подвергался различным наказаниям, но к работе так и не приступил. В мае 1992 г. на основании Закона РСФСР от 18 октября 1991 г. Ганс Герцог был реабилитирован [27].

Еще больший «послужной список» у Людвиг Фигля, австрийца по национальности, служившего во время войны рядовым в германской армии. Первый раз он был осужден в декабре 1946 г. судом Военного Трибунала войск МВД Мурманской области за организацию диверсии во время работы на Мурманской городской электростанции, когда сбросил вагонетку в шахтоподъемник и вывел его из строя. Второй раз в 1951 г. за то, что бежал из лагеря в Белоруссии и около года находился

на нелегальном положении. В третий раз Л. Фигль оказался обвиняемым по делу генерала Германа, когда в Дегтярском лагере он вступил в подпольную организацию военнопленных, пытавшуюся осуществить групповой побег, и был осужден на 25 лет ИТЛ. В мае 1955 г. Л. Фигль отказался выходить на работу и потребовал отправить его домой [28].

25 лет исправительно-трудовых лагерей — огромный срок, и многие заключенные пытались бежать из уральского лагеря. Так, в 1952 г. военнопленный Пицона и группа его единомышленников заготовили несколько килограммов сухарей, купили часы, достали карту Советского Союза. Пользуясь плохой погодой, бежать они собирались либо из лагеря, отодрав доску в заборе, либо с места работы, где устроили под одним из ограждений подкоп. Пицона сделал даже рогатку, собираясь разбить из нее лампочку, чтобы выбранное для побега место стало не просматриваемым. О готовившемся побеге стало известно, и всех его участников арестовали и на 10–20 суток отправили в карцер [29]. В начале 1953 г. был предотвращен побег осужденных военнопленных из лагерного отделения в г. Дегтярск. Заговорщики, возглавляемые командиром германской авиадивизии Х. Германом, планировали уйти в Казахстан, а оттуда с помощью немцев-спецпереселенцев перебраться за границу [30].

Примерно четверть содержавшихся в лагере военнопленных составляли офицеры и генералы. На 1 октября 1953 г. на учете в лагере № 476 находилось 4 647 человек, в том числе 1 127 офицеров и 82 генерала и адмирала [31]. В основном это были генералы и адмиралы германской армии и флота, но были среди них генералы венгерской и румынской армий. Вообще же в плену в СССР находилось 376 генералов германской армии и адмиралов немецкого военно-морского флота. 277 генералов и адмиралов были репатриированы, а 99 умерли, из них 18 человек приговорены к высшей мере наказания и казнены [32].

В феврале 1954 г. на Среднем Урале находилось 78 генералов, из них 71 генерал германской армии 5 — румынской и один — венгерской. Был среди них и адмирал германского флота [33]. В архивных делах сохранился эшелонный список, составленный при переводе осужденных для отбытия наказания в г. Иваново, что позволяет назвать находившихся в Свердловской области генералов поименно. Это генералы германской армии К. Агрикола, О. Аудорш, О. Барт, Г. Бауэр, Э. Беге, К. Беккер,

В. фон Беркен, Г. Беттхер, Э. фон Боген, В. Бойман, В. Бремер, О. Брюкер, Р. Буттман, Э. Бушенгаген, Ф. Вайнкнехт, Г. Ганоуэр, М. Гартман, Г. Гейне, К. Герсдорф, А. Гешен, Ф. Гольвигцер, Э. Енеке, Д. фон Заукен, И. Зеебот, Э. Зилер, Э. фон Килиани, Ф. фон Кирхензигенбах, Г. Клампт, Г. Кольсдорфер, А. Конради, К. Коссман, Р. Кретцер, Т. Кречмер, Э. фон Куровский, Б. Лаш, Г. Ленгенфельдер, Ф. Лигман, Г. Линдеман, Г. Ломбард, Ф. Макке, В. Макс, Г. Медер, Э. Мерк, Г. Михаэлис, Э. Мюллер, Г. Нигафф, В. Райгель, Ф. Раске, О. Раузер, К. Репке, Г. Риттберг, К. Роденбург, К. Родигер, В. Рунге, И. Тарбук, З. Томашки, А. Трабитц, Г. Траут, Г. фон Фалькенштайн, З. фон Фалькенштайн, З. Ферхайн, Г. Фишер, Л. Фрикке, Г. Хакс, Э. Хелль, А. Хемман, В. Хенне, З. Хенрици, А. Хенце, А. Хиггер, Ф. Хохбаум, Б. Хюльзен, В. Шартов, Б. Шац, И. Шватло-Гестердинг, Г. Ширмер, Р. Шлигер, Ф. Шлипер, З. фон Шляйниц, А. Шмидт, В. Шмидт-Хаммер, Р. Шперль, Ф. фон Штейккеллер, И. Энгель, Ф. Энгель, генералы венгерской армии Г. Буковари, Ф. Вашвари, Г. Ерлих, Л. Сабо, Г. Фехер, румынской — Т. Станеску, а также контр-адмирал германского флота В. Арнсвальд [34]. Пленные генералы иностранных армий содержались в лагерных отделениях, расположенных в г. Асбест, Дегтярск и Первоуральск. Об их пребывании на Урале имеются весьма любопытные воспоминания М. А. Егорова, который после демобилизации из армии до декабря 1955 г. работал начальником отдела Управления лагеря № 476 [35].

Вскоре после смерти И. В. Сталина, 15 апреля 1953 г. Президиум ЦК КПСС поручил межведомственной комиссии под председательством министра юстиции К. П. Горшенева пересмотреть приговоры в отношении тех иностранных граждан, дальнейшее содержание которых не вызывалось необходимостью. Через месяц комиссия пришла к заключению, что в числе прочих могут быть освобождены от наказания 12,7 тыс. германских подданных. В конечном счете, было признано необходимым освободить от наказания 13,1 тыс. немцев, из которых 6,1 тыс. были осуждены советскими военными трибуналами и содержались на территории ГДР [36]. В результате численность заключенных лагеря № 476 стала постепенно сокращаться. В Ивановскую область в лагерь № 48 МВД СССР отправили всех оставшихся в живых генералов, в Ворошиловградскую область — 76 испанцев из «Голубой дивизии», неболь-

шие группы немцев отправляли в ГДР [37]. Однако массовое сокращение контингента началось только весной 1955 г.

В мае 1955 г. был заключен мирный договор между Советским Союзом и Австрийской Республикой, и Президиум Верховного Совета СССР издал указ об амнистии и репатриации на родину всех осужденных австрийских граждан. После этого осужденных иностранных граждан стали группировать по национальному признаку. На Дальнем Востоке в Хабаровском крае в лагере № 16 стали собирать всех подлежащих репатриации граждан Китая, Кореи, Монголии и подданных Японии, в Свердловской области — граждан Австрии и Германии, частично — Венгрии и Румынии, в Мордовии — всех остальных [38].

В этих сборных пунктах устанавливался облегченный режим содержания (снимали установленные по периметру вышки, убирали сторожевых собак) и срочно приводили их в образцовый порядок. В четвертое лагерное отделение лагеря № 476, расположенное в Ревде, из лагерей и тюрем со всей территории Советского Союза стали поступать осужденные австрийские граждане. Здесь они проходили медицинский осмотр и ставились на усиленное питание. Сбор австрийцев в Ревде был завершен 14 мая, а на следующий день им было объявлено об амнистии и освобождении. В оставшиеся до отъезда дни бывшие заключенные смотрели кино, играли в футбол и просто загорали. В порядке культурного обслуживания силами самих австрийцев было организовано несколько концертов самодеятельности, показаны кинофильмы, поставлен спектакль на немецком языке «Укрощение строптивой», разыграны футбольные матчи [39].

Перед отправлением на родину всем освобожденным австрийцам выдали новую одежду и обувь, произвели денежный расчет, вернули изъятые документы и ценности. Правда, с возвратом последних возникли сложности. Дело в том, что в соответствии с установленным еще в 1939 г. Народным комиссариатом внутренних дел порядком, все изъятые у заключенных вещи оценивались и передавались в Управление драгметаллов Минфина СССР для зачисления в доход государства. И при освобождении их владелец получал либо изъятые у него ценности, либо ему компенсировали их оценочную стоимость. Однако часто изымаемые при аресте ценности оценивались по символическим ценам. Так, в частности, изъятая у контр-адмирала В. Арнсвальда золотая ну-

мизматическая медаль XVIII в. была оценена в 18 руб. 56 копеек в ценах тех лет [40].

В архиве Информационного Центра ГУВД Свердловской области сохранились подробные документы об организации и осуществлении репатриации амнистированных австрийцев, а также об их прибытии на родину. Известно, что для первой партии репатриантов был сформирован эшелон из пяти вагонов, оборудованный всем необходимым и обеспеченный продуктами питания из расчета на 13 дней пути. Для сопровождения эшелона был выделен медицинский работник и оборудован санизолятор. Смета на проведение мероприятий, связанных с отправкой первых эшелонов, в размере 21,5 тыс. рублей включала затраты на оплату концертов артистов Свердловской филармонии, изготовление лозунгов и транспарантов, фотографирование и оформление фотоальбома, оплату коллективной экскурсии в краеведческий музей, приобретение подарков лучшим производственникам, а также приглашение на вокзал духового оркестра [41].

Первый эшелон с 250 репатриантами был отправлен из Свердловской области 25 мая 1955 г., а 2 июня он прибыл на пограничную станцию Чоп. Здесь репатрианты прошли таможенный досмотр и были пересажены в пассажирский поезд, который 4 июля пересек границу. В Австрии вернувшихся из Советского Союза сограждан принимали радостно и тепло, было много корреспондентов, на промежуточных станциях их встречали делегации с оркестрами. По прибытию в Вену репатриантов встретил федеральный канцлер Австрийской Республики Ю. Рааб, другие официальные лица, а также многочисленные родственники и знакомые [42].

10 июня 1955 г. из четвертого лагерного отделения в г. Ревде была отправлена вторая группа освобожденных австрийцев в количестве 185 человек. По прибытии в Австрию их встретили представители Международного Красного Креста и вручили прибывшим из СССР подарки и цветы. В Вене прибывших встречала толпа в несколько тысяч человек, среди которых были федеральный канцлер, министр внутренних дел и столичный бургомистр. Обращаясь к репатриантам, министр внутренних дел Австрии сказал в частности: «...Нам больших трудов стоило возвратить вас на Родину. Вы были осуждены советским судом незаконно, поэтому мы не считаем вас преступ-

никами и окажем необходимое содействие в устройстве вашей жизни и благополучия» [43]. После завершения митинга каждому прибывшему из СССР преподнесли подарки, выдали по 3 тыс. шиллингов и на автомашинах развезли по домам. В этот же день в австрийских газетах появились статьи и фотографии, посвященные возвращению на родину амнистированных граждан Австрии [44].

В сентябре 1955 г. после визита в СССР канцлера ФРГ К. Аденауэра и достижения соответствующих договоренностей началось освобождение и осужденных германских граждан. В конце сентября 1955 г. был принят соответствующий указ Президиума Верховного Совета СССР, после чего амнистированные считались свободными. Основным местом сбора подлежащих репатриации на родину германских граждан также стал лагерь № 476, куда их собирали со всей страны. Вскоре на улицах Свердловска в сопровождении сотрудников милиции появились группы бывших заключенных немцев. Они гуляли по проспекту им. Ленина, посещали кинотеатры, музеи, осматривали достопримечательности города [45]. Первый эшелон с репатрированными немцами отбыл со станции Хромпик 29 сентября 1955 г., за ним последовали другие. Затем репатриация была временно приостановлена и возобновилась только в начале декабря.

Одновременно с репатриацией граждан Германии шла репатриация венгров и румын. В сентябре 1955 г. в лагере № 476 насчитывалось 394 чел. венгерских и 442 чел. румынских граждан. Из них было амнистировано соответственно 239 и 268 чел., не попавшие под амнистию передавались правительствам соответствующих стран для дальнейшего отбытия наказания [46].

Архивные документы свидетельствуют, что некоторые осужденные военнопленные, венгры и особенно румыны, отказывались уезжать из Советского Союза. Они хотели отсидеть свой срок в СССР, так как режим содержания заключенных в их странах был строже. Младший сержант венгерской армии К. Золантен, узнав о предстоящей репатриации, заявил о том, что в лагере № 476 он получает 600 г хлеба в день, а у себя на родине он будет иметь 200 г и вдобавок еще будет получать по спине дубинкой. Другие просили предоставить им советское гражданство, либо отправить не на родину, а в Австрию или в Германию. Всего таких заявлений было свыше полусотни [47]. Категорически отка-

зывались ехать в ГДР и некоторые амнистированные германские граждане [48].

Последними в декабре 1955 г. со станции Хромпик г. Первоуральска в ГДР были отправлены тяжелобольные из спецгоспиталя № 1893, тем самым репатриация осужденных иностранных граждан из лагеря № 476 была практически завершена. В нем осталось всего 65 иностранцев. Основную часть их составляли исключенные из списков на амнистию румынские граждане — бывшие сотрудники разведки и военной полиции, которых планировали передать властям этой страны. Остальные были гражданами СССР, служившими в германской армии и получившими германское гражданство. Репатриацию этих граждан отложили до особого распоряжения, судьбу их до настоящего времени проследить не удалось [49]. В феврале 1956 г. лагерь № 476 МВД СССР для военных преступников был закрыт.

Примечания

1. Уральская истор. энциклопедия. — Екатеринбург, 1998. — С. 122.
2. Галицкий В.П. Репрессивная политика Советского правительства в отношении иностранных военнопленных и гражданских лиц (1939—1956 гг.) // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии. Материалы к Всероссийской науч. конф., посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. — Вологда, 1995. — С. 3—13; Епифанов А.Е. Организация и деятельность советских карательных органов по уголовному преследованию нацистских преступников в период массовой репатриации военнопленных вермахта на родину (1948—1950 гг.) // Проблемы военного плена: история и современность. Материалы международной научно-практ. конф. 23—25 октября 1997 г. Ч. 2. — Вологда, 1997. — С. 118—123; С. Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломат., правовые и полит. аспекты проблемы: Очерки и документы. — Вологда, 1996; Крупенников А.А. К вопросу о некоторых судебных процессах в СССР в 1947—1953 гг. по обвинению в военных преступлениях // Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства. Тез. межвузовской науч. конф., 10—12 июня 1992 г. — Екатеринбург, 1992. — С. 83—85; Он же. О некоторых судебных процессах против военных преступников в конце 40-х — начале 50-х годов // Проблемы военного плена ... Ч. 2. — С. 101—117; Петров Н.В. Внесудебные репрессии против военнопленных немцев в 1941—1946 гг. // Проблемы военного плена ... Ч. 2. — С. 77—94; и др.
3. Мотревич В.П. Они «дошли» до Урала // Урал. рабочий. — 1991. — 31 мая; Он же. Новые материалы по истории военнопленных Второй мировой войны // Распад фашистского блока и проблемы послевоенного уст-

ройства. — Екатеринбург, 1992. — С. 85–87; Он же. Где сидел адъютант Гитлера? // Урал. рабочий. — 1992. — 2 февр.; // Он же. Военнопленные немецкие генералы на Урале // Архивы Урала. — Екатеринбург, 1996. — № 2 (4). — С. 226–228; Он же. Военнопленные немецкие генералы на Урале в конце 1940-х — начале 1950-х гг. // Первые уральские военно-истор. чтения. — Екатеринбург, 1998. — С. 105–106; Он же. Военные преступники // Уральская истор. энциклопедия. — Екатеринбург, 1998. — С. 122; Он же. Военнопленные // Там же. — С. 120–121; Смыкалин А.С. «Строители» из дивизии СС // Урал. рабочий. — 1995. — 17 янв.; Он же. Колонии и тюрьмы в Советской России. — Екатеринбург, 1997; Суржикова Н.В. Из истории лагеря № 476 для военнопленных Второй мировой войны // Первые уральские военно-истор. чтения. Материалы региональной науч. конф. — Екатеринбург, 1996. — С. 95–99; Она же. Военные преступники на Среднем Урале в 1949–1956 гг. // Проблемы военного плена... Ч. 2. — С. 234–236; Она же. Осужденные военнопленные на Среднем Урале (1949–1956 гг.) // Урал индустриальный // Материалы третьей региональной науч. конф. — Екатеринбург, 1999. — С. 84–89.

4. Stefan Karner. Im Archipel GUPYI. Wien-Munchen, 1995.
5. Епифанов А. Е. Указ. соч. С. 118.
6. РГВА. Ф. 1 и/т, оп. 19, д. 4, л. 4.
7. Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России ... — С. 157.
8. Там же. — С. 165–166.
9. РГВА. Ф. 1 и/т, оп. 19, д. 4, л. 4.
10. Архив Управления ФСБ по Свердл. обл. Ф. 1, оп. 1, д. 161, л. 43–44.
11. РГВА. Ф. 1 и/т, оп. 19, д. 4, л. 4.
12. Отдел спецфондов ИЦ ГУВД Свердл. обл. Ф. 56, оп. 1, д. 29, л. 15; Д. 33, л. 3–6.
13. Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР... — С. 176–177.
14. РГВА. Ф. 1 т, оп. 13, д. 5, л. 177, 313; Д. 6, л. 4.
15. Энциклопедия Третьего Рейха. — М., 1996. — С. 235.
16. Там же. — С. 267.
17. Отдел спецфондов ИЦ ГУВД. Ф. 56, оп. 1, д. 31, л. 4–13.
18. УГААО СО. Ф. 1, оп. 2, д. 45554, л. 1–44.
19. Там же. — Д. 46895, л. 1–18.
20. Там же. — Д. 45540, л. 1–20; Д. 45552, л. 1–46.
21. Там же. — Д. 45540, л. 38.
22. Мотревич В. П. Солдаты вермахта в рабочих спецовках // Вечерний Первоуральск. — 1992. — 7, 9 июля.
23. ГААО СО. Ф. 1, оп. 2, д. 48654, л. 3–32.
24. Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России... — С. 157.
25. ГААО СО. Ф. 1, оп. 2, д. 33195, л. 45.
26. РГВА. Ф. 1 т, оп. 4, д. 19, л. 183–200; Отдел спецфондов ИЦ ГУВД. Ф. 56, оп. 1, д. 33, л. 3–9.
27. ГААО СО. Ф. 1, оп. 2, д. 45638, л. 2–28.
28. Отдел спецфондов ИЦ ГУВД. Ф. 56, оп. 1, д. 30, л. 10–13, 18.
29. Пушкарев Г. С нами бог // Подробности. — 1998. — 27 марта.
30. Егоров М. А. Бунт генералов // Урал. рабочий. — 1992. — 7 апр.

31. РГВА. Ф. 1 и/т, оп. 2, д. 88, л. 74.
32. Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР... — С. 257.
33. Отдел спецфондов ИЦ ГУВД. Ф. 56, оп. 1, д. 28, л. 4—5.
34. Там же. — Л. 86—93.
35. Егоров М.А. Бунт генералов // Урал. рабочий. — 1992. — 7 апр.
36. Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР... — С. 169.
37. Отдел спецфондов ИЦ ГУВД. Ф. 56, оп. 1, д. 28, л. 80; Д. 56, л. 99.
38. Мотревич В.П. Солдаты вермахта в рабочих спецовках/ / Вечерний Первоуральск. — 1992. — 7, 9 июля.
39. Отдел спецфондов ИЦ ГУВД. Ф. 56, оп. 1, д. 30, л. 45—46, 52. 35.
40. Там же. — Д. 31, л. 146—152.
41. Там же. — Д. 32, л. 7.
42. Там же. — Д. 30, л. 72, 73.
43. Там же. — Л. 75.
44. Там же. — Л. 77.
45. Там же. — Д. 32, л. 16—40.
46. Там же. — Д. 32, л. 188.
47. Там же. — Д. 32, л. 26.
48. Там же. — Д. 29, л. 15.
49. Там же. — Д. 31, л. 175—178.

Кладбища военнопленных Второй мировой войны в Челябинской области *

В 1996 г. начались работы по выявлению кладбищ военнопленных Второй мировой войны на территории Челябинской области. 18 июня 1996 г. выпшло постановление главы администрации Челябинской области В.П. Соловьева № 350 «О создании попечительского совета по работе со старыми военными и ранее неизвестными захоронениями». В состав совета вошли высшие чиновники областной администрации, председателем был назначен заместитель директора ЗАО «Лари». Однако совет оказался чисто формальным образованием, и всю работу по выявлению и обследованию иностранных воинских захоронений на территории Челябинской области довелось осуществлять автору данной публикации. На следующий год, уже после завершения всех поисковых работ, было принято постановление Главы администрации Челябинской области П.И. Сумина от 14 мая 1997 г. «О мерах по реализации постановления правительства Российской Федерации об

** Ранее опубликовано в кн.: Урал в 1941—1945 гг.: экономика и культура военного времени: К 60-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне // Материалы регионального науч. семинара. 10 апреля 2005 г. — Челябинск: Изд-во ЧГУ, 2005. — С. 268—279.*

обеспечении сохранности и порядка содержания иностранных воинских захоронений на территории Челябинской области». Согласно п. 5 постановления выполнение всех работ, связанных с благоустройством, восстановлением, перезахоронением, охраной иностранных воинских захоронений, поручалось фонду социальной защиты военнослужащих «Гарантия». Таким образом, в первой половине 1990-х гг. в центре и отдельных регионах России постепенно формировалась нормативная база, позволяющая приступить к осуществлению поиска и благоустройства иностранных воинских захоронений в нашей стране.

Поскольку основная часть документальных данных о захоронении военнопленных была сосредоточена в Москве и носила гриф «секретно», то местные власти часто и не подозревали о существовании на их территории иностранных воинских кладбищ. Так, в справке от 11 марта 1996 г., направленной председателем комитета по делам архивов администрации Челябинской области С.И. Загребиным на имя главы областной администрации, сообщалось, что на территории Челябинской области насчитывается всего три кладбища иностранных военнопленных.

Проведенное автором данной статьи на протяжении 1990-х гг. сплошное обследование всего массива иностранных воинских захоронений на территории областей Уральского региона и прилегающих к ним территорий показало, что и теперь, спустя 55 лет после окончания Второй мировой войны, 3/4 кладбищ в той или иной степени сохранилось. Примерно такая же картина наблюдается и в Челябинской области. При этом следует отметить, что факт сохранности означает, что данное захоронение не оказалось в зоне хозяйственной деятельности и даже в случае отсутствия могильных холмиков после уточнения границ захоронения его можно восстановить. Уход за этими кладбищами местными властями, как правило, не осуществлялся, за исключением участка захоронения 93 военнопленных на территории разрушенного гражданского кладбища в Тракторозаводском районе Челябинска. В начале 1950-х гг. за счет местных властей место захоронения военнопленных было приведено в порядок, и уход за ним осуществлял городской трест похоронного обслуживания.

Таким образом, это было единственное из иностранных воинских кладбищ периода Второй мировой войны на терри-

тории Челябинской области, которое содержалось в порядке. Следует отметить, что в относительном порядке были участки захоронения иностранных военнопленных в Копейске, расположенный в центре действующего гражданского кладбища. В то же время многие иностранные воинские кладбища на Урале не сохранились, в первую очередь те, которые находились в городской черте крупных промышленных центров. Среди них — иностранные воинские кладбища в Верхнем Уфалее (в настоящее время на месте кладбища расположены частные дома пос. Никелевого завода), Еманжелинске (на месте кладбища находится дачный поселок), Карабаше (на месте захоронения на южном склоне горы Юрма — гаражный кооператив), Магнитогорске (территория завода «Оренбургсантехмонтаж»), Сатке (отвалы отработанной породы), Челябинске (гражданское кладбище в районе КПЗИС, участки захоронения военнопленных на Лесном, Смолинском и Фатеевском гражданских кладбищах) и др. Бурный рост городов привел к новой застройке, под которую попали и отечественные, и иностранные кладбища.

Однако обследование всех 30 расположенных на территории Челябинской области иностранных воинских захоронений показало, что некоторые из них можно благоустроить. Среди них — место захоронения военнопленных в Аше (расположено у подножья Липовой горы), Коркино (кладбища в районе 30-й шахты и пос. Розы Люксембург), Копейске (район шахты «Центральная», Кыштыме (кладбище в пос. Каолиновый и место захоронения в районе очистных сооружений), Миньяре (Сулимовское кладбище), Челябинске (кладбище Тракторозаводского района и место захоронения в районе отвалов ЧМЗ), Миассе (ул. Солнечная), а также кладбище в пос. Магнитный Кусинского района.

В Челябинской области на основании результатов обследования в 1999—2000 гг. германской стороной было восстановлено иностранное воинское кладбище в Пласте, а венгерской — благоустроены два кладбища в Магнитогорске. Кроме того, на месте захоронения своих военнопленных Венгерская Республика установили памятные знаки в Аше, Миассе, Пласте и Челябинске (в районе ЧТЗ и КПЗИС).

Кто жертва, а кто палач *(интервью)

Несколько сот бывших немецких военнопленных, считавшихся военными преступниками фашистской Германии, реабилитированы прокуратурой Свердловской области. Более того: они причислены к жертвам политических репрессий. Для многих этот факт, наверное, покажется неожиданным. Ведь бывшие немецкие военнопленные, отбывавшие наказание в советских лагерях, уже в преклонном возрасте. И казалось бы, к чему им, живя в благополучной ныне Германии, добиваться какой-то реабилитации. Причем не у себя на родине, а в далекой России. Ан нет. Оказывается, для некоторых это имеет большое значение. И они хотят, пусть даже на склоне лет, добиться, как им, наверное, кажется, высшей справедливости. И доказать, пусть хотя бы своим близким, что они чисты перед Богом и совестью.

Так это или нет, а заявления по поводу реабилитации от бывших немецких военнопленных поступают. И работу эту прокуратура продолжает.

Не первый год данной проблемой занимаются и некоторые уральские ученые. Один из них — доктор исторических наук Владимир Павлович Мотревич. В настоящее время он собрал огромное количество архивных документов, в том числе и по реабилитации бывших военных преступников. К сожалению, его вывод на этот счет не самый радужный.

Что беспокоит авторитетного ученого?

— Дело в том, — сказал Владимир Павлович, — что наша областная прокуратура, похоже, допустила уже немало ошибок. С реабилитацией некоторых явно поторопилась. На мой взгляд, десятка полтора-два, если не больше, причислить к жертвам политических репрессий я бы не стал точно.

— Что, есть реальные факты, которые это доказывают?

— По-моему, предостаточно. Вот у меня в руках один из списков реабилитированных нашей областной прокуратурой. Среди них, например, мы видим такие имена: Г. Бартель, Г. Бицингер, А. Бишоф, Э. Бромбах. Из архивных документов следует: Бартель — комендант концлагеря для советских военнопленных в Берлине, в котором были созданы невыносимые условия для

* Ранее опубликовано: Областная газ. — 2006. — 18 февраля (Интервью).

жизни. Обер-ефрейтор Бицингер участвовал в карательных операциях против мирного населения в Крыму. Есть данные, что с его участием было уничтожено свыше 600 человек, невооруженных граждан, пытавшихся скрыться в каменоломнях. Бишоф и Бромбах служили в концлагерях, были задействованы в убийствах и истязаниях советских военнопленных. И вот все эти люди на основании закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. признаны невиновными — за отсутствием в их действиях состава преступления...

— *Чем это можно объяснить?*

— Полагаю, обычной спешкой, нехваткой опытных специалистов, средств. Никакой коррупции, взяточничества тут, мне кажется, нет. Словом, беда та же самая, что и в сороковые годы. Тогда ведь тоже процесс был поставлен на поток. Дела рассматривались в судах в ускоренных темпах. Военные трибуналы иногда выносили приговор за 15–20 минут, без участия обвинения, защиты и без вызова свидетелей. Нарушения процессуальных норм в дальнейшем и сыграли злую шутку с правосудием: некоторые бывшие военнопленные этим воспользовались и теперь реабилитированы, чисты, как стеклышко. И работники прокуратуры в некоторых ситуациях ничего поделать здесь не могут: материалами уголовно-следственных дел вина подсудимых не подтверждается! Вроде, и видишь, что далеко не ангел, а вынужден причислять его к жертвам политических репрессий. Вот так! А между тем проблема эта не только юридическая, но и нравственная.

Конечно, далеко не все заключенные являлись военными преступниками. Карательная машина НКВД безжалостно работала во время войны и после Победы не только в СССР, но и в странах Восточной Европы. Многие дела, которые мне доводилось видеть, откровенно сфабрикованы. Таких людей, кто пострадал незаконно, разумеется, надо реабилитировать.

— *Владимир Павлович, говорят, на Урале среди военнопленных было немало известных личностей.*

— Да, сотни представителей высшего общества Германии отбывали наказание в Свердловской области. Кстати, только генералов, по состоянию на февраль 1954 г., насчитывалось 78. Один из них, правда, был адмирал. У меня есть весь этот список. За время пребывания на Среднем Урале девять из них умер-

ли. По данным «генеральской» картотеки, в Асбесте захоронено шесть генералов, в Первоуральске (в пос. Талица) — три.

Среди военнопленных были лица, которые по службе находились близко к самому фюреру. Это майор О. Гюнше — адъютант Гитлера, капитан Люфтваффе — шеф-пилот личного самолета рейхсканцлера. Известными персонами считались приемный сын рейхсфюрера СС Гимmlера, сыновья генерал-фельдмаршала фон Клейста и премьер-министра Венгрии Каллаи и другие.

Интересные сведения удалось обнаружить в архиве и о родственнике немецкого промышленника Густава Круппа — Геральде Круппе фон Болене. Как известно, Густав Крупп фон Болен был крупнейшим промышленником, оказавшим большую поддержку нацистскому движению. На предприятиях Круппа производились танки, артиллерия, снаряды. Широко использовал Крупп и труд советских военнопленных, узников лагерей.

Геральд был племянником Густава Круппа. Во время войны находился в Румынии, откуда и был доставлен в лагерь на Урал. Судя по документам, вместе с другим военнопленным принцем Альбертом фон Гогенцоллерном по пути следования пытался бежать. Но неудачно. После чего был доставлен в Москву, в Бутырскую тюрьму, где и схлопотал от военного трибунала максимальный срок — 25 лет. На суде ему было предъявлено необычное обвинение: «неоднократно встречался и был лично знаком с Гитлером, Гессом, Гимmlером, а также принимал участие в боевых действиях». «Мотать срок» его отправили в пятое отделение особорежимного лагеря № 476, располагавшегося в Дегтярске.

Всего отделений в 476-м лагере — самом, кстати, крупном тогда в СССР, — было восемь. Три из них дислоцировались прямо в областном центре — на Химмаше, в районе РТИ и возле Каменных Палаток. Остальные — в Первоуральске, Ревде, Дегтярске, Асбесте и в поселке Ключи Сысертского района.

Но вернемся к Геральду Круппу. По сохранившимся в архиве справкам, написанным лагерной администрацией, он характеризовался как исполнительный, трудолюбивый человек, строго соблюдавший установленный порядок.

Однако были военнопленные с норовом. Они категорически отказывались трудиться, занимались саботажем. Среди та-

ких — бывший командир танкового полка полковник Ганс Герцог. Он считался самым непримиримым, несмотря на жесткие меры воздействия. Ему дали 25 лет за участие в карательных операциях против партизан в Белоруссии. Так вот, этот военнопленный за все время пребывания в лагере к работе так ни разу и не приступил! Он не прибил на Урале ни одной доски, не свалил ни одного дерева, не положил в строящиеся здания ни одного кирпича! В мае 1992 г. Ганс Герцог реабилитирован... Что тут скажешь, характер! Даже уважение вызывает такой человек, честное слово. Не каждый бы набрался смелости вести себя так дерзко во вражеском плену.

— *Выходит, были и в фашистской армии мужественные воины.*

— Как не были? Были! И, надо сказать, в большинстве своем вели себя достойно. И работали хорошо. Вон сколько красивых зданий в одном только Екатеринбурге построили. Это верно, архитектурную память о себе они оставили на века. Вот лишь неполный перечень построенных ими зданий — Центральный стадион и стадион «Металлург», мост через Исеть на улице Белинского, баня на улице Первомайской, дачи облисполкома в Малом Истоке, жилые дома на Химмаше, цеха завода РТИ ну и, конечно, здание городской мэрии. Сегодня — один из символов нашей уральской столицы!

— *Владимир Павлович, так, может, уже за одно это они заслуживают поголовной реабилитации?*

— Нет, реабилитация — дело юридическое, а не политическое. А в этом вопросе, как и в самом законе «О реабилитации», мне кажется, подмешана политика. Помните атмосферу, когда он принимался: рушилась Берлинская стена, было столько эмоций, эйфории. А в результате сегодня, при желании, может стать жертвой политических репрессий даже отпетыйголоворез из особых частей СС. Это неправильно. В этом — слабость закона. В таких делах преступники должны оставаться преступниками...

Кладбища военнопленных Второй мировой войны в Курганской области *

В ходе поисковых работ на территории Курганской области удалось обнаружить три иностранные воинские кладбища, в Оренбургской и Пермской — 19, в Свердловской — 95, в Челябинской области — 30 кладбищ. Имеются иностранные воинские захоронения и в уральских автономиях — 11 в Башкирии и 14 в Удмуртии. Количество кладбищ постепенно сокращается по направлению с запада на восток. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке картина меняется, что связано с преимущественным расположением там лагерей для военнопленных из состава японской армии.

В Курганской области хорошо сохранились все три иностранные воинские кладбища периода Второй мировой войны. Первое из них обнаружено в районном центре Шумиха, где в годы войны располагался спецгоспиталь № 3757. Кладбище спецгоспиталя, на котором захоронено 473 иностранных военнослужащих, находится в северной части города на возвышенности в районе ул. Мира. Примерно половину его площади занимают три одноэтажных дома и огороды местных жителей. Остальная территория представляет собой пустырь, на котором сохранились отдельные могильные холмики. В 1997 г. на этом кладбище Венгерской Республикой был установлен памятный знак.

Кладбище лагеря № 514 МВД СССР расположено в 4 км западнее Шадринска в районе дачного поселка «Городище» в сосновом бору. На нем в 1945—1948 гг. было захоронено 85 гражданских лиц немецкой национальности, интернированных из стран Восточной Европы, в основном женщин. В 1990-е гг. уход за кладбищем осуществляли студенты Шадринского кооперативного техникума и на нем силами общественности установлен памятный знак. Кладбище ОРБ № 1085 НКО СССР, где захоронено 129 человек, расположено в районе ст. Иковка Кетовского района в лесу. Большинство могильных холмиков

* Ранее опубликовано в кн.: *Кладбища военнопленных Второй мировой войны в Курганской области // Емельяновские чтения : Материалы Первой межрегиональной научно-практ. конф. Курган, 19–20 апреля 2006 г. — Курган : Изд-во КГУ, 2006. — С. 126–129.*

достаточно хорошо сохранились. На кладбища в Иковке и Шадринске была подготовлена необходимая документация и оформлены землеотводы, сделаны проекты их благоустройства. Однако в связи с огромным объемом проводимых германской стороной на территории РФ благоустроительных работ, благоустройство данных захоронений в 2000–2002 гг. осуществлено не было. Что касается кладбища в Шумихе, то проблема заключается в наличии на его территории зданий и огородов, разрешение на которые были даны местными властями в нарушение международных законов и обязательств нашей страны.

В целом представляется, что выявление, благоустройство и обеспечение сохранности иностранных военных могил в России имеет важное политическое и гуманистическое значение. Восстановление иностранных воинских захоронений (проводимое к тому же за счет заинтересованных государств) позволит многим семьям из Австрии, Венгрии, Германии, Италии, Финляндии и других стран посещать, как это принято в цивилизованном мире, могилы своих близких. Это будет способствовать укреплению доверия между государствами и их народами, облегчит налаживание отношений в различных сферах, а также обеспечит сохранность советских военных могил в Европе.

Состояние захоронений военнопленных Второй мировой войны в Свердловской области * (интервью)

Программу ведет Светлана Толмачева. В программе принимает участие Владимир Мотревич, профессор Уральской государственной юридической академии, доктор исторических наук.

Светлана Толмачева: Свердловскую область посетили представители австрийской организации «Черный Крест» и финского Общества по сохранению памяти жертв войны. Они побывали на местах захоронений соотечественников в окрестностях Екатеринбурга. О том, в каком состоянии находятся кладбища военнопленных и другие воинские захоронения, мы будем говорить сегодня с профессором Уральской государствен-

** Интервью радио «Свобода». 14 августа 2006 г. // <http://www.svobodanews.ru/article.aspx>. — С. 1–14.*

ной юридической академии, доктором исторических наук Владимиром Мотревичем.

Доброе утро, Владимир Павлович.

Владимир Мотревич: Доброе утро.

Светлана Толмачева: С начала 90-х гг. Вы занимаетесь выполнением международных соглашений Российской Федерации с другими государствами в вопросах, касающихся благоустройства и обеспечения ухода за иностранными воинскими захоронениями на территории всего Уральского региона. Эта ваша деятельность и станет сегодня темой для нашего разговора.

В августе на Урале побывали две делегаций — представители австрийского «Черного Креста» и Общества по сохранению памяти жертв войны из Финляндии. Вы их сопровождали во время визита в Свердловскую область. Смогли ли они побывать везде, где пожелали?

Владимир Мотревич: Да, делегация «Черного Креста» осмотрела памятник Первой мировой войны в Серове и памятник в Нижней Салде.

Светлана Толмачева: В местной прессе появились сообщения о происшествии в городе Асбесте, Свердловской области, где рабочим помешали могилы финских военнопленных. Как на самом деле было?

Владимир Мотревич: Ну, происшествие — это, наверное, громко сказано. Дело в том, что в Асбесте кладбище военнопленных расположено в центре огромного карьера длиной 13 километров. И акционерное общество «Ураласбест» направило официальное письмо о том, что этот участок кладбища мешает развитию и подлежит сносу. И вот одной из целей визита делегации было выяснить позицию дирекции комбината на этот счет.

Светлана Толмачева: То есть потребовался приезд делегации из Финляндии для того, чтобы решить этот вопрос на местном уровне. Без присутствия иностранцев решить этот вопрос было невозможно?

Владимир Мотревич: У нас сложилась своеобразная ментальность в отношении захоронений, в том числе и иностранных. И в данном случае приезд делегации сыграл свою положительную роль.

Светлана Толмачева: А если встать на точку зрения тех людей, которые проводили свои необходимые работы в Асбесте,

почему нельзя было поднять и перенести на другое место эти захоронения?

Владимир Мотревич: Эксгумационные работы, а тем более, когда объем их достаточно большой, требуют значительных затрат, а «Ураласбест», я думаю, не имеет таких средств, чтобы их финансировать.

Светлана Толмачева: То есть тот, кому мешает захоронение, тот и должен этим заниматься?

Владимир Мотревич: Да. По договору Российской Федерации с иностранными государствами платит тот, кто инициирует эксгумацию. В данном случае инициирует «Ураласбест».

Светлана Толмачева: Владимир Павлович, представитель финской делегации говорил о том, что захоронения их земляков находятся в удовлетворительном состоянии. Говорил он это из вежливости или это на самом деле так?

Владимир Мотревич: Это на самом деле так, и по двум причинам. Во-первых, памятник находится на закрытой для посещения территории, поэтому акты вандализма там просто невозможны. А во-вторых, за порядком на кладбище наблюдает администрация «Ураласбеста». Поэтому их слова — это не дань вежливости.

Светлана Толмачева: Это касается не только финских захоронений, но и захоронений солдат других государств?

Владимир Мотревич: Вы знаете, на территории Свердловской области не было актов вандализма, хотя восстановлено свыше 50 кладбищ и памятных знаков. А на территориях других областей такие случаи бывают. В частности, в Челябинске был подвергнут разгрому, я бы так сказал, дважды памятный крест в одном из районов города.

Светлана Толмачева: Истоки вандализма те же самые, что и в отношении кладбищ россиян, то есть это те люди, которые пришли за цветными металлами и так далее, или здесь все-таки есть какая-то националистическая подоплека?

Владимир Мотревич: Я думаю, что это просто хулиганство. Молодежи часто нечем заняться, и это является результатом.

Светлана Толмачева: Чем Свердловская область отличается от соседних? Вы уже сказали о Челябинской области, что там тоже есть захоронения. Рядом находятся Оренбургская, Курганская области. Если говорить о численности захоронений, например.

Владимир Мотревич: Вы знаете, накануне Великой Отечественной войны Свердловская область стремительно развивалась, объем промышленной продукции здесь вырос в 4 раза. Промышленности нужны были кадры, поэтому здесь и разместили наибольшее число лагерей. Поэтому численность контингента составляла свыше 100 тысяч человек.

Светлана Толмачева: В этом году исполнилось 50 лет закрытия одного из самых крупных лагерей для военнопленных. И если можно, давайте подробнее о нем поговорим. Потому что этот юбилей отмечали и мы в своем эфире.

Владимир Мотревич: В конце 40-х гг. на территории Свердловской области был создан лагерь с особым режимом для военных преступников номер 476. И в начале 1956 г. он был закрыт. Его контингент — около 8 тысяч человек. Это половина всех осужденных из числа иностранных граждан, которые находились в Советском Союзе. Его отделения располагались на территории города Свердловска, на РТИ, на ЖБИ.

Светлана Толмачева: Это районы Екатеринбургa.

Владимир Мотревич: Да. В районс Каменных палаток. Размещались в Ревде, в Первоуральске, в Асбесте.

Светлана Толмачева: А чем примечательны были те военнопленные, которые здесь содержались? Наверняка есть какие-то данные о том, насколько крупные это были фигуры.

Владимир Мотревич: На них имеются подробные документы и на бумажных носителях, и кино и фотоматериалы очень интересные. Среди прочих здесь находились 96 генералов германской, румынской, венгерской армий, а также многие высокопоставленные чиновники, которые были интернированы в Советский Союз из стран Восточной Европы. В частности, допустим, тот же племянник Круппа, тот же сын премьер-министра Венгрии Каллаи и другие.

Светлана Толмачева: Владимир Павлович, вы больше 10 лет занимаетесь поиском кладбищ военнопленных, а также советских граждан — жертв политических репрессий. А много ли в Свердловской области для вас осталось белых пятен?

Владимир Мотревич: К сожалению, да. Потому что многие захоронения находятся в труднодоступных районах, там, где были лесные лагеря НКВД, — это Серовский, Новолялинский, Верхотурский районы. Они расположены в 30–50 километрах от ближайшего жилья, в глухой тайге. Местность эта труднодоступная. И далеко не все мы еще нашли.

Светлана Толмачева: То есть проблема в том, чтобы найти документы, свидетельствующие о расположении этих кладбищ в труднодоступных местах? Или проблема в том, чтобы начать работы в этих местах?

Владимир Мотревич: Проблема, во-первых, в том, если взять 1942 год, то нет кладбищенских схем. Есть указание «Лосиновский лагерь» — и все. А если брать более поздний период, например 1944 год, то схемы есть, но в лесу очень слабые привязки. Допустим, «10 километров от такого-то пункта». И привязаться очень сложно.

Светлана Толмачева: Каким образом идут работы? Вы пытаетесь найти тех людей, которые могут, как очевидцы, вам показать какие-то точные места?

Владимир Мотревич: Методики здесь разные. И все зависит от конкретной ситуации. Конечно, есть схемы, есть планы захоронений. И если этого не достаточно, то привлекаются свидетели. Но часто бывает так, что нет ни того, ни другого.

Светлана Толмачева: А насколько вам сейчас доступны архивы? Со всех ли интересующих вас материалов снят гриф «секретно», если говорить о военнопленных и если говорить о советских гражданах — жертвах политических репрессий?

Владимир Мотревич: Что касается военнопленных и жертв репрессий, то я думаю, что практически все материалы сейчас доступны.

Светлана Толмачева: Вы ведете работу, насколько мне известно, в двух направлениях — ищите захоронения солдат и Второй и Первой мировых войн. Вот в чем специфика поиска захоронений столетней давности?

Владимир Мотревич: Вы знаете, по Первой мировой войне работать гораздо сложнее. Потому что в отличие от Второй мировой войны кладбищенская документация не составлялась, кроме записей в метрических книгах. И поэтому приходится отталкиваться только от этих книг, чтобы выяснить, были ли на этой территории военнопленные. К сожалению, не осталось и живых свидетелей тех лет. Поэтому работы очень сложные по выявлению захоронений Первой мировой войны.

Светлана Толмачева: Владимир Павлович, из каких государств приезжают на Урал делегации, чтобы проверить состояние кладбищ военнопленных?

Владимир Мотревич: Делегации бывают практически из всех стран наших противников во Второй мировой войне, кроме Румынии.

Светлана Толмачева: Почему?

Владимир Мотревич: С Румынией до сих пор не заключен договор о статусе воинских захоронений. И она оказалась вне правового поля.

Светлана Толмачева: Таким образом, по румынским захоронениям вы вообще не работаете?

Владимир Мотревич: Мы работаем по румынским захоронениям, и у нас они есть, большие, чисто румынские кладбища. Но вопрос о благоустройстве этих кладбищ пока не стоит.

Светлана Толмачева: То есть их судьба незавидна и состояние их печально?

Владимир Мотревич: Здесь опять-таки имеет место определенный юридический казус. Дело в том, что вначале-то они были военнопленными, но затем Румыния перешла на сторону союзников, и, по идее, эти военнослужащие стали нашими союзниками. Поэтому не совсем понятно, кто должен за ними ухаживать — румынская сторона или российская.

Светлана Толмачева: И все же, Владимир Павлович, в каком состоянии находятся эти захоронения? Что собой представляют такие кладбища, например румынские, за которыми не следит ни та сторона, ни эта?

Владимир Мотревич: Как правило, эти кладбища, если они сохранились, они бесхозные. К примеру, в Дегтярском есть большой участок на старом гражданском кладбище — это ряды могил, на которых сохранились отдельные металлические таблички.

Светлана Толмачева: Но надписи уже разобрать невозможно по прошествии стольких лет?

Владимир Мотревич: Надпись там состояла только из номеров: в числителе — номер квадрата, а знаменателе — номер могилы, — и все.

Светлана Толмачева: И как было сказано в репортаже, который прозвучал в начале нашей с вами беседы, до 1944 г. документация не велась. Таким образом, можно считать, что имена этих людей полностью потеряны?

Владимир Мотревич: Документация велась, но она велась в упрощенном виде. То есть заполнялись учетные карточки на всех умерших, но не было кладбищенских схем. Поэтому мы

не можем идентифицировать какую-либо могилу и очень сложно найти без схемы это кладбище.

Светлана Толмачева: Владимир Павлович, а когда начался такой серьезный поиск имен военнопленных, их захоронений, в каком году Советский Союз начал эту работу?

Владимир Мотревич: Если брать отдельных исследователей, то мы начали эту работу в Свердловске в конце 80-х гг. Вторая территория — это Тамбовская область, где одновременно несколько ученых стали заниматься этим. Ну а на межгосударственном уровне эта работа началась в 1991 г., когда весной 1991 г. был заключен первый договор с Итальянской Республикой.

Светлана Толмачева: Итальянцы, насколько мне известно, в этом договоре подразумевали перенос останков их солдат на территорию Италии.

Владимир Мотревич: Речь идет о разных вещах. И если брать боевые кладбища, то там действительно проводятся эксгумационные работы, и останки солдат, идентифицированные, как правило, отправляются в Италию. Мне приходилось участвовать в их отправке. Процедура проходила с соблюдением необходимого ритуала. Их отправляли с аэродрома «Кубинка» под Москвой. Что касается останков военнопленных, то на месте захоронения ставится памятный знак.

Светлана Толмачева: Как много памятных знаков, и не только итальянских, но и других, в Свердловской области?

Владимир Мотревич: Если брать итальянцев, то у нас здесь установлены два памятных знака итальянским военнопленным. Кроме того, установлены памятные знаки на местах захоронений японцев, финнов, венгров. Помимо этого, восстановлены 23 кладбища военнопленных.

Светлана Толмачева: Владимир Павлович, а во время визитов делегаций, которые посещают кладбища, следят за их благоустройством, бывают ли встречи этих делегаций с российскими ветеранами?

Владимир Мотревич: Вот в этот приезд таких встреч не было.

Светлана Толмачева: В этот приезд финнов или австрийцев?

Владимир Мотревич: И тех, и других. Но в ряде случаев такие встречи проходили. И приезжающие делегации возлагали венки и цветы и к могилам своих соотечественников, и к могилам советских солдат, в частности, и на кладбище на Широкой Речке, в Екатеринбургe.

Светлана Толмачева: Скажите, а ветеранов как-то специально готовят к этим встречам, например, с точки зрения толерантности?

Владимир Мотревич: Вы знаете, я думаю, что уже время их подготовило. Более того, вот те ветераны, которые у нас лечатся в госпитале на Широкой Речке, так они по собственной инициативе установили памятный знак на мемориальном Широкореченском кладбище в Екатеринбурге. Это памятный знак на месте захоронения иностранных военнопленных Второй мировой войны. Так что время лечит взаимные обиды.

Светлана Толмачева: Если говорить о приезде финской делегации, то представители заявили, что родственники тех людей, которые похоронены в Свердловской области, сюда не приезжают, и сослались они на то, что очень далеко ехать сюда, и ехать на место захоронения тоже не комфортно. Мне показалось, что это формальная отговорка. Потому что если так велик интерес, как говорят финны, к истории, к местам захоронений, я думаю, что расстояние не является помехой. Наверняка есть еще какие-то причины.

Владимир Мотревич: Я думаю, что и те причины, о которых говорили финны, имеют место быть. Но главное — это то, что здесь количество захороненных очень незначительное — 53 человека. По меркам других народов это совсем немного.

Светлана Толмачева: То есть в основном финские захоронения находятся в Караганде и в Челябинской области?

Владимир Мотревич: И в Череповце.

Светлана Толмачева: Насколько мне известно, деятельность иностранных общественных организаций не ограничивается только заботой о состоянии кладбищ. Например, австрийский «Черный Крест» одно время вел поиск тех граждан, которые по тем или иным причинам осели на Урале, но хотели бы вернуться на родину, даже в преклонном возрасте. И в 1990-е гг. в Свердловской области даже была такая история — история Фриды Вагнер, которая вернулась в Австрию по прошествии 50 лет, прожитых в Советском Союзе. Могли бы вы напомнить обстоятельства этого возвращения? Тем более что вы, насколько мне известно, принимали в этой истории — истории Фриды Вагнер — непосредственное участие.

Владимир Мотревич: Это очень интересная история. Эта госпожа в юном возрасте, ей было 16 лет, работала в советском

военном госпитале в Австрии. И там она познакомилась с советским солдатом и вместе с ним уехала в Россию.

Светлана Толмачева: А какой это был год?

Владимир Мотревич: Это был 1945 г., осень. И если взять иностранцев, то всех, кого мы ввозили, интернированных сюда, мы затем организованно вывозили. Все они состояли на очень жестком спецучете. Но поскольку госпожу Вагнер никто не ввозил... насколько я понимаю, она въехала в СССР, по сути, нелегально, в товарном вагоне с солдатами, то ее никто и не вывозил. А затем, видно, у них судьба не сложилась. И она оказалась в нашей стране... Я смотрел ее трудовую книжку. Она работала конюхом в геологоразведке. То есть ее судьбе трудно позавидовать. А потом прошли годы, она плохо помнила даже название города, из которого она выехала когда-то. И даже не знала, что существует Австрийская Республика. Потому что когда она выехала оттуда, Австрии еще, так сказать, не было. А затем она по радио услышала об Австрийской Республике. Она попросила знакомых, которые жили поблизости, посмотреть справочники. Там они нашли ее город, по-моему, Форальберг. Сообщили в посольство Австрии. И там сказали, что такая женщина пропала без вести летом 1945 г. И вот она объявилась спустя 50 лет.

Светлана Толмачева: И в 1990-е гг. она выехала и стала полноправной гражданкой Австрии?

Владимир Мотревич: Да, она выехала в Австрию, стала... правда, не совсем полноправной гражданкой, потому что она выезжала из Екатеринбурга в течение суток и даже не взяла с собой документы необходимые, в том числе и трудовую книжку. А затем выяснилось, что поскольку пенсионный возраст в Австрии выше, чем у нас, то ей не хватает трудового стажа. И поэтому, я помню, директора завода «Каучук» оформил даже ей это время, как отпуск, и ей хватило стажа для получения пенсии в Австрии. И она стала полноправной гражданкой Австрии.

Светлана Толмачева: Владимир Павлович, а вот сейчас имеет смысл поиск живых людей, которые хотели бы вернуться на территорию Австрии? Или же по прошествии 60 лет уже тяжело говорить об этом вопросе, и работа «Черного Креста» сейчас сосредоточена только на уходе за кладбищами?

Владимир Мотревич: Все-таки основное направление деятельности «Черного Креста», на мой взгляд, — это поиск захоронений. Что касается потомков военнопленных Первой мировой войны, австрийцев, то их было достаточно много. Дело

в том, что после Первой мировой войны огромное количество бывших военнопленных осталось на территории РСФСР. Но поскольку Империя развалилась... Жили они среди местного населения. Как известно, 48 процентов российских мужчин были призваны в армию, возникали отношения, семьи. Кстати, судьба их была незавидной, потому что основная их часть была под контролем НКВД, и очень многие затем были репрессированы как немецкие агенты. Это второстепенная, я думаю, деятельность. И речь идет не о возвращении в Австрию, а об установлении контактов на разных уровнях.

Светлана Толмачева: Владимир Павлович, в начале 90-х гг. вы занимались поиском захоронений как историк, которому интересна эта тема. Сейчас вы работаете от имени правительства Свердловской области. И когда вы сопровождаете делегации, в том числе и из-за рубежа, статус сейчас вам облегчает поисковую работу или не всегда?

Владимир Мотревич: В Свердловской области еще в 1991 г. была создана рабочая группа, которая занималась проблемами выявления иностранных кладбищ. Туда вошли и представители силовых структур, ну а научную часть пришлось вести мне. И, конечно, когда есть определенный статус, то легче решать вопросы на местах. Легче выходить на людей, которые уполномочены эти вопросы решать.

Светлана Толмачева: Когда вы начинали этим заниматься в конце 1980-х гг., как обычный историк, которому интересны архивы, насколько это была, так скажем, легальная деятельность историческая? Насколько это было сопряжено, допустим, с недовольством властей?

Владимир Мотревич: Эта тема вообще была не раскрыта. И когда я вышел на эти материалы в спецхранах центральных архивов, то стало понятно, что можно выяснить судьбу людей, которые умерли в советском плену и которые для родных практически пропали без вести. И вдруг оказывается, что существуют материалы на полмиллиона человек, которые позволяют не только сообщить родственникам об обстоятельствах гибели этих людей, но и найти место их захоронения, и даже идентифицировать могилу. Это был настоящий научный прорыв.

Светлана Толмачева: Мы сейчас говорим о том, что можно восстановить очень много имен военнопленных Первой и Второй мировых войн. А что касается советских граждан, репрес-

сированных в 1930-е гг. и после Великой Отечественной войны, скажите, пожалуйста, можно ли говорить о том, что когда-нибудь в полном объеме эти имена будут восстановлены? Хотя бы на территории Свердловской области.

Владимир Мотревич: Я думаю, что да. Потому что по всем репрессированным сохранились все материалы. И у нас в области издается Книга памяти жертв политических репрессий. Издано пять томов, и еще, если я не ошибаюсь, четыре тома находятся в работе. И когда они выйдут, мы будем иметь исчерпывающую картину. Другое дело, что речь идет о тех, кто реабилитирован. Часть же людей по тем или иным причинам не реабилитированы и не будут реабилитированы. Поэтому их имена мы пока не можем опубликовать.

Светлана Толмачева: Вам, как историку, какой аспект нынешней темы, касающейся кладбищ, сейчас наиболее интересен, и он менее изучен, так скажем?

Владимир Мотревич: По Второй мировой войне более-менее все ясно. За исключением 1942 г. А что касается Первой мировой войны, то здесь предстоит еще много работы.

Светлана Толмачева: Заканчивается летний период, а насколько я понимаю, именно летом приезжают в Свердловскую область делегации, которые осматривают кладбища, потому что к ним легче добраться, чем в какое-либо другое время года. Приезд каких еще делегаций ожидается? Или в этом году уже не планируется их приезд?

Владимир Мотревич: Я думаю, что в этом году уже делегаций не будет. Потому что о приезде иностранных делегаций обычно узнаешь весной, даже в начале весны, для того чтобы успеть провести необходимую работу. Так что я думаю, что в этом году уже никто не приедет. Но, может быть, приедут родственники.

Светлана Толмачева: То есть об этом вы также узнаете?

Владимир Мотревич: Ну, чаще всего, да. Хотя многие приезжают просто по линии различных туристических фирм.

Светлана Толмачева: Спасибо вам большое, Владимир Павлович.

VI. УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Материальное положение колхозников Среднего Урала в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) *

Среди проблем, связанных с историей советского крестьянства в период Великой Отечественной войны, особое место занимает проблема материально-бытового положения колхозников. Актуальность ее заключается, прежде всего, в том, что без изучения материальных условий, в которых находилось крестьянство, невозможно в полной мере оценить величие его трудового и патриотического подвига.

В историографии неоднократно отмечался тот факт, что разработка данной проблемы находится в начальной стадии [1]. Достаточно глубоко освещается материально-бытовое положение крестьянства только в монографиях Ю.В. Арутюняна и В.Б. Островского, написанных на общесоюзном материале [2]. Следует отметить и работы В.Ф. Зимы, который, привлекая большой фактический материал, исследует положение колхозников Центрального Нечерноземья [3].

Неизученным остается материально-бытовое положение уральского крестьянства. В исторической литературе нет ни одной работы, где бы характеризовалась эта проблема; отдельные факты содержатся в исследованиях Р.Р. Мухаметдинова, В.М. Половникова, Р.П. Толмачевой [4]. В данной статье делается попытка частично восполнить этот пробел и на материалах годовых отчетов колхозов и бюджетов колхозников показать материальные условия, в которых находились свердловские колхозники в годы Великой Отечественной войны.

За 1941–1945 гг. население колхозов на Среднем Урала сократилось. Особенно уменьшилось количество трудоспособных, их численность составила в 1944 г. 61,4 % от уровня 1940 г. [5]. Ослабла материально-техническая база колхозов, меньше стало молотилок, сенокосилок, жаток, культиваторов. За годы войны на 90,6 % уменьшилось количество грузовых машин в колхозах, на 16,4 % сократился парк МТС [6]. Нехватка горючего, запасных частей, снижение квалификации механизато-

* Ранее опубликовано в кн. : *Материально-бытовое положение трудящихся Урала в период социализма*. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1981. С. 45–66.

ров ухудшило использование техники. Выработка на условный 15-сильный трактор в МТС уменьшилась с 442 га мягкой пахоты в 1940 г. до 320 га в 1945 г., выработка на условный 15-фунтовый комбайн — с 212 до 122 га. Объем работ МТС составил в 1943 г. 44,5 %, а в 1945 г. 62,7 % от уровня 1940 г. [7]. В колхозах резко упала механизация основных сельскохозяйственных работ. В 1943 г. вспашка паров была произведена тракторами МТС на 62 % к общему объему данной работы в колхозах, против 95,3 % в 1940 г.; посев яровых составил соответственно 43 и 59,5 %, озимых — 22,5 в 77,4 % и т.д. На 12,5 % уменьшилась в 1943 г. площадь посевов в колхозах, ухудшилась агротехника [8]. В 1944 г. только 3—4 %, а в 1945 г. — 3,3 % колхозов имели правильные севообороты [9]. Все это повлияло на урожайность и валовые сборы сельскохозяйственных культур, и, прежде всего, зерновых, посевы которых занимали в исследуемый период более 75 % посевной площади колхозов [10]. В результате валовой сбор зерна сократился к концу войны в два раза [11]. В несколько лучшем положении находилось животноводство. Уменьшилось поголовье лошадей и свиней, однако крупного рогатого скота, овец, коз, птицы стало больше [12]. Значительно увеличились денежные доходы колхозов. Появились даже хозяйства с денежным доходом, превышавшим миллион рублей. В 1943 г. насчитывалось 14 колхозов-миллионеров [13]. Но при этом надо принимать во внимание, что фактическая стоимость денег за годы войны резко уменьшилась.

Некоторые сельскохозяйственные артели в условиях военного времени продолжали успешно развивать свое общественное хозяйство. В колхозе «Заря» Ачитского района в два раза расширились посевные площади, увеличилась урожайность зерновых и в 1943 г. государству сдано в 6 раз больше продукции, чем в 1939 г. В колхозе велось большое строительство: вступили в строй механическая и бондарная мастерские, телятник, засолочный пункт, электростанция [14].

Однако большинство сельскохозяйственных артелей находилось в тяжелом положении. В колхозе им. Карла Маркса Пышминского района нарушились севообороты, сократилась посевная площадь, часть пахотной земли оказалась заброшенной и заросла кустарником. Более чем в два раза сократилась урожайность зерновых, кормов не хватало. В 1944 г. на свиноферме осталось 5 свиноматок. Все жилые производственные

помещения нуждались в ремонте. Полы скотных дворов, крыши, внутренние перегородки прогнили, купить стройматериалы было не на что [15]. В колхозе им. Сталина Невьянского района остались почти одни женщины. В 1942 г. на одного трудоспособного там производилось 70 га облагаемой площади. Закрепленное количество земли колхоз освоить не смог и имел большую задолженность по всем видам натуральных поставок [16].

Ослабление экономики существенно отразилось на фондах распределения в колхозах. Удельный вес доли распределения в валовых сборах и денежных доходах уменьшился. Если в 1940 г. количество зерновых, выделяемых для распределения по трудодням, составило 15,5 % валового сбора, то в 1945 г. — 12,9 %; количество денег, выделяемых для этой же цели, составило соответственно 32,9 — 29,1 % денежного дохода колхозов. В связи с ростом денежных доходов колхозов денег для распределения выделялось больше, чем до войны, а вот зерновых — значительно меньше. В 1945 г. зерновых для распределения было выделено на 58,9 % меньше, чем в 1940 г. [17].

Доходы колхозников от общественного хозяйства зависели от экономического состояния колхозов и степени участия в колхозном производстве. Интенсификация труда колхозников Среднего Урала значительно возросла, выработка трудодней на одного трудоспособного увеличилась с 298 в 1940 г. до 359 в 1945 г. [18]. Однако вследствие уменьшения фондов распределения в колхозах, выдача по трудодням сократилась [19].

Правда, выдача денег на трудодни несколько увеличилась, но это не могло возместить уменьшения поступления зерновых. Выдача зерновых из общественного хозяйства сократилась в несколько раз. В 1940 г., в среднем по области, на трудодень было выдано 1,95 кг зерновых, а в 1943-м — только 0,41 кг. В 1944–1945 гг. положение в сельском хозяйстве несколько улучшилось, в результате зерновых стали выдавать больше.

В оплате труда колхозников наблюдалась значительная дифференциация. Были колхозы с более высокой оплатой трудодня. В 1944 г. 15,8 % колхозов определяли к выдаче на трудодень более 1 кг зерновых, а один колхоз — более 2 кг. Одновременно 15,1 % колхозов определили к выдаче на трудодень менее 300 г зерновых [20]. При этом надо иметь в виду, что часто продукты и деньги, определенные к выдаче, выдавались не

полностью и сельскохозяйственные артели имели большую задолженность по расчетам с колхозниками. За годы войны количество таких колхозов значительно увеличилось. Если в 1940 г. 11,1 % сельскохозяйственных артелей должны были колхозникам по натуральным расчетам, то в 1945 г. — 30,5 % [21]. На 1 января 1945 г. колхозы должны были только зерновых 192,8 тыс. колхозников [22].

Некоторые сельскохозяйственные артели совсем не оплачивали трудодни. В 1943 г. из 2 181 колхоза области 4 не выдавали на трудодни зерновые и бобовые, а 99 — деньги [23]. Что же касается другой сельскохозяйственной продукции, то ее распределяло весьма незначительное количество колхозов [24].

В последний год войны уменьшилось число коллективных хозяйств, выдавших по трудодням картофель и овощи; мяса и молока стали распределять больше. Увеличение выдачи мяса и молока связано с успехами, достигнутыми колхозниками Среднего Урала в развитии животноводства. В 1945 г. Свердловская область была признана победителем во Всесоюзном социалистическом соревновании за подъем животноводства и награждена переходящим Красным знаменем ГКО [25].

Важным фактором материального стимулирования членов коллективных хозяйств была дополнительная оплата труда за повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства. Наибольшее распространение она получила в 1944–1945 гг. В 1945-м, дополнительную оплату начислили 74,1 % колхозов области [26]. Колхозники получили 12 200 ц зерна, 13 500 ц картофеля, 6 600 ц овощей, другие сельскохозяйственные продукты (мед, яйцо, молоко, мясо) и 84 тыс. рублей. В 1361 колхозе начислили дополнительную оплату молодняком животных. К выдаче было определено 4 632 поросенка, 2 716 телят, 5 563 ягненка, 1 108 голов птицы. В качестве дополнительной оплаты колхозники получили значительное количество продуктов. В 1945 г. на одного члена сельскохозяйственной артели, получившего дополнительную оплату труда, приходилось в среднем 96 кг зерновых, 105 кг картофеля, 52 кг овощей, 6,6 руб. денег, 0,37 поросенка, 0,44 ягненка и т. д. [27].

В колхозе «Объединение» Красноуфимского района комсомольско-молодежное звено Любы Петровой в составе 10 человек по дополнительной оплате получило в 1945 г. 400 ц карто-

феля, 340 ц капусты, 135 ц моркови [28]. Всего за 1941—1945 гг. дополнительную оплату получили 65 тыс. свердловских колхозников. Применялась в сельскохозяйственных артелях и такая мера материального стимулирования, как начисление трудодней за хорошую работу, однако, явно недостаточно. Трудодней больше вычитали, чем начисляли. В 1945 г. 80 колхозов начислили 15 тыс. трудодней, а 297 колхозов вычли 52 тыс. трудодней [29].

Сильное влияние оказала война и на личное подсобное хозяйство. В тяжелом положении оказалось животноводство колхозников. Поголовье личного скота сократилось с 448,8 тыс. голов в 1940 г. до 310 тыс. в 1945 г. [30]. Основной причиной сокращений поголовья являлась необеспеченность кормами. Колхозы не могли выполнять Устав сельскохозяйственной артели выдавать по возможности корма для личного скота в счет трудодней. Кормов не хватало и для общественного скота, своих же посевов кормовых культур у колхозников было мало, и они не обеспечивали потребности животноводства. Наиболее значительно сократилось поголовье скота в 1941—1943 гг. Учитывая сложившееся положение, исполком облсовета и обком ВКП (б) привяли в марте 1942 г. Постановление «О мерах сохранения молодняка и увеличении поголовья скота в колхозах» [31]. Постановление обязывало райсоветы и райкомы ВКП (б) организовать помощь колхозникам в приобретении телок путем закупки их через колхозы. Принимались меры и по улучшению кормовой базы индивидуального животноводства. Постановление СНК и ЦК ВКП (б) от 13 апреля 1943 г. «О мерах увеличения поголовья скота в колхозах и совхозах и повышения его продуктивности» обязывало облисполкомы оказывать колхозникам помощь в обзаведении скотом и предоставлять для личного скота пастбищные участки [32].

Положительное влияние на индивидуальное животноводство оказало уменьшение контрактации скота. Если в 1940 г. для укрупнения колхозных животноводческих ферм у индивидуальных владельцев было куплено 38,9 тыс. голов скота, то в 1945 г. — всего 17,7 тыс. [33]. Увеличилась выдача колхозникам молодняка в качестве дополнительной оплаты труда. В 1943 г. по дополнительной оплате труда было видано 948 голов, а в 1945 г. — 12 970 голов молодняка [34]. Значительное количество скота продавалось членам сельскохозяйственных артелей с животно-

водческих ферм. За 1941—1945 гг. колхозникам было продано 311,7 тыс. голов окота [35]. В результате существенно изменилась численность колхозных дворов, не имевших скота.

Так, если в среднем по СССР численность хозяйств без скота увеличилась, то на Среднем Урале, наоборот, — уменьшилась [36]. Значительно меньше было в области бескоровных дворов, наличие же коровы в хозяйстве существенно улучшало питание крестьянской семьи. Из числа дворов, имевших коров, абсолютное большинство держало одну. В 1945 г. 98,1 % хозяйств имели одну корову, 1,8 — две, 0,01 % — три, а 0,09 % хозяйств держали одну корову совместного пользования [37].

В 1941—1945 гг. численность скота колхозников значительно сократилась. На 1 января 1946 г. поголовье крупного рогатого скота колхозников в СССР составило от уровня 1940 г. 93 %, овец и коз 57, свиней — 38 %, а в Свердловской области соответственно 98,2; 58,4; 28,9 % [38]. Из отдельных видов скота наибольшему сокращению подверглось стадо свиней, для которых требовались наиболее дефицитные в условиях войны корма — картофель и концентраты [39].

Уменьшилась численность крупного рогатого скота, овец и коз в личном пользовании колхозников. Значительно ухудшилась обеспеченность хозяйств колхозников овцами и свиньями, а обеспеченность крупным рогатым скотом, несмотря на сокращение его численности, несколько улучшилось. Улучшение обеспеченности крупным рогатым скотом при уменьшении его численности связано с сокращением на Среднем Урале числа колхозных дворов [40].

В период Великой Отечественной войны усилилась заинтересованность крестьянства в приусадебных участках. На 70 % сократилось по области число хозяйств, которые не имели посевов. Тем не менее посевная площадь приусадебных участков увеличилась весьма незначительно и была меньшей, чем в среднем по стране. В СССР площадь посева в среднем на колхозный двор увеличилась с 0,24 до 0,28 га, а на Среднем Урале — с 0,14 до 0,15 га. В 1940 г. посевы колхозников занимали 1,8 % посевной площади Свердловской области», а в 1945 г. — 1,9 % [41]. Происходит изменение и в структуре посевов: возрастает удельный вес картофеля, уменьшаются посевы технических культур, увеличиваются посевы зерновых.

Структура посевов колхозников на Среднем Урале имеет свои особенности, Главная из них — большой удельный вес

картофеля и овощей, посевы которых составляли 96–98 % посевной площади на приусадебном участке. В СССР удельный вес картофеля и овощей значительно ниже: в 1944–1945 гг. они занимали 62 % посевной площади, а 31 % составляли зерновые. Весьма незначительную часть огородов у свердловских колхозников занимали посевы технических культур. В 1944 г., по стране в целом, они составили менее 7 % всей площади посевов на приусадебных участках, а на Среднем Урале — только 2,5 % [42].

В 1930-е гг. на Среднем Урале начали распространяться плодово-ягодные насаждения, в основном в южных и юго-восточных районах — Арамилском, Белоярском, Каменском [43]. В 1945 г. 11 544 хозяйства колхозников имела 20,7 га земляники, малины, клубники и 10 870 фруктовых деревьев, в основном яблонь. Урожайность фруктовых деревьев была низкой, только 12 % деревьев давали хороший урожай [44].

Представляется нужным выяснить и размеры поступлений продуктов от личного подсобного хозяйства колхозников в Свердловской области. Поступление картофеля, овощей, молока от личного подсобного хозяйства в период Великой Отечественной войны значительно увеличилось, а мяса и яиц резко упало. Личное подсобное хозяйство было единственным поставщиком картофеля, мяса, молока, яиц и почти единственным — овощей. Только зерновыми общественное хозяйство обеспечивало потребности членов сельскохозяйственных артелей более чем наполовину [45].

Посевы зерновых на огородах колхозников несколько увеличились, однако они давали менее одного процента прихода [46]. Это обусловило одну из особенностей материального положения колхозников Свердловской области. На Среднем Урале крестьяне получали от личного подсобного хозяйства картофеля, мяса, молока, яиц больше, чем в среднем по Советскому Союзу, но значительно меньше получали зерновых. Если в 1944 г. в СССР на душу населения было получено с приусадебного участка 30,04 кг зерновых, то в Свердловской области — только 0,9 кг [47].

Зависимость крестьянства от личного подсобного хозяйства усилилась связью с рынком. Колхозники сильно нуждались в хлебе, кроме того, нужны были промышленные товары и деньги для уплаты налогов и сборов. Поэтому, не имея избытков

сельскохозяйственной продукция, они все равно были вынуждены везти часть продуктов на рынок. Даже в наиболее тяжелом для сельского хозяйства 1943 г. колхозники продали и обменяли приблизительно 9 % прихода картофеля, столько же овощей и 2 % прихода молока [48]. С первых месяцев войны цены на колхозных рынках стали быстро расти и увеличились на ряд продуктов в 15–19 раз [49]. Резко выросли рыночные цены на Среднем Урале. Если в 1942 г. государственная цена килограмма говядины составляла 10–12 руб., литр молока — 2–2,2 руб., то их рыночная цена была во много раз выше.

Так, в 1942 г. на рынке 1 л молока стоит 67 руб., 1 кг картофеля — 9 руб., а в 1943-м соответственно 53, 81, в 1944-м — 27, 6 руб. [50]. В городах чувствовалась острая нехватка продовольствия, и продажа продуктов на рынках всячески поощрялась. В феврале 1942 г. в пригородных поездах были даже выделены специальные вагоны для колхозников и единоличников, едущих на рынок с продуктами [51]. В 1943 г. цены на продукты повысились еще больше, но продажа их на рынках не увеличилась, а, наоборот, уменьшилась. Быстрый рост цен делал невыгодной продажу, и колхозники предпочитали обмен. Бюджеты за 1941–1942 гг. не содержат графы «отдано в обмен», но за 1943–1945 гг. показывают, что значительная, а в 1943 г. основная часть продуктов не продавалась, а обменивалась.

Сокращение продажи продуктов не уменьшило доходов колхозников. Если в 1940 г. годовой доход крестьянской семьи составлял в среднем 3 017 руб., то в 1943 г. — 5 945 руб., т.е. увеличился на 49,2 [52]. В 1944–1945 гг. в связи со снижением рыночных цен доходы колхозников несколько уменьшились, однако они все равно намного превосходили довоенный уровень [53].

Говоря об увеличении денежных доходов, необходимо учитывать тот факт, что в условиях военного времени их рост вовсе не означал улучшения материального положения крестьянства. Параллельно с ростом доходов увеличивались и налоги, а промышленные товары колхозники приобретали в основном на рынке по сильно возросшим ценам. Более половины денежного дохода в бюджете крестьянской семьи приходилось на продажу продуктов и скота в плату за обязательные поставки. Значительную часть денежных поступлений давала работа по найму. В 1940 г. за работу по найму крестьянская семья полу-

чила 12,7 % денежных доходов, в 1943 г. — 4,4, а в 1945 г. — 8,2 %. Приблизительно столько же получали колхозники и из коллективного хозяйства [54].

Таким образом, совершенно очевидно, что в натуральных и денежных доходах колхозников решающую роль играло личное подсобное хозяйство. На наш взгляд, И. М. Волков совершенно справедливо указывает, имея в виду военные и послевоенные годы, что «подсобное хозяйство в тех условиях было своеобразной компенсацией недостаточной материальной заинтересованности в развитии общественного хозяйства в колхозах» [55].

Часть получаемой из подсобного хозяйства продукции — зерновые, картофель, мясо, молоко, яйца, шерсть, брынзу, кожсырье — колхозники сдавали государству. К сдаче зерна привлекались хозяйства, имевшие посевы зерновых, молоко сдавали хозяйства, имевшие коров, шерсть — владельцы овец и коз; брынзу — при наличии овцематок. Заготовки мяса, яиц, кожсырья проводились независимо от наличия скота и птицы [56]. Хозяйствам нетрудоспособных, инвалидам войны и труда, военнотруженикам предоставлялись льготы. Заготовки проводились по установленным для области нормам. По Свердловской области нормы сдачи составляли: картофеля — 15 ц с га посева, шерсти — 400 г с овцы и 160 г с козы, брынзы — 750 г с овцематки, яиц — 100 штук с хозяйства в год и т.д. Колхозники сдавали по 0,5 шкуры свиньи, овцы и козы с хозяйства, а шкуры крупного рогатого скота должны были обязательно продаваться заготовительным организациям [57].

Хозяйства отчисляли в счет обязательных поставок небольшую часть своей продукции, но вследствие тяжелого материального положения большинства семей взимание натурального налога проходило с большими затруднениями [58]. В 1942 г. план обязательных поставок по всем видам заготовок был выполнен только на 60–80 % [59]. В то же время некоторые хозяйства имели возможность не только полностью рассчитываться с государством, но и сдавать продукты авансом в счет будущего года. В 1942 г. 34 233 хозяйства не выполняли обязательства по мясopоставкам, их недоимки составили 6 841 ц. Переплата по мясopоставкам за этот же год составила 2 603 ц, и было сдано авансом в счет 1943 г. еще 1 984 ц мяса [60].

Сдаваемая продукция оплачивалась по заготовительным ценам, которые практически не изменялись с начала 1930-х гг.

Заготовительная цена картофеля в 1931 г. по Уральской области была 4 руб., ржи — 5,2 руб. за центнер [61]. В 1943 г. заготовительная цена картофеля осталась неизменной, а ржи составляла 4,6—6,7 руб. за центнер в зависимости от района области [62]. Несколько выше были закупочные цены, но и они намного уступали ценам колхозного рынка [63]. Денежная оплата за сданные по обязательным поставкам и контрактации продукты не достигала и 1 % в денежном приходе в бюджете колхозников, что снижало их заинтересованность в выполнении заготовок.

Напряженной была денежная часть бюджета. Значительная часть денег уходила на оплату налогов и платежей. Колхозники выплачивали сельскохозяйственный налог, самообложение, культсбор, страховку, стоимость облигаций государственных займов.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 декабря 1941 г. с 1942 г. вводился военный налог [64]. Средняя ставка военного налога на одного члена хозяйства составляла по Свердловской области в 1943 г. 530 руб., а в 1944 г. 600 руб. [65]. Исполком облсовета установил годовые ставки в зависимости от группы, к которой относились районы по уровню условной доходности. Ставка военного налога для колхозников разных районов была неодинаковой, в 1943 г. она колебалась в пределах 450—600 руб. [66]. В 1943 г. в связи с ростом доходов колхозников был приблизительно в пять раз увеличен сельскохозяйственный налог. В 1942 г. по области он составлял в среднем на одно хозяйство 74 руб., а в 1943 г. — 377 руб. [67]. Таким образом, за годы войны платежи и сборы с хозяйств колхозников значительно увеличились. В 1940 г. они составляли 7,5 % дохода колхозников, а в 1945 г. — 21,1 % [68].

Уменьшение поступления продуктов ощутило ухудшило питание сельского населения. Личное потребление колхозников в СССР снизилось в 1943 г., по сравнению с 1939 г., по хлебопродуктам на 35 %, мясу и салу на 68 %. По картофелю оно увеличилось на 109 %, овощам на 24 %. Потребление молочных продуктов осталось на довоенном уровне [69]. Ухудшилось питание крестьян и на Урале [70].

С 1942 г. уменьшается потребление хлеба, мяса, масла, жиров, кондитерских изделий, рыбы. Большой редкостью были для крестьян фрукты, на одно наличное лицо в год приходилось в сред-

нем 1,5–2,0 кг фруктов и ягод [71]. Ухудшение питания продолжалось и в 1943–1944 гг., сократилось поступление продовольственных товаров промышленного изготовления. Колхозники могли приобрести продовольственные и промышленные товары только через торговую сеть потребительской кооперации, так как к концу апреля 1942 г. во всех городах и поселках была введена карточная система снабжения [72]. Однако розничная торговая сеть свердловского облпотребсоюза значительно сократилась: в 1940 г. насчитывалось 2 066 розничных торговых предприятий, а в 1945 г. — 1 494 [73]. В несколько раз сократились рыночные фонды таких продовольственных товаров, как сахар, соль, кондитерские изделия, крупа. Тем не менее, объем розничного товарооборота продовольственных товаров не уменьшился, а даже увеличился, что было связано с увеличением доходов от продажи водки. В 1940 г. удельный вес водки и ликероводочных изделий составлял 18,4 % в структуре розничного товарооборота продовольственных товаров, а в 1945 г. — 52,7 % [74].

Особенно напряженным в 1941–1945 гг. было положение с сахаром. Большинство вырабатывающих его предприятий находилось на территории, оккупированной в первый период войны. В 1940 г. расположенные на этой территории заводы дали 67 % всего сахара, выпущенного нашей промышленностью [75]. На 2 августа 1941 г. в 12 районах области не было ни одного грамма сахара, его потребление уменьшилось в десятки раз [76]. По данным бюджетов, в 1943 г. колхозники потребляли сахара в 33 раза меньше, по сравнению с 1940 г. [77].

Основным продуктом питания крестьянства в годы Великой Отечественной войны были картофель и овощи. Больше стали потреблять и молочных продуктов. В 1945 г. происходит некоторое увеличение потребления жиров, масла, соли, сахара и, главное, хлеба. Одновременно почти прекратилась продажа колхозникам промышленных товаров. Фонды потребления уменьшились в несколько раз, к тому же при продаже промтоваров преимущество отдавалось учителям, специалистам сельского хозяйства, эвакуированным [78].

Основным местом приобретения промтоваров стал для крестьянина колхозный рынок. В СССР доля колхозной торговли в общем объеме розничного товарооборота увеличилась с 14 % в 1940-м до 46 % в 1945 г. [79]. В 1940 г. колхозники купили у граждан 28,9 % обуви, 7,8 % ткани, а в 1943 г. соответственно

74,4 и 90,1 %. Значительная часть промтоваров не покупалась, а обменивались на рынке. В том же 1943 г. из приобретенных у граждан промтоваров 68 % обуви и 85 % ткани было получено путем обмена [80].

Часть товаров покупалась колхозниками на рынках в порядке встречной торговли. Была организована встречная торговля и в Свердловской области. 2 февраля 1942 г. на колхозном рынке Нижнего Тагила были в продаже соль, мыло, керосин и другие товары. В этот день было продано 30 т сельскохозяйственных продуктов, а за весь предшествующий месяц — только 2 т. 8 февраля 1942 г. в Свердловске в результате встречной торговли крестьяне продали 60 т продуктов и закупили в магазинах промторга товаров на 82 тыс. руб. Все же приобрести промтовары было сложно. Приобретение ткани в 1945 г. уменьшилось, по сравнению с 1940 г., приблизительно в 8,7 раза, обуви — 1,9 раза. Чтобы частично решить проблему обуви, в области было организовано производство лаптей. В 1945 г. было выпущено 127,7 тыс. пар лаптей. Не хватало одежды, обуви и детям. В 1943/44 уч. г. по этой причине из школ области выбыло 0,8 % учащихся [81].

Из всего сказанного можно сделать вывод, что Великая Отечественная война оказала заметное влияние на положение крестьянства. Увеличилась заинтересованность колхозников в личном подсобном хозяйстве, которое было основным поставщиком сельскохозяйственной продукции. В то же время колхозники почти не выращивали зерновых. А поступление их из общественного хозяйства сократилось в несколько раз. Это сказывалось на структуре питания: крестьяне на Среднем Урале потребляли больше, чем в среднем по СССР, картофеля, овощей, молока, но меньше хлеба. Питание колхозников ухудшилось в 1942 г. и продолжало ухудшаться в 1943—1944 гг.; только в 1945 г. наступил перелом. Значительно уменьшилась в сельской местности и продажа промышленных товаров. Основную часть промтоваров колхозники приобретали на рынке, причем часто не покупали, а обменивали их на продукты.

Большая часть денег и продуктов поступала от личного подсобного хозяйства, и именно от его состояния зависело материальное положение колхозников. Поэтому величайшим проявлением патриотизма советского крестьянства является тот факт, что в этих условиях большую часть рабочего времени колхозники трудились не в личном, а в общественном хозяйстве.

Примечания

1. Анисков В.Т. Подвиг советского крестьянства в Великой Отечественной войне : Историограф. очерк. — М., 1979. — С. 120—121; Чинчиков А. М. Историография трудового подвига советского крестьянства (1941—1976). — Саратов, 1977. — С. 37.

2. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. — М., 1970; Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР. — Саратов, 1967.

3. Зима В.Ф. Забота парт. орг. об общественном хоз-ве колхозов — основном источнике материального обеспечения тружеников села в годы Великой Отечественной войны // Социально-полит. и эконом. развитие советской деревни. Вып. 1. — Ярославль, 1876. — С. — 107—111; Он же. Некоторые вопр. организации бытового обслуживания колхозного крестьянства в годы Великой Отечественной войны (на материалах ярославской областной парторг.) // Социально-полит. и эконом. развитие советской деревни. Вып. 2. — Ярославль, 1878. — С. 70—78; Он же. О роли личного подсобного хозяйства в материальном обеспечении колхозного крестьянства (по материалам парторг. Центрального Нечерноземья, 1941—1945) // Социально-полит. и эконом. развитие советской деревни. Вып. 3. Ярославль, 1879. — С. 48—53.

4. Мухаметдинов Г.Р. Патриотическая помощь колхозного крестьянства Башкирии фронту // Из истории сельского хоз-ва Башкирии. — Уфа, 1978. — С. 115—124; Половников В.М. Колхозная деревня Западного Урала в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942) // Учен. зап. Перм. ун-та. — № 151. — 1966. — С. 165—181; Толмачева Р. П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946—1950). — Томск, 1979.

5. Подсчитано по : Народное хоз-во Свердл. обл. и г. Свердловска : Ст. сб. — Свердловск, 1962. — С. 129; ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 874, л. 1.

6. Подсчитано по : ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 324, д. 679, л. 28; ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 874, л. 48.

7. Подсчитано по : ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 891, л. 71, 72; Д. 898, л. 3; Д. 905, л. 52.

8. Подсчитано по : ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 324, д. 679, л. 34.

9. Подсчитано по : ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 893, л. 1, 3; Д. 896, л. 1, 27.

10. ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 904, л. 15; Д. 1303, л. 20, 21.

11. Подсчитано по : Арутюнян Ю.В. Указ. соч. С. 421—428; Народное хоз-во Свердл. обл. и г. Свердловска. — С. 85.

12. ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 881, л. 20, 21; Д. 884, л. 8; Д. 909, л. 18, 19.

13. Там же. — Д. 891, л. 27; Д. 905, л. 19, 20..

14. Шелест П. Колхоз в годы войны. — Свердловск, 1945. — С. 7, 8; Эйхфельд И.Г. Колхоз, работающий по-военному // Колхозное производство. — 1944. — № 1. — С. 6, 7.

15. Крылова З., Фунтов А. Колхоз им. Калинина. Год рождения 1918. — Свердловск, 1967. — С. 36, 37.

16. ГАСО. Ф. 1824, оп. 1, д. 1017, л. 2.

17. Подсчитано по: Арутюнян Ю.В. Указ. соч. — С. 431; Народное хоз-во Свердл. обл. и г. Свердловска. — С. 85, 129; ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 974, л. 2,3; Д. 899, л. 2,3; Д. 905, л. 19,20.
18. ЦГАНХ СССР. Ф. 7486, оп. 7, л. 313, л. 46, 47.
19. ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 905, л. 23; Ф. 1824, оп. 1, д. 1207, л. 18.
20. Подсчитано по: ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 893, л. 1, 11, 12.
21. Подсчитано по: ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 874, л. 15, 17; Д. 898, л. 21, 22.
22. ЦГАНХ СССР. Ф. 7486, оп. 1, д. 891, л. 27, 28.
23. ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 891, л. 27, 28.
24. ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 874, л. 13, 15, 17; Д. 891, л. 27, 28.
25. Там же. — Ф. 1824, оп. 1, д. 1350, л. 4.
26. Там же. — Ф. 1813, оп. 1, д. 905, л. 12.
27. ЦГАНХ СССР. Ф. 7486, оп. 7, д. 323, л. 34, 435; ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 898, л. 17, 18; Д. 905, л. 13.
28. ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 905, л. 12.
29. Там же. — Д. 898, л. 7, 15.
30. Народное хоз-во Свердл. обл. и г. Свердловска. — С. 90; ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 909, л. 18, 19; Ф. 1824, оп. 1, д. 1350, л. 82.
31. Урал. рабочий. — 1942. — 30 марта.
32. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйств. вопр. Т. 2. — М., 1957. — С. 763.
33. ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 874, л. 13; Д. 909, л. 27.
34. Там же, — Д. 891, л. 3; Д. 898, л. 17, 18.
35. Подсчитано по : ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 874, л. 20; Д. 886. Л.41.
36. Там же.
37. Там же. — Д. 909, л. 26.
38. Подсчитано по : Народное хоз-во Свердл. обл. и г. Свердловска. — С. 90; ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 909, л. 18, 19; Ф. 1824, оп. 1, д. 1350, л. 82.
39. ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 886, л. 45; Д. 891, л. 1,7; Д. 893, л. 1; Д. 895, л. 11—13.
40. Численность колхозных дворов в Свердловской области уменьшилась в 1945 г. на 9,3 % по сравнению с 1940 г. — ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 905, л. 10.
41. Подсчитано по: Народное хозяйство Свердловской области и г. Свердловска. С. 54; ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 886, л. 45; Д. 891, л. 1,7; Д. 893, л. 1; Д. 1303, л. 20—31.
42. Арутюнян Ю. В. Указ соч. С. 349.
43. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 324, д. 209, л. 308.
44. ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 900, л. 7.
45. Подсчитано по : ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 513, л. 62, 73.
46. ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 886, л. 45; Д. 891, л. 1, 7; Д. 893, л. 1; Д. 895, л. 11—13.
47. Данные о приходе продукции от личного подсобного хоз-ва содержатся в монографии В. Б. Островского. — См. : Островский В.Б. Советское крестьянство... — С. 80.
48. Подсчитано по : ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 515, л. 73, 77.
49. История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 10. — М., 1973. — С. 87—89.

50. Подсчитано по : ГАСО. Ф. 1817, оп. 1, д. 1558, л. 35, 37.
51. Урал. рабочий. — 1942. — 14 февр.
52. Подсчитано по : ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 457, л. 83; Д. 515, л. 69, 96.
53. ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 457, л. 58, 83; Д. 513, л. 67, 74; Д. 515, л. 69, 96; Д. 516, л. 73, 89.
54. Подсчитано по : ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 457, л. 83; Д. 517, л. 74, 99.
55. Волков И. М. Трудовой подвиг колхозного крестьянства в послевоенные годы : Колхозы СССР в 1946—1950 годах. — М., 1972. С. 269.
56. Важнейшие решения по сельскому хоз-ву за 1936—1946 гг. — М., 1948. — С. 589; ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 305, л. 101.
57. Сб. постановлений ЦК ВКП (б) и СНК СССР по вопр. заготовок и закупок с.-х. продуктов. — М., 1941. — С. 23, 24, 57, 72—75, 82, 85.
58. Подсчитано по : ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 457, л. 66, 77, 97; Д. 513, л. 60, 61, 85, 86; Д. 514, л. 68, 69, 86, 87; Д. 515, л. 77, 78, 87, 89; Д. 516, л. 81, 82, 95.
59. ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 294, л. 13; Д. 296, л. 30, 40—43 50—52, 63, 70.
60. Там же. — Д. 296, л. 3, 22, 24.
61. Народное хоз-во СССР : Стат. справочник. — М.; Л., 1932. — С. 352—357.
62. ГАСО. Ф. 1817, оп. 1, д. 1528, л. 99, 102.
63. Закупочная цена картофеля составляла в 1942 г. 12 руб. за ц, молока — 48—65 коп. за л. — Там же.
64. Ведомости Верховного Совета СССР. — 1942. — № 2.
65. Сб. постановлений и распоряжений правительства РСФСР. — 1943. — № 1; 1944. — № 3.
66. ГАСО. Ф. 1817, оп. 1, д. 1499, л. 74.
67. Там же. — Д. 1500, л. 122.
68. Подсчитано по : ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 497, л. 58, 83; Д. 517, л. 74, 99.
69. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — М., 1977. — С. 556.
70. Подсчитано по : ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 457, л. 62, 63, 66, 77, 97; Д. 513, л. 56, 57, 60, 61, 85, 86; Д. 514, л. 57, 64, 68, 69, 86, 87; Д. 515, л. 73, 74, 77, 78, 87, 89; Д. 516, л. 77, 78, 81, 82, 95.
71. Подсчитано по : ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 513, л. 60, 61, 85, 86; Д. 516, л. 11, 43; Д. 517, л. 9, 44.
72. Советская экономика в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). — М., 1970. — С. 393.
73. ГАСО. Ф. 282, оп. 2, д. 800, л. 247.
74. Подсчитано по : ГАСО. Ф. 282, оп. 2, д. 766, л. 48. Повышение удельного веса водки в структуре розничного товарооборота связано с изменением индекса розничных цен на алкогольные напитки. Что же касается потребления водки, то бюджеты колхозников показывают, что оно сократилось приблизительно в три раза. Подсчитано по : ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 476, л. 66, 77; Д. 517, л. 85, 94.
75. Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. — М., 1968. — С. 14.
76. ГАСО. Ф. 282, оп. 2, д. 786, л. 18.
77. Подсчитано по : ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 457, л. 24—27, 66, 67; Д. 515, л. 2, 3, 34, 35, 77, 87.

78. Подсчитано по : ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 457, л. 23, 28, 66, 77, 97; Д. 513, л. 5, 33, 60, 61, 85, 86; Д. 514, л. 5, 32, 68, 69, 86, 87; Д. 515, л. 4, 6, 77, 78, 87, 89; Д. 516, л. 5, 6, 81, 82, 95; Д. 517, л. 3, 4, 38, 81, 92.

79. Достижения советской власти за 40 лет в цифрах : Стат. сб. — М., 1957. — С. 338.

80. Подсчитано по: ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 457, л. 64—74; Д. 515, л. 76, 91.

81. ЦГА РСФСР. Ф. 327, оп. 2, д. 51, л. 102; Урал. рабочий. — 1942. — 10 февр.

Личное подсобное хозяйство колхозников Среднего Урала в 1946—1958 гг. (по материалам бюджетных обследований)*

В Конституции СССР 1936 г. было зафиксировано право колхозника иметь свое подсобное хозяйство, а его размеры регламентировались Уставом сельскохозяйственной артели [1]. В соответствии с установленными нормами площадь посевов колхозников равнялась в 1940 г. 20,1 тыс. га [1,8 % посевов в области), что составляло 0,14 га в среднем на двор [2]. На Среднем Урале колхозники использовали землю в основном под огороды, хотя со второй половины 1930-х гг. здесь распространяются и плодово-ягодные насаждения. Важное место в экономике колхозного двора занимало животноводство — коров, овец и коз у крестьян было намного больше, чем у колхозов. Подсобное хозяйство обеспечивало колхозников теми продуктами, которые они не получали из общественного. В 1940 г. на долю личного хозяйства приходилось 94 % всего картофеля, поступающего в семью колхозника, 70 % овощей, 91 % мяса и сала, 98 % яиц, 99 % молока [3].

В период Великой Отечественной войны в связи с продовольственными трудностями заинтересованность населения в подсобных хозяйствах еще более возросла. Однако из-за уменьшения числа колхозных дворов абсолютные размеры их натуральной продукции сократились. Снизился и удельный вес колхозников среди других производителей сельхозпродукции (в 1941 г. — 13 %, в 1945 г. — 12,8) [4].

В послевоенные годы подсобные хозяйства продолжали играть важную роль в сельскохозяйственном производстве, способствуя более полному обеспечению населения продуктами

* Ранее опубликовано в кн. : *Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни.* — Свердловск : Изд-во УНЦ АН СССР, 1988. — С. 38—54.

питания и в некоторой степени — удовлетворению потребности промышленности в сырье. В 1946 г. на их долю в области приходилось 37,4, а в 1947 г. — 34,7 % объема сельхозпродукции, удельный вес хозяйств колхозников составлял соответственно 14,5 и 11,9 [5]. Повышенная потребность в натуральной продукции приусадебных участков была вызвана крайне низкой натуроплатой трудодня в первые послевоенные годы [6].

Партия предприняла шаги, направленные на восстановление не только общественного, но и личного хозяйства. Февральский (1947 г.) Пленум ЦК в постановлении «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период» назвал одной из важнейших задач ликвидацию в течение двух-трех лет бескоровности среди колхозников. Были также приняты решения о развитии кооперативной торговли, о мероприятиях по благоустройству и улучшению работы колхозных рынков [7].

Однако в последующие годы вводились ограничения на личные подсобные хозяйства. На сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что «во многих колхозах нарушенным оказался важнейший принцип артельной формы колхозного хозяйства — правильное сочетание общественного и личного в артели при подчинении личных интересов общественным. Нарушение этого принципа, завышение норм поставок продуктов с приусадебного хозяйства, имевшиеся недостатки в налоговой политике в отношении личного хозяйства колхозников привели к сокращению поголовья коров, свиней и овец в личной собственности колхозников» [8]. На основании решений пленума была скорректирована налоговая политика в деревне. Налог стал определяться по твердой ставке с одной сотой гектара приусадебной земли, независимо от общей суммы дохода с приусадебного хозяйства. Снижалась и общая сумма налога. В 1954 г. были отменены обязательные поставки зерна, а с 1 января 1958 г. и других сельхозпродуктов хозяйствами колхозников, рабочих и служащих.

Предпринятые меры усилили заинтересованность населения в ведении приусадебного хозяйства. В послевоенные годы сократилось количество времени, затрачиваемого колхозниками на работу в общественном хозяйстве. Это было вызвано, во-первых, переходом многих из них на государственные и кооперативные предприятия с гарантированной оплатой труда и пенсионным обеспечением, а во-вторых, усилением механизации

в растениеводстве и началом внедрения ее в животноводство, что позволило существенно снизить затраты рабочего времени. Росла занятость колхозной семьи в подсобном хозяйстве. Толчком послужили решения сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. Если в 1952 г. семья колхозника была занята в подсобном хозяйстве 849 ч, то в 1953 г. — 879, в 1954 г. — 995, а в 1955 г. — 1 109 ч [9]. В результате в совокупных годовых затратах ее труда удельный вес подсобного хозяйства в среднегодовом исчислении увеличился с 17 % в 1946—1950 гг. до 22,2 в 1956—1958 гг. Эти данные показывают, что ведение подсобного хозяйства — процесс очень трудоемкий. Фактически же удельный вес этих трудовых затрат был еще выше, так как данные бюджетных обследований не учитывают реализацию продукции подсобного хозяйства, строительство хозяйственных построек и ремонт сельхозинвентаря.

Все производственные процессы, кроме вспашки приусадебных участков, производились вручную. Особенно больших затрат труда в растениеводстве требовали копка, полив, прополка и уборка огорода. Анализ показывает, что большую часть рабочего времени в подсобном хозяйстве забирало животноводство. Причем если в первое послевоенное десятилетие эти затраты труда были примерно на уровне военных лет, то к концу рассматриваемого периода в связи с развитием личного животноводства, появлением у колхозников значительного поголовья скота они заметно возросли. Очевидное преобладание доли трудовых затрат в животноводстве имело определенное положительное значение — в значительной мере была нейтрализована сезонность сельскохозяйственного труда.

Что же касается работ на огороде, лесопользования, занятий охотой и рыбалкой, то их удельный вес имел тенденцию к снижению. Постепенно сокращались кустарно-ремесленные занятия, что было связано с улучшением снабжения сельской местности промышленными товарами и развитием на селе сферы услуг. Кроме экономических, подсобное хозяйство несет и важные социальные функции. Оно способствует повышению годовой занятости сельского населения. Анализ бюджетов показывает, что значительную часть работ на приусадебных участках выполняли лица, находящиеся за пределами трудоспособного возраста. За рассматриваемый период несколько увеличился удельный вес труда пенсионеров и инва-

лидов в подсобном хозяйстве, а подростков, наоборот, сократился. При некотором повышении занятости мужчин меньше стали работать женщины. Однако, несмотря на это, большую часть работ в подсобном хозяйстве (свыше 85 %) выполняли именно женщины и престарелые колхозники. По данным бюджетов, в 1951 г. более половины рабочего времени мужчин (51 %) приходилось на лесопользование, охоту и рыбалку, 30 % времени занимал огород, 13 % — кустарно-ремесленные работы [10]. Во второй половине 1950-х гг. резко возросли затраты труда в животноводстве (треть рабочего времени). Работы по уходу за садом и огородом, за индивидуальным скотом и птицей в семьях колхозников в основном осуществлялись женщинами.

Усиление заинтересованности колхозников в развитии подсобного хозяйства выразилось не только в увеличении среднегодовых затрат рабочего времени на него, но и в росте объемов, индивидуального сельскохозяйственного производства. Особенно ощутимые сдвиги к концу 1950-х гг. произошли в животноводстве. На протяжении рассматриваемого периода условия его развития были неодинаковы. В тяжелом положении оказалось личное животноводство после начала Великой Отечественной войны. Из-за нехватки кормов в течение 1941—1943 гг. численность скота колхозников, особенно свиней, сократилась. В 1944—1945 гг. произошел некоторый рост поголовья, что было связано с уменьшением его контрактации, улучшением кормообеспечения, а также выдачей молодняка в качестве дополнительной оплаты труда. В результате абсолютная численность коров в подсобных хозяйствах в 1945 г. почти достигла довоенного уровня, а обеспеченность семей коровами с учетом сокращения численности колхозных дворов даже улучшилась. Однако в первые послевоенные годы поголовье индивидуального скота у колхозников снова стало сокращаться. Эта тенденция была характерна и для начала 50-х гг.

Численность скота сокращалась из-за трудностей с кормами и роста обязательных поставок, которыми облагалось личное подсобное хозяйство. В среднем по стране процент сдаваемого колхозниками по обязательным поставкам картофеля вырос с 2,9 % в 1944 г. до 5,3 в 1950 г., молока — с 2,8 до 5,6 %, яиц — с 13,9 до 16,6 % и т. д. В 1952 г. обязательные поставки колхозных дворов, хозяйств рабочих и служащих села составляли по мясу 23 %, по

по молоку—31 % от общего объема государственных заготовок и закупок этих продуктов в СССР [11].

Усиление налогового обложения вело к ограничению размеров личного подсобного хозяйства. Местные партийные и советские органы на Среднем Урале неоднократно ставили вопрос о негативных последствиях сокращения индивидуального животноводства. Выступая на VIII пленуме Свердловской областной партконференции (сентябрь 1952 г.), первый секретарь обкома КПСС А.М. Кутырев указывал, что «бескоровность не только уменьшает ресурсы животноводческой продукции, но и является причиной утечки кадров из колхозов» [12].

После сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС были уменьшены нормы обязательных поставок с подсобных хозяйств колхозников, списаны недоимки по обязательным поставкам животноводческой продукции [13]. Это способствовало развитию индивидуального животноводства. Увеличилось приобретение скота колхозниками, обеспеченность их семей скотом значительно улучшилась. На 1 апреля 1956 г. лишь 4,2 % крестьянских хозяйств не держали скот. Быстро сокращалось и число бескоровных дворов. По данным на 1 января 1957 г., имели коров 68,6 % колхозных дворов. Из них 67,4 % держали одну корову, 1,2 % — две, а 0,2 — одну корову совместного пользования [14]. В результате, несмотря на абсолютное сокращение в послевоенные годы личного животноводства колхозников, обеспеченность хозяйств скотом во второй половине 1950-х гг. заметно улучшилась и в 1958 г. значительно превысила довоенный уровень. Если в 1940 г. в расчете на 100 семей колхозников приходилось 72 коровы, 30 свиней, 172 овцы и козы, то в 1958 г. — соответственно 80, 54 и 182 [15].

Неуклонно повышалась и продуктивность индивидуального животноводства — настриг шерсти с овец, средняя яйценоскость кур-несушек, выход мяса на голову скота. Росли и удои молока. В расчете на фуражную корову в 1952 г. они составляли 1 397 л, в 1953 г. — 1 438, в 1954 г. — 1 500, в 1955 г. — 1 508, в 1957 г. — 1 571 л, что превышало аналогичный показатель в колхозах. Колхозники выращивали скот наиболее продуктивных видов. В 1957 г. поголовье свиней, по сравнению с 1953 г., увеличилось у них почти в семь раз, а поголовье коз (скота малопродуктивного) уменьшилось в два раза [16]. Более высокая продуктивность молочного стада в личных хозяйствах

объясняется наличием определенных преимуществ, которые имело индивидуальное животноводство в условиях слабой механизации колхозного производства. Животные находились в непосредственной близости к кормовой базе, к уходу за скотом привлекались подростки и престарелые, при кормлении животных широко использовались пищевые отбросы.

Определенные изменения на протяжении 1940—1950-х гг. происходили и в отношении колхозников к растениеводству. Во время войны потребности в его продукции возросли. За этот период в Свердловской области на 70 % сократилось число хозяйств, не имевших посевов. Однако размеры посевных площадей на приусадебных участках увеличились незначительно и были меньше, чем в среднем по стране [17]. Существенно изменилась структура посевов на огородах: возрос удельный вес картофеля и овощей, посевы технических культур сократились.

В годы войны иным стало соотношение между абсолютными размерами посевов колхозников, рабочих и служащих. Посевная площадь у первых практически не изменилась, в 1940 г. она составляла 20,1, а в 1945 г. — 20,4 тыс. га. В то же время в связи с массовым развитием огородничества посевы рабочих и служащих области выросли за эти годы с 17,7 до 49 тыс. га (т.е. в 2,8 раза). В послевоенное время посевы рабочих и служащих сокращались: в 1950 г. они занимали 46,9 тыс., а в 1953 г. — 41,5 тыс. га. У колхозников они также стали уменьшаться, но гораздо медленнее: в 1950 г. — 22,4 тыс. га, в 1951 г. — 21,3 тыс., в 1952 г. — 21,2 тыс., в 1953 г. — 20,6 тыс. га. Но поскольку численность колхозных дворов снижалась быстрее, площадь посевов в расчете на один колхозный двор за эти годы даже несколько увеличилась. В 1953 г. она составляла в Свердловской области 0,18 га [18].

В послевоенные годы несколько менялась и структура посевов на огородах (при неизменности их овощекартофельной направленности). По данным обследования посевов, в 1946 г. их площадь составляла 20 511 га, в том числе 284 га занимали зерновые культуры (в основном ячмень), 140 — лен-долгунец, 24 — конопля, 85 — махорка, 17 863 — картофель, 2 054 — овощи, 34 — кормовые корнеплоды, а 27 га — прочие культуры [19].

В 1950-е гг. в связи с ростом выдачи по трудодням и улучшением снабжения хлебом сельской местности сократились посевы зерновых, удельный вес которых составлял в хозяйствах

Свердловской области в эти годы менее 1 %, тогда как в среднем по стране они занимали у колхозников треть их посевных площадей (в 1950 г. — 33,1, в 1958 г. — 30,9 %) [20]. Одновременно еще более возрос удельный вес картофеля, но уже за счет не технических, а овощных культур. Потребность в нем особенно увеличилась во второй половине 50-х гг. в связи с ростом поголовья личного скота. Урожайность выращиваемых на огородах картофеля и других овощей была достаточно высокой. В 1957 г. она составляла соответственно 236 и 329 ц/га при средней урожайности в колхозах области 76 и 104 ц/га [21]. Более эффективное использование земли на приусадебном участке было обусловлено его близостью к дому колхозника и помещениям для скота, а также небольшими размерами, что позволяло регулярно поливать огороды и эффективно применять органические удобрения.

Повышение урожайности сельскохозяйственных культур на приусадебных участках, рост продуктивности индивидуально-го скота привели к увеличению в 50-е гг. валовой продукции личных подсобных хозяйств. В 1950 г. в Свердловской области на их долю приходилось 59,5 % производства мяса, 74,2 % молока, 81,3 % яиц, 70,8 % картофеля, 77,4 % овощей [22].

Однако закономерный рост сельского хозяйства страны в послевоенные годы, ускоренное развитие всего общественного производства вели к постепенному сокращению удельного веса личных подсобных хозяйств. К концу 50-х гг. их доля в общем сельскохозяйственном производстве страны уменьшилась и составила в 1958 г. 37,2 % [23], хотя это снижение не сопровождалось уменьшением абсолютных размеров производимой ими продукции. Аналогичные процессы происходили и в сельском хозяйстве Свердловской области. За 1945—1952 гг., несмотря на значительное сокращение колхозного населения, объем производимой ими сельхозпродукции увеличился на 4,2 %, что говорит о повышении эффективности производства в подсобных хозяйствах. Удельный же вес их продукции уменьшился за это время с 12,8 до 11,7 %.

После реализации решений сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС объем производства в подсобных хозяйствах колхозников значительно вырос, их удельный вес составил в 1954—1955 гг. соответственно 17,6 и 21,3 % от всего объема продукции сельского хозяйства Свердловской области. Рост наблюдался и в

последующие годы, однако хозяйства колхозов и совхозов развивались быстрее. В результате удельный вес продукции, производимой в хозяйствах колхозников, стал последовательно снижаться: в 1956 г. он составлял 18,7 %, в 1957 г. — 16,9 % (аналогичный показатель для личных хозяйств населения области в эти годы был равен соответственно 44,4 и 43,9 %) [24].

Весь рассматриваемый период личное подсобное хозяйство колхозников носило в основном потребительский характер. Оно обеспечивало семьи колхозников всеми натуральными продуктами, кроме зерна. В 1940—1950-е гг. свыше 90 % картофеля, мяса, сала и яиц семьи получали из подсобного хозяйства. Вместе с тем несколько снизилось поступление из него овощей и молока. Уменьшился и удельный вес самозаготовок рыбы.

Таким образом, в послевоенные годы подсобное хозяйство продолжало оставаться для колхозников основным источником поступления продуктов питания. А так как натуральные доходы семьи, несмотря на некоторые колебания по годам, имели тенденцию к росту, то соответственно улучшалось и питание колхозников. Приведенные данные показывают, что если в первые послевоенные годы улучшение в питании колхозников, по сравнению с периодом войны, было незначительным, то в следующем десятилетии потреблялось гораздо больше мяса, молока, яиц, а также хлеба и хлебопродуктов, которых в военные годы в уральской деревне остро недоставало. Улучшение рациона произошло преимущественно за счет потребления продуктов личного подсобного хозяйства.

Подсобное хозяйство играло большую роль в жизни не только колхозников, но и рабочих и служащих Свердловской области. Обследование их бюджетов за 1950 г. показало, что из своего хозяйства они получили 73 % от всего прихода картофеля, других овощей — 18, мяса и сала — 12, молока — 18, яиц — 38 %, а в 1957 г. — 74, 23, 19, 32 и 50 % соответственно [25].

В первые послевоенные годы денежные доходы колхозников несколько снизились, по сравнению с довоенными. Во время войны важнейшим их источником для колхозной семьи был рынок. После войны цены на рынке стали ниже, что привело к сокращению доходов от продажи сельхозпродукции. Что же касается денежной платы за работу в общественном хозяйстве, то она оставалась низкой. В силу объективных причин, а также из-за нарушения принципа материальной заинтересованности

большинство колхозов не могло обеспечить оплату труда на необходимом уровне. После 1953 г. денежные доходы колхозников от общественного хозяйства стали расти [26]. В 1951—1955 гг., по сравнению с 1946—1950 гг., они получали в среднем за год от колхозов и МТС в 2,4 раза, а в 1956—1958 гг. — в 6,1 раза больше денег. Данные свидетельствуют не только о поступательном росте доходов, но и об изменении их структуры. Доля общественного хозяйства в совокупном денежном доходе семьи колхозника достигла в 1958 г. 32,1 % против 8,5 — в 1946 г. [27]. Это стало возможным благодаря укреплению колхозного производства и упорядочению цен на его продукцию.

Во второй половине 1950-х гг. большую часть денежных поступлений в колхозную семью составляли доходы от общественного, а не от подсобного хозяйства. Одновременно колхозная семья меньше стала получать денег от сдачи сельхозпродукции по обязательным поставкам в связи со снижением их норм. Однако это не привело к уменьшению доходов обследуемых хозяйств, так как заготовительные цены были невелики, а сдаваемую ранее по обязательным поставкам продукцию продавали на колхозных рынках. Если в 1953 г. в среднем на одно хозяйство колхозника было продано 205 кг зерновых, картофеля — 226, других овощей — 81, мяса и сала — 15 кг, молока — 87 л, то уже в 1954 г. их продажа составила соответственно 249, 344, 120, 17 кг и 86 л. Значительная часть картофеля и молока реализовалась по заготовительным ценам через комиссионные магазины. В последующие годы продажа сельхозпродукции колхозниками возросла еще больше. В 1957 г. в среднем на хозяйство было продано 165 кг зерновых, картофеля — 573, других овощей — 83 кг, молока — 95 л, яиц — 105 шт., что составило соответственно 7,7; 13,1; 17,3; 5,4 и 25,7 % прихода этих продуктов в среднем на крестьянскую семью. При этом основная часть их (соответственно 98, 29, 94, 41 и 89 %) была продана на колхозных рынках [28]. Если в 1952 г. годовой денежный доход колхозной семьи составлял 4,6 тыс. руб., то в 1956 г. — уже 7,5 тыс., в 1957 г. — 8,0 тыс., в 1958 г. — 8,6 тыс. [29].

В целом в 50-е гг. денежные доходы колхозников росли быстрее, чем у других категорий населения. Так, за первую половину десятилетия годовой денежный доход семьи рабочего в Свердловской области увеличился с 18,9 тыс. руб. в 1950 г. до 20,5 тыс. в 1955 г. (на 8,5 %), а крестьянской семьи — с 4,2 тыс.

до 7,6 тыс. руб. (на 78,6 %). Однако отставание колхозников по этому показателю оставалось весьма значительным. В 1955 г. их семьи получили за год, в среднем, в 2,7 раза меньше денег, чем семьи рабочих [30].

Внутри отдельных хозяйств наблюдалась значительная дифференциация доходов. Так, в 1957 г. 460 обследуемых семей колхозников получали примерно по 8 тыс. руб. среднегодового дохода. В их число входили семьи с годовым доходом до 3 тыс. руб. (22,9 % обследованных хозяйств), от 3 до 6 тыс. (63,3 %), от 6 до 9 тыс. (11,5 %) и свыше 9 тыс. руб. (2,3 %). Анализ показывает, что в хозяйствах с годовым денежным доходом свыше 9 тыс. руб. основными источниками поступления денег были работа в государственных и кооперативных организациях и продажа сельхозпродукции на рынках. Денежные же поступления от колхоза и МТС составляли лишь 20 % дохода [31].

В военные и послевоенные годы доходы колхозников от общественного хозяйства не позволяли обеспечить нормальный процесс воспроизводства рабочей силы. Поэтому необходимый фонд потребления формировался и за счет личного подсобного хозяйства. В 1940—1950-е гг. оно служило важным источником денежных поступлений в колхозную семью. Что же касается натуральных поступлений, то общественное хозяйство удовлетворяло потребности в продовольственном и фуражном зерне, а также в грубых кормах для скота, а основную часть картофеля и других овощей, мяса, молока и яиц колхозники получали из своих подсобных хозяйств.

Личное подсобное хозяйство имело большое значение и в сближении уровней жизни городского и сельского населения. Зарплата рабочих на Среднем Урале в несколько раз превышала денежные доходы колхозников, однако благодаря наличию у последних индивидуальных хозяйств разрыв в потреблении основных продуктов питания между рабочими и колхозниками в 50-е годы стал уменьшаться.

Следует отметить, что в рассматриваемый период состояние личных хозяйств колхозников на Среднем Урале имело свои особенности, к которым можно отнести лучшую, чем в целом по стране, обеспеченность колхозных дворов скотом, овощекартофельную структуру посевов на огородах, высокий удельный вес денежных доходов от реализации сельхозпродукции в связи с высоким спросом на нее в промышленной области. Здесь раньше, чем в других районах страны, стало менять-

ся соотношение между различными категориями населения, имеющими подсобное хозяйство. Уже в годы Великой Отечественной войны не колхозники, а рабочие и служащие становились основными производителями продукции индивидуального сектора. В послевоенные годы эта тенденция продолжала нарастать.

Итак, в первое послевоенное десятилетие именно состояние личного подсобного хозяйства определяло уровень благосостояния колхозной семьи. Во второй половине 1950-х гг. в связи с ростом доходов от общественного хозяйства значение подсобного стало уменьшаться.

Примечания

1. Согласно этому Уставу, колхозники могли иметь в личном пользовании участок земли размерами от 0,25 до 1 га в зависимости от района. Соответственно определялось и количество скота в личном пользовании (Примерный устав сельскохозяйственной артели. — М., 1950. — С. 5–7).

2. Рассчитано по : Народное хоз-во Свердлов. обл. — Свердловск, 1962. — С. 57; ПАСО. Ф. 4, оп. 53, д. 171, л. 6.

3. Рассчитано по : ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 457, л. 62, 66, 73, 76–77, 97.

4. Рассчитано по : ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 324, д. 251, л. 24; Д. 1492, л. 26.

5. Рассчитано по : ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 324, д. 1870, л. 36; Д. 2270, л. 3.

6. Толмачева Р.П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.). — Томск, 1979. — С. 172.

7. Решения партии и правительства по хоз. вопр. (1941–1952 годы). — М., 1968. — Т. 3. — С. 350–361, 399; Правда. — 1945. — 8 июня.

8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конф. и пленумов ЦК. 8-е изд. Т. 6, — М., 1971. — С. 388–389.

9. ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 1403, л. 11–12; Д. 1916, л. 12–13; Д. 2232, л. 5; Д. 2236, л. 52.

10. Рассчитано по : ГАСО. Ф. 1813, оп. 14, д. 914, л. 21.

11. Островский В. В. Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-эконом. результаты. — Саратов, 1967. — С. 81–82.

12. ПАСО. Ф. 4, оп. 50, д. 3, л. 81.

13. Директивы КПСС и советского правительства по хоз. вопр. (1953–1957 годы). Т. 4. — М., 1958. — С. 77–80.

14. ГАСО. Ф. 1813, оп. 14, д. 2743, л. 89.

15. Рассчитано по : Народное хоз-во Свердлов. обл. Свердловск, 1962. — С. 90, 126; Народное хоз-во Свердлов. обл. — Свердловск, 1967. — С. 60–61.

16. ПАСО. Ф. 4, оп. 53, д. 171, л. 8.

17. ГАСО. Ф. 1813, оп. 14, д. 2866, л. 22.

18. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 324, д. 209, л. 105; ГАСО. Ф. 1813, оп. 1. 1303, л. 20—31.
19. ПАСО. Ф. 4, оп. 53, л. 171, л. 6.
20. ГАСО. Ф. 1813, оп. 1 д. 518, л. 18.
21. Белянов В.А. Личное подсобное хоз-во при социализме. — М., 1970. — С. 172.
22. Рассчитано по : Народное хоз-во Свердл. обл. — Свердловск, 1967. — С. 62—113.
23. Белянов В.А. Указ. соч. С. 113.
24. Рассчитано по : ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 324, д. 1492, л. 26; Д. 4174, л. 18; Д. 5188, л. 14; Д. 5540, л. 17; Д. 5841, л. 3; Д. 6134, л. 48.
25. Рассчитано по : ГАСО. Ф. 1813, оп. 14, д. 2796, л. 132, 135.
26. Толмачева Р.П. Колхозы Урала в 50-е годы. — Томск, 1981. — С. 146.
27. ГАСО. Ф. 1813, оп. 1, д. 518, л. 6—7; Оп. 14, д. 2858, л. 4—5.
28. Там же. — Оп. 14, д. 2236, л. 98, 100; Д. 2818, л. 98.
29. Там же. — Д. 2744, л. 18, 76, 103; Д. 2858, л. 4.
30. Там же. — Д. 2812, л. 97.
31. Там же. — Д. 2743, л. 32.

Деятельность профсоюзов по улучшению культурно-бытовых условий работников совхозов Урала в послевоенные годы *

Важную роль в победе социализма, в улучшении культурно-бытовых условий жизни на селе играла массовая профсоюзная организация рабочих совхозов [1]. В.И. Ленин считал, что профсоюз сельскохозяйственных рабочих «будет опорой, передовой армией переделки сельской, деревенской жизни...» [2]. Особенно возросло влияние профсоюзных организаций в совхозах после окончания Великой Отечественной войны. Война ухудшила материально-бытовое положение сельских работников, затормозила культурное развитие уральской деревни. На селе сократилась сеть учреждений культуры. Так, в Оренбургской области численность библиотек в сельской местности уменьшилась с 280 в 1940 г. до 248 в 1945 г., их книжный фонд — с 688,5 до 368,7 тыс. экз. Снизилось количество и тираж выходящих газет. В 1940 г. в области выходили 53 районные газеты тиражом 82,3 тыс. экз., а в 1945 г. — 48 тиражом 62,7 тыс. В 2,5 раза меньше стало число киноустановок, на 27 % — число учащихся в сельской школе [3].

* Ранее опубликовано в кн. : Развитие культуры уральской советской деревни. — Свердловск : Изд-во УНЦ АН СССР, 1989. — С. 76—85.

В условиях военного времени большинство учреждений культуры не ремонтировались и пришли в ветхость, многие использовались не по назначению. На пленуме Башкирского обкома работников совхозов (июль 1945 г.) отмечалось, что из 20 совхозных клубов работают лишь четыре, а остальные заняты под хозяйственные нужды. Повсеместно в них размещались конторы, начальные школы, детские сады, ясли [4]. Действующие на селе учреждения культуры не были оборудованы мебелью, за исключением самодельных лавок, в них отсутствовали музыкальные инструменты, настольные игры, помещения часто не убирались и не отапливались. Вся культурная работа в них порой сводилась лишь к танцам и карточной игре. В запущенном состоянии находилась физкультурно-массовая работа. В 1946 г. в 145 сельских профсоюзах Удмуртии насчитывалось лишь 10 организаций ДСО «Урожай» с количеством членов 150 чел. [5].

Правда, в некоторых хозяйствах удалось сохранить довоенный уровень культурно-массовой работы. Например, в совхозе «Альшевский» (БАССР) клуб был отремонтирован и оборудован, в нем регулярно проводились лекции, выступали артисты театров, работал драмкружок, регулярно демонстрировались кинофильмы [6]. Однако таких хозяйств было немного, так как война серьезно осложнила деятельность профсоюзных организаций в совхозах, ослабила их внимание к культурно-бытовым нуждам трудящихся.

После окончания Великой Отечественной войны в совхозах заметно увеличивается численность членов профсоюза, растет их удельный вес среди трудящихся. Если в 1947 г. члены профсоюза составляли 65 % работников совхозов Урала, то в 1953 г. — 81 % [7]. Одновременно происходит возрастание роли профсоюзов в решении проблем культурного уровня и бытового положения совхозного населения. На состоявшемся в марте 1949 г. Первом Всесоюзном съезде профсоюза рабочих совхозов СССР была поставлена задача усилить работу по восстановлению и строительству клубов, библиотек и красных уголков, создать при крупных обкомах профсоюзов передвижные библиотечные фонды, улучшить кинообслуживание и работу художественной самодеятельности. В решениях съезда указывалось, что каждый совхоз должен иметь благоустроенный клуб, стадион, баню, библиотеку, а каждое отделение и ферма — красный уголок и спортивную площадку [8].

В послевоенные годы материально-техническая база учреждений культуры стала постепенно укрепляться. Большое значение для повышения роли профсоюзов в культурно-бытовом строительстве сыграло постановление Президиума ВЦСПС от 29 октября 1948 г. об укрупнении профсоюзов, объединяющих рабочих и служащих сельского хозяйства [9]. Вместо 11 профсоюзов для них было создано два: профсоюз рабочих совхозов СССР и профсоюз рабочих и служащих МТС и земельных органов СССР. Объединение привело к укреплению материальной базы совхозов. В них расширялась сеть клубов, красных уголков, библиотек, увеличилось число киноустановок. В Курганской области на строительство культурно-просветительных учреждений только в 1950–1951 гг. было отпущено 800 тыс. руб. Кроме того, 150 тыс. было израсходовано на приобретение книг и 100 тыс. — на культинвентарь. В совхозах стали чаще читать лекции и доклады, проводить беседы, демонстрировать кинофильмы. В результате охват работников культурно-массовой работой возрос. Если в 1947 г. в совхозах Курганской области было прочитано 447 докладов и лекций, проведено 989 бесед и 670 киносеансов, то в 1951 г. соответственно 1 302, 4 371, 3 886 [10].

В области для ведения агитационно-массовой работы была создана агитбригада. В 1951 г. с ее помощью в совхозах было выпущено 1 068 стенных газет, 1 580 боевых листков, 900 «Молний» и «Тревог». В некоторых хозяйствах хорошо наладили лекционную пропаганду. В совхозе «Макушинский» была создана лекторская группа из 12 чел. За девять месяцев 1951 г. они прочитали 55 лекций и провели свыше 200 бесед. В совхозе было три драмкружка, в которых занималось 35 чел., духовой оркестр, радиоузел и библиотека. Многие работники (513 из 750) выписывали газеты и журналы [11]. В Оренбургской области для проведения агитработы использовали агитмашину. В 1948 г. во время уборки урожая она обслуживала 62 совхоза: лекции и беседы, с которыми выступили агитаторы, прослушали 5,4 тыс. чел. [12.]

С начала 50-х гг. рабочкомы большое внимание стали уделять созданию библиотек. В 1950 г. шло накопление книжного фонда для открытия 11 библиотек в совхозах Курганской области, 8 — в Челябинской, 7 — в Оренбургской, 3 — в Свердловской, 7 — в Башкирии и 1 — в Удмуртии. В результате в 1951 г. в совхозах Курганской области насчитывалось 23 библиотеки

против 8 в 1947 г., в них увеличилось количество книг. В некоторых совхозах были хорошие библиотеки. В библиотеке совхоза «Магнитный» (Челябинская обл.) было записано 440 читателей. В ней имелся актив в количестве 13 человек, члены которого дежурили в читальном зале и выдавали книги, а также еженедельно развозили их по отделениям. Постоянная помощь оказывалась и читателям, изучающим произведения классиков марксизма-ленинизма и «Краткий курс истории ВКП (б)» [13]. Хорошо была поставлена работа с читателями в библиотеке Свердловского овощесовхоза. Ее деятельность обсуждалась на президиуме ЦК профсоюзов рабочих СССР, который рекомендовал профсоюзным организациям широко использовать ее опыт. Однако в большинстве хозяйств книжные фонды библиотек были невелики и их читателями в основном были работники центральных усадеб [14].

Одним из направлений культурно-просветительной работы в послевоенные годы было завершение ликвидации неграмотности на селе. Во второй половине 40-х гг. количество неграмотных быстро сокращается. Если в 1947 г. в совхозах Свердловской области их насчитывалось 203 чел. и 897 малограмотных, то в 1951 г. — соответственно 97 и 389 чел. [15].

Важное значение в повышении культурного уровня деревни имело развитие физической культуры и спорта. В решениях Второго Всесоюзного съезда рабочих совхозов СССР (март 1951 г.) ставилась задача создать в каждом совхозе низовую организацию физкультуры и оборудовать спортивную площадку [16]. Активно стали развиваться физкультура и спорт в Курганской области, где в 1950 г. коллективы физкультуры были лишь в 14 хозяйствах. В 1951 г. Курганский обком профсоюза рабочих совхозов ассигновал на приобретение спорткультуринвентаря и проведение массовых спортивных мероприятий 47 тыс. руб. В совхозах «Алабугский», «Макушинский», «Петуховский» были созданы футбольные и волейбольные команды. Летом 1953 г. в области провели комбинированную эстафету, посвященную проверке готовности к уборке урожая. В эстафете приняли участие представители 173 организаций, в том числе 42 совхозов [17].

В послевоенные годы в уральской деревне был осуществлен ряд важных мероприятий, направленных на повышение культурного уровня сельских тружеников. Если до революции на

территории Свердловской области насчитывалось 313 кабаков и 153 церкви, то в 1951 г. на селе было 872 избы-читальни и клуба, 74 дворца культуры, 788 библиотек, 343 спортивных сооружения, 675 киноустановок и 111 радиоузлов. На селе работали 7,1 тыс. учителей, 2,7 тыс. специалистов сельского хозяйства, 253 врача [18].

Состояние культурно-массовой работы в совхозах Урала характеризуют произведенные расчеты. Они показывают, что в начале 1950-х гг. в каждом совхозе было проведено в среднем 98 бесед и чтот, 13 вечеров, 59 киносеансов, 4 детских утренника и спектакля. Однако в целом уровень культурно-массовой работы на селе в начале 50-х гг. еще далеко не удовлетворял потребности населения. Так, в Свердловской области примерно 25 % учреждений культуры на селе не работали. Часть помещений по-прежнему была занята под хозяйственные нужды, другие не отремонтированы и не обеспечены топливом. В большинстве клубов и изб-читален отсутствовали мебель и культинвентарь. Библиотечная сеть росла медленно, в области многие сельсоветы не имели библиотек. Большая часть сельсоветов была кинофицирована, однако в 1950 г. жители 560 населенных пунктов не имели возможности смотреть кино. Лишь 16 % колхозных дворов были оборудованы радиоточками [19].

Медленно улучшались в совхозах жилищно-бытовые условия. За годы войны серьезно обострилась проблема жилья. Большинство хозяйств на протяжении многих лет не вели нового жилищного строительства и не занимались текущим ремонтом. В то же время именно общественный фонд составлял в совхозах основную часть жилья. Все силы и средства были брошены на удовлетворение нужд производства. Поэтому сразу после окончания войны государство не имело средств для жилищного строительства на селе.

На февральском (1947 г.) Пленуме ЦК ВКП (б) было признано необходимым развернуть индивидуальное жилищное строительство, оказывая при этом застройщикам помощь материалами и транспортом. Работники совхозов, строящие свои дома, могли получить на семью двухпроцентный кредит в размере от 5 до 15 тыс. руб. сроком на 10 лет [20]. Всего за 1946–1949 гг. правительство направило на жилищно-бытовое строительство в совхозы страны свыше 120 млн руб., 30 млн руб.

было выделено за счет фондов самих хозяйств. Все это позволило в ряде совхозов успешно решать проблему жилья. Так, в зерносовхозе «Петуховский» (Курганская обл.) дирекция оказывала помощь застройщикам, выделяя им лесоматериалы, толь, железо. В 1948 г. здесь построили 19, а в 1949 г. еще 15 домов. Всего за эти годы в стране было построено 3,7 тыс. совхозных и 12,1 тыс. индивидуальных домов [21].

Однако из-за нехватки стройматериалов, автотранспорта, малых размеров кредита план жилищного строительства из года в год не выполнялся. В подавляющем большинстве хозяйств положение с жильем оставалось крайне тяжелым. Так, в Троицком зерносовхозе (Челябинская обл.) на протяжении всех 1940-х гг. строительство и ремонт жилья не производились. В совхозе из 170 домов было 3 каменных, 57 деревянных и 110 саманных и землянок. В этом хозяйстве с населением в 2,8 тыс. человек отсутствовали клуб и красный уголок, баня, парикмахерская, мастерская. В землянках проживали сотни семей в совхозах «Горный», «Гумбалейский», «Миасский», «Митрофановский», «Победа», «Полтавский», «Чесменский», «Уралец» и др. Имеющийся в совхозах Челябинской области жилищный фонд не обеспечивал даже минимальных потребностей. В 1948 г. в области в среднем на одного работника совхоза приходилось 2,6 м² жилья [22]. Тяжелые жилищные условия были в совхозах «Бэкон», им. Молотова, «Пышминский» (Свердловская обл.), «Юськи» (УАССР) и др. В Челябинской области в землянках жили 1 226 семей, в Курганской — 497, в Оренбургской — 321 [23]. Многие жили в аварийных домах, списанных с балансов хозяйств за их непригодностью. Случалось, что в одной комнате проживали 2–3 семьи. Сложное положение с жильем на селе сохранялось по всей стране. По данным на июль 1949 г., в СССР 4,8 тыс. семей работников совхозов проживало в землянках.

Тяжелыми были и бытовые условия жизни в совхозах. Не хватало бань, парикмахерских, больниц и медпунктов, различных мастерских. Плохо была организована торговля. В основном решился вопрос только с обеспечением хлебом, другие же продовольственные и промышленные товары (фуфайки, сапоги, посуда, детская одежда и обувь, керосин и др.) поступали в продажу редко. В совхозе «Красная Башкирия» (БАССР) в продаже отсутствовали даже соль, чай, спички, за хлебом приходилось ездить в город [24].

В 1930—1940-х гг. совхозы мало занимались благоустройством. Жилые дома и производственные помещения строили, где попало, без плана. Приусадебные участки часто были неухоженными, возле домов скапливался мусор, рос бурьян [25]. Большинство домов нуждалось в ремонте, на некоторых не было крыш, стекол в окнах, зимой их закладывали соломой. Топливом своих работников совхозы обеспечивали недостаточно, и зимой в квартирах, случалось, замерзала вода. Из-за отсутствия керосина в неэлектрифицированных совхозах дома освещали лучиной или сжиганием различных жиров [26].

Учитывая сложившееся положение, ЦК профсоюза рабочих совхозов СССР 25 октября 1949 г. направил в Совет Министров СССР докладную записку, где характеризовались условия жизни работников совхозов и указывалось, что запланированных на 1950 г. средств на жилищно-бытовое строительство совершенно не достаточно. В декабре 1949 г. Президиум ЦК профсоюза утвердил пятилетний план жилищно-бытового строительства в совхозах на 1951—1955 гг. В нем намечалось к концу 1951 г. ликвидировать землянки и непригодное для жилья, а также расселить семьи, проживающие в одной комнате [27]. Вопросы жилищного строительства активно обсуждались на съездах профсоюзов, пленумах и президиумах центральных, республиканских, областных комитетов. Однако из-за нехватки отпускаемых на жилищно-бытовое строительство средств положение улучшалось медленно. Состоявшийся в марте 1951 г. Второй Всесоюзный съезд профсоюза рабочих совхозов СССР пришел к выводу, что бытовые условия рабочих многих совхозов, особенно Сибири, Урала, Казахстана, Азербайджанской ССР остаются неудовлетворительными [28].

Все же активность многих областных профсоюзных организаций позволила ускорить жилищно-бытовое строительство. В Челябинской области в совхозах одновременно строили 2,5 тыс. домов. Здесь дополнительно выделили на жилищное строительство 250 тыс. руб., а также отгрузили для совхозов цемент, стекло и шифер [29]. Профсоюзные организации регулярно проводили воскресники по благоустройству поселков, строительству жилых и культурно-бытовых помещений. Они следили за правильностью использования средств и материалов, отпущенных на эти цели государством, участвовали в распределении жилой площади. Для этого широко привлекался проф-

союзный актив и в первую очередь члены жилищно-бытовых комиссий рабочкомов.

Важной формой работы профсоюзов было проведение общественных смотров жилищного строительства и жилищно-бытовых условий рабочих и служащих. Весной 1951 г. с целью выполнения плана жилищного и культурно-бытового строительства в установленные сроки коллегия Министерства совхозов СССР и ЦК профсоюза рабочих совхозов СССР вынесли решение о проведении в период с 1 июня по 1 октября 1951 г. общественного смотра жилищно-бытового обслуживания. Предусматривалась организация нормальной работы бань, прачечных, столовых, детских учреждений и других предприятий бытового и культурного обслуживания. Для непосредственного руководства в каждом совхозе создавалась комиссия в составе председателя рабочего комитета (председатель комиссии), заместителя директора совхоза, председателя жилищно-бытовой комиссии профсоюза, врача, старшего бухгалтера и нескольких профсоюзных активистов [30]. Успешно поработали комиссии в 13 совхозах Курганской области. Ими были осмотрены 893 квартиры, 9 общежитий, 33 магазина, 43 бани. Во время смотра из землянок в дома переселились 186 семей [31]. Одновременно улучшали и санитарное состояние хозяйств: приводили в порядок территорию усадеб, строили водопроводы, выгребные ямы, уборные. В совхозе «Давлекановский» (БАССР) во время благоустройства территории посадили свыше тысячи деревьев [32].

Деятельность профсоюзов часто ускоряла ход строительства в хозяйствах. Только в совхозах Курганского зернотреста в 1952 г. с помощью государственного кредита построили 785 домов. В Оренбургской области за 1950—1951 гг. в совхозах построили 685 домов. Много строили и в 1953 г. (в совхозах Курганской области — 422, Челябинской — 263 дома), что позволило в основном отказаться от землянок [33]. В результате за 1946—1953 гг. обеспеченность жильем в совхозах возросла и составляла в среднем на человека 4,5 м². Особенно быстро рос жилой фонд в южноуральских областях. Так, обеспеченность жильем в совхозах Челябинской области увеличилась за пять лет с 2,8 до 4,7 м². Тем не менее, обеспеченность жильем работников уральских совхозов была хуже, чем в целом по РСФСР. Жилищное строительство резко отставало от потребности в нем, низким было его качество.

В конце 1940-х — начале 50-х гг. наметились положительные сдвиги и в улучшении бытового обслуживания в совхозах. В жизнь сельчан прочно вошло электричество. Большая работа по электрификации была проведена в годы четвертой пятилетки, когда электроэнергию стали получать 124 совхоза. На январь 1951 г. из 290 совхозов Урала были электрифицированы 248 (86 %). Однако часто электроэнергию получали только центральные усадьбы совхозов, 46 % отделений и ферм ею не пользовались. В дома начинают проводить водопроводы, устанавливают газ. Однако такого благоустроенного жилья в совхозах было весьма мало. По данным на конец 1953 г., лишь 0,1 % совхозного жилого фонда была оборудована водопроводом, 0,5 % — газом [34].

Приводимые данные раскрывают картину деятельности профсоюза по повышению культурного уровня работников совхозов. Усилия профсоюзных деятелей способствовали освобождению клубных помещений и красных уголков, занятых во время войны другими учреждениями и организациями под хозяйственные нужды, ремонту действующих учреждений культуры и строительству новых. В совхозах расширилась сеть киноустановок, радиоузлов, библиотек. Повсеместно велось жилищное строительство, однако проблема жилья решалась медленно, и даже во второй половине 50-х гг. в некоторых совхозах имелись землянки. Наряду с жилищным строительством восстанавливали сеть школ, больниц, амбулаторий, бань, детских учреждений. Однако в начале 50-х гг. их по-прежнему остро не хватало. На VI пленуме Курганского обкома профсоюза рабочих совхозов (апрель 1953 г.) отмечалось, что если на жилищное строительство совхозам выделяют больше средств, то на культурно-бытовые нужды фонды весьма ограничены. В совхозах Курганского зернотреста, имеющих 41 центральную усадьбу и 125 отделений и ферм, на конец 1953 г. насчитывалось 14 клубов, 86 красных уголков, 74 школы, 10 больниц, 14 амбулаторий, 136 бань, 26 столовых, 115 магазинов, 31 ларек и 25 хлебопекарен [35].

В целом темпы культурно-бытового и жилищного строительства заметно отставали от уровня развития совхозного производства. По-прежнему плохим оставалось состояние торговой сети, случались перебои в снабжении товарами первой необходимости, отставало медицинское обслуживание. В рассматри-

ваемые годы материальные возможности государства не позволяли существенно улучшить культурно-бытовые условия жизни в совхозах. В более широких масштабах социальное переустройство села началось в стране только после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС.

Примечания

1. В апреле 1953 г. профсоюз рабочих совхозов вместе с профсоюзами работников МТС и земельных органов был объединен в единый профессиональный союз рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок.
2. Ленин В.И. ПСС. Т. 38. — С. 26
3. См. : ГАОО. Ф. 846, оп. 2, д. 370, л. 9, 13, 16.
4. ЦГАОР. Ф. 7689, оп. 12, д. 145, л. 134; ЦГА РСФСР. Ф. 317, оп. 1, д. 3739, л. 20.
5. ЦГА РСФСР. Ф. 317, оп. 1, д. 255, л. 49.
6. ЦГАОР. Ф. 7689, оп. 12, д. 477, л. 43; Оп. 16, д. 2, л. 100.
7. Там же. — Оп. 12, д. 263, л. 115, 119, 123; Оп. 13, д. 1110, л. 30, 45, 56, 60.
8. См.: Совхозная газ. — 1949. — 22 марта.
9. См. : Профсоюз рабочих сельского хоз-ва : Кр. истор. очерк. — М., 1961. — С. 125.
10. См. : ЦГАОР, Ф. 7689, оп. 13, д. 646, л. 105; Оп. 16, д. 4, л. 66.
11. Там же. — Оп. 13, д. 646, л. 118.
12. Там же. — оп. 12, д. 477, л. 6.
13. ЦГАОР. Ф. 7689. Оп. 13, д. 501, л. 12, 215.
14. Совхозная газ. — 1949. — 27 окт.; 1952. — 12 апр.
15. ГАСО. Ф. 2039, оп. 3, д. 6, 3, 289.
16. Профсоюз рабочих сельского хоз-ва. — С. 141.
17. См. : ЦГАОР. Ф. 7689, оп. 13, д. 98, л. 27; Д. 646, л. 131; Оп. 20, д. 366, л. 173.
18. См. : ПАСО. Ф. 4, оп. 49, д. 2, л. 10.
19. Там же. — Л. 34, 46.
20. Совхозная газ. — 1949. — 21 июля; 1952. — 28 февр.
21. ЦГАОР. Ф. 7689, оп. 13, д. 514, л. 25, 26.
22. Там же. — Оп. 13, д. 491, л. 30.
23. Там же. — Д. 514, л. 38.
24. Там же. — Д. 511, л. 101; Д. 514, л. 34.
25. ЦГА РСФСР. Ф. 317, оп. 1, д. 3797, л. 20.
26. ЦГАОР. Ф. 7689, оп. 13, д. 511, л. 101—106.
27. Там же. — Д. 816, л. 26.
28. Зеленин И.Н. Совхозы СССР (1941—1950). — М., 1969. — С. 315.
29. ЦГАОР. Ф. 7689, оп. 13, д. 514, л. 32.
30. См. : Совхозная газ. — 1951. — 22 мая; ЦГАОР. Ф. 7689, оп. 13, д. 510, л. 2.
31. ЦГАОР. Ф. 7689, оп. 13, д. 539, л. 107, 108.
32. Там же. — Д. 819, л. 33.

33. ЦГА РСФСР. Ф. 317, оп. 1, д. 317, л. 157.
34. ЦГАНХ СССР. Ф. 1562, оп. 324, д. 3235, л. 22, 25, 67–72; ЦГА РСФСР. Ф. 317, оп. 1, д. 1398, л. 36–39. 44–46; Ф. 374, оп. 14, д. 4401, л. 8, 47, 56; Д. 4401, л. 7, 33, 53, 6.
35. ЦГАОР. Ф. 7689, оп. 13, д. 1146, л. 1, 8.

Приусадебное хозяйство колхозников Среднего Урала в 1940-е гг. *

В результате происшедших в 1930-е гг. преобразований в СССР было создано общество, которому свойственны гигантская гипертрофия государственного начала в жизни страны, отчуждение трудящихся от владения собственностью, внеэкономическое принуждение к труду, остаточный подход к проблемам материального обеспечения населения. Проведение форсированной индустриализации, в том числе и за счет фонда потребления, определило низкий уровень жизни населения в последующие десятилетия. Реконструкция народного хозяйства и его восстановление после Великой Отечественной войны шло главным образом за счет социальной сферы. Это обернулось для миллионов советских семей, особенно колхозников, тяжелыми испытаниями и бедами. В условиях господства административно-командной системы, получившей в сельском хозяйстве наибольшее распространение, крестьяне были отчуждены от средств производства, лишены права на свободное передвижение и с помощью внеэкономических методов принуждения «привязаны» к артелям. Доходы колхозников от колхоза в Свердловской области, например, составляли примерно десятую часть их общих натуральных (за исключением зерна) и денежных доходов и не обеспечивали даже простое воспроизводство рабочей силы. Выручало приусадебное хозяйство.

На Среднем Урале колхозники использовали приусадебную землю в основной под огороды, хотя накануне войны стали распространяться плодово-ягодные насаждения. Важное место в экономике колхозного двора занимало животноводство: коров, овец и коз у крестьян было больше, чем у колхозов. Все производственные процессы, кроме вспашки приусадебного участка, производились вручную. Структура затрат рабочего време-

** Ранее опубликовано в кн. : Крестьянское хозяйство : история и современность. — Вологда : Изд-во ВГПИ, 1992. — С. 164–166.*

ни в подсобном хозяйстве показывает, что большая его часть приходилась на животноводство, что в значительной степени нейтрализовало сезонность сельскохозяйственного труда.

В начале 1940-х гг. возросла потребность сельского населения в продукции растениеводства, в результате число не имеющих посевов хозяйств сократилось. Однако размеры посевов увеличились незначительно и были меньше, чем в среднем по стране. Существенно изменилась их структура: вырос удельный вес картофеля и овощей и сократились посевы технических культур. В сложном положении оказалось животноводство, из-за нехватки кормов уменьшилась численность скота. На заключительном этапе войны произошел рост поголовья, что было связано с сокращением контракций, улучшением кормообеспечения, выдачей молодняка в качестве дополнительной оплаты. Однако в первые послевоенные годы из-за усиления налогообложения поголовье снова уменьшилось. Объем сельскохозяйственного производства в хозяйствах колхозников Свердловской области был равен 24–26 млн руб. (в ценах 1926/27 гг.), что составляло в разные годы 10,0–12,0 % от валовой продукции отрасли.

Приусадебное хозяйство носило потребительский характер, являясь для колхозников главным источником поступления продуктов питания. Общественное хозяйство удовлетворяло потребности крестьян в продовольственном и фуражном зерне, а также в грубых кормах для скота, а основную часть картофеля, овощей, сала, молока, яиц они получали из подсобных хозяйств. Свое хозяйство служило и главным источником денежных поступлений в крестьянскую семью.

Таким образом, в 1940-е гг. состояние приусадебных хозяйств колхозников на Среднем Урале имело свои особенности. К ним следует отнести лучшую, чем в среднем по стране, обеспеченность скотом, овощекартофельную структуру посевов на огородах, высокий удельный вес денежных доходов от реализации сельхозпродукции в связи с высоким спросом на нее в промышленной области. Здесь раньше, чем в других районах страны, стало меняться соотношение между различными категориями населения, имеющими приусадебное хозяйство. Уже в годы Великой Отечественной войны не колхозники, а рабочие и служащие становятся основными производителями продукции индивидуального сектора. В послевоенные годы эта тенденция стала нарастать.

Размещение эвакуированных граждан в Свердловской области в начальный период Великой Отечественной войны *

В 1941—1942 гг. в Свердловской области было размещено свыше 200 эвакуированных предприятий. Вместе с заводами, научно-исследовательскими и учебными заведениями прибывало до 30—40 % их довоенного состава. По данным переселенческого отдела облисполкома, уже на 30 июля 1941 г. в Свердловскую область прибыли свыше 40 тыс. человек. Перед местными советскими и партийными органами остро встали вопросы их размещения и материально-бытового устройства. Руководство расселением эвакуированных в соответствии с потребностями районов в рабочей силе осуществляла созданная в июле 1941 г. областная эвакуационная комиссия под руководством председателя исполкома областного Совета Митракова. В сентябре 1941 г. комиссия отправляла ответственных работников в Ирбитский, Режевской, Камышловский, Пышминский, Билимбаевский и Зайковский районы, а также на станции Кузино, Богданович и Дружинино. Во всех городах и райцентрах Свердловской области работали тройки по расселению и устройству на работу эвакуированных. Руководили тройками председатели городских и районных исполкомов. Еще до прибытия эвакуированных в городах и районах области выяснялись потребность в рабочей силе и возможность предоставления жилой площади. 18 июля 1941 г. решением исполкома облсовета был создан переселенческий отдел под председательством М.Д. Кузнецова. Во всех городах и районах области назначались инспекторы по хозяйственному устройству. Отдел занимался организацией материально-бытового обеспечения эвакуированных, кроме того, временный штат статистов при отделе составлял их поименные списки и отправлял их в статистические органы в Москву.

Учет граждан, прибывающих из прифронтовой полосы, вели также исполкомы районных и городских Советов народных депутатов и органы милиции. Прибывшие в Свердловскую область обязаны были прописать свои паспорта по месту рассе-

* Ранее опубликовано в кн. : 50 лет Победы в Великой Отечественной войне // Материалы региональной науч. конф. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1995. — С. 28—30.

ления в течение 24 часов. Предусматривалась специальная процедура регистрации в исполкомах граждан, прибывших без паспорта. Регулировался въезд переселенцев в режимные местности первой категории. Так, например, граждан, прибывших в Нижний Тагил и не связанных с местным производством, направляли в Петрокаменский и Висимский районы. Исключение составляли лица, эвакуированные из Москвы и Ленинграда. В июле 1941 г. в Свердловске был создан эвакуопункт, где прибывающие находились до размещения их по специально подготовленным жилым помещениям. В сентябре 1941 г. эвакуопункты созданы в Ирбитском, Камышловском, Еланском и Зайковском районах. 7 августа 1941 г. облисполкомом утверждены смета административно-хозяйственных расходов Свердловского эвакуопункта и штатное расписание. Начальником эвакуопункта назначен Морозов, в сентябре 1942 г. его сменил Зинькевич. На содержание эвакуопункта из местного бюджета выделено на 1941 г. 53 тыс. руб., месячный фонд зарплаты 49 работников эвакуопункта составил 12 445 руб. При Свердловском эвакуопункте действовало 2 общежития на 900 коек. С апреля 1942 г. общежития были переведены на самоокупаемость. С граждан бралась плата — 5 руб. в сутки.

В связи с угрозой распространения инфекционных заболеваний на Свердловском эвакуопункте было организовано круглосуточное дежурство врачей, в помещении клуба им. Андреева работали санпропускник и изолятор. В сентябре 1942 г. при эвакуопункте создается камера хранения вещей эвакуанаселения, снятого с поездов и эшелонов вследствие болезни. Она содержалась за счет средств, взимавшихся с граждан за пользование общежитием. При эвакуопунктах работали столовые. На станциях Кузино, Богданович, Дружинино в помощь работникам столовых создавались бригады из домохозяек — жен железнодорожников. Работали ларьки, где эвакуированные могли купить продукты питания и промышленные товары.

Положение с жильем в городах и рабочих поселках Свердловской области до конца войны оставалось крайне напряженным — жилищное строительство резко отставало от роста городского населения. Норма жилой площади не превышала 2,5–3 м² на человека. В 1941–1942 гг. рабочие перебазирован-

ных предприятий ютились в землянках и переполненных общежитиях. Под жилье приспособлялись красные уголки, клубы, конторские помещения. Так, исполком облсовета заводу № 705 было разрешено разместить прибывающих рабочих в красном уголке при бараках Коммунстроя в пос. Уктус, в здании клуба Уктусского совхоза и спортивного общества «Спартак». 1 500 учащихся из школ ФЗО и ремесленных училищ, эвакуированные из Ленинграда, были расселены в помещениях госпиталей в Новая Утка и Кузино Билимбаевского района и в г. Асбесте. Учащихся встречали представители областного управления трудовых резервов и облздравотдела. Они организовывали медицинское обслуживание прибывающих и их материально-бытовое обеспечение. Исполком Верхнепышминского райсовета выделил жилую площадь для 50 рабочих, эвакуированных с липецким заводом. Инспекторы отдела по хозяйственному устройству эвакуированного населения следили за подготовкой к зиме помещений, в которых были расселены эвакуированные, снабжением их топливом. С марта 1942 г. началась выдача кредитов на индивидуальное жилищное строительство (общая сумма — 5 370 тыс. руб.). Они распределялись руководством предприятий. 25—30 сентября 1942 г. в Свердловске проведено совещание архитекторов и строителей по вопросу «О массовом жилищном строительстве военного времени». Было принято решение считать основными типами массового жилищного строительства облегченные сборные бараки для семейных. 25,4 % эвакуированных в Свердловскую область было отправлено в сельскую местность. Здесь они поселялись в помещениях клубов, сельсоветов, контор, а также в домах местных жителей.

Всего в начальный период войны на территории Свердловской области разместили свыше 300 тыс. эвакуированных человек (в начале 1943 г. — 328 тыс.). Основной массив эвакуированных составляли ленинградцы, москвичи и жители Украины. Всех их удалось разместить, максимально уплотнив при этом местное население, особенно в городах, а также используя срочно построенные бараки и землянки. На заключительном этапе войны острота жилищной проблемы несколько уменьшилась в связи с реэвакуацией.

Материально-бытовое положение спецпоселенцев и военнопленных на Урале в 1940-е гг. *

К началу Великой Отечественной войны на Урале уже находились многочисленные спецконтингенты: бывшие кулаки из Прибалтики и Молдавии, бывшие польские граждане и др. В годы войны число спецпоселенцев значительно возросло за счет представителей репрессированных народов Северного Кавказа, немцев Поволжья, калмыков, крымских татар, власовцев, оуновцев.

К этому времени партийные и советские органы накопили достаточный опыт ведения репрессивных мероприятий. Тем не менее, условия, в которых проживали переселенцы, часто были ужасающими. Людей везли специальными эшелонами, многих — в тюремных вагонах. Охрану в пути следования осуществляли войска НКВД СССР. Из-за грубого нарушения санитарных мер многие умирали еще в пути следования на спецпоселение.

В большинстве эшелонов медработников, многие выселенные испытывали острый голод из-за нехватки продуктов питания. Отсутствие кипятка, употребление сырой воды провоцировало кишечные заболевания. Все контингенты спецпоселенцев болели сыпным тифом. Эпидемия прямо «с колес» перемещалась в районы их расселения. Помимо этих эпидемий во многих областях Урала были выявлены заболевания спецпоселенцев дизентерией, туберкулезом, цингой, свирепствовали корь, скарлатина.

После расселения людей устанавливался определенный режим, который зависел от рода деятельности и категории высланных. Тех, кого направляли работать в сельское хозяйство, чаще всего размещали среди местных жителей в порядке уплотнения. На лесоповале, рудниках, как правило, создавали замкнутые поселки, которые организовывались из расчета 100—500 семей. Почти во всех отчетах УНКВД областей отмечалось, что спецпоселенцы живут в помещениях с неисправными дверями, печами, незастекленными окнами с одинарными рамами, во многих бараках нет перегородок; дети, жен-

* Ранее опубликовано в кн. : *Урал в прошлом и настоящем // Материалы науч. конф. Ч. 1. — Екатеринбург, 1998. — С. 460—462 (в соавторстве с В.Н. Мамячковым).*

щины спят на нарах вповалку, на голых досках, без одеял и простыней; в помещениях грязно, тесно, на одного человека приходится 1,5–2,0 м² жилой площади.

Остро недоставало одежды и обуви, обеспеченность ими была низкой. Например, обеспеченность немцев, работавших в конце 1943 г. на предприятиях Свердловской области, составляла: фуфайками — 42 %, шапками — 33 %, валенками — 8 %. Многие семьи не имели смены белья. Организация и качество питания носили крайне неудовлетворительный характер. Пища была низкокалорийной, мяса и животных жиров почти не выдавали. Достав на рынке картофель, спецпоселенцы варили его в печках-временках (которых также было мало — одна на 70 человек), ожидая своей очереди по 2–3 часа за счет времени на сон. Начальники РО НКВД информировали УНКВД областей, что калмыки поголовно нищенствуют, в их жилищах почти нет мебели, утвари, посуды, постельных принадлежностей и т.д.; они питаются отбросами из помойных ям, употребляют в пищу падаль. Отмечалось истощение и опухание от голода целых семей, резкое увеличение смертности. Из-за отсутствия кастрюль, тарелок, ложек размещенные в Свердловской области спецпоселенцы — поляки готовили пищу в консервных банках.

На фоне калмыков, крымчан и других спецпоселенцев наиболее благополучным в этом отношении контингентом считались бывшие кулаки, расселенные в лесных поселках урало-сибирского региона. В отчетах УНКВД по Молотовской и Свердловской областям указывалось, что бывшие кулаки имеют собственные дома или квартиры в доме на две семьи, надворные постройки, скот, сельскохозяйственный инвентарь.

Административное управление спецпоселками, которых только в Свердловской области насчитывалось 146, осуществлялось районными и поселковыми комендатурами НКВД через комендантов. Особо жесткий режим был установлен в поселках, где проживали семьи участников организации украинских националистов. Многие пытались бежать с Урала. Всего в стране в 1940-е гг. бежали 86 тысяч человек, однако 93 % из них были задержаны. Главной причиной бегства было тяжелейшее материально-бытовое положение, сложившееся из-за того, что имущество выселенных было передано по актам соответствующим

областными организациями, а с собой переселенцам разрешалось взять ограниченное количество продуктов и вещей.

Заняты спецпоселенцы были в основном тяжелым физическим трудом. Немцы работали преимущественно в строительстве, угольной, металлургической, лесной промышленности. Спецпоселенцы из Западной Украины работали в леспромпхозах Пермской области и угольных шахтах Челябинской области. В Свердловской области многие армяне работали на цементном заводе в Сухом Логу, литовцы — в леспромпхозах Новолялинского района.

Уровень смертности был высоким среди всех контингентов спецпоселенцев. Основными причинами смерти являлись: дистрофия, легочные заболевания (туберкулез, пневмония), дизентерия, старческая дряхлость. Вследствие этого численность спецпоселенцев быстро уменьшалась: например, в Свердловской области на 1 марта 1943 г. умерло 12 % переселенных туда калмыков. В 1944 г. доля умерших от дистрофии и авитаминоза спецпоселенцев в Свердловской области составила 36 %, в Челябинской — 30 % от всех смертей.

В годы Великой Отечественной войны на Урале, помимо спецпоселенцев, разместили и 250 тыс. пленных. Две трети из них были немцы, а остальные — австрийцы, венгры, итальянцы, румыны, японцы и представители других национальностей. Документы свидетельствуют, что советская сторона в основном соблюдала требования международных конвенций об обращении с военнопленными, прежде всего — Женевской конвенции о содержании военнопленных. Уже 23 июня 1941 г. телеграммой Генштаба Красной Армии, а затем ориентировкой УПВИ НКВД СССР № 25/6519 от 29.06.1941 г. были установлены нормы питания на одного военнопленного.

Постановлением СНК СССР № 1798-800С от 01.07.1941 г. было утверждено «Положение о военнопленных», в соответствии с которым военнопленные по продовольственному и медико-санитарному обеспечению приравнивались к военнослужащим тыловых частей Красной Армии. Кроме того, по повышенным нормам обеспечивались питанием добровольно сдавшиеся в плен (получали хлеба на 100 г больше), военнопленные с ослабленным здоровьем (по Приказу НКВД от 18.10.1942 г.), офицерский состав. И, наконец, количество, и качество продпайка зависели от поведения и

труда военнопленного. Содержавшийся на гауптвахте, например, получал 300 г в сутки, выполнявший рабочие задания наполовину — 400 г, на 100 % — 500 г, на 150 % — 900 г. К этому можно добавить, что конвойные войска НКВД, охранявшие эти лагеря, получали на одного человека в сутки 700—800 г хлеба зимой и 600—700 г летом. Для сравнения, на среднестатистического колхозника в Свердловской области в 1944 г. приходилось в сутки: хлеба — 78 г, мяса — 25 г, сахара — 8 г. Львиную же долю потребляемых ими продуктов составлял картофель — 992 г.

Согласно приказу НКВД СССР от 5 июня 1942 г., пленным определялось и дневное содержание на время нахождения в лагерях-распределителях. При нахождении в основном лагере военнопленные обязаны были зарабатывать для себя еду сами. Поначалу в лагерях отсутствовали необходимые условия, они представляли собой обнесенную колючей проволокой территорию, на которой стояли сторожевые вышки и палатки. Только к концу 1946 г. повсеместно построили бараки, где на двухъярусных койках ночевали пленные. В среднем на человека здесь приходилось по 2 м² площади. Лагеря военнопленных дислоцировались преимущественно в индустриальных центрах, где была наибольшая потребность в рабочей силе. Только в Свердловской области насчитывалось 14 лагерей, включающих около 100 отделений.

Оценивая материально-бытовые условия жизни спецпоселенцев и военнопленных в годы военного и послевоенного лихолетья и сравнивая их, например, с условиями жизни уральского населения, однозначные выводы сделать трудно. Тем не менее, нам представляется возможным отметить, что, например, пленные питались не хуже, а иногда и лучше, чем многие местные жители, особенно колхозники. Что же касается положения местного населения в целом, то оно все-таки было более свободным (насколько можно быть свободным в тоталитарном государстве в военное время) и проживало в лучших жилищно-бытовых условиях. Самыми же тяжкими, несомненно, следует признать условия жизни спецпереселенцев, у которых государство отняло все средства существования, оторвав людей от привычного уклада жизни и хозяйственной деятельности, превратив в беспросветно нищую категорию населения.

Вещевое снабжение военнопленных в лагерях Свердловской области *

Проблема военнопленных Второй мировой войны продолжает сегодня оставаться в центре историко-политических дискуссий. По официальным данным, в результате Второй мировой войны в советском плену оказалось свыше 4 млн иностранных граждан. Для их содержания были созданы специальные лагеря, разбросанные по всей территории Советского Союза, а в 1944–1953 гг. — и за ее пределами.

На территории Свердловской области в период с 1942-го по 1949 г. функционировало 13 лагерей НКВД — МВД СССР для военнопленных рядового и офицерского состава, а с 1950-го по 1956 г. — особорежимный лагерь № 476 МВД СССР для военных преступников. Задачи по приему, размещению, содержанию, организации трудового использования и репатриации военнопленных решал специально организованный Отдел по делам военнопленных и интернированных (ОПВИ) Управления НКВД — МВД по Свердловской области. В его структуру входили: учетное и планово-производственное отделения, квартирно-эксплуатационная, продовольственная, обозно-вещевая и медико-санитарные службы, а также сельскохозяйственное отделение.

Обеспечение военнопленных вещевым имуществом производилось за счет бывшего в употреблении красноармейского или трофейного обмундирования в соответствии с установленными НКВД — МВД СССР нормами вещевого довольствия. Летом каждый военнопленный получал шинель или телогрейку, хлопчатобумажные или суконные брюки, мундир или гимнастерку, ботинки или сапоги, 2 пары нательного белья, 2 пары портянок, полотенце, пилотку или фуражку; зимой — полушубок ватный или меховой жилет, телогрейку, ватные брюки, валенки, теплые портянки, шапку-ушанку, 2 пары нательного белья, полотенце, меховые рукавицы, мундир или гимнастерку.

** Ранее опубликовано в кн. : Урал в стратегии Второй мировой войны // Всероссийская науч. конф. — Екатеринбург : Изд-во ИИ и А УрО РАН, 2000. — С. 123–125 (в соавторстве с Н.В. Суржиковой).*

Вплоть до 1948 г. лагеря военнопленных испытывали нехватку вещевого имущества. Особенно плохо дело обстояло с зимним обмундированием и обувью, нательным бельем и постельными принадлежностями. В условиях суровой уральской зимы с ее сильными морозами и большим снежным покровом невозможно было выводить военнопленных на рабочие объекты на открытом воздухе, не обеспечив их доброкачественным вещимуществом. Такое положение, к примеру, сложилось в лагере № 314, где в конце 1946 г. 3,7 % заключенных не выводились на работу из-за отсутствия качественной обуви [1].

Отсутствие качественного обмундирования влекло за собой также ухудшение физического состояния военнопленных, рост заболеваемости и смертности. Факты обморожений и замерзаний военнопленных, связанные с недостаточным обеспечением контингента вещевым имуществом, были зарегистрированы в лагерях № 84, 523 и 531. Так, в октябре 1942 г. в одном из отделений лагеря № 84 при возвращении с рабочего объекта в бараки от переохлаждения скончался 21 чел., по этой же причине в конце ноября 1946 г. в отделении № 6 лагеря № 523 умерли 3 военнопленных [2].

В дальнейшем в Свердловской области возникла ситуация, когда наличное обмундирование в количественном отношении обеспечивало нужды лагерей, но требовало ремонта или реставрации ввиду ветхости. Поэтому фактическая обеспеченность военнопленных вещимуществом продолжала оставаться недостаточной и составляла в среднем 60 %. Положение усугубилось с началом массовой репатриации, так как весь отправляемый на родину контингент надлежало обеспечить новым обмундированием и обувью. Согласно архивным данным, особо серьезные трудности при этом испытывали лагеря № 313, 314, 376 и 531.

В этих условиях практически при каждом лагерном отделении были открыты мастерские по ремонту, реставрации и пошиву одежды и обуви за счет списанного имущества. К примеру, только за 1948 г. в мастерских лагеря № 314 и лагеря № 504 было изготовлено вещевое имущество соответственно на сумму 117 966 руб. и 362 586 руб. [3]. Наряду с ремонтом, проводимым в мастерских, в зонах практиковалась организация хозяйственных уголков, где мелкий ремонт проводился си-

лами самих военнопленных. Кроме того, со стороны ОПВИ перед лагерями была поставлена задача создания 10–15 % обменного фонда на предмет своевременной замены пришедшего в негодность вещевого имущества. С этой целью имевшиеся при лагерных отделениях ремонтные мастерские были разукрупнены.

Характерно, что военнопленные сами допускали промоты обмундирования. Так, по лагерю № 504 за 1946–1947 гг. сумма промотов составила 9 326 руб. Аппарат снабжения лагерей, пользуясь служебным положением, также нередко присваивал вещи, принадлежащие военнопленным. В том же лагере в 1946 г. личным составом было похищено вещевое имущество на сумму 3 850 руб., в 1947 г. — на сумму 6 330 руб., из которых вещевое имущество на сумму 5 342,42 руб. было найдено при обыске и аресте у заведующего базой лагеря Иванова. Иванов был осужден на 10 лет лишения свободы, ряд других работников получили дисциплинарные и административные взыскания.

С 1948 г. лагеря области были полностью обеспечены доброкачественным вещевым имуществом. Это было связано с сокращением численности военнопленных в десятки раз ввиду репатриации большинства из них. После расформирования лагерей военнопленных и создания лагеря № 476 для военных преступников из числа бывших военнопленных и интернированных излишнее вещевое имущество было передано в лагерь системы ГУЛАГа.

Таким образом, очевидно, что обеспечение военнопленных вещевым довольствием далеко не всегда было качественным и соответствовало установленным нормам. Не следует, однако, забывать, что работа ободно-вещевой службы при лагерях военнопленных проходила в условиях военного и послевоенного времени. В значительной степени именно это обусловило перебои в снабжении лагерей военнопленных как вещевым довольствием, так и другими предметами первой необходимости.

1. РГВА. Ф. 1п, оп. 15а, д. 341, л. 198.

2. Там же. — Оп. 3а, д. 4, л. 1–4, оп. 15а, д. 351, л. 19–23.

3. Там же. — Д. 341, л. 201.

Документы Архива Управления ФСБ по Свердловской области о голоде в годы Великой Отечественной войны *

Социальным бедствием, вызванным недостатком или отсутствием питания, является голод. Голод существует в скрытой (хронической) и явной (голодовки) формах. Голод военных и первых послевоенных лет в СССР долгое время оставался неисследованной темой в отечественной и зарубежной историографии. Факт голода официально не признавался советским руководством и советской исторической наукой, а источники по данной проблеме были недоступными для исследователей. В настоящее время факты массового голода в предвоенные и послевоенные годы стали достоянием общественности. Так, по расчетам В.Ф. Зимы, в Советском Союзе только с 1946-го по 1948 г. от голода и вызванных им болезней, в том числе эпидемии тифа, погибло около 2 млн человек.

Между тем голод 1946—1948 гг. стал продолжением голода военных лет. Первые сообщения о нем появились в вышедшей в 1991 г. монографии М.Н. Денисевича, посвященной индивидуальным хозяйствам на Урале и содержащей факты голода на Урале во время войны. По его данным, в 1942 г. в Свердловской области в Останкинском сельском совете только в колхозных детских яслях умерло от голода и болезней 30 детей, в Коптеловском — 44, в Монастырском — 22, в Бобровском — 181. Однако до настоящего времени данная проблема практически не исследована, что в значительной степени связано с состоянием источниковой базы. Лишь во второй половине 1990-х гг. в архивах РФ были рассекречены материалы, содержащие не известные ранее сведения о массовом голоде в СССР. Часть документов под грифом «Совершенно секретно» о неудовлетворительном снабжении населения и голоде найдена и в архиве УФСБ РФ по Свердловской области.

Спецсообщения Управления НКГБ по Свердловской области за военные годы свидетельствуют о голоде, заболевании и смертности на почве дистрофии в г. Асбесте. Основной причиной смертности и заболевания населения дистрофией явилось отсутствие в достаточном количестве продуктов питания.

* Ранее опубликовано в кн. : *Документ. Архив. История. Современность* : Сб. науч. тр. Вып. 5. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. — С. 414—421.

Многие рабочие и служащие не имели дополнительных источников питания, помимо централизованного снабжения продуктами, которых остро нехватало. В документе отмечалось также, что выделяемые фонды централизованного продовольственного снабжения областными торговыми организациями отпускаются несвоевременно и зачастую полностью не отовариваются.

Голод и массовая дистрофия приводили к тому, что на Среднем Урале нередкими были случаи убийства детей и самоубийства. Другие спецсообщения содержат сведения о случаях каннибализма и трупоедства в эти годы. Вызванные голодом и выявленные органами НКВД факты людоедства местными властями всячески скрывались. Так, обыск квартиры одного из подозреваемых производился под видом обнаружения похищенных им кур. Для предотвращения распространения панических слухов о голоде органам цензуры было дано указание о конфискации всех писем, содержащих описание этих и других случаев людоедства.

Таким образом, содержащиеся в архивах и рассекреченные в последние годы материалы позволяют более объективно и всесторонне исследовать различные аспекты материально-бытового положения населения Урала, показать, в каких условиях находились труженики «опорного края» в военные годы.

ВИ. РАЗНОЕ

Иностранные и национальные части *

Иностранные и национальные части были сформированы на Урале в годы Великой Отечественной войны. 14 августа 1941 г. было подписано советско-польское военное соглашение, которое определяло порядок финансирования, организации, экипировки и деятельности Польской армии в СССР. Армия набиралась в добровольном и призывном порядке из числа поляков, депортированных в восточные районы СССР после раздела Польши в 1939 г. Командующим армией польское эмигрантское правительство назначило генерала В. Андерса. Командование размещалось в Бузулуке, 6-я дивизия (Львовская дивизия пехоты) и запасной полк в Тоцком (Оренбургская область). В декабре 1941 г. в Бузулук и Тоцкий совершил поездку премьер-министр польского эмигрантского правительства и главнокомандующий В. Сикорский. В феврале 1942 г. польское руководство отказалось направить свои воинские части на советско-германский фронт. В августе 1942 г. польская армия (114,5 тыс. военнотружущих и членов их семей) была эвакуирована из СССР.

В Бузулуке формировалось и первое чехословацкое воинское подразделение в СССР — отдельный чехословацкий батальон в составе 802 чел. (в т. ч. 141 офицер). Его формировали из числа чехов и словаков, бежавших из ЧСР после ее расчленения, а также находившихся в СССР эмигрантов. Командир батальона — подполковник Л. Свобода. В январе 1943 г. батальон был направлен на фронт, и в Бузулуке остался чехословацкий запасной пехотный полк.

В декабре 1941 г. ГКО принял решение о формировании на территории УрВО эстонских национальных частей. В 1942 г. в Свердловской области сформирована 7-я эстонская стрелковая дивизия, в Челябинской области — 249-я эстонская стрелковая дивизия. Их формировали из числа эвакуированных, а также депортированных в 1940—1941 гг. эстонских граждан. В сентябре 1942 г., уже после передислокации с Урала, они были объединены в 8-й эстонский стрелковый корпус (командир —

* Ранее опубликовано в кн.: *Уральская историческая энциклопедия*. — Екатеринбург: ИИ и А УрО РАН, 1998. — С. 227.

генерал-майор Л.А. Пэрн). В составе 3-й ударной армии корпус участвовал в Великолукской и Невельской операциях.

«АлСиб» и Средний Урал *

Одной из малоисследованных проблем истории Второй мировой войны является оказываемая США своим союзникам, в том числе и Советскому Союзу, помощь военной техникой, продовольствием и промышленными материалами. Один из путей поставок военных самолетов в СССР проходил через Аляску и Восточную Сибирь. Представляется, что дальнейший путь поставляемых в нашу страну самолетов проходил через Урал, где некоторые из них могли потерпеть катастрофу.

Рассекреченные в последнее время документы УФСБ РФ по Свердловской области свидетельствуют, что в октябре 1950 г. в 43 км от Ревды охотником Рыжанковым был обнаружен разбившийся самолет. Выехавшими на это место оперработниками МГБ было установлено, что действительно в районе Нижнесергинской лесной дачи находится разбившейся двухмоторный самолет, детали которого были разбросаны на расстоянии 100—120 м от места его падения. Самолет имел на вооружении пять пулеметов, на одном из его моторов были видны номер и надпись на иностранном языке. Рядом с самолетом нашли останки трех человек. По ним удалось определить, что один из членов экипажа был одет в кожаную куртку, а на другом была шинель. Здесь же были найдены погоны старшего сержанта и полевая сумка с документами. Имевшиеся в ней бумаги истлели, поэтому прочитать их не удалось. На месте гибели самолета были обнаружены также обложки двух партийных билетов с надписью «Черниговский областной комитет ВКП (б) У», кобура от пистолета и обойма к нему.

Судя по имеющейся в спецсообщении МГБ по Свердловской области информации, данный самолет разбился за несколько лет до обнаружения, скорее всего в годы Великой Отечественной войны, и не относился к авиации УралВо. В противном случае по факту его исчезновения в мирное время сразу бы начались интенсивные поисковые работы, о чем, безусловно, было бы известно территориальным органам государ-

** Ранее опубликовано в кн. : АлСиб-60 — Трасса мужества // Междунар. научно-практ. конф. — Иркутск, 2002. — С. 60—61.*

ственной безопасности. Надпись на иностранном языке свидетельствует о зарубежном производстве машины, а фрагменты партийных билетов о том, что им управляли советские летчики. Таким образом, выявленная первичная информация позволяет в качестве гипотезы считать, что один из воздушных коридоров, по которому боевые самолеты из США через Сибирь перегоняли в европейскую часть СССР, проходил через территорию Среднего Урала. Это тем более вероятно, что недалеко от места падения самолета расположен крупный аэродром «Кольцово», на котором в годы Великой Отечественной войны происходили испытания первого советского самолета с жидкостным ракетным двигателем. Определить место падения самолета, выяснить имена погибших советских летчиков и установить места их захоронения еще предстоит местным краеведам.

Екатерина Вторая и «экономический либерализм» *

С вступлением на престол Екатерины II, которая объявила себя преемницей Петра I, в Российской Империи был введен беспощинный вывоз пшеницы из всех портов империи, в 1775 г. объявлена свобода заведения предприятий во всех отраслях промышленности и отменены сборы от мелких промыслов, издан указ о поощрении легкой промышленности. Издание Манифеста заметно ускорило развитие так называемых «безуказных» предприятий, т. е. мануфактур, заведенных без специального разрешения и основанных на наемном труде. Крестьянские мануфактуры формировались, как правило, на основе кустарных мастерских. Особенностью этих предприятий являлось то, что не только рабочие, но и сами хозяева все еще оставались крепостными. В результате, в отличие от стран Западной Европы, где заметное место среди предпринимателей занимали дворяне, большая часть русских промышленников XVIII в. вышла из крестьян и посадских людей, из которых и формировалась русская буржуазия.

Благодаря государственной поддержке во второй половине XVIII в. российская промышленность развивалась высокими

** Ранее опубликовано в : Бизнес. Менеджмент. Право : Ежеквартальный научно-практ. экономико-правовой журнал. — Екатеринбург. — 2004. — №. 3. — С. 21–25.*

темпами. К концу века в стране насчитывалось около двух тысяч мануфактур различного типа: вотчинных, казенных, крестьянских, купеческих. Казенные и вотчинные предприятия были основаны на использовании крепостного труда, т. е. оставались составной частью феодальной экономики. Однако к концу столетия удельный вес вотчинных предприятий снизился до 15 %, уступив место купеческим и крестьянским мануфактурам, число которых росло более высокими темпами. Эти предприятия в основном использовали вольнонаемных работников, которых формировали за счет разорившихся ремесленников, жителей городов и крупных сел, а также крестьян, отпущенных помещиком на сезонные работы для получения денежной ренты.

В 1782 г. в России был издан Манифест, в соответствии с которым все частные предприятия делились на владельческие и посессионные. В разряд посессионных были отнесены те, владельцы которых получили от государства какую-либо помощь в виде земли, леса, рабочей силы или руды. Над владельцами этих предприятий устанавливалась строгая государственная опека, заключавшаяся в том, что они ограничивались в своей предпринимательской деятельности. Без разрешения правительства они не могли уволить своих рабочих, правительственные чиновники регламентировали размеры и характер производства, устанавливали номенклатуру изделий, рабочее время и размеры заработной платы. Владельцы мануфактур не могли также свободно распоряжаться продукцией своих предприятий, так как государство обязывало их поставлять себе часть продукции по установленным государством же ценам. В результате приписанные к мануфактуре крепостные и сама мануфактура становились не собственностью купца, а только его условным владением, так называемой посессией. Юридическим собственником такой мануфактуры считалось государство.

В целом вторая половина XVIII в. была отмечена быстрым ростом числа крупных промышленных предприятий. Так, если в 1760 г. их было около 600, то к концу века — не менее 1 200. В этот период Россия занимала первое место в мире по выплавке чугуна, обгоняя по этому показателю даже Англию. Российское железо высоко ценилось за рубежом и было выше по качеству, чем аналогичная продукция европейских государств. В результате Франция была вынуждена ввести импортные по-

шлины на ввозимый в страну русский металл. Постепенно развивалась и новая для России отрасль — хлопчатобумажная промышленность. К концу столетия в стране имелось 250 хлопчатобумажных мануфактур, 99 % рабочих составляли там наемные работники.

В опубликованном в 1775 г. правительственном Манифесте в стране провозглашалась свобода предпринимательства и торговли. Манифест допускал участие всех сословий во внутренней торговле, и это способствовало росту товарно-денежных отношений. Юридическое разрешение крестьянской торговли расширило торговые операции зажиточного крестьянства и ускорило накопление в его руках денежных капиталов, и в конце XVIII в. эти крестьянские капиталы стали переливаться в промышленность. Одновременно рос и купеческий капитал. Большую роль в этом сыграла система откупов. В XVIII в. торговля некоторыми товарами оставалась монополией государства. Однако государство само не вело торговых операций, а передавало право реализации монопольных товаров за определенную плату купцам на откуп.

Во второй половине XVIII в. быстро развивается внешняя торговля, что было связано с получением выхода в Европу через морские порты. Среднегодовой объем внешнеторгового оборота вырос в 4 раза, при этом стоимость экспорта постоянно превышала размеры импорта, что вполне соответствовало принципам меркантилизма. Так, в 1786 г. в России экспорт составлял 42 млн руб., а импорт — 68 млн. Активный внешнеторговый баланс поддерживался все годы правления Екатерины II. При ней правительство, как и в петровские времена, придерживалось принципов протекционизма. В 1757 г. были установлены новые таможенные пошлины в размере от 40 до 100 % стоимости ввозимых товаров. В соответствии с новым протекционистским тарифом 1767 г. был полностью запрещен импорт тех товаров, которые производились или могли быть произведены внутри России. Очень высокими пошлинами — от 100 до 200 % облагались предметы роскоши, вина, зеркала, писчая бумага и другие товары. Однако на необходимое для отечественных товаропроизводителей сырье, например, хлопок, красители для текстильной промышленности, пошлины устанавливались низкие — примерно 6 % от их стоимости. Главным торговым партнером России весь период традиционно

оставалась Англия, которая покупала лес для своего флота, парусину, пеньку для канатов, уральское железо. К числу постоянных торговых партнеров относились Австрия, Дания, Португалия и Франция, с которыми Россия заключила торговые договоры. В этот период возникают совместные компании с Османской империей, Персией, а также Бухарой и Хивой.

На протяжении всего XVIII в. российский бюджет испытывал постоянное напряжение из-за бесконечных войн, увеличения государственного аппарата, больших расходов императорского двора. Так, за время правления Екатерины II расходная часть бюджета увеличилась более чем в 4,5 раза. Структура расходов была следующей: 88 % средств направлялись на содержание армии и государственного аппарата, 11 % шло на содержание двора и чуть более одного процента — на просвещение, здравоохранение и благотворительность. Своеобразно строилась и доходная часть бюджета: 40 % поступлений составляли косвенные налоги и промысловые сборы, свыше трети доходов давала подушная подать. Среди них выделим питейный налог, составлявший 28 % доходов бюджета. Дальнейшее увеличение налогов было невозможно вследствие низкой платежеспособности податного населения, и в этой ситуации правительство пошло на выпуск бумажных денег, как одного из источников покрытия бюджетного дефицита. В 1766 г. два банка, в Санкт-Петербурге и Москве, получили право выпускать ассигнации только в обмен на сдаваемые медные деньги. В 1769 г. эти два банка были объединены в один так называемый Ассигнационный банк, который стал выпускать бумажные деньги без всяких депозитных операций. За время правления Екатерины II в оборот были выпущены купюры с номиналом в 25, 50, 75 и 100 рублей на сумму 157 млн руб. К 1786 г. свободный обмен ассигнаций на серебряные монеты был прекращен, после чего курс бумажных денег стал снижаться. К концу столетия курс бумажного рубля снизился до 68 коп. серебром, т. е. рубль обесценился на треть. Разница между ними фактически составила внутренний государственный заем. В результате в стране установилась практика расчетов одновременно в ассигнациях и в серебре. Другим новым источником пополнения казны при Екатерине II стали государственные займы. Впервые внешний заем был получен в 1769 г. в Амстердаме на сумму 7,5 млн гульденов. Кредиторами России стали

также генуэзские банкиры, выдавшие заем на сумму в 1 млн пиастров. Таким образом, к концу столетия внешний долг России составил 41,1 млн руб., на оплату процентов по нему уходило до 5 % расходной части бюджета.

В рассматриваемый период заинтересованный в производстве товарного зерна помещик уже не хотел мириться с постоянными неурожаями и общей низкой урожайностью. Однако он не знал иного средства борьбы с этим, кроме как дальнейшее расширение посевных площадей и соответственно увеличение эксплуатации крепостных крестьян. «Просвещенный абсолютизм», понимая опасность этого пути, попытался показать помещику иной путь — повышение уровня агротехники и рационализацию сельскохозяйственного производства. Это и послужило главной целью создания в 1765 г. Вольного Экономического общества, учредителями которого были виднейшие екатерининские сановники Р.И. Воронцов и Г.Г. Орлов. Общество стало издавать свои «Труды», которые регулярно выходили с 1766-го по 1855 г. (около 30 томов). В них печатались разнообразные работы по экономике, а также по растениеводству, животноводству и другим отраслям сельского хозяйства.

Для оживления экономики страны в 1762-м и 1763 г. Екатерина обратилась с призывом к иностранцам приезжать на поселение в Россию. Им были обещаны налоговые льготы, религиозная свобода, сохранение языка и культуры. После этого в Россию из европейских стран, особенно много из германских государств, направился поток переселенцев. Они получили для освоения плодородную степь в Заволжье, где быстро стали создаваться передовые земледельческие хозяйства. В эти же годы из Ирландии в Россию для обязательного разведения был выписан картофель.

В целом вторая половина XVIII в. оказалась благоприятным периодом для развития российской экономики. За это время, в основном за счет естественного прироста, вдвое увеличилась численность населения страны, более чем в четыре раза увеличились размеры государственного дохода, в четыре раза возросло количество мануфактур. В стране была создана банковская система, увеличено количество собственников, в том числе из крестьян. При этом необходимо отметить, что поощрение хозяйственной деятельности и усиление крепостничества происходили в России практически одновременно. При оцен-

ке данной ситуации одни историки считают Екатерину просто лицемерным политиком, надевшим на себя маску либерала, но, по сути, являвшуюся завзятым крепостником. Другие высказывают мнение о том, что либеральные шаги императрицы были искренними, но разбивались о противостояние реакционных помещиков. Нам представляется, что, несмотря на крайности, в целом экономическая политика Екатерины II может быть охарактеризована как «экономический либерализм». После смерти Екатерины II ее сын Павел I стал проводить политику реформирования российских порядков. Павел объявил о том, что он положит конец либерализму, играм в просвещенный абсолютизм, которые уже привели Францию к революции.

Министр финансов Е. Ф. Канкрин и денежная реформа 1839—1843 гг. в Российской Империи *

Егор Францевич (Георг Людвиг Даниил) Канкрин (1774—1845 гг.), государственный деятель России, ученый, писатель, генерал от инфантерии, граф, почетный член Петербургской и Парижской Академий наук, родился в Германии, в г. Ганау (Гессен). В 1794 г. окончил Гессенский и Магдебургский университеты, стал доктором права и спустя три года приехал в Россию, где участвовал в управлении соляными варницами. В 1803 г. был определен в министерство внутренних дел советником при экспедиции государственной экономии. Участвовал в исследовании соляных месторождений в Оренбургской губернии и оказании помощи голодающим. С 1811 г. — помощник генерал-провиантмейстера Военного министерства. В 1812 г. — генерал-интендант русской армии, вместе с ней совершил заграничный поход 1813—1814 гг. В 1816—1820 гг. написал трехтомное сочинение «О военной экономии во время войны и мира и ее связи с военными операциями». В 1818 г. по повелению императора Александра I представил «Записку об освобождении крестьян...» с проектом поэтапной отмены крепостного права в течение 30 лет. С 1821 г. — член Государственного совета по Департаменту государственной экономии, участвовал в составлении таможенного тарифа 1822 г.

** Ранее опубликовано в : Бизнес. Менеджмент. Право : Ежеквартальный научно-практ. экономико-правовой журнал. — Екатеринбург. — 2003. — № 3. — С. 110—112.*

С 1823-го по 1844 г. Е.Ф. Канкрин — министр финансов Российской Империи. Находясь на посту министра, он проводил политику гибкого покровительства отечественной промышленности, несколько раз пересматривал ставки таможенных пошлин. Выступал против субсидирования отдельных промышленных предприятий за счет средств казенных кредитных учреждений. Е.Ф. Канкрин ввел правило, согласно которому каждая долгосрочная ссуда промышленного характера должна выдаваться казенными банками не иначе, как с разрешения министерства финансов. Выступал против неоправданного, с хозяйственной точки зрения, железнодорожного строительства. В 1829 г. он провел снижение процента, выплачиваемого государственными кредитными учреждениями по вкладам, с 5 до 4 %, а взимаемого по ссудам — с 6 до 5 %. В 1842 г. при участии Е.Ф. Канкрин в стране началась организация сберегательных касс, которые принимали вклады от населения в размере от 50 коп. до 750 руб. В значительной степени благодаря поддержке министра в России возникли первые страховые общества: огневого (1827 г.) и личного (1835 г.) страхования.

Министр во многом способствовал улучшению организации русской торговли. В 1832 г. в России был принят новый устав о векселях, устав о торговой несостоятельности, устав коммерческих судов, устав Петербургской биржи. При нем была восстановлена система винных откупов (1827 г.), введена уплата подушной подати инородцами (1830 г.). Одновременно в стране снизили налог на соль и отменили внутренние судоходные пошлины (1823 г.). В целом сумма прямых налогов за время управления Канкрин финансами увеличилась на 10 млн руб. серебром.

Однако, несмотря на предпринимаемые усилия по укреплению российской экономики, за 20 лет пребывания Е.Ф. Канкрин на посту министра финансов дефицит государственного бюджета составил 160,6 млн руб. серебром. Для покрытия дефицита бюджета министр прибегал к использованию средств казенных кредитных учреждений и к государственным займам. В 1828—1829, 1831, 1832, 1840, 1843 гг. он провел заграничные займы, процент по которым составил 5,42 %, а сумма 92,2 млн руб. серебром. Ежегодные выплаты по займам в эти годы были ниже, чем в предшествующий период, что способствовало улучшению

расчетного баланса империи. Для поддержания русского государственного кредита Е. Ф. Канкрин настаивал на соблюдении строгой секретности в отношении данных, касающихся состояния государственных финансов.

В эти же годы он создал новую форму внутреннего государственного долга. В 1831 г. в обращение были выпущены билеты Государственного казначейства (т. наз. «серии») номиналом 250 руб. ассигнациями, приносящие их владельцам доход в размере 4 % годовых. Серии выпускались сроком на 4 года, затем на 6 лет и погашались в последующие 4 года. Фактически эти «серии» являлись процентными деньгами, и население охотно их приобретало. Вырученные от внутренних и заграничных займов средства в основном шли на покрытие военных расходов и лишь частично на хозяйственные потребности: строительство шоссейных дорог, устройство морских портов и судоходных систем. Так, выручка от заграничных займов 1842-го и 1843 г. целиком ушла на строительство Николаевской железной дороги. Всего государственный долг при Канкрине возрос на 116 %. Тем не менее, положительное сальдо торгового и расчетного балансов способствовало поддержанию устойчивого курса русского рубля.

Одной из тяжелых финансовых проблем России в тот период являлось наличие двойного денежного счета. Как известно, в 1766 г. два находящихся в Санкт-Петербурге и Москве банка получили право выпускать ассигнации. В 1769 г. эти два банка были объединены в так называемый Ассигнационный банк, который и стал выпускать бумажные деньги. В оборот были выпущены купюры с номиналом в 25, 50, 75 и 100 рублей на сумму 157 млн руб. К 1786 г. свободный обмен ассигнаций на серебряные монеты был прекращен, после чего курс бумажных денег стал снижаться. В результате в России стал осуществляться двойной денежный счет — на ассигнационные рубли и на рубли серебром. К концу столетия курс бумажного рубля снизился до 68 копеек серебром, т. е. рубль обесценился на треть. В начале XIX в. огромное влияние на состояние финансовой системы России оказала Отечественная война 1812 г. Она потребовала огромных военных затрат, большие средства шли на работы по восстановлению разрушенных городов. К тому же Франция во время похода Наполеона буквально наводнила Россию фальшивыми бумажными деньгами. К окончанию войны курс ассигнации составил всего 28 коп. серебром за бумажный рубль.

Е.Ф. Канкрин, возглавлявший министерство финансов в 1820—1840-е гг., провел ряд мер по укреплению расстроенной финансовой системы страны. Крупнейшей из них стала проведенная в 1839—1843 гг. денежная реформа. В ходе ее подготовки в 1837—1839 гг. в Государственный совет было представлено несколько записок о преобразовании денежной системы России. После их обсуждения был выработан план реформы, а в 1839 г. началась его реализация.

Манифестом от 1 июля 1839 г. «Об устройстве денежной системы» главной платежной монетой в стране устанавливалась серебряная (российской чеканки), а монетной единицей — серебряный рубль. Для этого в течение последующих четырех лет был создан запас в золоте и серебре путем скупки золотой и серебряной монеты, а также слитков драгоценных металлов. Государственные ассигнации становились вспомогательным знаком ценности (курс: 1 серебряный рубль = 3,5 руб. ассигнациями). Фиксировался также курс золотой и медной монеты. На серебряной основе должны были заключаться все сделки с казной и частными лицами, вестись подсчеты государственных доходов и расходов, оборотов кредитных учреждений и др. Казначействам вменялось в обязанность обменивать ассигнации на серебро. Таким образом, в ходе реформы в стране вводился твердый кредитный рубль, приравненный к одному рублю серебра и обеспеченный золотой и серебряной монетой.

В соответствии с указом, с 1 января 1840 г. в России учреждалась депозитная касса, предназначенная для хранения серебряной монеты. Взамен серебра вкладчики получали билеты депозитной кассы. Эти билеты использовались для платежей на всей территории Российской империи наравне с серебряной монетой (в соотношении 1 : 1) и обменивались на серебро. В будущем ими предполагалось заменить государственные ассигнации.

В начале 1841 г. для решения возникших в результате неурожая предыдущего года финансовых проблем был образован Особый комитет под председательством императора Николая I. Среди прочих на нем обсуждались вопросы замены ассигнаций кредитными (предложение императора) или новыми депозитными (предложение министра финансов) билетами. Манифестом от 1 июля 1841 г. в стране было объявлено о выпуске в обращение новых денежных знаков — кредитных билетов, которые имели хождение на всей территории империи наравне с

разменной монетой. Кредитные билеты обеспечивались всем состоянием (активом) государственных кредитных учреждений и обменивались на монету из расчета: один кредитный рубль за 3 руб. 50 коп. ассигнациями.

Замена денежных знаков государственными кредитными билетами осуществлялась постепенно и была прекращена весной 1853 г. После этого в России остался только один вид бумажных денег — государственные кредитные билеты, обменивавшиеся на серебряные монеты в соотношении 1 : 1. Всего в ходе денежной реформы было обменено 600 млн рублей ассигнациями, что позволило на время укрепить денежную систему. С открытием с ноября 1843 г. разменных касс разрешался прием вкладов монетой, а также золота и серебра в слитках. Вклады зачислялись в разменный фонд кредитных билетов и на другие расходы не употреблялись.

Таким образом, в ходе проведенной в 1839—1843 гг. реформы денежного обращения в России был впервые установлен серебряный монометаллизм. Однако выйти из финансового кризиса Россия так и не смогла. К концу царствования Николая I, особенно в связи с резко возросшими расходами в период Крымской войны, кредитные билеты начали падать в цене, внутренний и внешний долг заметно возрос и в 1855 г. почти в два раза превосходил доходную часть государственного бюджета.

За годы своей жизни в России немец Е. Ф. Канкрин провел множество преобразований, начиная с усовершенствования государственной отчетности и счетоводства и заканчивая денежной реформой, восстановившей металлическое обращение в стране. Он пробыл на посту министра финансов почти до самой смерти и даже удостоился чести преподавать финансовую науку наследнику цесаревичу Александру Николаевичу, будущему российскому императору Александру Второму Освободителю.

Иностранные подданные в Крыму *

(по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г.)

Одним из важнейших источников по демографической истории Советского Союза является Всесоюзная перепись насе-

** Ранее опубликовано в кн. : Россия — Крым — Балканы // Междунар. науч. конф. — Екатеринбург: Волот, 2004. — С. 356—357.*

ления СССР 1937 г. Как известно, она долгое время считалась уничтоженной, и только в последние годы ее материалы постепенно вводятся в научный оборот. Всесоюзная перепись населения 1937 г. — единственная советская перепись, проведенная как однодневная. С 1 по 5 января 1937 г. счетчики заполняли переписные листы, а в течение 6 января приводили записи к состоянию на критический момент переписи (12 часов ночи с 5 на 6 января). Программа переписи включала 14 признаков (пол, возраст, национальность, родной язык, религия и др.), формулировки многих вопросов были упрощены.

Перепись прошла в целом успешно, однако численность учтенного населения оказалась гораздо ниже оглашенных ранее преувеличенных оценок и опровергла тезис о быстром росте населения при социализме. Ввиду этого было объявлено, что Всесоюзная перепись населения 1937 г. проведена с грубыми ошибками и огромным недоучетом, ее организаторы в центре и на местах были репрессированы, а в 1939 г. в СССР провели новую перепись населения. Уцелевшие в архивах основные результаты Всесоюзной переписи населения 1937 г. впервые опубликовали только в 1990 г.

В дальнейшем в РФ и за рубежом вышел целый ряд работ, основанных на разработке материалов данной переписи. Однако до настоящего времени вне поля зрения авторов оставались материалы о численности иностранных подданных, оказавшихся во время проведения переписи на территории СССР. Это был значительный массив населения, составивший 192 943 человека. Из них на территории РСФСР было учтено 88 215, а в Крымской АССР — 8 748 иностранцев. Учитывая, что по состоянию на 6 января 1937 г. население Крымской АССР составляло 994,8 тыс. человек, иностранные подданные составляли 0,88 % ее населения.

Перепись учитывала иностранцев по сокращенной программе и содержала данные по подданству, полу и возрасту (до 18 лет и старше 18 лет). Материалы переписи свидетельствуют, что в начале 1937 г. в Крыму было учтено 34 гражданина Австрии, 62 — Германии, 6 728 — Греции, 48 — Польши, 1 265 — Турции, 38 — Чехословакии, а также 168 подданных Ирана, 187 — Италии и 81 Румынии. Среди учтенных в Крыму иностранцев были граждане Венгрии, Испании, Китая, Латвии, Литвы, Монголии, Португалии, США, Франции, Эстонии, а

также подданные Болгарии, Великобритании, Дании и др.

Данные о половозрастном составе иностранных подданных свидетельствуют о том, что большинство их составляли лица мужского пола — 4 719 человек, против 4 029 женского. Следовательно, диспропорция полов была незначительной. Что касается возраста иностранных подданных, то лица в возрасте до 18 лет составляли 3 331 человек, то есть свыше трети (38,1 %) их общего числа в Крыму.

Таким образом, содержащиеся в Российском государственном архиве экономики (б. ЦХАНХ СССР) разработки данных Всесоюзной переписи населения 1937 г. по иноподданным в разрезе союзных и автономных республик, краев и областей позволяет: 1) с высокой степенью точности определить численность, состав и размещение иностранных граждан на территории СССР; 2) облегчает выяснение судеб тех из них, кто оказался жертвой тоталитарного режима в годы массовых репрессий.

Развитие кредитной системы в Российской Империи *

Первые попытки создания государственных кредитных учреждений в России относятся к началу XVIII в. С 1717 г. Берг-коллегия, а с 1723 г. и Мануфактур-коллегия в некоторых случаях стали ссужать владельцев предприятий казенными средствами. Ссуды выдавали также учреждения, заготавливавшие для казны провиант, военную амуницию и снаряжение. Кроме того, в 1730—1950-х гг. займы дворянам предоставляли Адмиралтейств-коллегия, Главная канцелярия артиллерии и фортификации, Иностранная коллегия и др.

В середине XVIII в. в России возникали первые банки. В то время как в странах Западной Европы банки создавались частными лицами, в России они учреждались правительством. Более того, до середины XIX в. частные банки в стране вообще были запрещены. Первым российским кредитным учреждением банковского типа стала Монетная контора, которая в 1733—1958 гг. выдавала ссуды на год высшей придворной знати под залог золота и серебра из расчета 8 % годовых.

В середине XVIII в. в условиях становления предпринимательства, государство, охраняя собственность ведущего сосло-

** Ранее опубликовано в : Бизнес. Менеджмент. Право : Ежеквартальный научно-практ. экономико-правовой журнал. — Екатеринбург. — 2003. — № 4. — С. 134—136.*

вия, стремилось воспрепятствовать переходу дворянских земель в руки ростовщиков и представителей недворянских сословий. В 1754 г. при императрице Елизавете Петровне был создан Банк для дворянства, преобразованный позднее в Государственный заемный банк. Его основной функцией было предоставление займов помещикам под льготные проценты на длительный срок. Условиями банка ссуды выдавались под 6 % годовых сроком на три года, под залог земли и крестьянских душ. В дальнейшем банк увеличил срок возврата ссуды до 20 лет. В этом же году указом «О наказании ростовщиков» в России была установлена предельно допустимая процентная ставка денежных ссуд (6 % годовых).

В 1754 г. в Российской империи был также создан Купеческий банк, который выдавал краткосрочные ссуды под залог материальных ценностей, предназначенных к вывозу из петербургского порта. Однако капитал банка был незначителен и не превышал 500 тыс. руб. К тому же ссуда предоставлялась только на полгода.

В 1758–1963 гг. с целью привлечения в казну серебряной монеты в стране действовал Медный банк. Он выдавал ссуды медной монетой из расчета 6 % годовых и требовал возвращения их на 75 % серебряной монетой. В 1764 г. был открыт Коммерческий банк в Астрахани для финансирования армянской Компании по торговле с Персией. Банк выдавал ссуды на полгода из расчета 6 % годовых под залог товаров на складах и в порту. В 1821 г. банк был ликвидирован с открытием в Астрахани конторы государственного Коммерческого банка.

В 1769 г. в связи с началом выпуска в России бумажных денег в Москве и Петербурге были образованы ассигнационные банки (в 1786 г. они были преобразованы в единый Государственный ассигнационный банк). В 1772 г. при Московском воспитательном доме были также образованы Вдовья казна (выдавала пенсии вдовам дворян и купцов после смерти кормильца, капитал составлялся из вкладов мужей), а также Ссудная казна и Сохранная казна, которые к концу XVIII в. стали крупными кредитными учреждениями.

В дальнейшем в соответствии с «Жалованной грамотой городам» 1785 г. в Российской Империи разрешалось учреждать городские общественные банки для выдачи ссуд жителям на торговые дела, а также в случае нужды и несчастья. Первым в

1785 г. на мелкие пожертвования и небольшие взносы был основан Вологодский банк, затем в 1809 г. — банк в г. Слободской Вятской губернии. К 1861 г. местные банки существовали в более чем 20 городах страны (наиболее крупные — Архангельский, Томский, Устюжский). Они выдавали ссуды не только горожанам, но и помещикам.

В 1786 г. Дворянский заемный банк был преобразован в Государственный заемный банк, существовавший до 1860 г. В 1797 г. в целях «скорой помощи» дворянам открылся Вспомогательный банк для дворянства. В том же году для кредитования промышленности и торговли при Государственном ассигнационном банке была образована учетная контора. Она выдавала купцам, ремесленникам и промышленникам деньги на 9 месяцев под залог товаров и под векселя. В 1806 г. такие конторы созданы в Архангельске, Москве, Одессе, Таганроге, Феодосии и других городах.

В начале XIX в. кредитные учреждения продолжали обслуживать в основном землевладельцев, кредит носил главным образом потребительский характер. Роль банков в хозяйственной жизни была крайне ограниченной. Вместе с тем развитие промышленности и торговли, начавшийся промышленный переворот, расширение товарной сферы в сельском хозяйстве требовали преобразования кредитных отношений. К первой четверти XIX в. относятся поиски новых форм банковской системы. Манифестом от 7 мая 1817 на основе учетных контор Государственного ассигнационного банка в России создается единый государственный Коммерческий банк.

Развивавшиеся в стране рыночные отношения привели к оформлению во 2-й половине XIX в. новой кредитной системы. Во главе ее встал Государственный банк Российской Империи, который к началу 1890-х гг. имел 110 филиалов. Государственный банк хранил золотой запас, осуществлял денежную эмиссию и являлся собственностью российского государства. Это важная особенность кредитной системы России, поскольку главные банки других стран — Английский или Французский — не являлись собственностью соответствующих государств. Вокруг Государственного банка сформировалась большая сеть акционерных коммерческих банков, основной задачей которых было финансирование народного хозяйства страны. Денежные средства Госбанка были в основном казенными, частные лица аккумулировали свои денежные средства

в коммерческих банках. По характеру своих операций этот банк отличался от кредитных учреждений европейских стран. Основная часть средств Государственного банка направлялась на финансирование помещиков, банк давал им кредиты под залог имений. Промышленность банк кредитовал слабо и давал ссуды предпринимателям только с разрешения правительства.

Государственный банк был центром краткосрочного кредита. Долгосрочный ипотечный кредит в России предоставляли два банка — основанный в 1882 г. Крестьянский поземельный и Дворянский земельный банки, созданный в 1885 г. Крестьянский поземельный банк выдавал крестьянам ссуды под залог земли, а также помогал помещикам продавать имения. Дворянский земельный банк оказывал всяческую поддержку помещикам и выдавал долгосрочные ссуды дворянам-землевладельцам под залог имений на выгодных условиях (1–2 % годовых).

Неразвитость кредитной системы в России являлась определенным тормозом для развития рыночных отношений, и в начале 1870-х гг. в банковском деле начинается настоящая учредительная горячка. Бурное развитие промышленности и железнодорожного строительства требовало крупных капиталов, превышающих возможности отдельных предпринимателей, поэтому в этот период повсеместно возникают акционерные общества. В эти же годы подобный процесс происходил почти во всех развитых странах Европы, а также в США и в Японии. Он получил название «грюндерство» (т. е. массовое учреждение акционерных обществ, страховых кампаний, банков), и все это сопровождалось выпуском ценных бумаг и биржевыми спекуляциями.

Развитие коммерческого кредита в России находилось под жестким контролем правительства, что проявлялось в законодательном ограничении учреждения новых банков. При этом некоторые коммерческие банки, чаще всего крупные петербургские и московские, получали правительственную поддержку. За счет средств Госбанка осуществлялось их неуставное долгосрочное финансирование. В результате искусственно ограничивалась конкуренция между банками, отдельным из них создавались привилегированные условия, что способствовало концентрации и централизации капиталов. Следствием такой политики стало сравнительно небольшое количество действующих коммерческих банков в стране: в 1913 г. в России их на-

считывалось 47, в то время как в европейских странах число банков исчислялось сотнями.

Более половины банков были сосредоточены в г. Санкт-Петербурге, среди них наиболее крупные — Азово-Донской и Международный банки. Столичные банки имели развитую сеть филиалов по всей стране. В Москве преобладали средние, а в провинции — мелкие банки. Следует отметить, что крупнейшие банки России находились в зависимости от иностранных капиталов, до 40 % их акций принадлежало иностранным банкам. Так, Русско-Азиатский банк был связан с французским капиталом, Петербургский международный — с германским, крупнейшими акционерами Азово-Донского банка были французские и немецкие банки. Основными операциями коммерческих банков были: учет векселей, выдача ссуд под залог ценных бумаг, имущества, товаров, земли, а также привлечение средств во вклады и ведение текущих счетов. Выдаваемые коммерческими банками кредиты были, как правило, «дорогими». Средний учетный процент коммерческих банков составлял 7–8 %, а Госбанка — 5,5–6 %.

На Урале в дореформенный период владельцы горнозаводских имений были привилегированными заемщиками российских банков и активно пользовались долгосрочными ссудами под залог крепостных. Большое значение для уральских промышленников имел созданный в 1817 г. государственный Коммерческий банк. В Екатеринбурге работала одна из трех созданных им по России контор, специализировавшаяся на выдаче ссуд под готовую продукцию металлургических заводов. Временная контора банка работала и на Ирбитской ярмарке.

Проведенная в 1860-х гг. реформа банковского дела в России была нацелена на совершенствование форм кредита в новых экономических условиях. Одним из направлений банковской реформы стало создание частных и акционерных коммерческих банков. В 1872 г. в России начал действовать Волжско-Камский банк, ориентированный на Урало-Поволжский регион. Постепенно Урал превратился в регион со значительной сетью банковских филиалов. В Оренбурге, Перми и Уфе действовали отделения Волжско-Камского банка, в Екатеринбурге — Волжско-Камского и Сибирского банков. В Челябинске были представлены Петербургский международный и Торгово-промышленный банки. В Троицке работал филиал Сибирского, в

Миассе, Орске и Уральске — Торгово-Промышленного банка. Всего в 1910 г. в трех уральских губерниях действовало 24 филиала российских коммерческих банков. Наибольшую активность в уральском регионе проявили Волжско-Камский, Петербургский международный, Русско-Азиатский и Сибирский банки.

С конца XIX в. в финансово-кредитной системе России значительную роль играли предприятия частного банкирского промысла. К ним относились банкирские дома и меняльные лавки. Банкирские дома, банкирские конторы — это частные кредитные учреждения, существовавшие в форме торгового дома, владельцы которого при регистрации получали гильдейские свидетельства. Они возникли в конце XVIII — начале XIX в. в Вильно, Москве, Одессе, Петербурге, Риге и других городах. Среди них крупнейшими были банкирские дома Гинцбургов, Поляковых, Штиглица и др. В отличие от других учреждений коммерческого кредита (коммерческих банков, обществ взаимного кредита, городских общественных банков), банкирские дома не подлежали строгой законодательной регламентации, не имели устава и не были обязаны публиковать свои балансы.

С 1890-х гг. банковские дома вели активные биржевые операции с государственными фондами и акциями банков и торгово-промышленных компаний. К 1913 г. в России действовало около 300 банковских домов. Большая часть их находилась в столице, за ней со значительным отставанием следовала Москва. В начале XX в. наиболее крупные банковские дома реорганизовывались в акционерные банки. Так, например, банковский дом братьев Рябушинских был преобразован в Московский банк.

До 1890-х гг. в России не было специального законодательства для учреждений банковского промысла. Их владельцы, как купцы, получали гильдейские свидетельства на право ведения кредитных и финансовых операций. Законодательство 1895 г. упорядочило работу предприятий частного банковского промысла, что выразилось в запрещении меняльным лавкам проводить операции краткосрочного кредита, а также обмен валюты. За ними закреплялось право размена денежных знаков и оплаты вышедших в тираж купонов ценных бумаг. Министерству финансов Российской империи разрешалось проводить ревизию любого банковского заведения без особого на то разрешения владельца.

В начале XX в. многие такие учреждения разорились и стали банкротами. Такая судьба постигла, в частности, существовавшие в Екатеринбурге в конце XIX — начале XX в. банкирские конторы «Товарищество А. Печенкин и К°» и «Наследников Я. П. Андреева». Екатеринбургское отделение «Товарищества А. Печенкин и К°» было основано в начале 1880 г. и занималось скупкой и продажей ценных бумаг, золота, серебра, платины, выдавало ссуды под залог ценных бумаг и вещей, страховало билеты выигрышных займов, принимало вклады, переводило деньги по России, за границу и т.д. В 1880—1890-х гг. контора успешно развивалась, однако в начале 1900-х гг. рискованные операции с ценными бумагами привели ее к краху. В августе 1904 г. екатеринбургское отделение прекратило платежи (одновременно с банковской конторой наследников Я.П. Андреева), что вызвало мощный финансовый кризис в Екатеринбурге и панику среди вкладчиков. Екатеринбургское отделение товарищества было признано несостоятельным и по его делам учреждено конкурсное управление.

Банкирская контора Я.П. Андреева была основана в 1879 г. екатеринбургским купцом Я.П. Андреевым. Она принимала вклады населения, выдавала ссуды под залог ценных бумаг и вещей, а также осуществляла другие банковские операции. При конторе регулярно проводились аукционы по продаже просроченных залогов. Банковская контора обслуживала в основном малоимущих екатеринбуржцев, а также мелких торговцев и ремесленников. В 1880—1890-е гг. контора развивалась вполне успешно, что позволило ей открыть отделение в Тюмени. В конце 1890-х гг. контора «Наследников Я.П. Андреева» стала активно заниматься скупкой и перепродажей акций, что и привело ее к краху. Несмотря на частое банкротство, численность учреждений банковского промысла продолжала оставаться значительной. В 1909 г. в стране насчитывалось 287 банкирских домов и 88 меняльных лавок, большинство из них находилось в столице и других крупных городах.

Наряду с государственными и коммерческими банками в финансово-кредитную систему России входили и другие структуры: учреждения малого кредита, сберегательные кассы и т. д. Сеть учреждений малого кредита была достаточно разветвленной. К ней относились общества взаимного кредита, кредитные и ссудно-сберегательные товарищества, земские кассы, городские банки и другие учреждения. Все они действовали

на основании утвержденных правительством уставов, строго определяющих их деятельность и порядок ведения отчетности. Учреждения малого кредита выдавали краткосрочные кредиты промышленникам и мелким торговцам. С конца XIX в. в финансово-кредитной системе России возрастала роль сберегательных касс. С 1895-го по 1910 г. количество сберегательных касс удвоилось, выросло число вкладчиков, а их годовые вклады увеличились в четыре раза.

Таким образом, значительное число банков, учреждений малого кредита и сберкасс в Российской империи свидетельствуют о том, что финансово-кредитные отношения в стране развивались достаточно успешно.

Рец.: Мотревич В. П. — Смыкалин А.С. Русское законодательство конца XVI — начала XVII века. Судебник 1589 года. Судебник 1606—1607 годов: Учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2005. — 155 с.*

Рецензируемая книга посвящена двум малоизученным в истории российского законодательства документам, ранее не включавшимся в курс истории отечественного государства и права. Как известно, к середине XVI в. в России оформляется сословно-представительная монархия. Укреплению русского централизованного государства в XVI—XVII вв. способствовало и создание общероссийского законодательства. Однако в силу разных причин не все памятники права рассматриваемого периода изучены. Некоторые из них не сохранились, другие оказались просто забытыми и не изучались ни в курсе русского права до революции, ни в истории Советского государства и права, ни в современном курсе истории отечественного государства и права. К таким важным правовым документам относится Судебник 1589 г. Открытый и изданный С.К. Богоявленским, он вызвал несколько попыток объяснения его происхождения.

Так, В.О. Ключевский считал, что Судебник 1589 г. — это проект переработки Судебника 1550 г., притом проект черновой, неисправный, далеко не приготовленный к докладу на утверждение верховной власти. М.Ф. Владимирский-Буданов, подвергший Судебник особенно тщательному анализу, при-

* Ранее опубликовано в : История государства и права. — 2006. — № 5. — С. 38.

шел к выводу, что ни царь, ни Дума и Собор не принимали никакого участия в составлении этого памятника и, вероятно, никто из них не знал о его существовании. С.В. Юшков допускал, что источником Судебника 1589 г. был Царский Судебник 1550 г., что в какой-то мере сближает его с позицией В.О. Ключевского. Вместе с тем он предполагал, что хотя судебник и назывался Судебником царя Федора Иоанновича, тем не менее, был результатом работы частного лица, вероятно, какого-либо земского судьи.

Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. стал известен в русской исторической науке лишь в 1899 г., когда список памятника был опубликован. В последующие годы были обнаружены еще четыре его списка. Данные списки делятся на Краткую и Пространную редакции. В рецензируемом учебном пособии материал дается по Пространной редакции, хотя для наглядности приводится и Краткая.

По мнению А.С. Смыкалина, Судебник 1589 г. явился своего рода пособием и комментарием для земских судей, действовавшим после отмены системы кормлений. Судебник интересен и с точки зрения изучения поземельных отношений среди черных (государственных) крестьян, он свидетельствует о совершенствовании аппарата уголовных репрессий, в нем появились некоторые новые нормы материального права, не известные новации имели место не только в сфере уголовно-правовых, но и гражданско-правовых отношений. В частности, Судебник содержит специальный раздел, посвященный наследственному праву, согласно которому распоряжаться наследством можно было уже более свободно.

В настоящее время, как и сто лет назад, Судебник 1589 г. недостаточно хорошо изучен. Основные исследования по этому крупному памятнику русского права относятся к началу прошлого века. Однако «забытый» Судебник царя Федора Иоанновича дает современным юристам и историкам права богатейший материал о правовой культуре и юридической технике конца XVI в., что, в свою очередь, свидетельствует об отдельном этапе в развитии русского законодательства.

Второй опубликованный в пособии источник — это Судебник Василия Шуйского 1606–1607 гг. (Сводный Судебник). Основная его ценность заключается в попытке кодификации предшествующего русского права. Проведенный автором по-

собия анализ законодательного акта показывает, что уровень юридической техники в Сводном Судебнике по сравнению с предшествующим законодательством выше. Законодательный материал расположен по троичному принципу: статья, глава, грань (раздел). Однотипные по составу статьи собраны в главы, однородные главы — в разделы (грани), что является новым шагом на пути кодификации русского права.

Важной особенностью вышедшего пособия является наличие в нем биографических справок, а также специальных разделов, посвященных истории возникновения судебныхников, оценке уровня юридической техники, краткого анализа их содержания и др. При этом А.С. Смыкалин не ограничивается характеристикой тех или иных разделов судебныхников, а подробно исследует различные подходы к их оценке в трудах историков права. Следует отметить, что пособие снабжено постатейными комментариями текста. Это позволяет легче в нем разобраться и делает Судебники 1589 г. и 1606—1607 гг. доступными для использования в качестве источника для работы на семинарских занятиях.

В целом можно оценить рецензируемую работу как интересную и весьма полезную. Опубликованные в ней Судебники являются важным этапом в истории русского права, отразившим изменения в обществе в конце XVI — начале XVII в. Публикация этих источников права дает возможность их изучения в ряду других важнейших законодательных актов феодальной России.

Иностранные граждане в Северо-Западной Сибири * (по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г.)

Северо-Западная Сибирь — территория современной Тюменской области, с учетом прошедших с 1923-го по 1944 г. административно-территориальных преобразований. В ноябре 1923 г. на территории Тюменской губернии образуются Ишимский, Тобольский и Тюменский округа, вошедшие в состав Уральской области с центром в Свердловске. На протяжении второй половины 1920-х гг. идет район районирование области, в результате в 1930 г. на ее территории образуются два национальных

* Ранее опубликовано в кн.: *Великий подвиг народа // Третьи военно-истор. чтения, посвященные 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Ханты-Мансийск. — Екатеринбург: Волот, 2005. — С. 305—307.*

округа — Остяко-Вогульский и Ямало-Ненецкий. В 1933 г. Северо-Западная Сибирь вновь претерпела территориальные преобразования, из ее состава выделяется Обь-Иртышская область с административным центром в г. Тюмени. Однако новое образование просуществовало недолго. В декабре 1934 г. было признано целесообразным включить данную территорию вместе с национальными округами на севере в состав Омской области. Такое новообразование просуществовало до августа 1944 гг., когда создается самостоятельная административно-территориальная единица — Тюменская область. Таким образом, существующие материалы позволяют рассматривать данную проблему только на материалах Омской области, куда и входила во второй половине 1930 гг. территория Северо-Западной Сибири.

Вторая Всесоюзная перепись населения была проведена в январе 1937 г. Однако вскоре постановлением СНК СССР ее организация была признана неудовлетворительной, а данные — «дефектными». Причина такой оценки результатов переписи заключалась в том, что сведения о численности населения Советского Союза оказались значительно ниже ожидаемых. Организаторы проведения переписи 1937 г. были репрессированы, а сама она на десятилетия упрятана в спецхраны центральных архивов.

В настоящее время, когда появился доступ к материалам переписи 1937 г., исследователи сходятся во мнении, что недоучет населения в 1937 г. не превышал допустимых норм и не превосходил аналогичных показателей других советских переписей. В последнее время исследователям удалось обнаружить и опубликовать целый комплекс результатов Второй Всесоюзной переписи, среди них — подготовительные материалы по проведению переписи, переписка по ее итогам, данные по численности населения, национальному составу, уровню образования, грамотности и т. д. Все опубликованные материалы содержат, в основном, сведения по стране в целом, объем же данных по регионам весьма незначителен.

Однако, помимо учета населения СССР, Всесоюзная перепись 1937 г. учитывала и иностранных граждан, находящихся в момент ее проведения на территории Советского Союза (сведения о наличии таких материалов отсутствуют как в существующих научных публикациях, так и в опубликованных в 1991 г.

итогах самой переписи). Судя по обнаруженным автором данной публикации материалам, учет иностранных граждан производился по упрощенной схеме. Формуляр переписного листа включал не 14 вопросов, как для всех советских граждан, а лишь 4 — подданство, национальность, пол, возраст (до 18 лет; 18 лет и старше). Численность учтенных таким образом иностранных граждан в СССР составила 192 943 человека, эти сведения в опубликованные итоги Всесоюзной переписи населения 1937 г. не вошли.

Анализ материалов Всесоюзной переписи показывает, что по состоянию на начало 1937 г. в Северо-Западной Сибири насчитывалось 1 145 иностранных подданных. Среди них 900 человек (79 %) составляли лица мужского пола. Перепись учитывала и детей в возрасте до 18 лет, таковых оказалось 224 человека (20 %). Среди учтенных переписью иностранцев наиболее крупные диаспоры составляли так и не принявшие советского гражданства подданные бывшей Австро-Венгерской империи — 222 человека, а также граждане Финляндии, Польши и Эстонии — соответственно 278, 196 и 184 человека и подданные Румынии — 70 человек. Небольшие группы численностью от 10 до 40 человек составляли граждане Германии, Греции, Китая, Латвии, Литвы, Монголии, Чехословакии и Югославии. Среди оказавшихся на момент проведения переписи в Северо-Западной Сибири иностранцев были также два турка, два француза, два англичанина и даже один бразилец.

Таким образом, материалы переписи Всесоюзной переписи населения 1937 г. содержат только самые общие данные об иностранных подданных в СССР в республиканском и областном разрезе. Можно только предполагать, что одни из них приехали в СССР в качестве специалистов и трудились в народном хозяйстве, другие были репрессированы и находились в обильно расположенных в этом регионе лагерях и тюрьмах ГУЛАГа. Тем не менее, данные переписи являются отправной точкой для выяснения причин нахождения иностранных подданных в этом отдаленном и малоосвоенном в то время районе Сибири, выяснении их дальнейших судеб.

**Библиографический указатель трудов профессора
Мотревича Владимира Павловича**

Монографии. Учебники. Популярные книги. Препринты

1. Трудовой подвиг колхозного крестьянства Урала в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Авт. дис. ... канд. ист. наук. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1983. — 18 с.
2. Свердловская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны // Идеям партии верны : Свердловская областная партийная организация КПСС : Хроника. Т. 2. — Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983. — С. 57–69.
3. Колхозное производство на Урале в период Великой Отечественной войны // Препринт. — Свердловск : Изд-во УНЦ АН СССР, 1985. — 50 с. (в соавторстве с Г.Е. Корниловым).
4. Совхоз на современном этапе : История «Зари». — Свердловск : Изд-во УНЦ АН СССР, 1988. — 358 с. Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР. — № 21156 (в составе авторского коллектива).
5. Развитие сельского хозяйства Урала в первые послевоенные годы (1946–1950) // Препринт. — Свердловск, УрО АН СССР, 1989. — 52 с.
6. Сельское хозяйство Урала, 1946–1960 гг. // История народного хозяйства Урала (1946–1985 гг.). Ч. 2. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1990. — С. 60–81.
7. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1990. — 195 с.; Рец.; Зеленин И. Е. — В. П. Мотревич. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1990 // История СССР. — 1991. — № 6. — С. 168–172.
8. Материальное благосостояние колхозников Урала в 1950-е — первой половине 60-х гг. : Материалы к спецсеминару. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1990. — 36 с.
9. Валовая продукция сельского хозяйства Урала в 1941–1960 гг. // Препринт. — Свердловск, ИИА УрО АН СССР, 1991. — 72 с.
10. Развитие сельского хозяйства на Урале в 1940-е гг. Дис. ... д-ра ист. наук. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1993. — 42 с.
11. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941–1950 гг.). — Екатеринбург : Наука, 1993. — 307 с.; Рец. :

Зеленин И.Е. — В.П. Мотревич. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941—1950 гг.). — Екатеринбург : Наука, 1993. — 307 с. // Отечественная история. — 1994. — № 3. — С. 218—221.

12. Урал в послевоенный период // История Урала : XX век : Учебник. Ч. 2. — Екатеринбург : Изд-во УГТУ, 1998. — С. 190—216 (в соавторстве с Б.В. Личманом).

13. Урал в середине и второй половине века // История Урала : XX век : Учеб. пособие для 9-го класса. — Екатеринбург : СВ-96, 1999. — 2,2 п. л. (в соавторстве с Л.Н. Мазур).

14. Уральский край в первое послевоенное десятилетие // Урал : век двадцатый : Очерки истории. — Екатеринбург : Урал. рабочий, 2000. — 1,7 п. л. (в соавторстве с С.В. Горшковым).

15. Историческая демография России : Учеб. пособие. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2000. — 168 с.

16. Всесоюзная перепись населения СССР : 1939 г. : Уральский регион. — Екатеринбург : ГУ, 2002. — 369 с.

17. Экономическая история России : Учеб. пособие : Ч. 1. (С древнейших времен до 1917 г.). — Екатеринбург : ГУ, 2003. — 280 с.

18. Сельское хозяйство в послевоенные годы // История Урала с середины XIX в. до нашего времени : Учеб. пособие. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2003. — С. 270—283.

19. Экономическая история России. — Екатеринбург : ГУ, 2004. — 712 с. Рекомендована УМО по образованию в области финансов, бухгалтерского учета и мировой экономики в качестве учебного пособия для студентов, обучающихся по специальностям: «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит».

20. Сельское хозяйство в послевоенные годы // История Урала с древнейших времен до наших дней : Учебник для 10—11-х классов общеобразовательных учреждений. — Екатеринбург : Сократ, 2004. — С. 406—412.

21. История России для технических вузов : Учеб. пособие. Ростов-на-Дону : Феникс, 2004. — 576 с. (в составе авторского коллектива).

22. Ректоры Свердловского юридического института — Уральской юридической академии (биографические хроники). — Екатеринбург : УрГЮА. 2005. — 52 с. (в соавторстве с М.И. Кондрашовой и А.С. Смыкалиным).

23. История России : Разные конструкции истории — разный смысл жизни. — Екатеринбург : СВ-96, 2005. — 576 с. (в

составе авторского коллектива). Допущено Министерством образования РФ в качестве учебного пособия для студентов технических вузов.

24. Экономическая история России. — Екатеринбург : ГУ, 2005. — 712 с. Рекомендован УМО по образованию в области финансов, бухгалтерского учета и мировой экономики в качестве учебного пособия для студентов, обучающихся по специальностям: «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит».

25. История и современность. 75 лет Уральской государственной юридической академии. — Екатеринбург : УрГЮА, 2006. — 463 с. (в составе авторского коллектива).

26. История отечественного государства и права : Тематика и методические рекомендации для написания курсовых и дипломных работ. — Екатеринбург : УрГЮА, 2006. — 72 с. (4,2 п. л., в соавторстве с А.С. Смыкалыным и Т.М. Баженовой).

Статьи и выступления

27. Материальное положение колхозного крестьянства Среднего Урала в период Великой Отечественной войны // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в период социализма. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1981. — С. 45–66.

28. Историография трудового подвига колхозного крестьянства Урала в период Великой Отечественной войны // Вопросы развития сельского хозяйства Урала. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1981. — С. 52–75. Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР, № 6734.

29. Когда над страной нависла угроза (помощь трудящихся Свердловской области эвакуированному населению) // Политическая агитация. — Свердловск. — 1981. — № 11. — С. 23–28.

30. Машинно-тракторные станции Среднего Урала в период Великой Отечественной войны // Развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма. — Свердловск : Изд-во УНЦАН СССР, 1982. — С. 68–71.

31. Трудовая активность колхозного крестьянства Урала в период Великой Отечественной войны // Трудовая и общественно-политическая активность рабочего класса Урала. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1982. — С. 40–49.

32. Прием и размещение эвакуированного населения на Среднем Урале в начальный период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) // Из истории социалистического строительства на Урале. Вып. 5. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1983. — С. 78–85. Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР, № 12145.

33. Перестройка работы колхозов Урала в годы Великой Отечественной войны // Там же. — С. 98–156.

34. Социалистическое соревнование колхозников Урала в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Социалистическое соревнование в народном хозяйстве Урала в условиях социализма. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1984. — 0,7 п. л.

35. К вопросу общественно-политической активности колхозников и работников совхозов Западного Урала в 1970-е гг. // Социально-экономические проблемы развития уральского села в 60–80-е гг. — Свердловск: Изд-во УНЦ АН СССР, 1985. — 0,3 п. л. (в соавторстве с И.Н. Никитиной, Р.П. Толмачевой, Ю.Г. Юговым).

36. Общественно-политическая жизнь уральской деревни в современной исторической литературе // Общественно-политическая жизнь уральской советской деревни. — Свердловск: Изд-во УНЦ АН СССР, 1985. — С. 3–15 (в соавторстве с Г.Е. Корниловым, Р.П. Толмачевой).

37. Совхозы Урала в период Великой Отечественной войны // Урал в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). — Свердловск: Изд-во УНЦ АН СССР, 1985. — 0,3 п. л.

38. Совхозы Урала на современном этапе // Урал и проблемы региональной историографии. — Свердловск: Изд-во УНЦ АН СССР, 1986. — С. 153–156.

39. Новая научная литература о совхозах Урала в условиях социализма // Совхозы Урала в период социализма. — Свердловск: Изд-во УНЦ АН СССР, 1986. — С. 3–13 (в соавторстве с Р.П. Толмачевой).

40. Совхозное строительство на Урале в переходный период (историография проблемы) // Великий Октябрь и социалистическое строительство на Урале и в Сибири в переходный период. — Тюмень: ТГУ, 1987. — С. 128–131.

41. Сельское хозяйство Среднего Урала в 1940-е гг. // Развитие сельского хозяйства Свердловской области за годы Советской власти. — Свердловск: Изд-во УНЦ АН СССР, 1987. — С. 18–32.

42. Заготовки сельскохозяйственной продукции в колхозах Урала в период Великой Отечественной войны // Актуальные вопросы совершенствования экономических отношений на Урале. — Свердловск : Изд-во УНЦАН СССР, 1987. — С. 3—13.

43. Источники пополнения совхозных кадров на Среднем Урале на современном этапе // Население и трудовые ресурсы уральской советской деревни. — Свердловск : Изд-во УНЦАН СССР, 1987. — С. 121—127.

44. По пути, указанному ленинским декретом // Политическая агитация. — Свердловск, 1987. — № 19. — С. 10—18 (в соавторстве с Р.П. Толмачевой).

45. Хлебозаготовки на Урале в Великой Отечественной войне // Октябрь на Урале : история и современность. — Свердловск : Изд-во УНЦАН СССР, 1988. — С. 70—74.

46. Проблемы материального благосостояния сельских тружеников Урала в новейшей литературе // Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни. — Свердловск : Изд-во УНЦАН СССР, 1988. — С. 4—13 (в соавторстве с Р.П. Толмачевой, В.В. Третьяковым).

47. Личное подсобное хозяйство колхозников Среднего Урала в 1946—1958 гг. (по материалам бюджетных обследований) // Там же. — С. 38—54.

48. Источники формирования кадров в совхозе «Заря» Ачитского района Свердловской области в 1957—1985 гг. // Экономические методы решения проблем продовольственной программы. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1988. — С. 70—71.

49. Проблемы материального благосостояния колхозников Башкирии в 1950-е гг. (по материалам бюджетных обследований) // Октябрьская революция и осуществление ленинской национальной политики в Поволжье и Приуралье. — Уфа : БГУ, 1988. — 0,2 п. л.

50. Деятельность профсоюзов по улучшению культурно-бытовых условий работников совхозов Урала в 1946—1953 гг. // Развитие культуры уральской советской деревни. — Свердловск : Изд-во УНЦАН СССР, 1989. — С. 76—85.

51. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны // Молодежь и актуальные проблемы исторической науки : Материалы республиканской научной конференции. — Киев : КГУ, 1989. — С. 174—177.

52. Неопубликованные материалы Госкомстата СССР как источник по истории совхозов в 40—50-е гг. // Тезисы докладов

и сообщений IV Республиканской научной конференции по историческому краеведению. — Киев : КГУ, 1989. — С. 103–104.

53. Динамика и структура неделимых фондов колхозов в период Великой Отечественной войны // Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства за годы Советской власти. — Свердловск : Изд-во УНЦАН СССР, 1989. — С. 46–48.

54. Национальный состав сельского населения Урала (по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г.) // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. — Новосибирск : СО АН СССР, 1989. — С. 42–43.

55. Материально-бытовое положение населения СССР. Программа специального курса. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1989. — 18 с.

56. Трудовой героизм колхозников Пермской области в годы Великой Отечественной войны // Социальная активность тружеников уральской деревни. — Свердловск : ИИ и А УрО АН СССР, 1990. — С. 28–40.

57. Национальный состав сельского населения Урала накануне Великой Отечественной войны // Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1990. — С. 106–117.

58. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны // Возникновение Второй мировой войны и антифашистская борьба в Европе. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1990. — 0,1 п. л.

59. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны // В. И. Ленин и опыт социалистического строительства на Урале. — Свердловск : ВПИШ, 1990. — С. 91–92.

60. Нажим на деревню достиг «предела» // Наука Урала. — 1990. — 3 мая.

61. Региональные особенности развития сельского хозяйства на Урале в годы Великой Отечественной войны // Урал в период Великой Отечественной войны. — Уфа : БГУ, 1990. — 0,3 п. л.

62. Динамика численности и состава аграрных рабочих Урала в послевоенные годы // Труд и кадры в народном хозяйстве. — Свердловск : СИНХ, 1990. — С. 78–85.

63. Роль правовых стимулов в сельском хозяйстве в условиях Великой Отечественной войны // Творчество и право : Тезисы научной конференции. — Тюмень : ТГУ, 1990. — С. 188–189.

64. Сельскохозяйственное освоение Урала : основные направления исторического исследования // Методология, историог-

рафия и источники исторического опыта регионального развития. Вып. 1. — Свердловск: ИИА УрО АН СССР, 1990. — С. 41—43.

65. Сельскохозяйственное переселение на Урал в 40—50-е гг. // Основные концепции проблем истории советского общества. — Свердловск: ИИА УрО АН СССР, 1990. — 0,5 п. л.

66. К проблеме партийного руководства колхозами в условиях Великой Отечественной войны // В. И. Ленин и социалистическое строительство на Урале. — Свердловск: Изд-во ВПШ, 1990. — 0,1 п. л.

67. Зерновое хозяйство на Урале в послевоенные годы // Страницы истории советского общества: опыт, проблемы. — Челябинск: ЧГУ. 1991. — 0,2 п. л.

68. Переселение на Урал: 1941 — начало 50-х гг. // История Советской России: новые идеи, суждения. — Тюмень: ТГУ, 1991. — 0,1 п. л.

69. Новые материалы по истории сельского хозяйства и советского крестьянства // Социально-экономические и политические проблемы истории крестьянства Северо-Запада РСФСР. — Новгород: НГПИ, 1991. — С. 121—123.

70. Переселение на Урал: 1941 — середина 50-х гг.: Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. Ч. 1. — М.: Изд-во ИИ и АН СССР, 1991. — 0,1 п. л.

71. Спецпереселенцы 40-х: «хроника великого переселения» // Демографические процессы на Урале, в Сибири, Средней Азии и в Казахстане. — Целиноград: ИИ и АЭ АН КазССР, 1991. — С. 182—184.

72. Немецкая трудармия на Урале: К 50-летию начала депортации немецкого населения Поволжья // Наука Урала. — 1991. — № 33 (в соавторстве с А.А. Капустиным).

73. Динамика и структура валовой продукции сельского хозяйства Урала в 1941—1945 гг.: Тезисы докладов XXIII Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. — М.: Изд-во ИИ АН СССР, 1991. — С. 46—48.

74. Динамика зернового производства на Урале в послевоенные годы (1946—1965 гг.) // Количественные методы в исследованиях по истории советского рабочего класса и крестьянства. — Свердловск: ИИ и А УрО АН СССР, 1991. — 0,5 п. л.

75. Спецпереселенцы из Западной Украины в восточных районах СССР в первые послевоенные годы // V Всеукраїнська

конференція «Розвиток історичного краєзнавства в контексті національного і культурного відродження України». — Кам'янець-Подільський, 1991. — С. 300–301.

76. Они «дошли» до Урала // Уральский рабочий. — 1991. — 31 мая (в соавторстве с А. Капустиным).

77. Беженцы // Уральский рабочий. — 1991. — 22 июня.

78. Спецпоселенцы // Уральский рабочий. — 1991. — 9 июля (в соавторстве с А.А. Капустиным).

79. 3 батьківщини-вилучені // Радянське Поділля (Хмельницький). — 1991. — 11 грудня.

80. Исчезнувшее правительство // Уральский рабочий. — 1991. — 26 дек. (в соавторстве с А.А. Капустиным).

81. Исторический опыт аграрного освоения Урала : Программа специального курса. — Свердловск : Изд-во УрГУ, 1991. — 12 с.

82. Освоение уральской целины // Проблемы истории регионального развития. — Свердловск: ИИ и А УрО РАН, 1992. — С. 50–57.

83. Приусадебное хозяйство колхозников Среднего Урала в 1940-е гг. // Крестьянское хозяйство : история и современность. — Вологда: ВГПИ, 1992. — С. 164–166.

84. Кладбища военнопленных: что дальше? // Международное общество прав человека : Уральская группа. Специальный вып. — Первоуральск, 1992. — С. 11–15.

85. Солдаты вермахта в рабочих спецовках // Там же. — С. 49–55.

86. Новые материалы по истории военнопленных Второй мировой войны // Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1992. — С. 85–86.

87. Словник // Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург : ИИА УрО РАН, 1992. — 0,1 п. л.

88. Немецкая трудармия в Пермской области // Проблемы и тенденции развития Верхнекамского региона: история, культура, экономики : Материалы республиканской научно-практической конференции. ППИ, Березниковский филиал. 1992. — С. 52–53.

89. Где сидел адъютант Гитлера? // Уральский рабочий. — 1992. — 2 февр.

90. Солдаты вермахта в рабочих спецовках // Вечерний Первоуральск. — 1992. — 7, 9, 11 июля.

91. Аграрная политика сталинского режима в 1940-е гг. // Демократия и тоталитаризм : Европейский опыт XX века. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1993. — С. 97–98.

92. Lost in the Urals // News letter Ekaterinburg. — УрГУ. — 1993. — № 3. С. 7–9.
93. Новые материалы по истории военнопленных Второй мировой войны : Новые подходы, методы, источники. — М. : Изд-во ИиУрО РАН, 1992. — 0,1 п. л.
94. Погибли на Урале // Проблемы истории репрессивной политики на Европейском Севере России (1917–1956 гг.). — Сыктывкар : СГУ, 1993. — 0,1 п. л.
95. Die Gefangenschaft // Österreichisches schwarzes Kreuz. — 1993. — № 1. — С. 14–15. — 0,4 п. л. (в соавторстве с Д.А. Мироновым).
96. Погибли на Урале // Утренняя газ. (Таллин). — 1993. — 28 янв.
97. Соотношение социальных форм сельскохозяйственного производства на Урале в 1940–1950-е гг. // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. — М. : Изд-во ИИ РАН, 1994. — С. 181–183.
98. Генералы вермахта в Асбесте // Асбестовский рабочий. — 1994. — 21 мая.
99. Иностранные воинские захоронения на Урале // Великий подвиг народа : Исторические чтения. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1995. — 0,2 п. л.
100. Иностранные граждане на Урале в годы Великой Отечественной войны // Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1995. — С. 97–99.
101. Иностранные воинские захоронения в Свердловской области: выявление, благоустройство и проблема сохранности // Культурное достояние Урала и Сибири. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1995. — С. 99–100.
102. Валовая продукция сельского хозяйства СССР в годы Великой Отечественной войны (региональный аспект) // 50 лет Победы в Великой Отечественной войне. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1995. — 0,2 п. л.
103. Немецкая «трудовая армия» в Свердловской области в 1940-е гг. // Немцы Сибири: история и современность: Материалы... Ч. I. — Омск, 1995. — С. 81–83 (в соавторстве с Е.А. Шефер).
104. Электрификация сельского хозяйства Урала 1940–1950-е гг. // Летопись уральских деревень. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1995. — С. 68–69.
105. Погибли на Урале (Судьба депортированных в Свердловскую область высших государственных деятелей Эстонской Республики) // Архивы Урала. — Екатеринбург. — 1996. — № 1. — 0,3 п. л.

106. Иностранцы граждане на Урале в первой половине XX в.: численность, состав, трудоустройство // Россия и Западная Европа : взаимодействие индустриальных культур. Т. 1. — Екатеринбург : ИИ и А РАН, 1996. — 0,1 п. л.

107. О результатах эксгумации японских военнопленных на кладбище спецгоспиталя № 2929 МВД СССР в г. Нижний Тагил Свердловской области // Ценности и идеология в современной России. — Екатеринбург : УГТУ, 1996. — С. 86–89.

108. К вопросу о захоронениях военнопленных Второй мировой войны на территории Челябинской области // Двенадцатые Бирюковские чтения : Тезисы научно-практической конференции. — Челябинск : ЧГУ, 1996. — 0,1 п. л.

109. Историческая демография : Программа учебного курса. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1995. — 18 с.

110. История экономики : Программа учебного курса. — Екатеринбург : ГУ, 1996. — 28 с.

111. Историческая демография России : Программа учебного курса. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1996. — 22 с.

112. География населения и демография регионов (региональная геодемография) : Программа учебного курса. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1996. — 12 с.

113. Материально-бытовое положение населения России в XX в. : Программа специального курса : Программы спецкурсов по этнологии и специальным историческим дисциплинам. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1996. — С. 26–30.

114. Историческая география России : Программа специального курса // Там же. — С. 31–34.

115. Исторический опыт аграрного освоения Урала : Программа спецкурса. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1996. — 12 с.

116. Материалы Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г. // Архивы Урала. — Екатеринбург. — 1997. — № 2 (4). — 0,6 п. л.

117. Военнопленные немецкие генералы на Урале // Там же. — 0,2 п. л.

118. Foreign Citizens of Origin in the USSR according to the 1937 Census : Вестник Иерусалимского университета. — 1997. — № 1 (37). — С. 27–33 (в соавторстве с Т.В. Прошенок).

119. Деятельность органов НКВД по пресечению побегов спецпоселенцев с территории Урала и Сибири в годы Великой Отечественной войны // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика. — Нижний Тагил : НТГПИ, 1997. — 0,8 п. л. (в соавторстве с А.И. Вольхиным).

120. Иностранцы граждане еврейской национальности (по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г.) // Урал индустриальный : Региональная научная конференция. — Екатеринбург : УГТУ, 1998. — С. 39—41 (в соавторстве с Т.В. Прощенок).

121. Иностранцы военные захоронения в Свердловской области // Проблемы военного плена: история и современность. — Вологда : ВИПК, 1997. — 0,3 п. л.

122. Иностранцы военные кладбища в Тюменской области // Культурное наследие Азиатской России. — Тобольск : ТГПИ, 1997. — 0,3 п. л.

123. Военнопленные немецкие генералы на Урале в конце 1940-х — начале 1950-х гг. // Первые уральские военно-исторические чтения. — Екатеринбург : УГТУ, 1997. — С. 105—106.

124. Иностранцы военные захоронения в Свердловской области: современное состояние, проблемы сохранности и благоустройства // Архивы Урала. — Екатеринбург. — 1997. — № 1 (5). — С. 236—243.

125. Иностранцы военные кладбища в Екатеринбурге // Екатеринбург вчера, сегодня, завтра. — Екатеринбург : ИИА УрО РАН, 1998. — С. 145—148.

126. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в Свердловске // Там же. — С. 143—145 (в соавторстве с Н.В. Суржиковой).

127. Эксгумация останков японских военнопленных в Оренбургской области // Урал в прошлом и настоящем. Ч. 1. — Екатеринбург : ИИА УрО РАН, 1998. — С. 469—471.

128. Материально-бытовое положение спецпереселенцев и военнопленных на Урале в 1940-е гг. // Там же. — С. 460—462 (в соавторстве с В.Н. Мамяченковым).

129. Украинское население Урала // Урал индустриальный : Вторая региональная научная конференция. — Екатеринбург : УГТУ, 1998. — С. 70—72.

130. Татары в составе сельского населения Урала (по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г.) // Там же. — С. 60—62.

131. Военнопленные // Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург : ИИА УрО РАН, 1998. — С. 120—121.

132. Военные преступники // Там же. — С. 122.

133. Животноводство // Там же. — С. 202 (в соавторстве с С.В. Голиковой, М.Н. Денисевичем).

134. Землевладение и землепользование // Там же. — С. 209–210 (в соавторстве с С. В. Голиковой, М. Н. Денисевичем, И. В. Побережниковым).
135. Зерновое хозяйство // Там же. — С. 211–212 (в соавторстве с С. В. Голиковой, М. Н. Денисевичем).
136. Иностраннные воинские части // Там же. — С. 227.
137. Интернированные // Там же. — С. 229.
138. Исправительно-трудовые учреждения // Там же. — С. 235–236 (в соавторстве с А. С. Смыкалиным, А. Б. Сусловым).
139. Коц А. Я. // Там же. — С. 279.
140. А. М. Матросов // Там же. — С. 327.
141. Машинно-тракторные станции // Там же. — С. 327.
142. Рабочие колонны // Там же. — С. 438.
143. Репатриация // Там же. — С. 447.
144. Совхозы // Там же. — С. 486–487 (в соавторстве М. Н. Денисевичем).
145. Ссылка // Там же. — С. 495–496 (в соавторстве с А. Э. Беделем, Д. В. Гавриловым, Н. А. Миненко).
146. Трудодень // Там же. — С. 519 (в соавторстве М. Н. Денисевичем).
147. Хлебный фонд РККА // Там же. — С. 568.
148. Целина // Там же. — С. 573–574.
149. Эвакуация // Там же. — С. 603.
150. Управление демографическими процессами в России : Программа специального курса. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1998. — 12 с.
151. История России в новейшее время (XX в.) : Программа учебного курса. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1998. — 12 с.
152. История экономики : Программа учебного курса. — Екатеринбург : ГУ, 1998. — 34 с.
153. Еврейское население Урала по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. // Урал индустриальный : Третья региональная научная конференция. — Екатеринбург : УГТУ, 1999. — С. 62–65.
154. Эксгумация останков венгерских военнопленных в Новолялинском районе Свердловской области // Там же. — С. 117–120.
155. Иностраннные воинские захоронения в Свердловской области: современное состояние : Проблема сохранности и благоустройства // Там же. — 0,1 п. л. (в соавторстве с А. И. Вольхиным).

156. Японские воинские захоронения в Свердловской области: современное состояние и перспективы эксгумации // Этнокультурная история Урала, XVI–XX вв. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1999. — С. 49–52.

157. Внешняя политика СССР и миграция евреев — иноподданных на Урал в 1930–40-е гг. // Там же. — 0,1 п. л. (в соавторстве с Т.В. Прощенок).

158. На могилах погибших врагов // Родина. — 1999. — № 1. — С. 14–16 (интервью).

159. Иностранные воинские захоронения в Свердловской области : численность, дислокация, современное состояние // Воен. ком. — Екатеринбург : ГУ. — 2000. — № 1. — С. 65–89.

160. Вещевое снабжение военнопленных в лагерях Свердловской области // Урал в стратегии Второй мировой войны. — Екатеринбург : ИИА УрО РАН, 2000. — С. 123–125 (в соавторстве с Н.В. Суржиковой).

161. Захоронения интернированных иностранных граждан и военнопленных Второй мировой войны на Среднем Урале (состояние источниковой базы) // Документ. Архив. История. Современность : Материалы научно-практической конференции, посвященной 30-летию историко-архивной специальности УрГУ. — Екатеринбург, 2000. — Ч. 1. — С. 190–194 (в соавторстве с Н.В. Суржиковой).

162. Немецкие воинские кладбища на Среднем Урале: численность, дислокация, современное состояние // Вторые уральские военно-исторические чтения. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2000. — 0,1 п. л.

163. Захоронения интернированных иностранных граждан и военнопленных Второй мировой войны на Среднем Урале : Проблемы создания единого электронного банка данных жертв политических репрессий. — Нижний Тагил : НТГПИ, 2000. — С. 97–102 (в соавторстве с Н.В. Суржиковой).

164. Военнопленные // Уральская историческая энциклопедия. Изд. 2-е доп. — Екатеринбург : ИИА УрО РАН, 2000. — С. 120–121.

165. Военные преступники // Там же. — С. 122.

166. Животноводство // Там же. — С. 202 (в соавторстве с С.В. Голиковой, М.Н. Денисевичем).

167. Землевладение и землепользование // Там же. — С. 209–210 (в соавторстве с С.В. Голиковой, М.Н. Денисевичем, И.В. Побережниковым).

168. Зерновое хозяйство // Там же. — С. 211–212 (в соавторстве с С.В. Голиковой, М.Н. Денисевичем).
169. Иностранцы воинские части // Там же. — С. 227.
170. Интернированные // Там же. — С. 229.
171. Исправительно-трудовые учреждения // Там же. — С. 235–236 (в соавторстве с А.С. Смыкалыным, А. Б. Сусловым).
172. Коц А.Я. // Там же. — С. 279.
173. Матросов А.М. // Там же. — С. 327.
174. Машино-тракторные станции // Там же. — С. 327.
175. Рабочие колонны // Там же. — С. 428.
176. Репатриация // Там же. — С. 447.
177. Совхозы // Там же. — С. 486–487 (в соавторстве М.Н. Денисевичем).
178. Ссылка // Там же. — С. 495–496 (в соавторстве с А.Э. Беделем, Д.В. Гавриловым, Н.А. Миненко).
179. Трудодень // Там же. — С. 519 (в соавторстве М.Н. Денисевичем).
180. Хлебный фонд РККА // Там же. — С. 568.
181. Целина // Там же. — С. 573–574.
182. Эвакуация // Там же. — С. 603.
183. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (состояние источниковой базы) // Урал на пороге третьего тысячелетия : Материалы международной научной конференции. Екатеринбург. 14–15 дек. 2000 г. — Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 2000. — С. 48–51 (в соавторстве с Н.В. Суржиковой).
184. Вермахт на Среднем Урале // Урал. — 2000. — № 7. — С. 69–74.
185. Историческая демография России : Программа учебного курса. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2000. — 22 с.
186. Захоронения военнопленных Второй мировой войны на территории Тюменской области // Великий подвиг народа. — Екатеринбург : Волот, 2001. — С. 56–64.
187. Миграция еврейского населения на Урал в годы тоталитаризма (1930–1950-е гг.) // Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук : Конкурс грантов 1997 г. : Сборник рефератов избранных работ. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2001. — С. 22–34 (в соавторстве с Т.В. Прощенко).
188. Неизвестный командующий // Урал индустриальный : Четвертая региональная научная конференция. — Екатеринбург : УГТУ, 2001. — С. 59–60.

189. Новые материалы о деятельности германской разведки на Урале в годы Великой Отечественной войны // Там же. — С. 64–66.

190. Кладбища военнопленных Второй мировой войны на Среднем Урале // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 1. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2001. — С. 81–85.

191. Кладбище иностранных военнопленных Второй мировой войны в г. Каменске-Уральском Свердловской области // Уральская провинция в системе регионального развития России : исторический и социокультурный опыт. — Екатеринбург : СВ-96. 2001. — С. 81–85.

192. Шпионы явились с повинной // Родина. — 2001. — № 11. — С. 86–87.

193. Военные преступники в Свердловской области в 1949–1956 гг. // Воен. ком. — Екатеринбург : ГУ, 2001. — С. 77–95.

194. Новые материалы о деятельности германской разведки на Урале в годы Великой Отечественной войны // Там же. — 0,6 п. л.

195. Германские воинские кладбища Второй мировой войны в Свердловской области: численность, дислокация и современное состояние // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.). — Екатеринбург : Волот, 2001. — С. 247–260.

196. Кладбища иностранных граждан на территории Северного округа // Уральский Север в панораме тысячелетий. — Североуральск : Север, 2001. — С. 39–44.

197. Шпионы явились с повинной // Областная газета. — 2001. — 6 ноября.

198. История экономики : Программа курса. — Екатеринбург : ГУ, 2001. — 18 с.

199. Благоустройство мест захоронений иностранных военнослужащих на территории г. Екатеринбурга // Екатеринбург: от завода крепости к евразийской столице. — Екатеринбург : Филантроп, 2002. — С. 182–183.

200. Посвоей и царской воле: Еврейская община на Урале // Родина. — 2002. — № 4–5. — С. 122–123 (в соавторстве с Т.В. Прошенюк).

201. Судьба депортированных в 1940–1941 годах высших государственных деятелей Эстонской Республики // Воен. ком. : ГУ. — Екатеринбург, 2002. — № 1 (3). — С. 46–51.

202. «Контрреволюционные повстанческие формирования» на УАЗе в годы Великой Отечественной войны // Четвертые Татищевские чтения. — Екатеринбург : Банк культурной информации. 2002. — С. 174–177 (в соавторстве с Ю.Ю. Пажит).

203. Репрессии против меннонитов в Свердловской области в послевоенные годы // Там же. — С. 177–180 (в соавторстве с Ю. А. Радостевой)

204. К вопросу о деятельности органов МГБ в первые послевоенные годы по выявлению бывших полицейских на территории Свердловской области // Россия и Советский Союз в локальных войнах и вооруженных конфликтах XX столетия. — Екатеринбург : ГУ, 2002. — С. 169–172.

205. Осужденные интернированные гражданские лица и военнопленные Второй мировой войны в Свердловской области в 1949–1956 гг. // Документ. Архив. История. Современность : Сборник научных трудов. Вып. 2. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2002. — С. 208–221.

206. Иностранные военнопленные // Екатеринбург : Энциклопедия. — Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 2002. — С. 244–245 (в соавторстве с Н. Н. Поповым и Н. В. Суржиковой).

207. Иностранные воинские захоронения // Там же. — С. 245–246.

208. Коц (Данин) Александр Яковлевич // Там же. — С. 303–304.

209. АлСиб и Средний Урал // АлСиб-60 — Трасса мужества: Международная научно-практическая конференция. — Иркутск, 2002. — С. 60–61.

210. Вермахт на Среднем Урале // Зона. — 2002. — № 5.

211. История экономики : Программа курса. — Екатеринбург : ГУ, 2002. — 30 с.

212. Голод на Среднем Урале в годы Великой Отечественной войны // Урал в военной истории России : традиции и современность : Материалы международной научной конференции. — Екатеринбург : ИИА УрО РАН, 2003. — С. 85–87.

213. Новые материалы о голоде на Среднем Урале в 1940-е гг. // Урал индустриальный : Бакунинские чтения : Пятая региональная научная конференция. — Екатеринбург : УГТУ, 2003. — С. 93–95.

214. Корейские студенты в г. Свердловске. 1946 г. // Там же. — С. 115.

215. Проявления антисемитизма в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны // Там же. — С. 117–119 (в соавторстве с Т. В. Прощенок).

216. На братских могилах // Уральский федеральный округ : Общественно-политический журнал. — Екатеринбург. — 2003. — № 5. — С. 43.

217. Екатерина Вторая и «экономический либерализм» // Бизнес. Менеджмент. Право : Ежеквартальный научно-практический экономико-правовой журнал. — Екатеринбург. — 2003. — № 3. — С. 110—112.

218. Исчезнувшее правительство. За что расстреляли эстонских министров // Родина. — 2003. — № 9. — С. 75.

219. Министр финансов Е. Ф. Канкрин и денежная реформа 1839—1843 гг. в Российской Империи. // Бизнес. Менеджмент. Право : Ежеквартальный научно-практический экономико-правовой журнал. — Екатеринбург. — 2003. — № 4. — С. 134—136.

220. Меннониты в Свердловской области в 1940—1950-е гг. // Документ. Архив. История. Современность : Сборник научных трудов. Вып. 3. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2003. — С. 168—175 (в соавторстве с Ю. А. Радостевой).

221. «Алсиб» и Средний Урал // Патриотическое воспитание как условие возрождения России. — Екатеринбург : ГУ, 2003. — С. 162—163.

222. Антисоветские листовки в Свердловске в годы Великой Отечественной войны // Воен. ком. — Екатеринбург : ГУ, 2003. — № 2 (4). — С. 141—148.

223. Репрессии против поляков и польских граждан на Среднем Урале в 1920—1940-е гг. (состояние источниковой базы) // Отечественные органы государственной безопасности в XX в.: Материалы исторических чтений. — Екатеринбург, 2003. — С. 23—25.

224. Приписаны к Уральской земле // Компаньон. — 2003. — Октябрь. — С. 34—40. (Интервью).

225. Антисоветские листовки в г. Свердловске в годы Великой Отечественной войны // Урал индустриальный : Бакунинские чтения. Т. 1. — Екатеринбург : АМБ, 2004. — С. 440—443.

226. Иностранные подданные в Крыму по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г. Россия — Крым — Балканы : Научные доклады. — Екатеринбург : Волот, 2004. — С. 356—357.

227. Репатрианты в Свердловской области в 1945—1947 гг. // Документ. Архив. История. Современность : Сборник научных трудов. Вып. 4. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2004. — С. 179—193 (в соавторстве с Е. В. Вертилецкой).

228. Развитие кредитной системы в Российской Империи // Бизнес. Менеджмент. Право : Ежеквартальный научно-практический экономико-правовой журнал. — Екатеринбург. — 2004. — № 4. — С. 21—26.

229. Источники по истории репрессий против поляков и польских граждан в 1930–1940-е гг. на Среднем Урале // Каторга и ссылка на севере России. Т. 1 : Польская ссылка. — Архангельск : ПГУ, 2004. — С. 283–285.

230. Деятельность органов Министерства государственной безопасности СССР на территории Свердловской области по выявлению бывших полицейских и немецких пособников // Научная конференция «Роль органов и войск государственной безопасности в достижении Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». — Екатеринбург : ИППКС ФСБ РФ, 2005. — С. 91–96.

231. Захоронения военнопленных в Челябинской области : численность, дислокация, проблема сохранности // Урал в 1941–1945 годах : экономика и культура военного времени : К 60-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне : Материалы регионального научного семинара. 10 апреля 2005 г. — Челябинск : ЧГУ, 2005. — С. 268–279.

232. Антисоветские листовки в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны // Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности : Четвертые уральские военно-исторические чтения, посвященные 60-летию Победы в Великой Отечественной войне : Материалы международной научной конференции. — Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2005. — С. 170–174.

233. Документы архива Управления ФСБ РФ по Свердловской области о голоде в годы Великой Отечественной войны // Документ. Архив. История. Современность : Сборник научных трудов. Вып. 5. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2005. — С. 414–422.

234. Авиаперегоночная трасса Аляска — Сибирь и Средний Урал // Война и российское общество: 1914–1945 годы : Пятые уральские военно-исторические чтения, посвященные 80-летию профессора И. Ф. Плотникова. Екатеринбург, 22 сентября 2005 г. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2005. — С. 123–125.

235. Христианские конфессии и секты на Среднем Урале в 1950-е г. (по материалам архива УФСБ РФ по Свердловской области) // Урал индустриальный : Бакунинские чтения. Т. 1. — Екатеринбург : Изд-во УГТУ — УПИ, 2005. — С. 423–427.

236. Освоение уральской целины // Бизнес. Менеджмент. Право : Ежеквартальный научно-практический экономико-правовой журнал. — Екатеринбург. — 2005. — № 3. — С. 125–127.

237. Verurteilte internirte Zivilisten und Kriegsgefangene des Zweiten Weltkrieges im Gebiet Sverdlovsk 1949 bis 1956 // *Kriegsgefangene des Zweiten Weltkrieges. Gefangennahme — Lagerleben* — Ruckkenr. Oldenburg. — 2005. — S. 184—198.

238. Выявление на Среднем Урале бывших полицаяв и немецких пособников в первые послевоенные годы // *Велика Вітчизняна війна 1941—1945 років.: сучасні проблеми історичної освіти і науки : Матеріали міжнародної науково-теоретичної конференції.* — Дніпропетровськ: Пороги, 2005. — С. 267—274.

239. Экономическая история : Программа курса. — Екатеринбург : ГУ, 2005. — 32 с.

240. Иностранные граждане в Северо-Западной Сибири по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г. // *Великий подвиг народа : Третьи военно-исторические чтения, посвященные 60-летию Победы в Великой Отечественной войне.* — Ханты-Мансийск : Волот, 2005. — С. 305—307.

241. Сельскохозяйственное переселение на Урал в 1940—1950-е годы // *Этнодемографические процессы на Севере Евразии : Сборник научных трудов. Вып. 2.* — Сыктывкар : Изд-во УрО РАН, 2005. — С. 98—104.

242. Кто жертва, а кто палач // *Областная газ.* — 2006. — 18 февр. (Интервью.)

243. Развитие сельского хозяйства на Урале в послевоенные годы // *Проблемы экономической истории Урала : Профессорский сборник : К 60-летию рождения Б.В. Личмана.* — Екатеринбург : Изд-во УГТУ—УПИ, 2006. — С. 212—239.

244. Кладбища военнопленных Второй мировой войны в Курганской области // *Емельяновские чтения : Материалы первой межрегиональной научно-практической конференции.* Курган, 19—20 апреля 2006 г. — Курган : КГУ, 2006. — С. 126—129.

245. «Союз Свободных Республик» // *Шестые Татищевские чтения : Тезисы докладов и сообщений.* — Екатеринбург : ИИА УрО РАН, 2006. — С. 312—315.

246. Рецензия: Смыкалин А.С. Русское законодательство конца XVI — начала XVII века : Судебник 1589 года : Судебник 1606—1607 годов : Учеб. пособие. — Екатеринбург : УрГЮА, 2005. — 155 с. // *История государства и права.* — 2006. — № 5. — С. 38.

247. Иностранные граждане немецкой национальности в Сибири (по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г.) // *Немцы Сибири : история и культура : Материалы V Междуна-*

родной научно-практической конференции. Омск, 16–18 мая 2006 г. — Омск. — С. 27–28 (в соавторстве с А.С. Смыкалиным).

248. Рецензия : Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал XVII–XX вв. : Избр. труды. — Екатеринбург : ИИА УрО РАН, 2005. — 615 с. // Отечественная история. — 2006. — № 3. — С. 194–195 (в соавторстве с В.Б. Берсеновым и В.В. Запарием).

249. Состояние захоронений военнопленных Второй мировой войны в Свердловской области : Интервью радио «Свобода» 14 августа 2006 г. // <http://www.svobodanews.ru/article.asp>. — С. 1–14.

250. Выявление в Свердловской области бывших полицейских и немецких пособников в первые послевоенные годы // Актуальные проблемы правовой науки : Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. — Архангельск : ПГУ, 2006. — С. 56–60.

251. Антисоветские листовки в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 6. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2006. — С. 414–434.

252. Украинское население Урала // Український вимір. Збірник матеріалів з України та діаспори. Випуск п'ятий. — Ніжин : НДУ, 2006. — С. 22.

253. Филтрация репатриантов в Свердловской области в 1945–1947 гг. // История пенитенциарной системы России в XX веке : Сборник материалов международного научного семинара. — Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2007. — С. 242–255 (в соавторстве с Е.В. Вертилецкой).

254. Германские воинские кладбища в Тюмени // Урал индустриальный : Бакунинские чтения : Материалы VIII Всероссийской конференции. Т. 2. — Екатеринбург : АМБ, 2007. — С. 176–180.

255. Население Курганского района Челябинской области накануне Великой Отечественной войны // Емельяновские чтения : Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Курган, 2007. — С. 155.

256. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны // Новая земля. — Газета УрГСХА. — 2007. — № 5. — С. 3–4.

Научное редактирование

257. Совхозы Урала в период социализма, 1938—1985 гг. : Сборник научных трудов. Свердловск, УНЦ АН СССР, 1986. — Член редколлегии.

258. Урал и проблемы региональной историографии. Советский период. Свердловск, УНЦ АН СССР, 1986. — Член редколлегии.

259. Трудовые ресурсы уральской советской деревни : Сборник научных трудов. Свердловск, УНЦ АН СССР, 1987. — Член редколлегии.

260. Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни. Свердловск, УНЦ АН СССР, 1988. — Член редколлегии.

261. Развитие культуры уральской советской деревни. Свердловск, УНЦ АН СССР, 1989. — Член редколлегии.

262. Социальная активность тружеников уральской советской деревни. Свердловск, УрО АН СССР, 1990. — Член редколлегии.

263. Память. Российская Федерация. Свердловская область. Т. 1. — Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1994. — 312 с. — Член редколлегии.

264. Память. Российская Федерация. Свердловская область. Т. 2. — Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1994. — 334 с. — Член редколлегии.

265. Память. Российская Федерация. Свердловская область. Т. 3. — Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1994. — 528 с. — Член редколлегии.

266. Память. Российская Федерация. Свердловская область. Т. 4. — Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1994. — 496 с. — Член редколлегии.

267. Память. Российская Федерация. Свердловская область. Т. 5. — Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1994. — 400 с. — Член редколлегии.

268. Память. Российская Федерация. Свердловская область. Т. 6. — Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1994. — 512 с. — Член редколлегии.

269. Память. Российская Федерация. Свердловская область. Т. 7. — Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1994. — 432 с. — Член редколлегии.

270. Память. Российская Федерация. Свердловская область. Т. 8. — Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1995. — 528 с. — Член редколлегии.

271. 50 лет Победы в Великой Отечественной войне : Материалы научной конференции. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1995. — Член редколлегии.

272. Вестник Гуманитарного университета : Научный альманах : Серия «Экономика». № 1. — Екатеринбург : ГУ, 1997. — Член редколлегии.

273. Урал индустриальный // Вторая региональная научная конференция. — Екатеринбург : Изд-во УГТУ, 1998. — Член редколлегии.

274. Этнокультурная история Урала XVI—XX вв. : Материалы международной научной конференции. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1999. — Член редколлегии.

275. Урал индустриальный // Третья региональная научная конференция. — Екатеринбург : Изд-во УГТУ, 1999. — Член редколлегии.

276. Когда стою у вечного огня... Памятники и памятные места Свердловской области. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2000. — 160 с. — Член редколлегии.

277. Вестник Гуманитарного университета // Научный альманах : Серия «Экономика». № 2. — Екатеринбург : ГУ, 2000. — Член редколлегии.

278. Урал индустриальный // Четвертая региональная научная конференция. — Екатеринбург : УГТУ, 2001. — Член редколлегии.

279. Вестник Гуманитарного университета // Научный альманах : Серия «Экономика». № 3. — Екатеринбург : ГУ, 2001. — Член редколлегии.

280. Мамяченков В.Н. Роковые годы. Материальное положение колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946—1960). — Екатеринбург : ГУ, 2002. — 310 с. — Научный редактор.

281. Урал индустриальный // Пятая региональная научная конференция. Бакунинские чтения. — Екатеринбург : УГТУ, 2003. — Член редколлегии.

282. Вестник Гуманитарного университета // Научный альманах : Серия «Экономика». — Екатеринбург : ГУ, 2003. — № 4. — Член редколлегии.

283. Вестник Гуманитарного университета // Научный альманах : Серия «Экономика». — Екатеринбург : ГУ, 2004. — № 5. — Член редколлегии.
284. Российский юридический журнал. — Екатеринбург. — УрГЮА. — 2004. — № 1-4. — Член редколлегии.
285. Гаврилов Д.В. «Новое направление» в исторической науке и его поклонники. — Екатеринбург : ИиА УрО РАН, 2005. — 92 с. — Ответственный редактор.
286. Российский юридический журнал. — Екатеринбург. — УрГЮА. — 2005. — № 1-4. — Член редколлегии.
287. Российский юридический журнал. — Екатеринбург.
288. Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности // Четвертые уральские военно-исторические чтения, посвященные 60-летию Победы в Великой Отечественной войне : Материалы международной научной конференции. — Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 2005. — 400 с. — Член редколлегии.
289. Урал индустриальный // Бакунинские чтения. Т. 1. — Екатеринбург : Изд-во УГТУ—УПИ, 2005. — Член редколлегии.
290. Урал индустриальный // Бакунинские чтения. Т. 2. — Екатеринбург : Изд-во УГТУ—УПИ, 2005. — Член редколлегии.
291. Мамяченков В.Н. Доходы и потребление крестьянства Свердловской области в 1950-е гг. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2005. — 132 с. — Научный редактор.
292. Проблемы экономической истории Урала : Профессорский сборник : К 60-летию рождения Б.В. Личмана. — Екатеринбург : УГТУ—УПИ, 2006. — 388 с. — Член редколлегии.
293. Российский юридический журнал. — Екатеринбург. — УрГЮА. 2006. — № 1-4. — Член редколлегии.
294. Российский юридический журнал. — Екатеринбург. — УрГЮА. 2007. — № 1-5. — Член редколлегии.

*Список научных конференций,
в работе которых принимал участие
профессор В.П. Мотревич*

1981

1. Рабочий класс и индустриальное развитие Урала. Региональная научная конференция. Свердловск, ИЭ УНЦ АН СССР, 3—5 февраля.

1983

2. Деятельность КПСС по созданию материально-технической базы коммунизма в СССР. Всесоюзная научная конференция. Свердловск, ИЭ УНЦ АН СССР, 25—27 мая.

1985

3. Сибирь в Великой Отечественной войне. Всесоюзная научная конференция. Новосибирск, ИИФиФ СО АН СССР, 5—6 марта.

4. Урал в период Великой Отечественной войны. Региональная научная конференция. Свердловск, ИЭ УНЦ АН СССР, 15—16 апреля.

5. Республиканский семинар председателей и актива комиссий республиканских, краевых, областных организаций общества «Знание» РСФСР. Нальчик, 19—22 ноября.

1986

6. Урал и проблемы региональной историографии. Региональная научная конференция. Свердловск, УрГУ, 24—25 сентября.

1987

7. «Октябрь на Урале: история и современность». Региональная научная конференция. Свердловск, ИЭ УрО АН СССР, 22—24 сентября.

8. Великий Октябрь и социалистическое строительство на Урале и в Сибири в переходный период (проблемы историографии и источниковедения). Региональная научная конференция. Тюмень, ТГУ, 1—2 декабря.

1988

9. Экономические методы решения проблем продовольственной программы. Областная научно-практическая конференция. Свердловск, ИЭ УрО АН СССР, 25 апреля.

10. Историография и источники изучения исторического опыта изучения Сибири. Всесоюзная научная конференция. Новосибирск, ИИФиФ СО АН СССР, 15–17 ноября.

1989

11. Октябрьская революция и осуществление ленинской национальной политики в Поволжье и Приуралье. Региональная научная конференция. Уфа, БГУ, 2–3 марта.

12. Заселение и хозяйственное освоение Урала. Региональная научная конференция молодых ученых. Свердловск, ИИиА УрО АН СССР, 26–27 апреля.

13. Молодежь и актуальные проблемы исторической науки. Республиканская научная конференция. Черновцы, ИИУ АН УССР, 7–9 июня.

14. Научно-технический и социальный прогресс: исторический опыт и современность. Республиканская научная конференция. Свердловск, ИИиА УрО АН СССР, 26–28 сентября.

15. Взаимосвязь города и деревни в их историческом развитии. XXII сессия Всесоюзного аграрного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Минск, ИИ СССР АН СССР, 11–14 октября.

16. IV Республіканська наукова конференція з історичного краєзнавства. Миколаїв, ИИУ АН УССР, 17–19 жовтня.

17. Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Всесоюзная научная конференция. Новосибирск, ИИФиФ СО АН СССР, 12–14 декабря.

1990

18. В. И. Ленин и опыт революционно- преобразующей деятельности уральских организаций КПСС. Региональная научная конференция. Свердловск, ВПШ, 9–11 апреля

19. Возникновение Второй мировой войны и антифашистская борьба в Европе. Первый международный коллоквиум. Свердловск, УрГУ, 12–14 апреля.

20. Урал в годы Великой Отечественной войны. Областная научная конференция. Свердловск, ИИиА УрО АН СССР, 19 апреля.

21. Партийное руководство народным хозяйством в годы Великой Отечественной войны. Республиканская научная конференция. Петрозаводск, ПГУ, 24–25 мая.

22. Девятые Бирюковские чтения. Научно-практическая конференция. Челябинск, ЧГУ, 30–31 мая.

23. Урал в период Великой Отечественной войны. Региональная научная конференция. Уфа, БГУ, 5–6 июня.

24. Перестройка аграрного производства в СССР: проблемы и перспективы. Международная конференция ученых-аграрников. Москва, ИИ СССР АН СССР, 18–22 июня.

25. Методология, историография и источники изучения исторического опыта регионального развития. Всесоюзная научная конференция. Свердловск, ИИиА УрО АН СССР, 23–25 октября.

26. Творчество и право. Научно-практическая конференция. Тюмень, ТГУ, 14–15 ноября.

1991

27. Социально-экономические и политические проблемы истории крестьянства Северо-Запада РСФСР. Региональная научная конференция. Новгород, НГПИ, 23–24 марта.

28. Советское общество: прошлое, настоящее, будущее. Республиканская научная конференция. Челябинск, ЧГПИ, 12–13 апреля.

29. История Советской России: новые идеи, суждения. Республиканская научная конференция. Тюмень, ТГУ, 11–12 мая.

30. VII Всесоюзная конференция по исторической демографии. Донецк, ДГУ, 14–16 мая.

31. Демографические процессы на Урале, в Средней Азии, Сибири и в Казахстане. Республиканская научная конференция. Целиноград, ИИАиЭ АН КазССР, 9–10 июля.

32. Аграрный рынок в его историческом развитии. XXIII сессия Всесоюзного аграрного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Свердловск, ИИиА УрО АН СССР, 23–25 сентября.

33. Розвиток історичного краєзнавства в контексті національного і культурного відродження України. V Всеукраїнська конференція. Кам'янець-Подільський, ІІІУ АН УССР, 28–31 жовтня.

1992

34. Историческая демография: новые подходы, методы, источники. VIII Российская конференция по исторической демографии. Екатеринбург, ИРИ РАН, 13–14 мая.

35. Распад фашистского блока и проблемы послевоенного устройства. Международная научная конференция. Екатеринбург, УрГУ, 10–14 июня.

36. Социально-политические проблемы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Региональная научная конференция. Кострома, КТИ, 15–17 сентября.

37. Проблемы и тенденции развития Верхнекамского региона: история, культура, экономика. Региональная научно-практическая конференция. Березники, ПГУ, 15–17 октября.

38. Воинские захоронения Второй мировой войны: современное состояние, проблемы восстановления и сохранности. Международный семинар. Берлин, 16–21 ноября.

1993

39. Демократия и тоталитаризм: европейский опыт XX века. Научный семинар. Екатеринбург, УрГУ, 28–29 января.

40. История репрессивной политики на Европейском Севере России в 1930–50-е годы XX в. Региональная научная конференция. Сыктывкар, СГУ, 8–11 ноября.

1994

41. Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Москва, ИРИ РАН, 27–30 сентября.

42. Воинские захоронения Второй мировой войны: современное состояние, проблемы восстановления и сохранности. Международный семинар. Берлин, 13–18 ноября.

1995

43. 50 лет Победы в Великой Отечественной войне. Региональная научная конференция. Екатеринбург, УрГУ, 12–13 апреля.

44. Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Региональная научно-практическая конференция. Екатеринбург. ИИиА УрО РАН, 20–21 апреля.

45. 50 лет Победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне. Международная научная конференция. Новосибирск, ИИФиФ СО РАН, 26–27 апреля.

46. Великий подвиг народа. Исторические чтения, посвященные 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Сургут, УрГУ, 5–6 мая.

47. Всемирная конференция, посвященная 50-летию ЮНЕСКО. Екатеринбург, УрГУ, 11–15 декабря.

1996

48. Двенадцатые Бирюковские чтения. Региональная научно-практическая конференция. Челябинск, ЧГУ 14 мая.

49. Ценности и идеология в современной России. Межвузовская научно-практическая конференция. Екатеринбург, УГТУ-УПИ 6–7 июня.

50. Урал индустриальный // Региональная научная конференция. Екатеринбург, 17 октября.

51. Урал: территория жизни. Региональная научно-практическая конференция. Екатеринбург, УрГУ, 29–31 октября.

52. Первые уральские военно-исторические чтения. Региональная научная конференция. Екатеринбург, УрГУ 14 ноября.

1997

53. История репрессий на Урале: идеология, политика, практика. Региональная научная конференция. Нижний Тагил, май.

54. Проблемы военного плена: история и современность. Международная научно-практическая конференция. Вологда, 23–25 октября.

55. Урал индустриальный. Вторая региональная научная конференция Екатеринбург, УГТУ-УПИ 17 декабря.

1998

56. Урал в прошлом и настоящем. Региональная научная конференция Екатеринбург, ИИиА УрО РАН, 24–25 февраля.

57. Екатеринбург — вчера, сегодня, завтра. Региональная научная конференция. Екатеринбург, УрГУ 21–22 апреля.

1999

58. Урал индустриальный. Третья региональная научная конференция. Екатеринбург, май.

59. Германия — Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия, XVI–XX вв. Международная научная конференция. Екатеринбург, УрГУ 3–6 сентября.

60. Этнокультурная история Урала XVI–XX вв. Международная научная конференция. Екатеринбург. УрГУ, 29 ноября — 2 декабря.

61. Вторые уральские военно-исторические чтения. Региональная научная конференция. Екатеринбург, УрГУ 26 ноября.

2000

62. Научно-практическая конференция, посвященная 30-летию историко-архивной специальности в УрГУ. Екатеринбург, УрГУ, 20–22 апреля.

63. Урал в стратегии Второй мировой войны. Всероссийская научная конференция. ИИиА УрО РАН. Каменск-Уральский, 27–28 апреля.

64. Великий подвиг народа. Вторые исторические чтения. Ханты-Мансийск, УрГУ 4–5 мая.

65. Проблемы создания единого электронного банка данных жертв политических репрессий в пределах СССР. Международная научно-практическая конференция. Нижний Тагил, НТПИ, 18–21 мая.

66. Урал индустриальный. Четвертая региональная научная конференция. Екатеринбург, УГТУ-УПИ 15 ноября.

67. Урал на пороге третьего тысячелетия. Всероссийская научная конференция. Екатеринбург, ИИиА УрО РАН 14–15 декабря.

2001

68. Уральский Север в панораме тысячелетий. Городская историко-краеведческая конференция. Североуральск, 25 апреля.

69. Уральская провинция в системе регионального развития России : исторический и социокультурный опыт. Всероссийская научная конференция, посвященная 300-летию г. Каменск-Уральский. Каменск-Уральский, 12–13 октября.

2002

70. Россия и Советский Союз в локальных войнах и вооруженных конфликтах XX столетия. Региональная научная конференция. Екатеринбург, ГУ, 13–14 апреля.

71. Четвертые Татищевские чтения. Екатеринбург, ИИиА УрО РАН, 18–19 апреля.

72. Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице. Всероссийская научно-практическая конференция. Екатеринбург, ИИиА УРО РАН 23–24 мая.

73. Алсиб–60. Трасса мужества. Международная научно-практическая конференция. Иркутск, ИГТУ, 2–4 ноября.

74. Военные реформы в России: необходимость, цели, возможности. Региональная научная конференция. Екатеринбург, ГУ, 23–34 ноября.

75. Отечественные органы безопасности на Урале в XX в. Исторические чтения. Екатеринбург, ИППКС ФСБ РФ, 6 декабря.

2003

76. Урал в военной истории России: традиции и современность. Международная научная конференция. Екатеринбург, ИИиА УрО РАН, 2003, 27–28 февраля.

77. Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Пятая региональная научная конференция. Екатеринбург, УГТУ, 15 декабря.

78. Патриотическое воспитание как условие возрождения России. Региональная научная конференция. Екатеринбург, ГУ, 21 мая.

2004

79. Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Шестая Всероссийская научная конференция. Екатеринбург, УГТУ–УПИ, 7 апреля.

80. Проблемы диалога культур на исторической оси Россия — Крым — Балканы. Международная научная конференция. Севастополь, УрГУ, 6–10 сентября

2005

81. Роль органов и войск государственной безопасности в достижении Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Региональная научная конференция. Екатеринбург, ИППКС ФСБ РФ, 25–26 февраля.

82. Урал в 1941–1945 годах: экономика и культура военного времени. К 60-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне. Региональный научный семинар. Челябинск, ЧГУ, 10 апреля.

83. Великий подвиг народа. Третьи военно-исторические чтения, посвященные 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Ханты-Мансийск, УрГУ 5–6 мая.

84. Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности. Четвертые уральские военно-исторические чтения, посвященные 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Международная научная конференция. Екатеринбург, ИИиА УрО РАН, 14–15 апреля.

85. Велика Вітчизняна війна 1941–1945 рр.: сучасні проблеми історичної освіти і науки. Міжнародна науково-теоретична конференція Дніпропетровськ, ДНУ, 12–13 травня.

86. Война и российское общество. Пятое уральские военно-исторические чтения, посвященные 80-летию профессора И.Ф. Плотникова. Региональная научная конференция. Екатеринбург, УрГУ, 22 сентября.

87. Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Седьмая Всероссийская научная конференция. Екатеринбург, УГТУ–УПИ, 1 ноября.

88. Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.). Всероссийская конференция по исторической демографии. Сыктывкар, Коми НЦ УрО РАН, 28–30 сентября.

2006

89. Емельяновские чтения. Первая межрегиональная научно-практическая конференция. Курган, КГУ, 19–20 апреля.

90. Шестые Татищевские чтения. Международная научная конференция. Екатеринбург, ИиА УрО РАН, 20–21 апреля.

91. Немцы Сибири: история и культура. V Международная научно-практическая конференция. Омск, ОГУ 16–18 мая 2006 г.

92. Українська діаспора: історичні пошуки, еміграційні явища, культурно-мистецькі набутки, функціонування наукових установ. Міжнародна наукова конференція. Ніжин, НГУ, 21–24 червня.

93. Государство и общество: правовые проблемы взаимодействия. Международная научно-практическая конференция. Туапсе, ТГУ, 18–19 сентября

94. Наддніпрянська Україна в контексті історичного розвитку Центрально-Східної Європи. Міжнародна наукова конференція. Дніпропетровськ, ДНУ, 24–25 жовтня 2007.

2007

95. Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Восьмая Всероссийская научная конференция. Екатеринбург, УГТУ–УПИ, 27–28 апреля.

96. Вторые Емельяновские чтения. Всероссийская научно-практическая конференция. Курган, КГУ, 10–12 мая.

97. Українська діаспора: історичні пошуки, еміграційні явища, культурно-мистецькі набутки, функціонування наукових

установ. III Міжнародна наукова конференція. Ніжин, НДУ, 30—31 травня.

98. Этнодемографические процессы в странах и регионах Евразии: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития. Всероссийская научная конференция по исторической демографии. Сыктывкар, Коми НЦ УрО РАН 28—30 августа.

99. Staat und Gesellschaft unter den Bedingungen der Diktatur⁶⁶ Historische Erfahrungen in der Sowjetunion und der DDR. Arhangel'sk, Deutsche Historische Institut Moskau, 11—15 September (пленарный доклад)

100. Гуржівські історичні читання. Міжнародна науково — практична конференція. Черкаси, ЧНУ, 20 — 21 сентября

101. Приоритетные направления развития правового государства. Международная научно — практическая конференция. Барнаул, Алтайская академия экономики и права, 28 — 29 сентября (пленарный доклад)

102. Силловые структуры и политическая власть: история, современность и перспективы взаимоотношений. региональная научная конференция. Екатеринбург, ГУ, 14 октября

103. Немцы России: исторический опыт и современные проблемы саморганизации. Международная научно—практическая конференция. Москва, Международный центр немецкой культуры, 30 — 31 октября (пленарный доклад)

104. Международная научно — практическая конференция, посвященная 70 — летию академика З. Алдамжар. Костанай, Костанай эллеуметтік — техникалык университеті, 3 — 5 декабря (пленарный доклад)

105. 1937 год: память и уроки. Межрегиональная научно — практическая конференция. Тюмень, 14 — 15 декабря

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ А.Н. Сёмин	3
------------------------------	---

В.П. Мотревич — исследователь социально-экономической истории Урала XX в. В.В. Запарий, А.С. Смыкалин	5
---	---

I. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

12

Общественно-политическая жизнь уральской советской деревни в современной исторической литературе	12
Новая советская литература о совхозах Урала в условиях социализма	24
Совхозы Урала на этапе развитого социализма	34
Совхозное строительство на Урале в переходный период (историография проблемы)	37
Проблемы материального благосостояния сельских тружеников Урала в новейшей литературе	39
Неопубликованные материалы Госкомстата СССР как источник по истории совхозов в 1940—50-е гг.	49
Новые материалы по истории сельского хозяйства и советского крестьянства	50
Новые материалы по истории военнопленных Второй мировой войны ..	51
Репрессии против поляков и польских граждан на Среднем Урале в 1930—1940-е гг. (состояние источниковой базы)	53
Архивные материалы о захоронениях иностранных военнопленных Второй мировой войны на Урале	56

II. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО УРАЛА

63

Машинно-тракторные станции Среднего Урала в период Великой Отечественной войны	63
Трудовая активность колхозного крестьянства Урала в период Великой Отечественной войны	66
Совхозы Урала в период Великой Отечественной войны	75
Заготовки сельскохозяйственной продукции в колхозах Урала в период Великой Отечественной войны	78
Источники пополнения совхозных кадров на Среднем Урале на современном этапе	101
Хлебозаготовки на Урале в годы Великой Отечественной войны	106
Динамика и структура неделимых фондов колхозов в период Великой Отечественной войны	111
Роль правовых стимулов в сельском хозяйстве в условиях Великой Отечественной войны	114
Динамика численности аграрных рабочих на Урале в 1940—1950-е гг.	116
Сельскохозяйственное освоение Урала: основные направления исторического исследования	121
Динамика и структура валовой продукции сельского хозяйства Урала в 1941—1945	123
Динамика зернового производства на Урале в послевоенные годы (1946—1965 гг.)	125

Освоение уральской целины.....	125
Аграрная политика сталинского режима в 1940-е г.г.....	134
Развитие сельского хозяйства на Урале в 1940-е гг.....	145
Валовая продукция сельского хозяйства СССР в годы Великой Отечественной войны (региональный аспект).....	182
Электрификация сельского хозяйства Урала в 1940—1950-е гг.....	184
Хлебный фонд РККА.....	187
Совхозы.....	187
Землевладение и землепользование.....	189
Зерновое хозяйство.....	192
Машинно-тракторные станции (МТС).....	195
Трудодень.....	196
Развитие сельского хозяйства на Урале в послевоенные годы.....	198
Состояние животноводства на Урале в 1940-е г.г. (методы анализа и результаты развития).....	222

III. НАСЕЛЕНИЕ УРАЛА.....238

Национальный состав сельского населения Урала накануне Великой Отечественной войны.....	238
Иностранные граждане еврейской национальности в СССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1937 г.).....	245
Эвакуация в 1941—1942 г.г.....	247
Магросов Александр Матвеевич	248
По своей и царской воле. Еврейская община на Урале.....	248
Коп (Данин) Аркадий Яковлевич	260
Корейские студенты в г. Свердловске. год 1946.....	260
Проявления антисемитизма в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны.....	261
Христианские конфессии и секты на Среднем Урале в 1950-е г. (по данным Архива УФСБ РФ по Свердловской области).....	265
Сельскохозяйственное переселение на Урал в 1940—1950-е г.г.....	271
Украинское население Урала.....	278

IV. РЕПРЕССИИ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ НКВД — МГБ281

Спецпереселенцы 40-х. (Хроника «Великого переселения»).....	281
Спецпереселенцы 40-х. Спецпереселенцы из Западной Украины в восточных районах СССР в первые послевоенные годы.....	283
Немецкая трудовая армия в Пермской области	284
Исправительно-трудовые учреждения.....	285
Рабочие колонны.....	290
Неизвестный командующий.....	291
«Контрреволюционные повстанческие формирования» на УАЗа в годы Великой Отечественной войны.....	293
Новые материалы о деятельности германской разведки на Урале в годы Великой Отечественной войны	296
Исчезнувшее правительство. За что расстреляли эстонских министров.....	300
Меннониты в Свердловской области в 1940—1950-е гг.....	303

Выявление на Среднем Урале бывших полицаев и немецких пособников в первые послевоенные годы.....	313
«Союз Свободных Республик».....	319
Антисоветские листовки в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны.....	322

V. ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ИНТЕРНИРОВАННЫЕ327

О результатах эксгумации останков японских военнослужащих на кладбище военнопленных спецгоспиталя № 2929 МВД СССР в г. Нижний Тагил Свердловской области.....	327
Военнопленные немецкие генералы на Урале в конце 1940-х — начале 50-х г.г.....	330
Немецкие воинские кладбища в Екатеринбурге	332
Эксгумация останков японских военнопленных в Оренбургской области.....	335
Интернирование.....	338
Эксгумация останков венгерских военнопленных в Новолялинском районе Свердловской области.....	339
Захоронение иностранных военнопленных Второй мировой войны на территории Тюменской области.....	342
Кладбище военнопленных Второй мировой войны в г. Каменск-Уральский Свердловской области.....	344
Военные преступники в Свердловской области в 1949–1956 г.г.....	346
Кладбища военнопленных Второй мировой войны в Челябинской области.....	362
Кто жертва, а кто палач (интервью).....	365
Кладбища военнопленных Второй мировой войны в Курганской области.....	369
Состояние захоронений военнопленных Второй мировой войны в Свердловской области (интервью).....	370

VI. УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ.....381

Материальное положение колхозного крестьянства Среднего Урала в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 г.г.....	381
Личное подсобное хозяйство колхозников Среднего Урала в 1946–1958 г.г. (по материалам бюджетных обследований).....	396
Деятельность профсоюзов по улучшению культурно-бытовых условий работников совхозов Урала в послевоенные годы	407
Приусадебное хозяйство колхозников Среднего Урала в 1940-е г.г.....	417
Размещение эвакуированных граждан в Свердловской области в начальный период Великой Отечественной войны.....	419
Материально-бытовое положение спецпоселенцев и военнопленных на Урале в 1940-е г.г.....	422
Вещевое снабжение военнопленных в лагерях Свердловской области	426
Документы Архива Управления ФСБ по Свердловской области о голоде в годы Великой Отечественной войны	429

VII. РАЗНОЕ	431
Иностранные и национальные части.....	431
«АлСиб» и Средний Урал.....	432
Екатерина Вторая и «экономический либерализм».....	433
Министр финансов Е. Ф. Канкрин и денежная реформа 1839—1843 гг. в Российской Империи.....	438
Иностранные подданные в Крыму по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1937г.....	442
Развитие кредитной системы в Российской Империи.....	444
Рец.: Мотревич В. П. — Смыкалин А.С. Русское законодательство конца XVI — начала XVII века. Судебник 1589 года. Судебник 1606—1607 годов: Учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2005. — 155 с.....	451
Иностранные граждане в Северо-Западной Сибири по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1937г.....	452
Библиографический указатель трудов профессора В.П. Мотревича.....	456
Статьи и выступления.....	458
Научное редактирование.....	476
Список научных конференций, в работе которых принимал участие профессор В.П. Мотревич.....	479

Владимир Павлович Мотревич

Вопросы социально-экономической истории Урала

Редактор Черняк Е.В.
Верстка Коковкина И.Е.
Дизайн Адыев Д. Г.

Подписано в печать 31.12.2007 г. Бумага офсетная. Формат 60 х 90 $\frac{1}{16}$.
Гарнитура NewtonС. Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,75 Уч.-изд.л. 3 3,5.
Тираж 200 экз. Зак.

Редакционно-издательский отдел УрГСХА
Отпечатано в ООО «ИРА-УТК»,
620075, г. Екатеринбург, ул. К.Либкнехта, 42